

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог
Том 12, выпуск 4, 2023

NAUCHNYI DIALOG
Volume 12, Issue 4, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 4, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
	Языкознание	
	Екатеринбург	Псков
	Елец	Санкт-Петербург
	Кемерово	Тамбов
	Краснодар	Тула
География авторов выпуска	Махачкала	Тюмень
	Москва	Уфа
	Нальчик	Челябинск
	Нижевартовск	Элиста
	Нижний Новгород	
Авторы, имеющие ученую степень	81 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 26.05.2023

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 4, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal's web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Казев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Беспалова Д. С., Грибачева Н. В., Суровцева С. И.</i> Когнитивные операции в процессе создания вторичного текста жанра фанфикшен	9
<i>Волкова Я. А., Корзин А. С., Урюпина А. Д.</i> Перевод модальных глаголов в медиатекстах : корпусно-ориентированный подход	27
<i>Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Природина У. П.</i> Семантико-прагматические характеристики аптечных эргонимов Швеции и Великобритании	49
<i>Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х., Аишхотова Ф. М.</i> Цветовое наименование <i>ицхъуэ</i> в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика	66
<i>Кожмякина В. А.</i> Особенности языковой ситуации многонациональной Гвианы	85
<i>Коломиец С. В., Шот Ю. С.</i> Валидный инструментарий оценки когнитивных функций и речевого статуса детей с различными патологиями	106
<i>Кондрашкина Е. А.</i> Формирование этнической идентичности народа мари в условиях отсутствия единого марийского литературного языка	130
<i>Магомедова П. А.</i> Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ)	150
<i>Никитина Т. Г., Розалёва Е. И., Тимофеева Ю. А.</i> Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомобразования	183

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Болтуц О. А.</i> Медиакоммуникационный потенциал путешественников по Черноморской губернии	203
<i>Гаврикова Э. О., Кайзер-Данилова Н. В.</i> Культурные стереотипы и их отражение в транснациональной рекламе	221
<i>Селеменова О. А.</i> Языковая суггестия в интернет-рекламе ледовых шоу по фигурному катанию	244
<i>Токарев Г. В.</i> Специфика бренда как лингвокультурной единицы (на примере текста тульской культуры)	261

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Горбовская С. Г.</i> Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери	280
<i>Ильченко Н. М., Маринина Ю. А.</i> «Влюбленный дьявол» Ж. Казота и «Стихийный дух» Э. Т. А. Гофмана : символическая и психологическая трактовка мотива искушения	298

Качоровская А. Е. Символика классической цветовой триады в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей»	313
Кричевский Г. А. Эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года : демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, или стилизация приключений в духе Анри де Ренья	330

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абазов А. Х., Бербекова М. Х., Дышеков М. В. Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX веков	352
Анисимов О. В. Генералы против карбонариев : взгляд графа Константина Бенкендорфа на революцию в Неаполе 1820 года	366
Беспалова К. А., Ившин В. С. Между дипломатией и интригами : неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах	381
Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев	402
Ганиев Р. Т., Хамзин И. Р. Тюрко-китайские отношения в Центральной и Восточной Азии в VI—VIII веках	418
Жиров Н. А., Ляпин Д. А. Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках	432
Лиджиева И. В. Учреждения мелкого кредита в обществах кочевников Ставропольской губернии XIX — начала XX веков	451
Суслова Л. Н., Аксенова В. А. Тобольск и Ирбитская ярмарка в XVIII веке	467
Тухватуллин Р. Р., Кудашев У. Н. Эфиопско-сомалийский конфликт 1977— 1978 годов : по данным Центрального разведывательного управления США	488
Цысь В. В., Цысь О. П. Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX— XX веков	509
АВТОРАМ	527
CONTENTS	533

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Андрей Сергеевич Корзин, ассистент (Москва)
Анна Дмитриевна Курилова, канд. филол. наук (Москва)
Анна Дмитриевна Урюпина, педагог-исследователь (Москва)
Валентина Алексеевна Кожемякина, канд. филол. наук (Москва)
Дарья Сергеевна Беспалова, канд. филол. наук (Челябинск)
Джулета Хабасовна Шугушева, канд. филол. наук (Нальчик)
Елена Алексеевна Кондрашкина, канд. филол. наук (Москва)
Елена Ивановна Рогалёва, д-р филол. наук (Псков)
Мадина Юрьевна Езаова, канд. филол. наук (Нальчик)
Наталья Валерьевна Грибачева, канд. филол. наук (Челябинск)
Патимат Ариповна Магомедова, д-р. филол. наук (Махачкала)
Светлана Вячеславовна Коломиец, канд. филол. наук (Кемерово)
Светлана Ивановна Суровцева, канд. филол. наук (Челябинск)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Псков)
Ульяна Петровна Природина, канд. филол. наук (Москва)
Фарида Муаедовна Ашхотова, исследователь (Нальчик)
Юлия Александровна Тимофеева, аспирант (Псков)
Юлия Викторовна Донскова, канд. филол. наук (Москва)
Юлия Сергеевна Шот, переводчик-исследователь (Кемерово)
Яна Александровна Волкова, д-р филол. наук (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Беспалова Д. С. Когнитивные операции в процессе создания вторичного текста жанра фанфикшен / Д. С. Беспалова, Н. В. Грибачева, С. И. Суrowцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-9-26.

Bespalova, D. S., Gribacheva, N. V., Surovtseva, S. I. (2023). Cognitive Operations in Process of Secondary Text Production in Fanfiction Genre. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-9-26. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-9-26

Когнитивные операции в процессе создания вторичного текста жанра фанфикшен

Беспалова Дарья Сергеевна *

orcid.org/0000-0001-8013-1091

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,

*** корреспондирующий автор**

bespalovads@cspu.ru

Грибачева Наталья Валерьевна

orcid.org/0000-0002-9605-7866

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
gribachevanv@cspu.ru

Суrowцева Светлана Ивановна

orcid.org/0000-0001-6277-3031

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
surovcevasi@cspu.ru

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический
университет
(Челябинск, Россия)

Cognitive Operations in Process of Secondary Text Production in Fanfiction Genre

Daria S. Bespalova *

orcid.org/0000-0001-8013-1091

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,

*** Corresponding author**

bespalovads@cspu.ru

Natalia V. Gribacheva

orcid.org/0000-0002-9605-7866

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
gribachevanv@cspu.ru

Svetlana I. Surovtseva

orcid.org/0000-0001-6277-3031

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
surovcevasi@cspu.ru

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia)

© Беспалова Д. С., Грибачева Н. В., Суrowцева С. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос восприятия текста на иностранном языке. Представлены и описаны когнитивные операции, применяемые реципиентами, не являющимися носителями языка, для построения текстовой проекции, а также способы их объективации во вторичных текстах жанра фанфикшен. Актуальность статьи обусловлена необходимостью исследования процессов рецепции и продукции связного текста как на родном, так и на иностранном языке, а также создания когнитивной модели процесса построения текстовой проекции. Особое внимание уделяется корреляциям стратегий и тактик формирования реципиентом проекции текста на иностранном языке с типами когнитивных операций, используемых для интерпретации нового знания (сохранение, моделирование, трансфигурация). Приводятся данные о реализации когнитивных операций на всех уровнях воспринимаемого текста (макро-, схематическом, стилистическом уровне). Выявлены и предложены определения для тактик, применяемых реципиентами (неносителями языка) в процессе создания собственных текстов на иностранном языке на различных уровнях (тактика сохранения сюжета, тактика имитации тропов, тактика трансплантации ключевых слов и т. д.). Результаты исследования могут быть применены как в области наук о языке (психолингвистика, языкознание), так и в области методики преподавания иностранных языков для поиска способов эффективного формирования умений чтения и письма у обучающихся языку.

Ключевые слова:

восприятие текста; текстовая проекция; когнитивные операции; стратегии и тактики текстового восприятия; вторичный текст (текст-продукт); жанр фанфикшен.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of text perception in a foreign language is considered. Cognitive operations to build a text projection used by recipients who are non-native speakers, as well as their ways to objectify the former in their own secondary texts of the fanfiction genre are presented and described. The article is relevant due to the need to research the processes of reception and production of a coherent text both in native and foreign languages, and to create a cognitive model of the text projection building process. Particular attention is paid to the correlations between the strategies and tactics of forming a projection of a text in a foreign language by the recipient with the types of cognitive operation used to interpret new knowledge (preservation, modeling, transfiguration). Data are given on the implementation of cognitive operations on all levels of the perceived text (macro-, schematic, stylistic level). Definitions are provided for the specific tactics used by recipients (non-native speakers) in the process of creating their own texts in a foreign language on various levels (plot preservation tactics, tropes imitation tactics, keyword transplantation tactics, etc.). The results of the study can be applied both in the field of language sciences (psycholinguistics, linguistics) and in the field of foreign language teaching methods to find ways to effectively develop reading and writing skills in language learners.

Key words:

text perception; text projection; cognitive operations; strategies and tactics of text perception; secondary text (text-product); fanfiction genre.

Когнитивные операции в процессе создания вторичного текста жанра фанфикшен

© Беспалова Д. С., Грибачева Н. В., Суровцева С. И., 2023

1. Введение = Introduction

Исследования в области восприятия связного текста, направленные на изучение когнитивных процессов, происходящих в сознании реципиента в момент контакта с текстом любой материальной представленности, приобретают в наши дни все большую актуальность. Во-первых, это связано с высокой степенью разнородности текстов, ежедневно попадающих в фокус нашего восприятия (печатные тексты, видео, аудио, мультимедиа, гипертексты и т. д.). Во-вторых, существование в подобном информационном потоке, без сомнения, оказывает влияние на когнитивный аспект нашего сознания, изменяя ход когнитивных операций и предпочитаемые реципиентом тактики и стратегии обработки информации. В-третьих, детальное изучение указанных когнитивных операций позволит определить тактики и приёмы, способствующие наиболее эффективной обработке текста сознанием. Полагаем, что результаты подобного исследования могут быть успешно применены в сфере обучения иностранному языку. Знания о стратегиях восприятия текста, предпочитаемых носителем языка, могут быть взяты за определённую «точку отсчёта», вокруг которой может быть построен процесс обучения и формирования умений и навыков восприятия текста изучающими иностранный язык. Наконец, активное развитие информационно-коммуникационных технологий (социальные сети, мессенджеры и т. д.) предоставляет всё большему количеству людей возможность реализовать себя в роли автора, создавая вокруг себя собственное гипертекстовое пространство. В этих условиях вопросам восприятия связного текста неразрывно сопутствуют вопросы продукции вторичных текстов.

Проблема восприятия текста изучающими иностранный язык носит комплексный характер и находится на стыке нескольких областей научного знания: психолингвистики, когнитивной лингвистики, текстологии, литературоведения, стилистики, методики преподавания иностранного языка. Данная статья направлена на построение когнитивной модели восприятия связного текста и создания на его основе вторичных текстов-продуктов изучающими иностранный язык и опирается на предложенные

нами в предыдущих публикациях стратегии и тактики, применяемые носителями языка при восприятии текстов различных видов материальной представленности [Уканакова, 2013].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили тексты-продукты жанра фанфикшен, созданные студентами Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, изучающими английский и французский языки, по результатам просмотра нескольких фильмов в оригинале (соответственно, на английском и французском языках). Тексты фанфикшен обладают признаками, позволяющими рассматривать их в качестве материальных объективаций текстовой проекции в сознании реципиентов. Подобные тексты созданы на основе оригинала (литературного или кинопроизведения), вторичны по природе (используют оригинальные идеи сюжета и образы персонажей). Авторы-фикрайтеры, как правило, являясь фанатами оригинального произведения, максимально мотивированы на сохранение связи собственного текста с первотекстом, на существование своего продукта в гипертекстовом пространстве последнего. В случае, когда восприятие текста-источника и создание текста-продукта происходит на изучаемом иностранном языке, процесс приобретает специфические черты. Цель статьи состоит в выявлении и детальном описании различий в когнитивных механизмах, стратегиях и тактиках восприятия связного текста на родном и изучаемом иностранном языке на материале вторичных текстов жанра фанфикшен.

Расположение обсуждаемой научной проблемы на стыке нескольких сфер позволяет проводить исследование с опорой на несколько подходов. С точки зрения психолингвистики, процесс восприятия текста приравнивается к процессу построения текстовой проекции в сознании реципиента, формирование и характер которой будет зависеть от множества факторов (предшествующего опыта реципиента, его «системы координат» и т. д.) [Залевская, 2018]. Идеальный и абстрактный характер текстовой проекции (существование лишь в сознании реципиента) исключает её прямое изучение. Тем не менее психолингвистический подход позволяет нам рассматривать вторичные тексты-фанфикшен как «зеркало», в значительной мере отражающее как читательские / зрительские проекции первотекста, так и личный опыт реципиентов (в том числе владение иностранным языком). В 1987 году Дж. Лакофф (вслед за Ж. Фоконье [Fausonnier, 1985]) рассматривал когнитивное моделирование в качестве инструмента исследования процессов восприятия [Lakoff, 1987]. Процесс познания / концептуализации исследуется как взаимодействие двух элементов: «ментальных пространств» (например, собственного понимания данной нам реальности,

опыта проживания реальных / вымышленных ситуаций (из фильмов, книг и т. д.), области общих понятий (математики, языка и т. д.)) и «когнитивных моделей, структурирующих данные ментальные пространства» [Ibid.]. Среди стратегий, с помощью которых когнитивные модели осуществляют обработку сознанием ментальных пространств, были предложены «устранение противоречий, увеличение общих базовых предпосылок смежных пространств и перевод элементов, находящихся на первом плане, на задний план в будущих пространствах и наоборот» [Ibid.]. Данный подход с точки зрения когнитивной лингвистики позволяет нам проводить сравнительный анализ процессов познания на иностранном языке и на родном языке (иностраный язык как своего рода отдельное «ментальное пространство» для неносителя, при вероятном совпадении прочего опыта жизненных ситуаций носителя и неносителя). Кроме того, становится возможным фокусировать внимание на когнитивной модели восприятия, к которой прибегают реципиенты текста для его обработки, и на стратегиях и тактиках, её составляющих (процессуальный аспект когнитивной модели Дж. Лакоффа). Результативный аспект данной модели будет объективирован в элементах текстов-продуктов жанра фанфикшен. Как и в предыдущих исследованиях [Gribacheva et al., 2018, 2019], мы предлагаем дифференцировать текстовые элементы с опорой на концепцию Т. А. ван Дейка и В. Кинча (макроэлементы, схематические и стилистические элементы) [Дейк ван и др., 1988]. Восприятие текстов на иностранном языке рассматривается в рамках методики преподавания иностранного языка с акцентом на вопросах эффективности применяемых обучающимся стратегий и тактик чтения традиционного печатного текста [Carrell, 1992], а также на типах чтения (поисковое, просмотровое, обзорное, чтение для удовольствия, чтение для критического анализа) [Клычникова, 1973; Фоломкина, 1991]. Процессы восприятия текстов рассматриваются в неразрывной связи с личностью реципиента и суммой его опыта, в том числе опытом чтения [Котлярова и др., 2017], они определены его мотивацией к чтению, наличием / отсутствием фоновых знаний, языковым уровнем, модусными структурами личности [Колмогорова и др., 2014, с. 23], читательским аттитудом и экстенсивностью чтения [Yamashita, 2004]. В контексте языкового обучения существуют исследования, в центре внимания которых находится восприятие различных типов текстов на иностранном языке (кроме печатной формы): телетекстов [Kitto, 1984], текстов на различных носителях информации и т. д. Подобные тексты, одновременно комбинирующие в себе несколько типов материального субстрата (комикс = визуальный образ + печатный текст; фильм = визуальные образы + звучащая речь + печатный текст + музыка и т. д.), называются мультимедиальными [Gribacheva et al., 2018].

Данная публикация направлена на исследование процесса построения зрительских проекций мультимедиаальных текстов на иностранном языке. Для исследования были выбраны два художественных фильма, тематика которых соответствовала программе обучения и уровню владения иностранным языком обучающимися: *Dead Poets' Society*, 1989 (Общество мертвых поэтов, 1989) и *Devil Wears Prada / Le Diable s'habille en Prada*, 2006 (Дьявол носит Prada, 2006). По результатам просмотра этих фильмов на изучаемом иностранном языке (английский или французский в соответствии с основной специальностью обучающихся) в рамках формирования навыков письменной речи студентам было дано задание написать собственные тексты в жанре фанфикшен, которые и послужили материалом для исследования в настоящей публикации. Всего было проанализировано 52 текста-продукта жанра фанфикшен (являющихся материальными реализациями, наиболее приближенными к проекции первотекста в сознании реципиентов) общим объёмом 54 952 знака. Был проведён сравнительный анализ полученных текстов с текстами-источниками на уровнях текста, предложенных Г. И. Климовской: макроэлементов (тема), схематическом (элементы сюжета и образы персонажей) и стилистическом уровнях (тропы и приёмы) [Климовская, 2009]. В частности, применялись следующие методы исследования: метод когнитивного моделирования, элементы количественного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, элементы стилистического, семантического и семиотического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Результаты сравнительного анализа вторичных текстов жанра фанфикшен, созданных студентами, с текстами-источниками на иностранном языке свидетельствуют о преобладании *когнитивной операции сохранения* (72 %) над операциями моделирования и трансформации на всех уровнях восприятия первотекста (23 %).

3.1. Когнитивная операция сохранения во вторичных текстах, созданных изучающими иностранный язык

На уровне макроэлементов текста реципиенты-фикрайтеры прибегали к тактикам сохранения системы персонажей и сохранения сюжета. Подавляющее большинство (97 %) проанализированных текстов определялось как фанфики «In-Character» («в образе»). В таких историях образы персонажей первотекста сохранены без изменений, они легко идентифицируемы по элементам внешности, вербальным и паравербальным характеристикам. Сохранение элементов внешности персонажей наблюдается во вторичных текстах, основанных на фильме *Devil Wears Prada / Le Diable s'habille en Prada* (Дьявол носит Prada, 2006). Персонаж Миранды Пристли,

редактора модного журнала, легко узнаваем по внешним атрибутам (*white-haired woman with eyes as blue as the ocean <...> with a quiet but such a beautiful voice* — женщина с седыми волосами и глазами, синими, как океан; *the snow-white dragon or the famous Miranda Priestley* — белоснежный дракон или знаменитая Миранда Пристли; *elle était la célèbre rédactrice en chef...* — она была известным главным редактором...) (здесь и далее перевод наш. — Д. Б., Н. Г.). Особое внимание уделяется описанию характера главного редактора (*mon tyran personnel* — мой личный деспот; *un des seuls moments où je où je pouvais me reposer loin de ma tyrannique patronne* — в немногие минуты, когда я могла отдохнуть от моей деспотичной руководительницы; *sous le regard perçant de Miranda du matin au soir* — под сверлящим взглядом Миранды с утра до вечера; *une femme frustrée et acariâtre, tyrannique* — неудовлетворенная, вспыльчивая, тираничная женщина; *remontrances acerbes et autres remarques acides de la rédactrice un sourire hypocrite vissé sur les lèvres. Et une fois de plus, l'hypocrisie et le snobisme ambiant, l'irritation de Miranda, l'angoisse, les ordres impossible de Miranda, le bruit incessant, les regards noirs de Miranda, ses sourires sirupeux* — резкие и язвительные замечания редактора, ее натянутая лицемерная улыбка. Снова лицемерие и снобизм, раздражение Миранды, страх, невыполнимые приказы Миранды, непрекращающийся шум, недовольные взгляды Миранды, слащавые улыбки). Можно говорить о пространственном плане точки зрения автора: главный герой является непосредственным участником событий, происходящих в рассказах, ведет повествование от своего лица, предлагая свою характеристику героям.

Иногда сохраняются не только ключевые свойства (личные качества) персонажа, но и динамика развития его характера, представляющая для зрителей особый интерес в фильме-источнике. Так, персонаж Тодда Андерсона из «Общества мертвых поэтов» в фанфике «On Behalf of Todd Anderson» (От лица Тодда Андерсона) полностью сохраняет характеристики оригинального персонажа. Он не уверен в собственных силах, испытывает сильные эмоции, но не демонстрирует их (*...I was overwhelmed with emotions <...> I felt the heat inside. Perhaps, my soul was burning* — Меня обуревали эмоции <...> Я чувствовал жар внутри. Возможно, горела моя душа). Стыд и неуверенность — его базовые чувства (*I was so ashamed... I didn't look up* — Мне было так стыдно... Я не мог поднять глаза) как в фильме-источнике, так и во вторичном тексте. Внутри Тодда происходит борьба, в которой он одерживает верх над самим собой (*...But I understood: "now or never". And I stood on the desk and shouted "Oh Captain my Captain" <...> I was modest and tight-lipped before* — Но я понял: сейчас или никогда. Я залез на парту и крикнул: «О капитан, мой капитан» <...> До этого случая я был скромным и зажатым).

Помимо этого, данный фанфик демонстрирует применение реципиентом тактики сохранения сюжета, так как в нем представлена одна из ключевых позиций выдвижения сюжета первоисточника — финальная сцена фильма, в которой мальчики встают на парты в знак поддержки своего учителя. Кульминационные сцены — ключевые элементы сюжета фильма *Dead Poets' Society*, нашедшие отражение во вторичных текстах, представлены в таблице 1. Подобное разнообразие обусловлено сложностью и кульминационной множественностью внутренней композиции медиатекста-источника.

Таблица 1

Примеры применения тактики сохранения позиций выдвижения внутренней композиции первотекста в текстах-продуктах

Позиции выдвижения медиатекста-источника Dead Poets' Society (Общество мертвых поэтов)	Сохранение позиций выдвижения медиатекста в историях жанра фанфикшен
1. Первый урок мистера Китинга в классе, речь о быстротечности жизни.	<i>They know that in one moment everything will become food for worms and every moment must be seized.</i> — Им известно, что однажды всё вокруг станет едой для червей и нужно ловить каждый момент .
2. Встреча «Общества мертвых поэтов» в индейской пещере.	<i>The boys packed up and walked silently toward the secret cave.</i> — Мальчики собрали рюкзаки и молча пошли в сторону тайной пещеры. <i>...with a collection of poems. The boys looked at each other slyly and went into the cave.</i> — ...с собранием сочинений. Ребята украдкой переглянулись и зашли в пещеру.
3. Постановка «Сна в летнюю ночь» на сцене театра с участием Нила Перри.	<i>...and the curtain falls in front of the audience. The play is over.</i> — И занавес падает перед публикой. Спектакль окончен.
4. Сцена самоубийства Нила Перри.	<i>He helped them to defend their opinions and dreams, even though he himself could not cope with it.</i> — Он помог им защитить их убеждения и мечты, хотя собственные так и не смог защитить.
5. Последняя встреча мистера Китинга с ребятами. Мальчики встают на парты, чтобы поддержать учителя.	<i>I felt that I had to stand on the desk until Mr. Keating left the classroom.</i> — Я чувствовал, что должен стоять на парте, пока мистер Китинг не выйдет из класса. <i>We paid tribute to the man who opened a new world for seven boys.</i> — Мы воздали должное человеку, открывшему целый мир для семи ребят.

На уровне схематических стратегий у реципиентов текста на иностранном языке наблюдалась реализация когнитивной операции сохранения в следующих тактиках:

— тактика сохранения аутентичности дизайна. В фанфиках, основанных на медиатексте Дьявол носит Prada, в повествовании авторами упоминались заголовки журналов (*a lot of headlines rained down on the magazine such as «Sparkled with new colours», «this is a new era»* — заголовки дождём сыпались на журнал, например, «Сверкая новыми цветами», «Наступила новая эра») по аналогии с фильмом-источником, в котором заголовки журнала применены в качестве элемента графической выразительности. Одна из историй, представляющая из себя текст-фанфикшен по типу кроссовер (пересечение двух вселенных, в данном случае Devil Wears Prada (Дьявол носит Prada) + вселенная мультсериала в жанре аниме Tensei Shitara Slime Datta Ken («О моём перерождении в слизь» (Япония, 2018), имитирует элементы графического дизайна мультсериала (*end of the first episode* — конец первой серии, *to be continued* — продолжение следует) (рис. 1).

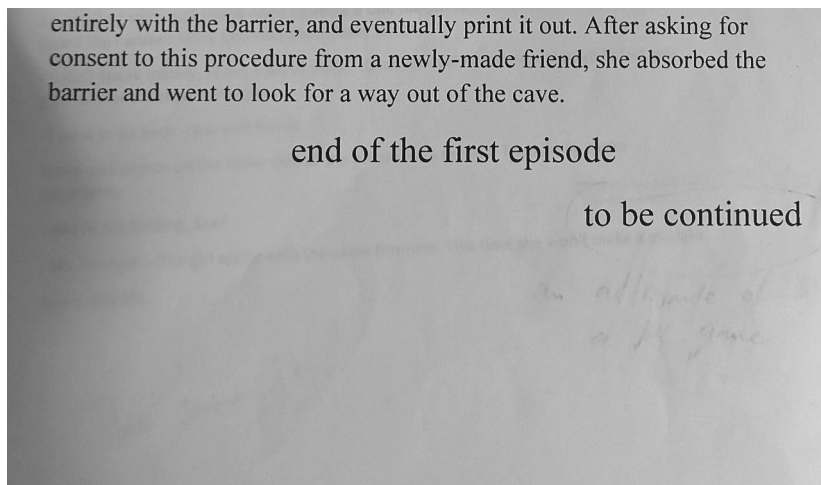

Рис. 1. Пример применения тактики сохранения аутентичности дизайна

— тактики сохранения точки зрения. Применение реципиентами данной тактики затруднено вследствие комплексной природы медиатекста. В кинематографе точка зрения оператора, передача ее посредством камеры и внутренняя зрительская «эмпатия» представляют собой разные категории: «Зритель одновременно идентифицируется и со всем экранным миром, ... и с персонажем <...> Зритель видит мир глазами персонажа. Но

этой идентификации недостаточно <...> также обязательно должен видеть извне тот персонаж, ... со зрением которого он идентифицируется, и проецировать свою личность на него» [Филиппов, 2001]. Подобная двойная эмпатия (обязательная «авторская» (вторичная) и «факультативная» эмпатия кого-либо из персонажей) может приводить к асимметричности планов фокализации (временной, идеологической, перцептивной, языковой и пространственной), к ошибкам и деформации точки зрения (например: *Today he is rushing home like never before — his firstborn has a ten-year anniversary. I bought flowers for my wife, and I didn't forget about the gift <...> Charles had not felt so good, so light and spiritual for a long time. <...> I don't really regret it. I fulfilled my dream, I became a famous and highly respected actor...* — Сегодня он спешит домой, как никогда — у его первенца день рождения — 10 лет. Я купил цветы жене и не забыл о подарке. <...> Чарльз давно не чувствовал себя так хорошо, так легко и весело. <...> Я не жалею о том, что произошло. Я исполнил мечту, стал известным и уважаемым актёром...). В данном примере персонаж, через восприятие которого фокализировано повествование, ведёт рассказ то от первого лица, то от третьего. В перцептивном плане зритель попеременно сдвигается с позиции наблюдателя на позицию альтернативной точки зрения и обратно.

На уровне стилистических стратегий реципиенты прибегают к когнитивной операции сохранения, также используя ряд тактик. Среди них тактика сохранения ключевых слов и их индивидуально-художественного контекстуального значения. Ключевые слова данных медиатекстов, раскрывающие их основную идею и перенесенные во вторичные тексты, созданные фанфикстерами, изучающими иностранный язык, приведены в таблице 2. Валентность и семантическая структура ключевых слов первоисточника в большинстве случаев сохраняются. В медиатексте-источнике «Дьявол носит Prada» названия цветов и предметов одежды играют особую роль, являясь большим, чем атрибутами к основному действию. Соответственно, вторичные тексты наполнены описаниями стилей причёсок, цветов, предметов одежды и т. д. (табл. 2).

Представленные для анализа тексты фанфикшен по фильму *Dead Poets' Society* насыщены не просто ключевыми словами, но цитатами из литературных произведений (по аналогии с источником, в котором есть как упоминания имён писателей и поэтов, так и прямое цитирование их произведений). Среди произведений, процитированных реципиентами в собственных текстах, были следующие:

— «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира: *Give me your hands if we be friends, And Robin shall restore amends* — Коль мы расстанемся друзьями, в долгу не буду перед вами (пер. Т. Щепкиной-Куперник);

Таблица 2

Тактика сохранения ключевых слов в текстах-продуктах жанра
фанфикшен, созданных учащимися на основе фильма
Devil Wears Prada / Le Diable s'habille en Prada (Дьявол носит Prada, 2006)

Семантическая область ключевых слов медиатекста-источника	Ключевые слова, введенные учащимися в тексты-продукты жанра фанфикшен
Мода, имена дизайнеров	<i>old shows</i> (старые показы), <i>podium</i> , <i>catwalk</i> , <i>runway</i> (подиум), <i>Jimmy Choo</i> (босоножки бренда Jimmy Choo), <i>career move</i> (карьерный взлёт), <i>le plateau de Runway</i> (этаж журнала Подиум), <i>le shooting</i> (съёмка), <i>Chanel</i> (бренд Шанель) etc.
Цвета, материалы и текстуры	<i>snow-white</i> (белоснежный), <i>black</i> (чёрный), <i>colorful</i> (разноцветный), <i>shimmered with dim light</i> (сияющий тусклым цветом), <i>pale face</i> (бледное лицо), <i>stream of grayness</i> (потoki серого (дождя)), <i>grands yeux bleus</i> (большие голубые глаза), <i>la pâleur de sa peau diaphane</i> (прозрачная бледность ее кожи), <i>la couleur rouge sombre</i> (темно-красный цвет) etc.
Предметы одежды	<i>second-hand raincoats</i> (дождевики из секонд-хенда), <i>sweaters</i> (свитеры), <i>colorful umbrellas</i> (разноцветные зонты), <i>black umbrella</i> (чёрный зонт), <i>black gloves</i> (чёрные перчатки), <i>comfortable hoodies</i> (удобные худи), <i>shoes</i> (туфли), <i>high stilettos</i> (туфли на шпильках), <i>immense manteaux de fourrure</i> (роскошная шуба), <i>une magnifique robe bustier</i> (прекрасное платье без бретелей) etc.
Описание причёсок и волос	<i>A strand of thick hair</i> (прядь густых волос), <i>the brunette</i> (брюнетка), <i>red-haired girls</i> (рыжеволосые девушки), <i>white-haired woman</i> (женщина с белыми волосами), <i>gray-haired woman</i> (женщина с седыми волосами), <i>la jeune rousse</i> (молодая рыжеволосая девушка), <i>la brune</i> (брюнетка), <i>ses cheveux, retenus en un chignon désordonné</i> (ее волосы, собранные в беспорядочный пучок) etc.

— стихотворение Г. Д. Торо: *I went to the woods because I wanted to live deliberately* — Укрылся я в лесах, чтоб жизнь прожить не зря, *suck out all the marrow of life* — высосать из жизни костный мозг;

— стихотворение У. Уитмана: *Oh Captain! My Captain! our fearful trip is done, The ship has weather 'd every rack, the prize we sought is won...* — О капитан! Мой капитан! Рейс трудный завершён. Все бури выдержал корабль, Увенчан славой он (пер. М. Зенкевича).

Помимо прямого цитирования, реципиенты опирались на ключевые слова источника и контекстуально значимые словосочетания первотекста (например, *we are food for worms* — мы — еда для червей, *the moment must be seized* — момент нужно поймать, *carpe diem* — лови момент). Во многих историях подобные словосочетания были творчески вписаны в контекст, например, отсылка к стихотворению У. Уитмана прозвучала не в словах мистера Китинга, а в словах ученика Тодда Андерсона, впоследствии также ставшего учителем (*His first working day with the students began with the words «You can call me Mr. Anderson, but if you dare» — «Oh, captain, my captain»* — Его первый рабочий день начался со слов, обращенных к ученикам: «Называйте меня мистер Андерсон, но если осмелитесь» — «О капитан, мой капитан»). Предлагаем обозначить подобный механизм *тактикой трансплантации* (прямого переноса) ключевых слов и словосочетаний источника в текст-продукт.

Следы применения тактики имитации тропов и стилистических фигур в гораздо меньшей степени представлены в текстах-продуктах жанра фанфикшен, созданных изучающими иностранный язык. В историях, основанных на фильме *Devil Wears Prada*, удалось заметить применение антономазии (по аналогии с названием фильма), например, *Satan in a skirt* (Сатана в юбке), *snow-white dragon* (белоснежный дракон) (в отношении героини, главного редактора модного журнала, Миранды Пристли). При создании историй по фильму *Dead Poets' Society* реципиенты отдавали предпочтение аллюзиям на литературные работы и авторов. Например, *His heart stopped that night and no longer sounded to the lyrical melody of Shakespeare's works* (Той ночью его сердце остановилось и больше не билось в такт музыке лирических пьес Шекспира). Представленные в работах обучающихся метафоры также имитировали тропы первоисточника. Например: *...all the grumpy people who have no light in their life* — ...брюзгливые люди, обделённые светом в жизни (метафора knowledge, inspiration → light / знания, вдохновение → свет) имитирует первую сцену фильма, в которой показывается торжественная церемония зажжения огня знаний (light of knowledge) и передачи его от профессоров ученикам.

Следует отметить, что тактика сохранения функционального стиля практически не представлена в проанализированных текстах жанра фанфикшен. Истории, созданные обучающимися, сочетали в себе элементы нескольких функциональных стилей и слоёв лексики (разговорный, книжный, просторечный, сленг и т. д.). Например, в рамках одной истории автор сочетает разговорную лексику: *this guy* (чувак), *cope with it* (справиться с чем-либо) и книжную: *utter another word* (проронить еще слово), *finish the narration* (окончить повествование). В фанфиках на французском языке

также встречаются лексические единицы, относящиеся к сниженным регистрам, например, *les greluches* (молодые девушки), *un boulot* (работа), *les potiches* (почетные гости). Полагаем, что это связано с общей сложностью для восприятия стилистического аспекта изучающими иностранный язык [Арнольд, 2010], их недостаточным опытом восприятия текстов различных функциональных стилей.

Преобладание когнитивной операции сохранения в сознании реципиента, изучающего иностранный язык и создающего вторичный текст жанра фанфикшен, обусловлено как требованиями жанра (фанфик изначально создаётся с опорой на макроэлементы текста-источника), так и стремлением реципиента «приблизиться» к исходному тексту, «обладать» им, вдохнуть жизнь в персонажей. В случае с неносителями языка, на котором осуществляется восприятие, во вторичный текст-продукт попадают лишь наиболее устойчивые структуры текста-источника (поворотные моменты в сюжете, сцены с наиболее сильной экспрессией, любимые персонажи автора). С помощью когнитивной операции сохранения обеспечивается связующее звено между текстами (источником и продуктом).

Отличительной тактикой реципиентов-неносителей иностранного языка является применение тактики трансплантации (полного переноса) ключевых слов и словосочетаний источника в собственный текст-продукт. Восприятие текстов на иностранном языке неносителями связано с языковым опытом, в том числе и со знанием лингвокультурных особенностей страны изучаемого языка, потенциально представляющих «белое пятно» в сознании реципиентов, не являющихся носителями языка. Отсутствие какого-либо из «фрагментов читательского / зрительского опыта» [Котлярова и др., 2017, с. 190] приводит к построению неполной проекции текста и к предсказуемой утере части структур (стилистические приёмы, привязанные к речи определённых персонажей в источнике, специальная лексика (архаизмы, профессиональная лексика, сленг и т. д.), которая неочевидна для изучающих иностранный язык).

3.2. Когнитивные операции качественного и количественного моделирования и трансфигурации во вторичных текстах, созданных изучающими иностранный язык

По результатам анализа текстов жанра фанфикшен, созданных студентами на иностранном языке, было выявлено меньшее количество (23 % текстов) следов сознательного применения когнитивных операций моделирования и трансформации на всех текстовых уровнях по сравнению с когнитивной операцией сохранения, и исключительно на уровне *макростратегий* (сюжет и система персонажей). Авторы модифицировали оригинальный сюжет лишь в случае, когда концовка оригинального текста

была для них неприемлема / некомфортна. Текст способен задавать «границы возможных интерпретаций, создавать своё пространство понимания, программировать возникающие у читателя аналогии <...> зависящие от жизненного опыта реципиента» [Там же, с. 192]. Альтернативный финал был предложен фикрайтерами в нескольких историях по фильму *Dead Poets' Society* (20 % текстов). В оригинале Нил Перри, один из главных в иерархии персонажей, совершает самоубийство после того, как отец отправляет его в военную школу, несмотря на стойкое желание сына связать жизнь с искусством и явно присутствующий актерский талант. В одной из студенческих версий концовки Нил с помощью матери убегает из дома и начинает новую жизнь под другим именем, в будущем становится успешным актёром: *When my father found my corpse, the face was so disfigured that it was difficult to determine who it belonged to. Yes, it wasn't me. I don't know at all where the mother got this guy, but I was sure that no one would look for him. Perhaps it was a stupid idea, but I didn't see any other way out, except how to actually shoot myself... I changed my name, surname, date of birth and city. Cut all the ties* (Когда отец обнаружил моё тело, лицо было так изуродовано, что оказалось невозможно провести опознание. Да, это был не я. Не знаю, где мать взяла этого парня, но я не сомневался: искать его не будут. Возможно, замысел был дурацким, но другого пути я не видел, разве что вправду застрелиться... Я поменял имя, фамилию, дату рождения и город. Перерезал все нити). В данном примере, персонаж отца остаётся неизменным (отрицательным) (*And the father... And the father never admitted his mistake. Until the very end, he blamed the professor for everything* — А отец... Отец никогда не признал ошибку. До конца обвинял профессора во всём, что произошло). Персонаж матери немного модифицирован автором (проявляет сострадание к сыну, наделяется смелостью и решительностью, а также более значимой ролью в сюжете). Автор фанфика не смог «примириться» с бесчувственным, жестоким образом матери Нила в источнике, а также с несправедливой смертью персонажа, разрешив конфликт с помощью моделирования концовки сюжета и судьбы одного из персонажей.

Когнитивная операция трансфигурации (переворачивания) выступает одним из главных инструментов текстопорождения. Один из поджанров фанфикшен (AU — *Alternative Universe*) основан на помещении персонажей первотекста в альтернативную вселенную или на изменении субстрата персонажа (положительного на отрицательного — «злой» Шерлок Холмс, «добрый» профессор Мориарти). Однако следы применения когнитивной операции трансфигурации в наименьшей степени представлены в историях фанфикшен, созданных студентами, изучающими иностранный язык. Трансформация может заключаться в «переворачивании» иерархии персона-

жей, их свойств (тактика поляризации персонажей — положительный герой может стать отрицательным и т. д.), тем самым создаётся «мир наоборот», своеобразное Зазеркалье относительно реалий первоисточника. Одним из немногих примеров является история «1959», в которой «злой» и глупый мистер Китинг (изначально умный и положительный персонаж) заманивает мальчиков в пещеру, чтобы принести их в жертву привидениям предыдущих воспитанников этой школы-пансиона, обитающим в ней (*Mr. Keating realized that the ghosts made him bring the students here. The boys' terrified screams began to be muffled, their voices almost inaudible* — Мистеру Китингу пришлось в голову, что призраки заставили его привести сюда студентов. Испуганные крики мальчиков начали затихать, их голоса перестали звучать). Таким образом, можно сделать вывод об относительно нечастом (3 % представленных студентами текстов) применении когнитивной операции трансформации в процессе восприятия текста на изучаемом языке.

4. Заключение = Conclusions

Результаты проведённого анализа вторичных текстов (историй в жанре фанфикшен), созданных обучающимися на иностранном языке и основанных на просмотренных медиатекстах-источниках (*Devil Wears Prada / Le Diable s'habille en Prada* и *Dead Poets' Society*) на английском и французском языках, позволяют сделать ряд выводов.

(1) В сознании реципиентов, воспринимающих текст на иностранном языке, когнитивная операция сохранения (72 %) преобладает над когнитивными операциями моделирования (20 %) и трансформации (3 %).

(2) В процессе восприятия медиатекста (фильма, сериала и т. д.) система персонажей вкуче с их ключевыми характеристиками остаётся максимально устойчивым макроэлементом текста, вокруг которого строится повествование при продуцировании вторичного текста. Как правило, моделированию подвергается лишь иерархия системы персонажей (в центр действия может быть помещён второстепенный герой, вызывающий интерес / эмпатию у создателя истории в жанре фанфикшен).

(3) Реципиенты, воспринимающие текст на иностранном языке, прибегают к когнитивным операциям трансформации или моделирования лишь в случае осознания ими «необходимости», порождённой «несправедливым» текстом-источником (внутреннее желание зрителей / читателей предложить иной способ разрешения конфликта, представленного в первотексте, альтернативную концовку). В остальных случаях вселенная первоначального текста остаётся неизменной и моделирования / трансформации не происходит, предпочтение отдаётся дескриптивным когнитивным операциям, а не творческим.

(4) Следы применения реципиентами-неносителями языка дескриптивных и имитационных тактик преобладают над креативными тактиками на стилистическом уровне вторичных текстов в жанре фанфикшен. Отличительными чертами вторичных текстов, созданных на иностранном языке, являются обширное применение *тактики трансплантации ключевых слов и словосочетаний текста-источника* и отсутствие сознательного применения более комплексной тактики имитации функционального стиля первотекста.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. — Санкт-Петербург : Изд-во Либроком, 2010. — 448 с. — ISBN 978-5-397-01309-3.
2. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1988. — Выпуск 23 : Когнитивные аспекты языка. — Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>. (дата обращения 22.01.2023).
3. Залевская А. А. Вопросы психолингвистики / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 1 (35). — С. 28—38. — DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-28-38.
4. Климовская Г. И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики / Г. И. Климовская. — Томск : Изд-во НТЛ, 2009. — 168 с. — ISBN 978-5-89503-421-7.
5. Клычникова З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке / З. И. Клычникова. — Москва : Просвещение, 1973. — 223 с.
6. Колмогорова А. В. Концептуальное взаимодействие автора и читателя в процессах создания и рецепции текста / А. В. Колмогорова, К. В. Мартынюк // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 3. — С. 19—30.
7. Котлярова Т. Я. Аналогово-когнитивная природа восприятия и понимания художественного текста / Т. Я. Котлярова, Л. А. Нефедова // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности : коллектив. моногр. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. — С. 181—207. — ISBN 978-5-7271-1463-6.
8. Уканакова Н. В. Особенности объективации макроэлементов текста-источника в текстах жанра «фанфикшен» / Н. В. Уканакова // Siberia Lingua. — 2013. — № 3. — С. 147—168.
9. Филиппов С. Два аспекта киноязыка и два направления развития кинематографа [Электронный ресурс] / С. Филиппов // Киноведческие записки. — 2001. — № 55. — Режим доступа : http://millionsbooks.org/book_44.html (дата обращения 15.01.2023).
10. Фоломкина С. К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в языковом вузе / С. К. Фоломкина // Общая методика обучения иностранным языкам : Хрестоматия. — Москва : Русский язык, 1991. — С. 253—261.

11. Carrell P. L. Interactive Text Processing : Implications for ESL / P. L. Carrell // *Second Language Reading Classrooms*. — 1992. — Pp. 239—259.
12. Fauconnier G. Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. — Cambridge : MIT Press, 1985. — 185 p.
13. Gribacheva N. V. Cognitive Procedure of Modelling in the Reader's Text Projection Forming Process / N. V. Gribacheva, N. M. Glushkova // *International Journal of Simulation Systems, Science & Technology*. — 2018. — Vol. 6. — № 19. — Pp. 531—538.
14. Gribacheva N. V. Convergent journalism and immersion journalism : a review of strategies for (de)legitimization / N. V. Gribacheva, N. M. Glushkova // *Genres and types of text in scientific and media discourse*. — Orel : Oryol State Institute of Culture, 2019. — Vol. 16. — Pp. 44—54. — ISBN 978-5-6042902-6-2.
15. Kitto M. E. Understanding Telex Messages / M. E. Kitto // *Reading in a foreign language*. — 1984. — Vol. 2. — Pp. 182—187.
16. Lacoff G. Women, Fire and Dangerous Things [Electronic resource] / G. Lacoff. — Access mode : <https://emilkirkegaard.dk/en/wp-content/uploads/George-Lakoff-Women-Fire-and-Dangerous-Things.pdf> (accessed 20.12.2022).
17. Yamashita J. Reading Attitudes in L1 and L2, and Their Influence on L2 Extensive Reading [Electronic resource] / J. Yamashita. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/239934894_Reading_Attitudes_in_L1_and_L2_and_Their_Influence_on_L2_Extensive_Reading (accessed 04.12.2022).

*Статья поступила в редакцию 06.04.2023,
одобрена после рецензирования 02.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.*

References

- Arnold, I. V. (2010). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Saint Petersburg: Librocom Publishing House. 448 p. ISBN 978-5-397-01309-3. (In Russ.).
- Carrell, P. L. (1992). Interactive Text Processing: Implications for ESL. In: *Second Language Reading Classrooms*. 239—259.
- Fauconnier, G. (1985). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: MIT Press. 185 p.
- Filippov, S. (2001). Two aspects of the film language and two directions of cinema development. *Kinovedcheskie zapiski*, 55. Available at: http://millionsbooks.org/book_44.html (accessed 15.01.2023). (In Russ.).
- Folomkina, S. K. (1991). Some questions of teaching reading in a foreign language in a language university. In: *General methodology of teaching foreign languages: A textbook*. Moscow: Russian Language. 253—261. (In Russ.).
- Gribacheva, N. V., Glushkova, N. M. (2018). Cognitive Procedure of Modelling in the Reader's Text Projection Forming Process. *International Journal of Simulation Systems, Science & Technology*, 6 (19): 531—538.
- Gribacheva, N. V., Glushkova, N. M. (2019). Convergent journalism and immersion journalism: a review of strategies for (de)legitimization. In: *Genres and types of text in scientific and media discourse*, 16. Orel: Oryol State Institute of Culture. 44—54. ISBN 978-5-6042902-6-2.
- Kitto, M. E. (1984). Understanding Telex Messages. *Reading in a foreign language*, 2: 182—187.

- Klimovskaya, G. I. (2009). *The subtle world of meanings of an artistic (prose) text. Methodological and theoretical essay of linguopoetics*. Tomsk: Publishing House of NTL. 168 p. ISBN 978-5-89503-421-7. (In Russ.).
- Klychnikova, Z. I. (1973). *Psychological features of teaching reading in a foreign language*. Moscow: Prosveshchenie. 223 p. (In Russ.).
- Kolmogorova, A. V., Martynyuk, K. V. (2014). Conceptual interaction of the author and the reader in the processes of creation and reception of the text. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 19—30. (In Russ.).
- Kotlyarova, T. Ya., Nefedova, L. A. (2017). Analog-cognitive nature of perception and understanding of a literary text. In: *Analog processes in the linguocreative activity of a linguistic personality: collective. monogr.* Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 181—207. ISBN 978-5-7271-1463-6. (In Russ.).
- Lacoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Available at: <https://emilkirkegaard.dk/en/wp-content/uploads/George-Lakoff-Women-Fire-and-Dangerous-Things.pdf> (accessed 20.12.2022).
- Ukanakova, N. V. (2013). Features of objectification of macroelements of the source text in texts of the genre “fanfiction”. *Siberia Lingua*, 3: 147—168. (In Russ.).
- Van Dijk, T. A., Kinch, V. (1988). Strategies for understanding a coherent text. In: *New in Foreign Linguistics*, 23: *Cognitive aspects of language*. Moscow. Available at: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (accessed 22.01.2023). (In Russ.).
- Yamashita, J. *Reading Attitudes in L1 and L2, and Their Influence on L2 Extensive Reading*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/239934894_Reading_Attitudes_in_L1_and_L2_and_Their_Influence_on_L2_Extensive_Reading (accessed 04.12.2022).
- Zalevskaya, A. A. (2018). Questions of psycholinguistics. In: *Questions of psycholinguistics*, 1 (35): 28—38. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-28-38 (In Russ.).

*The article was submitted 06.04.2023;
approved after reviewing 02.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Волкова Я. А. Перевод модальных глаголов в медиатекстах : корпусно-ориентированный подход / Я. А. Волкова, А. С. Корзин, А. Д. Урюпина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 27—48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-27-48.

Volkova, Y. A., Korzin, A. S., Uryupina, A. D. (2023). Translation of Modal Verbs in Media Texts : Corpus-Based Approach. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 27-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-27-48. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-27-48

Перевод модальных глаголов в медиатекстах: корпусно-ориентированный подход

Волкова Яна Александровна

orcid.org/0000-0003-1456-5881

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
иностранных языков института
иностранных языков
volkova-yaa@rudn.ru

Корзин Андрей Сергеевич *

orcid.org/0000-0003-2441-7954

ассистент кафедры иностранных языков
инженерной академии,

*** корреспондирующий автор**

korzin-as@rudn.ru

Урюпина Анна Дмитриевна

orcid.org/0000-0002-8475-615X

педагог дополнительного образования
кафедры иностранных языков
инженерной академии
uryupina-ad@rudn.ru

Российский университет
дружбы народов
(Москва, Россия)

Translation of Modal Verbs in Media Texts: Corpus-Based Approach

Yana A. Volkova

orcid.org/0000-0003-1456-5881

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Theory and Practice
of Foreign Languages,
Institute of Foreign Languages
volkova-yaa@rudn.ru

Andrey S. Korzin *

orcid.org/0000-0003-2441-7954

Assistant Lecturer, Department of Foreign
Languages, Academy of Engineering,

*** Corresponding author**

korzin-as@rudn.ru

Anna D. Uryupina

orcid.org/0000-0002-8475-615X

Further Education Teacher
Department of Foreign Languages,
Academy of Engineering
uryupina-ad@rudn.ru

RUDN University
(Moscow, Russia)

© Волкова Я. А., Корзин А. С., Урюпина А. Д., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучены основные модальные глаголы английского языка (*can, could, may, must, should, need, will, would*) в медиатекстах, а именно способы их перевода на русский язык. С помощью метода сплошной выборки были отобраны и проанализированы 50 конкордансов для каждого из 8 модальных глаголов. Материалом исследования выступили примеры в сфере публицистики из Национального корпуса русского языка, а именно параллельного подкорпуса, составленного из оригинальных текстов и их переводов. Дополнительно проведено ранжирование по частоте модальных глаголов в параллельном корпусе НКРЯ (языковая пара русский — английский) и англоязычном веб-корпусе WebCorp. При сравнении использовались абсолютные частоты модальных глаголов, так как первый корпус — статичный, а второй — динамический (пополняемый ежедневно). Выявлена необходимость дополнения параллельного корпуса, так как результаты сортировки не были идентичными. На основе анализа переводческих трансформаций было обнаружено следующее: дословный перевод, грамматические замены и опущение чаще других применялись при переводе модальных глаголов в медиатекстах. Установлено, что часто использовались безличные конструкции, а модальность передавалась с помощью языковых средств другого уровня.

Ключевые слова:

перевод; модальные глаголы; переводческие трансформации; параллельный корпус; Национальный корпус русского языка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The main modal verbs of the English language (*can, could, may, must, should, need, will, would*) in media texts have been studied, namely the ways of their translation into Russian. Using the method of continuous sampling, 50 concordances were selected and analyzed for each of the 8 modal verbs. The material of the study was examples in the field of journalism from the National Corpus of the Russian Language, namely, a parallel subcorpus composed of original texts and their translations. Additionally, a ranking was carried out according to the frequency of modal verbs in the parallel corpus NKRYA (language pair Russian-English) and the English web corpus WebCorp. When comparing, the absolute frequencies of modal verbs were used, since the first corpus is static, and the second is dynamic (replenished daily). The need to supplement the parallel corpus was revealed, since the sorting results were not identical. Based on the analysis of translation transformations, the following was found: literal translation, grammatical substitutions and omission were most often used in the translation of modal verbs in media texts. It has been established that impersonal constructions were often used, and modality was transmitted using linguistic means of another level.

Key words:

translation; modal verbs; translation transformations; parallel corpus; the Russian National Corpus.

Перевод модальных глаголов в медиатекстах: корпусно-ориентированный подход

© Волкова Я. А., Корзин А. С., Урюпина А. Д., 2023

1. Введение = Introduction

В практике перевода в паре «английский — русский» зачастую приходится сталкиваться с проблемой перевода модальных глаголов. Трудности их перевода с английского языка на русский обусловлены двумя основными причинами: во-первых, в русском языке нет точных соответствий (совпадений по форме и функциям) для ряда английских модальных глаголов [Калянова, 2015]. Ситуация также осложняется тем, что в русском языке не всегда присутствует подлежащее в предложении, что нехарактерно для английского языка. Во-вторых, у модальных глаголов может быть больше одной функции, что обуславливает сложность перевода [Там же]. Кроме того, интерес представляют тактики перевода модальных глаголов в медиадискурсе в связи со стремительным расширением этой коммуникативной сферы.

Актуальность настоящей работы определяется несколькими факторами. Во-первых, активные изменения в медиадискурсе требуют постоянного изучения, в особенности ввиду того, что в последнее время возрос интерес к медиатекстам вследствие их распространённости в сети Интернет. Во-вторых, медиадискурс является одним из наиболее динамичных видов дискурса, отражающих изменения как в языке, так и в обществе. В-третьих, переводчикам зачастую приходится принимать различные решения и сталкиваться с трудностями при передаче модальности, которая играет важную роль в медиатекстах. Наконец, отмечается появление новых инструментов для проведения исследований — корпусных инструментов, благодаря которым становится возможным изучение большого объёма языкового материала. С учётом изложенного выше изучение перевода модальных глаголов с помощью корпусно-ориентированного подхода представляется полезным и релевантным для решения сложных переводческих задач.

Целью настоящего исследования стало выявление закономерностей при переводе модальных глаголов в медиатекстах с использованием корпусного подхода.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть теоретические аспекты модальных глаголов в английском языке и особенности их перевода на русский язык;
- отобрать и отсортировать материал для исследования из Национального корпуса русского языка;
- получить абсолютные частоты модальных глаголов в параллельном переводном и веб-корпусе для последующей сортировки;
- определить вид переводческих трансформаций, использованных в примерах перевода модальных глаголов;
- проанализировать и обобщить полученные результаты.

Новизна проведенного исследования состоит в том, что в работе применяются корпусные методы и приемы дистрибутивного анализа переводческих трансформаций, а также производится сравнение статистических данных из Web- и параллельного корпуса.

Прежде чем приступить к анализу переводческих решений, рассмотрим подходы к определению модальности в современной лингвистике.

Модальность — одно из самых сложных понятий, перевод модальных конструкций — актуальная задача переводоведения. Один из классиков исследования модальности в отечественной литературе В. В. Виноградов определяет данную категорию как выражение отношения автора или говорящего к действительности и высказываемому [Виноградов, 1975, с. 56]. Под модальностью также понимается «понятийно-синтаксическая категория, которая выражает отношение говорящего к действительности посредством высказывания, в котором проявляется отношение высказывания к действительности и действительности к высказыванию» [Аль-Баяти, 2019, с. 164]. С помощью модальности передается отношение автора как к собственным высказываниям, так и к читателю, и только при успешном использовании модальности можно точно отразить результаты, например, научного исследования [Xiaowan Yang, 2018, p. 122].

Выделяют следующие типы модальности: эпистемическую, динамическую и деонтическую [Rizvic-Eminovic et al., 2019, p. 354]. Существует множество определений эпистемической модальности, однако широко признано, что данный тип модальности указывает на суждение адресанта об истинности утверждения или предложения и его / ее отношение к адресатам [An Yang et al., 2015, p. 1]. В общем смысле эпистемическая модальность подразумевает, что говорящий делает прогноз относительно возможности и вероятности пропозиции, выраженной в речевом акте. Динамическая модальность относится к выражению потребности, способности или склонности говорящего к действию. С помощью деонтической модальности можно выразить обязательство и разрешение, а также отдать

приказ, дать обещание, высказать пожелание или угрозу [Rizvic-Eminovic et al., 2019, p. 354]. Многие модальные глаголы могут использоваться для выражения как эпистемической, так и деонтической модальности. В качестве примера можно привести глагол *must*, который может передавать и выраженную возможность, вытекающую из фактической пропозиции, и обязательство [Jinghua Zhang, 2019, p. 883].

В то время как в функциональной грамматике модальность имеет множество способов репрезентации, в традиционной грамматике модальность передается модальными глаголами [Xinyu Wu et al., 2019, p. 465], которые представляют собой формально вспомогательные глаголы, используемые для выражения отношения к действию и действительности [Bybee et al., 1994]. Модальные глаголы характеризуются сложной, нелинейной системой сопоставления между формой и функцией из-за своих разнообразных семантических и многочисленных прагматических значений [Yifan Zhang et al., 2022, p. 1]. В английском языке модальные глаголы отличаются от других глаголов по ряду особых грамматических характеристик и свойств: они не изменяются по числам, не требуют вспомогательных глаголов для образования вопроса и / или отрицания, не имеют инфинитива, не образуют причастия и деепричастия [Swan, 2016, с. 120].

К основным модальным глаголам относятся: *can, could, may, might, shall, should, will, would u must* [Alexander, 2003, p. 207; Carter et al., 2011, p. 289]. Варианты их перевода будут рассмотрены в данной работе.

В научной литературе выделяются следующие подходы к изучению модальных глаголов: формально-грамматический, семантический, частотный, стилевой, идиоматический. Дополнительный интерес для изучения представляют фразовая, текстовая модальности [Мильруд, 2008]. В нашем исследовании в центре внимания находятся формально-грамматический и частотный подходы.

Е. Н. Гитайло предлагает выделять две категории модальности — объективную и субъективную [Гитайло, 2015, с. 120]. У первой есть два основных измерения: время и осуществимость. Субъективная же модальность выражает отношение говорящего к сообщению. Большим «семантическим объёмом» обладает вторая категория, она представляет особенный интерес для переводчиков [Там же]. Обратим внимание на то, что в дополнение к ранее перечисленным грамматическим особенностям разные временные формы модальных глаголов неодинаково передают два вида модальности [Вдовина, 2010, с. 125—126]. Безусловно, категория модальности выражается не только с помощью модальных глаголов, но и, например, с помощью модальных слов и модальных ограничителей [Калянова, 2015]. Дополнительно выделяют модальные существитель-

ные, прилагательные, наречия, «лексические глаголы» и т. п. [Мирискаева, 2018, с. 31].

Проблемы и особенности перевода модальных глаголов с английского на русский язык также не теряют актуальности и по-прежнему вызывают интерес отечественных исследователей. В частности, разработкой вопросов передачи модальных значений занимались М. А. Куниловская [Куниловская, 2011], М. Г. Кочнева [Кочнева, 2013], И. О. Ещенко [Ещенко, 2012], М. А. Сафонов [Сафонов, 2016] и др. Тем не менее в отечественной лингвистике существует небольшое число публикаций, направленных на изучение перевода модальных глаголов с английского на русский язык в сфере медиатекстов. Данные аспекты затрагивались, например, Е. Н. Гитайло [Гитайло, 2015]. Также в отечественной литературе отмечается недостаток публикаций, посвященных изучению перевода модальных глаголов с помощью методов корпусного и дистрибутивного анализа. Например, исследование использования корпусных методов в переводоведении осуществляется А. Х. Абдульмановой, М. Н. Куликовой и И. А. Лекомцевой [Абдульманова и др., 2021]. Среди трудов зарубежных авторов можно выделить следующие: [Yifan Zhang et al., 2022; Xiaowan Yang, 2018; Xinyu Wu et al., 2019; Rizvic-Eminovic et al., 2019]. В зарубежной литературе есть также работы, посвященные изучению модальности на основе анализа текстов резолюций Совета Безопасности ООН. В частности, в рамках исследования было доказано, что эпистемический глагол *may* встречается чаще всего в преамбулах и постановляющих частях резолюций, маркеры неэпистемической модальности (глаголы *must*, *should* и *shall*), выражающие необходимость, встречаются чаще в постановляющих частях, чем в преамбуле, при этом юридический маркер *shall* выступает общепринятым вариантом выражения обязательства [Martín de la Rosa et al., 2021, p. 99]. Авторы также пришли к выводу, что сочетание эпистемических и неэпистемических типов маркеров модальности позволяет разрабатывать резолюции, допуская определенную степень двусмысленности, необходимую для решения острых вопросов [Ibid., p. 99].

Для переводчика важно понимать, какие средства языка могут быть использованы в рамках определенного дискурса. Медиадискурс представляет собой в этом плане особый интерес, так как в текстах СМИ заложен эмоционально-оценочный компонент, а для иностранных источников СМИ характерно смешение разных стилей [Еремина, 2019]. Кроме того, важно определить, что мы понимаем под медиадискурсом. В рамках настоящего исследования авторы не разграничивают понятия «медиадискурс» и «публицистика». Медиадискурс является одной из разновидностей дискурса и, с точки зрения Е. С. Солнцевой, представляет совокупность меди-

атекстов наряду со свойственными им экстралингвистическими факторами, идеологическими установками и другими условиями [Солнцева, 2019, с. 148]. Характерными чертами медиадискурса выступают дистантность и отсутствие определённого, конкретного адресата [Уварова, 2015, с. 50].

С учётом сказанного выше становится очевидно, что довольно часто в публицистике модальность имеет большое значение, так как может оказывать воздействие на читателя [Шакурова, 2014, с. 1399]. Более того, сочетание субъективной и объективной модальности комплексно влияет на восприятие информации читателями [Юсупова, 2015, с. 118]. Корректная передача модальности представляет сложность для переводчика, так как данный процесс невозможен без применения переводческих трансформаций. К тому же традиции передачи оттенков модальности в русском и английском языках различаются [Блинкова, 2020]. По мнению Т. Блериной, категория модальности в английском языке морфологически выражена с помощью модальных глаголов и категории наклонения, а в русском — только категории наклонения [Блериная, 2012, с. 39].

Особое место занимает прагматика модальных глаголов. Так, в институциональном дискурсе важную функцию выполняют глаголы *must*, *should* и *shall*. Авторы также подчёркивают, что правильный выбор модальных глаголов может способствовать большей убедительности говорящего [Лебедева, 2018]. Более того, было показано, что употребление модальных глаголов способствует усилению экспрессивной окрашенности текста и более выразительной реализации авторских интенций [Давыдова, 2016, с. 96].

С учётом сказанного выше явной становится необходимость дальнейшего изучения модальности, способов её выражения в различных контекстах, жанрах и дискурсах в рамках одного или нескольких языков. Не менее важной задачей видится сравнение и сопоставление такого рода исследований, поскольку это позволит не только получить представление о сходствах и различиях языковых пар, но и повысить качество межкультурной коммуникации на основе полученных результатов.

2. Материалы, методы, обзор = Materials, Methods, Review

В данном исследовании применялся корпусно-ориентированный подход к анализу перевода модальных глаголов.

С помощью метода сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] был отобран материал для настоящего исследования, включающий в себя 50 конкордансов для каждого из восьми анализируемых модальных глаголов. Далее полученные результаты были отсортированы с целью найти примеры в сфере публицистики. После этого каждый

пример на английском языке и его перевод на русский авторы проанализировали и определили вид использованной переводческой трансформации.

В ходе исследования перевода модальных глаголов был использован метод корпусного анализа. Данный метод является одним из наиболее эффективных и перспективных ввиду того, что он подразумевает изучение развития языка (речи) в синхронии. Это, в свою очередь, позволяет провести более точный анализ особенностей перевода модальных глаголов с английского на русский язык. Использование корпусов в лингвистических исследованиях подтвердило свою эффективность при анализе лексических, синтаксических, прагматических и других аспектов языка [Jaime et al., 2015, p. 293]. Также были применены сравнительно-сопоставительный метод, который позволил выявить различия в переводах модальных глаголов с английского языка на русский, и метод дистрибутивного анализа, с помощью которого удалось классифицировать анализируемые конкордансы и изучить их особенности на основе распределения этих единиц в речи.

Напомним, что цель данного исследования состоит в выявлении закономерностей перевода модальных глаголов на материале данных параллельного корпуса.

Следует отметить, что термин *параллельный корпус* в некоторой степени считается неоднозначным, поскольку иногда используется для обозначения сопоставимых текстов на двух или более языках, в частности текстов, принадлежащих к сопоставимым жанрам или типам текстов по схожим темам (например, английские и португальские статьи о медицинских исследованиях) [Raquot et al., 2020, p. 257—258]. Некоторые ученые различают понятия параллельного корпуса и параллельного переводного корпуса. Параллельный переводной корпус представляет собой совокупность текстов на одном языке и их переводов на другом языке (или языках) [Dash et al., 2016, с. 84]. Структура параллельного переводного корпуса включает два основных элемента: текст языка оригинала и текст(ы) перевода. Применение параллельных переводных корпусов полезно в различных областях переводоведения, в частности, для определения переводческих приемов и трансформаций, составления словарей, проверки точности и верности переводов, а также выбора эквивалентов [Волченкова, 2015, с. 34]. Параллельный корпус, в свою очередь, включает тексты из одних и тех же областей на разных языках, причем примеры в корпусе обязательно должны быть переводами друг на друга, например, совокупность текстов из газетных публикаций на разных языках и диалектах Индии представляет собой параллельный корпус [Dash et al., 2018, с. 86]. Таким образом, тексты в параллельном корпусе взаимосвязаны между собой, од-

нако не являются зеркальным отражением друг друга, поэтому понятие «параллельный корпус» следует применять в отношении текстов на языке оригинала, способных существовать самостоятельно, а не их переводов [Там же, с. 87]. В настоящем исследовании были использованы данные из параллельного переводного корпуса. В работе применяется типология переводческих трансформаций, разработанная В. Н. Комиссаровым [Комиссаров, 2017].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Модальные глаголы в параллельном корпусе и веб-корпусе

Прежде чем приступить к рассмотрению модальных глаголов в корпусах, дадим определение референтному корпусу — в данном исследовании веб-корпусу.

Веб-корпус — это корпус, составленный из текстов, опубликованных в Интернете. Более того, в отличие от мультимодального корпуса, такой корпус не содержит ни графических текстовых данных (то есть текстов в формате pdf, JPEG), ни данных в специальных форматах (HTML, SGML, TEI) [Dash et al., 2018, p. 127]. В общем случае тексты, составляющие корпус, могут быть как формальными, так и неформальными, поскольку они отбираются в результате просмотра официальных сайтов, личных блогов и сайтов социальных сетей [Ibid., p. 128]. В данной работе использовался ресурс WebCorp. Он считается инструментом для создания веб-корпусов и, более того, возобновляемым источником данных для корпусной лингвистики [Ibid., p. 132].

Как уже было отмечено [Абдульманова и др., 2021, p. 3434], для переводчиков необходимо знать наиболее типичные и частотные структуры, а также закономерности их употребления. Исходя из этого были получены абсолютные частоты основных модальных глаголов в параллельном корпусе и веб-корпусе (WebCorp) для дальнейшего сопоставления (рис. 1 и 2).

В связи с тем, что веб-корпус является динамичным, в нём невозможно получить относительную частоту (долю в корпусе) термина поиска, и результаты будут зависеть от даты обращения, однако в корпусе есть возможность установить интервал дат [Renouf et al., 2007]. В рамках данного исследования использовались результаты поиска в Bing News и The Guardian Open Platform с начала 2023 года.

Действительно, Интернет стал источником для огромных корпусов разного рода текстов. Но необходимо помнить, что «сырые» данные требуют экспертной оценки и анализа, так как часть результатов может быть нерелевантной или некорректной.

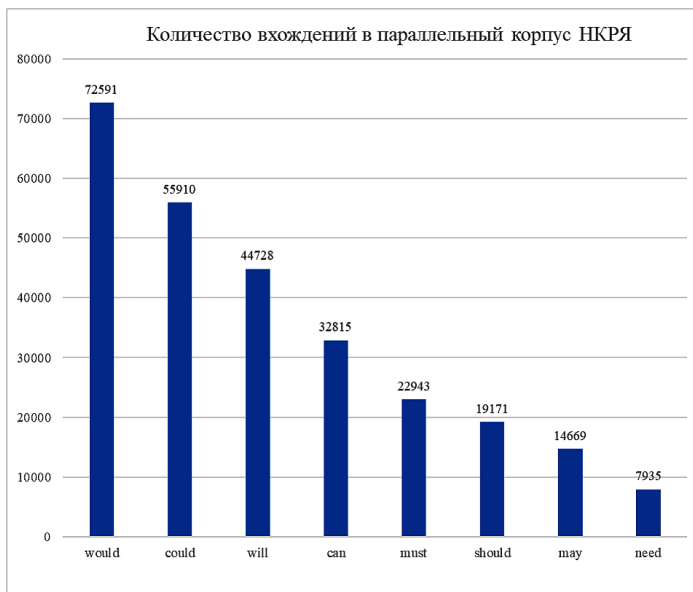

Рис. 1. Распределение основных модальных глаголов в параллельном корпусе НКРЯ по частоте

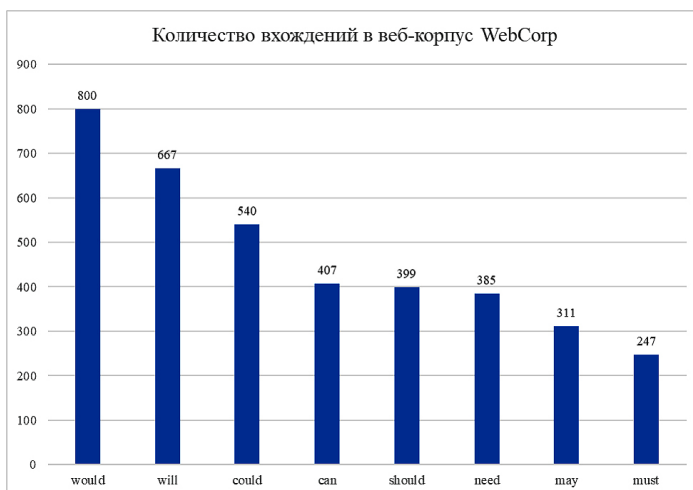

Рис. 2. Распределение основных модальных глаголов в веб-корпусе по частоте

Таблица 1

Результаты сортировки модальных глаголов по частоте

Ранг	В параллельном корпусе НКРЯ	В веб-корпусе WebCorp (Bing News и The Guardian Open Platform)
1	would	would
2	could	will
3	will	could
4	can	can
5	must	should
6	should	need
7	may	may
8	need	must

Как можно увидеть в таблице 1, между полученными результатами есть несовпадение. В связи с тем, что употребление *will* и *would* иногда может быть исключительно грамматически обоснованным, статистические данные требуют ручной проверки, что выходит за рамки данного исследования. Однако можно заметить, что в веб-корпусе *must* встречается значительно реже, чем *should*, но в параллельном корпусе, наоборот, чаще используется первый глагол. Аналогичные различия в частоте употребления наблюдаются для пары *may* и *need*. Обратим внимание, что соотношение для пары *could* и *can* одинаково для обоих рассматриваемых корпусов, а именно первый используется чаще.

3.2. Анализ переводческих решений

Рассмотрим особенности передачи модальных глаголов с английского на русский язык на материале примеров из Национального корпуса русского языка. Путем фронтального просмотра были составлены 50 конкордансов для каждого из восьми анализируемых модальных глаголов. Затем из полученных результатов выбраны публицистические примеры. В ходе анализа выявлены следующие переводческие трансформации: дословный перевод, грамматические замены, опущение, смысловое развитие (модуляция), антонимический перевод, лексическое дополнение. Рассмотрим кратко каждую из трансформаций и примеры перевода.

Дословный перевод. Данную переводческую трансформацию также называют *синтаксическим уподоблением* или *нулевой трансформацией*. Прием подразумевает преобразование синтаксической структуры на языке оригинала в аналогичную структуру на языке перевода. Рассмотрим следующий пример: *It should aim to ensure, he said, that the authority of the House of Commons is "never distorted by executive malpractices or fiat... We must*

consider whether a written constitution is what we need” / Она должна стать гарантией того, что полномочия палаты общин «никогда не будут нарушаться в результате неправомерных действий, злоупотреблений или силовых решений исполнительной власти... Мы **должны** решить, нужна ли нам письменная конституция» (Guardian, 2019) [НКРЯ].

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ. Данная грамматическая трансформация может применяться почти ко всем языковым единицам (словоформам), например, выделяют замены формы слова, части речи, члена и типа предложения и т. д.:

а) *Asked whom they would vote for if they **could**, 27 percent of Russians chose Obama, as opposed to 12 percent who opted for Romney* / На вопрос о том, за кого они проголосовали бы сами, если бы **была** такая **возможность**, ответ был таким: 27 % россиян проголосовали бы за Обаму, а за Ромни — 12 % (Washington Examiner, 2019) [Там же].

б) *An act of that kind **should** be adapted for the UK. The majority, in a referendum for Scottish independence, should be at least 60 per cent* / **Необходимо** адаптировать подобный закон для Великобритании. Большинство на референдуме о независимости Шотландии должно составлять не менее 60 % (Chatham House, 2019) [Там же].

В примере (а) можно заметить, что модальный глагол *could* был переведен фразой *есть возможность*. Также отмечается использование замены наклонения при переводе на русский язык для сохранения модальности высказывания. В примере (б) модальный глагол *should* был передан в качестве предикатива *необходимо*.

ОПУЩЕНИЕ. В. Н. Комиссаров выделяет данный тип переводческой трансформации (наряду с дополнением) в отдельную группу, относя ее к техническим приемам перевода [Комиссаров, 2017]. Прием опущения противоположен приему дополнения и применяется для снижения избыточности фразы. Пропуск определенных слов при этом не способствует неточности перевода, так как эти слова могут быть без труда восстановлены из контекста фразы (например, наличие парных синонимов или ненужных повторений). В рамках настоящего исследования было выявлено, что данная трансформация довольно часто встречается при переводе модальных значений на русский язык. Это происходит ввиду того, что «английский модальный глагол, который вместе с наклонением составляет ядро английского поля модальности, в русском переводе опускается, а его значение передается средствами другого уровня» [Ещенко и др., 2020, с. 242]. Рассмотрим следующие примеры:

а) *Argon **can** be measured from the lava flows as the radioactive decay of potassium occurs in the rocks, while beryllium can be measured in the ice cores* / В лавовых потоках ученых интересует аргон, потому что радиоак-

тивный распад калия происходит в камнях, а в ледяных кернах их интересует бериллий (CNN, 2019) [НКРЯ].

б) *Indeed, the Korean Central News Agency (KCNA) reported that the most recent test conducted at the satellite launching ground **would** bolster the country's "reliable strategic nuclear deterrent"* / И действительно, Центральное телеграфное агентство Кореи (Korean Central News Agency) сообщило, что проведенные недавно на полигоне испытания укрепят «надежные стратегические силы ядерного сдерживания» страны (CNN, 2019) [Там же].

В примере (а) можно наблюдать использование приема опущения при переводе модального глагола *can*. Также данный технический прием характерен для перевода модальных глаголов *would* и *will*, что можно увидеть в примере (б).

СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ. Данная лексико-семантическая трансформация применяется в тех случаях, когда происходит замена слова или словосочетания на языке оригинала единицей на языке перевода, значение которой логически выводится из исходного значения языковой единицы. Рассмотрим следующий пример, где модальный глагол *need* переводится как *достаточно*, так как конструкция с местоимением *one* в форме неопределенно-личного подлежащего является нетипичной для перевода на русский язык: *One **need** look only at the decision Sunday by China's Communist Party to abolish the country's presidential term limit, which will enable Xi Jinping to remain in power indefinitely, to appreciate that it's springtime for strongmen — and nobody has to worry what America thinks about that* / *Достаточно* взглянуть на решение Коммунистической партии Китая отменить ограничение президентского срока, позволяющее Си Цзиньпину бесконечно находиться у власти, чтобы понять — на дворе авторитарных правителей наступила весна. И никому больше не нужно беспокоиться о том, что подумает Америка (The New York Times, 2018) [Там же].

АНТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД. Данная лексико-грамматическая трансформация подразумевает замену конструкции с отрицательным значением на конструкцию с положительным, или наоборот, при этом смысл высказывания не изменяется. Рассмотрим следующий пример, где модальный глагол *can* был передан переводчиком как *не удастся*: *But these ambitions will likely take decades of work, and some researchers worry whether they **can** deliver on inflated expectations — or worse, that the technology might accidentally make the world a worse place* / Но чтобы реализовать эти амбиции, понадобятся десятилетия упорной работы, и некоторые исследователи обеспокоены тем, что им *не удастся* оправдать завышенные ожидания. Или еще того хуже — что эта технология случайно заведет наш мир не туда, куда надо, и жить в нем станет хуже (Wired Magazine, 2018) [Там же].

Дополнение. Данный технический прием перевода представляет включение одного и более элементов в состав словосочетания или фразы в языке перевода. Рассмотрим следующий пример, где модальный глагол *need* переводится как фраза *обязательно должно*: *Their moment doesn't need to be pretty or perfect, Willems says; it doesn't even need to be happy — it just has to be “beautiful,” whatever that word means to them* / Воспоминание не *обязательно должно* быть красивым или идеальным, — объясняет Виллемс. — Ему даже не обязательно быть счастливым. Главное — оно должно быть “прекрасным”, что бы это слово ни значило (TED, 2018) [НКРЯ].

4. Заключение = Conclusions

Представим результаты анализа наиболее частотных вариантов перевода модальных глаголов (табл. 2):

Таблица 2

Наиболее частотные варианты перевода для модальных глаголов

Наиболее частотные варианты переводы		
Модальный глагол	Варианты перевода	Частота встречаемости
Can	мочь	30
	можно	4
	способен	3
Could	мочь	34
	можно	6
	смочь	4
May	мочь	26
	возможно	8
Must	должен	33
	должно быть	4
	нужно	3
Should	должен	33
	необходимо	2
	надо	2
Need	нужно	13
	необходимо	6
	должен	6
Will	опущение	34
	будет	12
Would	опущение	38
	бы	9
	будет	3

В таблицу 2 не были включены «редкие» результаты (менее 5 применений). Трансформация смыслового развития применялась редко при переводе модальных глаголов *can*, *could*, *may*, *must*, *should* и *need*, опущение — при переводе *must*, *should* и *need*, добавление — при переводе *may* и *need*, грамматические замены — при переводе *could*, *will*, *would*. Дословный перевод редко встречался при переводе глагола *should*.

В таблице 3 отражены результаты анализа использованных переводческих трансформаций для каждого модального глагола (табл. 3):

Таблица 3

Переводческие трансформации,
используемые для перевода модальных глаголов

Переводческие трансформации, используемые для перевода модальных глаголов				
Модальный глагол	Группы переводческих трансформаций		Наиболее частые переводческие трансформации	
Can	Грамматические	43	Дословный перевод	33
	Лексические	1	Грамматическая замена	10
	Лексико-грамматические	1	Опущение	5
	Технические приемы (Опущение+Добавление)	5 (5+0)		
Could	Грамматические	41	Дословный перевод	38
	Лексические	1		
	Технические приемы (Опущение+Добавление)	8 (8+0)	Опущение	8
May	Грамматические	41	Дословный перевод	27
	Лексические	1	Грамматическая замена	14
	Технические приемы (Опущение+Добавление)	8 (6+2)	Опущение	6
Must	Грамматические	46	Дословный перевод	36
	Лексические	2	Грамматическая замена	10
	Технические приемы (Опущение+Добавление)	2 (2+0)		
Should	Грамматические	44	Грамматическая замена	43
	Лексические	4		
	Технические приемы (Опущение+Добавление)	2 (2+0)		

Окончание табл. 3

Need	Грамматические	45	Грамматическая замена	26
	Лексические	2	Дословный перевод	19
	Технические приемы (Опускание+Добавление)	3 (2+1)		
Will	Грамматические	16	Опускание	34
	Технические приемы (Опускание+Добавление)	34 (34+0)	Дословный перевод	12
Would	Грамматические	12	Опускание	38
	Технические приемы (Опускание+Добавление)	38 (38+0)	Дословный перевод	11

Таким образом, в ходе проведённого анализа было выявлено следующее:

Самым частотным вариантом перевода модального глагола *can* является *мочь*, *could* — *мочь*, *may* — *мочь*, *must* — *должен*, *should* — *должен*, *need* — *нужно*, перевод модальных глаголов *would* и *will* чаще всего был опущен.

При переводе модальных глаголов *can*, *could*, *may* и *must* наиболее часто применяются грамматические трансформации и дословный перевод; лексико-грамматические трансформации не выявлены. Для передачи модальных глаголов *should* и *need* чаще всего используются грамматические трансформации, а именно грамматические замены; лексико-грамматические трансформации не выявлены. Перевод модальных глаголов *will* и *would* в большинстве случаев был опущен, в связи с этим наиболее часто применялись технические приемы перевода, в частности, опускание; лексические и лексико-грамматические трансформации выявлены не были.

Таким образом, в первой части исследования была изучена частота употребления модальных глаголов в параллельном и веб-корпусе, что, в свою очередь, характеризует публицистические тексты с точки зрения грамматического выражения модальности. Эта информация может представлять интерес для исследователей, изучающих медиадискурс и работу переводчиков, так как даёт представление о сложившихся закономерностях употребления модальных глаголов. Так, *must* употребляется реже, чем *can*. Это соотношение верно как для параллельного, так и для веб-корпуса.

В ходе анализа примеров перевода модальных глаголов в публицистическом дискурсе на основе корпусного подхода было выявлено, что при передаче модальных глаголов с английского языка на русский наиболее

часто применяются такие переводческие трансформации, как дословный перевод — 44,25 % случаев, грамматические замены — 27,75 %, опущение — 24,25 %. Также достаточно часто при переводе используются безличные конструкции, а модальность передается с помощью языковых средств другого уровня. Лишь в 2,75 % проанализированных примеров при передаче модальных глаголов на русский язык применялась трансформация смыслового развития, еще реже (0,25 %) — антонимический перевод. Полученные результаты могут также найти применение в подготовке студентов-переводчиков, а сами корпуса — стать источником материала для анализа на практических занятиях. В связи с этим корпусно-ориентированный подход видится перспективным для дальнейших исследований в области перевода модальных глаголов в собрании текстов разных жанров и стилей, так как, помимо статистических данных, позволяет получать достаточно материала для качественного изучения переводческих стратегий и приёмов на обширном языковом материале.

В зарубежной практике использование данного метода уже показало свою эффективность в прикладных лингвистических исследованиях и обучении иностранному языку, поэтому полезным представляется дальнейшее изучение и реализация корпусных методов в отечественной науке.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 28.01.2023).
2. *WebCorp* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.webcorp.org.uk/live/index.jsp> (дата обращения 28.01.2023).

Литература

1. Абдульманова А. Х. Корпусные методы исследования в решении переводческих задач / А. Х. Абдульманова, М. Н. Куликова, И. А. Лекомцева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2021. — № 11. — С. 3429—3435. — DOI: 10.30853/phl20210570.
2. Аль-Баяти Яссин Шариф Саид Специфика типов модальностей в жанре «Деловое письмо» в кросс-культурном аспекте (на материале англоязычной деловой коммуникации) / Аль-Баяти Яссин Шариф Саид // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2019. — № 7. — С. 162—166. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.34.
3. Блерица Т. Морфологические средства выражения модальности возможности в английском, албанском и русском языках / Т. Блерица // *Вестник РУДН. Серия : Лингвистика*. — 2012. — № 3. — С. 31—40.

4. *Блинкова Л. М.* Способы передачи модальности при переводе текстов / Л. М. Блинкова // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. — Минск : Белорусский государственный университет, 2020. — С. 361—365.
5. *Вдовина М. В.* Темпоральные характеристики английских модальных глаголов : проблемы и решения / М. В. Вдовина // Вестник ОмГУ. — 2010. — № 3. — С. 125—131.
6. *Виноградов В. В.* Исследования по русской грамматике : учеб.- метод. Пособие / В. В. Виноградов ; [Ред. тома Н. Ю. Шведова]. — Москва : Наука, 1975. — 559 с.
7. *Волченкова К. Н.* Параллельный корпус как справочная база данных в работе переводчика / К. Н. Волченкова // Проблемы и перспективы развития образования в России. — 2015. — № 33. — С. 32—35.
8. *Высоцкая И. В.* Специфика категории модальности в «Деловом письме» (на материале англо- и немецкоязычной деловой коммуникации) / И. В. Высоцкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 7. — С. 170.
9. *Гитайло Е. Н.* Категория модальности и особенности перевода модальных глаголов на материале английской публицистической литературы / Е. Н. Гитайло // Lingua mobilis. — 2015. — № 2 (53). — С. 66—72.
10. *Давыдова А. Р.* Модальные глаголы как экспликатеры выражения оценки в текстах газетных сообщений / А. Р. Давыдова, М. Р. Саркисян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (66) : в 4-х ч. Ч. 3. — С. 93—97.
11. *Еремина Н. В.* Стилистические особенности перевода английских газетно-публицистических текстов / Н. В. Еремина, М. Ю. Крапивина // Вестник ТГПУ. — 2019. — № 5 (202). — С. 71—78. — DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-71-78.
12. *Ещенко И. О.* Модальная перспектива полипредикативного предложения с паратаксисом и гипотаксисом / И. О. Ещенко, К. И. Ракова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2012. — № 6 (125). — С. 74—78.
13. *Калянова Л. М.* Средства выражения модальности в английском языке / Л. М. Калянова // Евразийский Союз Ученых. — 2015. — № 7—5 (16). — С. 37—38.
14. *Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. — Москва : Либроком, 2017. — 176 с. — ISBN 978-5-397-05649-6.
15. *Кочнева М. Г.* Особенности употребления модальных глаголов в технической литературе и их перевод на русский язык / М. Г. Кочнева // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2013. — № 11. — С. 59—64.
16. *Куниловская М. А.* Особенности переводного компьютерного дискурса : закономерности передачи предикативной модальности с английского на русский язык / М. А. Куниловская // Вестник ЧелГУ. — 2011. — № 33. — С. 82—85.
17. *Лебедева И. С.* Модальные глаголы как средство воздействия в персональном и институциональном дискурсе / И. С. Лебедева, И. Д. Романова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 15 (810). — С. 77—87.
18. *Мильруд Р. П.* Подходы к изучению английских модальных глаголов / Р. П. Мильруд, А. С. Карамнов // Вестник ТГУ. — 2008. — № 8. — С. 174—182.
19. *Мириксаева К. Ш.* Концептуализация модальности в разносистемных языках (на материале глагола *can* и его ревербализаторов в русском языке) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / К. Ш. Мириксаева. — Пятигорск, 2018. — 222 с.

20. Сафонов М. А. Проблемы перевода модальных значений с английского языка на русский язык / М. А. Сафонов // *International scientific review*. — 2016. — № 21 (31). — С. 63—65.
21. Солнцева Е. С. К вопросу о свойствах медиадискурса / Е. С. Солнцева // *Известия ВГПУ*. — 2019. — № 8 (141). — С. 147—153.
22. Трансформации модальной перспективы полипредикативного предложения / И. О. Ещенко, И. В. Бойчук, Е. В. Лукьянова, К. А. Страхова // *Современный ученый*. — 2020. — № 4. — С. 241—245.
23. Уварова Е. А. Медиатекст и медиадискурс : к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика*. — 2015. — № 5. — С. 47—54.
24. Шакурова А. Р. Текстовая модальность и ее выражение в публицистическом стиле / А. Р. Шакурова, И. В. Артюшков // *Вестник Башкирского университета*. — 2014. — № 4. — С. 1396—1401.
25. Юсупова А. О. Модальность в газетно-публицистическом тексте / А. О. Юсупова // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика*. — 2015. — № 4. — С. 114—119. — DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-114-119.
26. An Yang. Epistemic modality in English-medium medical research articles : A systemic functional perspective / Yang An, Zheng Shu-yuan, Ge Guang-chun // *English for Specific Purposes*. — 2015. — Vol. 38. — Pp. 1—10. — DOI: 10.1016/j.esp.2014.10.005.
27. Bybee J. L. The Evolution of Grammar : Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / J. L. Bybee, R. D. Perkins, W. Pagliuca. — Chicago : University of Chicago Press, 1994. — 398 p. — ISBN 978-0226086651.
28. Carter R. English grammar Today : An A-Z of Spoken and Written Grammar / R. Carter, M. McCarthy, G. Mark, A. O'Keeffe. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 645 p. — ISBN 1316624064.
29. Dash N. S. Generating Parallel Translation Corpora in Indian Languages : Cultivating Bilingual Texts for Cross-Lingual Fertilization / N. S. Dash, A. Selvaraj // *Translation Today*. — 2016. — Vol. 10. — № 1. — Pp. 84—118.
30. Dash N. S. Web Text Corpus. In : *History, Features, and Typology of Language Corpora* / N. S. Dash, S. Arulmozi. — Singapore : Springer, 2018. — Pp. 125—146. — ISBN 978-981-10-7457-8.
31. Jaime A. A Comparison Analysis of Modal Auxiliary Verbs in Technical and General English / A. Jaime, C. Pérez-Guillot // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — 2015. — Vol. 212. — Pp. 292—297. — DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.375.
32. Jinghua Zhang. A Semantic Approach to the English Modality / Jinghua Zhang // *Journal of Language Teaching and Research*. — 2019. — Vol. 10. — Pp. 879—885. — DOI: 10.17507/jltr.1004.28.
33. Martín de la Rosa V. Epistemic and non-epistemic modals : The key to interpreting the spirit of counter-terrorism United Nations Security Council resolutions / V. Martín de la Rosa, E. Domínguez Romero // *Journal of Pragmatics*. — 2021. — Vol. 180. — Pp. 89—101. — DOI: 10.1016/j.pragma.2021.04.009.
34. O'Halloran K. How to use corpus linguistics in the study of media discourse / K. O'Halloran // *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. — London : Routledge, 2010. — Pp. 563—577. — ISBN 9780415464895.
35. Paquot M. A Practical Handbook of Corpus Linguistics / M. Paquot, S. T. Gries. — Springer : Cham, 2020. — 686 p.

36. Renouf A. WebCorp : An integrated system for web text search / A. Renouf, A. Kehoe, J. Banerjee // *Language and Computers*. — 2006. — Pp. 47—67.
37. Rizvic-Eminovic E. Corpus-based study of the modal verbs in the spoken and academic genres of the corpus of contemporary American English / E. Rizvic-Eminovic, D. Šukalić // *Zbornik radova Islamskog pedagoškog fakulteta u Zenici*. — 2019. — Vol. 18. — DOI:10.51728/issn.2637-1480.2019.17.351.
38. Xinyu Wu. A Corpus-Based Study of Modal Verbs in the Uniform Commercial Code of the USA / Xinyu Wu, Jian Li // *Int J Semiot Law*. — 2019. — Vol. 32. — Pp. 463—483. — DOI: 10.1007/s11196-019-09620-9.
39. Xiaowan Yang. A Corpus-based Study of Modal Verbs in Chinese Learners' Academic Writing / Xiaowan Yang // *English Language Teaching*. — 2018. — Vol. 11. — № 2. — Pp. 122—130. — DOI: 10.5539/elt.v11n2p122.
40. Yifan Zhang. A corpus-based study of modal verbs in Chinese — English governmental press conference interpreting / Yifan Zhang, Andrew K. F. Cheung // *Front Psychol*. — 2022. — DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1065077.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023,
одобрена после рецензирования 01.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 28.01.2023). (In Russ.).
WebCorp. Available at: <https://www.webcorp.org.uk/live/index.jsp> (accessed 28.01.2023).

References

- Abdulmanova, A. H., Kulikova M. N., Lekomtseva, I. A. (2021). Corpus research methods in solving translation problems. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 11: 3429—3435. DOI: 10.30853/phil20210570. (In Russ.).
- Al-Bayati Yassin Sharif Said. (2019). The specifics of the types of modalities in the genre of “Business letter” in the cross-cultural aspect (based on the material of English-language business communication). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 7: 162—166. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.34. (In Russ.).
- An Yang, Zheng Shu-yuan, Ge Guang-chun. (2015). Epistemic modality in English-medium medical research articles: A systemic functional perspective. *English for Specific Purposes*, 38: 1—10. DOI: 10.1016/j.esp.2014.10.005.
- Blerina, T. (2012). Morphological means of expressing the modality of possibility in English, Albanian and Russian. *Bulletin of the RUDN. Series: Linguistics*, 3: 31—40. (In Russ.).
- Blinkova, L. M. (2020). Methods of transmission of modality in the translation of texts. In: *Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: topical issues and prospects of development*. Minsk: Belarusian State University. 361—365. (In Russ.).
- Bybee, J. L., Perkins, R. D., Pagliuca, W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press. 398 p. ISBN 978-0226086651.
- Carter, R., McCarthy, M., Mark, G., O’Keeffe, A. (2016). *English grammar Today: An A-Z of Spoken and Written Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press. 645 p. ISBN 1316624064.

- Dash, N. S., Selvaraj, A. (2016). Generating Parallel Translation Corpora in Indian Languages: Cultivating Bilingual Texts for Cross-Lingual Fertilization. *Translation Today*, 10 (1): 84—118.
- Dash, N. S., Arulmozi, S. (2018). Web Text Corpus. In: *History, Features, and Typology of Language Corpora*. Singapore: Springer. 125—146. ISBN 978-981-10-7457-8.
- Davydova, A. R., Sarkisyan, M. R. (2016). Modal verbs as explicators of evaluation expression in the texts of newspaper reports. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (66): in 4 hours 3: 93—97. (In Russ.).
- Eremina, N. V., Krapivina, M. Y. (2019). Stylistic features of translation of English newspaper and journalistic texts. *Bulletin of TSPU*, 5 (202): 71—78. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-71-78. (In Russ.).
- Eshchenko, I. O., Rakova, K. I. (2012). Modal perspective of a polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis. *Questions of journalism, pedagogy, linguistics*, 6 (125): 74—78. (In Russ.).
- Eshchenko, I. O., Boychuk, I. V., Lukyanova, E. V., Strakhova, K. A. (2020). Transformations of the modal perspective of a polypredicative sentence. *A modern scientist*, 4: 241—245. (In Russ.).
- Gitailo, E. N. (2015). The category of modality and features of the translation of modal verbs on the material of English journalistic literature. *Lingua mobilis*, 2 (53): 66—72. (In Russ.).
- Jaime, A. A., Pérez-Guillot, C. (2015). Comparison Analysis of Modal Auxiliary Verbs in Technical and General English. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 212: 292—297. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.375.
- Jinghua Zhang. (2019). A Semantic Approach to the English Modality. *Journal of Language Teaching and Research*, 10: 879—885. DOI: 10.17507/jltr.1004.28.
- Kalyanova, L. M. (2015). Means of expressing modality in the English language. *Eurasian Union of Scientists*, 7—5 (16): 37—38 (In Russ.).
- Kochneva, M. G. (2013). Features of the use of modal verbs in technical literature and their translation into Russian. *Topical issues of modern philology and journalism*, 11: 59—64. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (2017). *Linguistics of translation*. Moscow: Librocom. 176 p. ISBN 978-5-397-05649-6. (In Russ.).
- Kunilovskaya, M. A. (2011). Features of translated computer discourse: patterns of predicative modality transfer from English to Russian. *Bulletin of ChelSU*, 33: 82—85. (In Russ.).
- Lebedeva, I. S., Romanova, I. D. (2018). Modal verbs as a means of influence in personal and institutional discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 15 (810): 77—87. (In Russ.).
- Martín de la Rosa, V., Domínguez Romero, E. (2021). Epistemic and non-epistemic modals: The key to interpreting the spirit of counter-terrorism United Nations Security Council resolutions. *Journal of Pragmatics*, 180: 89—101. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.04.009.
- Milrud, R. P., Karamnov, A. S. (2008). Approaches to the study of English modal verbs. *Bulletin of TSU*, 8: 174—182. (In Russ.).
- Miriskaeva, K. Sh. (2018). *Conceptualization of modality in multi-system languages (based on the verb can and its reverbalizers in Russian)*. PhD Diss. Pyatigorsk. 222 p. (In Russ.).

- O'Halloran, K. (2010). How to use corpus linguistics in the study of media discourse. In: *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. London: Routledge. 563—577. ISBN 9780415464895.
- Paquot, M., Gries, S. T. (2020). *A Practical Handbook of Corpus Linguistics*. Springer: Cham. 686 p.
- Renouf, A., Kehoe, A., Banerjee, J. (2006). WebCorp: An integrated system for web text search. *Language and Computers*. 47—67.
- Rizvic-Eminovic, E., Šukalić, D. (2019). Corpus-based study of the modal verbs in the spoken and academic genres of the corpus of contemporary American English. *Zbornik radova Islamskog pedagoškog fakulteta u Zenici*, 18. DOI:10.51728/issn.2637-1480.2019.17.351.
- Safonov, M. A. (2016). Problems of translation of modal meanings from English into Russian. *International scientific review*, 21 (31): 63—65. (In Russ.).
- Shakurova, A. R., Artyushkov, I. V. (2014). Textual modality and its expression in journalistic style. *Bulletin of Bashkir University*, 4: 1396—1401. (In Russ.).
- Solntseva, E. S. (2019). On the question of the properties of the media discourse. *News of the VSPU*, 8 (141): 147—153. (In Russ.).
- Uvarova, E. A. (2015). Mediatext and media discourse: on the problem of correlation of concepts. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5: 47—54. (In Russ.).
- Vdovina, M. V. (2010). Temporal characteristics of English modal verbs: problems and solutions. *Bulletin of OmSU*, 3: 125—131. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1975). *Studies in Russian grammar: textbook.- method. Manual*. Moscow: Nauka. 559 p. (In Russ.).
- Volchenkova, K. N. (2015). Parallel corpus as a reference database in the translator's work. *Problems and prospects of education development in Russia*, 33: 32—35. (In Russ.).
- Vysotskaya, I. V. (2019). Specifics of the category of modality in "Business letter" (based on the material of English- and German-language business communication). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 7: P. 170. (In Russ.).
- Xiaowan Yang. (2018). A Corpus-based Study of Modal Verbs in Chinese Learners' Academic Writing. *English Language Teaching*, 11 (2): 122—130. DOI: 10.5539/elt.v11n2p122.
- Xinyu Wu, Jian Li. (2019). Corpus-Based Study of Modal Verbs in the Uniform Commercial Code of the USA. *Int J Semiot Law*, 32: 463—483. DOI: 10.1007/s11196-019-09620-9.
- Yifan Zhang, Andrew K. F. Cheung (2022). A corpus-based study of modal verbs in Chinese — English governmental press conference interpreting. *Front Psychol*. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1065077.
- Yusupova, A. O. (2015). Modality in the newspaper and journalistic text. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 4: 114—119. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-114-119. (In Russ.).

*The article was submitted 01.04.2023;
approved after reviewing 01.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

Донскова Ю. В. Семантико-прагматические характеристики аптечных эргонимов Швеции и Великобритании / Ю. В. Донскова, А. Д. Курилова, У. П. Природина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 49—65. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-49-65.

Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Prirodina, U. P. (2023). Semantic and Pragmatic Characteristics of Pharmacy Ergonyms in Sweden and Great Britain. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 49-65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-49-65. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-49-65

Семантико-прагматические характеристики аптечных эргонимов Швеции и Великобритании

Донскова Юлия Викторовна¹ *

orcid.org/0000-0001-8002-603X

кандидат филологических наук,
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации,

* *корреспондирующий автор*
mehetabel@mail.ru

Курилова Анна Дмитриевна¹

orcid.org/0000-0001-9311-1380

кандидат филологических наук, доцент,
Институт лингвистики

и межкультурной коммуникации
akurilova@mail.ru

Природина Ульяна Петровна²

orcid.org/0009-0007-4225-8076

кандидат филологических наук, доцент
кафедры скандинавских, нидерландского и
финского языков переводческого факультета
brasikaikea@rambler.ru

¹ Первый Московский государственный
медицинский университет имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской
Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

² Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

Semantic and Pragmatic Characteristics of Pharmacy Ergonyms in Sweden and Great Britain

Yulia V.Donskova¹ *

orcid.org/0000-0001-8002-603X

PhD in Philology,
Institute of Linguistics and
Intercultural Communication,

* *Corresponding author*
mehetabel@mail.ru

Anna D. Kurilova¹

orcid.org/0000-0001-9311-1380

PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
akurilova@mail.ru

Ulyana P. Prirodina²

orcid.org/0009-0007-4225-8076

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Scandinavian, Dutch
and Finnish Languages of the Faculty
of Translation
brasikaikea@rambler.ru

¹ I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

² Moscow State
Linguistic University
(Moscow, Russia)

© Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Природина У. П., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляется специфика аптечных эргонимов Швеции и Великобритании в аспекте их семантики и прагматики. Анализ функционирования эргонимов в ономастическом пространстве разных лингвокультур направлен на уточнение представления о номинативных процессах в эргонимике. Материалом исследования стали наименования аптек, полученные методом сплошной выборки из открытых источников (около 100 единиц). В результате исследования выделены семантические группы эргонимов, обозначены тенденции их номинации, определены прагматические характеристики. Установлено, что ведущими тенденциями номинации аптек Швеции и Великобритании являются консерватизм и символизация. В шведском ономастике преобладающим типом аптечных эргонимов выступают номинации, содержащие в своем составе зоонимы (это исторически сложившаяся в данном регионе традиция наименования аптек), а для Великобритании в большей степени характерно образование названий аптек на основе топонимов и антропонимов. Отмечается, что для обеих лингвокультур типично употребление в аптечных эргонимах лексем с положительной оценочной коннотацией. Общий семантический признак аптечных эргонимов Швеции и Великобритании — создание ассоциативных связей с представлениями о природе, натуральности, экологической безопасности, знаками которых выступают, в частности, зелёный цвет, образы животных или растений.

Ключевые слова:

ономастика; аптека; эргоним; семантика; прагматика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Semantic and pragmatic characteristics of pharmacy ergonyms in Sweden and Great Britain are revealed. The analysis of the functioning of ergonyms in the onomastic space of different linguistic cultures is aimed at clarifying the idea of nominative processes in ergonyms. The material of the study was the names of pharmacies obtained by the method of continuous sampling from open sources (about 100 units). As a result of the study, semantic groups of ergonyms were identified, trends in their nomination were specified, and pragmatic characteristics were determined. It has been established that the leading trends in the nomination of pharmacies in Sweden and the UK are conservatism and symbolization. In the Swedish onomasticon, nominations containing zoonyms are the predominant type of pharmacy ergonyms (this is a tradition of naming pharmacies that has historically developed in this region), while the formation of names of pharmacies based on toponyms and anthroponyms is more typical for the UK. It is noted that for both linguistic cultures, the use of lexemes with a positive evaluative connotation in pharmacy ergonyms is typical. The common semantic feature of pharmaceutical ergonyms in Sweden and Great Britain is the creation of associative links with ideas about nature, naturalness, environmental safety, the signs of which are, in particular, green color, images of animals or plants.

Key words:

onomastics; pharmacy; ergonym; semantics; pragmatics.

УДК [811.113.6'367.622.12+811.111'367.622.12]::615.12

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Семантико-прагматические характеристики аптечных эргонимов Швеции и Великобритании

© Донскова Ю. В., Курилова А. Д., Природина У. П., 2023

1. Введение = Introduction

Языковой ландшафт города состоит из разных компонентов, в том числе и эргонимов, то есть наименований социальных, культурных, коммерческих и других объектов. Эргонимы сравнительно недавно стали предметом всестороннего научного исследования: лингвистического, психологического, культурологического и юридического. Причины нам видятся в убыстрении темпа жизни городской среды, изменении функции ее элементов и особенностей восприятия, влиянии других языков и культур. Функционирование эргонимов в ономастическом пространстве подчиняется общим лингвопрагматическим закономерностям, но также обнаруживает национально-культурную специфику. Уточнению представления о номинативных процессах в эргонимике может способствовать сравнительный анализ эргонимов, относящихся к различным лингвокультурам.

Эргонимика является бурно развивающейся областью ономастики. Образование новых эргонимов — непрерывный и динамично протекающий процесс, отражающий изменения в социальной и экономической жизни общества, предпочтения и вкусы потребителей, тенденции в сфере рекламы и маркетинга. С. О. Горяев в связи с этим говорит о *номинативном взрыве* в сфере ономастикона, включающей названия, функционирующие в коммерческой сфере [Горяев и др., 2018, с. 277]. В работах других исследователей для определения этого явления используется выражение *ономастический бум* [Шмелёва, 1997, с. 114; Боваева и др., 2019, с. 84].

Актуальность изучения эргонимов обусловлена их специфической коммуникативной ролью участника диалога с потребителем, заключающейся в формировании определённого ассоциативного представления о роде деятельности организации, предлагаемых товарах и т. д.

В разных лингвокультурах образование и функционирование аптечных эргонимов имеет свои особенности, отражающие «ономастическое сознание» [Трапезникова, 2010, с. 3] носителей языка. В центре внимания нашей статьи — эргонимы аптек Швеции и Великобритании. Выбор

данных стран не случаен. Во-первых, они представляют собой страны с устойчивым социальным и культурным уровнем развития, что даёт возможность рассмотреть ономастическое явление в диахроническом аспекте. Во-вторых, семантика эргонимов в этих странах обладает существенными различиями, в связи с этим их сравнительный анализ позволяет уточнить представления об ономастических процессах в данных лингвокультурах.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Понятие эргонима было впервые введено Н. В. Подольской в 1978 году [Подольская, 1978, с. 166], и с тех пор эргонимы остаются предметом изучения российских лингвистов. Дискуссионным остаётся вопрос о месте эргонимов в ономастическом пространстве. Справедливой представляется точка зрения Ю. Н. Мельниковой и Е. С. Шигоревой, указывающих на промежуточное положение эргонимов наряду с зоонимами, фитонимами, этнонимами между онимами и апеллятивами [Мельникова и др., 2015, с. 183].

В зарубежной науке также проявляется интерес к названиям организаций, фирм, магазинов, но чаще для их обозначения используется термин “commercial name” [Sjöblom, 2014, p. 92]. На проблему «коммерческих наименований», в том числе и на вариативность их терминологического определения, обратила внимание финская исследовательница П. Шёблум. Термин *эргоним*, как подчёркивается в её работе, более широк и включает в себя названия некоммерческих организаций (например, школ, учреждений культуры и т. д.), следовательно, его можно рассматривать как гипероним для гипонима «коммерческое наименование» [Sjöblom, 2014, p. 93]. В то же время наблюдается активное вхождение данного термина и в российское терминологическое пространство [Горяев и др., 2018, с. 277]. В работе М. Е. Новичихиной и М. А. Дрогайцевой определяется специфика коммерческих наименований и их место в ономастическом пространстве. Коммерческая номинация трактуется авторами как «языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение прибыли» [Новичихина и др., 2021, с. 28]. По мнению исследователей, в отличие от других ономастических единиц коммерческие наименования выполняют не только номинативную, но и информативную функцию, при этом именно информативная функция является основной и «превращает название в мощный инструмент управления поведением потребителя» [Новичихина и др., 2021, с. 30]. Эргонимы аптек, с нашей точки зрения, также представляют собой пример коммерческой номинации, так как одна из их функций — привлечение внимание потребителей в услови-

ях конкуренции. Проблема функциональной нагрузки эргонимов активно обсуждается исследователями. И. А. Тортунова в качестве основных выделяет информативную и воздействующую функцию эргонимов [Тортунова, 2012, с. 126]. И. Т. Вепрева придерживается того же мнения, отмечая, что эргонимы «являются динамично развивающейся группой, обладающей, помимо номинативной функции, функцией речевого воздействия на горожанина, выступающего в роли адресата в диалоге с номинатором, автором эргонима» [Вепрева, 2019, с. 169]. По отношению к эргонимам аптек это утверждение также справедливо.

Аптечные эргонимы представляют малоисследованную область ономастики. Ранее проблема аптечных эргонимов затрагивалась в работах более общего характера, посвящённых эргонимам в целом [Емельянова, 2007; Трапезникова, 2010; Тортунова, 2012]. Исследование проблемы проводилось на материале российских аптек. Сравнение принципов наименования аптек на русском и белорусском материале осуществлено в работах А. М. Мезенко [Мезенко, 2018] и В. С. Ковалёвой [Ковалёва, 2021]. Вместе с тем внимание к разным видам эргонимов, названиям торговых марок, брендов, фирм возрастает во всём мире. На актуальность сопоставительного анализа эргонимов разных языков указывает, в частности, И. Ю. Моисеева [Моисеева и др., 2019, с. 306]. Примером исследования в данной области является диссертация Е. А. Трифоновой, посвящённая семантике, прагматике и поэтике русских и английских эргонимов [Трифорова, 2006]. Принципы номинации аптечных эргонимов в разных странах представляют интерес для сравнительного изучения ономастики различных лингвокультур для определения преобладающих способов номинации и выявления прагматической составляющей эргонимов.

Это обусловило выбор материала данного исследования: эргонимы аптек Швеции и Великобритании. Для анализа выбраны ономастические единицы шведского и английского языков, принадлежащих к одной языковой группе германских языков, что позволяет выдвинуть гипотезу о национально-культурной обусловленности ономастических процессов, имеющих свои особенности даже в родственных языках.

Ономастические единицы аптечных эргонимов, привлечённые для анализа, получены методом сплошной выборки из открытых источников (около 100 единиц). Исследование проводилось как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Были выявлены тенденции номинации аптечных эргонимов, определены их семантические признаки и прагматический потенциал.

В работе применялись следующие методы: сравнительный, когнитивно-функциональный, метод семантического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Понятие эргонима

Понятие эргонима можно трактовать в узком и широком смысле. В «Словаре русской ономастической терминологии» приводится определение эргонима в узком смысле: эргоним понимается как разряд онима, представляющий собой «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1978, с. 166]. Аналогичной трактовки придерживается А. М. Емельянова: «Под эргонимами понимаются лишь собственные имена предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (научного, учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (агентства, банка, магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра, парка), спортивного заведения (комплекса, стадиона)» [Емельянова, 2007, с. 5]. В широком смысле эргоним включает номинатив (собственное имя) и функционал (обозначение функции) [Шавлюк, 2019, с. 255]. В данной статье мы исследуем ономастический компонент эргонима, то есть эргонимы в узком смысле, однако учитываем, что в отдельных наименованиях номинатив включает в себя и указание на функцию.

Особенностью эргонимов является вторичность номинации, так как чаще всего они представляют собой уже существующие онимы (топонимы, антропонимы, зоонимы и т. д.). Вместе с тем некоторые эргонимы — это неологизмы (например, образованные путём аббревиации).

Эргонимы играют важную роль в лингвистическом пространстве современного общества. Помимо идентифицирующей (отнесение объекта к определённой группе) и информативной (передача информации) функций, эргонимы выполняют и рекламную функцию. В условиях конкуренции рекламная функция приобретает исключительное значение, способствуя созданию запоминающегося образа и привлечению потребителей. Как подчёркивает И. В. Крюкова, так происходит передача потребителю «посредством кодирования ... релевантной информации о товаре или услуге, предоставляемых той или иной компанией» [Крюкова, 2011, с. 134].

Аптечные эргонимы, как и эргонимы других торговых предприятий, преследуют цель убедить потенциальных клиентов в надёжности и высоком качестве товара, что в случае аптек оказывается особенно важным. Коннотативный аспект семантики эргонимов, согласно М. Г. Курбановой, «несёт экстралингвистический характер и влияет на конкурентоспособность эргонима» [Курбанова, 2015, с. 7]. Формирование положительного образа аптеки во многом обусловлено её названием. Аптечные эргонимы могут апеллировать к разным ценностным предпочтениям, таким как при-

верженность традициям, экологичность, элитарность, доступность и т. д., транслировать положительные эмоции, ассоциироваться с бодростью, силой, здоровьем.

3.2. Шведские аптечные эргонимы

Рассмотрим названия некоторых аптек, основанных в Швеции со второй половины XVI века до первой половины XX века и сохранивших своё историческое название. Для этих аптек важны были аптечные вывески, оформленные входы, дорогостоящие символы аптек, многие из которых созданы известными мастерами. Ряд вывесок и скульптур существуют до сих пор, хотя аптеки закрыты.

Шведские аптечные эргонимы в большинстве случаев включают обозначение функции учреждения (например, *Apoteket*, *Apotek*, *Apoteksgruppen*) и собственно название. До 2009 года в стране действовала государственная монополия на аптеки. До начала приватизации аптеки управлялись государственной компанией *Apoteket AB*, но и после значительная часть аптек осталась в ведении компании. Этим объясняется единообразие аптечных эргонимов (лексема *Apoteket* как элемент эргонима) и сходство визуального оформления названия (зелёный цвет, варианты зелёного креста в логотипе) во многих аптеках [The Branding Source, 2011].

В ряде шведских аптек в качестве эргонимов выступают **зоонимы** — названия представителей фауны. Например: *Apoteket Lejonet*, *lejon* ‘лев’; *Apoteket Leoparden*, *leopard* ‘леопард’; *Apoteket Markattan*, *markatta* ‘мартышка’; *Apoteket Vita Björnen*, *vita björnen* ‘белый медведь’; *Apoteket Älgen*, *älg* ‘лось’; *Apoteket Elefanten*, *elefant* ‘слон’; *Apoteket Mården*, *mård* ‘куница’; *Apoteket Stenbocken*, *stenbock* ‘горный козёл’; *Apoteket Svanen*, *svan* ‘лебедь’; *Apoteket Öرنen*, *örn* ‘орёл’; *Apoteket Korpen*, *korp* ‘ворон’; *Apoteket Ugglan*, *uggla* ‘сова’; *Apoteket Storken*, *stork* ‘аист’; *Apoteket Påfågeln*, *påfågel* ‘павлин’. Значительное количество зоонимов среди эргонимов аптек свидетельствует о специфике «зоологического кода шведской культуры» [Природина, 2021, с. 105].

Онимы животных и птиц в названиях аптек в одних случаях апеллируют к стереотипным представлениям о силе (медведь, леопард, слон, орёл), красоте (лебедь, павлин) или долголетию (ворон), в других случаях содержат отсылку к фауне, распространённой в Швеции (горный козёл, куница, лось). Традиция использования зоологического кода в данной лингвокультуре может быть связана со старинной практикой использования в медицинских препаратах продуктов животного происхождения, таких, например, как слоновая кость, скорлупа страусиного яйца, помет павлина, жир или сердце мартышек. Онимы мифологических живых существ в названиях аптек (*Apoteket Enhörningen*, *enhörning* ‘единорог’; *Apoteket Fenix*, *fenix*

‘феникс’, *Apoteket Draken*, *drake* ‘дракон’) как прецедентные феномены, упоминание которых вызывало в памяти известные носителям европейской культуры сюжеты и представления, образовывали благоприятные для аптек ассоциации. Так, рог единорога считался обладающим целебной силой универсального противоядия, дракон ассоциировался с могуществом и бессмертием, а возрождение феникса из пепла воспринималось как аллегория выздоровления от тяжёлой болезни.

Ассоциации с небесным покровительством вызывают названия аптек, связанные с религиозными символами и агнионимами: *Apoteket Ängeln*, *ängel* ‘ангел’; аптека *Mariaapoteket* названа в честь Девы Марии; аптека *Apoteket S:t Erik* получила наименование в честь святого Эрика.

Аптеки часто меняли названия. Наряду с изменением семантики происходило сокращение названия аптеки, возможно, в силу универсальной тенденции экономии языковых усилий, общей для многих языков. Например, *Armerade Ugglan* ‘вооруженная сова’ → *Ugglan*; *Apoteket Örnén* → *Förgyllta Korpen* ‘позолоченный ворон’ → *Apoteket Korpen*. Замена зоонима в последнем примере может быть обусловлена тем, что ворон традиционно ассоциируется с долголетием и более уместен в роли символа аптеки.

Ряд вышеуказанных аптек прекратили свое существование, в то время как некоторые учреждения объединились и стали входить в ныне действующие аптечные сети. Например, в 1989 году *Apoteket Svanen* (*Svan*) объединилась с *Apoteket Vita Björnen* и приобрела новое название *Vita Björn*. В 1981 году *Apoteket Draken* объединилась с *Apoteket Stenbocken* и под названием *Apoteket Draken* является филиалом аптечной сети *Apoteksgruppen*. В 1976 году *Apoteket Enhörningen* объединилась с *Bävern* (*bäver* ‘бобер’) под названием *Mariaapoteket*, войдя в сеть аптек *Apotek Hjärtat* (*hjärta* ‘сердце’). Использование в номинации аптек символики сердца не только указывает на необходимость заботы о жизненно важном органе, но и актуализирует такие концептуальные признаки данного символа, как забота, любовь, милосердие.

Встречаются названия **антропонимы**, данные в честь известных личностей. Так, *Apoteket C. W. Scheele* названа именем выдающегося химика-фармацевта XVIII века Карла Вильгельма Шееле.

Отдельные эргонимы образованы от слов различной семантики с положительной оценочной коннотацией. Среди них — названия, которые могут рассматриваться как символы: *Apoteket Kronan*, *krona* ‘корона’ (название содержит апелляцию к королевской власти, имплицитное указание на лидирующую роль популярной в Швеции аптечной сети; *Apoteket Nordstjärnan* (изначально *Apoteket Nordstjernan*), *nordstjärna* ‘Северная звезда’ (название подчёркивает географическое расположение и символизирует

известный с древних времён ориентир, путеводную звезду); *Apotek Hjärtat* (эргоним, с одной стороны, обозначает жизненно важный орган (сердце), который может нуждаться в лечении, а с другой стороны, вызывает ассоциации с сердечностью, добрым расположением, заботой, сочувствием, что способствует созданию позитивного имиджа аптеки). *Apotek Hjärtat* является одной из самых крупных аптечных сетей в Швеции, её логотип представляет собой условное графическое изображение сердца зелёного цвета, а стратегия бренда позиционирует аптеку как близкую сердцу каждого клиента.

Как отмечает Е. А. Трифонова, для достижения запланированного прагматического эффекта при номинации эргонимов необходимо «совпадение номинативных интенций автора и субъективных ожиданий адресата» [Трифорова, 2006, с. 4]. Эргонимы должны прежде всего указывать на предназначение учреждения, сферу его деятельности. Этой задаче подчинена и символика аптечных названий. Названия, как правило, содержат лексемы с положительным эмоционально-оценочным звучанием, способствующие формированию положительного образа аптеки. Например, *Cura apoteket* содержит функционал *apoteket* и номинативную часть, представляющую собой латинское слово со значением ‘забота’.

Некоторая часть эргонимов представляет собой окказионализмы, образованные с помощью аббревиации. К этой группе относится аптека *Med-stop*. Семантика названия включает основу *-med-*, обозначающую медицинское учреждение, и основу *-stop-*, указывающую на остановку, стоянку, место, где следует задержаться.

Таким образом, прагматический потенциал шведских аптечных эргонимов проявляется в выборе названий, содержащих образные отсылки к здоровью, долголетию, чудесному исцелению, небесному покровительству. Сохраняется тенденция сокращения эргонимов, проявляющаяся, в частности, в аббревиации. Современные эргонимы шведских аптек отличаются семантическим разнообразием, но в некоторых из них сохраняется своеобразие исторических названий, включающих зоонимы.

3.3. Британские аптечные эргонимы

Топонимические наименования составляют наиболее представительную группу английских аптечных эргонимов. Название дается по месту, где находится заведение. Чаще всего таким источником для наименования служит улица (в скобках указаны города, где расположены аптеки): *Leyes Lane Pharmacy* (Кенилворт), *Harellis Pharmacy* (Лидс), *Heathfield Pharmacy* и *Richmond Pharmacy* (Бирмингем), *Widcombe Pharmacy* (Бат), *Foleshill Pharmacy*, *Humber Pharmacy*, *Walsgrave Pharmacy*, *Norton Hill Pharmacies Ltd.* (Ковентри), *Glasshouse Pharmacy* (Эксетер), *Stroud Road Pharmacy*

(Глостер), *Bowerham Pharmacy* (Ланкастер), *Newburn Pharmacy* и *Fawdon Park Pharmacy* (Ньюкасл-апон-Тайн), *Westdale Pharmacy* и *Radford Road Pharmacy* (Ноттингем), *King Street Pharmacy* (Плимут), *Wicker Pharmacy* и *Abbydale Pharmacy* (Шеффилд). На втором месте по частотности — названия небольших населенных пунктов рядом с крупными городами: *Silver street Bathampton Pharmacy* и *Timsbury Pharmacy* (рядом с Батом), *Sherburn Village Pharmacy* (рядом с Даремом). Реже источником для наименования может служить район города: *Larkhall Pharmacy* (Бат); *Boughton Pharmacy* (Честер), *Halton Pharmacy* (Ланкастер). К топониму можно отнести и такое название, как *Fields Pharmacy* (Брайтон), обозначающее особенности местного ландшафта. Название аптечной сети *My Local Chemist* не содержит названия конкретного топоса, но апеллирует к чувству привязанности к родным местам.

Антропонимические названия аптек и аптечных / фармацевтических сетей составляют существенную часть британских аптечных эргонимов. Приведём несколько примеров.

Джон Белл и Кройден (*John Bell & Croyden*) — одна из старейших (1798) аптек Лондона. Первоначально она носила имя основателя — фармацевта Джона Белла. Антропоним *Croyden* был присоединен в 1903 году, когда произошло слияние компании *John Bell* с *Charles Croyden & Co*. Сеть *Boots* (с 1849 года) — международная компания, торгующая изделиями медицинского назначения, фармацевтикой и средствами для ухода и красоты, названа по имени основателя компании — Джона Бута (*John Boot*). *Hamblin's Pharmacy* (1992) в Норвиче названа по имени основателя компании — фармацевта Дэвида Хамблина. Коэнс Кэмист (*Cohens Chemist*) в Манчестере входит в аптечную сеть *Cohens Group*, названную по имени Уильяма Себастьяна Коэна. Также фамилию своего основателя Аллена Ллойда носит и *Lloyds Pharmacy*. *Morrison Pharmacy* названа по фамилии основателя аптечной сети (1859). Их девиз — *trusted care for generations* («надежная забота о следующих поколениях») — подчёркивает надёжность компании и её долгую историю. Наименование лондонской гомеопатической аптеки *Nelsons Pharmacy* (1860) восходит к фамилии Шарлотты Нельсон, жены основателя аптеки — Эрнста Луиса Амбрехта. Примечательно, что первоначальное наименование аптеки содержало фамилии обоих супругов, однако впоследствии сократилось до фамилии жены. Думается, что такое изменение было сделано в пользу английского звучания названия компании. Антропонимом является и название аптеки *Dudley Taylor* (семейная компания с 1948 года). Семейная аптека *Walkers Pharmacy* в Бирмингеме также носит фамилию своих основателей — семьи Уолкер. Как отмечает Л. В. Дубровина в своём исследовании эргонимов лечебных учреждений Великобритании и США, «становясь частью медицинского

эргонима, имя собственное теряет связь с конкретным лицом. Оно приобретает дифференцирующую функцию» [Дубровина, 1988, с. 101]. Эта закономерность характерна и для аптечных эргонимов.

Название аптеки *Asda Pharmacy*, являющейся частью сети супермаркетов, представляет собой окказионализм, образованный путём аббревиации. Первый слог слова отсылает к первому слогу фамилии основателей компании — братьев Асквит (*Asquith*), а второй слог — к названию компании *Associated Dairies company of Yorkshire*, с которой семья Асквит создала совместный бизнес. Вероятно, при номинации было учтено и совпадение первых слогов слов *Asquith* и *Associated*. Аптека *Prince of Wales Pharmacy* получила своё название в честь принца Уэльского, в данном случае эргоним апеллирует как к названию улицы, на которой расположена аптека в Бирмингеме, так и к национальным традициям. Ассоциации с короной или королевской семьёй призваны также указать на высокое качество оказываемых услуг. Примером аббревиации в образовании эргонима из антропонимов служит также название компании *Tesco*, в состав которой входит и сеть аптек. Название представляет собой акроним, образованный путём комбинации начальных букв имён торгового партнёра компании Т. Е. Стоквелла (*T. E. Stockwell*) и её основателя Джека Коэна (*Jack Cohen*). Этот тип неологизма относится к **агнонимам**, то есть словам, не имеющим лексического значения.

К группе антропонимических названий примыкает небольшая группа названий аптек, включающих **агионимы**, то есть онимы, которые образованы от имени святого. *St Leonards Pharmacy* (Эксетер) названа в честь святого Леонарда Ноблакского, помогающего роженицам. Университет и церковь в Эксетере также носят имя этого святого. Название *St Anthony's Pharmacy* (Ньюкастл-апон-Тайн) восходит к госпитальному братству святого Антония.

Особо следует выделить **символические** наименования, имеющие аксиологическое значение. Примером может служить название аптеки *Star Pharmacy Group* (австралийская фармацевтическая компания, представленная на британском рынке). Символика компании (пять звезд) означает высокий уровень качества. Семантика эргонима *Twilight Pharmacy* (аптека «Сумерки») отсылает к неоднозначному в эмоционально-оценочном отношении образу сумерек, который можно интерпретировать как символ пограничного состояния между светом и тьмой, жизнью и смертью. Девиз компании *“more than just a pharmacy”* («больше чем аптека») усиливает символические коннотации. Название компании *Greenlight* («Зелёный свет») (1999), одним из направлений которой является аптечное дело, акцентирует нацеленность на сохранение здоровья, а не на лечение болезней. Такой подход компания считает своей социальной миссией. Особо подчер-

живается, что аптеки данной компании находятся в социально неблагополучных районах города, а также районах с мультикультурным составом населения. Зелёный цвет в современном мире стал узнаваемым символом здорового образа жизни. Семантика зелёного цвета, символизирующего здоровье и близость к природе, используется и в названии аптеки *Evergreen Pharmacy* (Бирмингэм).

Отметим, что адресация к здоровому человеку является заметной тенденцией в современной аптечной эргонимике. Некоторые аптечные эргонимы Великобритании представляют аптеку как часть стиля жизни здорового человека: *Lifestyle Pharmacy* (аптека «Образ жизни») (девиз: *Your Lifestyle — your Pharmacy* — «ваш образ жизни — ваша аптека»); *Living Care Pharmacy* (аптека «Забота о жизни») (Лидс), *Wellbeing Pharmacy* (аптека «Благополучие») — часть концерна Wellbeing Ltd. (девиз: *Your Healthcare partner* — «ваш партнер в области здравоохранения»), *Well Pharmacy* (аптека «Благо»). Забота о благополучии и здоровье акцентируется во многих девизах аптек (кроме вышеназванных, например, в девизе аптеки *Stoltons pharmacy* в Плимуте: *Caring for you, your health and your wellbeing* — «заботимся о вас, о вашем здоровье и благополучии»).

Близость к природе подчёркивается **фитонимами**. Так, название аптеки *Peartree Pharmacy* ‘грушевое дерево’ вызывает ассоциации с натуральными и полезными продуктами, однако это название в то же время является топонимом, так как аптека находится на улице *Peartree Lane*.

Ряд эргонимов содержит **характеристику продукции**, продаваемой в аптеке. Так, название *The Organic Pharmacy* указывает на органические лекарственные средства, а эргоним *Superdrug Pharmacy* акцентирует высокое качество предлагаемых лекарств.

Принципы номинации аптек во многом совпадают с принципами номинации, используемыми в других эргонимах. Так, согласно И. Шпитцнер, в наименованиях компаний отражается стремление подчеркнуть стабильность, устойчивую позицию на рынке, что проявляется в фокусировании на исторических традициях деятельности фирмы, социальной или экологической ориентированности [Spitzner, 2016, p. 169—170]. В английских аптечных эргонимах наблюдается этот же подход. Традиция, благополучие, экологическая безопасность — именно эти ценности определяют семантику названий аптек в Великобритании.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, нами были проанализированы исторические и современные наименования аптек Швеции и Великобритании, выделены основные семантические группы эргонимов, определен их прагматический

потенциал. Общими тенденциями номинации аптек выступают консерватизм, то есть приверженность сложившимся национальным ономастическим стереотипам, и символизация, то есть использование в качестве эргонимов лексем, обладающих символическим потенциалом.

В результате исследования было установлено, что для шведских аптечных эргонимов характерны образные номинации, подчёркивающие преемственность исторических традиций номинации аптек. Преобладающим типом эргонимов являются зоонимы. Апелляция к традициям способствует формированию позитивного образа аптек, ассоциирующегося с надежностью, постоянством. В состав шведских аптечных эргонимов входят также антропонимы и имена, представляющие узнаваемые символы короны, сердца.

Британские аптечные эргонимы в большей степени демонстрируют прагматизм, чем стремление к оригинальности номинатива. Наиболее популярными остаются традиционные номинации, в основе которых лежат топонимы, указывающие на локацию аптеки, и антропонимы, представляющие имя основателя или владельца. В структуре названий аптек представлены также фитонимы, агнионимы и другие названия, обладающие символическим потенциалом. Главными особенностями британских аптечных эргонимов являются информативность, конкретность, отсутствие ярко выраженной эмоциональной окраски и образности онима. Ценности, к которым апеллируют эргонимы (монархия, семейное дело, связь истории и современности), относятся к традиционным для британской лингвокультуры.

Общим семантическим признаком аптечных эргонимов Швеции и Великобритании выступает ориентация на экологически ориентированных потребителей, создание ассоциативных связей с представлениями о природе, натуральности, экологической безопасности, знаками которых выступают, в частности, зелёный цвет, образы животных, птиц и растений.

Сравнительное изучение принципов номинации аптечных эргонимов в аспектах семантики и прагматики, на наш взгляд, является перспективным направлением исследования ономастического пространства разных лингвокультур. Полученные результаты могут быть использованы для анализа нейминга других групп эргонимов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1978. — 200 с.
2. *Registered Pharmacies.* 2017 [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.nhsbsa.nhs.uk/sites/default/files/2017-03/Registered_Pharmacies_2017-02-28.pdf (accessed 28.01.2023)
3. *Swedish pharmacies* // The Branding Source. — 2011. — July 15 [Electronic resource]. — Access mode : <http://brandingsource.blogspot.com/2011/07/swedish-pharmacies.html> (accessed 10.02.2023).
4. *The Best 10 Pharmacy in Gothenburg, Sweden* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.yelp.com/search?cflt=pharmacy&find_loc=Gothenburg&start=10 (accessed 14.02.2023).
5. *Top Websites Ranking. Most Visited Pharmacy Websites in Sweden* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.similarweb.com/top-websites/sweden/health/pharmacy/> (accessed 19.02.2023).

Литература

1. *Боваева Г. М.* Исследование эргонимов городского ономастикона / Г. М. Боваева, Т. В. Бураева, Э. О. Дальдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 84—87. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.1.18.
2. *Вепрева И. Т.* Современный эргонимикон : в поиске новых форм выражения / И. Т. Вепрева // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 168—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051.
3. *Горяев С. О.* Коммерческое имя в мировой ономастике : современное состояние / С. О. Горяев, А. Бугешу // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 276—290. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.276-290.
4. *Дубровина Л. В.* Официальные названия лечебных учреждений в Великобритании и США / Л. В. Дубровина // Ономастика. Типология. Стратиграфия. — Москва : Наука, 1988. — С. 99—107.
5. *Емельянова А. М.* Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. М. Емельянова. — Уфа, 2007. — 23 с.
6. *Ковалёва В. С.* О названиях фармацевтических учреждений Смоленска и Витебска / В. С. Ковалёва // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования. — 2021. — № 9. — С. 34—40.
7. *Крюкова И. В.* Имена собственные в современной российской рекламе / И. В. Крюкова // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография. — Москва : Флинта ; Наука, 2011. — С. 261—278.
8. *Мезенко А. М.* Особенности номинации аптек в Витебске и Смоленске : семантическая зона «здоровье» / А. М. Мезенко // Наука — образованию, производству, экономике : материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов (Витебск, 15 февраля 2018 г.) : в 2 т. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. — Т. 1. — С. 176—177.
9. *Мельникова Ю. Н.* Статус имён собственных в лексической системе : в сопоставлении с именами нарицательными / Ю. Н. Мельникова, Е. С. Шигорева // Лексикография и коммуникация — 2015 : материалы I Международной научной конференции. — Белгород : [б. и.], 2015. — С. 181—188.

10. Моисеева И. Ю. Структурно-семантическое исследование образования эргонимов : сравнительный аспект / И. Ю. Моисеева, Е. А. Осыченко // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 2 (27). — С. 305—308. — DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0073.

11. Новичихина М. Е. О месте коммерческой номинации в ономастическом пространстве / М. Е. Новичихина, М. А. Дрогайцева // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2021. — № 4 (43). — С. 27—35. — DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.77.59.004.

12. Природина У. П. Зооним как структурно-содержательный компонент годонимов Стокгольма / У. П. Природина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2021. — № 2 (41). — С. 105—110. — DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.51.26.015.

13. Тортюнова И. А. Эргоним как результат речетворчества / И. А. Тортюнова // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 124—136.

14. Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярск) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Трапезникова. — Красноярск, 2010. — 21 с.

15. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов : семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Трифонова. — Волгоград, 2006. — 20 с.

16. Шавлюк В. Б. О структуре эргонима / В. Б. Шавлюк // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2019. — № 6. — С. 253—256.

17. Шмелёва Т. В. Письменность городской среды / Т. В. Шмелёва // Фонетика — орфоэпия — письмо в теории и практике : межвузовский сборник научных трудов. — Красноярск : Красноярский государственный университет, 1997. — Выпуск 1. — С. 114—123. — ISBN 5-7638-0047-8.

18. Sjöblom P. Commercial names and unestablished terminology / P. Sjöblom // Names in daily life. Proceedings of the XXIV International Congress of Onomastic Sciences. Eds. Joan Tort i Donada Montserrat Montagut i Montagut. — 2014. — Pp. 92—98. — DOI: 10.2436/15.8040.01.12.

19. Spitzner I. Names and Sustainability : How do Company Names Reflect Sustainability? / I. Spitzner // Names and Their Environment: Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25—29 August 2014). — Glasgow : University of Glasgow, 2016. — Vol. 5. — Pp. 164—171.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023,
одобрена после рецензирования 03.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

Podolskaya, N. V. (1978). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. 200 p. (In Russ.).

Registered Pharmacies. 2017. Available at: https://www.nhs.uk/sites/default/files/2017-03/Registered_Pharmacies_2017-02-28.pdf (accessed 28.01.2023).

Swedish pharmacies. (2021). *The Branding Source*. July 15. Available at: <http://branding-source.blogspot.com/2011/07/swedish-pharmacies.html> (accessed 10.02.2023).

The Best 10 Pharmacy in Gothenburg, Sweden. Available at: https://www.yelp.com/search?cflt=pharmacy&find_loc=Gothenburg&start=10 (accessed 14.02.2023).

Top Websites Ranking. Most Visited Pharmacy Websites in Sweden. Available at: <https://www.similarweb.com/top-websites/sweden/health/ pharmacy/> (accessed 19.02.2023).

References

- Bovaeva, G. M., Buraeva, T. V., Daldinova, E. O. (2019). The study of ergonyms of the urban onomasticon. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (1): 84—87. DOI: 10.30853/filnauki.2019.1.18. (In Russ.).
- Dubrovina, L. V. (1988). Official names of medical institutions in the UK and the USA. In: *Onomastics. Typology. Stratigraphy*. Moscow: Nauka. 99—107. (In Russ.).
- Emelyanova, A. M. (2007). *Ergonyms in the linguistic landscape of a multiethnic city (on the example of the names of business, commercial, cultural, sports facilities in Ufa)*. Author's abstract of PhD Diss. Ufa, 2007. — 23 p. (In Russ.).
- Goryaev, S. O., Bugeshu, A. (2018). Commercial name in world onomastics: the current state. *Communicative research*, 3 (17): 276—290. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.276-290. (In Russ.).
- Kovaleva, V. S. (2021). About the names of pharmaceutical institutions in Smolensk and Vitebsk. *Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research*, 9: 34—40. (In Russ.).
- Kryukova, I. V. (2011). Proper names in modern Russian advertising. In: *Advertising discourse and advertising text: a collective monograph*. Moscow: Flint; Nauka. 261—278. (In Russ.).
- Melnikova, Yu. N., Shigoreva, E. S. (2015). The status of proper names in the lexical system: in comparison with common names. In: *Lexicography and communication — 2015: proceedings of the 1 International Scientific Conference*. Belgorod: [B. I.]. 181—188. (In Russ.).
- Mezenko, A. M. (2018). Features of the nomination of pharmacies in Vitebsk and Smolensk: semantic zone “health”. In: *Science — education, production, economy: materials of the XXIII (70) Regional scientific and practical conference of teachers, researchers and Postgraduate students (Vitebsk, February 15, 2018): in 2 volumes, 1*. Vitebsk: VSU named after P. M. Masherev. 176—177. (In Russ.).
- Moiseeva, I. Yu., Osychenko, E. A. (2019). Structural and semantic study of the formation of ergonyms: a comparative aspect. *Baltic Humanitarian Journal*, 8 / 2 (27): 305—308. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0073. (In Russ.).
- Novichikhina, M. E., Drogaitseva, M. A. (2021). On the place of commercial nomination in onomastic space. *Topical issues of modern philology and journalism*, 4 (43): 27—35. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.77.59.004. (In Russ.).
- Prirodina, U. P. (2021). Zoonym as a structural and meaningful component of the Stockholm godonyms. *Topical issues of modern philology and journalism*, 2 (41): 105—110. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.51.26.015. (In Russ.).
- Shavlyuk, V. B. (2019). On the structure of the ergonym. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 6: 253—256. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Writing of the urban environment. In: *Phonetics — orthoepy — writing in theory and practice: interuniversity collection of scientific papers, 1*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 114—123. ISBN 5-7638-0047-8. (In Russ.).
- Sjöblom, P. (2014). Commercial names and unestablished terminology. *Names in daily life. Proceedings of the XXIV International Congress of Onomastic Sciences*. Eds. Joan Tort i Donada Montserrat Montagut i Montagut. 92—98. DOI: 10.2436/15.8040.01.12.

- Spitzner, I. (2016). Names and Sustainability: How do Company Names Reflect Sustainability? In: *Names and Their Environment: Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25—29 August 2014)*, 5. Glasgow: University of Glasgow. 164—171.
- Tortunova, I. A. (2012). Ergonym as a result of speech-making. *Nauchnyy dialog*, 3: 124—136. (In Russ.).
- Trapeznikova, A. A. (2010). *Onomastic consciousness of a modern citizen (based on the ergonymy of Krasnoyarsk)*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 21 p. (In Russ.).
- Trifonova, E. A. (2006). *Names of business objects: semantics, pragmatics, poetics (based on the material of Russian and English ergonyms)*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 20 p. (In Russ.).
- Vepreva, I. T. (2019). Modern ergonymicon: in search of new forms of expression. *Questions of onomastics*, 16 (4): 168—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051. (In Russ.).

*The article was submitted 01.04.2023;
approved after reviewing 03.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

Езаова М. Ю. Цветовое наименование *цххуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика / М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева, Ф. М. Ашхотова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 66—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-66-84.

Ezaova, M. Yu., Shugusheva, Ju. Kh., Ashkhotova, F. M. (2023). Colour Name 'Shkhue' in Adyghe Linguistic Culture: Etymology, Internal Form, Semantics. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 66-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-66-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-66-84

Цветовое наименование *цххуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика

Езаова Мадина Юрьевна

orcid.org/0000-0002-0574-7299

кандидат филологических наук, доцент
кафедры кабардино-черкесского
языка и литературы
madinaezaova@mail.ru

Шугушева Джулета Хабасовна *

orcid.org/0000-0001-7162-5057

кандидат филологических наук, доцент
кафедры кабардино-черкесского
языка и литературы,

* корреспондирующий автор
shugushd@mail.ru

Ашхотова Фарида Муаедовна

orcid.org/0009-0002-6266-9351

заместитель директора центра адыгской
культуры им. А. А. Ципинова
при кафедре кабардино-черкесского
языка и литературы
Flora707@mail.ru

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Colour Name 'Shkhue' in Adyghe Linguistic Culture: Etymology, Internal Form, Semantics

Madina Yu. Ezaova

orcid.org/0000-0002-0574-7299

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature
madinaezaova@mail.ru

Juleta Kh. Shugusheva *

orcid.org/0000-0001-7162-5057

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature,

* Corresponding author
shugushd@mail.ru

Farida M. Ashkhotova

orcid.org/0009-0002-6266-9351

Deputy Director of the Adyghe Culture
Center named after A.A. Tsipinov,
Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature
Flora707@mail.ru

Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

© Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х., Ашхотова Ф. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен этимологический и историко-семасиологический анализ слова *цхъуэ*, обозначения одного из самых значимых сакральных цветов в адыгской лингвокультуре. Анализ данной языковой единицы сопровождается исследованием однокоренных слов, группирующихся вокруг основы *цхъуэ*, в современном языке. Цель исследования состоит в изучении историко-семантического развития цветолексемы *цхъуэ* в адыгской лингвокультуре. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые реконструируются генезис и дальнейшее развитие анализируемого слова. В ходе исследования однокоренных слов изучается не только тип семантический отношений, но и возможности сохранения или разрыва (полного или частичного) семантических связей. Результаты: На основе анализа текстов и словарей собраны языковые единицы, образующие гнездо с вершиной *цхъуэ*. Восстанавливается цепь смысловых переходов в данной группе номинаций. Проявляется внутренняя форма производных единиц. Комментируется своеобразие метафор. Установлено, что континуанты данного гнезда реализуют семантические модели, которые характеризуются серийностью и регулярностью. На основе цветообозначения развились другие цветообозначения широкого спектра (все оттенки меняющегося цвета неба), названия птиц как поднебесных обитателей (или по цвету оперения), животных по окрасу шерсти, а также обозначения из сферы магии и народной медицины (лекарства, яда), наконец, слова, обозначающие испуг, помутненное восприятие и др.

Ключевые слова:

этимология; семантика; словообразование; производность; цветонаименование; мифопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The etymological and historical-semasiological analysis of the word 'shkhue', the designation of one of the most significant sacred flowers in the Adyghe linguoculture, has been carried out. The analysis of this linguistic unit is accompanied by a study of the semantic development and word-formation relations of single-root words grouped around the main generating base, represented by the root word 'shkhue', in the modern language. The purpose of the study is to research the historical and semantic development of the color lexeme 'shkhue' in the Adyghe linguistic culture. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the genesis and further development of the word is reconstructed, which is at the head of the systemic semantic and word-formation relations between linguistic units united by genetic kinship. In the course of the study of cognate words, not only the type of semantic relations, but the possibilities of maintaining or breaking (full or partial) semantic links are studied. Results: Based on the analysis of texts and dictionaries, language units that form a nest with a 'shkhue' top were collected. The chain of semantic transitions in this group of nominations is restored. The internal form of derived units is clarified. The originality of metaphors is commented. It has been established that the continuants of this nest implement semantic models that are characterized by seriality and regularity. On the basis of color naming, other color naming conventions of a wide range (all shades of the changing color of the sky), the names of birds as inhabitants of the sky (or by the color of their plumage), animals by coat color, as well as designations from the sphere of magic and traditional medicine (drugs, poison), and finally, words denoting fear, blurred perception, etc.

Key words:

etymology; semantics; word formation; productivity; color naming; mythopoetics.

Цветовое наименование *цхъуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика

© Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х., Ашхотова Ф. М., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования заключается в том, что в историческом адыговедении существует насущная потребность в установлении системных связей между однокоренными словами и выяснении их взаимоотношений в историко-семантическом и сопоставительном плане с привлечением данных из различных областей гуманитарного знания. Историко-семантический анализ служит проверкой логических построений, лежащих в основе семантических изменений слова.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение адыгской цветосемантики проводится в рамках современных направлений лингвистики и будет способствовать лучшему пониманию взаимосвязи между предметом и его цветонаименованием, а также выделению самого цвета из всего спектра его функциональных особенностей. Цветообозначение *цхъуэ* анализируется в аспекте универсальности и этноспецифичности и представляет научный интерес также с точки зрения своеобразия создаваемых метафорических образов. Поставленная цель предполагает решение исследовательских задач, а именно:

- 1) выяснить этимологию исходного слова;
- 2) выявить однокоренные слова и их внутреннюю форму;
- 3) проанализировать семантические и словообразовательные связи между однокоренными словами.

Достоверность исследования опирается на работы ученых в различных областях: этимологии, этимологического значения [Иванов, 1983; Топоров, 1981], исторической семантики и символики [Маковский, 1996; Вежибская, 1996; Хараева, 2007; Рахилина, 2008], мифопоэтики и фольклора [Кудаева, 2008; Кумахов и др., 1998; Маранда и др., 1985].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проводится в рамках этимологического, историко-семасиологического и лингвокультурологического методов современного гума-

нитарного знания. В исследовании применяется также метод внутренней и внешней реконструкции этимологического значения.

В адыгской цветовой символике сакрально значимыми являются красный / *пльыжъ*, белый / *хужъ*, черный / *флыццIэ*. Четвертым сакральным цветом считается серый / *цхъуэ*. Особенностью последней цветовой номинации является ее одновременная актуализация и в современном узусе также для синего, голубого и зеленого цветов [Кудаева, 2008, с. 268]. Цветовая сложность данного наименования вызывает научный интерес, так как она соотносительна с глубинными пластами языкового сознания.

Приступая к анализу цветовой лексики, следует обратиться к этимологии *цхъуэ*, которая восходит к древнеадыгским словам и имеет параллели в хаттском языке, что было доказано в работе Вяч. Вс. Иванова, который пишет о наличии соответствия между хаттским *wa-šhab* ‘боги’ [Иванов, 1983, с. 7] и языковыми единицами из абхазо-адыгских языков: адыг. *уашхъо* ‘небесный свод’, кабард. *уашхъуэ* ‘вышина неба, небесная синева’, убых. *wəšx̣ʷa* ‘гром и молния, бог’, абх. *Уашхо* и т. п. [Там же, с. 6]. Далее ученый приводит следующие языковые факты: адыгейское *уашъор шхъуантIэ* ‘небо голубое’, при этом прилагательное в адыгском значило ‘зеленый, серый’ (*шхъонтIагъ* ‘зеленый, серый’; *шхъонтIашъу* ‘зеленоватый, сероватый’, кабардинское *шхъуэ* ‘серый, стальной’, *шхъуантIэ* ‘зеленый’) [Там же, с. 7]. Вяч. Вс. Иванов видит возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских и хаттского названий неба, бога с праадыгским **šx̣ʷa* ‘волшебство’ (в адыгейском *ушъухъаныгъ* ‘волшебство, колдовство’, *ушъухъэ* ‘волшебный’, *ушъухъан* ‘колдовать’, *шхъо епхын* ‘отравить’, кабардинское *шхъуэ* ‘отрава, яд’) [Там же, с. 7].

Цветовые наименования имеют ярко выраженную национально-культурную специфику и являются значимыми элементами для построения фрагмента национальной картины мира соответствующей лингвокультурной общности. На основании данных о названиях цветов в языке, рассматриваемых в процессе их эволюции, можно судить о его историко-культурном развитии, если понимать под этим развитием порядок появления в языке тех или иных названий цветов [Хараева и др., 2022, с. 2237].

Цветообозначения в адыгской картине мира наполнены глубоким символическим смыслом и семантикой, репрезентирующими как вещный мир, так и этнические нравственно-этические и эстетические принципы и устои.

Иллюстративным материалом служат примеры из адыгского героического нартского эпоса, фольклорных текстов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Реконструкция этимологического значения цветолексемы *цхъуэ*

Прежде чем перейти к историко-семасиологическому анализу лексем, объединенных общим корнесловом *цхъуэ*, следует кратко прокомментировать слова выдающегося ученого П. Маранда, который отмечает, что на основе данных, полученных в ходе анализа изложенных в мифах космогонических взглядов, бытующих у разных народов, можно сделать некоторые обобщения. Первоматерия — хаос или пустота — разделена богом Абсолютом на свет и тьму, небо и землю, верх и низ. Оппозиция является фундаментальным логическим признаком, без которого невозможна операция различения и в целом мышление [Маранда и др., 1985, с. 254]. Первые элементы приведенных выше бинарных оппозиций — верх, небо, свет — выступают пространством и источником дальнейшего творения, а действие осуществляется богами. Во многих мифологических традициях небо или бога Неба представляют в виде купола, простирающегося по горизонту в виде крыши [Маковский, 1996, с. 229]. Наивное сознание принимает видимое небо за приплюснутый полушар голубого цвета, уподобляемый своду. В космогонических описаниях отмечается амбивалентность представлений о небе, с одной стороны, как о небесной тверди, твердой оболочке и крыше мира, а с другой — как об огромной жидкой массе, поддерживаемой над землей твердым веществом. У некоторых народов небо понимается как камень иногда голубого цвета. Такое представление о небе как камне существовало, в том числе, и у древних греков. Небо мыслилось как «огромное море или река, по которому плывет солнце» [Маковский, 1996, с. 230]. Естественно, наивное сознание понимает и принимает все эти понятия сквозь призму магии и волшебства. Приведенный анализ космогонических взглядов древних людей показывает, что понятия «бог», «небо», «вода», «твердь», «голубой (о цвете)», «магия» имеют сакральную взаимосвязь.

Таким образом, можно считать достоверным, что этимологическим значением цветовой лексемы *цхъуэ* является комплекс значений, группирующихся вокруг понятий «небо», «боги», «волшебство». Мы исходим из идеи о возможности наличия в смысловой структуре слова некоего измерения (хотя бы потенциального), соотнесенного с «историческим», то есть этимологией этого слова. Потенциальная бесконечность этимологических решений, предлагаемых для исследуемого слова (*цхъуэ*), связана с такой же потенциальной бесконечностью значений слова, в том числе актуальных и пассивных, отражающей и воплощающей один из важнейших принципов языка как знаковой системы [Топоров, 1981, с. 141].

В исследовании адыгского нартского эпоса приводятся убедительные доводы в пользу того, что адыгейское *Уаицхъуэ*, кабардино-черкесское *Уашхъуэ* служат наименованиями древнего божества неба, ср. также в эпосе: *Уаицхъуэ*. Одним из доказательств является употребление этих имен в сочетании с *къан* ‘покровитель’ в адыгской мифологии: *тхъэр зикъ-ан* ‘бог — чей покровитель’, *Лъэпш къан* ‘Тлепш-покровитель’ [Кумахов и др., 1998, с. 255].

Приведем контексты: *Апхуэдэ шу / Нарт Хэкум имыс, / Мы Уашхъуэ ди къан* [Нарты, 1995, с. 179] (Такого всадника нет в стране нартвов, / О наш Уашхо-покровитель); *Уаицхъуэ, мыр сыту тельдыджацэ!* [Там же, с. 29] (Уашхо, какое великое диво); *Уаицхъуэу, си тхъэмыгъэццI* [Там же, с. 100] (Наш преданный Уашхо).

Один из признаков неба, понимаемого как твердь, лежит в основе почетительного именованя бога *Уаицхъуэ* «серым камнем» — именно так буквально переводится клятвенная формула: *Уаицхъуэ, мываицхъуэ. Ар сэ си тхъэрылуэцц!* [Нарты, 1995, с. 30] (Уашхо, серый камень. Клянусь).

3.2. Реконструкция этимологического гнезда и его состав

Лексемы, объединенные общим корнесловом *ицхъуэ*, образуют этимологическое гнездо. Слова, формирующие гнездо, могут быть связаны словообразовательными актами, но практика изучения однокоренных слов показывает, что подобные связи бывают нарушены, «хотя этимологическое гнездо и предполагает былые, утраченные связи» [Штейнберг, 1976, с. 5]. Структурно этимологическое гнездо может включать самостоятельные группы слов, объединенные общностью значения, способом образования или функциональной спецификой. Принадлежность слова к определенному генетическому комплексу, каким является этимологическое гнездо, определяется общностью корня и в большинстве случаев общепредметным значением корневого слова. Однако и значение корня, и его фонетическое оформление бывают настолько модифицированы, что принадлежность слова к определенному этимологическому гнезду может быть установлена только в ходе этимологического и мотивационного анализа, путем внешней и внутренней реконструкции [Езаова, 2018, с. 117]. Первостепенной задачей является установление состава гнезда. Как пишет Н. В. Пятаева, «изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, развитие и распад лексических гнезд, — важнейшая задача диахронической дериватологии, объектом которой и является этимологическое гнездо» [Пятаева, 2005, с. 116]. Изучение изменений значения в диахронии требует строгой последовательности анализа в соответствии с исторической соотносительностью того или иного значения слова с реальией, им обозначающейся. Но, к сожалению, данный принцип не работает по отношению к лек-

сическим единицам, принадлежащим к языкам, не имеющим длительной письменной традиции. На практике это выливается в поиск опоры на более поздние значения рефлексов предполагаемой исходной идеи с учетом доступных сведений о культурно-историческом фоне появления или функционирования слов, а «иногда остается полагаться, в конечном счете, на интуицию и на здравый смысл» [Эдельман, 2005, с. 18] носителей языка.

Семантико-мотивационный анализ является единственным надежным средством подкрепления логических построений при реконструкции значения слова и его изменения. Сложность выявления состава анализируемого гнезда состоит в том, что, несмотря на древность письменного памятника «Нарты», который является источником иллюстраций, кабардино-черкесский язык относится к младописьменным языкам, а это значит, что не существует ранней лексикографической фиксации значений анализируемых слов. Поэтому такое значение приобретают мотивационный анализ, опирающийся на внутреннюю форму исходной и производной лексем, метод внутренней реконструкции, анализирующий иерархические связи и соотношенность между единицами одного уровня, и концептуальный анализ, при помощи которого можно выявить концептуальные цепочки, объединяющие слова.

В своем исследовании мы исходим из следующего положения: «Этимологическое гнездо представляет собой формальное и концептуальное единство. Асимметрия, существующая между планом выражения и планом содержания лексических единиц, связанных генетическим родством, носит моделируемый характер. Закономерности данного моделирования связаны, во-первых, семантическим единством слова, лежащего в основе данного лексико-семантического поля. Во-вторых, этимологическое гнездо представляет собой строгую иерархизированную систему мотивировок, которая проявляется в динамике» [Хараева, 2007, с. 214]. Высказанное выше предположение, основывающееся на реконструкции этимологического значения цветолексем *цхъуэ*, а именно комплекс значений, группирующихся вокруг понятий «небо, боги, волшебство», позволяет с большой долей определенности предложить состав этимологического гнезда, представленного ниже.

3.3. Состав этимологического гнезда с вершиной *цхъуэ* «серый»

Анализ художественного текста кабардино-черкесского нартского эпоса и метод сплошной выборки из словаря кабардино-черкесского языка [Словарь ..., 1999] позволяет выделить лексемы, образующие этимологическое гнездо *цхъуэ* «серый».

3.3.1. Лексемы, обозначающие цвет, включая производные корнеслова *цхъуэ*

Можно предполагать, что наблюдения за постоянным изменением цвета неба и воды в зависимости от погоды привели к появлению значений

у сложных композитов, обозначающих оттенки цвета. Наряду с собственно словом *цхъуэ* ‘серый’ к данному гнезду принадлежат следующие языковые единицы:

цхъуакIэ ‘переливающийся цвет’ [Словарь ..., 1999, с. 785], букв. «окончание серого / голубого»: *цхъуа(э)* (корневая морфема со значением ‘серый’) + *кIэ* (корневая морфема со значением ‘конец’);

цхъуэпс ‘чисто серый’ [Там же, с. 786], *цхъуэ* (корневая морфема) + *пс* (суффикс усиления значения);

цхъуантIэпс ‘ярко-зеленый’, ‘ярко-голубой’ [Там же, с. 785]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *пс* (суффикс усиления значения);

цхъуантIэ-сырыху ‘бледно-зеленый’, ‘бледно-голубой’ [Там же, с. 785]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *сырыху* (корневая морфема со значением ‘бледный’);

цхъуантIэ-сырыхуфэ ‘серовато-зеленый’, ‘голубоватый’ [Там же, с. 786]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *сырыху* (корневая морфема со значением ‘бледный’) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуантIэ-фIыцIафэ ‘темно-зеленый’, ‘темно-голубой, серовато-зеленый, голубоватый’ [Там же]: *цхъу(а)* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *фIыцI(а)* (корневая морфема со значением ‘черный; темный’) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуафэ ‘сероватый’ [Там же]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуэ-уэгуш ‘серый в крапинку’ [Там же]: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *уэгуш* (корневая морфема со значением ‘веснушки’);

цхъуэ-удзыфэ ‘сериозно-зеленый’ [Там же]: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *удз* (корневая морфема: *трава*) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуэ-цIыхуфэ ‘серый с синим’, серо-зеленый’ [Там же]: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *цIыху* (корневая морфема со значением ‘голубой; синий’) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’).

Как можно заметить, оттенок цвета выражен, как правило, второй основой сложного слова: *сырыху* — светлый, бледный, *сырыхуфэ* — светловатый, бледноватый, *фIыцIафэ* — черный, темный, *удзыфэ* — зеленый, зеленоватый, *цIыхуфэ* — синий, синеватый.

Производные анализируемого корня могут служить для характеристики внешнего облика, внешних проявлений состояния человека, поведения:

цхъуэц в составе фразеологизма *цхъуэцыр тэджын* ‘1. посинеть от холода; 2. окрыситься, лезть в бутылку’ [Карданов, 1968, с. 314]: букв. «серый, голубой волос», выражает значение ‘сери-зеленый’: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *цы* (корневая морфема со значением ‘волос’);

цхъуабзэ ‘внешний вид’ [Словарь ..., 1999, с. 785], букв. «сотворенный, искусственно созданный (выкроенный) внешний вид», основывается на цветовой характеристике ‘сери-зеленый’: *цхъу(а)* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *бз (э/н)* (корневая морфема со значением ‘кроить’).

Ряд сложных слов прямо или опосредованно актуализируют связь объекта номинации с небом по месту обитания, цвету или мифологическим мотивам:

уацхъуэ ‘небо’ [Там же, с. 647], букв. «небо голубое, серое»: *уа / уэ* (корневая морфема со значением ‘небо’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

бгъацхъуэ ‘степной орел’ [Там же, с. 38], букв. «серый орел»: *бгъэ* (корневая морфема со значением ‘орел’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

пцлацхъуэ ‘ласточка’ [Там же, с. 581], букв. «серая птичка»: *пцла* (корневая морфема со значением ‘птичка’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

блацхъуэ ‘гадюка’ [Там же, с. 50], букв. «серая змея»: *блэ* (корневая морфема со значением ‘змея’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

блацхъуэжъей ‘гремучая змея’ [Карданов, 1968, с. 39], *блэ* (корневая морфема со значением ‘змея’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *жъей* (суффикс, обозначающий потомство).

Если указанные выше слова позволяют выстроить концептуальную цепочку НЕБО — ПТИЦА (орел, серая птичка), то последнее слово-комполит отсылает к адыгской мифопоэтике. Известный исследователь адыгского фольклора З. Ж. Кудаева предлагает следующую гипотезу: символ «змея» (*блэ*) связан с космогоническими представлениями, одновременно с небом и хтоническим миром. Чудовищные змеи воплощают космос в целом или хаотическую энергию подземных миров. Представления о связи змеи с «небесной водой» проявляются в обрядах с целью вызова дождя. Существование представления о змее как о божественном начале, связанном с огнем (небесным и подземным), выявляется в образах адыгского божества грома и молнии *Щыблэ* — разлагается на *Щы* (корневая морфема со значением ‘три’) и *блэ* (корневая морфема со значением ‘змея’), которое представлялось адыгам в образе змей, перенесенных с земли на небо.

В адыгской мифопоэтической традиции, как и во многих развитых мифологических системах, в образе змея присутствуют черты дракона *Благъуэ*, воплощающего водный хтонический мир, которому приносятся в жертву девушки [Кудаева, 2008, с. 215—218].

3.3.2. Лексемы гнезда с вершиной *цхъуэ*, сохраняющие семантическую связь с волшебством, магией

Семантика колдовства, магии так или иначе присутствует в следующих языковых фактах:

цхъуэ ‘отрава, яд’ [Словарь ..., 1999, с. 786], букв. «серое (темное) вещество»;

цхъухъпсыхъ ‘колдовское зелье’ [Там же, с. 786]: *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’) + *псы* (корневая морфема со значением ‘вода’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’);

цхъухъпсыхъзехъэ ‘занимающийся магией, колдовством’ [Там же]: *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’) + *псы* (корневая морфема со значением ‘вода’) + *зе* (преверб) + *хъ(э)* (корневая морфема со значением ‘носить’);

цхъухъ цхын ‘отравиться, потерять контроль над собой’ [Там же], *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’) + *цхын* (глагол со значением ‘съесть’);

цхъуэ ехын ‘отравить кого-либо’ [Там же]: *цхъу(э)* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *ехын* (глагол со значением ‘применить к кому-либо’);

гурьцхъуэ ‘подозрительность’ [Там же, с. 78]: *гу* (корневая морфема со значением ‘сердце’) + *ры* (интерфикс) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый, темный’);

гурьцхъуэ цфын ‘сердце затуманить, заподозрить, почуять что-то недоброе’ [Карданов, 1968, с. 66]: *гу* (корневая морфема со значением ‘сердце’) + *ры* (интерфикс) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый, темный’) + *цфын* (глагол со значением ‘сделать’);

хуцхъуэ ‘лекарство’ [Словарь, 1999, с. 721], букв. «серое в пищеводе»: *ху* (корневая морфема со значением ‘пищевод’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

луэцхъун ‘бредить, бормотать’ [Там же, с. 841], букв. «уста в серости», выражает значение ‘бес сознания’: *луэ* (корневая морфема со значением ‘уста’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *н* (суффикс инфинитива);

цлэцхъу ‘ошибка, оплошность’, ‘попасть впросак’ [Там же, с. 811], букв. «действие в сером», выражает значение ‘отрицательное действие,

чаще неосознанное’: *цІэ* (корневая морфема со значением ‘сделать’) + *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

зэхзехцхъуэ ‘спутать, перепутать что-либо, не опознать кого-либо, напустить туман’ [Там же, с. 251]: *зэ* (префикс множественности) + *хэ* (префикс направительный) + *зе* (префикс направительный) + *цхъуэ* (корневая морфема).

Количество лексем, выявленных в словарях и проанализированных в данном исследовании, составляет 28.

3.4. Семантическое развитие цветолексем *цхъуэ*

Анализ лексем, составляющих этимологическое гнездо с вершиной *цхъуэ*, логично начинать с осмысления исходного цвета, который, как показано выше, связывается с восприятием цвета неба: *уацхъуэ* ‘небо’ < *уа* / *уэ* + *цхъуэ* [Словарь ..., 1999, с. 647], букв. «небо + серое». Небо в космогонии древних адыгов ассоциировалось с серым камнем. На основе метафорического переноса название неба и божества становится одновременно обозначением цвета неба. Эта сакральная связь между серым небом и серым камнем находит отражение в древней клятве: *Уэ уацхъуэ мывацхъуэ кланэ, къыхсуэфцІ си унафклэ* [Нарты, 1995, с. 190] (Клянусь небом и серым камнем (каменный тотем), для меня ваш наказ — закон).

Особенность адыгского мировосприятия проявляется в осмыслении изначального цвета неба как серого, в то время как в других лингвокультурах, как указывает А. Вежбицкая, эталонным цветом неба обычно выступает синий: «Во многих языках концепт “синего цвета” связан с концептом “небо”» [Вежбицкая, 1996, с. 257].

В дальнейшем цветолексема *цхъуэ* в значении ‘серый’ стала служить определением при описании различных животных: *Бгъацхъуэр къэсри Сосрыкъуэ и дамэм къытетІысхъац* [Нарты, 1995, с. 53] (Прилетел серый орел и сел на плечо Сосруко); *Бажацхъуэр сІыгъыу си цІасэм дэж сыкІуэжри* [Там же, с. 188] (Я отнес своей любимой девушке серую лису); *...Бжэныцхъуэ дахэ и цыпэхэр дыцэм хуэдэу дыгъэм пэлыду* [Там же, с. 190] (...Дикая серая козочка, покрытая шерстью, сверкающей золотом на солнце).

В адыгских языках присутствует лексема *цхъуэжъ* ‘матерый’, характеризующая обычно старого волка или седого человека. Слово имеет прозрачную внутреннюю форму: формант *жъ* ‘старый’ указывает на преклонный возраст, опыт, матерость.

Признак высоты лежит в основе номинации птицы ласточки — *цІлацхъуэ*, «серой птички», летающей, как известно, высоко в небе: *Аргуэру ирихъэжъэри цІлацхъуэр здымылътыф къыр зэхуакум дихъац* [Там же, с. 36] (Опять взлетел с ним туда, куда ласточка не долетает).

Интересным фактом является то, что в адыгском нартском эпосе встречаются альтернативные обозначения для серого коня: *Ар жиІэц Сосрыкъуэми / Ар ежъэным хуэпІацІэу / Саур уанэр къыщІех, / Тхъуэ-жъежъ бгъэдохъэри / Щтауч Іусыр Іуредзэ* [Нарты, 1995, с. 62] (Сказав это, Сосруко / Спеша в путь / Вынес сафьяновое седло / подходит к Тхо-жеижу / и быстро дает кремневый корм). В данном примере употреблен вариант *шъхъуэ / цхъуэ — тхъуэ* ‘серый, гнедой’, где вместо *шъ / ш* выступает *т*: *тхъуэ — пльы* ‘рыжий, гнедой’ (<*пльы*> ‘красный’) [Урусов, 1980, с. 126—127].

Таким образом, четко выделяется группа слов, называющих животных и птиц по признаку цвета шерсти, оперения и признаку старости через цветовой признак седины.

Последующий анализ словообразовательных и семантических связей, существующих между производными словами, позволяет говорить с достаточной степенью аргументированности, что именно значение цвета является наиболее продуктивным в семантическом аспекте, так как оно лежит в основе формирования однокоренных слов. Рассмотрим производные слова и значения, образующие этимологическое гнездо слов, объединенных вокруг слова *цхъуэ* и его семантического варианта *цхъуантэ*, имеющего значения ‘синий’ и ‘зеленый’. Наиболее точно цвет, подразумеваемый при употреблении цветовой лексемы, как правило, можно охарактеризовать исходя из контекста, например: *Нарт Пэныкъуэм шабзэр едзри / Уафэ цхъуантэм дрехуей* [Нарты, 1995, с. 68] (Нарт Пануко послал стрелу / Она взлетела до синего неба).

В другом контексте эта цветолексема имеет значение уже зеленого неба. *ЖеІэр Сэтэнейми, Ашэмзым / Тхъэгъэлэдж бжъамийри къыІэцІелъхъэ. / МувыІэжуи нарт санэхуафэр / Уафэ цхъуантІэм зэпхопсэлъыкІ* [Там же, с. 250] (Говорит Сатаней, и Ашамазу / дает бжами (флейта) Тхагаледжа. / Нескончаемые звуки нартского веселья / пролетают аж сквозь зеленое небо). Второе значение — зеленого неба — объясняется, на наш взгляд, контекстом отрывка, в котором речь идет о божестве растительности, плодородия Тхагаледже, благодаря которому земля покрывается зелеными травами и деревьями и даже небо зеленеет.

Этот случай, когда одна и та же лексема может обозначать не один, а два, три цвета, не единичен. Это явление встречается и в цветовых системах других языков, подтверждением чему являются примеры, приводимые А. Вежицкой, которая пишет, что в японском языке существует термин *aoi* для обозначения синего и сине-зеленого, ярко-зеленого, а также термин *midori* для зеленого, которые не являются взаимоисключающими среди основных цветообозначений [Вежицкая, 1996, с. 248].

Назовем далее производные слова в значении ‘зеленый’: *цхъуантлагъэ* ‘зелень’, *цхъуантлафэ* ‘зеленоватый, голубоватый’, *цхъуэнтIэн* ‘зеленеть’ [Словарь ..., 1999, с. 785—786].

Отметим, что в адыгских языках существует также иное наименование для зеленого цвета, появившееся позднее: *удзыфэ*, производное от *удз* ‘трава’.

Признак цвета положен в основу наименований *цхъуэмч* (-мч — суффикс, усиливающий признак предмета) ‘плод каштана посевного’, *цхъуэмч жыг* (*жыг* ‘деревцо’) ‘каштан посевной, культурный’, *цхъуасэ* (*сэ* (*н*) со значением ‘посадить’) бот. ‘синяк обыкновенный’ [Там же, с. 786].

Анализ слов позволяет заключить следующее: существование параллельных наименований для цветов *удзыфэ* ‘зеленый’, *цIыхуфэ* ‘синий’ наряду с *цхъуэ* в значениях ‘серый’, ‘голубой’, ‘синий’, ‘зеленый’ говорит о более позднем происхождении первых и древности исследуемого слова. Сохранение дополнительных значений у слова *цхъуэ* указывает на его значимое место в системе корнесловов в адыгских языках. Своеобразием отличается значение ‘переливающийся, пестрый, многоцветный’, которое присутствует в производных словах: *цхъуэкIэ* — переливающийся: о цвете от серо-сине-зеленого до серо-бирюзового; *цхъуэкIэплъыкIэ* — цветастый, яркий, пестрый; *цхъуэкIэплъыкIэу* — цветасто, ярко, пестро [Там же, с. 786]. Ср.: *ЦхъуэкIэплъыкIэу зехуапэ* [Нарты, 1995, с. 180] (Одевает цветные одежды); *Дунеир цхъуэкIэплъыкIэм зэцIицтауэ* [Там же, с. 270] (Мир стал многоцветным, ярким); *Уэ зи цIыIур цхъэрацхъэ, / Зи цIагъыр цхъэрибл* [Там же, с. 417] (Снаружи кружево, / Внутри семицветное).

Признак цвета положен в основу глаголов *афэцхъуафэн* ‘менять цвет’, *цхъуэнтIэн* ‘зеленеть’, *уыцхъуэ(н)тIын* ‘посинеть’ [Урусов, 1980, с. 126—127], например: *Сэтэней и Iэлыныр афэцхъуафэу зэцIонэри лъыфэ-плъыфэ мэхъуж* [Нарты, 1995, с. 133] (Кольцо Сатаней меняет цвет на кроваво-красный).

Этот контекст позволяет предположить, что лексема на базе метонимического переноса способна выражать смысл ‘любой цвет’, а затем становится возможным появление производного глагола ‘меняться по цвету, менять цвет’. Отсюда и *цхъуабзэ* ‘внешний вид’. В этих семантических трансформациях следует искать и основания для появления глаголов и глагольных сочетаний типа *цхъуэцыр тэджын* ‘зябнуть’ [Словарь ..., 1999, с. 785], так как в этом случае также релевантен признак цвета: < *цхъуэц* ‘светлые или седые волосы на теле’, где *цы* означает ‘шерсть’.

3.5. «Магические» значения слова *цхъуэ* и его дериватов

Мы исходим из мнения, что этимологическое значение *цхъуэ* изначально является диверсифицированным. Выше уже говорилось о том, что

символика неба включает в себя смыслы магии и волшебства. Реконструкция историко-семантического развития лексемы *цхъуэ* позволяет выдвинуть гипотезу о первичности этого значения, изначально присутствующего в рассматриваемом этимологическом комплексе. Этимологическое значение ‘магия, волшебство, колдовство’ и его рефлексy представлены в исходных и производных словах изучаемого гнезда: *цхъуэ* ‘отрава, яд’, *цхъухъпсыхъ* ‘колдовское зелье’, *гурыцхъуэ* ‘колдовство’, *цхъухъпсыхъзехъэ* ‘занимающийся магией, колдовством’, *цхъухъ цхын* ‘отравиться, потерять контроль над собой’, *цхъуэ ехын* — ‘отравить кого-либо’ [Словарь ..., 1999, с. 785—786].

Можно провести параллель с русскими словами *зеленый* — *зелье*. Е. В. Рахилина пишет: «Зеленый цвет человеческого глаза является более естественным, особенно для женщин, но ассоциируется с колдуньями и ведьмами, которые в русской картине мира так же обязательно зеленоглазы, как черт хром»; «Волосы русалок в русских сказках также имеют зеленый цвет» [Рахилина, 2008, с. 185—186].

Развитие значений яда, зелья, отравы у слов, производных от обозначений растений, является универсальным (травы использовались в народной магии и народной медицине), как и придание этим цветам (серый, синий, голубой и зеленый) магического, колдовского значения. Поэтому появление значения ‘яд’ у *цхъуэ*, обозначающего зеленый цвет в числе прочих, кажется закономерным: *ЩхъухъкІэ Бэдын ягъэлІэну а нарт гуыр зэгурьІуац* [Нарты, 1995, с. 161] (Та группа нартвов договорилась отравить Бэдына); *Бжэ хуэцхъэхуэ* [Там же, с. 167] (Отравленное сано, хмельной напиток у нартвов); *Блацхъуэжъеибли къыхъклати къэуэгъуэ ярымьту цупцІатэри нартхэм езауэрэ зэтриукІац, къэнари зэбгырихуац* [Там же, с. 170] (Оттуда выползли семь ядовитых змей, но, не давая им напасть на него, их всех разрубил и, воюя, убил всех нартвов, оставшихся разогнал); *ЩхъухъпсыхъкІэ сыкъыпхуэкІуакъым* [Там же, с. 266] (Я не пришел с колдовством); *Гуацэу цыІэм я нэхъ Іейц. / Уд цхъухъпсыхъыцІэц* [Там же, с. 109] (Самая дурная из гуаш / ведьма, отравительница); *Бырымбыхуэ нарт гуацэ, / Щхъухъфэхъэр зыгъапцІэ / нартхэм гурыцхъуэ ярымьгъэцІын цхъэкІэ* [Там же, с. 117] (Бырымбыху гуаша (имя нартской героини, известной колдуньи) нартвов, / варительница зелий, / чтобы нартвы не догадались о ее колдовстве).

На основе метафорического переноса *гурыцхъуэ* приобретает значение зла, беды, плохого предчувствия. Интересно само происхождение слова, состоящего из двух основ: *гу* ‘сердце’ + *цхъуэ* ‘беда, предчувствие’, то есть «предчувствие, локализованное в сердце», что закономерно, так как именно сердце является квазиорганом, местом зарождения чувств, эмо-

ций: *Абы гурыцхуэ ицIри и нэ цIыкIухэр кыиж хуаиц*. — Он почувствовал что-то недоброе и выпучил свои глазки [Сказки ..., 1959, с. 25].

Со временем у производного слова *хуцхуэ* (*ху* ‘пищевод’ + *цхуэ* ‘серый, голубой’; букв. «серое в пищеводе, лекарство») развиваются противоположные ‘яду’ значения ‘лекарство’, ‘целебная трава’ и т. д. [Словарь..., 1999, с. 721]: *Дунейм абы ирамышхэла хуцхуээгъуэ цыIэтэкъым* [Нарты, 1995, с. 189] (Ей давали существующие во всем мире лекарства); *тхэмплэ хуцхуэухэр* [Там же, с. 205] (целебные травы).

Со значением ‘яд, отрава’ может быть связана и семантика производного глагола *цIэгъэцхуэун* ‘закалять (о металле)’. Появление значения ‘яд, отрава’ у цветономинаций со значениями ‘серый, синий, зеленый’ имеет экстралингвистический характер. Как известно, медь — один из первых металлов наряду с золотом, которые человек научился добывать и обрабатывать. В ходе практической деятельности человек приобрел знание о том, что медь в соединении с кислородом приобретает синий оттенок, при этом новые химические соединения небезопасны и представляют яд для человека. По всей видимости, знание о том, что любой металл в ходе обработки приобретает иной оттенок, нашло свое выражение в значении «меняться в цвете». Впоследствии значение глагола *цIэгъэцхуэун* ‘меняться в цвете’ в результате метафорического переноса приобретает значение ‘закаляться (о металле)’, потому что цвет меняется в процессе закаливания: *Сабийм и Iэкълъэпкъыр жырым хуэдэу игъэцхуаиц* [Нарты, 1995, с. 29] (Тело ребенка закалил как сталь). В данном отрывке речь идет о нартском герое Сосруко (стальном), рожденном из камня и закаленном в кузне.

Магические смыслы воплотились, вероятно, также в обозначениях спутанности сознания и испуга:

зэхъэцхуэ ‘спутать, перепутать что-либо, не опознать кого-либо, напустить туман’ [Словарь ..., 1999, с. 251]: *зэ* (префикс) + *хэ* (префикс) + *зе* (префикс) + *цхуэ* (корневая морфема). Ср.: *Къэуша сабийм унэм цIэс хъэцIэм Iуплъэри, зэхъэцхуэун ицIу, къэгъаиц* [Сказки ..., 1959, с. 63] (Проснувшийся ребенок взглянул на гостя, и не узнавая его, заплакал);

АпхуэдиэкIэ сышынаити, си цххуэуцыр тэджат [Сказки ..., 1959, с. 17] (Я испугался так, что у меня волосы встали дыбом). Ср.: *цххуэуц* — букв. «серый волос».

4. Заключение = Conclusions

Анализ этимологического гнезда с вершиной *цххуэ* «серый» в кабардино-черкесском языке демонстрирует, что слово-этимон, актуализирующее концепт как «сгусток знания», задает продуцирование комплекса взаимосвязанных значений. Производные слова, оставаясь «телом знака»,

отражают развивающуюся структуру знания, а значение знака меняется и его роль заключается в активизации структуры знания, с которым оно соотносится. Результатом развития слова-этимона является формирование лексико-семантической группы слов, появляющихся вследствие словообразовательных актов. Исходная идея, заключающаяся в слове-этимоне, задает на концептуальном уровне связь со значениями производных слов. На языковом уровне это находит выражение в многозначности слов, образующих генетическую парадигму. Многозначность вершинного слова этимологического гнезда проявляется в режиме регулярной полисемии. Исходная идея, модифицируемая путем метонимических и метафорических переносов, так или иначе сохраняется при производстве новых слов.

Результаты анализа семантики соотносительных адъективных цветообозначений, являющихся также элементами этимологического гнезда *цхъуэ*, в текстах адыгского нартского эпоса с очевидностью демонстрируют следующее:

— цветообозначения представляют лексическую группу, которая отражает как объективную цветовую гамму, так и ее доминантное восприятие в лингвокультурном сообществе;

— общее для всех физическое восприятие цвета в разных лингвокультурах находит специфическое преломление в адыгском нартском эпосе;

— одним из универсальных критериев выделения цветолексемы как художественного средства в эпическом тексте является сохранение в семантике ее предметного значения, ее принадлежности к цветовой категории, одной из основных базовых структур человеческого сознания;

— цветообозначения могут выступать в качестве словообразовательных компонентов, подтверждением чему является регулярность, серийность данных образований [Езаова и др., 2022, с. 39].

Второй семантический комплекс слов связан с отсылками к образу неба: 'синяя птичка', 'орел'.

Третьей траекторией семантического развития слова *цхъуэ* являются значения, отсылающие к представлениям о магии, волшебстве. Дальнейшее разворачивание идет в сторону появления производных, в значениях которых присутствуют семы 'яд', 'ядовитый' и 'лекарство', и далее формируются дериваты, передающие смыслы 'предчувствие', 'ошибка', 'испуг', 'измененные состояния' и т. д.

В ходе логических операций происходят вполне объяснимые с языковой точки зрения семантические переносы. Важно отметить, что они обусловлены семантикой этимона и характеризуются системностью организации гнезда номинаций, скрепленного этимологическим значением цветолексемы *цхъуэ* [Хараева, 2007, с. 217].

Слово *цхъуэ* выступает в роли продуктивной корневой основы. Значения производных слов развивают семантику, заложенную в этимологическом значении исходного слова.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. Карданов Б. М. Кабардинско-русский фразеологический словарь / Б. М. Карданов. — Нальчик : Эльбрус, 1968. — 342 с.
2. Карданов Ч. Э. Кабардинские народные сказки / Ч. Э. Карданов. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. — 87 с.
3. *Нарты* : кабардинский эпос. — Нальчик : Эль-Фа, 1995. — 559 с.
4. *Словарь* кабардино-черкесского языка. — Москва : Дигора, 1999. — 860 с.

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.
2. Езаова М. Ю. Структура и семантика цветообозначения в адыгском нартском эпосе / М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева // *Филоlogos*. — 2022. — № 1 (52). — С. 35—40. — DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-35-40.
3. Езаова М. Ю. Структурно-семантические и прагма-коммуникативные характеристики лексико-семантического поля «родство» в кабардино-черкесском языке: лингвокультурный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук / М. Ю. Езаова. — Майкоп, 2018. — 117 с.
4. Иванов В. В. Интерпретация текста хаттско-хеттского строительного ритуала (в свете данных внешнего сравнения) / В. В. Иванов // *Текст: семантика и структура*. — Москва : Наука, 1983. — С. 5—36.
5. Кудалева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры / З. Ж. Кудалева. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 293 с. — ISBN 978-5-7680-2166-5.
6. Кумахов М. А. Нартский эпос : язык и культура / М. А. Кумахов, З. Ю. Кумахова. — Москва : Наследие, 1998. — Книга 2. — 312 с. — ISBN 5-201-13304-5.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — Москва : ВЛД-ДОС, 1996. — 415 с. — ISBN 5-87065-101-8.
8. Маранда П. Структурные модели в фольклоре / П. Маранда, Э. Кенгас-Маранда // *Зарубежные исследования по семиотике фольклора*. — Москва : Наука, 1985. — С. 194—260.
9. Пятаева Н. В. От лексического гнезда к генетической парадигме: к проблеме динамического описания лексической системы языка / Н. В. Пятаева // *Вестник Оренбургского Государственного университета*. — 2005. — № 11. — С. 115—121.
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — Москва : Русские словари, 2008. — 417 с. — ISBN 5-93259-016-5.

11. Топоров В. Н. Ведийское гта-: к соотношению смысловой структуры и этимологии / В. Н. Топоров // Этимология (1979). — Москва : Наука, 1981. — С 139—156.
12. Урусов Х. Ш. Морфемика адыгских языков / Х. Ш. Урусов. — Нальчик : Эльбрус. — 1980. — 402 с.
13. Хараева Л. Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разно-системных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков) / Л. Х. Хараева. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — 218 с.
14. Хараева Л. Х. Цветовая триада «черный-белый-красный» в адыгской картине мира и ее функционирование в художественном дискурсе / Л. Х. Хараева, М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 7. — С. 2232—2238.
15. Штейнберг Н. М. Аффиксальное словообразование во французском языке / Н. М. Штейнберг. — Ленинград : ЛГУ, 1976. — 204 с.
16. Эдельман Д. И. Проблемы исторической лексикологии иранских языков и «Этимологический словарь иранских языков» / Д. И. Эдельман // Вопросы языкознания. — 2005. — № 3. — С. 3—23.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023,
одобрена после рецензирования 13.05.2023,
подготовлена к публикации 22.05.2023.

Material resources

- Dictionary of the Kabardian-Circassian language.* (1999). Moscow: Digora. 860 p. (In Russ.).
- Kardanov, B. M. (1968). *Kabardian-Russian Phraseological Dictionary*. Nalchik: Elbrus. 342 p. (In Russ.).
- Kardanov, Ch. E. (1959). *Kabardian folk tales*. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house. 87 p. (In Russ.).
- Narts: Kabardian epic.* (1995). Nalchik: El-Fa. 559 p. (In Russ.).

References

- Edelman, D. I. (2005). Problems of historical lexicology of Iranian languages and “Etymological dictionary of Iranian languages”. *Problems of linguistics*, 3: 3—23. (In Russ.).
- Ezaova, M. Yu. (2018). *Structural-semantic and pragma-communicative characteristics of the lexical-semantic field “kinship” in the Kabardino-Circassian language: linguistic and cultural aspect*: PhD. Diss. Maykop. 117 p. (In Russ.).
- Ezaova, M. Yu., Shugusheva, D. Kh. (2022). Structure and semantics of color designation in the Adyghe Nart epic. *Philologos*, 1 (52): 35—40. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-35-40. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1983). Interpretation of the text of the Hattian-Hittite building ritual (in the light of external comparison data). In: *Text: semantics and structure*. Moscow: Nauka. 5—36. (In Russ.).
- Kharaeva, L. Kh. (2007). *Cognitive modeling of etymological nests in languages of different systems (based on the French and Kabardino-Circassian languages)*. Nalchik: El-Fa. 218 p. (In Russ.).
- Kharaeva, L. Kh., Ezaova, M. Yu., Shugusheva, D. Kh. (2022). Color triad “black-white-red” in the Adyghe picture of the world and its functioning in artistic discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 7: 2232—2238. (In Russ.).

- Kudaeva, Z. Zh. (2008). *Mythopoetic model of the Adyghe verbal culture*. Nalchik: Elbrus. 293 p. ISBN 978-5-7680-2166-5. (In Russ.).
- Kumakhov, M. A., Kumakhova, Z. Yu. (1998). *Nart epic: language and culture*, 2. Moscow: Heritage: 312 p. ISBN 5-201-13304-5. (In Russ.).
- Makovsky, M. M. (1996). *Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images*. Moscow: VLADOS. 415 p. ISBN 5-87065-101-8. (In Russ.).
- Maranda, P., Kengas-Maranda, E. (1985). Structural models in folklore. In: *Foreign research on the semiotics of folklore*. Moscow: Nauka. 194—260. (In Russ.).
- Pyataeva, N. V. (2005). From the lexical nest to the genetic paradigm: to the problem of dynamic description of the lexical system of the language. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11: 115—121. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2008). *Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility*. Moscow: Russian dictionaries. 417 p. SBN 5-93259-016-5. (In Russ.).
- Steinberg, N. M. (1976). *Affixal word formation in French*. Leningrad: Leningrad State University. 204 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1981). Vedic rta-: on the correlation of semantic structure and etymology. In: *Etymology (1979)*. Moscow: Nauka. 139—156. (In Russ.).
- Urusov, Kh. Sh. (1980). *Morphemics of the Adyghe languages*. Nalchik: Elbrus. 402 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).

*The article was submitted 15.02.2023;
approved after reviewing 13.05.2023;
accepted for publication 22.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Кожемякина В. А. Особенности языковой ситуации многонациональной Гвианы / В. А. Кожемякина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 85—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-85-105.

Kozhemyakina, V. A. (2023). Peculiarities of Linguistic Situation of Multinational Guiana. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 85-105. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-85-105. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-85-105

Особенности языковой ситуации многонациональной Гвианы

Кожемякина Валентина Алексеевна
orcid.org/0000-0003-0588-985X
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
по национально-языковым отношениям
kojemiakina@gmail.com

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Peculiarities of Linguistic Situation of Multinational Guiana

Valentina A. Kozhemyakina
orcid.org/0000-0003-0588-985X
PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Researcher, Research Center
for National-Linguistic Relations
kojemiakina@gmail.com

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Кожемякина В. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ социолингвистической ситуации в Гвиане, заморском департаменте и регионе Франции. Рассматривается история заселения данной территории носителями разных языков. Представлен обзор демолингвистической ситуации в регионе, приведены статистические данные последних переписей населения. Сделан обзор и анализ результатов антропологических, лингвистических и социолингвистических обследований, проводимых французскими учеными в Гвиане в конце XX и первых десятилетиях XXI веков. Новизна исследования видится в том, что языковая ситуация рассматривается одновременно с анализом существующих законов о языках, поскольку только принятые законы могут позволить членам языкового сообщества утверждать и защищать свои права. Особое внимание уделяется использованию гвианского креольского и французского языков в разных социально-коммуникативных сферах: в учреждениях исполнительной власти, в основной сфере функционирования языка — системе образования, в сферах торговли и СМИ. Актуальность статьи обусловлена особым вниманием российской и мировой общественности к языковой ситуации и решению языковых проблем в полиэтнических государствах, а также к сохранению языков коренных народов.

Ключевые слова:

Гвиана; языковая ситуация; языковая политика; языковое законодательство; языковое меньшинство; многоязычное государство; законы о языках.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis of the sociolinguistic situation in Guiana, an overseas department and a region of France is presented in the article. The history of the settlement of this territory by speakers of different languages is considered. An overview of the demolinguistic situation in the region is presented, statistical data of the latest population censuses are given. A review and analysis of the results of anthropological, linguistic and sociolinguistic surveys conducted by French scientists in Guiana at the end of the 20th and the first decades of the 21st centuries is made. The novelty of the study is seen in the fact that the linguistic situation is considered simultaneously with the analysis of existing laws on languages, since only adopted laws can allow members of the linguistic community to assert and protect their rights. Particular attention is paid to the use of the Guianan Creole and French languages in various social and communicative areas: in the institutions of executive power, in the main area of the functioning of the language — the education system, in the areas of trade and the media. The relevance of the article is due to the special attention of the Russian and world community to the language situation and the solution of language problems in multi-ethnic states, as well as to the preservation of indigenous languages.

Key words:

Guiana; language situation; language policy; language legislation; linguistic minority; multilingual state; language laws.

Особенности языковой ситуации многонациональной Гвианы

© Кожемякина В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Мировая общественность уже не одно десятилетие обеспокоена катастрофическим состоянием языков автохтонов всех стран. В конце XX века был принят целый ряд важных международных документов по проблемам аборигенных народов. Среди них прежде всего следует отметить принятую Международной организацией труда (International Labour Organization, ILO) в 1989 году Конвенцию о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни (№ 169). В преамбуле Конвенции отмечается, что «изменения, имевшие место в международном праве за период после 1957 года, а также изменения в положении коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни во всех регионах земного шара, вызывают необходимость принятия новых международных норм по данному вопросу в целях ликвидации ориентации на ассимиляцию, содержащейся в ранее действовавших нормах» [Конвенция]. Помимо политических, экономических и социальных прав Конвенцией признавалось право коренных народов следовать своим традициям, право на сохранение родного языка и на обучение на нём. Принятие этой Конвенции имело большое значение для сохранения культуры и языков коренных народов, так как ассимилятивный подход к коренным малочисленным народам характерен не только для отдельных стран, но и для всего мирового сообщества.

Внимание мировой общественности к опасности исчезновения языков малочисленных народов привело к принятию в 1992 году Советом Европы Европейской Хартии о региональных языках, или языках меньшинств, которая обязывает государства-членов Совета Европы, а также государства, желающие вступить в Совет Европы, соблюдать провозглашенные в Хартии языковые права национальных меньшинств [Хартия, 2002, с. 302—317]. 2019 год был объявлен ЮНЕСКО Международным годом языков коренных народов. Его основной задачей было привлечение внимания к состоянию родных языков автохтонов, находящихся под угрозой вымирания во всём мире, и необходимости их поддержки и возрождения.

В продолжение работы по спасению аборигенных языков ЮНЕСКО приняла решение о проведении Десятилетия действий в интересах языков коренных народов с 2022 по 2032 годы. Была также принята Декларация со стратегическими рекомендациями к Десятилетию, которая «подчеркивает право коренных народов на свободу выражения мнений, получение образования на родном языке и участие в общественной жизни с использованием своих языков в качестве предварительных условий для выживания языков коренных народов, многие из которых в настоящее время находятся на грани исчезновения» [ЮНЕСКО]. В Декларации подчеркивается важность обеспечения возможности использования языков коренных народов в системах правосудия, средствах массовой информации, программах труда и здравоохранения. Декларация также указывает на потенциал цифровых технологий в поддержке использования и сохранения этих языков. При всей сложности получения достоверных данных, эксперты сходятся во мнении, что языки коренных народов особенно уязвимы из-за того, что многие из них не преподаются в школе и не используются в общественной жизни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является анализ языковой ситуации в Гвиане, основанный на работах антропологов, лингвистов и представителей системы образования, проводивших в этом департаменте изыскания в конце прошлого и двух десятилетиях нынешнего века. В 1997 году коллективом исследователей была начата реализация широкомасштабной программы «Языки Гвианы: исследования, образование и обучение». Изначально целью коллектива было обследование малоизвестных языков этого заморского департамента (преимущественно языков коренных индейцев и креольских языков), но при этом неизбежно была проанализирована языковая ситуация в регионе, а также описаны и другие языки, на которых говорят в Гвиане. Для обзора были привлечены работы таких ученых, как Р. Шоденсон [Chaudenson, 1992], С. Альби [Alby, 2009], С. Альби и И. Леглиз [Alby et al., 2006; 2007; 2017в], Б. Шерюбини [Cherubini, 1986; 2002], Л. Гури [Goury, 2007], И. Идэр [Hidair, 2003; 2007; 2014], М.-Ж. Жоливе [Jolivet, 1982; 1997], М. Лаэтье [Laëthier, 2007], М. Лоней [Launey, 1999], И. Леглиз [Léglise, 2007; 2008; 2017a], Л. Маро [Marot, 2002], Б. Миж и О. Рено-Лескюр [Migge et al., 2009], А. Тиука [Tiouka et al., 1998] и др.

Статистические данные приводятся в исследовании по переписям Института статистики и экономических исследований Франции [Insee], годовым отчетам заморского департамента и региона Франции Гвиана [Guyane, 2000; Guyane, 2021], а также по опубликованным результатам ра-

боты международной лаборатории изучения языков населения планеты — Joshua Project [Joshua].

В работе были использованы библиометрический анализ, метод классификации, а также методы социолингвистических исследований: метод сбора и анализа данных и документальных источников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История колонизации территории современной Гвианы¹

Гвиана, находящаяся в Южной Америке между Суринамом и Бразилией, ранее была одной из трех Гвиан: Суринам был голландской Гвианой, а Гайана (Гайяна) — английской Гвианой. Только французская Гвиана оставила свое название, поэтому употребление при ней прилагательного «французская» избыточно и больше не употребляется. Гвиана занимает территорию 86 504 км² и является самой маленькой из трех бывших Гвиан. В то же время Гвиана — самый большой заморский департамент Франции.

По результатам исследований археологов и этнографов, первые жители бассейна реки Амазонки прибыли сюда из Восточной Азии, переплыв Тихий океан, до периода культуры Кловис, то есть археологической культуры каменного века, примерно за 11 500 лет до нашей эры. Именно эти первые поселенцы Южной Америки стоят у истоков цивилизаций южноамериканских индейцев.

Гораздо позднее, в конце III века н. э., сюда мигрировали с запада и юга индейские племена араваков и паликур, которые поселились на побережье, вытеснив первых жителей. Затем в конце VIII века н. э. на территории современной Гвианы обосновались карибы.

Первые жители Гвианы принадлежали к языковым семьям: тупи-гуарани (эмерильон и ваямпи), аравакские языки (аравак и паликур), карибские языки (калина и ваяна). До прибытия первых европейцев (XVI и XVII века) в Гвиане проживало около 30 000 американских индейцев, а в следующем столетии — 25 000 чел. [Cherubini, 2002, p. 237].

В 1498 году Христофор Колумб открыл Гвиану, пройдя вдоль берега, не высаживаясь на землю. В 1500 году капитан Висенте Пинзон (Vicente Pinzon) прошел по реке Ояпок (Oyapock), которая образует естественную границу Гвианы с Бразилией, исследовав регион и побережье. Именно в это время на территорию Гвианы стали прибывать из Старого Света первые переселенцы, которые получили решительный отпор живущих здесь индейских племен.

1 История колонизации Гвианы излагается по материалам [Histoire ..., 1982; Histoires..., 2008; Cherubini, 2002; Mam Lam Fouck, 2006; Piantoni, 2009].

В 1626 году кардинал Ришелье приказал колонизовать Гвиану. Две экспедиции попытались обосноваться на новой территории, первая — в количестве 300 человек в 1643 году и вторая — 800 человек в 1662 году. Город Кайенна, ставший впоследствии столицей Гвианы, был заложен в 1643 году на земле, полученной от главы индейского племени калина. Французские поселенцы не выжили в плохих жизненных условиях из-за проливных дождей, голода, эпидемий и, главное, постоянных войн с индейцами. В 1663 году на этой территории поселились голландцы. Год спустя французы вернули себе Гвиану, которая превратилась в колонию с работающими здесь на плантациях рабами. В колонии выращивали индиго, хлопок, сахарный тростник, кофе, ваниль, другие специи, а также экспортировали экзотические породы деревьев. В 1762 году монахи иезуиты, основатели колонии, были изгнаны с этой территории по приказу Людовика XV. Для заселения и развития колонии было рекрутировано 15 000 человек, две трети которых погибли в первый же год.

Начиная с 1792 года с целью компенсировать нехватку рабочей силы и частично освободить тюрьмы метрополии было принято решение сделать Гвиану местом ссылки политических врагов, а также лишенных сана священников. В 1794 году произошла первая отмена рабства во Франции, но в 1802 году к власти пришел Бонапарт, восстановивший рабство. Часть чернокожих рабов уже отказывались подчиняться хозяевам и скрывались в лесах, называя себя «черными маронами». В 1807 году население Гвианы насчитывало 969 белокожих, 1 040 свободных жителей цветной кожи и 13 474 чернокожих рабов [Cherubini, 2002, p. 19]. По призыву депутата Мартиники и Гваделупы Виктора Шелшера (Victor Schoelcher) рабство во Франции было окончательно запрещено в 1848 году, что вызвало массовое бегство рабов от бразильских хозяев на территорию Гвианы. Но отмена рабства вызвала отток рабочей силы также и с плантаций Гвианы, что привело к обрушению экономики колонии, поэтому, чтобы компенсировать нехватку рабочей силы, в 1852 году было принято решение депортировать для работы в Гвиану уголовных преступников. Здесь было создано несколько каторжных тюрем, через которые прошло 90 000 человек за 90 лет существования каторги в Гвиане. Каторга прекратила свое существование в Гвиане в 1938 году.

В 1855 году в Гвиане было обнаружено первое месторождение золота, что вызвало большую «золотую лихорадку», которая продлилась до конца Второй мировой войны. Поиски золотых месторождений привлекли в Гвиану людей разного происхождения, но в большинстве это были выходцы с Антильских островов.

В 1946 году Гвиана получила статус французского департамента. В это время население страдало как от экономического спада, так и от инфек-

ционных болезней. Правительство Франции предприняло все необходимые меры в борьбе с болезнями и особенно с малярией, распространённой в тропической Гвиане, создавая медицинские центры и диспансеры. В экономическом плане департамент оставался дотационным до 1965 года, когда началось строительство Национального Центра по космическим исследованиям. Очень быстро деятельность по исследованию космоса заняла важное место в экономике и жизни департамента.

После двух референдумов, проведенных в Гвиане в 2010 году, гвианцы подтвердили для своей территории статус заморского департамента (после конституционной реформы он имел название «заморский департамент и регион Франции»), интегрированного в Европейский Союз, благодаря чему Гвиана стала местом притяжения мигрантов из разных стран, особенно из соседних Суринама, Бразилии, а также Гаити.

3.2. Языковая ситуация современной Гвианы

Краткий экскурс в историю колонизации и дальнейшего развития Гвианы показал, сколь разнообразно население современной Гвианы. Практически все население департамента сконцентрировано на берегу Атлантического океана и по берегам рек, в то время как остальная часть территории покрыта тропическими лесами и малообитаема. Тем не менее население заморской территории постоянно растет, за последние двадцать лет оно увеличилось в два раза, и предполагается, что к 2050 году число жителей удвоится [Insee].

На 1 января 2022 года население Гвианы составляло 294 436 жителей [Insee]. Поскольку сведения Института статистики и экономических исследований Франции не отмечают ни этническую принадлежность, ни родные языки жителей своих департаментов, за данной информацией следует обратиться к данным, которые предоставлены проектом Joshua [Joshua]¹, а также исследованиями ученых антропологов и лингвистов, проводивших обследование департамента (таб. 1).

Гвианские креолы являются самой многочисленной группой населения, которая составляет почти половину населения территории (47,2 %), и гвианский креольский язык является широко распространенным языком межнационального общения. Гвианский креольский язык родился в XVII веке в результате взаимных контактов колонизаторов и африканских рабов, он был создан на базе французского языка, но с течением времени испытывал влияние английского, испанского, португальского и языков ин-

¹ Следует отметить незначительное расхождение между сведениями о количестве жителей Гвианы в 2022 году, приводимыми Институтом статистики Франции, и данными проекта Joshua, предоставляющего сведения по этнической и языковой принадлежности населения всех стран мира.

Таблица 1

Языки Гвианы

Типы языков	Язык	Население, говорящее на этом языке, по данным 2022 года
Индейские языки	аравакский или локоно	Индейские языки относятся к трем языковым семьям: аравакская (аравакский — 1 600 чел., паликур — 1 900 чел.), карибские языки (ваяна — 1 000 чел., калина — 5 000 чел.), языки тупи-гуарани (ваямпи — 800 чел., эмерильон — 400 чел.).
	эмерильон или теко	
	калина (галибы)	
	паликур	
	ваяна	
	ваямпи	
Креольские языки на базе французского языка	гвианский креол	Возник в период рабовладения и французской колонизации Гвианы, признан региональным языком, родным языком 139 000 гвианских мулатов и белокожих гвианцев. В некоторых районах территории является языком межэтнического общения.
	гаитянский креол	Язык населения, прибывшего с Гаити, на нем говорят 24 000 чел.
	мартиниканский креол, гваделупский креол	На этих креолах говорят жители Антильских островов, мигрировавшие в Гвиану.
	креол Сент-Люсии	Язык, на котором говорят иммигранты, прибывшие с Сент-Люсии в предыдущие века.
Креольские языки на базе английского языка	алуку	Разновидности языков, на которых говорят чернокожие «мароны» («лесные негры»), бежавшие с суринамских плантаций в тропические леса Гвианы в XVIII веке, они признаны региональными языками; это родные языки маронов, исторически проживавших в Гвиане, а также это языки недавно прибывших иммигрантов из Суринама; на них говорит примерно треть населения Гвианы.
	ндьюка	
	памака	
	сранан тонго	Язык не признан региональным, на нем говорят 18 000 чел., чаще как на языке межэтнического общения; этот язык является языком межэтнического общения в Суринаме
	гайанский креол	Язык иммигрантов из Гайаны, на нем говорят 4 400 чел.

Окончание табл. 1

Типы языков	Язык	Население, говорящее на этом языке, по данным 2022 года
Креольский язык на базе английского языка со значительными заимствованиями из португальского языка	сарамака	Язык чернокожих «маронов», родом из Суринама, но долгое время живущих в Гвиане; признан региональным языком. Им владеют 3 100 чел.
Европейские языки	французский	Государственный язык, язык официального делопроизводства, язык обучения, частично язык межнационального общения, родной язык малой части населения, в основном людей, приехавших из метрополии. Французским языком как родным владеют 24 000 чел.
	португальский из Бразилии	Язык, на котором говорят бразильские иммигранты. Им владеют 9 100 чел.
	английский из Гайаны	Вариант английского языка, на котором говорят иммигранты, прибывшие из соседней Гайаны.
	голландский	Язык, на котором говорит часть иммигрантов из Суринама, кто обучался в школе на этом языке
	испанский	Язык, на котором говорит незначительное количество населения, прибывшего из стран Латинской Америки (Колумбия, Перу) и Доминиканской Республики.
Азиатские языки	хмонг	Язык, на котором говорит население родом из Лаоса, люди, приехавшие в Гвиану в 70-х годах прошлого века, они проживают в основном в двух деревнях; признан региональным языком. Им владеют 4 500 чел.
	китайский хакка	Язык китайцев, приехавших сюда в начале прошлого века. На нем говорят 15 000 чел.
	суринамский хиндустани	Язык иммигрантов из Суринама, им владеют 12 000 чел.

* Составлено на основе фактических данных, имеющихся в следующих исследованиях: [Léglise et al., 2005; Léglise, 2007; Guyane 2021; Joshua].

дейцев. Уже тридцать лет креольский язык входит в школьную программу, активно присутствует в жизни гвианцев: в общественной жизни, в семейной сфере, на радио, в телевизионных передачах, особенно в столице департамента Кайенне [Léglise, 2017a]. Следует обратить особое внимание на использование гвианского креола в самой важной для сохранения и развития языка сфере коммуникации — системе образования.

До конца XIX века в образовательном процессе основную роль играла Церковь. Представители многих религиозных общин, которые приезжали в колонию, начиная с конца XVII века занимались вначале обучением детей колонизаторов, поскольку «Черный кодекс», свод законов, принятый в 1685 году с целью правового закрепления статуса рабов и законодательной защиты интересов рабовладельцев [CN], запрещал любое обучение рабов. Только с приходом «июльской монархии» (1830—1848) было впервые организовано школьное обучение цветного населения, которое проводилось с целью евангелизации детей рабов или вольноотпущенных. После отмены рабства в 1846 году открываются школы для детей свободных людей и рабов. 26 июля 1848 года был принят Декрет об организации образования в Гвиане, согласно которому любой ребенок в возрасте от 6 до 10 лет должен получить бесплатное образование, что было возможно только в городских поселениях, поскольку только там существовали школы [Puren, 2007, р. 281]. После Французской буржуазной революции произошла секуляризация страны, отразившаяся на системе образования в ее колониях. Образование стало светским, но в то время образование могли получить только дети, живущие в городах и крупных поселках. Начиная с 1946 года, когда Гвиана стала французским департаментом, дети индейцев и чернокожих жителей получили доступ к образованию. С самого начала образовательного процесса в Гвиане школы не отличались от школ метрополии ни программами, ни учебным материалом, ни языком обучения. Обучение во всех учебных заведениях велось только на французском языке. Благодаря обучению на французском языке, а также функционированию французского языка во всех государственных учреждениях, население Гвианы является многоязычным, все владеют своим родным языком и французским, а также часто еще одним или двумя языками межэтнического общения, в зависимости от региона проживания, у иммигрантов также к своему родному языку добавляются французский и языки межэтнического общения.

В настоящее время гвианский креольский язык является единственным языком, который изучается в школе, помимо французского. Преподавать его начали с 1986 года, в дальнейшем была разработана программа преподавания креольского языка и культуры в Гвиане. Возможность организации преподавания гвианского креольского языка предоставил знаме-

нитый закон Дейксона — Закон № 51—46 от 11 января 1951 года о преподавании региональных языков и диалектов на территории Франции, первый закон, разрешающий преподавание местных языков во Франции [Loi Deixonne]. Но только в 1984 году во Франции был принят закон о возможности организации дополнительных занятий по креольским языкам: «Ст. 21. Региональный Совет разрешает, при согласовании с Комитетом по культуре, образованию и окружающей среде, организацию дополнительных образовательных и культурных программ по изучению языков и культуры заморских регионов, которые могут проводиться в учебных заведениях. Эта образовательная и культурная деятельность может быть только факультативной и не должна ни затрагивать, ни заменять образовательные программы, установленные французским государством» [LGGMР] (здесь и далее перевод наш. — В. К.).

Следующий закон о развитии заморских территорий от 13 декабря 2000 года закрепил и расширил положения предыдущего закона относительно культурного наследия и этнической идентичности коренных жителей заморских департаментов и регионов: «Ст. 33. Государство и местные сообщества обеспечивают уважение, защиту и поддержку культурного наследия и национальной культурной жизни коренных народов, что способствует сохранению естественной среды и длительному существованию этнического разнообразия.

Ст. 34. Местные языки, используемые в заморских департаментах, являются частью языкового достояния нации. Государством проводится языковая политика, облегчающая функционирование региональных языков в обществе» [LOOM].

В дальнейшем были разработаны законы и циркуляры о руководящих принципах преподавания региональных языков и культур, касающиеся всех французских заморских территорий [Circulaire n°2017 ...; Circulaire du 14—12—2021 ...]. Благодаря им были внедрены принципы углубленного изучения региональных языков путем создания двуязычных школ в Гвиане, которые начали функционировать с 2010 года [Léglise et al., 2017в, р. 6].

Этнической идентичностью гвианских креолов занимались французские антропологи М.-Ж. Жоливе [Jolivet, 1997] и Б. Шерюбини [Cherubini, 1986]. Характеризуя идентичность гвианских креолов, М.-Ж. Жоливе отмечает: «...Таким образом, применительно к людям слово “креол” обозначало человека, родившегося на данной территории от родителей-иммигрантов и, таким образом, отличавшегося как от аборигенов, так и от иммигрантов. Это уточнение особенно важно для Гвианы, где креолы всегда отличались как от индейцев, так и от вновь приехавших иммигрантов» [Jolivet, 1997, p. 816].

Французским языком владеет практически все население Гвианы, но, являясь языком обучения и официального общения, он тем не менее не является языком межэтнического общения всех групп населения.

Ситуация диглоссии французского и креольского языков, характерная для Антильских островов, свойственна и Гвиане. В последнее время функции семейного общения гвианский креол начинает отдавать французскому языку, на котором дети разговаривают с родителями, даже если родители обращаются к ним на креоле [Léglise et al., 2017в]. Большинство гвианских креолов используют свой родной язык во время неофициальной дружеской беседы, семейных и народных праздников, но его редко используют во время официальных собраний или при беседе с незнакомыми людьми, при этом по принятым правилам язык беседы выбирает более пожилой собеседник, при разговоре с женщиной — женщина [Hidair, 2007, p. 214]. Постоянное использование близкородственных языков (французского и креола на базе французского) породило важную проблему: гвианские креолы полагают, что они в совершенстве владеют ими, в то время как французский язык, на котором говорят в школе и дома, это часто два разных языка. Креолы и все дети из двуязычных семей сталкиваются с трудностями изучения правильного разговорного французского языка, потому что их язык часто не является ни креольским, ни французским, а скорее представляет собой взаимопроникновение из двух кодов: «офранцузженный» креольский или «креолизированный» французский язык [Azéma et al., 1994].

Разрабатываемым в последнее время образовательным технологиям неизбежно приходится учитывать имеющееся неравноправное социальное положение языков, очень сложную языковую ситуацию в школьном образовании, неоднородность языковой ситуации, сложившейся в окружении учащегося, ситуацию многоязычия в Гвиане. Благодаря усилиям специалистов многих областей в Гвиане создаются новые учебные пособия, внедряются новые методы управления многоязычием в школьной среде [Migge et al., 2009].

В 2021/2022 учебном году в Гвиане обучалось 87 327 учеников в 238 государственных и частных учебных учреждениях [Guyane 2021, с. 129—130]. Учащиеся, проживающие в городах и в крупных населенных пунктах, имеют возможность изучать гвианский креольский язык в школе, в отличие от детей, проживающих в маленьких коммунах в отдаленных районах и сталкивающихся с необеспеченностью школ учителями креольского языка.

В 2015 году был открыт Университет Гвианы (Université de Guyane). В 2020/2021 учебном году в нём обучалось 5 252 студента. Преподавание в университете ведётся на французском языке [Guyane, 2021, с. 131].

Мартиниканский и гваделупский креольские языки также присутствуют в языковом ландшафте Гвианы, поскольку 5 % населения прибыли с Антильских островов. Иммигранты, говорящие на этих креолах, обычно владеют французским и гвианским креольским языками, но их дети при обследовании утверждают, что они используют в семье только французский язык, тогда как при большом количестве родственников или в беседе с друзьями бывают вынуждены переходить на свой родной язык [Léglise et al., 2017в, р. 6].

Гаитянский креольский язык используют иммигранты, приезжающие в Гвиану с Гаити в течение последних 40 лет. Он занимает значительное место среди других креолов на базе французского языка, функционирующих в Гвиане [Laëthier, 2007]. На нём говорят в семьях гаитянских иммигрантов и в одноэтнических профессиональных трудовых коллективах. Их дети во время анкетирования заявляли, что владеют тремя языками: гаитянским, гвианским креолами и французским языком [Léglise et al., 2017в, р. 6].

Креольские языки на базе английского исторически пришли из Суринама и Гайаны. Язык сранан-тонго сложился на плантациях Суринама, носители этого языка, которые называют себя маронами, являются потомками рабов, сбежавших с плантаций и укрывавшихся в тропических лесах.

Гвиана является единственной территорией, где одновременно сосуществуют креолы на базе французского и английского языков. И хотя существуют те различия в креолах французского происхождения, которые позволяют определить этническую принадлежность говорящего, обеспечивается полное взаимопонимание людей, говорящих на этих креолах. То же самое можно сказать и о креолах на базе английского языка, кроме языка сарамака, для которого характерно значительное количество элементов португальского языка [Léglise, 2017а, р. 2].

В Гвиане насчитывается много индейских общин. Паликуры (1900 чел.) живут на юге Гвианы, а также в устье реки Ояпок, на границе с Бразилией. Араваки (1600 чел.) и калина (5 000 чел.) живут недалеко от прибрежных районов на западе, в то время как носители языков ваiana (1 000 чел.), эмерильон (400 чел.) и ваямпи (800 чел.) проживают на юге.

Все коренные индейские народы говорят на языке своих предков в пределах своей общины. До европейской колонизации языки индейцев в Гвиане развивались и сохранялись. В настоящее время из-за миграции многих индейцев за пределы своей исконной территории эти языки подвержены исчезновению (из-за постоянно сокращающегося числа их носителей). Тем не менее культура индейцев еще сохраняется. Тем индейцам, которые населяют густые экваториальные леса на юге, удалось сохранить свои традиции и языки, потому что они были менее затронуты цивилизацией по

причине затрудненности проникновения на их территорию. Из всех этих языков у калины (галибы), по-видимому, больше шансов выжить, поскольку галибы также проживают во всех соседних странах: Суринаме, Гайане, Бразилии, Венесуэле. Индейцы обычно знают немного французский язык.

Последние десятилетия индейские народы Гвианы прилагают усилия, чтобы добиться от французского правительства территориальных прав и признания своей идентичности как «отдельных народов». На данный момент Франция не признает территориальных прав индейцев, и занимаемые ими территории классифицированы как частные владения, принадлежащие государству. По мнению французских властей, с юридической точки зрения в Гвиане не существует «отдельных народов», а скорее «общины, традиционно ведущие племенной образ жизни», и все это для того, чтобы избежать определения «коренные народы» в соответствии с терминологией, используемой в международном праве [Tiouka, 1998]. Тем не менее указ о земле от 14 апреля 1987 года, изданный правительством Франции, дает некоторые права индейцам, позволяя префекту Кайенны предусмотреть «предоставление пастбищных угодий общинам местных жителей, традиционно зарабатывающих себе на жизнь за счет леса» [Décret n°87-267].

Существующие диаспоры иммигрантов в Гвиане в домашнем обиходе используют родной язык (будь то китайский, хмонг, испанский, португальский, креольский Сент-Люсии или Реюньона, английский и др.), тем не менее они вынуждены учить французский язык и местный язык межэтнического общения, чаще всего — гвианский креол. В других коммуникативных сферах, регулируемых государством, используется также французский язык, но в административных учреждениях, где работают в основном креолы, в устной речи преобладает креольский язык.

Французский язык доминирует в средствах массовой информации, но в них также функционируют и другие языки. Что касается печатной прессы, там издаются две франкоязычные газеты и два небольших периодических издания на гвианском креольском языке.

Телевещание обеспечивается Национальной компанией радио и телевидения для заморских территорий, транслирующей передачи на французском языке, гвианский креол эпизодически употребляется в передачах. И только в области радиовещания представлены программы на всех языках департамента: Компания Radio Guyane осуществляет трансляции на многих языках Гвианы: на креольских языках на базе французского и английского, на языках коренных индейцев [Ho Tin Noe, 2002, p. 258], — поскольку эта компания ставит своей задачей «...разработать в своем графике модули для региональных языков и культур, ориентированные на различные аудитории» [Ibid., p. 255] с целью «объединения разных культур» [Ibid.,

р. 257]. Большое количество частных радиостанций вещают практически на всех функционирующих в Гвиане языках, включая языки иммигрантов. В сфере торговли используется исключительно французский язык, за редким исключением, когда реклама дается на каком-нибудь «экзотическом» языке для привлечения внимания.

4. Заключение = Conclusions

Гвиана представляет собой многонациональную и многоязычную территорию. Здесь насчитывается примерно двадцать пять этнических групп, каждая из которых говорит на своем языке. Однако в количественном выражении представляется очевидным, что наибольшая доля населения является носителем одного или нескольких креольских языков (будь то креолы французского происхождения, такие как гвианский креольский, гаитянский креольский, креолы Антильских островов: Мартиники, Гваделупы, Сент-Люсии или креолы на базе английского языка).

В дополнение к этим различным креольским языкам в языковом репертуаре населения представлены французский язык, в частности для всего населения, получившего школьное образование, и бразильский португальский, что обусловлено как иммиграцией из Бразилии, так и обменами с этой страной и межэтническим характером данного языка в Гвиане, особенно вдоль границы с Бразилией.

В Гвиане высок процент иммигрантского населения. Еще в середине прошлого века (в 1950 году) население Гвианы насчитывало 28 000 чел. В 2000 году зафиксировано уже 150 000 жителей [Guyane, 2000]. Как уже отмечалось, в настоящее время количество жителей составило 294 436 чел. [Insee].

В системе школьного образования на основе опыта (международного и французского) проведения занятий в многоязычной ситуации создается особая дидактика многоязычия, которая может быть применима и в других многоязычных странах. За последние десятилетия в этой области было проведено множество тренингов, в частности в Высшей школе преподавания и образования Гвианы (l'Ecole Supérieure du Professorat et de l'éducation), и ряд учителей стали применять в своих классах чрезвычайно инновационные методы преподавания. Можно надеяться, что эти подходы будут широко развиваться для проведения подлинной многоязычной образовательной языковой политики в Гвиане и других полиэтнических странах.

Следует отметить, что культурная, экономическая и социальная интеграция всех этносов, как коренных народов, так и диаспор иммигрантов, населяющих Гвиану, представляет собой фундаментальную проблему, поскольку такая интеграция между различными изолированными социаль-

ными группами еще не произошла. Если исходить из вышеизложенного, то становится понятно, почему, характеризуя языковую ситуацию в Гвиане, следует говорить скорее о многокультурном и многоэтническом обществе, чем о «гвианском сообществе».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Конвенция — *Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах* (Конвенция № 169 МОТ), 1989 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения 03.04.2023).
2. Хартия — *Европейская Хартия о региональных языках или языках меньшинств // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник.* — Москва : Academia, 2002. — С. 302—317.
3. ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ru.unesco.org> (дата обращения 02.04.2023).
4. *Circulaire* n°2017—072 du 12—4—2017. Langues et cultures régionales [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.education.gouv.fr/bo/17/Hebdo15/MENE1711397C.htm> (accessed 05.04.2023).
5. *Circulaire* du 14—12—2021. Langues et cultures régionales. Cadre applicable et promotion de leur enseignement [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.education.gouv.fr/bo/21/Hebdo47/MENE2136384C.htm> (accessed 05.04.2023).
6. *Décret* n°87—267 du 14 avril 1987 modifiant le code du domaine de l'Etat et relatif aux concessions domaniales et autres actes passés par l'Etat en Guyane en vue de l'exploitation ou de la cession de ses immeubles domaniaux [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000700175> (accessed 20.03.2023).
7. CN — *Code Noir* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/esclavage/code-noir.pdf> (accessed 09.03.2023).
8. Guyane, 2000 — *La Guyane en 2000 : rapport annuel.* — Paris : Institut d'émission des départements d'Outre-mer, 2001. — 172 p.
9. Guyane, 2021 — *Guyane. Rapport annuel 2021.* — Paris : Institut d'émission des départements d'Outre-mer, 2022. — 176 p.
10. *Histoire des Antilles et de la Guyane.* Univers de la France et des pays francophones, sous la direction de Pierre Pluchon, Série : Histoire des provinces. — Toulouse : Privot, 1982. — 480 p.
11. *Histoires, identités et logiques ethniques Amérindiens, Créoles et Noirs Marrons en Guyane*, coordonné par G. Collomb et M.-J. Jolivet. — Paris : Editions du comité des travaux historiques et scientifiques, 2008. — 221 p.
12. Insee — *Institut national de la statistique et des études économiques de France* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.insee.fr/fr/ppp/bases-de-donnees/> (accessed 15.03.2023).
13. Joshua — *Joshua Project* [Electronic resource]. — Access mode : <http://joshuaproject.net/countries/FG> (accessed 09.03.2023).

14. Loi Deixonne — *Loi* № 51—46 du 11 janvier 1951 dite Deixonne relative à l'enseignement des langues et dialectes locaux [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000886638> (accessed 15.03.2023).

15. LGMR — *Loi* n°8—747 du 2 août 1984 relative aux compétences des régions de Guadeloupe, de Guyane, de Martinique et de la Réunion [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.senat.fr/application-des-lois/a83841798.html> (accessed 15.03.2023).

16. LOOM — *Loi* d'orientation pour l'outre-mer (loi 2000—1207 du 13 décembre 2000) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORF-TEXT000000387814> (accessed 16.03.2023).

Литература

1. *Alby S.* La formation des enseignants dans le contexte guyanais / S. Alby // Vers une école plurilingue dans les collectivités françaises d'Océanie et de Guyane, coordonné par J. Vernaudeau et V. Fillol. — Paris : L'Harmattan, 2009. — Pp. 225—250.

2. *Alby S.* La place des langues des élèves à l'école en contexte guyanais. Quatre décennies de discours scientifiques / S. Alby, I. Léglise // Comprendre la Guyane d'aujourd'hui, sous la direction de S. Mam Lam Fouck. — Matoury : Ibis Rouge Editions, 2007. — Pp. 439—452.

3. *Alby S.* L'enseignement en Guyane et les langues régionales : Réflexions sociolinguistiques et didactiques / S. Alby, I. Léglise // Marges Linguistiques. — 2006. — № 10. — Pp. 245—261.

4. *Alby S.* Plurilinguisme et éducation en Guyane / S. Alby, I. Léglise // Langues et cité. Les langues de Guyane. — 2017. — № 29. — Pp. 10—11.

5. *Azéma M.* Cultures et langues maternelles à l'école. Vers une pratique pédagogique intégrée des langues et cultures guyanaises / M. Azéma, E. Rattier. — Cayenne : CNDP, 1994. — 197 p.

6. *Chaudenson R.* Des îles, des hommes, des langues. Essai sur la créolisation linguistique et culturelle / R. Chaudenson. — Paris : L'Harmattan, 1992. — 309 p.

7. *Cherubini B.* Dynamique de l'ethnicité et identité culturelle à Cayenne (Guyane française) / B. Cherubini. — Talence, Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine : Centre National de Documentation des Départements d'Outre-Mer (CENADDOM), 1986. — 71 p.

8. *Cherubini B.* Interculturalité et créolisation en Guyane française / B. Cherubini. — Paris : L'Harmattan, 2002. — 270 p.

9. *Goury L.* L'écrit en Guyane. Enjeux linguistiques et pratique sociale / L. Goury // Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés, sous la direction d'I. Léglise et B. Migge. — Paris : Institut de recherche pour le développement, 2007. — Pp. 73—86.

10. *Hidair I.* La construction identitaire des Créoles de Guyane. Thèse / I. Hidair. — Paris : EHESS—CEAF, 2003. — 528 p.

11. *Hidair I.* Les places de la langue dans la construction identitaire des Créoles de Guyane / I. Hidair // Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés, sous la direction d'I. Léglise et B. Migge. — Paris : Institut de recherche pour le développement, 2007. — Pp. 209—224.

12. *Hidair—Krivsky I.* L'enseignement du créole à l'école : Une opportunité pour la pédagogie interculturelle en Guyane? / I. Hidair—Krivsky // Actes du XIIIe colloque du Comité International des études créoles, Langues créoles, mondialisation et éducation, sous la direction d'A. Carpooran. — République de Maurice : Université de Maurice, 2014. — Pp. 551—575.

13. *Ho Tin Noe J.-Cl.* Radio Guyane, entre modernité et tradition / J.-Cl. Ho Tin Noe // Hermès. — 2002. — № 32—33. — Pp. 255—261.

14. Jolivet M.-J. La créolisation en Guyane. Un paradigme pour une anthropologie de la modernité créole / M.-J. Jolivet // Cahiers d'Études africaines. — 1997. — v. 37. — № 48. — Pp. 813—837.

15. Jolivet M.-J. La question créole. Essai de sociologie sur la Guyane française / M.-J. Jolivet. — Paris : Editions de la Recherche Scientifique et Technique Outre-Mer, 1982. — 502 p.

16. Laëthier M. Pratiques langagières des Haïtiens dans l'île de Cayenne / M. Laëthier // Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés, sous la direction d'I. Léglise et B. Migge. — Paris : Institut de recherche pour le développement, 2007. — Pp. 193—207.

17. Launey M. Les langues de Guyane : des langues régionales pas comme les autres? / M. Launey // Langues et cultures régionales de France. — Paris : Éditions L'Harmattan, 1999. — Pp. 141—159.

18. Léglise I. Des langues, des domaines, des régions. Pratiques, variations, attitudes linguistiques en Guyane / I. Léglise // Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés, sous la direction d'I. Léglise et B. Migge. — Paris : Institut de recherche pour le développement. 2007. — Pp. 29—48.

19. Léglise I. Langues créoles en Guyane / I. Léglise, B. Migge // Langues et cité, Les langues de Guyane. — 2017b. — № 29. — Pp. 6—7.

20. Léglise I. Les langues parlées en Guyane : une extraordinaire diversité, un casse-tête pour les institutions / I. Léglise // Langues et cité. Les langues de Guyane. — 2017a. — № 29. — Pp. 2—5.

21. Léglise I. Plurilinguisme et migrations en Guyane française / I. Léglise // Cahiers de l'Observatoire des pratiques linguistiques, Plurilinguisme et migrations. — Orléans : Presses Universitaires d'Orléans. — 2008. — № 2. — Pp. 94—100.

22. Léglise I. Pour une étude des contacts de langues en synchronie : quelques exemples tirés du terrain guyanais / I. Léglise, B. Migge // Trace. — 2005. — № 47. — Pp. 113—131.

23. Mam Lam Fouck S. Histoire de l'assimilation. La culture politique de l'assimilation en Guyane et aux Antilles françaises / S. Mam Lam Fouck. — Matoury : Ibis Rouge Editions, 2006. — 258 p.

24. Marot L. Guyane française : une école en friche / L. Marot // Le Monde de l'éducation (Langues vivantes, le mal français). — février 2002. — № 300. — Pp. 64—67.

25. Migge B. Langues et école en Guyane / B. Migge, O. Renault-Lescure // Vers une école plurilingue dans les collectivités françaises d'Océanie et de Guyane, sous la direction de V. Fillol et J. Vernaudeau. — Paris : L'Harmattan, 2009. — Pp. 49—66.

26. Piantoni F. La question migratoire en Guyane française / F. Piantoni // Hommes et migrations. Histoire, société et territoires. — 2009. — № 1278. — Pp. 369—386.

27. Puren L. Contribution à une histoire des politiques linguistiques éducatives mises en œuvre en Guyane française depuis le 19ème siècle / L. Puren // Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés, sous la direction d'I. Léglise et B. Migge. — Paris : Institut de recherche pour le développement. 2007. — Pp. 279—295.

28. Tiouka A. Droits des peuples autochtones à la terre et au patrimoine / A. Tiouka, Ph. Karpé // Revue d'Ethnobiologie. — 1998. — Vol. 40 (1—2). — Pp. 611—632.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023,
одобрена после рецензирования 17.05.2023,
подготовлена к публикации 22.05.2023.

Material resources

- Circulaire n°2017—072 du 12—4—2017. Langues et cultures regionals.* Available at: <https://www.education.gouv.fr/bo/17/Hebdo15/MENE1711397C.htm> (accessed 05.04.2023). (In Franc.).
- Circulaire du 14—12—2021. Langues et cultures régionales. Cadre applicable et promotion de leur enseignement.* Available at: <https://www.education.gouv.fr/bo/21/Hebdo47/MENE2136384C.htm> (accessed 05.04.2023). (In Franc.).
- Charter — European Charter on Regional or Minority Languages. (2002). In: *Languages of the Peoples of Russia. The Red Book. Encyclopedic dictionary—reference.* Moscow: Academia. 302—317. (In Russ.).
- CN — *Code Noir.* Available at: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/esclavage/code-noir.pdf> (accessed 09.03.2023).
- Convention — Convention on Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries (ILO Convention № 169).* (1989). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (accessed 03.04.2023). (In Russ.).
- Décret n°87—267 — *Décret n°87—267 du 14 avril 1987 modifiant le code du domaine de l'Etat et relatif aux concessions domaniales et autres actes passés par l'Etat en Guyane en vue de l'exploitation ou de la cession de ses immeubles domaniaux.* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000700175> (accessed 20.03.2023). (In Franc.).
- Guyane 2000 — *La Guyane en 2000: rapport annuel.* (2001). Paris: Institut d'émission des départements d'Outre-mer. 172 p. (In Franc.).
- Guyane 2021 — *Guyane. Rapport annuel 2021.* (2022). Paris: Institut d'émission des départements d'Outre-mer. 176 p. (In Franc.).
- Histoire des Antilles et de la Guyane. Univers de la France et des pays francophones, sous la direction de Pierre Pluchon, Série: Histoire des provinces.* (1982). Toulouse: Privot. 480 p. (In Franc.).
- Histoires, identités et logiques ethniques Amérindiens, Créoles et Noirs Marrons en Guyane.* (2008). Paris: Editions du comité des travaux historiques et scientifiques. 221 p. (In Franc.).
- Insee — *Institut national de la statistique et des études économiques de France.* Available at: <http://www.insee.fr/fr/ppp/bases-de-donnees/> (accessed 15.03.2023). (In Franc.).
- Joshua — *Joshua Project.* Available at: <http://joshuaproject.net/countries/FG> (accessed 09.03.2023).
- LGGMR — *Loi n°8—747 du 2 août 1984 relative aux compétences des régions de Guadeloupe, de Guyane, de Martinique et de la Réunion.* Available at: <http://www.senat.fr/application-des-lois/a83841798.html> (accessed 15.03.2023). (In Franc.).
- Loi Deixonne — *Loi № 51—46 du 11 janvier 1951 dite Deixonne relative à l'enseignement des langues et dialectes locaux.* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000886638> (accessed 15.03.2023). (In Franc.).
- LOOM — *Loi d'orientation pour l'outre-mer (loi 2000—1207 du 13 décembre 2000).* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000387814> (accessed 16.03.2023). (In Franc.).
- UNESCO — *UNESCO.* Available at: <https://ru.unesco.org> (accessed 02.04.2023). (In Russ.).

References

- Alby, S. (2009). La formation des enseignants dans le contexte guyanais. In: *Vers une école plurilingue dans les collectivités françaises d'Océanie et de Guyane.* Paris: L'Harmattan. 225—250. (In Franc.).

- Alby, S., Léglise, I. (2006). L'enseignement en Guyane et les langues régionales: Réflexions sociolinguistiques et didactiques. *Marges Linguistiques*, 10: 245—261. (In Franc.).
- Alby, S., Léglise, I. (2007). La place des langues des élèves à l'école en contexte guyanais. Quatre décennies de discours scientifiques. In: *Comprendre la Guyane d'aujourd'hui, sous la direction de S. Mam Lam Fouck*. Matoury: Ibis Rouge Editions. 439—452. (In Franc.).
- Alby, S., Léglise, I. (2017). Plurilinguisme et éducation en Guyane. Langues et cité. *Les langues de Guyane*, 29: 10—11. (In Franc.).
- Azéma, M., Léglise, I. (1994). *Cultures et langues maternelles à l'école. Vers une pratique pédagogique intégrée des langues et cultures guyanaises*. Cayenne: CNDP. 197 p. (In Franc.).
- Chaudenson, R. (1992). *Des îles, des hommes, des langues. Essai sur la créolisation linguistique et Culturelle*. Paris: L'Harmattan. 309 p. (In Franc.).
- Cherubini, B. (1986). *Dynamique de l'ethnicité et identité culturelle à Cayenne (Guyane française)*. Talence, Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine: Centre National de Documentation des Départements d'Outre-Mer (CENADDOM). 71 p. (In Franc.).
- Cherubini, B. (2002). *Interculturalité et créalisation en Guyane française*. Paris: L'Harmattan. 270 p. (In Franc.).
- Goury, L. (2007). L'écrit en Guyane. Enjeux linguistiques et pratique sociale. In: *Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés*. Paris: Institut de recherche pour le développement. 73—86. (In Franc.).
- Hidair, I. (2003). *La construction identitaire des Créoles de Guyane. Thèse*. Paris: EHESS—CEAF. 528 p. (In Franc.).
- Hidair, I. (2007). Les places de la langue dans la construction identitaire des Créoles de Guyane. In: *Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés*. Paris: Institut de recherche pour le développement. 209—224. (In Franc.).
- Hidair-Krivsky, I. (2014). L'enseignement du créole à l'école: Une opportunité pour la pédagogie interculturelle en Guyane? In: *Actes du XIIIe colloque du Comité International des études créoles, Langues créoles, mondialisation et éducation*. République de Maurice: Université de Maurice. 551—575. (In Franc.).
- Ho Tin Noe, J.-Cl. (2002). Radio Guyane, entre modernité et tradition. *Hermès*, 32—33: 255—261. (In Franc.).
- Jolivet, M.-J. (1997). La créolisation en Guyane. Un paradigme pour une anthropologie de la modernité créole. *Cahiers d'Études africaines*, 37 (48): 813—837. (In Franc.).
- Jolivet, M.-J. (1982). *La question créole. Essai de sociologie sur la Guyane française*. Paris: Editions de la Recherche Scientifique et Technique Outre-Mer. 502 p. (In Franc.).
- Laëthier, M. (2007). Pratiques langagières des Haïtiens dans l'île de Cayenne. In: *Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés*. Paris: Institut de recherche pour le développement. 193—207. (In Franc.).
- Launey, M. (1999). Les langues de Guyane: des langues régionales pas comme les autres? In: *Langues et cultures régionales de France*. Paris: Éditions L'Harmattan. 141—159. (In Franc.).
- Léglise, I. (2007). Des langues, des domaines, des régions. Pratiques, variations, attitudes linguistiques en Guyane. In: *Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés*. Paris: Institut de recherche pour le développement. 29—48. (In Franc.).
- Léglise, I., Migge, B. (2017b). Langues créoles en Guyane. Langues et cité, *Les langues de Guyane*, 29: 6—7. (In Franc.).

- Léglise, I. (2017a). Les langues parlées en Guyane: une extraordinaire diversité, un casse-tête pour les institutions. *Langues et cité. Les langues de Guyane*, 29: 2—5. (In Franc.).
- Léglise, I. (2008). Plurilinguisme et migrations en Guyane française. In: *Cahiers de l'Observatoire des pratiques linguistiques, Plurilinguisme et migrations*, 2. Orléans: Presses Universitaires d'Orléans. 94—100. (In Franc.).
- Léglise, I., Migge, B. (2005). Pour une étude des contacts de langues en synchronie: quelques exemples tirés du terrain guyanais. *Trace*, 47: 113—131. (In Franc.).
- Mam Lam Fouck, S. (2006). *Histoire de l'assimilation. La culture politique de l'assimilation en Guyane et aux Antilles françaises*. Matoury: Ibis Rouge Editions. 258 p. (In Franc.).
- Mam Lam Fouck, S. (2006). *Histoire de l'assimilation. La culture politique de l'assimilation en Guyane et aux Antilles françaises*. Matoury: Ibis Rouge Editions. 258 p. (In Franc.).
- Marot, L. (2002). Guyane française : une école en friche. *Le Monde de l'éducation (Langues vivantes, le mal français)*. Février, 300: 64—67. (In Franc.).
- Migge, B., Renault-Lescure, O. (2009). Langues et école en Guyane. In: *Vers une école plurilingue dans les collectivités françaises d'Océanie et de Guyane*. Paris: L'Harmattan. 49—66. (In Franc.).
- Piantoni, F. (2009). La question migratoire en Guyane française. *Hommes et migrations. Histoire, société et territoires*, 1278: 369—386. (In Franc.).
- Puren, L. (2007). Contribution à une histoire des politiques linguistiques éducatives mises en œuvre en Guyane française depuis le 19ème siècle. In: *Pratiques et représentations linguistiques en Guyane. Regards croisés*. Paris: Institut de recherche pour le développement. 279—295. (In Franc.).
- Tiouka, A., Karpé, Ph. (1998). Droits des peuples autochtones à la terre et au patrimoine. *Revue d'Ethnobiologie*, 40 (1—2): 611—632. (In Franc.).

*The article was submitted 26.04.2023;
approved after reviewing 17.05.2023;
accepted for publication 22.05.2023.*

Коломиец С. В. Валидный инструментарий оценки когнитивных функций и речевого статуса детей с различными патологиями / С. В. Коломиец, Ю. С. Шот // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 106—129. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-106-129.

Kolomiets, S. V., Shot, Yu. S. (2023). Valid Toolkit for Assessing Cognitive Functions and Speech Status of Children with Various Pathologies. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 106-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-106-129. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-106-129

Валидный инструментарий оценки когнитивных функций и речевого статуса детей с различными патологиями

Коломиец Светлана Вячеславовна^{1*}

orcid.org/0000-0003-2885-094X

кандидат филологических наук,
кафедра романо-германской филологии,

* *корреспондирующий автор*

kolomsvetlana@yandex.ru

Шот Юлия Сергеевна²

orcid.org/0000-0002-9409-4233

переводчик организационно-
методического отдела

ksenimo.viper@gmail.com

¹ Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Научно-исследовательский институт
комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний
(Кемерово, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00002 «Проблема
когнитивно-дискурсивной параметризации
медицинского дискурса пациентов с ВПС
(врожденным пороком сердца)
в кардиохирургическом стационаре»,
<https://rscf.ru/project/23-28-00002/>

Valid Toolkit for Assessing Cognitive Functions and Speech Status of Children with Various Pathologies

Svetlana V. Kolomiets^{1*}

orcid.org/0000-0003-2885-094X

PhD in Philology,

Department of Romano-Germanic Philology,

* *Corresponding author*

kolomsvetlana@yandex.ru

Yulia S. Shot²

orcid.org/0000-0002-9409-4233

Translator, Organizational and
Methodological Department

ksenimo.viper@gmail.com

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² Research Institute of Complex Problems
of Cardiovascular Diseases
(Kemerovo, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation,
project № 23-28-00002 “The problem
of cognitive-discursive parameterization
of the medical discourse of patients with CHD
(congenital heart disease)
in a cardiac surgery hospital”,
<https://rscf.ru/project/23-28-00002/>

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен обзор современных российских методик диагностики и оценивания речевых патологий. Классификации речевых нарушений рассматриваются с позиций клинической практики, педагогики, психологии, логопедии и лингвистики. Актуальность предпринятого исследования определена необходимостью систематизации существующего диагностического материала речевых нарушений и его описания. Представленные на данный момент работы, посвященные затронутой теме, носят разрозненный характер, что объясняется их практико-ориентированным характером. Методики разных авторов имеют схожую структуру и включают тесты на оценку когнитивных, речевых и нейродинамических функций. Отмечается, что самым большим недостатком на сегодняшний день в клинической теории и практике диагностики речевых нарушений можно назвать большое количество диагностических методик для пациентов с афазией и практически полное их отсутствие для пациентов с нарушениями речи, вызванными другими заболеваниями или состояниями. Основная часть статьи посвящена описанию традиционных и относительно недавно разработанных российскими практиками и теоретиками батарей тестов для диагностики речевых нарушений. Выполненный обзор методик и их анализ позволил выделить ряд общих черт, установить лакуны и определить ряд задач для их последующего совместного решения специалистами в области медицины и лингвистики.

Ключевые слова:

нейролингвистика; психоллингвистика; когнитивная лингвистика; клиническая лингвистика; речевые нарушения; язык; речь.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

A review of modern Russian methods for diagnosing and evaluating speech pathologies is presented. Classifications of speech disorders from the standpoint of clinical practice, pedagogy, psychology, speech therapy and linguistics are considered. The relevance of the study is determined by the need to systematize the existing diagnostic material of speech disorders and its description. The works presented at the moment, devoted to the topic, are fragmented and incomplete, which is explained by their practice-oriented nature. Methods of different authors have a similar structure and include tests to assess cognitive, speech and neurodynamic functions. It is noted that the biggest drawback today in the clinical theory and practice of diagnosing speech disorders can be called a large number of diagnostic methods for patients with aphasia and their almost complete absence for patients with speech disorders caused by other diseases or conditions. The main part of the article is devoted to a detailed description of traditional and relatively recently developed by Russian practitioners and theorists of test batteries for diagnosing speech disorders. The review of the methods and their analysis made it possible to highlight a number of common features, determine gaps and identify a number of tasks for their subsequent joint solution by specialists in the field of medicine and linguistics.

Key words:

neurolinguistics; psycholinguistics; cognitive linguistics; clinical linguistics; speech disorders; language; speech.

Валидный инструментарий оценки когнитивных функций и речевого статуса детей с различными патологиями

© Коломиец С. В., Шот Ю. С., 2023

1. Введение = Introduction

Цель данной статьи — описать существующие в российской практике диагностические методики по выявлению нарушений речевого развития, проанализировать представленные в них тесты и материалы тестов для выполнения диагностики. Данный обзор будет полезен в дальнейшем для составления общей базы тестов и тестовых материалов, используемых в целях диагностики различных речевых нарушений, и последующей их практической адаптации и внедрения в целях диагностики речевых патологий определенного спектра и этиологии, а также у пациентов различных возрастных групп.

История изучаемого вопроса отнюдь не нова, так как язык и речь во многом определяют человека и всегда привлекали внимание исследователей. Речь как высшая психическая функция и язык как средство реализации речевой деятельности человека изначально находились в фокусе лингвистики, их изучением занимались такие известные лингвисты, как И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Л. С. Выготский, А. А. Потебня, Л. В. Щерба. Понимание взаимосвязи языка и речи с физиологией человека привело к появлению исследований языка и речи в поле ряда нейронаук. Так, А. Р. Лурия, один из основателей нейропсихологии и нейролингвистики, положил начало разработке объективных методов комплексного клинико-физиологического изучения детей с различными формами умственной отсталости [Лурия, 2009, 2013, 2018, 2019]. Результаты клинических исследований позволили ему и его ученикам в дальнейшем развить нейропсихологический подход к анализу речевых и языковых явлений и предложить свои методы исследования нарушений и патологий речи [Ахутина, 2007, 2014, 2022; Визель, 2007; Семенович, 2007; Симерницкая, 1985; Цветкова, 2002].

Междисциплинарные исследования языка и речи продолжили свое поступательное развитие. В частности, соотношение языка и мышления было рассмотрено в отечественной психолингвистике А. А. Леонтьевым [Леонтьев, 1974а, 1974б, 2006, 2008, 2010, 2014], основной задачей которой выступает изучение процессов перцепции и рецепции знаков языка

в сознании индивидуума. Психолингвистический подход к изучению и коррекции речевых нарушений включает анализ семантической и прагматической сторон речи, а также ее перцептивной, интерактивной и коммуникативной сторон [Роль ..., 2016].

Когнитивная лингвистика, получившая бурное развитие в конце XX века, в свою очередь стала изучать усвоение и обработку информации человеком, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка [Попова и др., 2003]. В рамках когнитивной лингвистики осуществляются исследования процессов порождения и восприятия речевого высказывания, изучается взаимосвязь между языком и когнитивной деятельностью индивидуума. Изучение патологий речи и языка с позиции когнитивной лингвистики подразумевает исследования нарушений когнитивно-речевых процессов [Пивненко и др., 2019].

Тенденция к междисциплинарности знания со временем привела к интеграции лингвистики и медицины. Сегодня внимание исследователей привлекают прежде всего вопросы становления и развития таких смежных наук, как медицинская лингвистика, под которой понимается набор конкретных видов лингвистических работ и услуг для медицины, и клиническая лингвистика, направленная на изучение патологий языка и речи [Палютина, 2013; Crystal, 2013]. В связи с этим всё больший интерес на сегодняшний день представляют конвергентные исследования языка и речи, сочетающие применение понятийного аппарата и методов медицины с лингвистическими методами исследования. Наиболее продуктивно данный междисциплинарный подход оправдал себя в диагностике и коррекции нарушений языка и речи.

Речь — сложная психическая функция человека, ее формирование определяет другие взаимосвязанные с ней психические функции [Заваденко, 2019]. Данная функция может быть нарушена вследствие осложнений внутриутробного развития интранатального или раннего постнатального развития, физических и психологических травм, ряда неврологических заболеваний и многих других факторов. В качестве потенциальных причин нарушений речевого развития у детей называют анатомические, физиологические, а также неврологические проблемы, связанные с нарушением восприятия речи, обусловленные в том числе и нарушением слуха [Потапов, 2021].

В медицинской практике выделяют первичные и вторичные нарушения речевого развития. Первые наблюдаются при сохранном слухе, зрении и интеллекте и не имеют четко определенного этиологического фактора. Вторые вызваны такими заболеваниями, как умственная отсталость, органические поражения ЦНС, тугоухость, врожденные или приобретенные

дефекты артикуляционного аппарата [Логопедия, 2002; Макаров и др., 2017]. Развитие речи непосредственно связано с развитием психики, мышления, интеллекта ребенка, сенсорных функций и моторики [Заваденко, 2019]. Патологическое развитие речи приводит к отставанию в развитии и нарушению социализации [McLaughlin, 2011].

Таким образом, многоплановость причин и последствий речевых нарушений у детей определяют область исследований речевых патологий как общее поле деятельности для различных специалистов, вовлеченных в процессы диагностики и коррекции речевых нарушений у детей и их последствий. Это в свою очередь определяет классификацию данных нарушений, подход к методам диагностики и коррекции речевых нарушений в зависимости от того, в рамках какой области науки и отрасли знаний проводится исследование.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исходя из того факта, что проблемное поле речевых патологий, их классификация и диагностика находятся в ведении многих отраслей науки, представляется логичным рассмотреть классификации нарушений речи с позиции разных научных подходов, затем описать и проанализировать составленные на их основе методики, батареи тестов и опросников для диагностики и оценки речевых нарушений, а также методики оценки речевых нарушений с более узким подходом по отношению к личности пациента и этиологии речевых нарушений. Материалом послужила научная литература по указанной проблематике. Цель обзора — определить материальную научную базу для ее дальнейшей апробации, верификации и создания валидного инструментария для оценки когнитивных функций и речевого статуса детей с различными патологиями.

2.1. Классификации нарушений речи

Логопедическая классификация языковых нарушений. В логопедии согласно методике диагностики нарушений у детей логопедом оцениваются следующие речевые проблемы: 1) фонетическое нарушение речи (ФНР) или нарушение произношения отдельных звуков (НПОЗ); 2) фонетико-фонематическое нарушение речи (ФФНР); 3) недоразвитие лексико-грамматического строя речи (ЛГНР); 4) общее недоразвитие речи (ОНР); 5) нарушение темпа и ритма речи [Диагностика ..., 2002].

Клинико-педагогическая классификация основана на психолого-лингвистических критериях, позволяющих определить вид речевых проблем у ребенка: 1. Нарушение устной речи: а) произносительной стороны речи — расстройства фонационного (внешнего) оформления высказывания; б) системных, или полиморфных нарушений речи — расстройства

структурно-семантического (внутреннего, языкового) оформления высказывания (алалия, афазия). 2. Нарушение письменной речи: а) продуктивной деятельности (письма) — дисграфия; б) рецептивной деятельности (чтения) — дислексия [Степанченко и др., 2010].

Психолого-педагогическая классификация речевых нарушений ориентирована на выявление речевой симптоматики на основе психологических и лингвистических критериев — звуковой стороны (фонетики), лексики и грамматики. Проблемы речи в психолого-педагогической классификации подразделяются на две группы: 1) нарушения средств общения (фонетическое недоразвитие речи, фонетико-фонематическое и общее недоразвитие речи); 2) нарушения в применении средств общения: заикание, которое рассматривается как нарушение коммуникативной функции речи при правильно сформировавшихся средствах общения. Выделяют четыре вида расстройств речи: а) специфическое расстройство речевой артикуляции; б) расстройство экспрессивной речи; в) расстройство рецептивной речи; г) заикание [Корнев, 2005; Мирзарахимова, 2022].

Международная классификация болезней 11-го пересмотра. Согласно Международной классификации болезней 11-го пересмотра к нарушениям развития речи и языка относят: 1) нарушение развития звуков речи; 2) нарушение развития беглости речи; 3) нарушение развития языка: а) расстройства развития языка с нарушением восприимчивости и выразительности языка; б) расстройства развития языка с нарушением преимущественно выразительности языка; в) расстройства развития языка с нарушением преимущественно прагматичного языка; г) расстройства развития языка, связанные с другими языковыми нарушениями; 4) другие уточнённые нарушения развития речи и языка; 5) нарушения развития речи и языка, неуточнённые [МКБ 11].

Классификация Л. О. Бадаляна. В поле неврологии Л. О. Бадалян выделяются следующие группы нарушений речи: а) речевые расстройства, связанные с органическим поражением центральной нервной системы; б) речевые нарушения, связанные с анатомическими дефектами строения артикуляционного аппарата: механические дислалии, ринолалия; в) задержки речевого развития различного происхождения (при недоношенности, при тяжелых заболеваниях внутренних органов, педагогической запущенности и т. д.) [Бадалян, 2001].

Лингвистический подход к описанию нарушений речи представлен в работе Л. С. Бейлинсон. Ей выделяются четыре основных класса нарушений речи: 1) системные функционально-релевантные нарушения речи, когда субъект демонстрирует плохое владение языком и неадекватное восприятие обращенной к нему речи; 2) системные функционально-нереле-

вантные нарушения речи, возникающие в состоянии нервного напряжения, сопровождающиеся сбивчивыми и нелогичными высказываниями; 3) нормативные функционально-релевантные нарушения речи, отражающиеся в нарушении тональности и регистра общения; 4) нормативные функционально-нерелевантные нарушения речи, когда субъект демонстрирует низкую культуру речи [Бейлинсон, 2007, с. 22].

Резюмируя вышеописанные классификации нарушений речи, можно заключить, что в основе классификаций патологий языка и речи находятся различные факторы, оказывающие влияние на производство и восприятие речи.

Существующие в российской науке классификации речевых нарушений в очередной раз подтверждают тезис о сложной и многоаспектной природе языка и речи, что в свою очередь приводит к разобщенности методик диагностики нарушений языка и речи, к разным вариантам нормы, которая определяется в зависимости от точки зрения и выбранного подхода. Следовательно, для диагностики патологий речи и языка и дальнейших мероприятий по их коррекции логично и целесообразно опираться на классификацию, разработанную в рамках определенной области знания и предназначенную, таким образом, определенному адресату — родителю, логопеду, педагогу, медицинскому работнику.

2.2. Традиционные российские методики оценки речевых нарушений

На сегодняшний день в российской науке и клинической практике существует и применяется большое количество методик оценки речевых нарушений.

В педагогике и логопедии для диагностики и коррекции у детей нарушений речевого развития используется ряд методик, направленных на обследование звуковой стороны речи, понимания речи, лексического запаса и грамматического строя речи, письменной речи [Методы ..., 2003].

Обследование звукопроизношения: 1) проверка изолированного произношения звуков, 2) оценивание звуков в речи (ребенку предъявляется картинка, включающая слова из проверяемых звуков; отбираются слова различной слоговой структуры).

Обследование фонематического восприятия, когда испытуемому надо 1) отсчитать количество слогов в словах разной слоговой сложности; угадать, какой именно из предъявленных картинок соответствует заданный логопедом ритмический рисунок, 2) повторить изолированные звуки или пары звуков, слоговые сочетания.

Обследование понимания слов: 1) от испытуемого требуется показать на картинке называемые предметы, 2) указать на изображение, соответствующее названному действию, 3) выполнить виды заданий, предполага-

ющие выбор слов различных лексических типов: синонимов, антонимов, многозначных слов.

Обследование понимания предложений: 1) испытуемый должен выполнить действие (например, хлопнуть в ладоши), 2) после прочтения или озвучивания предложения испытуемый должен выбрать корректное изображение из двух картинок, 3) исправить некорректное предложение, 4) прочитать предложение и ответить на вопрос, 5) закончить предложение, выбрав из предложенных вариантов.

Обследование понимания грамматических форм: 1) в соответствии с инструкцией испытуемый должен выбрать нужный предмет (или карточку) или нужное количество предметов, 2) выбрать картинки, на которых изображены мальчик или девочка, совершающие одно и то же действие или находящиеся в одном и том же состоянии, 3) выполнить инструкции, направленные на понимание предлогов (например, поставь матрешку на стакан).

Обследование понимания текста: 1) нахождение в тексте предложений, которые являются ответами на вопросы, 2) составление испытуемым вопросов к тексту, 3) пересказ текста, 4) правильное интонирование отдельных предложений.

Обследование лексического запаса: 1) название предметов и действий, 2) продолжение тематического ряда, 3) подбор синонимов и антонимов, 3) категоризация и классификация объектов, 4) употребление верных лексем в контексте.

Обследование чтения: 1) чтение буквосочетаний, 2) чтение слов, 3) чтение предложения и текста.

Обследование письма: письмо под диктовку букв, слов, предложений, текста.

В отечественной клинической практике для диагностики и коррекции речевых нарушений исследователи опираются в большинстве случаев на разработанную Т. В. Ахутиной и Т. А. Фотековой диагностику речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов, первоначально разработанных А. Р. Лурией (1963). Методика имеет тестовый характер, но основное внимание уделяется качественной интерпретации выявленной речевой симптоматики с двухуровневым способом анализа результатов. Логопедический уровень позволяет выявить степень сформированности разных сторон речи и получить речевой профиль. Нейропсихологический — через систему дополнительных оценок и вычисления индексов — дает возможность понять психологические механизмы, лежащие в основе обнаруженной речевой недостаточности, и сделать выводы о функциональном состоянии регуляторных и гностических (пе-

редних и задних) отделов коры головного мозга. Методика представлена в двух вариантах, предназначенных для обследования детей младшего и старшего школьного возраста [Фотекова и др., 2002, 2020].

Обследование устной экспрессивной речи предусматривает оценивание 1) звукопроизношения, 2) словообразовательных навыков (образование прилагательных от существительных и пр.), 3) грамматических навыков (составление фраз, повторение предложений различной сложности, составление и верификация предложений, дополнение предложений), 4) связной речи (составление рассказа по картинкам, пересказ и т. д.), 5) номинативной функции речи (наименование объектов, действий и т. д.).

Обследование устной импрессивной речи предполагает оценивание 1) понимания далеких и близких по значению и звучанию слов, 2) понимания сложных логико-грамматических конструкций, 3) фонематического восприятия речи.

Обследование письменной речи состоит из оценивания 1) понимания звукобуквенного состава слова, 2) письма (письмо под диктовку), 3) навыков чтения.

Рисуночный тест «Я и моя речь» в логопсихотерапии, имеющей своей целью определение психологического статуса детей с нарушениями речи, также может быть включен в комплекс диагностических и коррекционных тестов оценки речевых нарушений. При проведении данного теста испытуемым предлагают нарисовать на листе бумаги два круга, один из которых означает «Я», а другой — «Моя речь», и прокомментировать свой рисунок [Глозман и др. 2018а, 2018б, 2021]. Согласно результатам проведенных исследований, испытуемые без речевых нарушений помещают на рисунок круг «речь» внутри круга «Я» или пересекающимся с ним, то есть речь воспринимается ими как неотъемлемая часть, в то время как испытуемые с нарушениями речи склонны размещать их отдельно друг от друга и вносят в рисунок точки и черточки между кругами, обозначающие препятствия и перерывы в общении.

2.3. Методики оценки речевых нарушений, адаптированные для русского языка

Анализ литературы по рассматриваемой проблематике свидетельствует о том, что в отечественной науке и практике используются **оригинальные или адаптированные батареи тестов** для диагностики речевых нарушений. Наиболее частотными среди адаптированных для русского языка являются комплексы тестов оценивания нарушений пациентов с афазией: Аахенский афазиологический тест (Der Aachener Aphasie-Test, AAT), Батарея лобных тестов (Frontal Assessment Battery), тест на семантическую вербальную беглость (Semantic verbal fluency test) (ВБ) — для оценки

речевого статуса пациентов с неврологическими, психиатрическими заболеваниями, а также для оценки речевого развития детей, Макатуровский опросник речевого и коммуникативного развития, адаптированный для русского языка, тест словарного запаса с картинками Пибоди (Peabody Picture Vocabulary Test).

Макатуровский опросник речевого и коммуникативного развития был создан для родителей. С его помощью можно собрать информацию о развивающихся способностях детей в раннем языковом возрасте, включая понимание лексики, умения конструировать слова, использовать жесты, учитывать грамматику, и оценить норму и отклонение от нормы. Он включает следующие параметры: 1) Words Children Use (Words Produced, How children use words); 2) Sentences and Grammar (Grammatical suffixes, Irregular words, Overregularized words, Is the child combining words, Length of child's three longest sentences, Sentence complexity). Адаптированная версия Макатуровского опросника речевого и коммуникативного развития ребенка раннего возраста (разработанная С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеевой, В. Л. Рыскиной, Е. А. Вершининой, А. М. Вершининым) включает оценку пассивного словаря и активного лексикона. Авторами были переведены и адаптированы с учетом культурных реалий слова и жесты, предлагаемые в оригинальном опроснике [Елисеева и др., 2016, 2017].

Батарея лобных тестов (Frontal Assessment Battery). Термин представляет собой кальку с англоязычного термина в научной литературе, более понятный, с нашей точки зрения, перевод предложен командой исследователей из Казани — «комплекс для оценки лобной дисфункции» [Хайруллин и др., 2015]. Тест представляет собой относительно недавно разработанный комплексный краткий когнитивно-поведенческий тест, состоящий из шести субтестов для определения лобной дисфункции. Достоинствами методики выступают простота применения и точность. Первые два из шести субтестов: 1) conceptualization and abstract reasoning (similarities test) / поиск общего (концептуализация), 2) mental flexibility (verbal fluency test) / лексическая беглость — имеют лингвистическую основу для оценки речевых функций. Поиск общего, или концептуализация, представляет собой задание для испытуемого найти общее между объектами, например, столом и стулом или тюльпаном, розой и маргариткой (оценивание от 0 до 3 баллов). Лексическая беглость подразумевает задание для испытуемого назвать как можно больше слов, начинающихся на определенную букву / звук. Оценивается количество слов (> 9 слов — 3 балла, 6—9 слов — 2 балла, 3—5 слов — 1 балл, < 3 слов — 0 баллов), также рекомендуется стимулировать испытуемого к ответу, если присутствуют паузы от 5 до 10 секунд [Там же, 2015].

Тест на семантическую вербальную беглость (ВБ) / Semantic verbal fluency test служит для оценки речевого статуса пациентов с неврологическими, психиатрическими заболеваниями, а также для оценки речевого развития детей. Тест на беглость надежен, быстро выполняется, и даже пациенты с довольно тяжелыми нарушениями могут понять требования задания. Вербальные тесты беглости, как на фонологические, так и на семантические категории, очень популярны в клинической и экспериментальной нейропсихологии и других сферах медицинских исследований. Они используются для оценки поиска лексической информации испытуемым, репродуктивной и продуктивной речи. В качестве материала для оценки генерируются списки слов определенной семантической категории (например, испытуемому предлагается назвать живые и неживые объекты, животных, фрукты, овощи, города, цвета, растения, марки машин и т. д.) или слов, начинающихся на определенную букву (фонетическая ВБ), в течение заданного промежутка времени (стандартным считается отрезок времени в 60 секунд, но допускается и более длительный промежуток времени до 90 секунд). Оценка: присваивается 1 балл, если испытуемый назовет 11 слов или более за 60 секунд. При составлении заданий и оценке ключевыми факторами выступают возраст испытуемого, его образование и нередко гендер [Алфимова, 2010; Захаров, 2011].

Тест словарного запаса с картинками Пибоди / Peabody Picture Vocabulary Test измеряет восприятие на слух и понимание однословного словарного запаса и разработан для людей в возрасте от 2 лет 6 месяцев до 90 лет. Тест включает задания с множественным выбором, в которых для каждого словарного слова (включая глаголы, существительные и прилагательные) показаны четыре картинки. Тест требует, чтобы испытуемый выбрал изображение одного из четырех предметов на карточке согласно слову, названному экзаменатором. Как правило, для получения валидных результатов требуется 34—35 заданий, тест прекращается после последовательных неудач при ответе на 6 из 8 заданий [Опыт ..., 2022; Солнышкина и др., 2018].

На сегодняшний день в отечественной науке продолжают различные исследования и разработка валидного инструментария, в том числе и лингвистического, для оценки когнитивных функций и речевого статуса пациентов.

2.4. Современные российские методики диагностики речевых нарушений

Группа исследователей из Казанского федерального университета и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова разработала *инструментарий экспресс-оценки когнитивных и речевых*

функций пациентов (детей с идиопатической эпилепсией на фоне приема противоэпилептических средств), сочетающий лингвистическую диагностику в комплексе с неврологическим осмотром и функциональной диагностикой. Лингвистический инструментарий экспресс-оценки включает следующие методики / задания оценки речи: а) повторение слов со сложным артикуляционным переключением (3 единицы); б) нейминг (3 единицы — предметы, 3 единицы — действия); в) понимание переносного значения (2 идиомы); г) образование уменьшительно-ласкательных форм (с опорой на визуальный ряд, 3 элемента); д) проба на супплетивные ряды (названия животных и их детенышей с опорой на визуальный ряд, 3 элемента); е) завершение высказывания (предсказуемое, 2 единицы); ж) рассказ по серии картинок (3 картинки) и уровневый подход к анализу речи. Весь стимульный материал строго ранжируется по возрасту [Гамирова и др., 2018].

Русский афазнологический тест (РАТ). Данный тест был разработан командой исследователей из Высшей школы экономики с целью создания валидной российской методики оценки нейрогенных языковых расстройств. Основная новизна РАТ заключается в том, что каждый субтест соответствует определенному уровню языковой обработки (фонологический, лексико-семантический, синтаксический и дискурсивный) в различных областях: слуховое восприятие, повторение и устная продукция. При разработке теста исследователи принимали во внимание различные (психо)лингвистические факторы, которые влияют на языковые результаты, а также специфические свойства русского языка [The Russian ..., 2021].

Также в стенах Высшей школы экономики (ВШЭ) был разработан **быстрый тест на афазию для русского языка** [Адаптация ...]. Ниже представлены оценочные задания данного теста:

Выполнение простых инструкций и сложных инструкций (например: «закройте и откройте глаза», «дотроньтесь левой рукой до правого уха»), нацеленных на проверку восприятия устной речи и обработку информации. Оценивание основано на скорости выполнения задания по шкале от 0 до 3 (0 — задание выполнено за 10 секунд, 3 — задание не выполнено).

Повторение слов. Каждое слово оценивается от 0 до 2 (0 — нормальное повторение, 2 — слово неузнаваемо).

Повторение предложений. Оценивание проводится по шкале от 0 до 2 (0 — нормальное повторение, 2 — предложение неузнаваемо).

Наименование объектов, представленных на картинке (0 — нормальное называние, 2 — слово искажено до неузнаваемости).

Оценка артикуляционных нарушений по шкале от 0 до 3 (0 — нормальное произношение, 3 — произношение неразборчивое).

Семантическое задание (наименование категории объектов за фиксированное время). Шкала оценивания — от 0 до 4 (0 — названо более 15 слов, 4 — 0—2 слова).

На основе русского афазиологического теста (ПАТ) был разработан и апробирован *тест для оценивания речи детей RuCLAB (Русская батарея оценки языка ребенка)*, за которым также закреплено другое название — тест речевых навыков КОРАБЛИК (Клиническая оценка развития базовых лингвистических компетенций). Тест включает 11 заданий, оценивающих фонологические, лексические, морфосинтаксические и дискурсивные навыки детей и резюмирующих их навыки в понимании и продуцировании речи [Инструмент ..., 2021]. Все задания предъявляются на планшете в приложении «КОРАБЛИК app». Ответы участников записываются в том же приложении. Аудиостимулы для заданий записаны в студии женским голосом и предъявляются стандартизированно. В данную батарею тестов включены следующие задания:

Различение звуков в псевдословах (например, *гаска* — *гакса*).

Понимание существительных: после прослушивания слов-объектов необходимо выбрать соответствующую картинку из четырех.

Понимание глаголов: после прослушивания слов, описывающих действия, необходимо выбрать соответствующую картинку из четырех.

Понимание предложений: испытуемый должен прослушать предложения и выбрать соответствующую картинку из двух.

Понимание дискурса: испытуемый должен прослушать рассказ полностью и проверить, являются ли последующие утверждения истинными или ложными. Утверждения направлены либо на основную линию, либо на детали рассказа. Помимо фонологической, лексико-семантической и синтаксической обработки, оцениваются прагматические навыки, такие как построение умозаключений и понимание связей между элементами текста.

Повторение непроизносимых слов: испытуемый должен послушать псевдослова и повторить их. Задание позволяет оценить дефицит сублексического акустико-фонологического преобразования и фонологического буфера.

Называние предметов: необходимо назвать объект, изображенный на картинке.

Наименование действий, изображенных на картинках.

Составление предложений с опорой на картинку и предоставленную речевую модель.

Повторение предложений.

Производство дискурса, иными словами, составление рассказа по представленной картинке.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Принимая во внимание сложность предмета оценивания — речи — и его многоаспектность, все представленные выше методики, а именно тесты и материалы для тестирования, можно обобщить, представив информацию в сводной таблице. В ней выделены предмет (что непосредственно оценивается), методы и тесты оценивания, а также адресат — субъект, обладающий той совокупностью знаний, которая позволит ему провести оценивание / диагностику и прийти к достоверным выводам и умозаключениям относительно присутствия патологии / нарушений или их отсутствия.

Таблица

Методики диагностики и оценивания нарушений речи у детей

Название методики / Автор(ы) методики	Объект, предмет исследования	Методы / тесты	Адресат
Чиркина Г. В.	Речевое развитие детей раннего возраста	Тесты на звукопроизношение, фонематическое восприятие речи, понимание слов, грамматических форм и текстов, письмо и чтение	Логопед
Ахутина Т. В., Фотекова Т. А.	Речевое развитие детей младшего и старшего школьного возраста	Тесты устной экспрессивной речи, устной импрессивной речи и письменной речи	Логопед
Рисуночный тест «Я и моя речь»	Психолого-логопедические трудности речевого общения детей	Тест на образ вербальной коммуникации	Логопсихотерапевт
Макартуровский опросник речевого и коммуникативного развития, адаптированный для русского языка	Развитие способностей детей в раннем языковом возрасте	Тесты на понимание лексики, речепроизводство, жесты и грамматику	Родитель Логопед Педагог
Тест на семантическую вербальную беглость (ВБ)	Речевой статус пациентов с неврологическими, психиатрическими заболеваниями, а также для оценки речевого развития детей	Тест на поиски лексической информации испытуемым, репродуктивную и продуктивную речь	Врач
Батарея лобных тестов	Оценка лобной дисфункции	Когнитивно-поведенческий тест	Врач

Окончание табл.

Название методики / Автор(ы) методики	Объект, предмет исследования	Методы / тесты	Адресат
Тест словарного запаса с картинками Пибоди	Оценка словарного запаса у людей в возрасте от 2 лет 6 месяцев до 90 лет	Тесты на выбор словарного слова (включая глаголы, существительные и прилагательные)	Родитель Педагог Врач
Методика экспресс-оценки когнитивных и речевых функций пациентов	Речевые функции детей с идиопатической эпилепсией на фоне приема противосудорожных средств	Лингвистические тесты в комплексе с неврологическим осмотром и функциональной диагностикой	Педагог Врач
Русский афазнологический тест (РАТ)	Оценка нейрогенных языковых расстройств	Тесты на слуховое восприятие, повторение и устную продукцию	Врач
Быстрый тест на афазию для русского языка	Оценка нейрогенных языковых расстройств у детей	Тесты устной экспрессивной речи, устной импрессивной речи и письменной речи	Врач
Русская батарея оценки языка ребенка КОРАБЛИК	Оценивание речи детей	Тесты навыков в понимании и продуцировании речи	Врач

При проектировании исследования также была поставлена задача сопоставить существующие диагностические методики для оценки речевых нарушений и определить пробелы в них с точки зрения их применения для диагностики речевых нарушений у детей в современных условиях. Полученные результаты сопоставительного анализа необходимы для разработки и последующего внедрения в практику. Рассмотрев и проанализировав существующие методики диагностики и оценивания речевых нарушений у детей, можно сделать ряд выводов.

(1) Все рассмотренные выше методики выполнены в русле междисциплинарного подхода и основаны на постулатах, предложенных и разработанных в рамках нейролингвистики, психоллингвистики, когнитивной и клинической лингвистики.

(2) Большинство методик объединяют тесты на совместное оценивание экспрессивной и импрессивной речи ребенка вследствие их тесной взаимосвязи и проявления / реализации.

(3) В проанализированных методиках наблюдается выделение тестов на изолированное оценивание понимания ребенком речи вообще и его собственной речи, что объясняется сложным строением речевой функции,

когда нарушение фонематического восприятия вызывает нарушение артикулирования, а неправильная артикуляция вызывает нарушения восприятия речи.

(4) Методики разных авторов имеют схожую структуру и включают тесты на оценку когнитивных, речевых и нейродинамических функций.

(5) Батареи тестов, как правило, незначительно варьируются в тестовой и оценочной частях.

(6) Наиболее разработанными являются тесты на знание лексики, лексического запаса, что можно объяснить простотой оценивания и небольшой затратой времени на проведение теста.

(7) Большинство методик включают выборочное тестирование: не во всех присутствуют тесты, позволяющие оценить все уровни языка: фонематический, морфологический, лексический, синтаксический и дискурсивный.

(8) Разработано большое количество методик диагностики нарушений речи для пациентов с афазией, но не зафиксировано большого разнообразия методик оценки речи для пациентов с иными диагнозами. Также не зафиксировано релевантного количества методик для оценки нарушений речи пациентов дошкольного и школьного возраста с точной шкалой оценки возрастных норм.

(9) Разработанные методики не учитывают перемены реальности, которая приводит к изменению лексики, ее состава и объема, влияет на процессы овладения детьми теми или иными речевыми навыками. Иными словами, рассмотренные методики не учитывают смещение возрастных норм.

(10) В тестах отсутствует комплексная оценка средств, используемых испытуемым для осуществления успешного общения.

(11) Также среди тестов отмечается крайне низкое количество материала и задач коммуникативно-дискурсивного и когнитивно-дискурсивного характера, а также заданий для оценки прагматики высказываний.

(12) За исключением нескольких опросников все существующие методики диагностики и оценивания нарушений речи ориентированы на их применение специалистами — психологами и логопедами, практикующими врачами.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный обзор и анализ существующих в России диагностических методик речевых нарушений позволяет проанализировать их состояние и актуальность на сегодняшний день. За пределами обзора осталось несколько методик диагностики речевых нарушений, но данный факт не

оказывает значительного влияния на выводы в силу того, что все опущенные диагностики не содержат новых тестов, материала или предмета тестирования.

Проведенный обзор фиксирует наличие в отечественной теории и практике большого инструментария оценки речевых нарушений, сочетающих в себе совокупность использования лингвистических, психологических, неврологических методов оценки речевых нарушений, которые применяются уже длительное время. В то же время данная традиционность методик и используемого материала для тестирования не принимает во внимание изменения в процессах когниции и овладения языковыми навыками и умениями, которые, безусловно, могут меняться в рамках современного информационного общества. Более того, некоторые из материалов, таких как наглядный материал (изображения, картинки), стимульный материал для наименования категоризации и классификации объектов, слова, предложения и тексты для чтения, могут требовать модификации и актуализации согласно современным реалиям.

Отсутствие в некоторых методиках языкового материала для тестирования и четкого ранжирования результатов не позволяет провести полноценное обследование и указывает на необходимость обновления материалов и задач для тестирования, четкого описания результатов тестирования и разграничения нормы и отклонения от нормы для пациентов разных возрастных групп.

Самым большим недостатком на сегодняшний день в клинической теории и практике диагностики речевых нарушений можно назвать большое количество диагностических методик для пациентов с афазией и практически полное их отсутствие для пациентов с нарушениями речи, вызванными другими заболеваниями или состояниями.

Необходимо отметить, что применение результатов смежных наук для оценивания речевых нарушений позволяет теоретикам и практикам проводить более глубокие исследования взаимосвязей языка и речи с психофизиологией и процессами мышления и когниции. В то же время современная наука развивается стремительно и требует включения в данные методики новых знаний в контексте развития междисциплинарности с расширением поля применения методов новых областей точных и гуманитарных наук.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Адаптация* на русский язык скрининговых тестов Aphasia Rapid Test (Быстрый тест на афазию) и Aphasia Bedside Check (Афазия: быстрая верификация) для выявления речевых нарушений в остром периоде [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.hse.ru/neuroling/pathology_art/ (дата обращения 10.03.2023).
2. МКБ 11 — *Международная классификация болезней* 11-го пересмотра [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://icd11.ru/nausheniya-razvitiya-rechi/> (дата обращения 08.05.2023).

Литература

1. Алфимова М. В. Семантическая вербальная беглость : нормативные данные и особенности выполнения задания больными шизофренией / М. В. Алфимова // Социальная и клиническая психиатрия. — 2010. — № 3. — С. 20—25.
2. Ахутина Т. В. Анализ смысловой стороны речи детей 5—7 лет / Т. В. Ахутина, К. В. Засыпкина, А. А. Романова // Школа здоровья. — 2007. — № 2. — С. 31—36.
3. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики / Т. В. Ахутина. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 424 с. — ISBN 978-5-9905856-8-3.
4. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т. В. Ахутина. — 5-е изд., стереотип. — Москва : URSS, 2022. — 218 с. — ISBN 978-5-9710-9594-1.
5. Бадалян Л. О. Детская неврология / Л. О. Бадалян. — Москва : МЕДпресс-информ, 2001. — 608 с. — ISBN 5-901712-03-X.
6. Бейлинсон Л. С. Нарушение речи как предмет лингвистического изучения / Л. С. Бейлинсон // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2007. — № 5 (23). — С. 18—23.
7. Визель Т. Г. Нейропсихологическое блиц-обследование / Т. Г. Визель. — Москва : Сфера : В. Секачев, 2007. — 27 с. — ISBN 5-88923-114-6.
8. Гамирова Р. Г. Батарея экспресс-оценки когнитивных функций для детей с эпилепсией, получающих терапию противосудорожными средствами / Р. Г. Гамирова, Е. А. Горобец, Т. В. Ахутина // Когнитивное моделирование : труды Шестого Международного форума по когнитивному моделированию / ред. С. И. Масалова, В. Н. Поляков, В. Д. Соловьев. — Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. — Ч. 1. — С. 257—264.
9. Глозман Ж. М. Влияние речевого общения на психическое развитие и функционирование детей и взрослых / Ж. М. Глозман, Н. Л. Карпова, Д. Н. Чебурашкин-Антипов // Аллея Науки. — 2018а. — Т. 1. — № 1 (17). — С. 263—271.
10. Глозман Ж. М. Динамика изменений личности и плавности речи в ходе логопсихотерапии заикания / Ж. М. Глозман, Н. Л. Карпова, Д. Н. Чебурашкин-Антипов // Дефектология. — 2018б. — № 5. — С. 51—57.
11. Глозман Ж. М. Новый рисуночный тест в комплексном исследовании трудностей речевого общения / Ж. М. Глозман, Н. Л. Карпова, Д. Н. Чебурашкин-Антипов // Комплексные исследования детства. — 2021. — Т. 3. — № 3. — С. 196—209. — DOI: 10.33910/2687-0223-2021-3-3-196-209.
12. *Диагностика нарушений речи у детей и организация логопедической работы в условиях дошкольного образовательного учреждения : сборник методических рекомендаций* / сост. В. П. Балобанова и др. — Санкт-Петербург : Детство-пресс, 2002. — 238, [1] с. — ISBN 5-89814-087-5.

13. *Елисеева М. Б.* Макатуровский опросник : русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии / М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина, В. Л. Рыскина. — Иваново : Листос, 2016. — 75 с. — ISBN 978-5-905158-71-1.

14. *Елисеева М. Б.* Макатуровский опросник как инструмент диагностики лексического развития детей от 8 до 36 месяцев / М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина // Специальное образование. — 2017. — № 3 (47). — С. 66—81.

15. *Заваденко Н. Н.* Нарушения развития речи при неврологических заболеваниях у детей / Н. Н. Заваденко // Педиатрия. Consilium Medicum. — 2019. — № 1. — С. 101—107. — DOI: 10.26442/26586630.2019.1.190255.

16. *Захаров В. В.* Нейропсихологические тесты. Необходимость и возможность применения / В. В. Захаров // Consilium Medicum. — 2011. — Т. 13. — № 2. — С. 98—106.

17. *Инструмент* для комплексного обследования речевых навыков КОРАБЛИК и опыт его применения в группе младших школьников с расстройствами аутистического спектра / М. А. Гомозова, В. Г. Арутюнян, А. А. Лопухина, О. В. Драгой // Аутизм и нарушения развития. — 2021. — Т. 19. — № 4 (73). — С. 24—31. — DOI: 10.17759/autdd.2021190403.

18. *Корнев А. Н.* Дифференциальная диагностика недоразвития речи у детей (нейропсихологические аспекты) / А. Н. Корнев // Онтогенез речевой деятельности : норма и патология / ред. Л. И. Белякова. — Москва : Прометей, 2005. — С. 43—47. — ISBN 5-7042-1558-0.

19. *Леонтьев А. А.* Исследования детской речи / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1974а. — С. 312—318.

20. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — 5-е изд., стереотип. — Москва : Смысл, 2008. — 287 с. — ISBN 978-5-89357-239-1.

21. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. — 5-е изд. — Москва : КРАСАНД, 2010. — 306 с. — ISBN 978-5-396-00136-7.

22. *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности : Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. — 3-е изд., стереотип. — Москва : URSS : КомКнига, 2006. — 243 с. — ISBN 5-484-00484-5.

23. *Леонтьев А. А.* Функции и формы речи / А. А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1974б. — С. 241—255.

24. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — 8-е изд. — Москва : Ленанд, 2014. — 211 с. — ISBN 978-5-9710-1158-3.

25. *Логопедия* / под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской. — 3-е изд., перераб. — Москва : ВЛАДОС, 2002. — 680 с. — ISBN 5-691-00128-0.

26. *Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека / А. Р. Лурия. — Санкт-Петербург : Питер, 2018. — 768 с. — ISBN 978-5-4461-0836-7.

27. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. — 3-е изд. — Москва : URSS, 2009. — 256 с. — ISBN 978-5-397-00734-4.

28. *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. — 8-е изд., стереотип. — Москва : Академия, 2013. — 380 с. — ISBN 978-5-7695-9819-7.

29. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Санкт-Петербург : Питер, 2019. — 336 с. — ISBN 978-5-4461-1325-5.

30. *Макаров И. В.* Нарушения речевого развития у детей / И. В. Макаров, Д. А. Емелина // Социальная и клиническая психиатрия. — 2017. — Т. 27. — № 4. — С. 101—105.

31. *Мирзарахимова Г. И.* Виды нарушений речи / Г. И. Мирзарахимова // Science and innovation. — 2022. — Т. 27. — № 6. — С. 825—830.
32. *Опыт использования методики Пибоди в оценке пассивного словарного запаса дошкольников* / Н. А. Картушина, Е. С. Ощепкова, О. В. Алмазова, Д. А. Бухаленкова // Клиническая и специальная психология. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 205—232. — DOI: 10.17759/cpspe.2022110409.
33. *Палютина З. Р.* Медицинская лингвистика как новое научное направление : проблемы становления и развития / З. Р. Палютина // Медицинский вестник Башкортостана. — 2013. — Т. 8. — № 3. — С. 104—106.
34. *Пивненко В. В.* Изучение когнитивных операций речевой деятельности у детей в современной зарубежной литературе / В. В. Пивненко, Н. В. Скоробогатова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2019. — № 1 (41). — С. 110—116.
35. *Попова З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — 3-е изд., стереотип. — Воронеж : Истоки, 2003. — 191 с. — ISBN 5-88242-189-6.
36. *Потапов В. В.* Исследование детской речи в норме и патологии. Устная речь / В. В. Потапов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6 : Языкознание. Реферативный журнал. — 2021. — № 3. — С. 22—29. — DOI: 10.31249/ling/2021.03.02.
37. *Роль психолингвистических методов в диагностике нарушений речевого и умственного развития у детей* / Н. В. Филиппова, Ю. Б. Барыльник, А. А. Антонова, М. А. Деева, М. А. Гусева // Российский психиатрический журнал. — 2016. — № 6. — С. 55—61.
38. *Семенович А. В.* Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза / А. В. Семенович. — Москва : Генезис, 2007. — 474 с. — ISBN 5-98563-072-2.
39. *Симерницкая Э. Г.* Мозг человека и психические процессы в онтогенезе / Э. Г. Симерницкая. — Москва : МГУ, 1985. — 189 с.
40. *Солнышкина М. И.* Методика проведения лингвистического эксперимента : к вопросу об определении словаря языковой личности / М. И. Солнышкина, Э. В. Гафиятова // Russian Journal of Humanities. — 2018. — Т. 10. — № 3—3. — С. 275—292.
41. *Степанченко Д. Г.* О классификации нарушений речи в детском возрасте / Д. Г. Степанченко, Э. Ш. Сагутдинова // Системная интеграция в здравоохранении. — 2010. — № 2. — С. 32—43.
42. *Фотекова Т. А.* Нейропсихологическая диагностика речевых нарушений школьников / Т. А. Фотекова, Л. Ф. Чупров // РЕМ : Psychology. Educology. Medicine. — 2020. — № 3. — С. 45—66.
43. *Фотекова Т. А.* Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов : пособие для логопедов и психологов / Т. А. Фотекова, Т. В. Ахутина. — Москва : АРКТИ, 2002. — 136 с. — ISBN 5-89415-259-3.
44. *Хайруллин И. Х.* Речевые задания опросника Frontal Assessment Battery / И. Х. Хайруллин, Е. А. Горобец, О. Р. Есин // Актуальные направления научных исследований : от теории к практике. — 2015. — № 1 (3). — С. 63—64.
45. *Цветкова Л. С.* Методика нейропсихологической диагностики детей / Л. С. Цветкова. — Москва : Педагогическое общество России, 2002. — 96 с. — ISBN 5-93134-179-X.

46. *Методы обследования речи детей : пособие по диагностике речевых нарушений* / под ред. Г. В. Чиркиной. — 3-е изд., доп. — Москва : АРКТИ, 2003. — 239 с. — ISBN 5-89415-266-6.

47. *Crystal D. Clinical linguistics* / D. Crystal. — New York : Springer-Verlag Wien, 1981. — 229 p. — ISBN 978-3-7091-4001-7.

48. *McLaughlin M. R. Speech and language delay in children* / M. R. McLaughlin // *American family physician*. — 2011. — Vol. 83. — № 10. — Pp. 1183—1188.

49. *The Russian Aphasia Test : The first comprehensive, quantitative, standardized, and computerized aphasia language battery in Russian* / M. V. Ivanova, Y. S. Akinina, O. A. Soloukhina, E. V. Iskra, O. V. Buivolova, A. V. Chrabaszcz, E. A. Stupina, M. V. Khudyakova, T. V. Akhutina, O. Dragoy // *PLoS ONE*. — 2021. — Vol. 16. — № 11. — DOI: 10.1371/journal.pone.0258946_

Статья поступила в редакцию 14.04.2023,
одобрена после рецензирования 15.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

ICD 11 — *International Classification of Diseases of the 11th revision*. Available at: <https://icd11.ru/nausheniya-razvitiya-rechi/> (accessed 08.05.2023). (In Russ.).

Russian adaptation of screening tests Aphasia Rapid Test (Rapid test for aphasia) and Aphasia Bedside Chest (Aphasia: rapid verification) to identify speech disorders in the acute period. Available at: https://www.hse.ru/neuroling/pathology_art / (accessed 10.03.2023). (In Russ.).

References

Akhutina, T. V. (2022). *Generation of speech. Neuro-linguistic analysis of syntax. 5th ed., stereotype*. Moscow: URSS. 218 p. ISBN 978-5-9710-9594-1. (In Russ.).

Akhutina, T. V. (2014). *Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 424 p. ISBN 978-5-9905856-8-3. (In Russ.).

Akhutina, T. V., Zasyapkina, K. V., Romanova, A. A. (2007). Analysis of the semantic side of speech of children 5—7 years old. *School of Health*, 2: 31—36. (In Russ.).

Alfimova, M. V. (2010). Semantic verbal fluency: normative data and features of task performance by patients with schizophrenia. *Social and clinical psychiatry*, 3: 20—25. (In Russ.).

Badalyan, L. O. (2001). *Pediatric neurology*. Moscow: MEDpress-inform. 608 p. ISBN 5-901712-03-X. (In Russ.).

Beilinson, L. S. (2007). Speech disorder as a subject of linguistic study. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (23): 18—23. (In Russ.).

Crystal, D. (1981). *Clinical linguistics*. New York: Springer-Verlag Wien. 229 p. ISBN 978-3-7091-4001-7.

Diagnostics of speech disorders in children and the organization of speech therapy work in a preschool educational institution: a collection of methodological recommendations. (2002). St. Petersburg: Detstvo-press. 238, [1] p. ISBN 5-89814-087-5. (In Russ.).

Eliseeva, M. B., Vershinina, E. A., Ryskina, V. L. (2016). *Makarturov questionnaire: Russian version. Assessment of speech and communicative development of young children*.

- Norms of development. Samples of analysis. Comments.* Ivanovo: Listos. 75 p. ISBN 978-5-905158-71-1. (In Russ.).
- Eliseeva, M. B., Vershinina, E. A. (2017). The MacArthur questionnaire as a diagnostic tool for the lexical development of children from 8 to 36 months. *Special education*, 3 (47): 66—81. (In Russ.).
- Fotekova, T. A., Akhutina, T. V. (2002). *Diagnostics of speech disorders of schoolchildren using neuropsychological methods: a manual for speech therapists and psychologists.* Moscow: ARKTI. 136 p. ISBN 5-89415-259-3. (In Russ.).
- Fotekova, T. A., Chuprov, L. F. (2020). Neuropsychological diagnostics of speech disorders of schoolchildren. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 3: 45—66. (In Russ.).
- Gamirova, R. G., Gorobets, E. A., Akhutina, T. V. (2018). Battery of rapid assessment of cognitive functions for children with epilepsy receiving therapy with antiepileptic drugs. In: *Cognitive modeling: proceedings of the Sixth International Forum on Cognitive modeling, 1.* Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education. 257—264. (In Russ.).
- Glozman, J. M., Karpova, N. J., Cheburashkin-Antipov, D. N. (2018b). Dynamics of personality changes and smoothness of speech during speech therapy of stuttering. *Defectology*, 5: 51—57. (In Russ.).
- Glozman, J. M., Karpova, N. J., Cheburashkin-Antipov, D. N. (2018a). The influence of speech communication on the mental development and functioning of children and adults. *Alley of Science*, 1 / 1 (17): 263—271. (In Russ.).
- Glozman, Zh. M., Karpova, N. J., Cheburashkin-Antipov, D. N. (2021). A new drawing test in a comprehensive study of the difficulties of speech communication. *Complex studies of childhood*, 3 (3): 196—209. DOI: 10.33910/2687-0223-2021-3-3-196-209. (In Russ.).
- Gomozova, M. A., Harutyunyan, V. G., Lopukhina, A. A., Dragoi, O. V. (2021). A tool for a comprehensive examination of speech skills KORABLIK and the experience of its application in a group of younger schoolchildren with autism spectrum disorders. *Autism and developmental disorders*, 19 / 4 (73): 24—31. DOI: 10.17759/autdd.2021190403. (In Russ.).
- Kartushina, N. A., Oshchepkova, E. S., Almazova, O. V., Bukhalenkova, D. A. (2022). The experience of using the Peabody methodology in assessing the passive vocabulary of preschoolers. *Clinical and special psychology*, 11 (4): 205—232. DOI: 10.17759/cpse.2022110409. (In Russ.).
- Khairullin, I. H., Gorobets, E. A., Esin, O. R. (2015). Speech tasks of the questionnaire Frontal Assessment Battery. *Actual directions of scientific research: from theory to practice*, 1 (3): 63—64. (In Russ.).
- Kornev, A. N. (2005). Differential diagnosis of speech underdevelopment in children (neuropsychological aspects). In: *Ontogenesis of speech activity: norm and pathology.* Moscow: Prometheus. 43—47. ISBN 5-7042-1558-0. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1974a). Studies of children's speech. In: *Fundamentals of the theory of speech activity.* Moscow: Nauka. 312—318. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1974b). Functions and forms of speech. In: *Fundamentals of the theory of speech activity.* Moscow: Nauka. 241—255. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (2006). *The word in speech activity: Some problems of the general theory of speech activity. 3rd ed., stereotype.* Moscow: URSS: KomKniga. 243 p. ISBN 5-484-00484-5. (In Russ.).

- Leontiev, A. A. (2008). *Fundamentals of psycholinguistics. 5th ed., stereotype*. Moscow: Smysl. 287 p. ISBN 978-5-89357-239-1. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (2010). *Psycholinguistic units and generation of speech utterance. 5th ed.* Moscow: KRASAND. 306 p. ISBN 978-5-396-00136-7. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (2014). *Language, speech, speech activity. 8th ed.* Moscow: Lenand. 211 p. ISBN 978-5-9710-1158-3. (In Russ.).
- Luria, A. R. (2009). *Basic problems of neurolinguistics. 3rd ed.* Moscow: URSS. 256 p. ISBN 978-5-397-00734-4. (In Russ.).
- Luria, A. R. (2013). *Fundamentals of neuropsychology. 8th ed., stereotype*. Moscow: Academy. 380 p. ISBN 978-5-7695-9819-7. (In Russ.).
- Luria, A. R. (2018). *Higher cortical functions of man*. St. Petersburg: Peter. 768 p. ISBN 978-5-4461-0836-7. (In Russ.).
- Luria, A. R. (2019). *Language and consciousness*. Petersburg: Peter. 336 p. ISBN 978-5-4461-1325-5. (In Russ.).
- Makarov, I. V., Emelina, D. A. (2017). Speech development disorders in children. *Social and clinical psychiatry*, 27 (4): 101—105. (In Russ.).
- McLaughlin, M. R. (2011). Speech and language delay in children. *American family physician*, 83 (10): 1183—1188.
- Methods of speech examination of children: a manual for the diagnosis of speech disorders. 3rd ed., add.* Moscow: ARKTI. 239 p. ISBN 5-89415-266-6. (In Russ.).
- Mirzarakhimova, G. I. (2022). Types of speech disorders. *Science and innovation*, 27 (6): 825—830. (In Russ.).
- Palyutina, Z. R. (2013). Medical linguistics as a new scientific direction: problems of formation and development. *Medical Bulletin of Bashkortostan*, 8 (3): 104—106. (In Russ.).
- Pivnenko, V. V., Skorobogatova, N. V. (2019). The study of cognitive operations of speech activity in children in modern foreign literature. *Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University*, 1 (41): 110—116. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2003). *Essays on cognitive linguistics. 3rd ed., stereotype*. Voronezh: Istoki. 191 p. ISBN 5-88242-189-6. (In Russ.).
- Potapov, V. V. (2021). Research of children's speech in norm and pathology. Oral speech. Social and humanitarian sciences. *Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics. Abstract journal*, 3: 22—29. DOI: 10.31249/ling/2021.03.02. (In Russ.).
- Semenovich, A. V. (2007). *Neuropsychological correction in childhood. Method of substitution ontogenesis*. Moscow: Genesis. 474 p. ISBN 5-98563-072-2. (In Russ.).
- Simernitskaya, E. G. (1985). *Human brain and mental processes in ontogenesis*. Moscow: Moscow State University. 189 p. (In Russ.).
- Solnyshkina, M. I., Gafiyatova, E. V. (2018). Methodology of linguistic experiment: on the question of determining the dictionary of linguistic personality. *Russian Journal of Humanities*, 10 (3—3): 275—292. (In Russ.).
- Speech therapy*. (2002). Moscow: VLADOS. 680 p. (reprint) ISBN 5-691-00128-0. (In Russ.).
- Stepanchenko, D. G., Sagutdinova, E. S. (2010). On the classification of speech disorders in childhood. *System integration in healthcare*, 2: 32—43. (In Russ.).
- The role of psycholinguistic methods in the diagnosis of speech and mental development disorders in children. (2016). *Russian Psychiatric Journal*, 6: 55—61. (In Russ.).
- The Russian Aphasia Test: The first comprehensive, quantitative, standardized, and computerized aphasia language battery in Russian. (2021). *PLoS ONE*, 16 (11). DOI: 10.1371/journal.pone.0258946.

- Tsvetkova, L. S. (2002). *Methods of neuropsychological diagnostics of children*. Moscow: Pedagogical Society of Russia. 96 p. ISBN 5-93134-179-X. (In Russ.).
- Wiesel, T. G. (2007). *Neuropsychological blitz examination*. Moscow: Sphere: V. Sekachev. 27 p. ISBN 5-88923-114-6. (In Russ.).
- Zakharov, V. V. (2011). Neuropsychological tests. Necessity and possibility of application. *Consilium Medicum*, 13 (2): 98—106. (In Russ.).
- Zavadenko, N. N. (2019). Speech development disorders in neurological diseases in children. Pediatrics. *Consilium Medicum*, 1: 101—107. DOI: 10.26442/26586630.2019.1.19 0255. (In Russ.).

*The article was submitted 14.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Кондрашкина Е. А. Формирование этнической идентичности народа мари в условиях отсутствия единого мариийского литературного языка / Е. А. Кондрашкина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 130—149. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-130-149.

Kondrashkina, E. A. (2023). Formation of Ethnic Identity of Mari People in Absence of Single Mari Literary Language. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 130-149. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-130-149. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-130-149

Формирование этнической идентичности народа мари в условиях отсутствия единого мариийского литературного языка

Кондрашкина Елена Алексеевна
orcid.org/0000-0002-4839-2432
кандидат филологических наук,
Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям
e.kondrashkina@inbox.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Formation of Ethnic Identity of Mari People in Absence of Single Mari Literary Language

Elena A. Kondrashkina
orcid.org/0000-0002-4839-2432
PhD in Philology, Research Center
for National-Language Relations
e.kondrashkina@inbox.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow Russia)

© Кондрашкина Е. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено истории становления этнической идентичности марийского народа в Республике Марий Эл. Уделяется внимание изменениям в идентификации мари, которые произошли под влиянием экстралингвистических факторов. Рассматривается вопрос о роли языка, конфессиональной принадлежности, исторического прошлого, отношений с природой и мифологических символов, характеризующих современную этническую марийскую идентичность. Подчеркивается значение демографического дисбаланса в Республике, сыгравшего наиболее значимую роль в формировании характера марийцев. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом науки к теме этнической и российской идентичности. Автором данной работы идентичность народа мари ранее не исследовалась, хотя были проанализированы и описаны подробно многие проблемы Марий Эл: языковая ситуация в разные временные периоды, языковая политика, законодательная база, касающаяся языков и системы образования, история марийского литературного языка, его письменности и ряд других социолингвистических аспектов. В отличие от других исследований по тематике марийской идентичности новизна данной работы состоит в том, что впервые идентичность показана в процессе формирования, начиная с древности и заканчивая современным временем. Представлена характеристика идентичности марийского народа, сформировавшаяся под влиянием самых разнообразных факторов.

Ключевые слова:

марийский язык; этническая идентичность; горные марийцы; луговые марийцы; демографический дисбаланс; религия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is devoted to the history of the formation of the ethnic identity of the Mari people in the Republic of Mari El. Particular attention is paid to the changes in the identification of Mari, which occurred in direct proportion to extralinguistic factors. The question of the role of language, confessional affiliation, historical past, relations with nature and mythological symbols that characterize the modern ethnic Mari identity is considered. The importance of the demographic imbalance in the Republic, which played the most significant role in shaping the character of the Mari, is emphasized. The relevance of the study is due to the increased interest of science in recent decades in the topic of ethnic and Russian identity. The identity of the Mari people has not been previously studied by the author of this work, although many problems of Mari El have been analyzed and described in detail: the language situation in different time periods, language policy, the legislative framework regarding languages and the education system, the history of the Mari literary language, its writing and a number of other sociolinguistic aspects. Unlike articles by other authors on the topic of Mari identity, the novelty of this work lies in the fact that for the first time the identity is shown in the process of formation, from antiquity to the present day. A characteristic of the identity of the Mari people, formed under the influence of a variety of factors, is compiled.

Key words:

Mari language; ethnic identity; mountain Mari; meadow Mari; demographic imbalance; religion.

Формирование этнической идентичности народа мари в условиях отсутствия единого марийского литературного языка

© Кондрашкина Е. А., 2023

1. Введение = Introduction

Понятие идентичности известно давно, но считается, что в научный оборот оно было введено американским психологом Э. Эриксоном, выпустившим в 1968 году монографию «Идентичность: юность и кризис» [Erikson, 1968], которая была переведена на русский язык и издана в России в 1996 году. В работе отражены проблемы становления личности в юношеском возрасте и кризис идентичности в нем. Анализируя главные аспекты кризиса, автор высказывает мнение, что его можно преодолеть, приобщаясь к системе общественных ценностей, формируя свою картину мира и находя в ней свое место.

Идентичность может меняться в зависимости от многих факторов. Маленький ребенок не осознает, что такое национальность и родной язык. Становясь подростком, он начинает понимать, кто он по национальности и какой язык для него родной. Взрослый человек, обладая этими знаниями, реагирует на события, происходящие вокруг него, и его идентичность может меняться в силу жизненных обстоятельств.

В настоящее время термин *идентичность* достаточно часто используется во многих науках, в связи с чем определение идентичности является одной из сложных полемичных тем, обусловленных различием теоретических подходов к ее изучению.

В словаре социолингвистических терминов *идентичность* трактуется как «психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят» [Словарь ..., 2006, с. 72]. При этом выделяются такие виды идентификации, как этническая, государственная, культурная, конфессиональная, возрастная и ряд других [Там же]. Английский ученый Д. Кристал писал об идентичности, определив ее как «совокупность характеристик, таких как внешность, местные обычаи,

верования, ритуалы и целый спектр повседневного поведения людей», которая «делает членов группы узнаваемыми и похожими друг на друга, а не на кого-то еще, противопоставляя “нас” “им”» [Crystal, 2000, pp. 39—40]. Российский исследователь А. А. Краузе выделяет основные показатели этнической идентичности: «владение языком, знание обычаев, религия, идентификация с природой, историческое прошлое, толерантность по отношению к другим этническим группам» [Краузе, 2015, с. 37]. Как отмечает Л. М. Дробижева, автор ряда работ в области этнической и государственной идентичностей, «тема идентичностей — одна из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и в мире в целом» [Дробижева, 2006, с. 10]. Можно привести в пример смену советской государственной идентичности на российскую после распада СССР. Определение понятий «государственная идентичность» и «этническая идентичность» и их разделение особенно необходимо для полиэтнических государств, таких как Российская Федерация, в национально-территориальных образованиях которой формируется своя этническая идентичность наряду с государственной. Для последней базовой является идентичность русских как доминирующего большинства населения Российской Федерации, но она должна сосуществовать с этнической идентичностью других народов России и быть для них привлекательной, что и происходит в действительности, судя по статистическим данным увеличивающегося языкового сдвига, то есть смены языка с родного на русский.

В рамках объявленного Генеральной Ассамблеей ООН с 2022 по 2032 годы международного десятилетия языков коренных народов изучение идентичности марийского народа, являющегося коренным народом Российской Федерации, актуально, так как данная тема пока еще мало изучена. Основные задачи состояли в следующем: выделить главные характеристики, определяющие идентичность, например, соотношение индивида с горными марийцами или с луговыми, конфессиональную принадлежность, языковую лояльность, обычаи и ряд других черт, причем показать их в развитии от прошлого к настоящему, поскольку идентичность формируется и может меняться в разном возрасте и в разных жизненных обстоятельствах.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для работы послужили социологические исследования, регулярно проводившиеся в Марий Эл в 2013, 2014, 2018, 2019, 2021 годах учеными из Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева и коллегами из Марийского государственного университета Г. С. Зеленовой, Р. А. Кудрявцевой, О. В. Орловой, В. И. Шабыховым. И хотя социологические опросы не всегда имели

прямую связь с темой идентичности, но с помощью дедуктивного метода из этого общего материала было выбрано нужное количество необходимых для работы фактов. Вопросы марийской этнической идентичности затрагивались в исследованиях К. Н. Санукова [Сануков, 2001], Т. Л. Молотовой [Молотова, 2000], С. Н. Федоровой [Федорова, 2012], Е. Н. Белкова [Белков, 2012], В. И. Шабыкова [Шабыков, 2020], В. И. Шабыкова, Р. А. Кудрявцевой, О. В. Орловой [Шабыков и др., 2018], Г. Ю. Устьянцева [Устьянцев, 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Краткие сведения о народе марий

Марийская автономная область была образована в ноябре 1920 года, в декабре 1936 года она была переименована в Марийскую АССР, в октябре 1990 года — в Марийскую ССР, в июле 1992 года получила свое нынешнее название — Республика Марий Эл. Столица — город Йошкар-Ола.

Марийцы — коренной народ России, первые сведения о которых фиксируются еще в I—II тыс. н. э. В процессе формирования марийского народа в его составе выделились две этнографические группы — горные и луговые марийцы. Горные марийцы заселяют правобережье Волги, луговые марийцы — левобережье. Марийские ученые считают, что этнические группы горных и луговых марийцев сформировались в XIV веке [Попов, 2005, с. 6], каждая со своим языком, или, как его называют марийские ученые, наречием. Точное количество тех и других не выявлено, так как в переписях они записывали себя просто «марийцами». Известно только, что луговые марийцы составляют большинство, а луговой язык более распространен, чем горный.

По данным переписи 2010 года, в Российской Федерации насчитывалось 547 605 марийцев [ИВПН, 2012, с. 15]. Из них в Республике Марий Эл — 290 863 чел. [Там же, с. 87]. Остальные марийцы проживали в различных регионах России крупными диаспорами или мелкими разрозненными группами. Наиболее крупные диаспоры марийцев сосредоточены в республиках Башкортостан, Татарстан, Кировской и Свердловской областях. По предварительным данным Росстата, перепись 2021 года показала, что количество марийцев в РФ сократилось на 123 802 чел. и составило 423 803 чел. Неизвестно, будут ли в последней переписи данные по республикам, пока их нет, поэтому будем пользоваться статистикой 2010 года. Русское и марийское население в Республике Марий Эл имело следующее соотношение: русские — 45,1 % от всего населения республики, марийцы — 41,8 % [Там же, с. 86]. Владело русским языком 98,2 % марийцев

[Там же, с. 87]. Этими показателями можно объяснить доминирование русского языка во всех сферах.

Характеризуя формирование этнической идентичности марийского народа, отметим, что будут рассмотрены такие вопросы, как марийский язык в жизни марийцев, историческое прошлое мари, мифологические и религиозные верования марийцев, то есть те основные показатели идентичности, которые выделяют А. А. Краузе, Д. Кристал и другие ученые.

3.2. Марийский язык в жизни марийцев

В формировании этнической идентичности язык занимает одно из главных мест. Именно язык дает возможность индивиду идентифицировать себя с той или иной этнической общностью: «Язык является основным показателем, или символом идентичности» [Crystal, 2000, с. 40].

Марийский литературный язык берет свое начало с 1775 года, когда появилась грамматика под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка». (До революции марийцев называли «черемисами»). Как пишет известный марийский ученый И. Г. Иванов, «в Грамматике использовался языковой материал из многих марийских диалектов: йошкар-олинского, моркинско-сернурского, волжского, восточных говоров и даже из горного наречия» [Иванов, 2007, с. 9]. У многих народов мира история письменного литературного языка начиналась именно с диалектов, но затем им все же удавалось создать единый язык. С марийским языком, к сожалению, такого не произошло, хотя вопрос о создании единого языка обсуждался долгое время начиная с 20-х годов XX века. Необходимо было выработать не только единые правила грамматики, но и единые нормы письменности и правописания лугового и горного наречий, и, хотя письменности обоих наречий базировались на кириллице, они отличались как количеством букв, так и наличием специфических знаков. В 1927 году решением III сессии Мароблисполкома была образована комиссия, в задачу которой входило создание единого марийского языка, составление академического словаря, написание школьной грамматики марийского языка, издание экспериментальной книги, доступной для чтения носителям как лугового, так и горного наречий и т. п. Для создания единого языка необходимо было решить, какой опорный диалект ляжет в его основу. До революции эту роль выполнял моркинско-сернурски́й диалект лугового языка. Однако на X областной партийной конференции в 1927 году, на которой также обсуждался вопрос о едином литературном языке, участники поставили под сомнение правильность такого выбора. На этой конференции определились две точки зрения на проблему языка: создавать единый язык или развивать отдельно луговое и горное наречия. Большинство поддержало первую точку зрения. Было решено в основу нового единого

го литературного языка положить оба наречия. Основными противниками принятого решения были представители горных марийцев. Как демографическое меньшинство в республике, они опасались, что их язык в процессе формирования единого языка исчезнет, а с ним исчезнет и сам этнос. На этой конференции отношения между горными и луговыми марийцами настолько обострились, что горные даже поставили вопрос об отделении от Марийской автономной области [Кондрашкина, 2008, с. 54—55]. О том, что две этнические группы марийцев противопоставляются друг другу, пишет и марийский ученый С. Н. Федорова: «... представители разных субэтнических групп марийского населения (луговые, горные), долгое время находящиеся на более низкой ступени социальной иерархии, иногда свое недовольство направляют друг на друга» [Федорова, 2012, с. 176].

Отсутствие единого языка для такого небольшого по численности народа, как марийцы, мешало объединению этноса, распространению языка и его функциональному развитию. Фактически только язык луговых марийцев как язык преобладающего по численности этноса использовался шире и обслуживал больше сфер общения, вплоть до региональных официальных.

Несмотря на все усилия И. Г. Иванова, его стремление доказать, что единый язык нужен марийскому народу как язык единения, что «некоторые лексические расхождения, обычные во взаимоотношениях диалектов, не создают каких-либо серьезных препятствий для общения между луговыми и горными марийцами. Все дело в психологическом барьере, который мы создаем сами себе искусственно» [Иванов, 2000, с. 22], единый марийский литературный язык так и не был создан. Этому способствовала также и неожиданная поддержка, которую получили противники создания единого литературного языка в лице академика Н. Я. Марра, прибывшего в августе 1929 года в Йошкар-Олу с лекцией о своей теории и сделавшего вывод, что луговое и горное наречия — это два самостоятельных языка и нужно отдельно развивать их письменности. К тому же Н. Я. Марр считал, что для перехода на единый язык еще не созрели условия. Такое решение, как развитие двух письменностей, лишь укрепляло позиции наречий и отдаляло их друг от друга [Иванов, 1975, с. 85]. В последующие годы на конференциях по проблемам марийского языка марийские языковеды высказались за признание двух марийских наречий, которое было затем подтверждено обкомом партии.

Вновь вопрос о едином языке стал объектом обсуждения в 1952 году на научной сессии Марийского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, созданного в 1930 году. Объединение двух наречий предполагалось начать с создания единой орфографической системы,

затем составления словаря и подготовки учебника на луговом наречии для учеников горномарийских школ. Новая орфография не означала, что письменность на горном языке исчезнет, она была составлена и рассчитана так, чтобы обслуживать обе формы письменности. Однако после окончания сессии не проводилось никаких мероприятий по сближению наречий, наоборот, шел обратный процесс — отдаление друг от друга, так как каждое наречие развивалось своим путем без перспективы создания общенационального литературного языка.

Существенное влияние на настроения населения оказывало и то обстоятельство, что в официальных учреждениях, в школе, в вузе, на работе родной язык был не нужен — везде объяснялись на русском.

После того, как 25 октября 1991 года был принят закон «О языках народов РСФСР» и русский язык впервые был объявлен государственным языком, республики получили право определять статус своих титульных языков. Республика Марий Эл приняла закон «О языках в Республике Марий Эл» 26 октября 1995 года, в котором государственными языками были объявлены марийский (горный и луговой) и русский. Это же положение было закреплено в Конституции Республики Марий Эл. Таким образом, Республика Марий Эл оказалась в числе немногих республик РФ (Мордовия, Крым и Кабардино-Балкария) с тремя государственными языками в отличие от большинства республик с двумя государственными языками, а вопрос о едином литературном марийском языке был окончательно закрыт.

Обратимся далее к положению марийского языка в последнее десятилетие. По данным переписи 2010 года, владели марийским языком 68,1 % марийцев республики [ИВПН, 2012, с. 192], считали его родным — 72 % [Там же, с. 270]. Из года в год увеличивается число марийцев, называющих родным языком русский. Так, если в 1926 году их было 0,4 %, в 1959 году — 4,6 %, в 1970-м — 8,6 %, в 1979-м — 13 %, в 1989 году — 18,8 % [Белков, 2012, с. 166], то к 2010 году их число возросло до 20,2 % [ИВПН, 2012, с. 270]. Прошедший в 2021 году соцопрос 1180 чел. показал, что родным языком считают русский 48,2 % респондентов, а марийский — 30,7 % [Межконфессиональные ..., 2022, с. 16]. Несмотря на это, демографическая мощность языка в 68,1 % пока еще не угрожает его витальности, а на вопрос «Что сближает Вас с людьми Вашей национальности?» 80 % из 1180 опрошенных ответили «марийский язык» [Там же, с. 10], то есть марийский язык играет значимую роль в жизни мари.

Двуязычие — одна из причин, способствующая смене языка. Поскольку марийцы отличаются высоким знанием русского языка, в их марийской речи часто встречаются русизмы. Исследователь из Марийского университета В. Г. Гаврилова пишет: «В настоящее время очень редко можно встретить

употребление “чистого” марийского языка. Характерной чертой речевого поведения мари является немаркированное кодовое переключение, то есть привычная (ожидаемая) смешанная марийско-русская речь» [Гаврилова, 2014, с. 15]. Такое двуязычие марийцев носит название *варыш*, что переводится как «мешанина», причем «варыш» проникает в СМИ, им пользуются в культурной среде и научной коммуникации, хотя марийский язык имеет все возможности, чтобы передавать на нем свои мысли и рассуждения.

В 2018 году было проведено первое социологическое исследование в Горномарийском муниципальном районе Марий Эл, где проживало 21 190 горных мари, что составляет, примерно 90 % от общего числа горных мари в РФ и 81,91 % от общего числа жителей этого района [Шабыхов и др., 2020, с. 74—84]. Впервые был поднят вопрос о состоянии горного марийского языка. Результаты показали, что горный марийский язык имеет лучшие показатели, чем луговой, по широте функционирования, социальному статусу и оценкам будущего. Особенно репрезентативны данные по использованию родного языка вне семьи: например, в разговоре с друзьями 100 % горных марийцев используют родной язык, в разговоре с коллегами — 69 %, в общественных местах — 69 % [Там же]. Опираясь на результаты своего исследования, марийские ученые пришли к выводу, что «этнический социум горных мари активно мобилизует внутренние механизмы этноязыковой защиты и пытается всемерно поддерживать социальный статус языка на этноидентификационном, коммуникативном и лингвокомпетентностном уровне. При этом остается актуальной проблема поддержки горного марийского языка на государственном уровне» [Шабыхов и др., 2020, с. 74—84]. Исследователи считают, что причины такого положения горного марийского языка связаны с малочисленностью народа и его компактным расселением, а также с эффективной деятельностью муниципалитетов.

Для функционирования языка большое значение имеет положение языка в системе образования. В последние годы именно школа дает основные знания языка, так как передача языка в семье почти прекратилась. Если и остались еще в сельской местности представители старшего поколения, говорящие на марийском языке с представителями младшего, то в городах и поселках городского типа присутствует двуязычие или чаще используется русский язык.

Марийский язык изучается в школах республики как родной и как государственный. В 2016/2017 уч. г. в 89 школах Марий Эл изучался родной марийский язык и литература, в 115 школах осваивался государственный марийский язык и в 59 школах марийский государственный преподавался вместе с историей и культурой народов Марий Эл [Свечников, 2018, с. 33].

Федеральный закон № 317-ФЗ (август 2018) внес изменения в статью 14, утвердив свободный выбор языка образования по заявлениям родителей. Следствием такого изменения стало резкое уменьшение количества изучающих марийский язык: 2018 — 11,3 %, 2019 — 10,5 %, 2020 — 10,1 % (от общего числа обучающихся) [Иксанова, 2021, с. 220].

Венгерский ученый Янош Пустаи, изучавший положение финно-угорских языков России, замечает: «... когда говорится о статусе родного языка в школе, речь идет только о том, сколько уроков посвящены обучению родному языку, и не ставится вопрос о нем как о языке обучения. Всем известно, что только те языки имеют высокий престиж, на которых ведется обучение» [Пустаи, 2018, с. 47]. На марийском языке обучение велось в начальной школе в основном в сельской местности примерно до 2018 года, но уже к 2018 году таких школ становилось все меньше. Затем они исчезли. В марийских школах в 2017/2018 уч. г. на горном марийском языке обучалось 82 ученика, на луговом — 127 учеников, как предмет изучали горный 2274 ученика, луговой — 31542 ученика; в 2018/2019 уч. г. на горном не было обучения, на луговом обучались 319 учеников, как предмет горный изучали 1709 учеников, луговой — 7413 учеников; в 2019/2020 уч. г. обучения не было ни на горном, ни на луговом, как предмет горный изучали 1837 ученика, луговой — 8630 учеников [Горячева, 2020, с. 15—16].

По свидетельству учителей, изучение марийского языка 2—4 часа в неделю, как обычно изучают второй иностранный язык, не способствует получению хороших знаний, как и отсутствие языковой среды за пределами школы.

Не случайно в Атласе языков под угрозой ЮНЕСКО луговой марийский был отнесен к «определенно угрожаемым», а горный марийский к «сильно угрожаемым» [Atlas..., 2012, p. 11].

3.3. Историческое прошлое марийского народа

Контакты марийского населения с русским начались еще в XIII веке, но усилились они после вхождения марийских земель в состав Русского государства. Как пишет С. К. Свечников, «вхождение Марийского края в состав Русского государства не было одноактным процессом. Летом 1551 года еще перед взятием войсками Ивана IV Казани российское подданство приняли горные марийцы... В октябре 1552 года, как только пала Казань, присягу русскому царю принесли и луговые марийцы» [Свечников, 2005, с. 35]. Горные марийцы в отличие от луговых присоединились добровольно, а луговые были против и более трех десятилетий участвовали в «черемисских войнах». Все восстания черемисов жестоко подавлялись. За участие в них марийцам была запрещена металлообработка и ювелирное искусство, чтобы они не могли производить оружие [Молотова, 2000,

с. 20]. После вхождения марийских земель в Русское государство началась их колонизация русскими. Марийское население составляли в основном крестьяне, которые платили ясак (налог) и исполняли денежные, военные и другие повинности в пользу русского государства. По словам Т. Л. Молотовой, «в самодержавной России марийцы почти три с половиной века испытывали социально-политический, экономический, национальный гнет» [Там же, с. 21]. В XVIII веке марийцы подверглись насильственной христианизации. Известный марийский ученый-историк К. Н. Сануков писал, что покорившиеся марийцы «стали рабами, производили поколение за поколением рабское потомство» [Сануков, 1992, с. 5]. Т. Л. Молотова добавляет: «История марийского народа — история покоренных, задавленных, униженных, гонимых» [Молотова, 2000, с. 26].

Октябрьская революция внесла большие изменения в жизнь марийского народа. В первые годы советской власти, которые называют годами «языкового строительства», национальная жизнь в республике получила заметное развитие: открывались национальные школы, выпускалась литература, газеты, журналы на национальном языке, принимались решения по «реализации марийского языка в делопроизводстве, в деловой переписке, по “коренизации аппарата”, то есть по подготовке руководящих кадров коренной национальности в автономной области» [Востриков и др., 2005, с. 40]. В эти годы идентитет марийского народа, его национальное самосознание существенно укрепились. Но последовавшие в 30-х годах репрессии нанесли огромный урон всему достигнутому ранее. Практически была уничтожена только недавно появившаяся марийская интеллигенция, тысячи убитых, сосланных, заключенных — для такого небольшого по численности народа, как мари, это огромная потеря. Проводившаяся линия на искоренение всего национального породила в душах людей страх: боялись говорить на марийском языке, читать и писать, обвинение в национализме висело «дамокловым мечом» над семьями. К. Н. Сануков писал об этом периоде: «Страх после 1937 года остался в глубине массовой психологии. В результате этого этнический идентитет оказался на низком уровне. Показателем этого стало широко распространившееся чувство национального нигилизма, создалось определенное внутреннее состояние отчужденности от языка и культуры своего народа, выработалось ощущение их общественной ненужности» [Сануков, 2001, с. 132—133].

В последующие годы национально-языковая политика носила ярко выраженный характер русификации. Сначала в 60-е годы было принято решение ЦК КПСС о переводе на русский язык обучения всех школьников, начиная с 1-го класса. Это привело к закрытию национальных школ. В 80-е годы в стране, как тогда говорили и писали, возникла новая, невиданная

ранее историческая общность людей — советский народ с родным языком этой общности — русским [Беликов и др., 2001, с. 413]. В сознании марийцев и других малых народов укрепилось сознание, что от них требуется ощущать себя прежде всего сначала «советским», а теперь «россиянином», а уже потом марийцем или кем-то другим [Сануков, 2001, с. 139].

«Начало “возрождения” марийской этнической идентичности», — как пишет Г. Ю. Устьянцев, большинство авторов относит к 1990-м годам [Устьянцев, 2022, с. 1263]. Так, в 1989 году появилась официальная организация «У вий» («Новая сила» — в пер. с лугового). По её инициативе в том же году был создан Всемарийский союз «Марий ушем» («Марийский союз») — региональная общественная организация, которая проводит раз в четыре года съезды и представляет марийцев в международных неправительственных организациях. К 2022 году было проведено 11 съездов [Там же, с. 1264]. Однако идеи и лозунги появившихся организаций не были поддержаны не только русским населением, но и «обрусевшими» и не «обрусевшими» марийцами. К. Н. Сануков считает, что это «именно из-за низкого уровня национального идентитета, не преодоленного до конца комплекса своей второсортности» [Сануков, 2001, с. 137]. Исходя из этого, важнейшей задачей национальных обществ, организаций, местной интеллигенции нужно считать формирование чувства национальной гордости и достоинства, подъем этнического самосознания [Там же, с. 140].

Большое влияние на сознание марийцев оказывает и тот факт, что они в своей республике были демографическим меньшинством. Преобладание русского и русскоязычного населения над марийским в Республике Марий Эл отмечается во всех переписях советского и российского периодов. И хотя разница в численном превосходстве русских не такая большая — около 4—5 %, она постоянно меняется в сторону уменьшения количества марийцев. Данные об удельном весе марийцев в общей численности населения своей республики в процентах дают следующие показатели переписей населения: 1939 — 47,2, 1959 — 43,1, 1970 — 43,7, 1979 — 43,5, 1989 — 43,3, 2022 — 42,9 [Крайнов и др., 2007, с. 148].

Преобладание русского населения и соответственно русского языка и русской культуры ведет к тому, что доминантная культура русских воспринимается ими как более престижная. Это касается не только марийской республики, но и других регионов России и мира, когда культурная интеграция меньшинства в доминантное большинство является постоянной тенденцией.

3.4. Религиозные верования марийцев. Язычество. Мифология

Религиозные верования наряду с языком являются важным этно-формирующим фактором. Они определяют поведение индивида в обществе,

его мировоззрение, моральные ориентации и ценностные установки. Марийцы до XVIII века придерживались языческой веры, они отличались фетишистским отношением к природным явлениям, орудиям труда и предметам быта. Все, что их окружало, воспринималось как проявление божественной созидательной силы, они верили в то, что живая и неживая природа наделены душой. Как отмечает Н. С. Попов, «марийцы, как и другие народы Поволжья, поклонялись духам керемет — покровителям рода и родственной группы» [Попов, 2005, с. 216]. Этим духам молились в рощах, специально отведенных для проведения молитв. В жертву духам приносили домашних животных. У каждой деревни было свое место проведения молитв, в котором жители в течение года собирались несколько раз. Эти рощи огораживались со всех сторон и имели небольшой навес. Руководили молениями старейшины, которых выбирали из числа крестьян.

В XVIII веке началась насильственная христианизация всех «инородцев» (нерусских народов). На марийских землях было организовано строительство монастырей. Марийцы по-разному отнеслись к попыткам обратить их в чужую веру: были те, кто принял христианство добровольно, в основном это были горные марийцы, но были и те, кто в знак протеста, чтобы сохранить свою веру, мигрировал на восток, в башкирские земли и на Урал. По мнению ряда ученых, марийцы — единственный в Европе народ, сохранивший в относительной чистоте веру своих предков.

Тем не менее уже «к 1741 году численность новокрещенных марийцев составила 12 026 чел.» [Тойдыбекова, 2007, с. 44]. Поскольку новокрещенные марийцы вначале не знали основ православия, они продолжали соблюдать свои языческие обряды. Как пишет Н. С. Попов, «на увещания духовенства верующие заявляли: “Нашу веру кончать — нас кончать”» [Попов, 2005, с. 223]. Тогда к марийцам стали назначать миссионеров и вести административную борьбу со сторонниками язычества: преследовали организаторов молений, оскверняли культовые места. Марийцы сопротивлялись как могли, чтобы сохранить свою этноконфессиональную общность, иногда даже избивали священников. В 1905—1910 годах приверженцы язычества добились некоторых уступок от государства: 17 августа 1905 года был подписан Указ о свободе вероисповедания. После опубликования Указа марийцы стали писать прошения в адрес властей о переходе из православия в свою веру, но из 95 прошений разрешение было дано только одному, и вопреки Указу власти начали арестовывать и заводить следственные дела на марийцев [Чемышев, 2007, с. 287].

14 июля 1917 года Временное Правительство приняло Закон «О свободе совести» и отменило все ограничения на свободу вероисповеданий. Почти сразу же после этого состоялся I Всероссийский съезд мари, при-

нявший решение об учреждении Духовного Правления Мари. Однако уже в 1920-х годах по указанию РКП(б) стала активно проводиться атеистическая работа, закрывались церкви, запрещались моления и жертвоприношения. К 1944 году в республике не осталось ни одной действующей церкви [Попов, 2005, с. 225].

В октябре 1990 года в годы перестройки был принят Закон Российской Федерации «О свободе вероисповедания». Марийцы получили официальное разрешение на проведение коллективных молений в священных рощах, стали открываться ранее закрытые церкви. Однако большинство, считающее себя верующим, не соблюдает религиозные обряды. На начало XXI века только 13,7 % опрошенных луговых и 7,9 % горных марийцев соблюдали религиозные обряды и считали себя истинно верующими [Там же, с. 226]. Православие оказало большее влияние на горных мари, чем на луговых, в результате часть горных мари отказалась от языческих культов. В настоящее время число приверженцев православной религии растет быстрее, чем приверженцев традиционной дохристианской веры.

В результате христианизации произошло разделение марийцев на три конфессиональные группы: тех, кто принял христианство, тех, кто остался верен дохристианским верованиям, и двоеверцы — те, кто соблюдает какие-то христианские обряды, но и не забывает своего бога Керемета. Таким образом, для части марийского населения характерен православно-языческий синкретизм. Но он имеет свои особенности. «Перенимая от христианства некоторых богов и святых (Иисуса Христа, Божию Матерь, Николая Чудотворца и других), храмы, часовни, иконы, соблюдая некоторые христианские ритуалы (освящение воды, крещение, посещение церкви), марийцы не приняли христианские философские взгляды, мифологические представления» [Тойдыбекова, 2007, с. 53]. Они сохранили свою мифологию и свои религиозные учения.

В современной Марий Эл, судя по социологическим опросам, религия не занимает важного места в жизни опрошенных. Так, на вопрос «Какое место занимает религия в Вашей жизни? 40,6 % (из 1180 опрошенных) ответили — «незначительное», 14,7 % — «никакого», «очень важное» — 5,7 %, «довольно важное» — 32,1 %, затруднились ответить — 6,9. На вопрос «Приверженцем какой религии Вы себя считаете?» — 50,1 % ответили, что «соблюдают православную веру», «марийскую традиционную веру» соблюдает 6,2 %, «православную и марийскую традиционную веру» — 8,8 % [Межконфессиональные..., 2022, с. 18—19]. Среди этнодифференцирующих факторов в Марий Эл религии принадлежит четвертое место после языка, народных обычаев и исторического прошлого. Религия как фактор интеграции с людьми своей национальности не оказывает сильно-

го влияния на этническое сближение в этническом сообществе марийцев, поскольку религиозные предпочтения марийцев различны, как говорилось выше.

Под влиянием религиозного воззрения, народных традиций, а в историческом прошлом — мифологического мышления формировались нравственные представления марийцев, оценки, поведенческие установки. Главным считался бог Юмо — создатель вселенной, олицетворяющий светлый мир, белый свет, защитник всего живого от сил зла. Как пишет Л. С. Тойдыбекова, «... в марийской традиции Юмо выступает в виде седого старичка с белой бородой, живущего на небе» [Тойдыбекова, 2007, с. 283]. Н. С. Попов пишет: «... мифические образы небесных божеств, дочери Бога Юмын ўдыр, богатырей Онар, Чоткар патыр, покровителя племени Кугурак и др., воспринимались марийцами как олицетворения человеческих добродетелей и совершенства. Они символизировали идею сохранения рода человеческого, его защищенности, единства и сплоченности» [Попов, 2005, с. 229].

Марийцы всегда жили в гармонии с природой (их называют «лесной народ»), у них развит культ природы, особенно — почитание деревьев и леса. Дуб и березу они почитали как богов. В священных рощах Марийской республики как священные почитались ель, сосна и липа. На каждом молении в честь богов зажигали костры. Л. С. Тойдыбекова считает, что главными божествами марийцев были Кугу Юмо (Великий бог), Кава Юмо (божество неба), Кўдырчö Юмо (бог грома), Кече Ава (мать солнца), Перке Юмо (божество достатка), Мер Юмо (мировое божество) и Пўрышö Юмо (бог судьбы) [Тойдыбекова, 2007, с. 39]. А. Г. Ю. Устьянцев отмечает, что при ответе на вопрос «Какой мифологический персонаж для Вас символизирует всю культуру?» опрошенные чаще указывали в качестве условно главных и наиболее известных Онара, Юмо, Юмынўдыр, Шийпўй Помпалче. Реже указывались при ответе на этот вопрос имена марийских богатырей: Чоткара, Акпарса, Чумбулата [Устьянцев, 2022, с. 1266].

В мифах, сказках, быличках отражалось прошлое и настоящее марийцев. Так, согласно преданиям, до их появления на берегах Волги жили фантастические народы, а сами марийцы — это потомки богатырей или дочери бога Юмо. Настоящее виделось светлым и мирным. Вероятно, в мифологии любого народа зарождается его идентичность, затем сохраняется в традиционной культуре и получает закрепление в учебниках, книгах.

4. Заключение = Conclusions

История распорядилась так, что у марийского народа нет единого языка и нет единой религии, то есть главных объединяющих факторов,

консолидирующих этнос. Отсутствие единого языка приводит к тому, что население, особенно молодежь, пренебрежительно относится к языку, перестает считать его родным, переходя на русский язык. Такая молодежь в этническом смысле является маргиналом, у нее отсутствует интерес к собственной культуре, обычаям предков, они не знают историю своего народа. Большое воздействие оказывает также процесс урбанизации, а в условиях города ускоряются ассимиляция и потеря этнической идентичности. Низкий уровень этнической идентичности продемонстрировали ответы марийцев в социологическом опросе 2021 года. На вопрос «Кем Вы себя ощущаете в большей степени?» ответ «представителем своей национальности» подтвердили всего 1,7 % респондентов, «жителем Республики Марий Эл» — 10,6 %, «гражданином Российской Федерации» — 32,4 %, но большинство — 43,9 % — предпочло ответ «в равной мере гражданином России и Республики Марий Эл» [Межконфессиональные ..., 2022, с. 10]. Таким образом, если судить по этим ответам, можно сказать, что среди марийцев более распространен тип «российской идентичности», или смешанный «российско-этнический», чем чисто «этнический».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ИВПН — *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* В 11 т. — Москва : НИЦ «Статистика России». — 2012. — т. 4. — кн. 1. — 2101 с.
2. *Словарь* социолнгвистических терминов. — Москва : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Институт иностранных языков, 2006. — 312 с.

Литература

1. *Беликов В. И.* Социолнгвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — Москва : РГГУ, 2001. — 437 с. — ISBN 5-7281-0345-6.
2. *Белков Е. Н.* Роль языка в формировании национальной идентичности народа мари / Е. Н. Белков // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного педагогического университета, гуманитарные и общественные науки. — 2012. — № 2. — С. 166—170.
3. *Востриков В. Г.* История мари в XVII—XX веках / В. Г. Востриков, К. Н. Сануков, А. С. Казимов // Марийцы. Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. — С. 36—42. — ISBN 978-5-94950-066-8.
4. *Гаврилова В. Г.* Марийско-русский билингвизм : переключение и смешение кодов / В. Г. Гаврилова. — Йошкар-Ола : ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», 2014. — 212 с. — ISBN 978-5-94808-794-8.
5. *Горячева М. А.* Языки России в системе школьного образования Республики Марий Эл (динамика функционирования) / М. А. Горячева // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. — 2020. — С. 13—18.

6. *Иванов И. Г.* Вехи марийской письменности / И. Г. Иванов. — Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2007. — 46 с.
7. *Иванов И. Г.* История марийского литературного языка / И. Г. Иванов. — Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1975. — 255 с.
8. *Иванов И. Г.* Литературный язык как одна из форм функционирования языка / И. Г. Иванов // Финно-угроведение. — 2000. — № 2. — С. 17—34.
9. *Иксанова Л. Г.* Марийский язык и этнокультурная образовательная среда общеобразовательной школы / Л. Г. Иксанова // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. — Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2021. — С. 220—223. — ISBN 978-5-6046088-4-5.
10. *Кондрашкина Е. А.* Динамика функционального развития марийского языка / Е. А. Кондрашкина. — Москва : Российская Академия наук. Институт языкознания, 2008. — 180 с.
11. *Крайнов Г. Н.* Проблемы современной демографической ситуации в финно-угорских регионах России / Г. Н. Крайнов, Ю. И. Ерофеев, П. И. Бикмурзин // Башкортостан и Марий Эл. Исторический опыт и перспективы сотрудничества. — Бирск — Йошкар-Ола : [б. и.], 2007. — Т. II. — С. 145—158.
12. *Краузе А. А.* Социокультурная динамика современной этнической идентичности (на примере коми-пермяков) / А. А. Краузе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — С. 36—40.
13. *Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл* (материалы социологического исследования 2021 года). Научно-статистический бюллетень. — Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2022. — 176 с. — ISBN 978-5-94950-073-6.
14. *Молотова Т. Л.* Об основных факторах формирования этнического характера марийцев / Т. Л. Молотова // Финно-угроведение. — 2000. — № 1. — С. 17—30.
15. *Попов Н. С.* Введение / Н. С. Попов // Марийцы. Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. — С. 5—19. — ISBN 978-5-94950-066-8.
16. *Попов Н. С.* Нравственные представления марийцев / Н. С. Попов // Марийцы. Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. — С. 228—236. — ISBN 978-5-94950-066-8.
17. *Попов Н. С.* Религиозные верования / Н. С. Попов // Марийцы. Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. — С. 215—227. — ISBN 978-5-94950-066-8.
18. *Пустаи Я.* Актуальные мысли о положении финно-угорских языков Российской Федерации / Я. Пустаи // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. — 2018. — С. 46—52.
19. *Сануков К. Н.* Марийцы. Прошлое, настоящее, будущее / К. Н. Сануков. — Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 1992. — 30 с.
20. *Сануков К. Н.* Финно-угорские народы России : проблемы национального идентитета / К. Н. Сануков // Финно-угроведение. — 2001. — № 1. — С. 128—141.
21. *Свечников С. К.* Марийцы в XIII—XVI веках / С. К. Свечников // Марийцы. Историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. — С. 28—35. — ISBN 978-5-94950-066-8.
22. *Свечников С. К.* Реализация этнокультурного направления в системе образования Республики Марий Эл / С. К. Свечников // Парламентские слушания в Малом Зале Государственной Думы 29 октября 2018 года «Языковое многообразие Российской

Федерации : состояние и перспективы». — Москва : Марийский институт образования, 2018. — С. 32—34. — ISBN 978-5-4325-0154-7.

23. Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник / Л. С. Тойдыбекова. — Йошкар-Ола : МПИК, 2007. — 310 с. — ISBN 978-5-87898-365-5.

24. Устьянцев Г. Ю. Символическое пространство марийской национальной идеи. Миф в актуализации марийской идентичности постсоветского периода / Г. Ю. Устьянцев // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2022. — Т. 32. — № 6. — С. 1263—1273. — DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1263-1273.

25. Федорова С. Н. Специфика проявления этнической идентичности мари и процесс ее формирования / С. Н. Федорова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № 1.1 — С. 174—179.

26. Чемышев Э. В. Марийская традиционная религия в XX — начале XXI вв : государственно-конфессиональные отношения / Э. В. Чемышев // Башкортостан и Марий Эл : исторический опыт и перспективы сотрудничества. — Бирск—Йошкар-Ола : [б. и.], 2007. — Т. II. — С. 287—294. — ISBN 978-5-94950-068-2.

27. Шабыков В. И. Статус горномарийского языка в современном обществе / В. И. Шабыков, Р. А. Кудрявцева, З. Г. Зорина // Социодинамика. — 2020. — № 4. — С. 74—84. — DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-548-559.

28. Cristal D. Language death / D. Cristal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — 198 p.

29. Erikson E. Identity youth and crisis / E. Erikson. — New York : W. W. Norton Company, 1968. — 344 p.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023,
одобрена после рецензирования 30.04.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

Dictionary of sociolinguistic terms. (2006). Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Russian Academy of Linguistic Sciences. Institute of Foreign Languages. 312 p. (In Russ.).

IVPN — *Results of the All—Russian population Census of 2010: In 11 volumes, 4 (1).* (2012). Moscow: SIC “Statistics of Russia”. 2101 p. (In Russ.).

References

Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolinguistics*. Moscow: RSUH. 437 p. ISBN 5-7281-0345-6. (In Russ.).

Belkov, E. N. (2012). The role of language in the formation of the national identity of the Mari people. *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Pedagogical University, Humanities and Social Sciences*, 2: 166—170. (In Russ.).

Chemyshev, E. V. (2007). Mari traditional religion in the XX — early XXI centuries: state-confessional relations. In: *Bashkortostan and Mari El: historical experience and prospects of cooperation, II*. Birk—Yoshkar-Ola: [B. I.]. 287—294. ISBN 978-5-94950-068-2. (In Russ.).

Cristal, D. (2000). *Language death*. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.

Erikson, E. (1968). *Identity youth and crisis*. New York: W. W. Norton Company. 344 p.

- Fedorova, S. N. (2012). The specifics of the manifestation of Mari ethnic identity and the process of its formation. *Bulletin of the Buryat State University, 1.1*: 174—179. (In Russ.).
- Gavrilova, V. G. (2014). *Mari-Russian bilingualism: switching and mixing codes*. Yoshkar-Ola: Mari State University. 212 p. ISBN 978-5-94808-794-8. (In Russ.).
- Goryacheva, M. A. (2020). Languages of Russia in the school education system of the Republic of Mari El (dynamics of functioning). *Problems of Mari and Comparative Philology. Collection of articles*. 13—18. (In Russ.).
- Iksanova, L. G. (2021). Mari language and ethno-cultural educational environment of a secondary school. In: *Problems of Mari and comparative philology. Collection of articles*. Yoshkar-Ola: Mari State University. 220—223. ISBN 978-5-6046088-4-5. (In Russ.).
- Interfaith and interethnic relations in the Republic of Mari El (materials of a sociological study of 2021). (2022). In: *Scientific and Statistical Bulletin. Ministry of Culture, Press and Ethnic Affairs of the Republic of Mari El*. Yoshkar-Ola: Marniiyali. 176 p. ISBN 978-5-94950-073-6. (In Russ.).
- Ivanov, I. G. (1975). *History of the Mari literary language*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House. 255 p. (In Russ.).
- Ivanov, I. G. (2000). Literary language as one of the forms of language functioning. *Finno-ugrovedenie, 2*: 17—34. (In Russ.).
- Ivanov, I. G. (2007). *Milestones of Mari writing*. Yoshkar-Ola: Mari State University. 46 p. (In Russ.).
- Kondrashkina, E. A. (2008). *Dynamics of the functional development of the Mari language*. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics. 180 p. (In Russ.).
- Krainov, G. N., Erofeev, Yu. I., Bikmurzin, P. I. (2007). Problems of the modern demographic situation in the Finno-Ugric regions of Russia. In: *Bashkortostan and Mari El. Historical experience and prospects of cooperation, II*. Birk—Yoshkar-Ola: [B. I.]. 145—158. (In Russ.).
- Krause, A. A. (2014). Socio-cultural dynamics of modern ethnic identity (on the example of Komi-Permyaks). *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*. 36—40. (In Russ.).
- Molotova, T. L. (2000). On the main factors of the formation of the ethnic character of the Mari people. *Finno-ugrovedenie, 1*: 17—30. (In Russ.).
- Popov, N. S. (2005). Introduction. In: *Mari. Historical and ethnographic essays*. Yoshkar-Ola: Marniiyali. 5—19. ISBN 978-5-94950-066-8. (In Russ.).
- Popov, N. S. (2005). Moral representations of Mari. In: *Mari. Historical and ethnographic essays*. Yoshkar-Ola: Marniiyali. 228—236. ISBN 978-5-94950-066-8. (In Russ.).
- Popov, N. S. (2005). Religious beliefs. In: *Mari. Historical and ethnographic essays*. Yoshkar-Ola: Marniiyali. 215—227. ISBN 978-5-94950-066-8. (In Russ.).
- Pustai, Ya. (2018). Actual thoughts on the situation of the Finno-Ugric languages of the Russian Federation. *Problems of Mari and Comparative Philology. Collection of articles*. 46—52. (In Russ.).
- Sanukov, K. N. (2001). Finno-Ugric peoples of Russia: problems of national identity. *Finno-Ugric studies, 1*: 128—141. (In Russ.).
- Sanukov, K. N. (1992). *Mari. Past, present, future*. Yoshkar-Ola: Mari State University. 30 p. (In Russ.).
- Shabykov, V. I., Kudryavtseva, R. A., Zorina, Z. G. (2020). Status of the Mountain-Aryan language in modern society. *Sociodynamics, 4*: 74—84. DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-548-559. (In Russ.).

- Svechnikov, S. K. (2018). Implementation of the ethno-cultural direction in the education system of the Republic of Mari El. In: *Parliamentary hearings in the Small Hall of the State Duma on October 29, 2018 "Linguistic diversity of the Russian Federation: state and prospects"*. Moscow: Mari Institute of Education. 32—34. ISBN 978-5-4325-0154-7. (In Russ.).
- Svechnikov, S. K. (2005). Mari in the XIII—XVI centuries. In: *Mari. Historical and ethnographic essays*. Yoshkar-Ola: Marniiyali. 28—35. ISBN 978-5-94950-066-8. (In Russ.).
- Toydybekova, L. S. (2007). *Mari mythology. Ethnographic reference book*. Yoshkar-Ola: MPIK. 310 p. ISBN 978-5-87898-365-5. (In Russ.).
- Ustyantsev, G. Y. (2022). Symbolic space of the Mari national idea. The myth in the actualization of the Mari identity of the post-Soviet period. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series*, 32 (6): 1263—1273. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1263-1273. (In Russ.).
- Vostrikov, V. G., Sanukov, K. N., Kazimov, A. S. (2005). The history of Mari in the XVII—XX centuries. In: *Mari. Historical and ethnographic essays*. Yoshkar-Ola: Marniiyali. 36—42. ISBN 978-5-94950-066-8. (In Russ.).

*The article was submitted 03.03.2023;
approved after reviewing 30.04.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Магомедова П. А. Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ) / П. А. Магомедова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 150—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182.

Magomedova, P. A. (2023). Experience of Semantic-Cognitive Modeling of Religious Worldview in Languages of Different Structure (HARAM Concept). *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 150-182. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182

Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ)

Магомедова Патимат Ариповна
orcid.org /0000-0002-8177-8951
доктор филологических наук,
профессор
кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
p_magomedova@mail.ru

Дагестанский
государственный университет
(Махачкала, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках
поддержанного РФФИ научного проекта
№ 21-011-44245
«Исламский дискурс: теологическая
мысль и коммуникация
в русскоязычной оболочке»

Experience of Semantic-Cognitive Modeling of Religious Worldview in Languages of Different Structure (HARAM Concept)

Patimat A. Magomedova
orcid.org /0000-0002-8177-8951
Doctor of Philology, Professor,
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
p_magomedova@mail.ru

Dagestan State University
(Makhachkala, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared within
the framework of the research
project № 21-011-44245
“Islamic discourse: theological thought
and communication
in the Russian-language shell”
supported by the Russian Foundation
for Basic Research

© Магомедова П. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен опыт реконструкции религиозного (исламского) концепта как ценностно-познавательной и мировоззренческой константы на примере концепта ХАРАМ / ХИАРАМ в русской и аварской лингвокультурах. Материалом для исследования послужили данные лексикографических источников, паремиологических фондов указанных языков, русскоязычные и авароязычные тексты (в том числе переводы) духовной литературы; языковые данные Национальных корпусов русского и аварского языков. Отмечается, что понятийный компонент исследуемого концепта обнаруживает сходства в сопоставляемых лингвокультурах: семантическая модель ХАРАМ представлена обязательным компонентом с негативной коннотацией 'все, что плохо, зло, грех > запрещено' [определенные действия, поступки, предметы и явления], и факультативным компонентом с позитивной коннотацией: 'заповедное место, запретная [для всего плохого] территория'. Уточняется, что ценностная составляющая концепта шире, чем в понятиях обыденного *запрета* или *табу*. Показано, что в мусульманском сознании ХАРАМ — многокомпонентное понятие, имеющее амбивалентную семантику. Сходства и различия в объективации указанного концепта могут зависеть, прежде всего, от специфики религиозно-языкового сознания человека, его мировосприятия; во-вторых, могут быть обусловлены дискурсом, в котором эксплицирован концепт, а значит и объективация проходит в разных картинах мира (религиозной, обыденной и др.). Рассмотрен процесс десакрализации семантики концепта ХАРАМ.

Ключевые слова:

теолингвистика; исламский дискурс; язык и религия; религиозный концепт; моделирование концепта; ХАРАМ; запрет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The experience of reconstructing the religious (Islamic) concept as a value-cognitive and ideological constant is presented on the example of the concept HARAM/HIARAM in Russian and Avar linguistic cultures. The material for the study was data from lexicographic sources, paremiological funds of these languages, data from Russian and Avar texts (including translations) of spiritual literature; language data of the National Corporuses of the Russian and Avar languages. It is noted that the conceptual component of the concept under study reveals similarities in the compared linguocultures: the HARAM semantic model is represented by an obligatory component with a negative connotation 'everything that is bad, evil, sin > forbidden' [certain actions, deeds, objects and phenomena], and an optional component with a positive connotation: 'reserved place, forbidden [for everything bad] territory'. It is clarified that the value component of the concept is wider than in terms of an ordinary prohibition or taboo. It is shown that in the Muslim consciousness HARAM is a multicomponent concept with ambivalent semantics. Similarities and differences in the objectification of this concept may depend, first of all, on the specifics of the religious and linguistic consciousness of a person, his worldview; secondly, they can be conditioned by the discourse in which the concept is explicated, and hence the objectification takes place in different worldview (religious, everyday, etc.). The process of desacralization of the concept HARAM semantics is considered.

Key words:

theolinguistics; Islamic discourse; language and religion; religious concept; concept modeling; HARAM; ban.

УДК 811.351.12'37:28+811.161.1'37:28

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ)

© Магомедова П. А., 2023

1. Введение = Introduction

Новый взгляд на религию в современном мире, вписывающийся в дискуссию о постсекуляризме как специфическом статусе меняющегося мира, повлек за собой повышение интереса ученых к исследованию языка религии, взаимоотношений между религиозным и языковым сознанием человека. Не единичны научные обзоры, в фокусе которых находится «состояние исследований взаимодействия языка и религии в современной лингвистической науке, складывающееся в условиях постсекулярности, когда религиозный дискурс становится неотъемлемой частью дискурсивной полифонии, присущей открытому коммуникативному пространству» [Найденова, 2018, с. 988]. Как отмечают лингвисты, сегодня «актуальным становится намерение определить статус религиозного языка и его соотношение с языком литературным» [Скляревская, 2018, с. 84]. Одни лингвисты рассматривают религиозный функциональный стиль [Крысин, 2003; Ицкович, 2016], другие изучают религиозный язык как один из социолектов — религиолект современного русского языка [Бугаева 2006; 2010]. Исследователи прагмалингвистики, коммуникативной стилистики и риторики рассматривают данное явление как особый тип дискурса [Карасик, 2000; Бобырева, 2007; Кожемякин, 2007; Попова, 2015], расширяя предмет исследования путем привлечения текстов религиозных СМИ [Миронова, 2011; Ицкович, 2014; Сибгатуллин, 2010]. Высказывается мнение о том, что «о языке религиозной сферы нельзя говорить как о подсистеме, подязыке, форме существования национального языка, как о стиле или социолекте. Этот особый, в структурном и функциональном отношении уникальный тип языка существует рядом с секулярным языком, не является его составляющей, в синхронии не смешивается с ним и воспринимается как второй язык» [Скляревская, 2018, с. 90]. Наконец, целая группа ученых рассматривает место языка религии в контексте новой дисциплины, формирующейся в наши дни на стыке теологии (богословия), религиозной ан-

тропологии и лингвистики» [Постовалова 2013, с. 85] — теолингвистики. История возникновения и развития зарубежной теолингвистики [Noppen, 1981; Wagner, 1999 и др.], в том числе славянской, и проблемы русской теолингвистики как специальной междисциплинарной области знаний широко представлены в работах современных ученых [Гадомский, 2010, 2017; Бугаева, 2012; Найденова, 2018; Анисимова, 2021; Хрестоматия теолингвистики ..., 2019 и др.].

На языковом уровне происходит накопление и концентрация смыслов, образов, концептов, канонических установок определенной конфессии, фиксирующихся в памяти и языковом сознании народа. Бесспорным является тот факт, что «язык и религия: как две семиотики, два образа мира, две стихии в душе человека, уходящие корнями в подсознание, два самых глубоких, несхожих и взаимосвязанных начала в человеческой культуре...» [Мечковская, 1997, с. 36].

Мысль о конфессиональной обусловленности содержания религиозной картины мира была высказана достаточно давно. При этом важнейшим инструментом фиксации, хранения и передачи конфессиональной культуры этноса является национальный язык. В нем вербально и семиотически репрезентируется вероисповедание и культура народа. Это может фиксироваться в лексических и фразеологических единицах, пословично-поговорочном фонде языка, концептах, религиозных, научно-богословских, художественных и др. текстах. Бесспорно, язык, концептуализируя культурные, духовные, этические, морально-нравственные, религиозные ценности народа, представляет собой уникальный «семиотико-прагматический код духовно-конфессиональной культуры этноса» [Козырева, 2016, с. 50]. Вместе с тем «при всех изменениях в истории народа духовный код культуры сохраняется и репрезентируется посредством языка, воплощается и передаётся из поколения в поколение в духовно-религиозных концептах» [Бувечич, 2016, с. 120].

Заметим, что указанные работы выполнены, как правило, в русле христианского (православного, католического и др.) направления синхронной и диахронной теолингвистики, исследованы механизмы закрепления за языковыми знаками духовных смыслов, определены, описаны и продолжают описываться с различных сторон концепты как единицы религиозного сознания человека. Проблемы исламской теолингвистики начали входить в круг научных интересов ученых относительно недавно.

Первоначально тесные связи ислама и русского языка ученые исследовали в связи с изучением лексики религиозной (исламской) тематики, прежде всего заимствованной из арабского языка [Александрова, 2014; Бахтиярова и др., 2015; Рагасова, 2017; Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф,

2016; Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззас, 2018 и др.]; исследованы вопросы орфографического и семантического облика арабизмов [Хайретдинов и др., 2007; Хабибуллина, 2020; Файзуллина, 2014]. Интерес исследователей аварского языка к описанию религиозного идиолексикона, заимствованного из арабского языка, и его функционированию в системе языка отмечен в ряде разработок [Абдулжалилов, 2002; Меджидов, 2014]. На сегодняшний день все еще нерешенным остается большинство из указанных проблем, прежде всего речь идет об интересе теолингвистики к вопросам концептуализации исламских религиозных категорий в языке [Козырева, 2016; Кемпер, 2015; Магомедова и др., 2022], в том числе в сопоставительном аспекте (по терминологии [Кончаревич, 2012; Киквидзе, 2018] сопоставительная теолингвистика).

Актуализация в лексических системах различных языков лексем с религиозным (исламским) значением, масштабная активность текстов указанной тематики в различных жанрах, особенно в текстах масс-медиа, выдвигают перед лингвистами новые перспективные направления междисциплинарных исследований [Магомедова, 2019; Кангиева, 2020].

Перспективность и востребованность работ по исследуемой проблеме определяется не только тем, что она слабо изучена либо имеющиеся разработки представлены фрагментарно (за исключением нескольких отдельных работ социолингвистического характера [Кемпер и др., 2015; Тарасова и др., 2017]; стилистико-дидактического характера [Файзуллина, 2017; Хабибуллина, 2020]), но и тем, что исследования исламского дискурса, находясь в точке пересечения интересов теологии, философии религии и лингвистики, создадут серьезную теоретическую и эмпирическую базу для их развития. Одной из первых среди разработок языка Интернета была монография А. Сибгатуллина «Исламский интернет» [Сибгатуллин, 2010], в которой он показал роль интернета в построении национальной идентичности, где немаловажным фактором выступает язык: автор даёт определение «исламскому интернету» как сегменту русскоязычной сети, связанному с исламом. Нельзя не отметить и прозвучавшее в научных публикациях мнение, с чем трудно согласиться, об опасном влиянии исламского дискурса на религиозный стиль православия: «Слова, обслуживающие политический ислам, в целом представляют собой определённую опасность для сохранности православных слов и их значений, привычных для христианской цивилизации» [Бусель, 2018, с. 203].

Одним из важных направлений современной теолингвистики является разработка проблемы перевода сакральных текстов с арабского на русский язык и выбора модели адекватного перевода [Наумкин, 2007; Финкельберг, 2010; Псху, 2010; Александрова и др., 2013; Фаткуллина и др., 2020; Маго-

медова и др., 2022], однако до сих пор остается нерешенным ряд важнейших в этой связи вопросов.

В последние десятилетия отмечается повышенный интерес исследователей к вопросам сопоставительной теолингвистики, основной задачей которой признается анализ религиозной мысли и коммуникации в сопоставляемых языках, независимо «от их генеалогической и типологической принадлежности, а также тождества, сходства и различия в способах отражения, сохранения и передачи религиозного содержания» [Кончаревич, 2012, с. 15]. Отметим, что работы в области сопоставительной исламской теолингвистики скудны: представлены несколькими публикациями.

Таким образом, на сегодняшний день возникла острая необходимость обобщения имеющегося опыта исследований исламского дискурса и построения теоретического знания на основе междисциплинарных системно-теоретических принципов теолингвистики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящем исследовании предпринята попытка реконструкции религиозного (исламского) концепта как ценностно-познавательной и мировоззренческой константы на примере концепта ХАРАМ / ХІАРАМ в русской и аварской лингвокультурах. Выявление при этом структурно-содержательных сходств и различий в отражении и закреплении в языках определенного религиозного содержания позволит построить адекватную инвариантную модель исследуемого концепта в контексте сопоставительной теолингвистики. Сходства и различия могут зависеть, прежде всего, от специфики религиозно-языкового сознания человека, его мировосприятия; во-вторых, могут быть обусловлены дискурсом, в котором эксплицирован концепт, а значит, и объективация проходит в разных картинах мира (религиозной, обыденной (наивной) и др.).

Материал для исследования формируется из различных источников: во-первых, это данные различных лексикографических произведений [АРС, 2006; СОАЯ, 2002; Ефремова, 2000; Православие: словарь-справочник, 2009 и др.]; во-вторых, привлекался материал паремиологических фондов исследуемых языков [Алиханов, 2006; Даль, 1989]; в-третьих, использованы русскоязычные и авароязычные тексты (в том числе переводы с арабского языка) мусульманской духовной литературы, а также контексты художественной и публицистической литературы; контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

При изучении и описании речевой коммуникации мусульман реализуется многоаспектный междисциплинарный подход — метод междисциплинарного сопоставления. Его необходимость вызвана тем, что предмет

исследования отличается сложностью, многоплановостью и неоднозначностью подходов в современной науке. Междисциплинарный подход также важен потому, что предполагает интегрированное представление исследуемого материала с привлечением сведений из различных областей научного знания, таких как богословие, история ислама, религиоведение, философия, социолингвистика.

Семантико-когнитивное моделирование религиозных концептов проводилось с привлечением целого арсенала приемов и методов анализа семантики единиц разных уровней, также применялся метод фреймового анализа.

Использование герменевтического метода для анализа и интерпретации в теолингвистических работах имеет свою специфику [Постовалова, 2014]. В исследованиях указанного типа интегрированно сочетаются лингвосомиотический, лингвокультурологический и теоконцептологический (по В. И. Постоваловой, «мистико-религиозный / «духовный») уровни интерпретации. Первоначально рассматриваются семантико-языковые характеристики концепта с использованием, к примеру, семантического анализа словарных дефиниций, компонентного анализа и др., затем анализируется связь толкования смысла лексем с культурно-историческими реалиями этноса. Теоконцептологический аспект интерпретации духовного текста привлекается с целью адекватной реконструкции содержания религиозных концептов. Здесь на первый план выходит определение истинного теологического и духовного смысла слов интерпретируемого текста.

Религиозные концепты, как известно, сложные, многомерные смысловые единства. Семантико-когнитивное моделирование их не будет полным, если не привлекать теоконцептологический аспект его смысловой экспликации, то есть лингвоконцептологический анализ сочетается с теоконцептологическим анализом. Методы и приемы анализа и сопоставления данных адекватны поставленным задачам и соответствуют основной цели исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дихотомия ХАЛЯЛЬ — ХАРАМ в религиозном сознании мусльман

В исламском миропонимании релевантность и дифференциация понятий «халяль» и «харам» приобретают особую важность, фиксируемую в специальной (правовой) богословской науке *усуль аль-фикх*. Если согласно православно-христианскому вероучению абсолютные смыслы, носителем которых является определенная религия (С. Л. Франк), «оседают» в религиозном сознании, «обретаются» в Откровении и мистико-аскетических опытах

миросозерцания» [Постовалова, 2014, с. 137], то в традиционном исламском сознании осмысленное миропонимание, регулирующее всю сознательную жизнь мусульманина, построено на ценностных смыслах священного Корана и Сунны. Вера в дозволенное и запрещенное шариатом (*халяль* и *харам*) — есть часть веры (*имана*) мусульманина, основанной на убежденности в том, что все практические предписания Корана и Сунны являются истинными и неоспоримыми, а также наряду с другими предписаниями обязательными для исполнения: *Данная совершенная Книга — Коран, который является Нашим руководством, не допускает никакого сомнения в том, что он ниспослан Аллахом и пронизан духом правды, ведущей к истине; Коран — руководство для богобоязненных и благочестивых* [Аль-Мунтахаб фи тафсир аль-Куран аль-Карим, 2000 (2:2)]; *Коран и Сунна рассказывают верующему о том, что для него благо, а что зло, и какие поступки хорошие и праведные, а какие — скверные и низкие* [Мусульманин и его личность в свете Корана и Сунны, 2012, с. 7]; *Хлакълъунго гъаб Къуръан буго жинца хлакълъабги, батІулабги жо батІа гъабулеб, хІалалаб, хІарамаб жо баян гъабулеб тІадеІанав Аллагъасул калам* [Тафсир¹ Корана (на авар.), 2015, с. 673] (Поистине, Коран, разделяющий правду и ложь, разъясняющий дозволенное и запретное, является Словом Всевышнего Аллаха).

Заметим, самая молодая религия в своих кодексах не разделяет мирскую и духовную стороны жизни мусульман, религиозные воззрения и социально-бытовую обыденность. «Основной теологический трактат магометан предписывает законы, относящиеся не только к религиозной, но и к социальной и политической жизни верующих, организует и регулирует отношения разного рода: брачно-семейные, государственно-политические, экономические, культурно-просветительские» [Солодова, 2010, с. 32].

В исламском религиозном дискурсе широко репрезентирована дихотомия концептов ХАЛЯЛЬ и ХАРАМ, являющихся ключевыми религиозными знаками для носителей разных языков, исповедующих ислам.

Указанная дихотомия подобно оппозициям «ценность — антиценность», «плохо — хорошо», «запретное — разрешенное» имеет место, как указывают исследователи, изначально в любом языковом сознании этносов, в том числе и в арабском языке, откуда идет заимствование указанных номинаций. «Это двуединство взглядов на окружающий мир и его восприятие, реализованное в лексике, семантике, грамматических формах устойчивых оборотов (фразеологизмов, пословиц, поговорок и др.) является онтологической основой языкового сознания носителей арабского языка,

1 Тафсир (пер. с араб. «разъяснение») — толкование, интерпретация текста Корана и Сунны; а также богословская наука, занимающаяся толкованием и комментированием аятов Корана.

а также самобытности и противоречивости арабского национального менталитета» [Кухарева, 2005, с. 13].

Вместе с тем согласно исламскому вероучению между категориями абсолютного запрета ХАРАМ и дозволенности ХАЛЯЛЬ может быть и промежуточная зона: нежелательность — *Макрух* (араб. *مكروه*): «В исламском праве этим словом обозначается нежелательное действие, отказ от совершения которого для мусульманина будет лучше, чем его совершение. Термин *макрух* близок к *ХАРАМу* (полному запрету). Однако между этими понятиями имеется разница. *ХАРАМ* — это предметы и действия, однозначно запрещенные Аллахом в Коране и Сунне, а *макрух* выражает только нежелательность того или иного действия или вещи» [Али-заде, 2007]. В Национальном корпусе русского языка не зафиксировано ни одного словоупотребления данной лексемы, специальные русскоязычные религиозные (исламские) тексты, переводы таковых на русский язык, а также религиозные СМИ, используют эту лексему как специальный термин: *В эту ночь он принимает намерение поститься в пятничный день, ибо этот пост обладает большим достоинством, и пусть он вместе с ним соблюдает и пост четверга или субботы, а не соблюдает его отдельно, ибо это макрух (порицаемо)*» [Аль-Газали, 2010, с. 173].

В аварских религиозных текстах используется дубликат лексемы *макрух* в двух графических вариантах: *карагIат* и *карагъат*, а также производные от них прилагательные в значении порицаемого, но не являющегося запретным; признака. Отметим, что по данным словарей имеет место десакрализация семантики данной лексемы: ***Карагъатаб*** *книжн.* Отвратительный [АРС, 2006, с. 549]. Например: *ХIажаталдаса тIокIаб жо хвезаби цояб хIарамаб букIуна, цояб карагъатаб букIуна жиндир хIал ва заман хал гъабун* [Тафсир Корана, 2015, с. 154—179]; *Пихъ кьолеб гьотIода гьоркъ хIажат тIубазе карагъатаб буго, тихъ гьанжегъе гьанже баккулеб бугониги* [Газета «Ас-салам»].

Вернемся к рассмотрению оппозиции концептов. В данной оппозиции маркированным членом является концепт ХАРАМ, если изначально следовать догмам дозволенности / запретности в исламе, то «все, что не запрещено, является *халялем*» — первый критерий дозволенности для мусульман [Umma]. Следовательно, дозволенность определяется через отсутствие запрета, то есть «халяль = отсутствие харама». Все правовые исламские школы (*мазхабы*), регулируя статус дозволенного и запретного согласно Корану и Сунне, представляют ХАРАМ как маркированную, ограниченную в количественном отношении категорию.

3.2. ХАРАМ как маркированный член оппозиции

Определение статуса ХАРАМ как многокомпонентного и сложного по структуре и содержанию религиозного концепта в сопоставляемых лингво-

культурах связано напрямую со спецификой исходного понятия в арабском языке. Семантическая парадигма арабской лексемы **حرم** (с короткой второй гласной): ‘быть запретным, заповедным, священным; лишать, отказывать; запрещать; отлучать, отрешать; объявлять священным; бросать, прекращать; надевать ихрам (во время хаджа при вступлении на священную территорию)’. Однокоренная лексема **حرام** (с удлинённой второй гласной) имеет толкование ‘запрещенный; запретный; священный; незаконный; грех’ [Баранов, 2006, с. 168]. Отметим, что существительное **حرم** представлено в словаре в шести значениях: 1. Запретное, неприкосновенное, заповедное место; 2. Священное место, святыня; 3. Священная территория; 4. Святость, святое место, святая святых; 5. Табу; 6. Жена [Там же, с. 168—169]. В возможных однокоренных словах и дериватах лексемы **حرم** находим также значения ‘вступление во время хаджа на священную территорию и надевание ихрама; ихрам (одежда, надеваемая при вступлении на священную землю); одеяло, плед; запрещение; вор, разбойник; женская половина дома, гарем; жена, женщина; святость, неприкосновенность; почтение, уважение; паломник, надевший ихрам; родственник; степени родства, не допускающие брака; мухаррам (1-й месяц лунного календаря — 30 дней)’ и др. [Там же].

В энциклопедическом словаре ислама под редакцией С. М. Прозорова существительное *харам* представлено следующими лексико-семантическими вариантами: ‘поступки, являющиеся греховными и запретными (противоположное *халал*)’; ‘в семейно-брачных отношениях обозначает лиц, брак с которыми невозможен в принципе’; ‘пища и питье, являющиеся запретными’; ‘запреты на игры и музыкальные развлечения’; ‘комплекс запретов, налагаемых на паломника во время хаджа’ [Прозоров, 1991, с. 274].

Лексикографические источники современного русского языка в качестве основного значения фиксируют для лексемы *харам* значение ‘грех; поступки, являющиеся греховными и запретными. В зависимости от местных условий запреты могут распространяться на семейно-брачные отношения (запрет брака с родственником), пищу и питье, определенные игры и развлечения и т. п. ...’ [Комлев, 2006, с. 465]. Из этого следует, что по словарной дефиниции языковая единица *харам*, в сущности, аналогична лексеме *грех* (словарь в качестве синонима дает именно последнюю лексему). Например: *В предании же от Ахмада, ‘Абд ар-Раззака и Ибн Хибанна в его достоверном сборнике говорится: «А всякое вино — харам»* [Марджани, 2008]; *Каждый мусульманин должен знать, что забитое правильно и дозволенное в пищу мясо называется «халяль», всё остальное относится к запретному — харам* [Жемчужины мысли ..., 2010].

Теоконцептологический подход в исследовании позволит выявить некоторые ключевые ценностные доминанты в сопоставляемых концеп-

тосферах, определить канонические корни запрета. Согласно исламскому вероучению, мудрость запрета приема опьяняющих напитков, определенного вида мяса, отказа от использования определенных видов развлечений и др. заключается в том, чтобы мусульманин не вредил себе и окружающим и не навлекал на себя такие последствия, как, например, нанесение вреда своему здоровью, вовлечение в конфликтные ситуации, вред его материальному положению, ссоры в семье, смута в обществе и т. п.

А. Али-заде выделяет еще одну семему у лексемы *харам*, реализуемую в значениях: ‘заповедные территории, на которых действуют определенные запреты (например, Мекка и Медина, на территории которых запрещено охотиться, рубить растения и т. п.)’ и ‘главная святыня мусульман — мекканская мечеть Масджид аль-Харам’ [Али-Заде, 2007, с. 453].

Обобщенная семантическая модель ХАРАМ включает обязательный компонент с негативной коннотацией ‘все, что плохо / зло / грех > запрещено’ [на определенные действия, поступки, предметы и явления] и необязательный компонент с позитивной коннотацией ‘заповедное место, запретная [для всего плохого] территория’, ‘священное / неприкасаемое место’. Например: *Пропорщик вспомнил, что к запретам — харам — относится и табакокурение, употребление наркотиков, что нарушителей или тех, у кого начинались «ломки», били палками, спасая братьев по иман — вере, единобожию* (В. Черкасов. Черный ящик, 2000) [НКРЯ]; *После Арафата он отправляется на ночь в Муздалифу, совершает [там] полное омовение, ибо Муздалифа входит в заповедную территорию (Харам)* [Мекки]; *...вокруг нее Он создал заповедную территорию (Харам), заповедав ее фауну и флору — из почтения и уважения к ней* [Аль-Газали, 2012]; авар. *Раче, хIалкIолеv Аллагъ, хIарамалъул ракъалде!* [Аль-Чиркави, 2010] (Направь, о Всемогущий Аллах, нас на землю Харам!).

Рассмотрение значимостной составляющей концепта [Воркачев, 1997] позволило определить, к примеру, этимологические причины такой двойственной природы семантики ХАРАМ. Как отмечается, «категория запрета генетически восходит к *табу*» [Васильева, 2011, с. 31]. Согласно З. Фрейду, «...значение табу разветвляется в двух противоположных направлениях. С одной стороны, оно означает — святой, освященный, с другой стороны — жуткий, опасный, запретный, нечистый» [Фрейд, 1997, с. 30]. В семантике слова *табу*, включающего, согласно словарям, две семемы: ‘религиозный запрет, налагаемый на какое-либо действие, слово и т. п., нарушение которого — по суеверным представлениям — каралось сверхъестественными силами’ и ‘любой строгий запрет на что-либо’ [Ефремова, 2005], — объективируется признак ‘побуждение к неосуществлению действия или распространению чего-либо’. Общесемитские корни прослежи-

ваются в анализируемом имени концепта: ср. *херем* — (др.-евр.) анафема (проклятие и отлучение) в иудаизме [НСИС, 2009]. В более старом понимании слово значит ‘запрет на что-либо по причине драгоценности, священности или по причине порочности, зла’. Несмотря на семантическую близость лексем *харам*, *запрет* и *табу*, при определении номинативного поля исследуемого концепта и анализа семантики языковых средств, входящих в данное поле, стала очевидной релевантность различий в структуре и содержании этих концептов.

Вместе с тем представления о неприкасаемости, запретности (для посторонних) женщины-супруги в арабской лингвокультуре нашли отражение в производной семеме ‘жена’ у существительного *حرم*. Сразу отметим, что данная сема отсутствует в значении как у русской лексемы *харам*, так и у аварской — *хIарам*.

Необходимо отметить, что редкие употребления в религиозных текстах и переводах с арабского лексемы *харам* в значении ‘заповедная территория’, например, *мечеть Аль-Харам в Мекке*, *Харам аш-Шариф* в Иерусалиме, скорее свидетельствуют об использовании данной лексемы как части заимствованного собственного имени, чем о внутрисловной семантической деривации: *В центре Мекки стоит мечеть Аль-Харам — она и есть цель «хаджа», то есть путешествия в «Дом Пророка», в самом центре которого стоит черный камень Кааб — главная святыня мусульманского мира* (Д. В. Бавильский. Чужое солнце, 2012) [НКРЯ]. *Мечеть «Купол скалы» стоит среди большой площади Харам аш-Шариф слегка трапециевидного плана (450 (260 (285 м), куда ведут 10 ворот* (архимандрит Августин (Никитин). Святыня трех религий // Альфа и Омега, 2001) [НКРЯ].

Согласно лексикографическим источникам аварского языка, семантический потенциал и наполняемость лексемы *хIарам* представлены следующими омонимичными единицами:

ХIарам1. запрет; что-либо запретное, запрещённое; табу; например, *хIарам гьабизе*: а) наложить запрет, запрещать, запретить; б) нарушить запрет; совершить недозволенное (*хIарам гьабурасе хIучч битIуларо* (посл.) [кто нарушит запрет, тому не повезёт]); в) *перен.* выпить (спиртное).

ХIарам2. священный дом Кааба (в Мекке), храм (в Иерусалиме) [АРС, 2006, с. 1268].

Словообразовательный потенциал *хIарам1* представлен следующими единицами: *хIарамаб* — запрещённый, запретный, недозволенный (например, *хIарамаб иш* — запрещённое дело; *хIарамаб квен* — недозволенная еда); *хIарам-балагьаль* — *редко нареч.* см. хIалалъ, хIалица; *хIарамзада* — жулик, мошенник; подлец, мерзавец, злодей; шельма; *хIарамзадалги* — жульничество, мошенничество; подлость, злодеяние; *хIарамлги* — за-

претность, недозволенность; *хIарамлъизаби* — делать запретным, недозволенным; *хIарамлъизе* — быть, стать запретным, запрещённым, недозволенным; *хIарамлъи-хIалаллъи* — *собр.* запретное и разрешённое;

ХIарам2 является исходной производящей основой по отношению только к прилагательному *хIарамалъул* — храмовый; заповедный, имеющий отношение к священной территории [мечети], например, *хIарамалъул ах* — храмовый сад.

Интересными представляются случаи неоднократного употребления лексемы *харамзада* (в значении ‘подлец, мерзавец, бездельник’) в русскоязычных текстах XIX—XX веков: *Молчи, говорю я тебе, харамзада (бездельник, сын позора)!* (А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек, 1831) [НКРЯ].

Сложная номинация *хIарам-хIалал* в значении ‘запретное-дозволенное (обобщенно)’ с взаимоисключающими компонентами в одной лексеме, ‘запрет’ — ‘разрешение’, ‘нельзя’ — ‘можно’; ‘плохо’ — ‘хорошо’ (аналог авар. *квешаб-лъиклаб*), причем с маркированным признаком негатива, широко употребляется как в религиозных текстах, так и в иных дискурсах: Авар. *Къуръанги рецтIун, ПIадегIанав Аллагъас манлъизегIан, Аллагъ разилъаял асхIабзабазда лъалареб букIиндал беъгулебги, беъгуларебги, лъиклабги, квешабги, хIалалаб — хIарамабги батIа бахъизе* [Аль-Чиркави, 2010] (До тех пор, пока не был ниспослан Священный Коран, в котором Всевышний Аллах научил сподвижников различать дозволенное и недозволенное, добро и зло, халяль и харам); *хIалал-хIарам жубараб тIагIам батананиги ТIаса лъугъа, БетIергъан, гъелда ниж рази гъечIин!* (панегирик пророку Мухаммаду) [Мавлид] (Несмотря на смешение дозволенного-запретного в еде и жизни нашей, ты прости нас, Всевышний, мы этим недовольны).

Как показало исследование, ценностная составляющая концепта ХАРАМ шире, чем в понятиях обыденного запрета или табу. По крайней мере, в мусульманском сознании «харам» — многокомпонентное понятие, в котором объединены святость и грех, запрет и оберег, зло и добро. Дифференциация дозволенного — недозволенного и соблюдение запретов имеют такую значимость в исламе, что тот, кто отрицает «халяль» и «харам» или не разделяет и не различает их, может впасть в неверие (*куфр*): авар. *хIалал-хIарам жубараб, жасхIада-хIусуд гIемераб, гIадамал щайтIанлъараб ахир заманайила* [Али-хаджи из Инхо, 2013, с. 87] (Последнее время, когда смешались дозволенное и недозволенное, увеличилась зависть, люди уподобились сатане).

3.3. Репрезентанты концепта ХАРАМ

Репрезентантами концепта ХАРАМ в русской лингвокультуре, как указывают справочники, признаются, помимо одноименной заимствованной

лексемы, имеющей определенные ограничения в сферах употребления, лексемы *грех*, *вина*, *проступок* [СС, 2013], при этом, как ни удивительно, лексема *запрет*, нейтрально относящаяся к экспликации религиозного либо нерелигиозного смысла, оказалась на периферии исследуемого концептуального поля. Анализ сочетаемостной интенции русского слова *харам* свидетельствует в пользу правомерности такого тезиса. В русскоязычном исламском дискурсе в ХАРАМ объективирован признак ‘нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний или правил’, а признак ‘запрет, запрещение нарушения’ представлен имплицитно. Например: *Тот покачал головой: — Харам. Посмотри, какой тут букет, какой вкус. — Нпиваться харам, я согласен, а кагор — это песня* (А. А. Ганиева. Вечер превращается в ночь, 2010) [НКРЯ].

Вербальными знаками изучаемого концепта в религиозном фрагменте аварской языковой картины мира, как показывает исследование, помимо ядерной лексемы *хIарам*, являются лексические единицы *хIакъ* и *мунагъ*. Относительно происхождения указанных единиц имеются достоверные сведения, что они заимствованы из арабского и персидского языков соответственно [СОАЯ, 2002]. Спецификой семантики лексемы *хIакъ* является наличие омонимичных параллелей: *хIакъ1*, *хIакъ2* и *хIакъ3*.

ХIакъ 1 1) грех; 2) вина, проступок, провинность; преступление.

ХIакъ 2 1) цена, стоимость; 2) плата, жалование; вознаграждение;

ХIакъ 3 истина, истинность; правдивость, правда; правота, справедливость [АРС, 2006, с. 1253].

Вместе с тем лексема *хIакъ 1* отличается наличием в семемах религиозного компонента, позволяющего данной лексеме входить в число репрезентантов концепта *ХАРАМ* в отличие от *хIакъ 2* и *хIакъ 3*.

Несмотря на то, что арабский этимон соответствует семантике аварской лексемы *хIакъ3* > араб. *خُ* — истинный, настоящий, подлинный; правильный, справедливый (например, иск, требование), в состав номинативного поля исследуемого концепта в аварском языке в качестве вербального оператора входит *хIакъ1*. Приведем несколько примеров: *Къваницида квалквадун, каранда рецтлун, Дун хIинкъизавуни хIакъ букIинариц?* [Али-хаджи из Инхо, 2013, с. 72] (Прикасясь к затылку, оседая на груди, разве не грех меня так пугать?); *ХIеж гъабиялдагъун бидул хIакъниги цогидал мазалималниги, ай гIадамазда гъоркъор руклунел хIакъал чуре», — абун гъабураб дугIаялъе ПIадегIанав Аллагъас жаваб гъабуна* [Аль-Чиркави, 2011, с. 248] (На молитву, сделанную во время хаджа о прощении кровного греха либо другого проступка, совершенно в отношении людей, Всевышний Аллах ответил (т. е. исполнил)). Обыденное сознание аварцев фиксирует эту семему в паремиях, к примеру,

Туркидул кири гъечӀеб, кочӀол хӀакъ гъечӀеб (Ни воздаяния за духовные оды, ни греха за песнопения» (о бесполезной деятельности)); *Баркала гъечӀеб кечӀ — кири гъечӀеб лаила* (Как песня без благодарности, что зикр (помянутое Всевышнего), лишенный воздаяния).

Замечено, что в духовных текстах на аварском языке широко используются дериваты указанной лексемы: прил. *хӀакъаб* — истинный, правильный, справедливый (*хӀакъаб рагӀи*); нареч. *хӀакъӀунго* — воистину, поистине; *хӀакъикъ* — жертвенная овца (в честь рождения ребёнка); нареч. *хӀакъикъаталда* — в действительности, действительно, в самом деле, вправду; прил. *хӀакъира/б* — презренный, подлый, ничтожный; жалкий; глаг. *хӀакъӀызе* — 1) удостоверяться, удостовериться в чём-либо, 2) заслужить; *гӀазаб хӀакъӀызе* — заслужить муки и т. п.; *хӀакъӀы* — 1) масд. гл. *хӀакъӀызе*; 2) подтверждение, достоверность, истина.

Примечательно, что деривационную продуктивность имеют лексемы *хӀакъ 2* и *хӀакъ 3*, не являющиеся вербальными операторами концепта *ХАРАМ*. Аварская лексема-репрезентант *мунагъ* имеет достаточно продуктивный деривационный потенциал: *мунагъ ккезе* — согрешить, провиниться; *мунагъгаздаса вацӀцӀалъызе / мунагъал чуризе* — очиститься от грехов / смыть грехи; прил. *мунагъаб* — грешный; виновный; сущ. *мунапикъ* — лицемер; грешник. В аварском религиозном сознании есть собирательное понятие, репрезентируемое посредством сложных лексем *хӀакъ-мунагъ* ‘грехи; грехопадение’; *мунагъ-гъалатал* ‘грехи, ошибки’ [АРС, 2006, с. 1255]. *Нилъеца гъарурал мунагъ-гъалатӀал, Тласан гӀор аниги рацӀцӀалъуларо* [Расулов, 2022, с. 146] (Совершенные нами грехи, ошибки не смоятся даже рекой полноводной).

Если *хӀакъ 1* как вербальный оператор концепта *ХӀарам*, обозначая ‘факт нарушения канонов, правил’, обладает ограниченной функциональностью (только сакральная сфера употребления); то лексема *мунагъ* прошла десакрализацию и употребляется в нерелигиозных текстах, об этом свидетельствуют многочисленный материал фразеологического и паремиологического фондов языка, использование его в текстах художественной литературы, в публицистике и разговорной речи в значении ‘плохой поступок’. Например: *Хилла-макру машгъурлӀун, мунагъ гъаби гъарзалӀун, Гьерсил калам камиллӀун, камилаб жо батӀуллӀун* [Ордашов. Лирика] (Открылись коварство и обман, умножились грехи, высот достигают лживые речи, правдивость объявляется ложью); *Бутан ккола, бутан ккола, бихьчӀеб жо мунагъ ккола* (Народная песня) (Наговор получается, наговор получается, неувиденное в грех превращается). *Мунагъго гъечӀей яс злагъулаго, чӀужуго швечӀого хутӀаравила* [Алиханов, 2019] (В поисках идеальной невесты останешься вообще без жены).

Заметим, что в аварском религиозном сознании *хIакъ I* представляет «нарушение религиозно-нравственных предписаний» как результат совершенного действия, а не как сам процесс (*хIакъ батизе* — букв. «грех находить», *хIакъ букIине* — «грех быть / наличествовать»), при этом данная лексема имеет ограничения в сочетаниях с базовым глаголом делания *гъабизе*), тогда как *мунагъ* репрезентирует а) ‘совершение запретного Богом (как само действие)’ (*мунагъ гъабизе* — совершать грех = грешить); б) ‘нарушение религиозно-нравственных предписаний’ (*гъабат гъаби бусурманчIае кIудIаь мунагълъун рикIкIуна* — сплетничать для мусульманина считается большим грехом; *мунагъал чураги досул* — да смоятся его грехи). Еще одно существенное различие в семантизации указанных лексем: в толковании *мунагъ* представлен компонент ‘вина’, сама лексема может в контексте заменять лексему *гIайиб*, тогда как в семантике лексемы *хIакъ* не представлен указанный компонент.

ГIайиб ккезе — *мунагъ ккезе* ‘провиниться, согрешить (букв. «вина получить»)’; *гIайиб гъечIев* — *мунагъ гъечIев* ‘не имеющий вины = безвинный; не имеющий греха = безгрешный’.

В семантике лексем-идентификаторов *харам / хIарам* имплицитно представлен признак ‘наказание’, инициированный компонентом ‘вина’ [Панова, 2000]. Вместе с тем надо заметить, в лингвистической литературе давно определено инвариантное толкование сакрального понятия «грех»: «для человека, живущего в Боге и понимающего, что действия типа А — плохие, а действия типа В — хорошие, потому что Бог определил, что А — плохо, а В — хорошо, [грех — это] совершение А и несовершение В, в результате чего человек становится виноватым перед Богом и перестает жить в Боге» [Там же, с. 171].

Если для православно-христианского сознания формула «жить в Боге» (ср. с «жить с Богом», по А. Вежицкой) вполне приемлема, то в исламском религиозном сознании аналогичный оборот речи недопустим по каноническим соображениям. Имея ввиду благочестивого человека, мусульманин скажет на русском: «*жить с Аллахом [в сердце]*», «с именем Аллаха [*на устах и в сердце]*», но не * «*жить в Аллахе]*»; авар. *РекIель Аллагъ ккурав* (с Аллахом в сердце); *Аллагъасде вуссарав* (букв. «обращенный / повернутый к Аллаху») и др. Толкуя сущность сакральной семемы *грех / мунагъ*, отметим одну особенность контекстной реализации признака «потеря довольства Бога [из-за ослушания; совершения запретного перед Всевышним]»: в исламском дискурсе приемлема речевая форма рус. «потеря довольства Аллаха» (ибо сущность поклонения мусульманина в стремлении к Его довольству); тождественна ей формула в авар. *Аллагъ разилги; Аллагъ разилгъуларев гIамал-хасият*: «“*Астагъфируллагъ Аллагъ, гъаб кара-*

мат дир мурад горо, мурад буго *глицлцго* Мун лъай, Мун **разилъи**”, — ян» [Аль-Чиркави, 2011, с. 42] (Прости Аллах, этот дар не по моему желанию, моя цель лишь Твое довольство).

Любое понятие греха, отступления от законов Бога / Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за виновность перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля ХАРАМ представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамихI* [гъабизе], *къисас*, *гъазаб*, *жаза*.

Если «для русского православного сознания различаются два наказания: во-первых, немедленное, при жизни, и во-вторых, после смерти, за грехи, в которых человек не раскаялся» [Панова, 2000, с. 173], то для исламского миропонимания за совершение *харама* существует три наказания:

— наказание при жизни: *Аллах в Коране говорит (смысл): Зло, несчастье, беды и смута появляются на суше и на море по причине того, что люди совершают своими руками, и эти беды обрушатся на них для того, чтобы они вкусили часть того, что сами натворили* [Исламский портал]. Здесь речь идет о бедах как возмездии, каре за совершенный *харама* с целью покаяния и обращения к праведной жизни;

— наказание в могиле (могильные муки: допрос в могиле, сжатие могилы и др.);

— наказание в Судный день: *Къиямасеб къоялъул къварилъабири цун, Къойилго гаргадулин Къуръанальул аятал* [Али-хаджи из Инхо, 2013, с. 68] (О страшных муках Судного дня молвит каждый аят Корана).

Страх за возмездие Всевышнего является для праведного мусульманина мотивацией к отказу от запретного, ибо Коран и Сунна — образ его жизни: *Нуже ПадегIланав Аллагъасдасаги хIинкъа гъеб кванайзе, нужго Аллагъасул ццин бахъиналдасаги гъазабалдасаги цIунараллгун хутIизе. Гъеб мехалда лъала гъезда дунялалда жездецаго гъабурабги, гъелдалгун буклине бугеб ахир гъечлеб гъазаб-гъакъобаги* [Аль-Чиркави, 2011, с. 382] (Вы бойтесь Всевышнего Аллаха употреблять запретное, остерегайтесь гнева Аллаха, чтобы уберечь себя от адских мук. Тогда поймут все, какие грехи они совершили, тогда будет им бесконечное наказание). *Гъелда рекъон ахираталда жиндие жаза гъабизе буклинги*. [Исламский портал] (Соответственно, в загробном мире мучения ожидают каждого грешника).

3.4. Моделирование концепта ХАРАМ в сопоставляемых лингвокультурах (фреймовый анализ)

Как было отмечено, структура исследуемого религиозного концепта многокомпонентна, многоаспектна и может называться фреймом. Согласно мнению Н. Н. Болдырева, фрейм представлен в качестве одного из типов концептов наряду с конкретно-чувственным образом, представ-

лением, схемой, понятием, прототипом, пропозициональной структурой, сценарием (скриптом) и гештальтом [Болдырев, 2001, с. 35]. В концепции М. Минского фрейм представляется в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними. «Верхние уровни» фрейма, образованные справедливыми по отношению к подразумеваемой ситуации понятиями, всегда четко определены. На более низких уровнях располагаются особые вершины-терминалы, или «ячейки» («слоты»), которые должны быть заполнены характерными примерами или данными [Минский, 1979]. Под слотом мы понимаем составляющую фрейма, характеризующую некоторое свойство или связь описываемого фреймом понятия или объекта. Фрейм как форму когнитивной структуры, состоящую из субфреймов (определенных признаков фрейма) и слотов — ячеек (вершинных и терминальных), невозможно описать без привлечения тех или иных внеязыковых знаний. Инвариантная ситуация, описываемая фреймом ХАРАМ, сводится к схеме «запрет > проступок (вина) > наказание».

Определим круг тех смыслов, которые образуют ядро концепта ХАРАМ в сопоставляемых языках. Фрейм включает следующие концептуальные признаки:

- «Поступки и качества (человека), находящиеся под запретом»;
- «Запрещенные для употребления предметы и вещества»;
- «Заповедные (охраняемые) от «плохого» локации»;
- «Запреты, налагаемые на паломника во время Хаджа».

Сопоставление русскоязычных и аварязычных контекстов реализации признака «Поступки и качества (человека), находящиеся под запретом» внутри анализируемого фрейма свидетельствует об их эквивалентности:

Рус. *Что дурно, вредно и является харамом (грехом)* ([Есть ответы] Ваши вопросы от 25.01.1994 // Аргументы и факты, 1994.01) [НКРЯ]. *Чтобы избавить паству от сомнений в правомерности своего решения, в Духовном управлении мусульман напомнили о постулате, принятом в 1989 году Всемирной исламской лигой, согласно которому смена пола как мужжиной, так и женщиной считается «харамом», то есть запретным действием* (А. Сейидов. Положить конец // lenta.ru, 2017.04) [Там же]. *Прапорщик вспомнил, что к запретам — **хараму** — относится и табакокурение, употребление наркотиков, что нарушителей или тех, у кого начинались «ломки», били палками, спасая братьев по иман — вере, единобожию* (В. Черкасов. Черный ящик, 2000) [Там же].

Авар. *Техьаль **хIарам** гьарурал тIолго мунагъздаса, Анкъабго лага цIунун хъаравуллъун вукIина* [Али-хаджи из Инхо, 2013] (Стану стражем соблюдения правил, оберегая себя от запретов священного Писания). *Цой-*

зи *хАдисалда абулеб буго Аварагас: Рияляте Ғоло Ғлибадат ғыабулев чиясе Алжан хАрамаб буго* [Аль-Чиркави, 2010, с. 187] (В другом хадисе Пророк говорит: тому, кто поклоняется Всевышнему с целью показухи, Всевышний сделает запретным Рай). Данный субфрейм обладает следующей конфигурацией слотов: вершинными слотами выступают «Субъект», «Причина», «Результат», терминальным — «Степень тяжести последствия».

Слот «Субъект» активирует информацию об одушевленном субъекте (человеке), исповедующем ислам, — мусульманине, может быть выражен имплицитно либо эксплицитно. Слот «Причина» активирует информацию о действии, поведении или определенных качествах субъекта, приводящих к негативному (по канонам исламского права) результату: *(совершение) харама; табакокурение, употребление наркотиков, пропуск молитвы; смена пола как мужчиной, так и женщиной; заниматься ростовщицеством (риба) и др.; авар. рияляте Ғоло Ғлибадат ғыабулев; ғыбат, ғыереси бицин, мацI ғыабиғун мун ғыеди, хАрамалде балағы ва цойғидаб.*

Слот «Результат» является обязательным компонентом, так как «греховное действие, поведение субъекта» влечет за собой наказание: *адская геена, адский огонь, ядовитые плоды; Алжан хАрамаб буго* (букв. «Рай запрещен»). Терминальный слот может обозначать «Степень тяжести последствия», этот компонент необязателен: *бицун рихараб* — самое ненавистное, вызывающее отвращение, *хадуб рихараб* — второе / последующее ненавистное; *цo хлакь* — один грех, *нусго хлакь* — сто грехов.

В религиозном сознании мусульманина релевантным является сам факт наличия ХАРАМ, без уточнения «каково наказание», ибо «*грех* > *запрет*», а «*нарушение запрета* > *гнев Аллаха* > *наказание*». Степень тяжести наказания определяется шариатом согласно предписаниям священного Писания и в зависимости от принадлежности к правовой школе (масахабу). К примеру, для исповедующих ханафитский масхаб *конина* — *харама*, для представителей шафиитского — *халяль*.

Как уже отмечалось, в религиозном сознании мусульманина, согласно канонам религии, ХАРАМ распространяется на духовно-нравственную сферу человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения; религия вычленяет такие пороки человеческой сущности, как высокомерие, гордыня, лживость, любовь к сплетням и клевете [Магомедова и др., 2022, с. 38].

Для примера обратимся к идее порочности гордыни, согласно исламской картине мира относящейся к качествам в категории ХАРАМ: *...Из них [порочных качеств] — гордыня и высокомерие перед людьми. Пророк сказал: «Кто проявит высокомерие, того Аллах принизит, а кто проявит смирение, того Аллах возвысит»* [Аль-Газали, 2011, с. 219]. Сравним

с православно-христианской картиной мира: *В Евангелии от Марка (см. Мк. 7, 21—23) гордость указывается среди 12 злых помыслов, которые «изнутри, из сердца человеческого, исходят»* [Православие: словарь-справочник, 2009]. Запретность указанного качества в связи с его порочностью (Гордость — качество дьявола) зафиксировано не только в религиозном дискурсе языков, но и в обыденном сознании этноса через паремиологический пласт лингвокультуры: рус. *Сатана гордился, с неба свалился; В убогой гордости дьяволу утеха; Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать* [Даль, 1989]; авар. *Гладмасул квелишти — гIамал кIодолги, гIакдал квелишти — рахь биччангутIи* (Плохое качество человека — высокомерие, плохое качество коровы — то, что молоко не дает); *Живго — гIодов, хиялал — зодор* (Сам на земле, мысли в небесах), *Дурго рагIад кIодолгун бихъуге* (Не считай свою тень огромной, величественной) и т. п., подробнее в работе [Магомедова и др., 2022].

Концептуальный признак «Запрещенные для использования / употребления предметы и вещества» в содержании фрейма ХАРАМ покрывает ядерную зону поля. Существует мнение, что *харам* как языковая единица употребляется в основном по отношению к запрещенным шариатом продуктам питания, напиткам. Заметим, словарь фиксирует в дефиниции лексемы *хIарам* лексико-семантический вариант: «перен. выпить (спиртное)» [АРС, 2006, с. 1268], например, *Чагъир, гIаракъи хIалтIуда гъекъолел камуларо, киниги гъеб цIакъ кIудияб мунагъ. буго Аллагъас хIарам гъабураб* [Расулов, 2022, с. 189] (Поппадаются те, кто вино, водку на работе употребляют, ведь это большой грех под запретом Аллагъа); *ХIарамаб мал кванайги — жужахIалгъул цIа кванай буго* [Аль-Чиркави, 2010, с. 209] (Есть запретное означает есть адский огонь); рус. *Кто оденет одежду, приобретенную за десять дирхамов, и из них хоть один дирхам — харам, Аллах не примет его молитву, пока эта одежда на нем. Каждый кусок харама оставляет на сердце черное пятно, нанося богослужению вред...* [Жемчужины мысли, 2010, с. 56].

Анализируемое значение можно представить внутри фрейма вершинными слотами «Субъект», «Причина», «Результат» и терминальным слотом «Время».

«Субъект» — обобщенный образ мусульманина / мусульманки — выражен либо имплицитно, либо эксплицитно отдельными лексемами. Слот «Причина» заполняется информацией об использовании / употреблении субъектом запретных / греховных продуктов, пищи, питья, имуществом, музыкой и развлечениями: *кванаге «Бисмиллагъ» бахъичIого хъураб жо; капурго хвараб жо кванай* (не ешьте мяса животных, заколотых без произведения «бисмиллях», оно подобно употреблению мертвечины); *хIарамаб*

боцИи-малги бакIарулеб (запретное имущество собирающий); *хIарамаб мал кванайги* (есть запретное = недозволенное) и др.

Слот «Результат» заполняется информацией о последствии, которое влечет за собой употребление запретной еды и питья, а также приобретение и расходование запретного имущества: *магIсият; ПIадегIанав Алла-гьасе мутИигIльиялдаса вахъи* (грех и неповиновение Всевышнему Аллаху); *жузжахIалъул цIул* (дрова / топливо для Ада); *Аллах не примет молитву; оставляет на сердце черное пятно, нанося богослужению вред; Аллах зальёт расплавленный свинец в уши.*

Важно отметить, что ислам убеждает верующих остерегаться запретного не только угрозами наказания, но и обещанием вознаграждения за воздержание от *харам*. Ярко представлена такая коннотация в следующих примерах: авар. *Баркат бугей лъади къавуль йикIиналъ, факъроги тIаса ун, бечелъанила, азарго хIарамаб диргъам нахъчIвайдал хIалалаб аницI-азар тIаде къунила* [Аль-Чиркави, 2011, с. 145] (Благодаря супруге-добродетели, он, отвергнув запретные тысячи дирхамов, разбогател, получив благодатные (дозволенные) десять тысяч дирхамов); рус. *Остерегайся употреблять запрещенное (Харам), и примет Аллах твою мольбу* [Ислам ..., 2015]; *Кто съест кусок харам, тот испытает тяжесть в богослужении, кто примет халал, тому богослужение будет удаваться легко* [Жемчужины мысли ..., 2010, с. 31].

Слот «Время» активизирует информацию о периоде, на протяжении которого субъект взаимодействует с запретным.

В структуре фрейма ХАРАМ наличествует признак «запреты для паломников», который реализуется как запрет мусульманину на ряд действий в период совершения Хаджа / Умра (дозволенных в обычной жизни). К ним относятся, например, надевание или накидывание (мужчинами) чего-либо сшитого: рубашки, брюк; надевание (мужчинами) на голову чего-либо: шапки, платка; удаление волос, ногтей; использование ароматов и др.; охота, уничтожение животных и растений на территории совершения Хаджа; совершение бракосочетания, половая близость и т. п.: *Совершение запрещенных действий является греховным, а за отдельные действия портится и Хадж. За это паломник подвергается разным видам штрафа. Старайтесь же не нарушать, и если нарушили тот или иной запрет, то немедленно обратитесь к алиму (богослову) и как можно быстрее исправьте создавшееся положение* [Магомедов, 2011, с. 72].

ХIаж бухъараб мехалъ хIарамлъулел жал,

Вореги гъаруге, гъездаса цIуне!

Бокъун гъабунани — мунагъ хъвалебин,

ЛъачIого гъабуни — гIакIа кколебин.

Бокъун ретлел ретли, гъуин махI гъаби, ХIаракат цIакъ гъабе, диналь-ул вацал. Падал жал хутIани гIакIа кколебин [Али-хаджи из Инхо, 2013, с. 135] (Старайтесь братья по вере, намеренно не надевать одежду, не использовать благовония, не допускайте ошибки, иначе наказание ожидает).

Данный концептуальный признак в русскоязычных текстах реализуется чаще всего в формуле «запреты для паломников» через употребление русских лексем *запрет*, *запрещать* без привлечения лексемы *харам*. Например: *После этого снимаются все запреты, налагаемые на паломника, за исключением запрета на совокупление, а после совершения третьего обряда происходит второй выход из состояния ихрама, после чего снимаются все запреты* [Аль-Газали, 2011, с. 378]; *По словам Рината Исхакова, во время хаджа запрещается причинять вред или боль всему живому (животным, насекомым, растениям, людям), запрещены сексуальные отношения и все, что им предшествует, нельзя стричься, бриться, использовать различные благовония, носить драгоценности и украшения, курить. Если происходит нарушение какого-либо пункта, то хадж можно считать несовершенным и недействительным* [Риа новости ..., 2022]. Специфика данного концептуального признака в ограниченности его реализаций рамками сакральной сферы.

Концептуальный признак «заповедные территории» вербализуется при упоминаниях священных мест, на территории которых действуют определенные запреты. Главные святыни мусульман — Кааба с построенной вокруг неё Масжидуль Харам (Заповедная мечеть) и Масджид-ан-Наби (мечеть Пророка). Запретными эти территории сделал еще пророк Мухаммад. Священными исламскими городами являются Мекка и Медина, их называют *Харамом* — запретными территориями, так как на них действует определенный свод законов и правил. В исследуемых языках широко употребляются контексты с реализацией указанного значения: авар. *Хирав ХIабиб вугеб ХIарамалъул ракъ, дуда хIетIе чIедал дун хIайранлъана* [Али-хаджи из Инхо, 2013] (О, Заповедная земля, [хранящая] дорогого сердцу любимца [Всевышнего], как же я очарован, вступая на тебя); *Пилмудул хIур чIараб ХIарамалъул ракъ, рокъи духъ гъабула гъанивги вукIун* [Аль-Чиркави, 2011, с. 367] (О Заповедная земля наук, находясь здесь [вдали], я сердцем с тобой); рус. *Пророк ответил, что не будет грозить опасность тому, кто будет находиться в доме Абу Суфьяна, и тем, кто закрылись в своих домах, и людям, которые зашли в мечеть аль-Харам* [Основы религии и жизнеописание Пророка Мухаммада, 2006, с. 47]; *Аль-Маш'ар аль-Харам — гора на окраине Муздалифы* [Аль-Газали, 2011, с. 80].

Вместе с тем нельзя не отметить, что в аварской лингвокультуре широко распространен процесс десакрализации *харам* в отличие от русской

лингвокультуры: *Бице, щай рихарал нужедаго нуже?! Щай хIарам гьабубеб эбелалгьул рахь?* [Журнал «Дружба»] (Расскажите, почему вы ненавидите сами себя? Почему (букв. «делаете запретным материнское молоко») проклинаете себя).

Гьаб ВатIан цIуничиЕв магIаруллесе МагIарул васасул цIар хIарамлгьула.

Гьал мугIрул рихарав бахIарчиясе Чохьол эбелалгьул рахь хIарамлгьула [Журнал «Дружба»] (Тот, кто Отчизну не защищает, имени горца не достоин (букв. «имя горца запретно»), Молодцу, кому противны эти горы, родной матери молоко запретно (в знач. 'родная мать прокляла')); *Мун вижарав росу хIарам лгьеги дуй!* (Пусть родное село, где ты вырос, (букв. «тебе запретным будет») проклянет, изгонит тебя!). Часто используются образы *хIарам гьабизе; рахь хIарамлгьизе; квен хIарамлгьизе* в нерелигиозном дискурсе, в качестве экспликации проклятий, ругательства. Процесс десакрализации семантики ХАРАМ в аварской лингвокультуре представлен динамическим процессом закрепления в значении лексемы-репрезентанта нерелигиозного компонента смысла и актуализацией его в результате регулярного употребления.

Анализ лексикографических справочников, притом как русскоязычных, так авароязычных показал, что лексикографы в словарных статьях учитывают не все концептуальные признаки исследованных репрезентантов, в частности, в толковании лексемы *харам* в различных словарях представлен признак 'грех, вина, проступок', но не 'запрет на что-либо, запрещенные действие или явления'.

4. Заключение = Conclusions

В данном исследовании нами были рассмотрены актуальные с позиций востребованности и малоизученности проблемы семантико-когнитивного моделирования фрагмента религиозной картины мира на материале концепта ХАРАМ / ХIАРАМ, квалифицируемого как релевантная для религиозного сознания мусульман мировоззренческая и ценностно-познавательная константа. При этом выявлены определенные сущностные признаки данного концепта, структурно-содержательные сходства и различия в отражении и закреплении в сопоставляемых языках определенного религиозного содержания, что позволяет построить адекватную инвариантную модель исследуемого концепта для каждого из сопоставляемых языков.

Сопоставление содержания исследуемого концепта в аварской и русской лингвокультурах позволило сделать некоторые обобщения.

(1) Концепт ХАРАМ, отражающий ключевые понятия и реалии религиозной (исламской) картины мира, представлен в системе каждого из сопоставляемых (русского и аварского) языков. Он представляет собой

понятие, обладающее многоуровневой структурой, что создает трудности при вычислении модели исследуемого концепта. ХАРАМ описан в рамках традиционной теории концептов, согласно которой он имеет понятийное, образное и ценностное измерения [Воркачев, 2001; Демьянков, 2001; Карасик, 2004] в сопоставляемых языках.

(2) Концепт-фрейм ХАРАМ включает следующие признаки: 1) поступки и качества (человека), находящиеся под запретом; 2) запрещенные для употребления предметы и вещества; 3) заповедные (охраняемые) от «плохого» локации; 4) запреты, налагаемые на паломника во время Хаджа. Внутри фрейма ХАРАМ выделяются субфреймы, обладающие определенной конфигурацией слотов: вершинными слотами являются «Субъект», «Причина», «Результат» и терминальными — «Степень тяжести последствия», «Время».

(3) Понятийный компонент религиозного (исламского) концепта ХАРАМ, как показало исследование, обнаруживает сходства в сопоставляемых лингвокультурах: обобщенная семантическая модель ХАРАМ представлена обязательным компонентом с негативной коннотацией «все, что плохо / зло / грех > запрещено» [на определенные действия, поступки, предметы и явления] и факультативным компонентом с позитивной коннотацией: «заповедное место, запретная [для всего плохого] территория», «священное / неприкасаемое место».

(4) Как показало исследование, ценностная составляющая концепта ХАРАМ шире, чем в понятиях обыденного *запрета* или *табу*. По крайней мере, в мусульманском сознании «харам» — многокомпонентное понятие, в котором объединены святость и грех, запрет и оберег, зло и добро. Такая амбивалентность семантики *харам* обнаруживается еще в далеком прошлом: общесемитские корни прослеживаются в анализируемом имени концепта: ср. *херем* — (др.-евр.) анафема (проклятие и отлучение) в иудаизме [НСИС, 2009]. В более старом понимании слово значит ‘запрет на что-либо по причине драгоценности, священности, или причине порочности, зла’.

В русскоязычном исламском дискурсе в ХАРАМ объективирован признак «нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний или правил (грех)», а признак «запрет, запрещение нарушения» представлен имплицитно; в аварском языке, наоборот: концептуальный признак «запрет, запрещение нарушения» выражен эксплицитно, признак «грех, проступок» — имплицитен.

Любое понятие греха, отступления от законов Бога / Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за виновность перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля ХАРАМ

представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамихI [гъабизе], къясас, гIазаб, жаза*.

Инвариантная ситуация, описываемая фреймом ХАРАМ: рус. «грех; проступок > вина > наказание»; авар. «запрет > проступок (вина) > наказание».

(5) Процесс десакрализации семантики ХАРАМ, выявленный в аварской лингвокультуре (духовные тексты, пословичный фонд, народные формулы проклятий), представлен динамическим процессом закрепления в значении лексемы-репрезентанта нерелигиозного компонента смысла и актуализации его в результате регулярного его употребления.

Толкование религиозных концептов предполагает использование комплекса процедур в рамках лингвосемиотического, лингвокультурологического и теоконцептуального подходов в исследовании языковых явлений.

Вопрос о перспективности, востребованности и необходимости дальнейшего исследования исламского дискурса в силу доминирующей и определяющей роли религиозной коммуникации в контексте жизнедеятельности человека и общества в целом тесно связан с проблемами духовной и информационной безопасности этого общества и личности в нем.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Али-заде А.* Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. — Москва : Ансар, 2007. — 400 с. — ISBN 5-98443-025-8.
2. *Али-хаджи из Инхо.* Произведения (на авар.яз.) / Али-хаджи из Инхо. — Махачкала : Библиотека Рисалат, 2013. — 430 с. — ISBN 978-5-91431-048-3.
3. *Алиханов З. М.* Аварские народные пословицы и поговорки / З. М. Алиханов. — Махачкала : Дагучпедгиз, 2019. — 330 с.
4. *Аль-Газали М.* Возрождение религиозных наук. В десяти томах. 1-е изд. — М. Аль-Газали. — Махачкала : Нуруль-иршад, 2011. — 460 с. — ISBN 978-5-903593-14-9.
5. *Аль-Мунтахаб фи тафсир аль-Куран аль-Карим.* Министерство Вакуфов Египта / Аль-Мунтахаб фи тафсир аль-Куран аль-Карим. — Каир : [б. и.], 2000. — 426 с. — ISBN 5-94824-011-8.
6. *Аль-Чиркави С.* Сокровищница благодатных знаний / С. Аль-Чиркави ; Пер. с аварского языка книги досточтимого шейха Саида-афанди «Маджму'ату-ль-фавâид». — Махачкала : Нуруль-иршад, 2010. — 475 с. — ISBN 978-5-903593-17-0.
7. *Аль-Чиркави С.* Танбигу-ль-ГIавам ила дагIвати-ль-Къуръан : Побуждение внять призыву Корана. В четырех томах. 1-е издание / С. Аль-Чиркави. — Махачкала : Нуруль-иршад, 2011. — Т. 4. — 491 с. (на авар.яз.). — ISBN 978-5-903593-02-6.
8. *АРС — Аварско-русский словарь / под редакцией М. М. Гимбатова.* — Махачкала : ДНЦ РАН, 2006. — 2096 с. — ISBN 5-94434-023-1.

9. Баранов К. Х. Большой арабско-русский словарь : в 2-х т. 11-е изд. стереотип / К. Х. Баранов. — Москва : Живой язык, 2006. — 456 с. — ISBN 5-8033-0371-2.
10. Газета «Ас-салам» (на авар.яз.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://as-salam.ru/storage/pdfach/462/462_2.pdf (дата обращения 02.12.2022).
11. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х томах / В. И. Даль. — Москва : Художественная литература, 1989. — 433 с.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2-х томах / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Т. I. — 1222 с. ; Т. II. — 1088 с. — ISBN 5-200-02802-7.
13. Жемчужины мысли. — Махачкала : Благотворительный фонд «Путь», 2010. — 334 с.
14. Журнал «Дружба» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://admin.litdag.ru/sites/default/files/media/journal/files/202101/avarskiy.lit_zhurnal_no42017_g.pdf (дата обращения 04.12.2022).
15. Журнал «Ислам». — Москва : Алмаз-Пресс, 2015. — 80 с.
16. Ислам : Энциклопедический словарь / Ред. С. М. Прозоров. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 315 с.
17. Исламский портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://islam.ru/> (дата обращения 07.12.2022).
18. Мавлид [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://teksti-pesen.pro/12/mavlid/tekst-pesni-grDylym> (дата обращения 09.12.2022).
19. Магомедов А. Мекка, Медина — Зияраты / А. Магомедов. — Махачкала : Благотворительный фонд «Путь», 2011. — 105 с.
20. Махмуд из Кахаб-росо. Избранное [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.chitalnya.ru/work/153958> (дата обращения 09.11.2022).
21. Мусульманин... — Мусульманин и его личность в свете Корана и Сунны / Сост., пер. с араб., перераб., прим. Е. Сорокоумовой. — Москва : Умма, 2012. — 576 с.
22. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 23.11.2022).
23. НСИС — Новый словарь иностранных слов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-new/index.htm> (дата обращения 23.11.2022).
24. Основные 10 правил ХАЛЯЛЯ И ХАРАМ. Исламский журнал UMMA [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ummamag.kg/ru/articles/education/1130_osnovnye_10_pravil_halyalya_i_haram (дата обращения 24.11.2022).
25. Основы религии и жизнеописание Пророка Мухаммада. — Махачкала : Отдел исламского просвещения ДУМД, 2006. — 312 с.
26. Православие : словарь-справочник [Электронный ресурс]. — Москва : Дар, 2009.. — Режим доступа : http://in.prihod.ru/users/20/1101420/editor_files/file/Slovar_spravochnik.pdf (дата обращения 25.11.2022).
27. Расулов А. Р. У времени в плену / А. Р. Расулов // Повести и рассказы. — Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 2022. — 344 с.
28. Риа Новости. Хадж : история возникновения, правила и запреты [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ria.ru/20220705/khadzh-1800471339.html> (дата обращения 25.11.2022).
29. Складневская Г. Н. О статусе религиозного языка в современном русском языке. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред.

Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2018. — 856 с. — ISBN 978-5-94244-066-4.

30. СОАЯ — *Словарь* ориентализмов в аварском языке / сост. К. Г. Халиков, И. И. Эфендиев. — Махачкала. 2002. — 121 с.

31. СС — *Словарь синонимов* [Электронный ресурс] / сост. В. Н. Тришин. — Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения 27.11.2022).

32. *Тафси́р* Корана. 5-ое изд-е. — Аль-Ашбал, 2015. — 706 с. (на авар.)

Литература

1. *Абдулжалилов И. Г.* Функциональные особенности арабских элементов в современном литературном аварском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / И. Г. Абдулжалилов. — Махачкала, 2002. — 217 с.

2. *Александрова О. И.* Особенности употребления и перевода лексики ислама в русскоязычных и англоязычных новостных текстах / О. И. Александрова, Е. В. Захарова // Вестник РУДН, серия Лингвистика. — 2013. — № 1. — С. 37—42.

3. *Анисимова Е. Е.* Об аспектах изучения религиозного дискурса в отечественной лингвистике / Е. Е. Анисимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — Выпуск 9 (851). — С. 71—84. — DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_71.

4. *Бугаева И. В.* Изучение языка религии / И. В. Бугаева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2021. — № 4. — С. 162—174.

5. *Бугаева И. В.* Теолингвистика: теология + лингвистика? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.ejournals.eu/pliki/art/6688/> (дата обращения 27.11.2022).

6. *Бувевич А. А.* Взаимоотношение языка и религии сквозь призму духовно-религиозного кода русской лингвокультуры / А. А. Бувевич // Метафизика. — 2016. — № 4 (22). — С. 111—122.

7. *Бусель А. А.* Специфика религиозного стиля русского литературного языка на современном этапе / А. А. Бусель // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 2. — С. 200—205.

8. *Васильева Ю. П.* Категория запрета в гуманитарном научном дискурсе / Ю. П. Васильева // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2011. — № 1 (69). Ч. 2. — С. 26—31.

9. *Гадомский А. К.* Русская теолингвистика : история, основные направления исследований / А. К. Гадомский // Стил. — 2010. — № 9. — С. 357—374.

10. *Галиева М. Р.* Религиозное сознание в языковой картине мира / М. Р. Галиева // Вестник МГЛУ. — 2015. — Выпуск 5 (716). — С. 36—46.

11. *Ицкович Т. В.* Феномен многогочия в религиозной интернет-коммуникации / Т. В. Ицкович // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 8 (38) : в 2-х ч. Ч. I. — С. 91—94.

12. *Кангиева А. М.* Суфийская коммуникативистика как «Алхимия души» (на примере источников Крымского Ханства) / А. М. Кангиева // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры : сборник научных трудов. — Симферополь : Медиа-центр им. Гаспринского, 2020. — Выпуск 9. — С. 54—64.

13. *Киквидзе И. Д.* Сопоставительная теолингвистика : предмет и цели исследования / И. Д. Киквидзе // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2 (68). — С. 115—118.

14. *Козырева М. К.* Исламский мир в лингвокультурной картине мира / М. К. Козырева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2016. — № 28 (249). — С. 48—62.

15. *Кончаревич К. К.* К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков) / К. К. Кончаревич // Достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков. — Белград : [б. и.], 2012. — С. 14—22.
16. *Кравченко Н. А.* К вопросу о статусе теолингвистики в современном языкознании / Н. А. Кравченко // Записки з романо-германської філології. — 2016. — Вип. 2. — С. 27—35.
17. *Кухарева Е. В.* Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Кухарева. — Москва, 2005. — с. 13.
18. *Магомедова П. А.* Религиозный (исламский) дискурс русского языка и социолингвистические аспекты языкового употребления / П. А. Магомедова // Международная научно-практическая конференция «Русский язык в полиэтнической среде и методика его преподавания : традиции и инновации». — Махачкала : ДГПУ, 2019. — С. 87—92. — ISBN 978-5-00128-342-3.
19. *Магомедова П. А.* К вопросу о репрезентации понятия ГУНАГЬ/ГРЕХ в лезгинском и русском языковом сознании / П. А. Магомедова, А. Будаева // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 3 (82). — С. 550—553.
20. *Магомедова П. А.* Исламский дискурс : проблема адекватности перевода религиозных текстов с арабского на русский / П. А. Магомедова, М. П. Гаджиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 1. — С. 178—185.
21. *Магомедова П. А.* Опыт концептуального анализа паремиологической картины разноструктурных языков : концептосфера «ПЛОХО») / П. А. Магомедова, А. А. Микаилова. — Махачкала : Алф, 2022. — 176 с.
22. *Марджани Ш.* Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / Ш. Марджани ; предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. — Казань : Татар. кн. изд-во. 2008. — 479 с. — ISBN 978-5-298-01712-1.
23. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия : Лекции по филологии и истории религий / Н. Б. Мечковская. — Москва : ФАИР, 1997. — 352 с. — ISBN 5-88641-097-X.
24. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. М. Кулакова. — Москва : Энергия, 1979. — 151 с.
25. *Найденова Н. С.* Современная лингвистика в постсекулярной перспективе / Н. С. Найденова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. — 2018. — Т. 22. — № 4. — С. 988—1000. — DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
26. *Наумкин В. В.* К вопросу о переводе некоторых сакральных мусульманских формул на русский язык / В. В. Наумкин // Минарет. — 2007. — № 4 (14). — Режим доступа : http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/14/naumkin.htm (дата обращения 28.11.2022).
27. *Панова Л. Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «ГРЕХ» и итальянского «РЕССАТО») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка : Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 167—177.
28. *Постовалова В. И.* Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) / В. И. Постовалова // Критика и семиотика. — 2014/2. — С. 127—148.
29. *Псху Р. В.* К постановке проблемы перевода арабоязычных текстов суфийской традиции / Р. В. Псху // Вопросы философии. — 2010. — № 12. — С. 15—24.

30. *Сахих аль-Бухари*. (Краткое изложение) / Перевод Владимира Абдаллы Нирша. 1-ое издание. В 2-х т. — Москва : Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. — Т. 1. — 472 с.
31. *Сибгатуллин А.* Исламский интернет / А. Сибгатуллин. — Москва — Нижний Новгород : Издательский дом «Медина», 2010. — 128 с.
32. *Тарасова Ф. Х.* Изучение исламского (русского) социолекта в социолингвистике / Ф. Х. Тарасова, Э. Р. Мухамеджанова // Современный мусульманский мир : электрон. журнал. — 2017. — № 2. — С. 1—9.
33. *Файзулина Э. Ф.* Духовное красноречие как род ораторского искусства / Э. Ф. Файзулина // Минбар. Исламские исследования. — 2017. — Т. 10. — № 4. — С. 246—250.
34. *Фаткуллина Ф. Г.* Переводы исламской теологической лексики на русский язык (на материале произведений А. Кадыри) / Ф. Г. Фаткуллина, И. А. Зубайдуллоев // Проблемы востоковедения. — 2020. — № 2 (88). — С. 64—69.
35. *Финкельберг Н. Д.* Арабский язык. Теория и технология перевода / Н. Д. Финкельберг. — Москва : Восточная книга, 2010. — 400 с. — ISBN 978-5-7873-0422-0.
36. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. — 222 с.
37. *Хабибуллина Г. Ю.* Осмысленность и ответственность в дискурсе ислама / Г. Ю. Хабибуллина // Ислам в современном мире. — 2020. — № 1. — С. 73—82. — DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-1-73-82.
38. *Gadomski A.* Teolingwistyka : historia, stan współczesny, perspektywy / A. Gadomski, Cz. Łapicz // Хрестоматия теолонгвистики || Chrestomatia teolingwistyki / ред. Гадомский А. К., Лапич Ч.). — Симферополь : Универсум, 2008. — С. 5—60.
39. *Noppen J.-P. van.* (ed.). Theolinguistics, (Studiereeks Tijdschrift Vrije Universiteit Brussel. Nieuwe Serie № 8). — Brussel : V.U.B., 1981.
40. *Wagner A.* Theolinguistik? — Theolinguistik! In : Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik. Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997. Hrsg. von Hans Otto Spillmann und Ingo Warnke / A. Wagner. — Frankfurt [u.a.] : PETER LANG Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1999. — S. 507—512.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2023,
одобрена после рецензирования 15.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.*

Material resources

- Al-Chirkawi, S. (2010). *Treasury of gracious knowledge*. Makhachkala: Nurul-irshad. 475 p. ISBN 978-5-903593-17-0. (In Russ.).
- Al-Chirkawi, S. (2011). *Tanbigyu-l-glavam ila dagIvati-l-Qur'an: The urge to heed the call of the Koran. In four volumes 4. 1st edition*. Makhachkala: Nurul irsha. 491 p. ISBN 978-5-903593-02-6. (In Avar.).
- Al-Ghazali, M. (2011). *The revival of religious sciences. In ten volumes. 1st ed.* Makhachkala: Nurul Irshad. 460 p. ISBN 978-5-903593-14-9. (In Russ.).
- Ali-hajji from Inho. (2013). *Works*. Makhachkala: Risalat Library. 430 p. ISBN 978-5-91431-048-3. (In Avar.).
- Alikhanov, Z. M. (2019). *Avar folk proverbs and sayings*. Makhachkala: Daguchpedgiz. 330 p. (In Russ.).

- Ali-zade, A. (2007). *Islamic Encyclopedic dictionary*. Moscow: Ansar. 400 p. ISBN 5-98443-025-8. (In Russ.).
- Al-Muntahab fi tafsir al-Quran al-Karim. (2000). *The Ministry of Waqfs of Egypt*. Cairo: [b. i.]. 426 p. ISBN 5-94824-011-8. (In Russ.).
- ARS — *Avar-Russian Dictionary*. (2006). MaKhachkala: DNC RAS. 2096 p. ISBN 5-94434-023-1. (In Russ.).
- Baranov, K. H. (2006). *Big Arabic-Russian dictionary: in 2 vols. 11th ed. Stereo-type*. Moscow: Zhivoy yazyk. 456 p. ISBN 5-8033-0371-2. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1989). *Proverbs of the Russian people. In 2 volumes*. Moscow: Fiction. 433 p. (In Russ.).
- Druzhba magazine. Available at: https://admin.litdag.ru/sites/default/files/media/journal/files/202101/avarskiy_lit_zhurnal_no42017_g.pdf (accessed 4.12.2022). (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language: explanatory and word-formation: in 2 volumes, I, II*. Moscow: Russian Language. 1222 p.; 1088 p. ISBN 5-200-02802-7. (In Russ.).
- Fundamentals of religion and the life of the Prophet Muhammad*. (2006). Makhachkala: Department of Islamic Education DUMD. 312 p. (In Russ.).
- Islam: An Encyclopedic dictionary. (1991). Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature. 315 p. (In Russ.).
- Islam Magazine*. (2015). Moscow: Almaz-Press. 80 p. (In Russ.).
- Islamic Portal*. Available at: <https://islam.ru/> (accessed 7.12.2022).
- Magomedov, A. (2011). *Mecca, Medina — Ziyaraty*. Makhachkala: Path Charitable Foundation. 105 p. (In Russ.).
- Mahmud of Kakhab-roso. Favorites*. Available at: <https://www.chitalnya.ru/work/153958> (accessed 9.11.2022). (In Russ.).
- Mawlid*. Available at: <https://teksti-pesen.pro/12/mavlid/tekst-pesni-grDylym> (accessed 9.12.2022). (In Russ.).
- Muslim... — *A Muslim and his personality in the light of the Quran and Sunnah*. (2012). Moscow: Umma. 576 p. (In Russ.).
- NKRYA — *National Corpus of the Russian language*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 11/23/2022). (In Russ.).
- NSIS — *A new dictionary of foreign words*. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-new/index.htm> (accessed 11/23/2022). (In Russ.).
- Orthodoxy: dictionary-reference*. (2009). Moscow: Dar. Available at: http://in.prihod.ru/users/20/1101420/editor_files/file/Slovar_-spravochnik.pdf (accessed 25.11.2022). (In Russ.).
- Pearls of thought*. (2010). Makhachkala: Path Charitable Foundation. 334 p. (In Russ.).
- Rasulov, A. R. (2022). At the time in captivity. In: *Novellas and stories*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House. 344 p. (In Russ.).
- Ria Novosti. *Hajj: the history of its origin, rules and prohibitions*. Available at: <https://ria.ru/20220705/khadzh-1800471339.html> (accessed 25.11.2022). (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (2018). *On the status of the religious language in modern Russian. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures*. Moscow: Gnosis. 856 p. ISBN 978-5-94244-066-4. (In Russ.).
- SOAYA — *Dictionary of orientalisms*. (2002). Makhachkala. 121 p. (In Avar.).
- SS — *Dictionary of Synonyms*. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (accessed 27.11.2022). (In Russ.).

Tafsir of the Quran. 5th ed. (2015). Al-Ashbal. 706 p. (In Avar.)
The main 10 rules of HALAL AND HARAM. Islamic Magazine UMMA. Available at: http://ummamag.kg/ru/articles/education/1130_osnovnye_10_pravil_halyalya_i_haram (yes, the date of the appeal is 11/24/2022). (In Russ.).
The newspaper "As-Salam". Available at: https://as-salam.ru/storage/pdfach/462/462_2.pdf (date of address 2.12.2022). (In Avar.).

References

- Abdulzhalilov, I. G. (2002). *Functional features of Arabic elements in the modern literary Avar language*. PhD Diss. Makhachkala. 217 p. (In Russ.).
- Alexandrova, O. I., Zakharova, E. V. (2013). Features of the use and translation of the vocabulary of Islam in Russian and English-language news texts. *Bulletin of the RUDN, Linguistics series, 1*: 37—42. (In Russ.).
- Anisimova, E. E. (2021). On aspects of the study of religious discourse in Russian linguistics. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (851)*: 71—84. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_9_851_71. (In Russ.).
- Buevich, A. A. (2016). The relationship of language and religion through the prism of the spiritual and religious code of Russian linguoculture. *Metaphysics, 4 (22)*: 111—122. (In Russ.).
- Bugaeva, I. V. (2021). Studying the language of religion. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 4*: 162—174. (In Russ.).
- Bugaeva, I. V. *Theolinguistics: theology + linguistics?* Available at: <https://www.ejournals.eu/pliki/art/6688/> (accessed 27.11.2022). (In Russ.).
- Busel, A. A. (2018). Specificity of the religious style of the Russian literary language at the present stage. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 2*: 200—205. (In Russ.).
- Fatkullina, F. G., Zubaydulloev, I. A. (2020). Translations of Islamic theological vocabulary into Russian (based on the works of A. Kadiri). *Problems of Oriental Studies, 2 (88)*: 64—69. (In Russ.).
- Fayzulina, E. F. (2017). Spiritual eloquence as a kind of oratory. *Minbar. Islamic studies, 10 (4)*: 246—250. (In Russ.).
- Finkelberg, N. D. (2010). *Arabic. Theory and technology of translation*. Moscow: Vostochnaya kniga. 400 p. ISBN 978-5-7873-0422-0. (In Russ.).
- Freud, Z. (1997). *Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion*. St. Petersburg: Aleteya. 222 p. (In Russ.).
- Gadomski, A., Łapicz, Cz. (2008). Teolingwistyka: historia, stan współczesny, perspektywy. In: *Textbook of theolinguistics || Chrestomatia teolingwistyki*. Simferopol: Univer-sum. 5—60. (In Polan.).
- Gadomsky, A. K. (2010). Russian theolinguistics: history, main directions of research. *Style, 9*: 357—374. (In Russ.).
- Galieva, M. R. (2015). Religious consciousness in the linguistic picture of the world. *Herald of the MGLU, 5 (716)*: 36—46. (In Russ.).
- Itskovich, T. V. (2014). The phenomenon of polysemy in religious Internet communication. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 8 (38): in 2 h. Ch. I*: 91—94. (In Russ.).
- Kangieva, A. M. (2020). Sufi communication studies as “Alchemy of the soul” (on the example of the sources of the Crimean Khanate). In: *Questions of Crimean Tatar*

- philology, history and culture: a collection of scientific papers*, 9. Simferopol: GAU RK "Media Center named after Gasprinsky". 54—64. (In Russ.).
- Khabibullina, G. Y. (2020). Meaningfulness and responsibility in the discourse of Islam. *Islam in the modern world*, 1: 73—82. DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-1-73-82. (In Russ.).
- Kikvidze, I. D. (2018). Comparative theolinguistics: the subject and goals of research. *Political Linguistics*, 2 (68): 115—118. (In Russ.).
- Koncharevich, K. K. (2012). On the theoretical and methodological substantiation of comparative theolinguistics (based on the material of Russian and Serbian languages). *Achievements and prospects of comparative study of Russian and other languages*. Belgrade: [b. i.]14—22. (In Russ.).
- Kozyreva, M. K. (2016). The Islamic world in the linguocultural picture of the world. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 28 (249): 48—62. (In Russ.).
- Kravchenko, N. A. (2016). On the question of the status of theolinguistics in modern linguistic knowledge. *Notes of the Romano-German philology*, 2: 27—35. (In Russ.).
- Kukhareva, E. V. (2005). *Cliche as a reflection of the national mentality (using Arabic paremmas)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. p. 13. (In Russ.).
- Magomedova, P. A., Mikailova, A. A. (2022). *Experience of conceptual analysis of the paremiological picture of different-structured languages: the "BAD" conceptosphere*. Makhachkala: Aleph. 176 p. (In Russ.).
- Magomedova, P. A., Hajiyeu, M. P. (2022). Islamic discourse: the problem of the adequacy of the translation of religious texts from Arabic into Russian. *Philological sciences. Questions of theory and practice. Philology. Theory & Practice*, 15 (1): 178—185. (In Russ.).
- Magomedova, P. A., Budaeva, A. (2020). On the question of the representation of the concept of GUNAG/SIN in the Lezgian and Russian language consciousness. *The world of science, culture, education*, 3 (82): 550—553. (In Russ.).
- Magomedova, P. A. (2019). Religious (Islamic) discourse of the Russian language and sociolinguistic aspects of language use. In: *International scientific and practical conference "The Russian language in a multiethnic environment and methods of teaching it: traditions and innovations"*. Makhachkala: DSPU. 87—92. ISBN 978-5-00128-342-3. (In Russ.).
- Marjani, Sh. (2008). *Mature wisdom in explaining the dogmas of an-Nasafi (al-Hikma al-baliga)*. Kazan: Tatar. kn. publishing house. 479 p. ISBN 978-5-298-01712-1. (In Russ.).
- Mechkovskaya, N. B. (1997). *Language and religion: Lectures on Philology and History of Religions*. Moscow: FAIR Agency. 352 p. ISBN 5-88641-097-X. (In Russ.).
- Minsky, M. (1979). *Frames for knowledge representation*. Moscow: Energiya. 151 p.
- Naidenova, N. S. (2018). Modern linguistics in a postsecular perspective. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Linguistics = Russian Journal of Linguistics*, 22 (4): 988—1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000. (In Russ.).
- Naumkin, V. V. (2007). On the question of translating some sacred Muslim formulas into Russian. *Minaret*, 4 (14). Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/14/naumkin.htm (date of issue 28.11.2022). (In Russ.).
- Noppen, J.-P. van. (ed.). (1981). *Theolinguistics, (Studiereeks Tijdschrift Vrije Universiteit Brussel. Nieuwe Serie № 8)*. Brussel: V.U.B. (In Ned.).

- Panova, L. G. (2000). Sin as a religious concept (on the example of the Russian word “SIN” and the Italian “RESSATO”). In: *Logical analysis of language: the language of Ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 167—177. (In Russ.).
- Postovalova, V. I. (2014/2). Religious concepts in the Orthodox worldview (experience of the-olinguistic analysis). *Criticism and semiotics*. 127—148. (In Russ.).
- Pshu, R. V. (2010). To the formulation of the problem of translation of Arabic-language texts of the Sufi tradition. *Questions of Philosophy*, 12: 15—24. (In Russ.).
- Sahih al-Bukhari. (Summary)*. (2002). Moscow: Ibrahim Bin Abdul-ziz Al Ibrahim Charitable Foundation. 472 p. (In Russ.).
- Sibgatullin, A. (2010). *Islamic Internet*. Moscow—Nizhny Novgorod: Medina. 128 p. (In Russ.).
- Tarasova, F. H., Mukhamedzhanova, E. R. (2017). The study of the Islamic (Russian) sociolect in sociolinguistics. *The modern Muslim world: electron. Journal*, 2: 1—9. (In Russ.).
- Vasilyeva, Yu. P. (2011). The category of prohibition in humanitarian scientific discourse. *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev ChSPU*, 1 (69) / 2: 26—31. (In Russ.).
- Wagner, A. (1999). Theolinguistik? — Theolinguistik! In: *Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik. Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997*. Hrsg. von Hans Otto Spillmann und Ingo Warnke. Frankfurt [u.a.]: PETER LANG Internationaler Verlag der Wissenschaften. 507—512. (In Germ.).

*The article was submitted 12.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Никитина Т. Г. Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомообразования / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Ю. А. Тимофеева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-183-201.

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Timofeeva, Yu. A. (2023). Sounds of Nature and Sound of Speech in Associative Mechanisms of Phrase Formation. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-183-201. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-183-201

Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомообразования

Никитина Татьяна Геннадьевна *

orcid.org/0000-0001-9006-9738

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра образовательных технологий

**корреспондирующий автор*

cambala2007@yandex.ru

Роголёва Елена Ивановна

orcid.org/0000-0001-9963-4203

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра образовательных технологий

cambala2010@list.ru

Тимофеева Юлия Александровна

orcid.org/0000-0003-3592-7220

аспирант,

кафедра образовательных технологий

k-o-t-2021@yandex.ru

Псковский
государственный университет
(Псков, Россия)

Sounds of Nature and Sound of Speech in Associative Mechanisms of Phrase Formation

Tatiana G. Nikitina *

orcid.org/0000-0001-9006-9738

Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies,

**Corresponding author*

cambala2007@yandex.ru

Elena I. Rogaleva

orcid.org/0000-0001-9963-4203

Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies

cambala2010@list.ru

Yulia A. Timofeeva

orcid.org/0000-0003-3592-7220

Graduate Student,
Department of Educational Technologies

k-o-t-2021@yandex.ru

Pskov State University
(Pskov, Russia)

© Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., Тимофеева Ю. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются звукоизобразительные механизмы фразеоморфизма, которые не описаны в фоносемантическом и лингвокультурологическом аспектах. Исследование проводится на материале компаративных фразеологизмов (образных сравнений), отображающих звучание речи. В соответствии с поставленной целью выявляются их мотивационные модели и разрабатываются приемы словарной репрезентации. Для достижения цели используются методы фоносемантического, компонентного, лингвокультурологического анализа, приемы структурно-семантического моделирования и лексикографического конструирования. Установлено, что большинство звукоизобразительных компаративных фразеологизмов базируется на ассоциациях, которые связывают акустические характеристики речи со звуками животного мира — голосами птиц и млекопитающих. Выявлены модели метафорического переноса и наиболее продуктивные зоолексемы, участвующие в актах образования фразеологизмов данной сферы. Определены актуальные для слушающего параметры оценки звучащей речи и аксиологическая направленность соответствующих образных сравнений. Показаны возможности репрезентации звукоизобразительных компаративных фразеологизмов в словаре тезаурусного типа с алфавитно-стержневым расположением материала и в учебном словаре дискурсивного типа, реализующем авторские методики лингвокультурологического комментирования и этимологического парафразирования. Результаты исследования будут полезны при разработке теоретических проблем фразеоморфизма, могут использоваться в практике академической и учебной лексикографии.

Ключевые слова:

русский язык; фразеология; лингвокультурология; фоносемантика; лексикография; компаративный фразеологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the sound-visual mechanisms of phrase formation, which are not described in the phonosemantic and linguoculturological aspects. The study is conducted on the material of comparative phraseological units (figurative comparisons) that reflect the sound of speech. In accordance with the goal, their motivational models are revealed and methods of vocabulary representation are developed. To achieve the goal, methods of phonosemantic, component, linguoculturological analysis, methods of structural-semantic modeling and lexicographic design are used. It has been established that most of the sound-visual comparative phraseological units are based on associations that connect the acoustic characteristics of speech with the sounds of the animal world — the voices of birds and mammals. The models of metaphorical transfer and the most productive zoolexemes involved in the acts of formation of phraseological units in this sphere are revealed. The parameters of assessment of sounding speech relevant for the listener and the axiological orientation of the corresponding figurative comparisons are determined. The possibilities of representation of sound-visual comparative phraseological units in the thesaurus-type dictionary with the alphabetic-rod arrangement of the material and in the educational discursive-type dictionary, which implements the author's methods of linguoculturological commenting and etymological paraphrasing, are shown. The results of the study will be useful in the development of theoretical problems of phrase formation, and can be used in the practice of academic and educational lexicography.

Key words:

Russian; phraseology; linguoculturology; phonosemantics; lexicography; comparative phraseology.

Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомообразования

© Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., Тимофеева Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Проблемы связи звука и смысла в последние десятилетия активно изучаются в рамках фоносемантики — интегративного научного направления, использующего методы фонологии и этимологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики, акустики и нейробиологии [Фоносемантика..., 2022, с. 7—17]. Наряду с глобальными задачами исследования онто- и филогенетической эволюции языка, роли звукоизобразительности¹ в его происхождении здесь рассматриваются и более частные вопросы: разграничение звукоподражания и звукосимволизма² [Bankieris et al., 2015; Аскари, 2019], способы звукоизобразительного словосоздания [Желтов и др., 2022; Флакман, 2022], особенности восприятия и декодирования слов, построенных на звукоизобразительности [Arguani et al., 2018; Sidhu et al., 2020], реализация смысло-звуковых ассоциаций на уровне текста разных жанров и разных эпох [Zheltova et al., 2019; Маринченко и др., 2020]. Исследователями, работающими на стыке фоносемантики и лингводидактики, доказано, что звукоизобразительность способствует развитию речи в младенчестве и освоению лексики иностранного языка при его изучении [Lockwood et al., 2016; Sound symbolism ... 2015; Фоносемантика..., 2022, с. 114—121].

В языковом материале, подвергающемся фоносемантическому анализу, всегда присутствуют лексические единицы, отображающие звучание человеческой речи, а фразеологизмы этой тематической группы, к сожалению, не попадают в поле зрения исследователей, хотя прозрачная внутренняя форма таких единиц может стать ценным источником информации при изучении когнитивных механизмов языковой концептуализации звуков мира природы и звуков антропогенного характера.

Этнокультурная обусловленность этих процессов находит отражение в лингвокультурологических исследованиях звуковой (акустической, фоно-

1 Под звукоизобразительностью понимается конгруэнтность звука и значения на уровне словосоздания и шире — любые устойчивые смысло-звуковые ассоциации, в том числе на уровне текста [Фоносемантика..., 2022, с. 11].

2 Звукосимволизм — способ имитации при словосоздании, не основанный на акустическом сходстве [Фоносемантика..., 2022, с. 12].

семантической) картины мира [Мамытова, 2019; Шляхова и др., 2016]. Но и здесь русский фразеологический материал привлекается эпизодически, зачастую как фон для рассмотрения иноязычных идиом со звукоподражательным компонентом [Алиева, 2015; Чибышева, 2021]. Между тем лингвокультурологический анализ русских звукоизобразительных фразеологических единиц (ФЕ), объективирующих такой фрагмент звуковой картины мира, как акустика человеческой речи, позволит выявить не только мотивировочный признак, но и обоснование его выбора языковым сознанием в акте фразеомообразования. При этом появятся новые данные об оценочном восприятии человеком звуков природы и звучания речи в их ассоциативной взаимосвязи. Решение этих новых задач будет развитием положений об этнокультурной специфике фразеомообразования и аксиологических параметрах этого процесса, сформулированных нами в предшествующих работах [Mokienko et al., 2021; Мокиенко и др. 2021; Мокиенко и др. 2022].

Единичные ФЕ со звукоизобразительной внутренней формой разработаны в специализированных фоносемантических словарях наряду с лексическими единицами [Флакман, 2016; Шляхова, 2004]. Авторы этих словарей, раскрывая связь звука и смысла на фразеомообразовательном уровне, не ставят задачу комплексной лексикографической интерпретации фоносемантически маркированного фразеологического образа в историко-этимологическом, социокультурологическом, лингвоаксиологическом аспектах. Модель такой репрезентации материала, разработанная нами для словарей народной фразеологии [БСРНС, 2007; Мокиенко и др., 2018], позволит представить фразеомообразовательные механизмы, реализующие звуковые ассоциации, в их многообразии и этнокультурной обусловленности. Инновационной в плане лексикографической репрезентации будет и разработка фразеологизмов, отображающих звучание речи и звуки природы, в учебных словарях, что будет развитием идей нашей концепции учебной фразеологии [Никитина, 2016; Никитина, 2021a; Никитина, 2021b]. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена интересом современной лингвистической науки к проблемам звукоизобразительности и определяется фоносемантическим своеобразием звукоизобразительных ФЕ, их высоким лингвокультурологическим и аксиологическим потенциалом, требующим адекватной лексикографической репрезентации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данного исследования — выявление мотивационных моделей звукоизобразительных фразеологизмов тематической сферы «Звучание речи» и разработка приемов их лексикографической репрезентации сквозь призму взаимодействия человека и природы, человека и человека.

Материалом для анализа послужили звукоизобразительные устойчивые сравнения — разряд фразеологизмов, оставшийся за пределами фоносемантических, лингвокогнитивных, лингвокультурологических исследований лексико-фразеологических средств, репрезентирующих говорение на русском языке [Баженов, 2020; Шляхова и др., 2016, с. 141—149; Чибышева, 2019, с. 3899—3901]. Наш материал отобран в «Большом словаре русских народных сравнений» [БСРНС], где в количестве 45 тысяч единиц представлены обороты, зафиксированные в толковых словарях и словарях народных говоров, отразивших повседневную речь более чем 140 регионов и населенных пунктов России; сравнения, функционирующие в литературном языке и 30 разновидностях сленга, в художественной литературе и медиатексте. Терминологическое определение *устойчивые* применительно к сравнениям не вынесено в название словаря, а во «Вступительном слове» авторы поясняют свою позицию: в объект описания включены сравнительные обороты разной степени устойчивости, в том числе и те, которые некоторыми исследователями трактуются как речевые, но в силу своей экспрессивности, образности и структурно-семантической моделируемости (как основных признаков фразеологизма) могут быть признаны потенциальными фразеологизмами [БСРНС, с. 5—7]. Придерживаясь этой же точки зрения, для обозначения образных сравнительных оборотов в нашем исследовании мы будем использовать термин *компаративные фразеологические единицы* (КФЕ). Их структуру мы традиционно понимаем [Mokienko et al., 2021, с. 103] как двучленную: *трещать* (основание сравнения) как *сорока* (эталон, предмет сравнения); *щебетать* (основание сравнения) *соловьишкой* (предмет сравнения). При таком понимании за пределами этой языковой единицы остается переменный компонент логической структуры сравнения, а на уровне фразы — наименование носителя признака, который получает характеристику посредством сравнительного оборота, например, местоименное обозначение быстро говорящей, тараторящей женщины: (Она) *трещит как сорока*.

Методы фоносемантического и компонентного анализа в совокупности с приемами структурно-семантического моделирования позволили уточнить семантические характеристики отобранных КФЕ, выявить лингвокогнитивные основания их мотивировки, ассоциативно связывающей звуки природы и звучание речи; использование методик лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа подтвердило тесную связь звукоизобразительных КФЕ с категорией оценки и раскрыло образное воплощение аксиологических параметров восприятия звучащей речи и звуко сферы природы носителями русского языка. Результаты такого комплексного анализа КФЕ будут представлены в статье с использованием описательного метода

(приемы систематизации, обобщения, интерпретации), а также в лексико-графических форматах, при разработке которых использовались приемы лингвокультурологического комментирования и этимологического парафразирования, применяемые нами в практике фразеологии с учетом адресации словарей [Никитина и др., 2021б; Никитина и др., 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Человек — природа — человек в образах фразеологизмов, отражающих акустическую сторону речи

Семантико-аксиологическая систематизация отобранных нами для исследования звукоизобразительных КФЕ, выполненная с учетом результатов их компонентного и контекстуального анализа, не принесла никаких неожиданностей и подтвердила выводы других исследователей о преобладании негативной оценочности у фразеологизмов, отражающих уровень громкости речи [Шляхова и др., 2016, с. 121—127; Чибышева, 2019, с. 3899—3900]: в нашем материале лишь 13 таких КФЕ из 140, то есть около 1 % одобрительно характеризуют негромкую, благозвучную речь: *ворковать как голубок (голубки)* [БСРНС, с. 141], *щебетать как соловушка (соловушкой)* [БСРНС, с. 642] и др.

Во внутренней форме глагольных оснований сравнения *ворковать*, *щебетать* (о пении птиц) просматривается исходный звуковой комплекс как результат восприятия голоса птицы номинатором и объект имитации в акте словосоздания. На этом этапе подбор звуков речи по сходству со звуками природы (в данном случае — орнитосферы) квалифицируется как когнитивная метафора [Фоносемантика..., 2022, с. 24]. Второй уровень метафоризации на пути к образованию КФЕ — перенос значения звукоподражательных глаголов в сферу человеческой речи по сходству акустических впечатлений: *ворковать* — ‘мягко, нежно говорить друг с другом’ [БТС, с. 150], *щебетать* — ‘говорить быстро, звонко (о детях, женщинах)’ [БТС, с. 1509]. И, наконец, усиление экспрессии в акте фразеообразовательного эксплицирования достигается использованием образного стержня — наименования соответствующей птицы как эталонного источника звука. По этой же модели образованы КФЕ с диалектными звукоподражательными глаголами:

Гурчать как голубь с голубкой. *Брян.* О нежно беседующей паре влюбленных, супругов [БСРНС, с. 142]. (Звукоподражательный акустический комплекс *ГРУ* в фоносемантическом словаре С. С. Шляховой соотносится с польским *gruchać* «ворковать (о голубях)» [Шляхова, 2004, с. 76], что позволяет говорить о более широком ареале звуковой ассоциации, чем брянские говоры).

Чивардать как птички. *Кар. Шутл.-ирон.* О говорящих, болтающих без умолку девушках. < **Чивардать** — петь, чирикать (о птицах) [БСРНС, с. 547]. Ср. у С. С. Шляховой: *ЧИВ — звукоподр. акуст.* Звук, издаваемый птицами; чириканье, щебетание: *чивикать, чивирикать, чивкать* «чирикать» [Шляхова, 2004, с. 76].

Уровень громкости как акустический параметр звучания широко представлен оборотами, резко отрицательно оценивающими громкую речь (с переходом на крик). Ее метафорические эталоны народное сознание также находит в орнитосфере: это крики чаек, ворон, галок, петуха. Фразеологический образ и здесь создается с участием переосмысленных применительно к человеку звукоподражательных глаголов *каркать, раскаркаться, раскудахтаться* в сочетании с образными стержнями *ворона, курица, клушка*. В качестве основания образного сравнения диалектоносители используют и регионализмы, звукоизобразительный характер которых также очевиден: **Гаркать / загаркать как вороны.** *Новг. Презр.* О громко кричащих, бранящихся женщинах. **Граять как ворона.** *Кар. Неодобр.* О громко кричащем человеке [БСРНС, с. 117].

О негативной оценке высокого темпа речи наряду с повышенной громкостью свидетельствуют образные аналогии: **Затаракать как вороны.** *Пск.* О громко, быстро заговоривших (загалдевших) женщинах [БСРНС, с. 119]. **Расклохтаться как клушка.** *Морд. Пренебр.* Начать громко, быстро говорить [БСРНС, с. 262]. Звукоизобразительные единицы *тар, квох* в народной речи соотносятся с кудахтаньем курицы, *кар, кра* — с карканьем вороны [Шляхова, 2004, с. 91—96, 136], в нашем материале представлены их региональные фонетические варианты (*гар-, гра-, клох-*), свидетельствующие о разнообразии акустических впечатлений от звуков орнитосферы и ставшие производящей базой звукоподражательных глаголов в народных говорах.

Не столь разнообразны подвергшиеся первичной и вторичной метафоризации диалектные звукоизображения голосов млекопитающих (также ставшие глагольными компонентами КФЕ), отображающие громкую речь в различных ее эмотивно-прагматических нюансах:

Гамкать (гумкать) как собака *Пск., Брян.* Громко говорить, ругаться, браниться [БСРНС, с. 629]. **Разрыгаться как верблюд.** *Народн. Неодобр.* О громко кричащем что-л. человеке. < **Разрыгаться** — раскричаться гортанным, рычащим голосом [СРНГ, т. 34, с. 67].

Обороты с переосмысленными общенародными глаголами *лаять* и *реветь* продолжают ряд зооморфных сравнений аналогичной аксиологической направленности с эталонными образами домашних и диких животных: **Реветь как бык [на бойне].** *Прост. Неодобр.* Об очень громко,

истошно кричащем человеке [БСРНС, с. 77]. **Реветь как корова.** *Смол.* О громком, грубом крике [БСРНС, с. 290]. **Реветь медведем.** *Народн.* О громко, басом кричащем человеке [БСРНС, с. 383]. **Лаять (облаять кого) как [цепная] собака.** *Брян., Вят., Пск. Неодобр.* О громко говорящем, ругающемся человеке. [БСРНС, с. 631].

В ряде КФЕ с образами животного мира основание сравнения представлено глаголами *вопить*, *кричать* и их производными, звукоизобразительная внутренняя форма которых, в том числе связь со звуками животного мира, просматривается на этимологическом уровне [Фасмер, т. 1, с. 349; Фасмер, т. 2, с. 377; Шляхова, 2004, с. 71, 114], но не всегда осознается современными носителями языка: **Кричать как петун.** *Селигер.* О громко, рассерженно кричащем человеке [БСРНС, с. 496]. **Раскричаться как чайка.** *Брян. Неодобр.* Об очень громко, сварливо раскричавшейся женщине [БСРНС, с. 735]. **Вопить как собака.** *Арх. Неодобр.* О громко ругающемся человеке. [БСРНС, с. 629]. В актах образования таких КФЕ можно увидеть взаимодействие зооморфных и антропоморфных тенденций. Первые реализуются в ассоциативных связях голосовых проявлений человека (*кричать*, *вопить*), с голосами животных, но, с другой стороны, и животные в определенной степени наделяются человеческими чертами — они мыслятся как кричащие, вопящие существа одного с человеком порядка по акустическим параметрам голоса, что и допускает сравнение. И крайним случаем их фразеологического очеловечивания являются звукоизобразительные КФЕ: **Орать как человек.** *Том.* О громком, пронзительном, похожем на человеческий голосе лебедя. **Реветь как человек.** *Печор.* О крике филина, похожем на человеческий [БСРНС, с. 738].

Помимо ассоциативных механизмов переноса *Природа ↔ Человек* в образовании КФЕ, репрезентирующих громкую речь в негативно-оценочном ключе, реализуются и мотивировочные признаки, не выходящие за пределы социосферы. Если для большинства рассмотренных выше КФЕ может быть предложена структурно-семантическая модель «*Звукоизобразительный глагол + как (кто) + наименование животного, издающего громкие голосовые звуки = очень громко говорить, кричать*», то перенос *Человек ← Человек* реализуется в нескольких моделях сравнения, где эта-лоном громкой речи становятся акты речевого поведения человека:

«*Звукоизобразительный глагол + как (кто) + наименование человека по профессии = очень громко говорить, кричать*»: **Кричать как грузчики.** *Прост. Неодобр.* О громко и грубо выкрикивающих что-л. людях [БСРНС, с. 154]. **Кричать словно балаганщик на ярмарке.** *Прост.* О громко, призывно кричащем человеке. < **Балаганщик** — балаганный комедиант [БСРНС, с. 30].

Звукоизобразительный глагол + как (кто) + наименование человека в определенном физическом, психическом состоянии = очень громко говорить, кричать»: **Кричать (орать) как пьяный. Неодобр.** О громко, бессмысленно и неприятно кричащем или поющем человеке. **Кричать (орать) как сумасшедший. Неодобр.** О чем-л. громком, истошном крике [БСРНС, с. 557, 667].

Звукоизобразительный глагол + как (где) + наименование природного пространства, помещения = очень громко говорить, кричать»: **Кричать (орать) как в лесу. Неодобр.** О громких криках, восклицаниях кого-л. [БСРНС, с. 343]. **Гамить ровно в кабаке. Яросл.** Очень громко разговаривать. < **Гамить** — кричать, громко разговаривать, галдеть [СРНГ, т. 6, с. 131].

Звукоизобразительный глагол + как (на кого) + наименование объекта речевого воздействия = очень громко говорить, кричать»: **накричать (наорать) как на мальчишку. Неодобр.** О грубых и громких окриках в адрес кого-либо, совершившего ошибку, оплошность [БСРНС, с. 373]. **Кричать как на вола. Прост.** О чём-либо грубом и громком окрике в адрес кого-л. медлительного и покорного [БСРНС, с. 108].

Другие акустические характеристики речи представлены незначительным количеством образных компаративных оборотов, но все они также сопровождаются в словарях пометами *Ирон., Неодобр., Презр.*, а эталоны сравнения в этих случаях найдены народным сознанием исключительно в животном мире. Так, резко отрицательно воспринимаются высокие частоты пронзительной речи, о чем свидетельствуют сравнения, зафиксированные в народных говорах: *кичикать* (то есть пронзительно кричать) *как чайки, кричать как чирьюшка* (то есть дикая утка, самка чирка) — ‘говорить, кричать визгливым, писклявым голосом’ [БСРНС, с. 735, 748]. Высокий тон даже при относительно негромком звучании речи неприятен слушающему: в таких случаях употребление по отношению к человеку звукоподражательного глагола *пищать*, построенного на имитации звука, издаваемого детенышем животного или птенцом [Шляхова, 2004, с. 121], подкрепляется в народной речи сравнением с *комаром, цыпленком, птенчиком, мышью, зайцем, котенком*.

Что касается темпа речи, то КФЕ дают однозначную негативную оценку высокой скорости говорения. Здесь образный стержень *сорока* по фразеомообразовательной активности намного превосходят упоминавшиеся выше эталоны сравнения *ворона* и *курица*. Выступающие в роли основания сравнений звукоподражательные глаголы *болтать* и *трещать* этимологически не связаны с орнитосферой [Фасмер, т. 1, с. 190; Фасмер, т. 4, с. 99]: *болтать / разболтаться как сорока; трещать как сорока* [БСРНС, с. 646]. Реализации глагольных компонентов такого типа уже были показаны на материале оборотов со значением ‘говорить очень громко’. При-

меры метафоризации глаголов-звукоподражаний, построенных на имитации голосов птиц, также рассмотренные выше, дополним примерами тематической сферы «Темп речи»: **Цокотать как сорока.** Кубан. Неодобр. О быстро говорящей, тараторящей, болтающей женщине. **Шекотать как сорока.** Смол. Ирон. Быстро говорить, тараторить (о женщине). **Стреко-тать как сорока.** Прост. Ирон. О быстро, часто и непрерывно говорящей, тараторящей женщине [БСРНС, с. 646]. А многоступенчатый и разнонаправленный ассоциативный механизм звукоизобразительной метафоризации проиллюстрируем вятским сравнением *ерготать как две сороки*. В «Словаре русских народных говоров» глагол *ерготать*, в основе которого — метафорическая звукоимитация, зафиксирован в исходном значении ‘ржать’ (*Ергочут кони*). Следующий этап метафоризации — перенос в сферу человеческой речи: ‘говорить быстро и громко’ (*Нечего делатъ-то, дак только ергочите*) [СРНГ, т. 8, с. 367]. И ассоциации внутри зоофоносферы (*ржание лошади* → *голос сороки*) поддерживают выбор эталона сравнения при фразеомообразовании: *ерготать как две сороки*.

Таким образом, на материале КФЕ со звукоизобразительным основанием сравнения мы выявили акустические параметры речи, наиболее значимые для слушающего, отметили антинормы звучания и особенности их фразеологической интерпретации с обращением, как правило, к образам животного мира. Ниже представим наши варианты словарной репрезентации выявленных фоносемантических, этимологических, аксиологических параметров КФЕ.

3.2. Звукоизобразительные КФЕ в современных лексикографико-графических форматах

Образные стержни КФЕ, представляющие собой эталоны сравнения, обычно становятся исходным пунктом лексикографического описания этого материала в одноязычных словарях тезаурусного типа или двуязычных сопоставительных словарях [Mokienko, 2021, с. 101—103].

В соответствии с алфавитно-гнездовым принципом расположения КФЕ в «Большом словаре народных сравнений» [БСРНС] под заголовком макростатьи — образным стержнем собраны все обороты с его реализацией. Это позволяет показать полный спектр ассоциаций, запускающих механизм фразеомообразования с каждым эталоном сравнения, выявить его роль в образной концептуализации окружающего мира и отдельных его сфер.

Самым частотным анималистическим компонентом КФЕ, по данным словаря «Большого словаря русских народных сравнений» [БСРНС, с. 628—637], является зоолексема *собака*. Макростатья с этим заголовком содержит 360 оборотов, 15 % из которых (56 КФЕ) отражают акустическую сторону речи, негативно оценивая ее параметры: чрезмерную продолжительность,

высокий темп — *бrehать как собака*, язык у кого *вьётся как у собаки хвост* и др.; повышенную громкость — *взгавкаться как собака*, *вопить как собака*, *лаять как цепная собака*, *рычать как собака* и т. п.; негромкое звучание низкого, хриплого голоса — *ворчать как собака*, *гырчать как собака на худую кость*, *квокать как злая собака*, *фырчать как собака*. Таким образом, безотносительно к содержанию высказываний оценивается и эмотивно-прагматическая сторона речи говорящего как злобного, агрессивного человека — эти черты наряду с положительными качествами приписываются символическому образу собаки в русской лингвокультуре.

«Голосовой портрет» кошки, представленный 13 образными сравнениями (8 % от 143 КФЕ, описанных в словаре), не столь однозначен. Неприятные высокие звуки ее голоса послужили мотивировочным признаком при образовании следующих оборотов народной речи: **Вякать (вячить) как кошка**. *Пск. Неодобр.* Об истошно, пронзительно вопящем человеке. **Будто кошке на хвост наступили**. *Шутл.-ирон.* О чьем-л. истошном, визгливом голосе [БСРНС, с. 303, 305]. Как неодобрительно коннотированные квалифицируются в словаре и КФЕ *фыркать (фырчать) как кошка* — ‘о брюзжащем, ворчащем человеке’, *шипеть как [разъярённая] кошка* ‘о злобном, рассерженном человеке, с тихим, но угрожающим голосом’ [БСРНС, с. 305]. А шутливые сравнения *бачить как кошка* (*бачить* — диал. ‘баюкать, убаюкивать’), *мурлыкать как кошка*, *урчать как кошка* передают впечатления от негромкой, приятной на слух, мелодичной речи удовлетворенного чем-л. человека [БСРНС, с. 303, 304, 305].

В дополнение к приведенной статистической информации отметим, что третьим по фразеомобразовательной активности в сфере «Звучащая речь: акустические характеристики» является образный стержень *ворона* (12 КФЕ) и далее: *корова* — 11 КФЕ; *медведь* — 7; *волк* — 6; *курица* — 6; *муха* — 5; *бык* — 4; *воробей* — 3; *гусь* — 3; *кобыла* — 3; *петух* — 3; *соловей* — 3; *баран* — 2; *ворон* — 2; *галка* — 2; *козел* — 2; *мышь* — 2; *заяц* — 1; *индюшка* — 1; *коза* — 1; *крыса* — 1; *лошадь* — 1; *пырень* (диал. ‘индюк’) — 1.

Структура макростатьи позволяет наряду с традиционной эмотивно-оценочной и ареальной характеристикой (стилистические и географические пометы) и толкованием оборота семантизировать диалектизмы (1), показывать межъязыковые параллели (2), раскрывать внутреннюю форму оборота в культурно-историческом комментарии (3):

Бормотать как пырень. *Влад. Неодобр.* О невнятно, бессвязно и громко бормочащем что-л. человеке. < *Пырень* — индюк [БСРНС, с. 556].

Волком (как волк) выть (взвыть). *Разг. Неодобр.* О чьих-л. горьких, отчаянных жалобах на крайне бедственное положение. < Сравнение известно многим языкам. Ср. чеш. *výt jako vlk*. [БСРНС, с. 111].

Брехать как собака в Пасху. *Устар. Прост. Неодобр.* Накликать беду. < *Брехать* — лаять. Связано с приметой: если собака во время пасхальной утрени лает на восток, это к пожару, а если на запад — к несчастью [БСРНС, с. 629].

В формате учебного словаря фоносемантические свойства и лингвокультурологический потенциал КФЕ раскрываются с учетом фактора адресата — его возрастных особенностей, уровня владения русским языком, широты культурологического кругозора. При такой лингводидактической установке реализовать принцип научной достоверности позволяет жанр словаря в рассказах, где материал предьявляется в занимательной форме с элементами интерактива.

Так, в подготовленном нами к печати словаре устойчивых сравнений для младших школьников юные читатели становятся исследователями процесса фразеомобразования, в том числе базирующегося на звукоизобразительности, как, например, в следующей словарной статье, которая приводится с небольшими комментариями в скобках.

Трещать (стрекотать) как сорока. О быстро, непрерывно говорящей, тараторящей женщине. *Употребляется в разговорной речи. Говорится шуточно или неодобрительно.*

Чтобы разобраться с происхождением устойчивого сравнения *трещать как сорока*, мы с тобой посетим «Летние фразеологические посиделки». Их по давней традиции проводит на своей даче известный учёный-фразеолог Валерий Михайлович Мокиенко. Частые гости на таких посиделках — соседские ребята, которые на всё лето приезжают в Семиозерье из Санкт-Петербурга.

Сегодня выдался прохладный вечер. Побрасывая дрова в камин, Валерий Михайлович спрашивает ребят, какие звуки они слышат.

— Треск, — выкрикивает третъёкклассник Вова, который во всем старается опередить друзей.

— Да, сухие дрова горят с треском. А кто может звуками изобразить этот треск? Давайте еще раз послушаем. (Здесь читателю предлагается отсканировать QR-код и, перейдя по ссылке, послушать, как трещат горящие сухие дрова).

— Вроде что-то похожее на «трр-трр»..., — второклассница Аня пытается голосом передать потрескивание дров.

— Совершенно верно, — одобрительно кивает Валерий Михайлович. — Эти звуки мы слышим и в словах *треск*, *трещать*. Такие слова построены на имитации — подражании звукам окружающего мира. Вот посмотрите, как этот прием использует Александр Сергеевич Пушкин.

В стихотворении «Зимний вечер» он добивается удивительного эффекта: подбирает слова со звуками «т», «р» и, конечно, однокоренные *треск*, *трещать*, а мы будто бы слышим, как трещат дрова в печи:

«Вся комната янтарным блеском Озарена. Веселым треском Трещит затопленная печь...»

— И правда, как будто треск слышен, — соглашается Вова. — Какие интересные эти «подражательные» слова!

Тут Вова почти угадал. Ученые так и называют эти слова — звукоподражательными. Они обогащают словарный состав любого языка.

— Но ведь трещат не только дрова в печи, — пятиклассник Матвей любит поспорить при любом удобном случае. — Вот спички тоже трещат в коробке, если ее потрясти.

— Ну, со спичками мы играть не будем, да и появились эти коробочки позже, чем слово *трещать*. А вот природных примеров треска, которые и имитирует наш язык — огромное количество. Треском называют громкий, частый, отрывистый стук. Трещат разные предметы, когда их ломают, сильно сдавливают. Давайте выйдем в лес, — предлагает Валерий Михайлович, — думаю, там мы услышим много примеров треска.

Как только ребята вышли в лес, который начинается прямо за домом профессора Мокиенко, у них под ногами затрещали сухие ветки: «трр-трр». (Читателю снова предлагается отсканировать QR-код и послушать звуки треска сухих веток).

Вдруг откуда ни возьмись налетели птицы: «Тр-тр-тр-р...»... (Очередное обращение к QR-коду позволяет читателю послушать голос сороки).

— Это сороки-белобоки, — первой догадалась шестилетняя Машенька. — Любой дошкольник знает, что сороку можно узнать по звукам «тр-тр». Сорока *стрекочет* и *трещит*. Этому в детском саду учат. Я и стишок знаю:

«Трещала с самого утра:

По-р-ра! Пор-р-ра!

А что — пора?

Такая с ней морока,

Когда *трещит* сорока...

Не поет она — *стрекочет*,

Обратить внимание хочет»...

— Да, певуньей сороку назвать нельзя, — подтверждает Валерий Михайлович. — А русская пословица говорит, что сорока без причины не стрекочет. Своим громким треском она обычно подает другим птицам сигнал об опасности, как, например, сейчас. А так как сорока быстро перелетает с места на место, эти стрекочущие звуки быстро разносятся по лесу.

Вернувшись в дом, ребята долго смотрели интересные видео о сороках (снова дается QR-код), пили чай, подбрасывали дрова в камин, а сороки все трещали и трещали.

— Я, кажется, понял, почему про нашу соседку бабу Ньюшу говорят, что она трещит как сорока, — сказал Вова.

— И я поняла, — подключилась к разговору Аня. — Баба Ньюша с утра до вечера ходит по соседям и рассказывает дачные новости, а говорит она быстро, громко.

— Я бы сказал, не говорит, а трещит, — добавил Матвей.

— Ребята, вы абсолютно верно рассуждаете. Действительно, быстрая речь такой женщины, которая без умолку тараторит, мешая окружающим, напоминает стрекотание сороки. Так в народе и появилось наше сегодняшнее устойчивое сравнение, — сделал вывод Валерий Михайлович.

<...>

Статья такого дискурсивного словаря обеспечивает комплексное освоение КФЕ ребенком: рубрика «Литературная страничка» предлагает понаблюдать за функционированием фразеологизма в художественном тексте, «Речевая лаборатория» включает задания на употребление оборота в различных актуальных для школьника ситуациях. На материале КФЕ развиваются творческие способности: ребенок иллюстрирует фразеологический образ (рубрика «Веселые картинки»), иницируется физическая активность — образы фразеологизмов актуализируются в подвижных играх («Физкультминутка»). Эти рубрики завершают словарную статью.

Звукоизобразительные КФЕ (*трещать как сорока, жужжать как пчела, рычать как лев, шипеть как змея, чирикать как воробей*) становятся материалом и для логопедической работы с ребенком (звуки [р], [с], [з], [ж], [ч], [ш] и др.). При необходимости коррекции артикуляционных навыков, воспользовавшись QR-кодом (рис. 1) в рубрике «Звуковая дорожка», ребенок выполнит с профессиональным логопедом соответствующие упражнения, например, при ознакомлении со словарной статьей «Трещать (стрекотать) как сорока» выполнит артикуляционную гимнастику, подводящую к корректному произношению звука [р]:

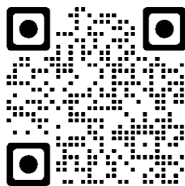

Рис. 1. QR-код для перехода к артикуляционной гимнастике

4. Заключение = Conclusions

Итак, в ходе исследования были выявлены мотивационные модели звукоизобразительных фразеологизмов тематической сферы «Звучание речи». Все компаративные фразеологизмы данной сферы, отражающие акустически параметры речи, оказались аксиологически маркированными, в большинстве своем негативно оценивающими громкую речь, быстрый темп говорения и высокий тон звучания. Во всех трех случаях фразеомобразовательные звуковые ассоциации восходят к орнитосфере и голосам млекопитающих — домашних или диких животных, и лишь в небольшом количестве случаев перенос осуществляется по модели Человек ← человек. Звукоизобразительный эффект КФЕ достигается не только за счет отсылки к эталонному источнику звука, отраженному, как правило, зоолексемой — образным стержнем сравнения, но и звукоподражательным характером глагола — основания сравнения, в том числе с затемненной внутренней формой.

Оптимальным лексикографическим форматом для раскрытия фразеомобразовательного потенциала образных стержней КФЕ является словарь тезаурусного типа с алфавитно-гнездовой систематизацией материала. Этот принцип организации словника в «Большом словаре народных сравнений» позволил выявить наиболее продуктивные в плане звукоизобразительного фразеомобразования эталоны сравнения (*собака, кошка, ворона*) и аксиологический спектр фразеологической реализации.

В сфере учебной лексикографии доказана целесообразность использования жанра словаря в рассказах, позволяющего в доступной для обучающихся занимательной форме представить выявленные в ходе комплексного лингвистического анализа фоносемантические, этимологические, оценочные параметры компаративных фразеологизмов.

В качестве перспективы исследования намечены выявление и лексикографическая разработка этих параметров у других типов звукоизобразительных ФЕ.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БСРНС — Мокиенко В. М. Большой словарь народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.
2. БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

3. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин. — Ленинград : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2016. — Выпуск 1—49.

4. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. 1—4.

Литература

1. *Алиева С. А.* Русские и кумыкские фразеологизмы со звукоподражательным компонентом как проявление метафоризации ономастов / С. А. Алиева // *Современные проблемы науки и образования*. — 2015. — № 1—1. — С. 1193.

2. *Аскари А. С.* О разграничении звукоимовизма и звукоподражания / А. С. Аскари // *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология*. — 2019. — № 3 (100). — С. 7—14.

3. *Баженов Н. Ю.* Структурно-семантическая классификация фразеологических единиц поля “Речь” в русских говорах (на материале СРНГ) / Н. Ю. Баженов // *Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования*. — 2020. — № 14. — С. 31—43.

4. *Желтов А. Ю.* Между субморфами и фоносемантикой : к типологии внеморфемных знаков / А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. — 2022. — № 26—1. — С. 437—464. — DOI: 10.30842/ielp230690152629.

5. *Мамытова А. К.* Роль звуковых средств в звуковой картине мира / А. К. Мамытова // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. — 2019. — № 10. — С. 232—236. — DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557.

6. *Маринченко И. А.* Стилистические приемы использования звукоподражаний в детской художественной прозе / И. А. Маринченко, Е. В. Васильева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 113—117. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.21.

7. *Мокиенко В. М.* Диалектный словарь как лингвоаксиологический источник / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2021. — Т. 3. — № 17. — С. 43—66. — DOI: 10.30842/alp230657371734366.

8. *Мокиенко В. М.* К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Вопросы лексикографии*. — 2018. — № 4. — С. 80—106. — DOI: 10.17223/22274200/14/5.

9. *Мокиенко В. М.* Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // *Вопросы лексикографии*. — 2022. — № 25. — С. 81—107. — DOI: 10.17223/22274200/25/4.

10. *Никитина Т. Г.* Инновационный лексикографический дискурс в жанре детектива : возможности учебной репрезентации фразеологизма / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // *Русистика*. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 247—262. — DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262.

11. *Никитина Т. Г.* Современная учебная фразеогрфия : инновационные параметры бумажного словаря / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // *Вопросы лексикографии*. — 2021a. — № 20. — С. 67—90. — DOI: 10.17223/22274200/20/4.

12. *Никитина Т. Г.* Учебное пособие по фразеологии как средство формирования лингвострановедческой компетенции иностранных студентов / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // *Society. Integration. Education. Proceedings of annual international scientific*

Conference. May 27nd—28rd, 2016. — Rēzekne : Rēzeknes Augstskola, 2016. — Vol. 1. — С. 188—199. — DOI: 10.17770/sie2016vol1.1489.

13. Никитина Т. Г. Фразеологический словарь в школе и дома : какой выбрать и как использовать / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Русский язык в школе. — 2021б. — Т. 82. — № 5. — С. 26—36. — DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36.

14. Флакман М. А. Словарь английской звукообразительной лексики в диахроническом освещении / М. А. Флакман. — Санкт-Петербург : Институт Иностранных языков ; РХГА, 2016. — 201 с. — ISBN 978-5-88812-801-5.

15. Фоносемантика : Опыт междисциплинарного исследования. Монография / М. А. Флакман, Л. О. Ткачева, Ю. Г. Седёлкина, Ю. В. Лавицкая и др. — Москва : Мир науки, 2022. — 229 с. — ISBN 978-5-907603-68-4.

16. Чибышева О. А. Лингвокультурные особенности концепта SOUND / ЗВУК : объективизация микроконцепта «Sounds caused by human activity / Антропогенные звуки» на материале английских фразеологизмов / О. А. Чибышева, Н. В. Осадчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Выпуск 12. — С. 3898—3903. — DOI: 10.30853/phil20210643.

17. Шляхова С. С. Дребезги языка. Словарь русских фоносемантических аномалий / С. С. Шляхова. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2004. — 226 с. — ISBN 5-85218-210-9.

18. Шляхова С. С. Фоносемантическая звуковая картина мира / С. С. Шляхова, М. Г. Вершинина. — Пермь : Пермский политехнический университет, 2016. — 424 с. — ISBN 978-5-398-01648-2.

19. Aryani A. Affective Congruence between Sound and Meaning of Words Facilitates Semantic Decision [Electronic resource] / A. Aryani, A. M. Jacobs // Behavioral Sciences. — 2018. — № 8 (6) : 56. — Access mode : <https://www.mdpi.com/2076-328X/8/6/56/> DOI: 10.3390/bs8060056 (accessed 15.03.2023).

20. Asano M. Sound symbolism scaffolds language development in preverbal infants / M. Asano, M. Imai, S. Kita, K. Kitajo, H. Okada, G. Thierry // Cortex. — 2015. — № 63. — Pp. 196—205. — DOI: 10.1016/j.cortex.2014.08.025.

21. Bankieris K. What is the link between synaesthesia and sound symbolism? / K. Bankieris, J. Simner // Cognition. — 2015. — № 136. — Pp. 186—195. — DOI: 10.1016/j.cognition.2014.11.013.

22. Flaksman M. A. Onomatopoeia and regular sound changes / M. A. Flaksman // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2022. — Т. 15. — № 10. — С. 1508—1515. — DOI: 10.17516/1997-1370-0351.

23. Lockwood G. Sound-symbolism boosts novel word learning / G. Lockwood, M. Dingemanse, P. Hagoort // Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory and Cognition. — 2016. — № 42 (8). — Pp. 1274—1281. — DOI: 10.1037/xlm0000235.

24. Mokienko V. M. The Axiological Portrait of Quality and its Standard (Based on Comparative Phraseography) / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2021. — № 66. — Vol. 1. — Pp. 101—114. — DOI: 10.1556/060.2021.00009.

25. Sidhu D. M. Effects of iconicity in lexical decision / D. M. Sidhu, G. Vigliocco, P. M. Pexman // Language and cognition. — 2020. — № 12 (1). — Pp. 164—181. — DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.36>.

26. Zheltova E. V. “Motivated signs” : some thoughts on phonosemantics and submorpheme theory in the context of Democritus’ and Epicurus’ traditions / E. V. Zheltova, A. Ju. Zheltov // Hyperboreus. Studia Classica. — 2019. — Vol. 25. — № 2. — Pp. 354—365.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023,
одобрена после рецензирования 10.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

- BSRNS — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Big dictionary of folk comparisons*. Moscow: OLMA Media Group. 800 p. ISBN 978-5-373-01351-2. (In Russ.).
- BTS — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (1998). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Fasmer — Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language*, 1—4. 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects*, 1—49. (1965—2016). Leningrad: Nauka; Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).

References

- Alieva, S. A. (2015). Russian and Kumyk phraseological units with onomatopoeic component as a manifestation of metaphorization of onomatopes. *Modern problems of science and education*, 1—1: P. 1193. (In Russ.).
- Aryani, A., Jacobs, A. M. (2018). Affective Congruence between Sound and Meaning of Words Facilitates Semantic Decision. *Behavioral Sciences*, 8 (6): 56. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-328X/8/6/56>/ DOI: 10.3390/bs8060056 (accessed 15.03.2023).
- Asano, M., Imai, M., Kita, S., Kitajo, K., Okada, H., Thierry, G. (2015). Sound symbolism scaffolds language development in preverbal infants. *Cortex*, 63: 196—205. DOI: 10.1016/j.cortex.2014.08.025.
- Askari, A. S. (2019). On the differentiation of sound symbolism and onomatopoeia. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 3 (100): 7—14. (In Russ.).
- Bankieris, K., Simner, J. (2015). What is the link between synaesthesia and sound symbolism? *Cognition*, 136: 186—195. DOI: 10.1016/j.cognition.2014.11.013.
- Bazhenov, N. Yu. (2020). Structural and semantic classification of phraseological units of the field “Speech” in Russian dialects (based on the SRNG material). *Lexical atlas of Russian vernacular dialects: Materials and research*, 14: 31—43. (In Russ.).
- Chibysheva, O. A., Osadchuk, N. V. (2021). Linguocultural features of the SOUND concept / SOUND: objectification of the microconcept “Sounds caused by human activity / Anthropogenic sounds” on the material of English phraseological units. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 14 (12): 3898—3903. DOI: 10.30853/phil20210643. (In Russ.).
- Flaksman, M. A. (2022). Onomatopoeia and regular sound changes. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 15 (10): 1508—1515. DOI: 10.17516/1997-1370-0351.
- Flaxman, M. A. (2016). *Dictionary of English sound-imaginative vocabulary in diachronic lighting*. Saint Petersburg: Institute of Foreign Languages; Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 201 p. ISBN 978-5-88812-801-5. (In Russ.).
- Lockwood, G., Dingemanse, M., Hagoort, P. (2016). Sound-symbolism boosts novel word learning. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 42 (8): 1274—1281. DOI: 10.1037/xlm0000235.
- Mamytova, A. K. (2019). The role of sound media in the sound picture of the world. *Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan*, 10: 232—236. DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557. (In Russ.).

- Marinchenko, I. A., Vasilyeva, E. V. (2020). Stylistic techniques of using onomatopoeia in children's fiction. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 13 (2): 113—117. DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.21. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2022). Axiology of neophrasemes and phraseotransformations in lexicographic interpretation. *Questions of lexicography*, 25: 81—107. DOI: 10.17223/22274200/25/4. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2021). Dialect dictionary as a linguo-axiological source. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 3 (17): 43—66. DOI: 10.30842/alp230657371734366. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2021). The Axiological Portrait of Quality and its Standard (Based on Comparative Phraseography). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 66 (1): 101—114. DOI: 10.1556/060.2021.00009.
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2018). To the concept of a complete dictionary of folk phraseology: problems of macrostructuring. *Questions of Lexicography*, 4: 80—106. DOI: 10.17223/22274200/14/5. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2022). Innovative lexicographic discourse in the detective genre: possibilities of educational representation of phraseology. *Rusistika*, 20 (2): 247—262. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2021-a). Modern educational phraseography: innovative parameters of a paper dictionary. *Questions of lexicography*, 20: 67—90. DOI: 10.17223/22274200/20/4. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2021-b). Phraseological dictionary at school and at home: which to choose and how to use. *Russian language at school*, 82 (5): 26—36. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2016). *Textbook on phraseology as a means of forming linguistic and cultural competence of foreign students. Society. Integration. Education. Proceedings of annual international scientific Conference. May 27—28d, 1. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola*. 188—199. DOI: 10.17770/sie2016vol1.1489. (In Russ.).
- Phonosemantics: The experience of interdisciplinary research. Monograph*. (2022). Moscow: Mir nauki. 229 p. ISBN 978-5-907603-68-4. (In Russ.).
- Shlyakhova, S. S., Vershinina, M. G. (2016). *Phonosemantic sound picture of the world*. Perm: Perm Polytechnic University. 424 p. ISBN 978-5-398-01648-2. (In Russ.).
- Shlyakhova, S. S. (2004). *The Drebezgi of the language. Dictionary of Russian Phonosemantic anomalies*. Perm: Perm State Pedagogical University. 226 p. ISBN 5-85218-210-9. (In Russ.).
- Sidhu, D. M., Vigliocco, G., Pexman, P. M. (2020). Effects of iconicity in lexical decision. *Language and cognition*, 12 (1): 164—181. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.36>.
- Zhelto, A. Yu., Zheltova, E. A. (2022). Between submorphs and phonosemantics: towards the typology of extra-morphemic signs. *Indo-European linguistics and Classical philology*, 26—1: 437—464. DOI: 10.30842/ielp230690152629. (In Russ.).
- Zhelto, E. V., Zheltov, A. Ju. (2019). “Motivated signs”: some thoughts on phonosemantics and submorpheme theory in the context of Democritus’ and Epicurus’ traditions. *Hyperboreus. Studia Classica*, 25 (2): 354—365.

*The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 10.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

.....

Григорий Валериевич Токарев, д-р филол. наук (Тула)

Наталья Викторовна Кайзер-Данилова, канд. филол. наук (Тюмень)

Ольга Александровна Болтуц, канд. филол. наук (Краснодар)

Ольга Александровна Селеменова, д-р филол. наук (Елец)

Элина Олеговна Гаврикова, канд. филол. наук (Тюмень)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Болтуц О. А. Медиакоммуникационный потенциал путеводителей по Черноморской губернии / О. А. Болтуц // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 203—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-203-220.

Boltuts, O. A. (2023). Media Communication Potential of Guidebooks in Black Sea Province. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 203-220. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-203-220. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-203-220

Медиакоммуникационный потенциал путеводителей по Черноморской губернии

Болтуц Ольга Александровна

orcid.org/0000-0001-5210-2090

кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории
и правового регулирования
массовых коммуникаций
boltutsolga2017@gmail.com

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Кубанского научного фонда
в рамках научного проекта
№ МФИ -20.1/8

Media Communication Potential of Guidebooks in Black Sea Province

Olga A. Boltuts

orcid.org/0000-0001-5210-2090

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History
and Legal Regulation
of Mass Communications
boltutsolga2017@gmail.com

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with
the financial support
of the Kuban Science Foundation
as part of a scientific project
№ MFI -20.1/8

© Болтуц О. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению мало-исследованной проблемы медиакоммуникационного потенциала путеводителей по Черноморской губернии в контексте историко-культурного развития края. Утверждается, что изучение существующей лакуны представляет несомненный интерес для создания полной картины информационного развития Черноморской губернии в процессе кардинальных экономических и социокультурных изменений. Доказывается, что колонизация Черноморского побережья Кавказа — важнейшая составляющая социально-экономической и культурной политики России. Отмечается, что в то же время процесс заселения и освоения земель, начавшийся во второй половине XIX века, шел крайне медленно и носил малоэффективный характер. Решение вопроса было невозможно без системной информационной кампании со стороны государства. Установлено, что на рубеже XIX—XX веков путеводители по Черноморской губернии стали одним из важных каналов распространения информации о потенциальных возможностях губернии в сфере земледелия, курортного дела, развития туризма. Автор приходит к выводу, что содержание данных путеводителей парадоксальным образом совмещало сведения исторического и литературно-краеведческого характера, способствуя популяризации культурного и природного своеобразия Черноморской губернии. В то же время, подобно периодическим изданиям, путеводитель рассказывал о существующих проблемах и способах их решения для дальнейшего успешного развития края.

Ключевые слова:

Черноморская губерния; путеводитель; медиакоммуникационный потенциал; литературно-краеведческий контекст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the little-studied problem of the media communication potential of guidebooks in the Black Sea province in the context of the historical and cultural development of the region. The study of the existing gap is of undoubted interest for creating a complete picture of the information development of the Black Sea province in the process of cardinal economic and socio-cultural changes. The colonization of the Black Sea coast of the Caucasus is the most important component of the socio-economic and cultural policy of Russia. However, the process of settlement and land development, which began in the second half of the 19th century, was extremely slow and ineffective. The solution of the issue was impossible without a systematic information campaign on the part of the state. At the turn of the 19th—20th centuries, guidebooks for the Black Sea province became one of the important channels for disseminating information about the potential opportunities of the province in the field of agriculture, resort business, and tourism development. The author comes to the conclusion that the content of these guides paradoxically combined information of a historical and literary local history nature, contributing to the popularization of the cultural and natural originality of the Black Sea province. At the same time, like periodicals, he talked about existing problems and ways to solve them for further successful development of the region.

Key words:

Black Sea province; guide; media communication potential; literary and local history context.

УДК 659.113.3:379.85(47-13)“1859/1904”

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиакоммуникационный потенциал путеводителей по Черноморской губернии

© Болтуц О. А., 2023

1. Введение = Introduction

Исследование локального информационного пространства в контексте политических, социальных и культурных изменений страны — одно из актуальных направлений в отечественной медиалогии. Черноморская губерния как самостоятельная административно-территориальная единица в Российской империи появилась достаточно поздно, в 1896 году. Формирование губернии в контексте политики колонизации Черноморского побережья Кавказа носило длительный характер и сопровождалось информационной кампанией на государственном уровне.

Актуальность данной работы определяется необходимостью изучения медиакоммуникационного потенциала «Справочника и путеводителя по Черноморской губернии» (Новороссийск) [Справочник ..., 1904] в рамках государственной информационной кампании рубежа XIX—XX веков по привлечению инвестиций и решению проблемы заселения данной территории.

Цель статьи — рассмотреть специфику медийной (с позиций современной медиалогии) составляющей «Справочника и путеводителя по Черноморской губернии», представляющего социальный, историко-культурный, экономический, краеведческий интерес, проанализировать материалы, связанные с освещением жизни Черноморской губернии на рубеже XIX—XX веков.

Изучение путеводителей дореволюционного периода в настоящее время переходит на новый качественный уровень, привлекая внимание отечественных исследователей в области истории, культуры, туризма, рекламы, краеведения. Среди научных публикаций, посвященных данной проблематике, стоит отметить работы Е. В. Молочко [Молочко, 2010], И. И. Руцинской [Руцинская, 2014], Л. И. Лысовой [Лысова, 2015], И. Ф. Стельмах [Стельмах, 2015], С. А. Калинкиной, В. В. Калинкиной [Калинкина и др., 2018], Ю. М. Прохоровой [Прохорова, 2021] и др. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что при анализе путеводителей практически не затрагивается их медиакоммуникационный потенциал (условно обозначим его так) применительно к указанному периоду.

В современной медиалогии под медиакоммуникацией понимается «процесс, связанный с распространением с помощью технических средств между различными группами и индивидуумами специально подготовленных сообщений, представляющих социальную и личную значимость» [Пескова, 2015, с. 27], поэтому термин *медиакоммуникационный потенциал*, на наш взгляд, может использоваться при описании регионального информационного пространства определенного периода.

Под *медиакоммуникационным потенциалом* мы понимаем возможность информационного воздействия на общественное сознание на страницах всех периодических и примыкающих к ним неперiodических изданий, выходивших в том или ином регионе в дореволюционный период. В статье термин *медиакоммуникационный потенциал* используется применительно к дореволюционной периодике, так как ведущие исследователи в области региональной отечественной журналистики данного периода, в частности Б. М. Городецкий, относили путеводители, адрес-календари, сборники статистических комитетов к неперiodическим «повременным изданиям», то есть к газетам, журналам, альманахам. Поэтому рассматриваемый «Справочник и путеводитель» с большой долей вероятности можно включить в формирующееся медиапространство Черноморской губернии.

Необходимо отметить, что «Справочник и путеводитель ...» (1904) обладает характерными чертами медиа, выступая, с одной стороны, каналом коммуникации между властью и обществом, с другой стороны, формируя привлекательный образ региона, что позволяет включить его в медийную систему Черноморской губернии, созданной незадолго до его появления.

Новизна исследования заключается в том, что впервые выполнен системный анализ медиакоммуникационного потенциала «Справочника и путеводителя по Черноморской губернии» [Справочник ..., 1904] в литературно-краеведческом аспекте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании были использованы такие методы, как историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, а также контент-анализ. Данные методы позволяют решить задачи, поставленные в ходе исследования, в полном объеме с привлечением широкой источниковой базы, включающей в себя как зарубежные, так и отечественные путеводители рассматриваемого периода, справочную и документальную литературу, а также научные исследования.

Данная статья основывается на собранных, систематизированных и проанализированных материалах, прежде всего зарубежных [Murray, 1868; Baedeker, 1888] и отечественных путеводителях [Никольский, 1859; Нейд-

гардт, 1868; Москвич, 1889; Справочник и путеводитель..., 1904] второй половины XIX — начала XX веков, отражающих типологическую трансформацию модели данного типа издания, а также специфику содержания.

Для понимания проблемы формирования издательской стратегии Дж. Мюррея, отразившейся в том числе и в его знаменитых путеводителях, большое значение имеют коллективная работа профессора исторической географии Лондонского университета Иннеса М. Кейрена, профессора библиографии Университета Кардиффа и постоянного научного сотрудника Геттингенского университета Билла Белла, исторического географа и академика Чарльза У. Дж. Уизерса, а также воссозданная на основе архивных документов переписка Дж. Мюррея, имеющая междисциплинарный характер [Keighren et al., 2015].

К числу источников следует отнести справочную и документальную литературу, прежде всего записки, обзоры, выполненные официальными лицами и отражающие длительную историю заселения и освоения земель Черноморского побережья Кавказа [Верещагин, 1885; Дондуков-Корсаков, 1889]. Данные источники содержат важные исторические, статистические, экономические и краеведческие сведения, позволяющие восполнить лакуны в истории колонизации Черноморской губернии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Появление отечественных путеводителей по российской провинции

Традиции европейских путеводителей связаны с именами двух известных европейских издателей — Джона Мюррея (Великобритания) и Карла Бедекера (Германия). Среди выпущенной ими печатной продукции особо стоит отметить путеводители, посвященные столичным и провинциальным городам России. Так, в 1849 году в Великобритании в издательстве Дж. Мюррея вышел в свет путеводитель, посвященный России и Финляндии. В 1868 году появилось второе издание, исправленное и дополненное — «Handbook for Travellers in Russia, Poland, and Finland» [Murray, 1868]. Необходимо отметить, что описание российских городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Твери, Полоцка, Смоленска, Брянска, Киева, Керчи, Ростова и других — сопровождалось подробными историческими справками с «фирменным указанием обязательных достопримечательностей», картами и планами, что было частью издательской стратегии Дж. Мюррея [Keighren et al., 2015, p. 296].

Путеводители Карла Бедекера, появившиеся несколько позже, отличались «звездной классификацией», максимальной точностью сведений и акцентом на визуальной составляющей. В этом могли убедиться читатели ту-

ристического справочника «*Rusland. Handbuch für Reisende*», ставшего серийным изданием. Путеводитель знакомил не только с Санкт-Петербургом и Москвой, но и с Самарой, Оренбургом, Рязанью, Воронежем, Новороссийском, Владикавказом, Тифлисом [Baedeker, 1888].

Первые путеводители, посвященные исключительно провинциальным городам России и созданные отечественными авторами, появились во второй половине XIX века. Необходимо отметить, что в отличие от изданий Мюррея и Бедекера в отечественных путеводителях в качестве авторов могли выступать как чиновники, так и частные лица. Более того, инициатива создания путеводителей нередко поддерживалась местными властями. Так, в 1859 году старший чиновник особых поручений при губернаторе Ярославской губернии, редактор неофициальной части газеты «Ярославские губернские ведомости», член-корреспондент Ярославского губернского статистического комитета Федор Яковлевич Никольский под руководством начальника Ярославской губернии А. П. Бутурлина составил «Путеводитель по Ярославской губернии», в котором подробно описывались история, география и статистика городов и уездов губернии [Никольский, 1859]. Любопытный момент — основу путеводителя составили публикации Ф. Я. Никольского, которые выходили в 47 номерах «Ярославских губернских ведомостей» в 1850 году.

Примером частной инициативы может считаться еще один путеводитель: в 1862 году статский советник, секретарь Санкт-Петербургского статистического комитета Петр Петрович Нейдгардт выпустил в столице «Путеводитель по Волге», состоявший из трех частей [Нейдгардт, 1862]. В них рассказывалось об особенностях волжского судоходства, видах местных рыб, приводились данные из топонимики, истории и современного состояния уездных и губернских городов — от Твери до Астрахани. Типологически путеводители российских авторов-составителей отличались от путеводителей Мюррея и Бедекера: ставка делалась не на иллюстративный ряд, а на вербализацию содержания, а в описании городов большое внимание уделялось не только истории, но и современному состоянию региона.

Новым этапом в развитии отечественных изданий данной тематики стали путеводители по Крыму. Они связаны именем Григория Георгиевича Москвича, которого современники называли «русским Бедекером». И действительно, его путеводители, во многом напоминавшие европейские аналоги, поражали читателей как компактным форматом, так и компетентностью изложения. В 1888 году появился его «Практический путеводитель по Крыму», который впоследствии часто переиздавался [Москвич, 1889]. И. Ф. Стельмах обращает особое внимание на периодический и коммуникативный характер такого рода изданий: «Это не только одно из первых справочных

изданий по Крыму, это первое периодическое издание о полуострове, соответствующее современным требованиям, предъявляемым к путеводителю как справочнику и как к популярному периодическому изданию для досуга» [Стельмах, 2015, с. 49]. Данный путеводитель удачно использовал медиастилистику в современном понимании, совмещая практическое и познавательное содержание. Так, на его страницах рассказывалось об истории, климате, достопримечательностях и народностях Крыма, описывались оптимальные маршруты для путешествия по полуострову, давались рекомендации по использованию лечебного потенциала Евпатории, Саки, Ялты. Однако «основная направленность путеводителя заключалась в передаче исчерпывающих сведений, избавляющих туристов от произвольной траты времени и расходов, что и отражало практический характер издания» [Там же].

Формат, предложенный Г. Г. Москвичом, пользовался огромным успехом не только среди читательской аудитории, но и у авторов других путеводителей. Именно «бедекеры» Москвича в дальнейшем станут издательско-тематической моделью для других авторов путеводителей и справочников, и эта тенденция сохранится вплоть до 1917 года.

3.2. Проблемы заселения и освоения Черноморской губернии

В начале XX века Черноморское побережье Кавказа стали называть «русской Ниццей, Тулузой, Бордо, Биариццем», «Русской Ривьерой». Действительно, целебный климат и великолепная природа Сочи и Гагр ничуть не уступали известным и респектабельным курортам Европы, однако на этом сходство заканчивалось. Заселение земель, развитие территорий и транспортной инфраструктуры Черноморской губернии, несмотря на все усилия правительства и местных властей, шли медленно. Процесс колонизации Черноморского побережья Кавказа, начатый в 1866 году с целью решения демографических проблем и создания экономически развитой территории, долгое время не давал ожидаемых результатов, вызвав широкую дискуссию со стороны администрации и общественности [Федина, 2022, с. 500].

Так, Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, Главноначальствующий на Кавказе в 1882—1890-х годах, регулярно совершал поездки по вверенной ему территории, неоднократно выдвигая свои предложения по колонизации земель от Новороссийска до Сухума. После очередной поездки в октябре 1889 года он отмечал «безотрадное положение края, на который затрачено было столько непроизводительных расходов и человеческих жертв» [Дондуков-Корсаков, 1889, с. 1]. Политику Кавказской администрации в вопросе заселения Черноморского округа он характеризовал как «ряд отрывочных мер, часто противоречащих одна другой», которые «не могли выработать правильную систему в этом серьезном деле», а «меры сами в себе носили залог неуспеха» [Дондуков-Корсаков, 1889, с. 8].

Арсений Васильевич Верещагин, чиновник особых поручений при губернаторе в Москве, имевший агрономическое образование, путешествовал по Черноморскому округу в 1870, 1873, 1879 годах и был настолько вдохновлен климатическим богатством и природными возможностями края, что переселился из Москвы в Сочи и до конца жизни оставался популяризатором Черноморского побережья. Он опубликовал ряд работ, посвященных Черноморскому округу: путевые заметки, исторические обзоры, справочные книжки, — в которых затрагивал проблему колонизации. А. В. Верещагин считал, что «вопросы о колонизации не могут и не должны быть предметом канцелярской тайны; напротив того, такие вопросы необходимо обсуждать не только в правительственных учреждениях, но и в ученых обществах и в печати [Верещагин, 1885, с. 36].

Новый этап колонизации Черноморской губернии, начавшийся в 1890-е годы, связан с именем Николая Саввича Абазы. Член Государственного совета, Председатель Высочайше учрежденной Особой Комиссии для выработки проекта законоположений по устройству Черноморского побережья, гофмейстер Высочайшего двора, доктор медицины Н. С. Абаза обратил особое внимание на развитие транспортной инфраструктуры, сельского хозяйства и курортного потенциала Черноморского побережья.

В 1898 году по инициативе Н. С. Абазы в посад Сочи прибыла комиссия ученых и врачей, которая исследовала климатические и лечебные факторы местности [Соловьева, 2007, с. 13]. Вывод комиссии был однозначен: бальнеологические возможности Сочи как курорта необычайно высоки. Результаты экспедиции, представленные на Первом Всероссийском съезде деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии в декабре 1898 года, а также публикация трудов ученых привлекли внимание правительства и общественности, и освоение курортных земель стало более активным.

Так, открытие целебных минеральных источников в Мацесте, а также строительство дач и имений высших сановников Российской империи в окрестностях Сочи и Гагр способствовали притоку новых переселенцев и инвестированию со стороны частного капитала. В немалой степени это связано также с деятельностью Александра Сергеевича Ермолова, статс-секретаря, действительного тайного советника, министра земледелия и государственных имуществ, который стремился создать курорт на Черноморском побережье Кавказа [Суслова, 2016, с. 97]. Однако, несмотря на все прилагаемые усилия правительства и местных властей, этого было недостаточно, поскольку курортное развитие территорий Черноморской губернии требовало системной государственной поддержки и широкой информационной кампании.

3.3. Путеводители и их информативно-коммуникационный потенциал

После экспедиции ученых и врачей 1898 года количество публикаций о Черноморском побережье увеличилось, однако часть из них носила «настолько противоречивый и сбивчивый характер, что по ним трудно составить представление о крае» [Калабухов и др., 1904, с. 4]. Другая часть — фельетоны, корреспонденции в периодической печати — не отличалась объективностью: «Не в первый раз встречался я с корреспондентами, пишущими о Черноморском побережье, не побывавшими там ни разу, есть и другого сорта печатные труды, написанные только на основании того, что автор только проехал на пароходе мимо Кавказского побережья» [Там же, с. 6]. Особый род публикаций составляли рекламные брошюры, в которых «местные интересы того или иного пункта слишком ясно проглядывают» [Там же, с. 8].

Для успешного решения государственной задачи — заселения Черноморской губернии, — которое было невозможно без формирования у широкой аудитории полного и объективного представления о возможностях Черноморского побережья Кавказа, требовался иной информационный подход. Он должен был сочетать в себе, с одной стороны, точные исторические, экономические и этнографические сведения о местности, а с другой — рассказывать о проблемах и перспективах территории потенциальным землевладельцам, собственникам или отдыхающим.

Такой формат вскоре был найден, когда в ноябре 1901 года Черноморским губернатором был назначен полковник Евгений Николаевич Волков, уделявший самое пристальное внимание информационному развитию вверенной ему территории. Так, в декабре 1902 года он не только поддержал инициативу создания ежедневной губернской газеты «Черноморское побережье», но и согласился стать ее неофициальным цензором.

Однако информационных возможностей газеты было недостаточно для адекватного освещения потенциала Черноморской губернии. 10 декабря 1904 года в Новороссийске, административном и деловом центре Черноморской губернии, по распоряжению Е. Н. Волкова была издана первая часть «Справочника и путеводителя по Черноморской губернии: Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сочи, Хоста, Гагры» [Герасименко и др., 1998, с. 306]. К нему, согласно сложившейся традиции, прилагались карты Черноморской губернии в пятиверстном масштабе. Любопытным и важным дополнением также стали обязательные *«постановления для жителей и рабочих г. Новороссийска, списки владельцев частных участков, условия их продажи, правила для застройки, объявление об открытии справочного бюро для переселенцев, закон о преобразовании Черноморского округа в губернию»* [Справочник ..., 1904, с. 1—145] и другие официальные документы.

Публикация нормативных и правовых актов в приложении путевода-теля позволяла заранее получить максимально полную информацию лицам, проживавшим в различных частях Российской империи, которые планировали переселиться на постоянное место жительства, открыть свое дело или найти работу в приморских городах. Таким образом, можно гово-рить о том, что рассматриваемое издание в определенной степени способ-ствовало информационному сопровождению процесса освоения земель и заселения Черноморской губернии.

«Справочник и путеводитель по Черноморской губернии: Новорос-сийск, Геленджик, Туапсе, Сочи, Хоста, Гагры» был составлен по програм-ме и под редакцией камер-юнкер Двора Его Императорского Величества, коллежского советника Черноморского вице-губернатора Алексея Алек-сандровича Березникова.

Среди многочисленной команды авторов-составителей, представлен-ных чиновниками, деятелями науки и культуры, а также журналистского со-общества особо стоит выделить редактора-издателя газеты «Черноморское побережье» Федора Степановича Леонтовича, который хорошо знал пробле-мы Черноморского побережья и из номера в номер рассказывал о них на страницах собственного издания [Болтуц, 2020, с. 229]. Возможно, именно факт участия Ф. С. Леонтовича в создании контента путеводителя позволил усилить его информационно-экономическую и рекламную составляющую: так, в особые разделы выносилась информация о периодических изданиях, выходящих или получаемых в Новороссийске, Туапсе, Сочи с указанием на-звания газеты, стоимости номера и места продажи [Справочник ..., 1904, с. 15, 115, 168]. Например, «Справочник и путеводитель по Черноморской губернии» сообщал, что *«газеты петербургские доходят в Новороссийск на третий день, московские — на второй, и ростовская в тот же или на другой день»*, а о местном издании — газете «Черноморское побережье» — доверительно рассказывалось, что телеграммы о ходе Русско-японской вой-ны можно купить и отдельным выпуском, которые выходят несколько раз в течение дня [Там же, с. 49]. Необходимо подчеркнуть, что, как правило, подобная информация не была общепринятой для путеводителей, поэтому является ценным материалом для восстановления полной картины регио-нального информационного пространства.

В предисловии «Справочника и путеводителя ...» редакция объясняла актуальность публикации: *«... бедность печатных, в особенности практи-ческих, сведений о Черноморской губернии и наряду с этим возрастаю-щий интерес к Новороссийску, Сочи, Туапсе, Геленджику, Хосте, Адлеру, Гаграм и другим пунктам Черноморского побережья вызвали к жизни настоящее издание, содержащее посильные ответы на вопросы о харак-*

тере и особенностях края, равно об условиях постоянного или временно-го устройства и жизни в нём в качестве участковладельцев, дачников и путешественников [Там же, с. 4].

«Справочник и путеводитель ...» традиционно включал в себя описание оптимальных маршрутов из Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Риги, Киева до станции Новороссийск, размер оплаты услуг извозчиков, рассказ о лучших гостиницах и меблированных комнатах, экскурсионных маршрутах. Особенностью данного путеводителя стал тот факт, что все представленные города: Новороссийск, Геленджик, Гагра, Сочи, Хоста, Адлер, Туаспе — рассматривались не только с точки зрения истории, культуры, этнографии, статистики и литературного краеведения, что было традиционно для концепции большинства отечественных путеводителей, но и с точки зрения насущных потребностей Черноморской губернии — развития лечебно-оздоровительного потенциала и заселения территории.

Так, в разделе о Новороссийске, который имел на тот момент репутацию портового города и крупного зернового пункта, были представлены не только сведения историко-краеведческого, экономического, административного, статистического характера, но и данные о его возможностях как курорта. Особо стоит отметить, что эта информация носила объективный, а порой и критический характер, что редко можно было встретить в изданиях данного типа: *Если природа предопределила деловое коммерческое значение Новороссийска, то не менее того она предоставила ему данных, чтобы стать купально-климатическим курортом. Как курорт — Новороссийск в зародыше. В 1903 году число съехавшихся для пользования морскими купаньями иногородних жителей не превышало 2 тысяч человек. Большинство приезжих было из соседнего Екатеринодара. Из дальних местностей приезда не бывает. Так как везде имеются люди, желающие и могущие на скромных основаниях провести в здоровых условиях 2—3 месяца на берегу моря, то невнимание к Новороссийску, никогда себя не рекламировавшему, возможно отчасти объясняется незнакомством жителей отдаленных Черноморской губернии местности с достоинствами Новороссийска как тихого и дешевого приморского купального пункта. А достоинства эти, несомненно, существуют* [Там же, с. 41]. Стоит подчеркнуть, что о недостаточно активном развитии курортного дела в губернии писала и местная пресса, что в данном случае тематически сближает путеводитель и периодическое издание.

Также отметим, что анализ современного состояния дел в Черноморской губернии на страницах «Справочника и путеводителя ...» включал в себя не только критику, но и конкретные предложения по улучшению, что, на наш взгляд, значительно расширило информационный и коммуни-

кационный потенциал путеводителя. Такой подход к освещению проблемы характерен в большей степени для периодических изданий, и в то же время он позволяет усилить информационное воздействие на аудиторию.

3.4. Лингвопрагматическая специфика «Справочника и путеводителя ...»

Привлечение инвесторов и туристов в Черноморскую губернию, заселение территории — главные цели «Справочника и путеводителя ...» и важнейшая составляющая государственной информационной кампании по развитию Черноморской губернии. Композиция, тематика, языковое оформление издания были призваны эффективно решать поставленные задачи.

Так, информация о каждом населенном пункте включала в себя статистические данные о составе и численности населения на момент выхода издания, «*о расположении и делении города, о числе домов*» [Справочник и путеводитель ..., 1904, с. 27], данные о работе государственных, коммерческих и частных предприятий, включая гостиницы, рестораны, аптеки, банки, купальни, «*иностраннные консульства и вице-консульства, присутственные места*» [Там же, с. 13, 15, 114, 167], историческую справку, рассказывающую об этапных моментах основания и развития городов и поселков, сведения о промышленном, экономическом и курортном потенциале местности.

Следует отметить композиционную особенность данного издания. В большинстве отечественных дореволюционных провинциальных путеводителей рассказ начинается с подробного описания истории создания и важнейших моментов развития населенного пункта, однако в рассматриваемом «Справочнике и путеводителе ...» акцент делается на современном состоянии города и лишь в конце предлагается историческая справка. Можно предположить, что подобная композиция объясняется необходимостью, в первую очередь в рамках государственной информационной кампании, привлечения инвесторов для экономического развития региона. Именно для тех, кто хотел бы открыть свое дело или инвестировать в имеющиеся предприятия, на страницах издания подробно рассказывается о современном состоянии дел в губернии: о «*коммерческой деятельности порта и железных дорог*» в Новороссийске [Там же, с. 34, 35], о деятельности порта в Туапсе [Там же, с. 124].

Стремление привлечь в Черноморскую губернию людей для заселения территории — вторая важнейшая задача в рамках государственной информационной кампании — в свою очередь определило особенность тематики «Справочника и путеводителя». Для тех читателей, кто хотел бы обосноваться на новом месте, построить дом, рассказ о крупных населенных пунктах сопровождался адресными данными «*землемеров, архитекторов, подрядчиков, строителей*», информацией о месте «*продажи лесных и дру-*

гих строительных материалов», «продаже семян, растений и деревьев», «сельско-хозяйственных орудиях и принадлежностях», «о лицах, занимающихся культурой чужих участков» [Там же, с. 21, 117, 118, 168, 169].

Большинство отечественных дореволюционных провинциальных путеводителей стремились привлечь туристов описанием достопримечательностей: исторических или природных, рекомендацией пешеходных маршрутов. Подобные сведения предлагал «Справочник и путеводитель ...», однако среди возможных туристических объектов назывались не только природные красоты, но и промышленные объекты, такие как элеватор в Новороссийске или порт в Туапсе: *Новороссийский элеватор, построенный в 1891—1894 годах и стоивший около 8 миллионов рублей, по величине считается первым в Европе и вторым в свете и, по своему интересу, заслуживает затраты путешественником часа или получаса на его посещение... Малолюбопытный посетитель будет награжден открывающимся с элеватора чудным видом на море, горы и потонувшую в зелени Цемесскую долину* [Там же, с. 37]. И далее: *Несмотря на незаконченность порта и полное отсутствие каких-либо приспособлений для выгрузки-погрузки... для местных жителей и приезжих — мол служит одним из любимых мест прогулок; сюда ходят подышать чистым морским воздухом, полюбоваться на море и живописные виды Туапсе* [Там же, с. 125]. Отметим, что подобный подход составителей «Справочника и путеводителя ...» к выбору достопримечательностей можно рассматривать одновременно и как рекламный ход, и как стремление максимально широко представить рекреационные возможности Черноморской губернии.

Языковое оформление издания, как и в большинстве отечественных дореволюционных путеводителей, прежде всего было направлено на формирование привлекательного образа региона в контексте как постоянного проживания, так и отдыха и восстановления здоровья. Типичный пример описания природных красот включал эпитеты, метафоры, сравнения, отличался экспрессивностью: *Необъятная синева свободной стихии теряется в туманной дымке. Перед нами открывается побережье — на многие десятки верст ... Чем сильнее все залито потоком южного, нестерпимого света, тем неуловимее очертания и привлекательнее вид; не оторвешься от него: так и кажется, вот-вот за поворотом откроется что-нибудь неожиданное и поразжающее* [Там же, с. 98].

Однако составители говорят не только об очевидных достоинствах местности, они спешат развенчать мифы о недостатках Черноморской губернии. И в таком случае к выразительным средствам языка добавляются фактографические данные: *Много, слишком много говорят о дующем по временам в Новороссийске северо-восточном ветре, создавшем не соответствующую*

действительности репутацию неприятного в климатическом отношении города ... Рассказы о норд-осте полны грубых анекдотических преувеличений и выдумок, следует заметить, что ветер этот отличается резкостью и холодом только в зимние (ноябрь и декабрь) и первый весенний месяц (март). Как курьез надлежит отметить влияние норд-оста на сокращение числа заразительных заболеваний. Явление это неоднократно наблюдалось во время эпидемий, не исключая холеры [Там же, с. 43].

Благодаря композиционным, тематическим и языковым особенностям «Справочника и путеводителя», удачному сочетанию информативности и развлекательности, издание стало важной составляющей в популяризации Черноморской губернии и ценным источником сведений литературно-краеведческого характера.

В дальнейшем популяризацией Черноморского побережья Кавказа занимались заинтересованные стороны как в столицах, так и на местном уровне [Харалдина, 2008]. Внимание и интерес к Черноморскому побережью Кавказа вызвало в 1910-е годы появление целой серии путеводителей, посвященных истории и современному положению дел в Сочи, Гагре и т. д.

4. Заключение = Conclusions

Анализ рассматриваемых в статье вопросов показывает, что на рубеже XIX—XX веков в рамках государственной информационной кампании решалась одна из важнейших задач социально-экономической политики Российской империи по освоению Черноморского побережья Кавказа.

Одной из «болевых точек» долгое время являлась Черноморская губерния, в которой, несмотря на усилия правительства и местных властей, десятилетиями не удавалось решить проблему заселения территории и освоения земель.

Открытие курортно-лечебного потенциала территории на рубеже XIX—XX веков позволило привлечь инвесторов, землевладельцев и отдыхающих в регион. Однако для проведения эффективной кампании была необходима государственная информационная поддержка, которая в Черноморской губернии была осуществлена в том числе посредством выпуска «Справочника и путеводителя по Черноморской губернии» и последующих изданий сходного формата.

Официальное издание канцелярии Черноморского губернатора — «Справочник и путеводитель по Черноморской губернии» — способствовало решению стратегических проблем региона и в то же время популяризовало среди широкой аудитории культурный и природный потенциал территории. Это стало возможным благодаря удачному и нетипичному для путеводителей сочетанию видов информации: сведения исторического,

статистического и литературно-краеведческого характера соседствовали с информацией критического плана о существующих проблемах и способах их решения для успешного развития края.

Таким образом, можно прийти к выводу, что «Справочник и путеводитель по Черноморской губернии», опубликованный в 1904 году и использовавший опыт предшествующих изданий такого рода, стал удачным примером успешной реализации информационно-коммуникативной составляющей государственной информационной политики на Черноморском побережье Кавказа, которая имеет общие черты с современными медийными технологиями популяризации разного рода проектов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Дондуков-Корсаков А. М. Записка о настоящем положении Черноморского округа и о предположениях по будущему его устройству / А. М. Дондуков-Корсаков. — Тифлис : [б. и.], 1889. — 26 с.
2. Москвич Г. Г. Практический путеводитель по Крыму с приложением алфавитного указания местностей, карты гористой части Крыма, плана гор. Севастополя, плана гор. Ялты, поясненного списком дачевладельцев, расписания движения пароходов и поездов и проч. / Г. Г. Москвич. — 2 изд. — Ялта : Типография Н. Р. Петрова, 1889. — 280 с.
3. Нейдгардт П. П. Путеводитель по Волге / П. П. Нейдгардт. — Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К., 1862. — 120 с.
4. Никольский Ф. Я. Путеводитель по Ярославской губернии / Ф. Я. Никольский. — Ярославль : Типография Германа Фальк, 1859. — 380 с.
5. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии : Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сочи, Хоста, Гагры : с приложением карт Черноморской губернии в пятиверстном масштабе. — Новороссийск : Издание Канцелярии Черноморского Губернатора, Типография Т-ва «Труд», 1904. — Ч. 1. — 224 с.
6. Baedeker K. Russland. Handbuch für Reisende / K. Baedeker. — Leipzig : Verlag von Karl Baedeker, 1888. — 442 b.
7. Murray J. Handbook for Travellers in Russia, Poland, and Finland / J. Murray. — London : Printed by W. Clowes and sons, 1868. — 400 p.

Литература

1. Болтуц О. А. Повседневная жизнь Черноморской губернии на страницах газеты «Северный Кавказ» / О. А. Болтуц // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2020. — № 1. — С. 227—232. — DOI: 10.18522/1995-0640-2020-1-227-232.
2. Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат / А. В. Верещагин. — Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная Польза», 1885. — 36 с.
3. Герасименко А. Новороссийск — от укрепления к губернскому городу / А. Герасименко, С. Санеев. — Краснодар : Эдви, 1998. — 496 с.

4. Калабухов Н. Г. Страна тепла и солнца : Сочи, Туапсе, Гагры и Сухум. В климатическом, климато-лечебном и охотничьем отношениях. Их настоящее и будущее. С 26 рисунками в тексте / Н. Г. Калабухов, Н. И. Яблонский. — Москва : издание журнала «Охотничий Вестник», 1904. — 213 с.

5. Калинкина С. А. Путеводитель как источник туристического краеведения (на примере Крыма) / С. А. Калинкина, В. В. Калинкина // Научный альманах. — 2018. — № 2—2 (40). — С. 200—203.

6. Лысова Л. И. Григорий Москвич — автор путеводителей / Л. И. Лысова // Крымский архив. — 2015. — № 4 (19). — С. 24—37.

7. Молочко Е. В. Путеводители второй половины XIX — начала XX века как форма популяризации памятников истории и культуры Крыма / Е. В. Молочко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. — Серия «Исторические науки». — 2010. — Т. 23 (62). — № 1 : спецвыпуск «История Украины». — С. 133—139.

8. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс : подходы к определению понятий, структура и функции / Е. Н. Пескова // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2015. — № 2 (16). — С. 26—30.

9. Прохорова Ю. М. Дореволюционные путеводители как источник историко-краеведческой информации / Ю. М. Прохорова // Документ в социокультурном пространстве региона : теория, история и современность : материалы IV Международной научно-практической конференции. — Казань : Казанский государственный институт культуры, 2021. — С. 70—75.

10. Руцинская И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры : образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX в. / И. И. Руцинская. — Москва : ЛЕНАНД, 2014. — 285 с. — ISBN 978-5-9710-0697-8.

11. Соловьева В. В. Становление курортной индустрии на Черноморском побережье Кавказа в начале XX в. / В. В. Соловьева // Сервис и туризм в России : история и культура. — 2007. — № 1. — С. 11—20.

12. Стельмах И. Ф. «Практический путеводитель по Крыму» Григория Москвича как источник о состоянии объектов культурного наследия / И. Ф. Стельмах // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. — Серия «Исторические науки». — 2015. — Т. 1 (67). — № 3. — С. 48—55.

13. Сулова И. Б. А. С. Ермолов, основатель города-курорта Сочи / И. Б. Сулова // Гуманизация образования. — 2016. — № 5. — С. 94—99.

14. Федина И. М. Социально-экономическая политика России на Черноморском побережье Кавказа во второй половине XIX века / И. М. Федина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 497—512. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-497-512.

15. Харалдина З. Е. Курорты Черноморского побережья Кавказа в зеркале прессы (конец XIX — начало XX века) / З. Е. Харалдина // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2008. — № 5. — С. 69—72.

16. Keighren I. M. Travells into print : Exploration, Writing and Publishing with John Murray, 1773—1859 / I. M. Keighren, Charles W. J. Withers, Bill Bell. — Chicago and London : The University of Chicago Press, 2015. — 392 p.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023,
одобрена после рецензирования 15.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

- Baedeker, K. (1888). *Russland. Handbuch für Reisende*. Leipzig: Verlag von Karl Baedeker. 442 b.
- Directory and guide to the Black Sea province: Novorossiysk, Gelendzhik, Tuapse, Sochi, Khosta, Gagra: with the application of maps of the Black Sea province on a five-verst scale, 1.* (1904). Novorossiysk: Publication of the Office of the Black Sea Governor, Printing House of the T-va “Trud”. 224 p. (In Russ.).
- Dondukov-Korsakov, A. M. (1889). *A note on the present situation of the Black Sea District and on assumptions about its future structure*. Tiflis: [b. i.]. 26 p. (In Russ.).
- Moskovich, G. G. (1889). *Practical guide to the Crimea with the application of alphabetical indication of localities, maps of the mountainous part of the Crimea, mountain plan. Sevastopol, the plan of the mountains. Yalta, explained by the list of dacha owners, schedules of steamships and trains, etc. 2nd ed.* Yalta: N. R. Petrov Printing House. 280 p. (In Russ.).
- Murray, J. (1868). *Handbook for Travellers in Russia, Poland, and Finland*. London: Printed by W. Clowes and sons. 400 p.
- Neidgardt, P. P. (1862). *Guide to the Volga*. St. Petersburg: Type. V. Bezobrazova and K. 120 p. (In Russ.).
- Nikolsky, F. Ya. (1859). *Guide to Yaroslavl province*. Yaroslavl: Printing house of Herman Falk. 380 p. (In Russ.).

References

- Boltuts, O. A. (2020). Everyday life of the Black Sea province on the pages of the newspaper “North Caucasus”. *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences, 1*: 227—232. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-1-227-232. (In Russ.).
- Fedina, I. M. (2022). Socio-Economic Policy of Russia on Black Sea Coast of the Caucasus in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 11 (10)*: 497—512. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-497-512. (In Russ.).
- Gerasimenko, A., Saneev, S. (1998). *Novorossiysk — from the fortification to the provincial city*. Krasnodar: Edvi. 496 p. (In Russ.).
- Kalabukhov, N. G., Yablonsky, N. I. (1904). *The country of heat and sun: Sochi, Tuapse, Gagra and Sukhum. In climatic, climatic-therapeutic and hunting relations. Their present and future. With 26 drawings in the text*. Moscow: edition of the magazine “Hunting Bulletin”. 213 p. (In Russ.).
- Kalinkina, S. A., Kalinkina, V. V. (2018). Guidebook as a source of tourist local lore (on the example of Crimea). *Scientific Almanac, 2—2 (40)*: 200—203. (In Russ.).
- Keighren, I. M., Charles, W. J. Withers., Bill Bell. (2015). *Travells into print: Exploration, Writing and Publishing with John Murray, 1773—1859*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 392 p.
- Kharaldina, Z. E. (2008). Resorts of the Black Sea coast of the Caucasus in the mirror of the press (late XIX — early XX century). *News of universities. The North Caucasus region. Social sciences, 5*: 69—72. (In Russ.).
- Lysova, L. I. (2015). Grigory Moskvich — author of guidebooks. *Crimean Archive, 4 (19)*: 24—37. (In Russ.).
- Molochko, E. V. (2010). Guidebooks of the second half of the XIX — early XX century as a form of popularization of historical and cultural monuments of the Crimea. *Scientific notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky. Series*

- "Historical sciences"*, 23 (62) / 1: special issue *"History of Ukraine"*. 133—139. (In Russ.).
- Peskova, E. N. (2015). Media communication and media discourse: approaches to the definition of concepts, structure and functions. *Sign: the problematic field of media education*, 2 (16): 26—30. (In Russ.).
- Prokhorova, Yu. M. (2021). Pre-revolutionary guidebooks as a source of historical and local history information. In: *Document in the socio-cultural space of the region: theory, history and modernity: materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Kazan: Kazan State Institute of Culture. 70—75. (In Russ.).
- Rutsinskaya, I. I. (2014). *Guidebook as a phenomenon of mass culture: images of Russian regions in provincial guidebooks of the second half of the nineteenth century*. Moscow: LENAND. 285 p. ISBN 978-5-9710-0697-8. (In Russ.).
- Solovyova, V. V. (2007). The formation of the resort industry on the Black Sea coast of the Caucasus at the beginning of the XX century. *Service and tourism in Russia: History and culture*, 1: 11—20. (In Russ.).
- Stelmakh, I. F. (2015). "Practical guide to the Crimea" by Grigory Moskvich as a source on the state of cultural heritage objects. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series "Historical sciences"*, 1 (67) / 3: 48—55. (In Russ.).
- Suslova, I. B. (2016). A. S. Ermolov, founder of the resort city of Sochi. *Humanization of education*, 5: 94—99. (In Russ.).
- Vereshchagin, A. V. (1885). *Historical review of colonization of the Black Sea coast of the Caucasus and its result*. St. Petersburg: Printing house of the partnership "Public Benefit". 36 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Гаврикова Э. О. Культурные стереотипы и их отражение в транснациональной рекламе / Э. О. Гаврикова, Н. В. Кайзер-Данилова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 221—243. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-221-243.

Gavrikova, E. O., Kaiser-Danilova, N. V. (2023). Cultural Stereotypes and Their Reflection in Transnational Advertising. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 221-243. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-221-243. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-221-243

Культурные стереотипы и их отражение в транснациональной рекламе

Гаврикова Элина Олеговна

orcid.org/0000-0002-5019-8815

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и
общего языкознания
elina_gavrikova@mail.ru

Кайзер-Данилова

Наталья Викторовна *

orcid.org/0009-0003-2734-5367

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и
общего языкознания,

*** корреспондирующий автор**

FrauKaiser@mail.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Cultural Stereotypes and Their Reflection in Transnational Advertising

Elina O. Gavrikova

orcid.org/0000-0002-5019-8815

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
elina_gavrikova@mail.ru

Natalya V. Kaiser-Danilova *

orcid.org/0009-0003-2734-5367

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics,

*** Corresponding author**

FrauKaiser@mail.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Гаврикова Э. О., Кайзер-Данилова Н. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются культурные стереотипы и их отражение в рекламе косметических брендов Dove и Olay. Впервые сопоставительному изучению подвергаются стереотипы красоты в китайской, русской и английской видеорекламе международных компаний. На примере транснациональной рекламы исследованы способы передачи вербальной информации в коммерческом сообщении, выявлены культурные различия в восприятии стереотипов красоты, установлена их трансформация, описаны новые средства выражения. Определена в маркетинге противоречивая тенденция: с одной стороны, международные компании активно используют национально-культурные стереотипы, позволяющие создать эмоционально значимый образ в соответствии с этнокультурным мировоззрением потребителя, обратить внимание на него, принять решение в условиях большого потока информации, с другой — выступают против стандартизации и стереотипизации. Установлена роль стереотипов в восприятии ценности информации.

Ключевые слова:

транснациональная реклама; культурный стереотип; национальные особенности; красота; способы языкового воздействия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An attempt was made in the article to analyze cultural stereotypes and their reflection in the advertising of Dove and Olay cosmetic brands. For the first time, stereotypes of beauty in Chinese, Russian and English video advertising of international companies are compared. On the example of transnational advertising, the ways of transmitting verbal information in a commercial message are studied, cultural differences in the perception of beauty stereotypes are revealed, their transformation is established, and new means of expression are described. A contradictory trend has been identified in marketing: on the one hand, international companies actively use national and cultural stereotypes, which allow creating an emotionally significant image in accordance with the ethno-cultural worldview of the consumer, paying attention to it, making a decision in the face of a large flow of information, on the other hand, they oppose standardization and stereotyping. Their role in the perception of the value of information has been established.

Key words:

transnational advertising; cultural stereotype; national features; beauty; ways of linguistic influence.

Культурные стереотипы и их отражение в транснациональной рекламе

© Гаврикова Э. О., Кайзер-Данилова Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Реклама — неотъемлемый атрибут современной жизни, воздействующий на сознание и поведение потребителей, формирующий образ мира посредством тиражирования культурного опыта, ценностных ориентиров, национальных эталонов, стереотипных представлений. Исследователи отмечают влияние глобализации на продвижение продукта: «национальные границы, рассматриваемые в плоскости организации и функционирования национальных каналов массовой коммуникации, выглядят, по существу, рудиментом прошлого» [Дзялошинский, 2014], подчеркивают кросс-культурный характер современной рекламы: «рассматривается и как коммуникативная деятельность, и как творческий продукт, активно использующий всё мировое культурное наследие» [Бешукова и др., 2016, с. 138].

Одним из ключевых концептов любой лингвокультуры выступает красота, отражающая понятие прекрасного. «Внешность человека не существует сама по себе: как и целостный человек, она “погружена” в социальное и является постоянным объектом оценок, обсуждений, мнений, стандартизации» [Коротун, 2002, с. 106]. Представления о красоте, с одной стороны, универсальны, с другой — уникальны для каждой культуры. Национальные эталоны привлекательности влияют не только на оценку продукта, его выбор, но и на планирование и проведение рекламы транснациональными компаниями. Сопоставительный анализ способов лингвокультурной репрезентации стереотипов красоты, используемых в современной рекламе, позволяет охарактеризовать русский, английский и китайский менталитеты, выявить средства языкового воздействия рекламного сообщения на потребителя, что подчеркивает актуальность предпринятого исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые интерпретируются способы вербального воплощения эталонов красоты, представленных в китайской, русской и английской рекламе международных косметических брендов Dove и Olay.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — описать способы презентации культурных стереотипов красоты в российской, китайской и американской рекламе косметических брендов Dove и Olay. В связи с этим в работе проанализирована роль этнических эталонов в создании транснациональной рекламы; представлены особенности рекламных сообщений международных косметических компаний Dove и Olay на русском, китайском и английском языках; выявлены культурные стереотипы, используемые в Dove и Olay; определены международные стратегии рекламирования и инструменты их реализации в современном коммерческом материале.

Объектом исследования выступают особенности функционирования этнокультурных стереотипов красоты в транснациональной рекламе косметических средств Dove и Olay на русском, китайском и английском языках.

Предмет исследования — вербальная презентация культурных стереотипов красоты в межнациональном рекламном дискурсе компаний Dove и Olay на русском, китайском и английском языках.

Реклама как особый тип текста привлекает внимание многих исследователей. На связь коммерческого сообщения с глобальной и региональной культурой обращают внимание Н. В. Копцева, В. И. Кирко [Koptseva et al., 2014], К. В. Резникова [Reznikova, 2015], А. А. Ситникова, Л. Н. Жуковская [Sitnikova et al., 2015]. Исследователи подчеркивают «способность рекламы встраиваться в контекст межнациональной коммуникации и культуры, т. е. обретать статус элементов общечеловеческого культурного пространства» [Данилевская, 2015, с. 53].

Изучению языковых средств рекламы, описанию ее тематических и функциональных признаков, экстралингвистических факторов посвящены работы Л. П. Амири [Амири, 2013], Е. П. Дудиной [Дудина, 2006], Е. С. Кара-Мурзы [Кара-Мурза, 2007], Н. Н. Кохтева [Кохтев, 1997], С. Ю. Тюриной [Тюрина, 2009], Е. С. Грищевой [Грищева, 2020], В. И. Конькова [Коньков, 2015], Э. В. Булатовой [Булатова, 2012], отмечающих способность языковых средств и технологии современной рекламы создавать «своему адресату альтернативную картину мира, за которой стоит процесс расшифровки игрового хода и принятия решений» [Зирка, 2010, с. 6].

Комплексное изучение воздействующего потенциала рекламного дискурса проведено М. Айзенбергом [Айзенберг et al., 2007], Д. Огилви [Огилви, 2007], Дж. Н. Личем [Leech, 1966], А. Годдард [Goddard, 2002], Дж. Дайером [Dyer, 1982], Б. Мюллер [Mueller, 1995], Г. М. Маклюэном [McLuhan, 1951], Дж. Р. Сирлом [Searle, 1999], Н. Яних [Janich, 2010] и Г. Хоффманном [Hoffmann, 2010], отметившими зависимость националь-

но-культурной специфики рекламных объявлений от социокультурных характеристик целевой группы. Ф. Клинк [Klink, 2008] описывает проблемы перевода видеовербальных текстов. Язык рекламы активно изучается китайскими исследователями: [Чжу Пэйчэн, 1998; Пань Чжэхун, 2001; Фу Лин, 2005; Чжан Цзюйси, 2005; Лю Сяо Нань, 2009; Вань Нин, 2016; Джан Тао, 2021].

Лингвокультурный потенциал рекламного сообщения, роль стереотипов в его создании и интерпретации, национальные эталоны и особенности их социолингвистической адаптации проанализированы В. В. Ученовой [Ученова, 2003], Г. М. Поляковой [Полякова, 2015], А. Ш. Бахмудовой и С. В. Шахэмировой [Бахмудова и др., 2018], А. А. Гумеровой [Гумерова, 2014], О. В. Андерсон [Андерсон, 2006], В. А. Буряковской [Буряковская, 2014], Е. В. Корневой [Корнева, 2002], И. М. Дзялошинским [Дзялошинский, URL], О. В. Шестаковой и К. Г. Макаловской [Шестакова и др., 2015], К. В. Сургунд [Сургунд, 2016], Т. В. Пашкевич, Н. Г. Павловой, М. Г. Старолетовым [Пашкевич и др., 2003]. Национально-культурные стереотипы, по мнению исследователей А. Годдарда [Goddard, 2002], Г. М. Маклюэна [McLuhan, 1970], Дж. Дайера [Dyer, 1995], Е. А. Елиной [Елина, 2009], И. В. Нагорновой [Нагорнова, 2003], З. Наженьхуа [Наженьхуа, 2021], позволяют определить сходства и отличия социокультурной среды.

Материалом исследования являются 35 видеороликов рекламы Dove, 28 видеореклам компании Olay. Из них 18 видеофрагментов на китайском языке, 23 — на русском, 22 — на английском. Всего было проанализировано около 96 минут видеоматериала, опубликованного в период с 2013 по 2022 годы. Средняя продолжительность видеороликов — 2 минуты.

Источниками материала выступили официальные сайты косметических брендов Olay и Dove в России, США и Китае.

В работе использованы следующие методы исследования: сплошной выборки языкового материала из видеороликов, описательно-аналитический для типологизации материала исследования, первичного анализа данных, сопоставительный с целью выявления стилистических единиц рекламного текста, лингвокультурологического анализа, позволившего описать способы передачи культурной информации языковыми знаками, контент-анализа для интерпретации результатов.

Авторы исходят из предположения, что условием успешного продвижения и позиционирования товара является информирование о его характеристиках для привлечения внимания и пробуждения интереса, создания эмоционально значимого образа, созвучного этнокультурному мировоззрению потребителя, его представлению о базовых ценностях, с целью запоминания и воздействия на потребителя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В условиях глобализации и нескончаемого потока информации изменяются способы подачи сообщения, когда, с одной стороны, ключевую роль играют стереотипы и штампы, облегчающие процесс передачи и понимания сведений, с другой стороны, существует жесткое разграничение своего и чужого. В успешном развитии коммерческой рекламы, рассчитанной на широкие слои населения, важную роль играет национально-культурный компонент [Умеренкова, 2016, с. 115]. В. В. Красных подчеркивает, что набор кодов культуры для человечества универсален, однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой [Красных, 2002, с. 10]. Из этого следует необходимость применять разную рекламную стратегию для разных рынков с целью повысить эффективность рекламной коммуникации. Национально-культурное своеобразие любого языка порождает трудности в адекватном восприятии передаваемой информации представителями других культур, поскольку в основе мировоззрения каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Следовательно, картину мира одного народа невозможно простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа [Леонтьев, 1993, с. 20]. Таким образом, для достижения эффективного результата следует разрабатывать коммуникативные программы, ориентированные на определенный целевой сегмент, рыночную нишу, языковую общность со свойственной ей национально-культурной картиной мира, конструировать определенный концептуальный образ рекламируемого товара и создавать модель его практического применения [Eldin Tawwab Sharaf, 2020, p. 230].

3.1 Текстовые особенности транснациональной рекламы

Под транснациональной рекламой, вслед за О. С. Фоменко, понимаем «вид рекламной деятельности, при которой происходит стандартизация рекламных идей применительно к различным лингвокультурам, ассимиляция в них с целью оказания определенного воздействия на глобального потребителя» [Фоменко, 2010, с. 98]. Ориентация на систему общечеловеческих ценностей, нацеленность на отражение социокультурных особенностей страны-производителя, способность к лингвокультурной адаптации в зависимости от целевого рынка являются чертами транснационального характера информации.

3.1.1. Средства языковой адаптации информации в транснациональной рекламе

Перед производителями рекламы, созданной одним этнокультурным сообществом, стоит задача поиска средств её лингвокультурной адаптации

к условиям другого этнокультурного сообщества [Mueller, 1995, с. 4]. Коммерческое сообщение приспособляют к культурным эталонам потенциального потребителя, используя образные знаки и смыслы, отражающие тенденции мировой культуры, общечеловеческие ценности. По мнению Т. В. Каиновой, «любое использование элементов культуры-реципиента неизменно вызывает в сознании людей чувство ностальгии, близости» [Каинова, 2002, с. 42], потому что свой культурный феномен воспринимается как понятное, родное, однако это не исключает введение в текст рекламного сообщения элементов культуры-донора и их лингвокультурную адаптацию. С целью пропаганды ценностей культуры-донора используют ее символы. Например, открытость, откровенность с незнакомцами, взаимоподдержка, коллективная борьба с недугом — черты американской культуры, которые обнаруживаем в рекламе Dove: «*I'm Shanteka, and I'm glad that some little girl is going to see me and think: "I can be successful too"*». Если реклама-оригинал основана на ценностях, нормах, традициях и фоновых знаниях, общих для определенной группы социальных сообществ, адаптация минимальна: «真正的美麗無需殘忍» (пер. *Истинная красота не должна быть жестокой*). Таким образом, стереотипы облегчают и ускоряют принятие решения покупателем.

В рекламе Dove и Olay отмечаем две стратегии языковой адаптации информации:

1. Перевод рекламного сообщения в ситуации схожести исходного поведенческого портрета с представителями целевой аудитории. При передаче сохраняется стиль и содержание высказывания. Активен при передаче малых рекламных текстов: «*Authentic. Unique. Real*», «我的頭髮，我說了算！» (пер. *Мои волосы, последнее слово за мной!*).

2. Введение этнокультурных особенностей целевой аудитории в исходную рекламу — переводческая трансформация. Бренды Dove и Olay используют языковую модуляцию информации, ориентируясь на социокультурный контекст конкретной страны: «*My beauty. My says*», у русских «*Моя красота. Мои правила*», у китайцев «我的美，我说了算» (пер. «Я красавица. Последнее слово за мной»).

В русскоязычной видеорекламе представлены два типажа внешности: «утонченная, элегантная, грациозная дама (этнически нейтральный образ) и дородная, статная, с румянцем и крепким телосложением женщина (этнически выраженный образ)» [Шляхова, 2015, с. 73]. В. Б. Волкова [Волкова, 2020, с. 52] отмечает, что в 2010-х годах образ русской женщины заметно видоизменяется, что свидетельствует о динамике полоролевых культурных стереотипов. Продвигаемый образ женщины-жены и матери перестал быть доминирующим содержательным ядром

нового типажа «идеальной женщины» стала её профессиональная и социальная реализация.

Образ обычной девчонки или женщины, воплотившей в жизнь американскую мечту, популярен в США: «*Beauty. One little word — that we're on a mission to redefine, realign and make beautiful. Let's change beauty*».

Однако в рекламных типажах красоты США и России есть совпадения. О. В. Митина, В. Ф. Петренко подчеркивают, что для женщин обеих стран типично сочетание в своей жизни домашних забот и профессиональной реализации, семьи и общественной деятельности и успех в этом позволяет ощущать себя счастливой. При этом типичная американка оценивается как ориентированная на социальную активность женщина, а типичная россиянка — на внутрисемейную. Исследователи отмечают, что «приоритет социальной активности перед домом и семьей американскими женщинами оценивается положительно» [Митина и др., 1999, с. 85]. Китайские женщины нацелены на семейные ценности и опасаются остаться одни, не выйти замуж: «我觉得我不是好看的人，应该嫁不出去吧!» (пер. Я думаю, что я не красивая. Я не должна выйти замуж!).

Параметры оценки внешности женщины в русской, китайской и английской рекламах косметических средств близки: *красивый, грациозный, милый, обольстительный, прекрасный, прелестный, естественный, уникальный, реальный, beautiful, elegant, pretty, good-looking, wonderful, charming, authentic, unique, real*,漂亮 (прекрасный), 美丽 (прелестный), 精彩 (замечательный), 可爱的 (милый), 无双的 (бесподобный), 迷人的 (очаровательный), 姿态优美的 (грациозный). Однако в традиционной китайской лингвокультуре эталоном красоты является женщина с белой кожей, длинными черными и блестящими волосами, тонкими бровями, тонкой талией [Чжан Мэн, 2016, с. 36], поэтому для описания идеальной кожи создатели китайской рекламы крема бренда Olay апеллируют к стандартам белизны, актуализированным через образы «яйцо» и «молоко», что соответствует представлению китайцев о красоте белой кожи. Подчеркнем, данные сравнения отсутствуют в русской или американской рекламе. Например, в сообщениях на английском идеальная кожа сравнивается с красным яблоком, вызывающим ассоциации с румянами, в русском же варианте эксплуатируются образы бронзовой и золотой крошки (золотистой, немного смуглой кожи).

Лексемы *discrimination, success, safety, national, color, race-based hair bias, Black women's* отражают американский образ жизни, идеи принятия своего тела (бодипозитива) и расового, гендерного равенства. В русской рекламе доминируют не представленные в англоязычной рекламе лексические единицы и сочетания *взросление кожи, борьба, молодой, возраст-*

ные изменения кожи, антивозрастной, представляющие красоту как нечто эфемерное и побуждающие прикладывать усилия к ее сохранению. Россиянки комплексуют из-за возраста, после 30 жизнь превращается в борьбу с признаками старения: *«Когда я в первый раз попробовала крем Olay Total Effects, борющийся с 7 признаками возрастных изменений кожи, я поняла, что это один из самых шикарных косметических продуктов, которые когда-либо были в моей жизни»*. В китайской рекламе критериями красоты выступают слова 真诚искренность, 健康здоровье, 灵魂душа, 友谊дружба, 爱любовь, 喜счастье, передающие базовые понятия китайской картины мира: *«每个人都拥有自己独特的美»* (пер. У каждого своя уникальная красота).

Описанные национальные эталоны красоты последовательно реализуются в анализируемых рекламных материалах международных косметических компаний.

3.1.2. Структура коммерческого сообщения в транснациональной рекламе

Структура коммерческого сообщения включает обязательные элементы композиции: слоган, текст, раскрывающий его идею, концовку, подчеркивающую главный аргумент рекламы:

Красота — это твой выбор. (слоган)

Подумайте обо всех вещах, которые вы выбираете с самого утра <...>. Собрать волосы в хвост или сделать укладку феном. Надеть туфли на каблучке или предпочесть плоскую подошву. (текст)

А как насчет чувствовать себя красивой? (концовка)

Размещенная в начале сообщения лаконичная, легко запоминающаяся фраза является эмоциональной установкой и выражает идею рекламного сообщения. Текст логичен: альтернативные конструкции с союзом *или* коррелируют с лексемой *выбор* в слогане. Финальное предложение, представленное риторическим вопросом, указывает на диалоговую форму сообщения, идею рекламного ролика.

В англоязычной и китайской рекламах также отмечаем традиционную трехступенчатую структуру текста. В качестве финальной фразы может быть использовано восклицательное предложение, обладающее воздействующей функцией: *«從現在起勇敢做自己!»* (пер. *«Будь смелой!»*), *Together we can end appearance hate!* Односоставные побудительные и вопросительные предложения, являющиеся средством экспрессивного синтаксиса, повышают суггестивный потенциал текста, выстраивают с потенциальным покупателем квазидialog: *«What are you waiting for?»*, *«Are you ready for your best skin day?»*, *«Красота — в глазах смотрящего?»*, *«А как насчет чувствовать себя красивой?»*, *«漂亮吗?»* (пер. *«Краси-*

во?»). Отметим: современная реклама косметических брендов отличается большим текстовым объемом в связи с нарастающей философской составляющей концепта «красота»: *«Действительно ли восприятие своей красоты — это что-то, что можно унаследовать? Мы все помним, как трудно было быть юными. <...> Ощущение необходимости выглядит красиво и нравиться окружающим казалось более важным, чем когда-либо. <...>*

Но обеспокоенность тем, как мы выглядим, не была дана нам при рождении: мы зачастую перенимаем ее от окружающих нас женщин. И скорее всего, Вы сами являетесь образцом для подражания, даже если не осознаете этого.

Так что это призыв к действию для женщин во всем мире: видьте красоту в себе, выражайте это с уверенностью, и девочки, смотрящие на Вас, скорее всего, будут поступать, как Вы.

3.1.3. Языковые средства достижения суггестивного эффекта в транснациональной рекламе

Суггестивный эффект сообщения достигается также за счет использования в транснациональных рекламах косметических брендов следующих языковых средств:

— качественные прилагательные: *красивый, естественный, здоровый, подлинный, уникальный, ухоженный, восхитительный, прекрасный, лучший; beautiful, authentic, unique, real, powerful, strong; 漂亮 (прекрасный), 美丽 (красивый), 好看 (хорошенький), 精彩 (чудесный), 无双的 (бесподобный)*. Оценочные слова, по мнению Э. Фромма, вводят в заблуждение потребителя в отношении независимости принимаемых решений: «В такой рекламе есть элемент мечты, воздушного замка, и за счет этого она приносит человеку определенное удовлетворение — точно так же, как и кино, — но в то же время усиливает его ощущение себя незначительным и бессильным» [Фромм, 2022, с. 101—102];

— имена существительные с абстрактным значением: *красота, имидж, новинка, сенсация, инновация, уверенность; beauty, confidence, care, supporting, discrimination, love, respect, acceptance; в китайском — 美丽 (красота), 健康 (здоровье), 真诚 (искренность), 自信心 (уверенность в себе), передающие эмоции и ожидания потенциального потребителя;*

— числительные, создающие доверие к рекламному сообщению: *«Приготовьтесь к обескураживающей статистике: 61 % в США, 86 % в Китае, 56 % в Индии (где все женщины считают, что в каждой есть что-то красивое, но им зачастую сложно увидеть это в самих себе), 96 % в Великобритании и 72 % в Бразилии»; «A huge 71 % of women we spoke to after the Dove Ad Makeover said that they felt more beautiful as a result of the campaign»; «80 %的女性同意每個女人都有一些美麗的特質, 但看不見自*

己的美» (пер. 80 % женщин согласны с тем, что каждая женщина красива, но не способна разглядеть собственную красоту). Как подчеркивает Ю. Э. Леви, включение статических и динамических изображений «в семантическую ткань видеовербального текста превращает его в более мощное, по сравнению с вербальным текстом, средство воздействия» [Леви, 2003, с. 2];

— научные термины, формирующие доверие потенциального потребителя: *глобальное исследование, эксперимент, ингредиенты, флюид, лифтинг, Collagen Peptide, Retinyl propionate, Anti-Aging, Hyaluronic Acid*, 煙酰胺(ниацинамид), 再生主義者(восстановление), 維他命(сыворотка); они обладают высоким манипулятивным потенциалом: использование элементов научного стиля в текстах, продвигающих косметические средства, повышает благосклонность покупателя, привлекает разумного потребителя, заботящегося о своем здоровье и красоте как форме ее проявления, стимулирует продажи, формирует культуру потребления;

— императив: *брось (вызов), поверь, представьте, осмелюсь, поделитесь; be (yourself), share, help (us), feel (free, explore, join, love; 帮助 (помогите), 相信(自己) (доверьтесь себе, 你想想看 (подумайте об этом);* такие единицы выражают повеление, каузирование, используются как в единственном числе, подчеркивающим персональный характер сообщения, так и во множественном, побуждающем к совместному действию;

— сравнительная степень прилагательных: *«Женщины — худшие критики собственной внешности», «Главный принцип Олэй — сделать женщин красивее и счастливее», «Dove is more than bar soap», 妳比妳自己想像的更美 (пер. Ты красивее, чем ты думаешь), 全新多芬. 誰讓媽媽變得更柔軟? (пер. Кто делает мамочку мягче?);* они подчеркивают изменения, происходящие в результате использования косметических средств;

— местоимения и имена собственные: *«На примере историй Хизер, Джессики и других замечательных женщин, мы хотим вдохновить Вас поделиться своим рассказом», «Lilly Singh. My skin is strong with my Olay», «我的頭髮, 我說了算! 看到高俊熙的精靈短髮超想嘗試» (пер. Мои волосы, последнее слово за мной! Глядя на короткие волосы Гао Цзюньси, я очень хочу попробовать);* они делают рекламу персонифицированной. Одна из ведущих характеристик американской культуры — индивидуализм; под ним подразумевают «веру в первостепенную значимость индивидуума, установку на самодостаточность и личную свободу, ответственность за самого себя и право на личный выбор» [Леонтович, 2003, с. 245]. В противоположность этому в китайской рекламе акцент сделан на дружбе и родственных отношениях: *«起哭一起笑一起嬉鬧 獻給好姐妹才懂的真摯情誼» (пер. Плакать вместе, смеяться вместе и играть вместе... Ис-*

крепнюю дружбу понимают только хорошие сестры). «多芬邀您重溫閨蜜情，一起滋養閨蜜關係，一起發現驚喜！」 (пер. *Dove предлагает вам заново пережить отношения между подругами, подпитать отношения между подругами и открыть для себя сюрпризы вместе!*);

— жаргонизмы и окказионализмы необходимы для реконструирования реальной коммуникативной ситуации, с их помощью имитируют разговорный стиль речи. Возможно, в этом проявляется ориентированность российской маркетинговой кампании Dove на молодых людей: «Если не искать ту, что красивее тебя, и не пытаться скопиейстить её образ»; «И почему мы страдаем этой фигнёй?».

3.1.4. Языковые средства репрезентации этнокультурного стереотипа красоты в транснациональной рекламе

Для репрезентации этнокультурного стереотипа красоты в транснациональной рекламе активно используются изобразительно-выразительные средства:

— фразеология: «*Don't judge a book by its cover*»; «*Красота требует жертв*», «*Красота не подвластна времени*». Отметим, что в предшествующие годы идиомы в продвижении товара использовали активнее, поэтому со временем они потеряли воздействующий эффект. Наступила эпоха кардинальной смены паремийной базы: фразеология сложилась еще в XIX веке, и вряд ли она может отражать современную аксиологическую палитру [Бегун, 2010, с. 37];

— эпитеты, нацеленные на создание рекламного образа продукта и передачу оценочных смыслов потенциальному потребителю. В русской рекламе образные определения обозначают признаки продукта и эффект, получаемый в результате его применения: *красивая ухоженная кожа, роскошные кремы, естественная красота, идеальное тело*. В англоязычной рекламе эпитеты выражают значение эксклюзивности продукта или уникальности потребителя: *authentic, unique, real you, amazing, personalized skin care*. Оценочные слова в китайской рекламе формируют образ покупателя, обладающего следующими чертами: 精致小脸 (изысканное лицо), 勇敢做自己 (храбрая ты), 獨特的美 (уникальная красота);

— метафора, создающая оригинальный рекламный образ косметического продукта посредством указания на его уникальные свойства и качества. Так, в российской рекламе продукты Dove сравниваются с шелком и бархатом (*шелковистые кремы и бархатистые лосьоны*), а красота каждого человека — с искусством (*эскизы красоты*); в американской — с естественностью: *the home of real beauty*, в китайской — с оригинальностью, аутентичностью: 稀缺又无价的礼物就像您喜爱的女人一样 (пер. «*Редкий и бесценный дар, как и любимая женщина*»). Метафора, привлекая и удерживая

живая внимание потребителя, воздействует на его волю и чувства, побуждает к действию, способствует актуализации позитивных свойств и признаков товара, подчеркивает его достоинства;

— олицетворение повышает экспрессию сообщения, помогает создать необычные образы, что гарантирует запоминаемость рекламных текстов. Наделение товара признаками живого осуществляется посредством глаголов *делает, заставляет, помогает*. Например: «Новый “Олей Тотал Эффект” борется с семью признаками возрастных изменений» ; «Он защищает вашу кожу»; «*Gives my skin an extra boost of life. It makes my skin feel dewy, hydrated, and powerful*»; «誰 讓媽媽變得更柔軟?» (пер. «Кто сделает маму мягче?»);

— анафора подчеркивает значимость продукта или проблемы, для решения которой предлагается косметическое средство. Например, использование *only* побуждает задуматься над принятием своей красоты: «*Only 4 % of women around the world consider themselves beautiful. Only 11 % of girls globally are comfortable describing themselves as ‘beautiful’*». Синтаксическая анафора в русской рекламе выполняет суггестивную функцию, подчеркивает ситуацию выбора: «*Поспать еще 5 минут или сразу встать. Надеть туфли на каблук или предпочесть плоскую подошву*»;

— лексические повторы, позволяющие акцентировать внимание на передаваемой идее: «*Every image you see here features women cast from real life. A real life version of beauty*»; «Без цифровой обработки, показывающие миру реальную красоту. Dove показывает женщин такими, какие они есть в реальной жизни»;

— антитеза, противопоставляющая прежнее состояние потребителя новому: «*Как не повезло яблокам, и как повезло вам!*», «Реалистичные образы, а не срежиссированные постановки», «*At Dove, we have a vision of a world where beauty is a source of confidence, not anxiety*», «*Every person has the freedom to set their own definition of ‘beauty’ based on personal preferences, not societal expectations or bias*»;

— эвфемизмы, оказывающие влияние на восприятие информации, помогающие сгладить резкие оценки, скрыть негатив: “*all sizes*”, т.е. «все размеры», вместо «толстый» — «полный»;

— парцелляция как средство экспрессивного синтаксиса выполняет функцию привлечения внимания к продукту или идейной составляющей рекламного сообщения. Так, например, в китайской рекламе Dove есть цикл роликов, объединенных общим слоганом «我的美 我相信» (пер. «Моя красота. Я верю» или «В свою красоту. Я верю»). Парцеллят «我的美» («Моя красота») обращает внимание потребителя к месседжу косметического бренда. В русской рекламе встречаем предложением «*Olay. Делает*

женщин красивее», в которых намеренно подчеркивается название бренда, его исключительность. В англоязычной — «*Authentic. Unique. Real*».

Отметим, что при передаче слогана «*My beauty. My says*», выражающего категоричное утверждение, персональную ответственность за сказанное, в русскоязычной культуре наблюдаем трансформацию грамматической конструкции, подчеркивающей причинно-следственные связи: «*Моя красота — мои правила*», что обусловлено несовпадением культурных стереотипов Америки и России.

3.2. Национальные стереотипы красоты в транснациональной рекламе

В рекламе косметики важнейшим элементом является инфлюенсер — человек, представляющий бренд. В качестве инфлюенсера выбирают влиятельное лицо, разделяющее ценности бренда. Согласно отчету PWC (Pricewaterhouse Coopers), 29 % китайских потребителей по сравнению с 13 % во всем мире используют социальные сети, чтобы узнать, какие бренды или продукты одобряют знаменитости. В рекламе косметических средств выбор лица бренда обусловлен национально-культурными представлениями конкретной аудитории о красоте. Например, китайский актер и певец Сяо Чжань, бьюти-блогер Ли Цзяци обеспечили рекордные продажи декоративной косметики. Лицом бренда Olay в России в период с 2013 по 2017 годы являлась Яна Рудковская, успешный продюсер и многодетная мать. По статистическим данным источников Gender Equity Index [Gender Equity Index, URL], Global Gender Gap Index [Global Gender Gap Index, URL], Social Institutions and Gender Index [Gender Equity Index, URL], 71 % россиян считают, что главное предназначение женщины — быть матерью и хозяйкой. Важную роль в формировании национального образа косметического бренда играет внешность его представителя — Яны Рудковской, стройной женщины со светлыми волосами, светлой кожей и голубыми глазами.

Однако стереотипы красоты меняются, поэтому Dove, начиная с 2018 года, выбирает иную стратегию продвижения: героинями выступают женщины и девушки, не являющиеся публичными персонами. Современные стереотипы красоты определяются прилагательными *подлинный, уникальный, естественный, настоящий*. Реклама на английском языке выступает против параметризации внешности человека, являющейся универсальной для многих лингвокультур: «*Height, weight, hair, age, looks: all these things factor into how we perceive a person's beauty*», «*Beauty is not defined by shape, size or color — it's feeling like the best version of yourself*». Ценность естественного характера красоты отразилась и в русскоязычных текстах: «*Мы хотим подвинуть каждую женщину не загонять себя в навязанные обществом рамки, а раскрыть свою естественную*

красоту и быть лучшей версией себя, чтобы стать по-настоящему счастливой». Современная транснациональная реклама продвигает идею естественной и здоровой красоты, любви к себе и окружающим.

В китайской рекламе гендерные стереотипы прекрасного поддерживаются семейно-статусным положением женщины и отношением к семейным ценностям:» 妳要結婚了? 所以妳不會再回家吃年夜飯了嗎? «一起長大的好姐妹終於要結婚了!» (пер. Ты женишься, значит, ты больше не будешь дома на новогоднем ужине? Хорошие сестры, которые выросли вместе, наконец-то выйдут замуж!).

Проследим динамику изменений этнокультурно обусловленных репрезентаций красоты на примере рекламы продукции Olay 2013 года и Dove 2019 года.

2013—2014 годы: «Новый “Олей Тотал Эффект” борется с семью признаками возрастных изменений. Чтобы молодо выглядеть, нужен всего один крем»; «Брось вызов старению кожи с “Олей Микроскульптор”»;

2018—2019 годы: «Grey hair look fantastic in red clothes»; «Все время пытаемся что-то изменить, спрятать, сделать лучше... А если ничего не скрывать? Красота может быть разной».

Таким образом, фиксируются изменения в восприятии стереотипа красоты в современном рекламном дискурсе, смещение смысловых акцентов, отрицательное отношение к стандартам прекрасного. Современная реклама формирует у потребителя новые установки: 1) внутренняя красота важнее внешней, 2) красота разнообразна и не ограничена узкими стандартами, 3) красота тесно связана со здоровьем, 4) красота заключается в уверенности и любви к себе и к окружающим, 5) стандартизация и стереотипизация красоты недопустимы.

Заметим, что в рекламе Olay, ориентированной на китайскую аудиторию, использованы образы мужчин, ухаживающих за собой, делающих маску, наносящих крем, что не совпадает с понятием мужественности в русской культуре.

4. Заключение = Conclusions

Транснациональная реклама косметических брендов Dove и Olay носит утилитарный характер. Ориентируясь на систему общечеловеческих ценностей, она использует национально-культурные стереотипы для продвижения на русском, китайском и английском языках идеи естественной и здоровой красоты, любви к себе и окружающим. Рекламодатель делает акцент на самооценке женщины, ее комфорте и самовосприятии.

Глобальная реклама Olay и Dove, отражая социокультурные ценности американского социума, формирует у потребителей новое понимание кра-

соты, базирующееся на отсутствии стандартов, стереотипов и комплексов. Пропагандируется уникальность внешности каждой женщины. С этой целью в коммерческих сообщениях активно используются слова с абстрактным значением, научные термины, личные местоимения, антропонимы, эвфемизмы, императивы, числительные, тропы и фигуры речи, прилагательные положительной оценки внешности человека. Проанализированный материал позволил выявить культурно-историческую динамику в понимании стереотипа красоты в американской, русской и китайской лингвокультурах, негативную оценку традиционных стандартов внешности при сохранении культурной маркированности словесных образов. Международные компании используют лингвокультурную адаптацию исходного рекламного сообщения страны-производителя в зависимости от целевого рынка, сформированных в конкретном обществе социальных стандартов и стереотипов с сохранением исходного смысла сообщения, транслирующего общечеловеческие ценности. Итак, транснациональная реклама не только несет в себе культурный код страны-производителя, но и отражает национальные особенности потребителя, его менталитет, моральные установки.

Таким образом, компании Dove и Olay в транснациональной рекламе активно используют национально-культурный компонент страны-реципиента, позволяющий создать эмоционально значимый образ в соответствии с этнокультурным мировоззрением потребителя, его базовыми ценностями, обратить внимание на товар, облегчить принятие решения в условиях большого потока информации, но в то же время выступают против стандартизации и стереотипизации, что позволяет решить в обществе многие социальные и психологические проблемы, культивировать иное восприятие красоты, обладателем которой является каждый. В условиях дихотомии выбранная стратегия позволяет не только сохранить сторонников бренда, но и привлечь новых потребителей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. GEI — *Gender Equity Index* [Electronic resource]. — Access mode : <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2022> (accessed 12.03.2023).
2. GGI — *Global Gender Gap Index* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/> (accessed 12.03.2023).
3. SIGI — *Social Institutions and Gender Index* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.genderindex.org/> (accessed 12.03.2023).

Литература

1. Айзенберг М. Психология и психоанализ рекламы : учебное пособие для факультетов психологии, социологии, экономики / М. Айзенберг, П. С. Гуревич, Э. Фромм. — Самара : Бахрах-М, 2007. — 720 с. — ISBN 978-5-94648-058-1.
2. Амири Л. П. Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13, Вып. 2. — С. 30—36.
3. Андерсон О. В. Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы : диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Андерсон. — Краснодар, 2006. — 150 с.
4. Бахмудова А. Ш. Лингвокультурологический анализ англоязычных и франкоязычных рекламных текстов / А. Ш. Бахмудова, С. В. Шахэмидова // Филологические науки : вопросы теории и практики. — 2018. — № 3-1 (81). — С. 67—69.
5. Бегун В. В. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 1 (7). — С. 31—37.
6. Бешукова Ф. Б. Роль стереотипов и архетипов массового сознания в рекламной коммуникации / Ф. Б. Бешукова, И. Н. Хаткова // Вестник Адыгейского государственного университета. — Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 1 (172). — С. 137—144.
7. Булатова Э. В. Стилистика текстов рекламного курса : учебное пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению подготовки 031300 «Журналистика» / Э В. Булатова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. — 264 с. — ISBN 978-5-7996-0741-8.
8. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) / В. А. Буряковская. — Волгоград : Перемена, 2014. — 228 с. — ISBN 978-5-9935-0336-3.
9. Вань Нин. Слоган русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте (на фоне китайской рекламы) : диссертация ... кандидата филологических наук / Нин Вань. — Пермь, 2016. — 230 с.
10. Волкова В. Б. Полоролевые культурные стереотипы и их роль в конструировании женского образа в телевизионной рекламе / В. Б. Волкова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. — 2020. — Т. 11, № 2. — С. 49—52.
11. Грищева Е. С. Лингвистическая интерпретация рекламы: основные направления исследования / Е. С. Грищева // Вестник Омского государственного педагогического университета: гуманитарные исследования. — 2020. — №3 (28). — С. 69—72. — DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-69-72.
12. Гумерова А. А. Лингвокультурологический и лингвосемиотический анализ гендерно-ориентированных рекламных текстов (на материале гляцевых интернет-изданий Великобритании, России и Франции) : диссертация ... кандидата филологических наук / А. А. Гумерова. — Уфа, 2014. — 180 с.
13. Данилевская Н. В. Национально значимые ключевые смыслы современной социальной рекламы (на материале русских телевизионных текстов) / Н. В. Данилевская // Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология. — 2015. — Вып. 4 (32). — С. 51—57.
14. Джан Тао. Функционально-стилистические и лингвоаксиологические характеристики рекламных текстов (на материале китайского и русского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук / Тао Джан. — Челябинск, 2021. — 252 с.

15. Дзялошинский И. М. Медиаглобализация и культурный суверенитет. [Электронный ресурс] / И. М. Дзялошинский. — Режим доступа : <https://www.hse.ru/vidео/116350429.html> (дата обращения: 12.03.2023).
16. Дудина Е. П. Семантика и функции лексико-грамматических единиц в рекламе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Е. П. Дудина. — Архангельск, 2006. — 18 с.
17. Елина Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. — Москва : Дашков и Ко, 2009. — 136 с. — ISBN 978-5-394-00254-0.
18. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе : лингвистический аспект / В. В. Зирка. — Москва : Либроком, 2009. — 253 с. — ISBN 978-5-397-01010-8.
19. Каинова Т. В. Дискурсивно-семиотический подход к адаптации транснациональной рекламы : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. В. Каинова. — Тула, 2002. — 169 с.
20. Кара-Мурза Е. С. Язык современной русской рекламы / Е. С. Кара-Мурза // Язык массовой и межличностной коммуникации : коллективная монография / под ред. Г. Я. Солганика. — Москва : Медиамир, 2007. — С. 479—552. — ISBN 978-5-91177-021-1.
21. Коньков В. И. Система презентации медиатекста / В. И. Коньков // Медиалингвистика. — 2015. — № 2 (8). — С. 35—44.
22. Корнева Е. В. Национально-культурные стереотипы в рекламе (на материале немецких рекламных текстов) / Е. В. Корнева // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж : Издательство ВГТУ, 2002. — Вып. 2. — С. 143—148.
23. Коротун О. В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Коротун. — Омск, 2002. — 193 с.
24. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова : рекомендации для составителей рекламных текстов / Н. Н. Кохтев. — Москва : Издательство МГУ, 1997. — 96 с. — ISBN 5-211-03658-1.
25. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : лекционный курс / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 282 с. — ISBN 5-94244-009-3.
26. Леви Ю. Э. Вербальные и невербальные средства воздейственности рекламного текста : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Ю. Э. Леви. — Москва, 2003. — 21 с.
27. Леонтович О. А. Россия и США : введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. — Волгоград : Перемена, 2003. — 398 с. — ISBN 5-88234-618-5.
28. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1993. — С. 16—21.
29. Лю Сяо Нань. Социальная реклама в Китае: развитие и становление / Нань Лю Сяо // Научная мысль Кавказа. — 2009. — № 1 (57). — С. 137—143.
30. Митина О. В. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) / О. В. Митина, В. Ф. Петренко // Вопросы психологии. — 2000. — № 1. — С. 68—86.
31. Нагорнова И. В. Национальные концепты и их выражение в рекламных роликах / И. В. Нагорнова // Наука и образование : материалы Всероссийской научной конференции. — Белово : БИФ КемГУ. — 2003. — Ч. 3. — С. 435—439.
32. Наженыхуа З. Рекламные штампы как ресурсы социальной коммуникации в России и Китае / З. Наженыхуа // Текст в культурном, языковом, социальном простран-

стве : сборник научных статей. — Москва : Московский финансово-юридический университет, 2021. — С. 345—350.

33. *Огилви Д.* Огилви о рекламе / Д. Огилви. — Москва : Эксмо, 2007. — 283 с. — ISBN 978-5-699-21963-6.

34. *Пань Чжэун.* Эволюция рекламы : теория рекламы как социальной культуры / Чжэун Пань. — Чан Ша : Издательство Хунан, 2001. — 302 с.

35. *Пашкевич Т. В.* Семиотика и реклама : общенаучные и прикладные аспекты / Т. В. Пашкевич, Н. Г. Павлова, М. Г. Старолетов. — Барнаул : Издательство АлтГТУ, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7568-0402-1.

36. *Полякова Г. М.* Лингвокультурологический анализ языка рекламы в американском варианте английского языка / Г. М. Полякова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2015. — № 2. — С. 125—131.

37. *Сургунд К. В.* Адаптация рекламы как маркетинговый инструмент международных компаний / К. В. Сургунд // Молодой ученый. — 2016. — № 20. — С. 433—436.

38. *Тюрина С. Ю.* О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст. [Электронный ресурс] / С. Ю. Тюрина // Вестник ИГЭУ. — 2009. — Вып. 1. — С. 75—77. — Режим доступа: <http://ispu.ru/files/75-77.pdf> (дата обращения: 20.11.2013).

39. *Умеренкова А. В.* Рекламный текст как средство формирования национальной идентичности / А. В. Умеренкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 4 (23). — С. 114—120.

40. *Ученова В. В.* Философия рекламы / В. В. Ученова. — Москва : Гелла-принт, 2003. — 199 с. — ISBN 5-901008-24-3.

41. *Фоменко О. С.* Понятие глобальной рекламы и ее основная специфика / О. С. Фоменко // *Lingua Mobilis. Языкознание.* — 2010. — № 3 (22). — С. 97—102.

42. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — Москва : АСТ, 2022. — 288 с. — ISBN 978-5-17-091681-8.

43. *Фу Лин.* Приемы конструирования языка рекламы / Лин Фу. — Москва : Флинта, Наука, 2005. — 165 с. — ISBN 5-89349-901-8.

44. *Чжан Мэн.* Образ красивой женщины в китайских фразеологизмах / Мэн Чжан // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. — 2016. — № 3. — С. 35—39.

45. *Чжан Цзюйси.* Сходства и различия современных текстов в китайской и российской прессе (историческая и теоретическая обусловленность) : диссертация ... кандидата филологических наук / Цзюйси Чжан. — Москва, 2005. — 221 с.

46. *Чжу Пэйчэн.* Креатив рекламы / Пэйчэн Чжу. — Шанхай : Шанхайское народное издательство, 1998. — 392 с.

47. *Шестакова О. В.* Этнические стереотипы в современной рекламе / О. В. Шестакова, К. Г. Макаловская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 9 (51). — Ч. 1. — С. 207—210.

48. *Шляхова С. С.* Русская красота триста лет спустя: этнические авто- и гетеростереотипы в рекламе. Часть II. Гетеростереотипы / С. С. Шляхова // Реклама и PR. — Вып. 4. — 2015. — С. 71—113.

49. *Dyer G.* Advertising as Communication / G. Dyer. — London : Routledge, 1995. — 248 p.

50. *Eldin Tawwab Sharaf A. A.* A linguistic study of manipulative advertising strategies of the mobile network operators in Egypt and the United States / A. A. Eldin Tawwab Sharaf // *Dialectologia.* — 2019. — 24 Oktober. — Pp. 221—251. — DOI: 10.1344/Dialectologia2019.24.10.

51. *Goddard A.* The Language of Advertising / Goddard A. — London : Routledge, 2002. — 144 p.
52. *Hoffmann G.* Sprachspiele in deutschen und britischen Werbeanzeigen: Ein interkultureller Vergleich / G. Hoffmann. — Hamburg, 2010. — 196 p.
53. *Janich N.* Werbesprache: Ein Arbeitsbuch / N. Janich. — Tübingen, 2010. — 323 p.
54. *Klink F.* Kultur in der Werbung: Neue Herausforderungen für die Übersetzerpraxis / F. Klink. — Gießen, 2008. — 157 p.
55. *Koptseva N. P.* Algunos conceptos de la filosofía rusa de finales del siglo XIX — primer tercio del siglo XX, que revelan formas específicas de las identidades colectivas / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // Revista de Filosofía. — 2014. — Vol. 76 (1). — Pp. 7—31.
56. *Leech G. N.* English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain / G. N. Leech. — London : Longman, 1966. — 224 p.
57. *McLuhan M.* Culture is Our Business / M. McLuhan. — New York : McGraw Hill, 1970. — 336 p.
58. *McLuhan M.* The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man / M. McLuhan. — New York : The Vanguard Press, 1951. — 157 p.
59. *Mueller B.* International advertising: communication across cultures / B. Mueller. — Belmont : Wadsworth Pub. Co., 1995. — 352 p.
60. *Reznikova K. V.* “The Oera Linda Book” and “The Snow Queen”: Two Destinies of One Myth / K. V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2015. — Vol. 8, № 1. — Pp. 149—174.
61. *Searle J. R.* Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World / J. R. Searle. — New York : Basic Books, 1999. — 175 p.
62. *Sitnikova A. A.* Visualization of the Essence (about the Creative Work of the Artist Vladimir Zhukovsky) / A. A. Sitnikova, L. N. Zhukovskaia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2015. — Vol. 8, № 1. — Pp. 130—137.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023,
одобрена после рецензирования 28.04.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

- GEI — *Gender Equity Index*. Available at: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2022> (accessed 12.03.2023).
- GGI — *Global Gender Gap Index*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/> (accessed 12.03.2023).
- SIGI — *Social Institutions and Gender Index*. Available at: <https://www.genderindex.org/> (accessed 12.03.2023).

References

- Aizenberg, M., Gurevich, P. S., Fromm, E. (2007). *Psychology and psychoanalysis of advertising: a textbook for the faculties of psychology, sociology, economics*. Samara: Bahrakh-M. 720 p. ISBN 978-5-94648-058-1. (In Russ.).
- Amiri, L. P. (2013). Means of visual actualization as a graphosemantic variety of a language game in creolized texts of advertising communication. *Bulletin of the Saratov University. Series Philology. Journalism*, 13(2): 30—36. (In Russ.).

- Anderson, O. V. Linguoculturological and national-mental features of the language of advertising: PhD. Diss. Krasnodar, 2006. 150 p. (In Russ.).
- Bakhmudova, A. Sh., Shakhemirova, S. V. (2018). Linguistic and cultural analysis of English and French advertising texts. *Philological sciences: questions of theory and practice*, 3-1 (81): 67—69. (In Russ.).
- Begun, V. V. (2010). Advertising slogan as a transformation of cultural stereotypes. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 1 (7): 31—37. (In Russ.).
- Beshukova, F. B., Khatkova, I. N. (2016.). The role of stereotypes and archetypes of mass consciousness in advertising communication. *Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and art history*, 1 (172): 137—144. (In Russ.).
- Bulatova, E. V. (2012). *Stylistics of advertising discourse texts: a textbook for students enrolled in the undergraduate program in the field of study 031300 "Journalism"*. Yekaterinburg: Ural University Press. 264 p. ISBN 978-5-7996-0741-8. (In Russ.).
- Buryakovskaya, V. A. (2014). *Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on Russian and English languages)*. Volgograd: Change. 228 p. ISBN 978-5-9935-0336-3. (In Russ.).
- Danilevskaya, N. V. (2015). Nationally significant key meanings of modern social advertising (based on Russian television texts). *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 4 (32): 51—57. (In Russ.).
- Dudina, E. P. *Semantics and functions of lexical and grammatical units in advertising*. author's abstract of PhD Diss. Arkhangelsk, 2006. 18 p. (In Russ.).
- Dyer, G. (1995). *Advertising as Communication*. London: Routledge. 248 p.
- Dzyaloshinskiy, I. M. *Media globalization and cultural sovereignty*. Available at: <https://www.hse.ru/video/116350429.html> (accessed: 03.12.2023). (In Russ.).
- Eldin Tawwab Sharaf, A. A. (2019). A linguistic study of manipulative advertising strategies of the mobile network operators in Egypt and the United States. *Dialectologia*, 24 October: 221—251. DOI: 10.1344/Dialectologia2019.24.10.
- Elina, E. A. (2009). *Semiotics of advertising*. Moscow: Dashkov i Co. 136 p. ISBN 978-5-394-00254-0.
- Fomenko, O. S. (2010). The concept of global advertising and its main specifics. *Lingua Mobilis. Linguistics*, 3 (22): 97—102. (In Russ.).
- Fromm, E. (2022). *Escape from freedom*. Moscow: AST. 288 p. ISBN 978-5-17-091681-8. (In Russ.).
- Fu Ling. (2005). *Techniques for constructing the language of advertising*. Moscow: Flinta, Nauka. 165 p. ISBN 5-89349-901-8. (In Russ.).
- Goddard, A. (2002). *The Language of Advertising*. London: Routledge. 144 p.
- Grishcheva, E. S. (2020). Linguistic interpretation of advertising: the main directions of research *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University: humanitarian research*, 3 (28): 69—72. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-69-72. (In Russ.).
- Gumerova, A. A. *Linguocultural and linguo-semiotic analysis of gender-oriented advertising texts (on the material of glossy online publications in Great Britain, Russia and France)*: PhD. Diss. Ufa, 2014. 180 p. (In Russ.).
- Hoffmann, G. (2010). *Sprachspiele in deutschen und britischen Werbeanzeigen: Ein interkultureller Vergleich*. Hamburg. 196 p. (In Germ.).
- Jan Tao. *Functional-stylistic and linguo-axiological characteristics of advertising texts (based on Chinese and Russian languages)*: PhD. Diss, Chelyabinsk, 2021. 252 p. (In Russ.).
- Janich, N. (2010). *Werbesprache: Ein Arbeitsbuch*. Tübingen. 323 p. (In Germ.).

- Kainova, T. V. *Discursive-semiotic approach to the adaptation of transnational advertising*. PhD. Diss. Tula, 2002. 169 p. (In Russ.).
- Kara-Murza, E. S. (2007). The language of modern Russian advertising. In: Solganika, G. Ya. (ed.). *The language of mass and interpersonal communication: a collective monograph*. Moscow: Mediamir. 479—552. ISBN 978-5-91177-021-1. (In Russ.).
- Klink, F. (2008). *Kultur in der Werbung: Neue Herausforderungen für die Übersetzerpraxis*. Gießen. 157 p. (In Germ.).
- Kokhtev, N. N. (1997). *Advertising: the art of the word: recommendations for compilers of advertising texts*. Moscow: MGU Publishing House. 96 p. ISBN 5-211-03658-1. (In Russ.).
- Konkov, V. I. (2015). The system of media text presentation. *Medialinguistics*, 2 (8): 35—44. (In Russ.).
- Koptseva, N. P., Kirko, V. I. (2014.). Algunos conceptos de la filosofía rusa de finales del siglo XIX — primer tercio del siglo XX, que revelan formas específicas de las entidades colectivas. *Revista de Filosofía*, 76 (1): 7—31. (In Span.)
- Korneva, E. V. (2002). National-cultural stereotypes in advertising (based on German advertising texts). In: *Language, communication and social environment*, 2. Voronezh: VSTU Publishing House. 143—148. (In Russ.).
- Korotun, O. V. *Image-concept “external person” in the Russian language picture of the world*. PhD. Diss. Omsk, 2002. 193 p. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a lecture course*. Moscow: Gnosis. 282 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).
- Leech, G. N. (1966). *English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain*. London: Longman. 224 p.
- Leontiev, A. A. (1993). Linguistic consciousness and the image of the world. In: *Language and consciousness: paradoxical rationality*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 16—21. (In Russ.).
- Leontovich, O. A. (2003). *Russia and the USA: an introduction to intercultural communication*. Volgograd: Change. 398 p. ISBN 5-88234-618-5. (In Russ.).
- Levi, Yu. E. *Verbal and non-verbal means of the impact of the advertising text: author’s abstract of PhD Diss.* Moscow, 2003. 21 p. (In Russ.).
- Liu Xiao Nan. (2009). Social advertising in China: development and formation. *Scientific Thought of the Caucasus*, 1 (57): 137—143. (In Russ.).
- McLuhan, M. (1951). *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. New York: The Vanguard Press. 157 p.
- McLuhan, M. (1970). *Culture is Our Business*. New York: McGraw Hill. 336 p.
- Mitina, O. V., Petrenko, V. F. (2000). Cross-cultural study of stereotypes of female behavior (in Russia and the USA). *Questions of psychology*, 1: 68—86. (In Russ.).
- Mueller, B. (1995). *International advertising: communication across cultures*. Belmont: Wadsworth Pub. Co. 352 p.
- Nagornova, I. V. (2003). National concepts and their expression in commercials. In: *Science and education: materials of the All-Russian scientific conference*, 3. Belovo: BIF KemGU. 435—439. (In Russ.).
- Nazhenhua, Z. (2021). Advertising stamps as resources of social communication in Russia and China. In: *Text in cultural, linguistic, social space: a collection of scientific articles*. Moscow: Moscow Financial and Law University. 345—350. (In Russ.).
- Ogilvy, D. (2007). *Ogilvy on advertising*. Moscow: Eksmo. 283 p. ISBN 978-5-699-21963-6. (In Russ.).

- Pan Zhehong. (2001). *The evolution of advertising: the theory of advertising as a social culture*. Chang Sha: Hunan Publishing House. 302 p. (In Russ.).
- Pashkevich, T. V., Pavlova, N. G., Staroletov, M. G. (2003). *Semiotics and advertising: general scientific and applied aspects*. Barnaul: AltGTU Publishing House. 122 p. ISBN 5-7568-0402-1. (In Russ.).
- Polyakova, G. M. (2015). Linguistic and cultural analysis of the advertising language in American English. *Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2: 125—131. (In Russ.).
- Reznikova, K. V. (2015). “The Oera Linda Book” and “The Snow Queen”: Two Destinies of One Myth. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 1 (8): 149—174.
- Searle, J. R. (1999). *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. New York: Basic Books. 175 p.
- Shestakova, O. V., Makalovskaya, V. (2015). Ethnic stereotypes in modern advertising. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9 (51) 1: 207—210. (In Russ.).
- Shlyakhova, S. S. (2015). Russian beauty three hundred years later: ethnic auto- and heterostereotypes in advertising. Part II. Heterostereotypes. *Advertising and PR*, 4: 71—113. (In Russ.).
- Sitnikova, A. A., Zhukovskaia, L. N. (2015). Visualization of the Essence (about the Creative Work of the Artist Vladimir Zhukovsky). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 1 (8): 130—137.
- Surgund, K. V. (2016). Adaptation of advertising as a marketing tool for international companies. *Young scientist*, 20: 433—436. (In Russ.).
- Tyurina, S. Yu. (2009). On the concepts of advertising discourse and advertising text. *Vestnik ISPU*, 1: 75—77. Available at: <http://ispu.ru/files/75-77.pdf> (accessed: 11.20.2013). (In Russ.).
- Uchenova, V. V. (2003). *Philosophy of advertising*. Moscow: Gella-print. 199 p. ISBN 5-901008-24-3. (In Russ.).
- Umerenkova, A. V. (2016). Advertising text as a means of forming national identity. *Theory of language and intercultural communication*, 4 (23): 114—120. (In Russ.).
- Volkova, V. B. (2020). Gender-role cultural stereotypes and their role in the design of the female image in television advertising. *Actual problems of modern science, technology and education*, 11 (2): 49—52. (In Russ.).
- Wan Ning. *The slogan of Russian automobile advertising in the structural and content aspect (against the background of Chinese advertising)*: PhD. Diss. Perm, 2016. 230 p. (In Russ.).
- Zhang Juixi. *Similarities and differences of modern texts in the Chinese and Russian press (historical and theoretical conditionality)*: PhD. Diss. Moscow, 2005. 221 p. (In Russ.).
- Zhang Meng. (2016). The image of a beautiful woman in Chinese phraseological units. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. Linguistics and literary criticism*, 3: 35—39. (In Russ.).
- Zhu Peicheng. (1998). *Advertising creative*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. 392 p. (In Russ.).
- Zirka, V. V. (2009). *Manipulative games in advertising: linguistic aspect*. Moscow: Librokom. 253 p. ISBN 978-5-397-01010-8. (In Russ.).

*The article was submitted 28.03.2023;
approved after reviewing 28.04.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Селеменова О. А. Языковая суггестия в интернет-рекламе ледовых шоу по фигурному катанию / О. А. Селеменова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 244—260. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-244-260.

Selemeneva, O. A. (2023). Language Suggestion in Online Advertising of Figure Skating Ice Shows. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 244-260. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-244-260. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-244-260

Языковая суггестия в интернет-рекламе ледовых шоу по фигурному катанию

Селеменова Ольга Александровна
orcid.org/0000-0002-0488-8428
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:

Автор выражает благодарность
ректорату Елецкого государственного
университета им. И. А. Бунина
за поддержку в проведении
настоящего исследования

Language Suggestion in Online Advertising of Figure Skating Ice Shows

Olga A. Selemeneva
orcid.org/0000-0002-0488-8428
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:

The author expresses his gratitude
to the administration of the Bunin Yelets
State University for support
in conducting this study

© Селеменова О. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме латентного вербального воздействия на установки адресата в рекламном спортивном дискурсе. Цель работы — выявить языковые средства, реализующие суггестивный потенциал в рекламе ледовых шоу по фигурному катанию. Проведен анализ медиатекстов, размещенных в российской социальной сети «ВКонтакте». Проанализировано 124 рекламных текста за 2021—2023 годы. Применялись методы дискурсивного и коммуникативно-прагматического анализа, контент-анализ, описательный метод. Установлено, что вербальный компонент рассмотренных рекламных текстов в социальной сети «ВКонтакте» характеризуется небольшим объемом, четким логико-композиционным структурированием, языковым минимализмом, субстантивностью, экспансией именительного падежа, в результате чего круг используемых языковых средств суггестии ограничен. К ним относятся аллюзивные антропонимы (участвуют в формировании 84 % рекламных медиатекстов), оценочная лексика (42 %), бифункциональные повествовательно-восклицательные предложения (37 %), вокативные предложения (21 %). Сделан вывод о том, что перечисленные единицы раскрывают свой суггестивный потенциал за счет замены рационального обоснования эмоциональной аргументацией; активизации разных типов ассоциаций; аффективного компонента воздействия, определяемого наличием симпатии именно к отечественным фигуристам; действия стереотипов персоналий и наличия у адресата фоновых знаний.

Ключевые слова:

спортивная реклама; языковая суггестия; антропоним; оценочная лексика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problem of latent verbal influence on the attitudes of the addressee in the advertising sports discourse. The purpose of the work is to identify linguistic means that realize the suggestive potential in the advertising of figure skating ice shows. The analysis of media texts posted in the Russian social network “VKontakte” was carried out. 124 advertising texts for 2021—2023 were analyzed. Methods of discursive and communicative-pragmatic analysis, content analysis, descriptive method were used. It has been established that the verbal component of the considered advertising texts in the social network “VKontakte” is characterized by a small volume, clear logical and compositional structuring, linguistic minimalism, substantiveness, expansion of the nominative case, as a result of which the range of linguistic means of suggestion used is limited. These include allusive anthroponyms (participate in the formation of 84% of advertising media texts), evaluative vocabulary (42 %), bifunctional declarative-exclamatory sentences (37 %), vocative sentences (21 %). It is concluded that the listed units reveal their suggestive potential by replacing rational justification with emotional argumentation; activation of different types of associations; the affective component of the impact, determined by the presence of sympathy specifically for domestic figure skaters; the effect of stereotypes of personalities and the background knowledge of the addressee.

Key words:

sports advertising; linguistic suggestion; anthroponym; appraisal vocabulary.

Языковая суггестия в интернет-рекламе ледовых шоу по фигурному катанию

© Селеменева О. А., 2023

1. Введение = Introduction

Научный интерес филологов к детерминанте речевого поведения личности, иными словами, миру оценок, эмоций и намерений, сформирован под влиянием идей психолингвистики, лингвистической прагматики и суггестивной лингвистики. Именно последнее направление, будучи относительно молодым в российской науке, в качестве основного объекта изучения указывает суггестивные тексты следующих областей коммуникации: политической, художественной, фольклорной, религиозной, психотерапевтической, учебной и др. Особое место в этом ряду занимает рекламная коммуникация, поскольку рекламный текст, «используя манипулятивный многослойный язык», способен оказывать «целенаправленное корректирующее воздействие» на сознание индивидуумов и моделировать их картину мира [Чумичева, 2003, с. 3]. Поэтому в последние годы отечественные лингвисты все чаще стали обращаться к изучению конкретных приемов и языковых средств суггестивного воздействия на адресата в различных типах рекламы.

Так, Э. Б. Яковлева, основываясь на лингвостилистическом анализе текстов туристической немецкоязычной рекламы, доказывает, что ее суггестивный эффект достигается объемом предложений, изменением порядка слов в них, сочетаемостью определенных коммуникативных типов высказываний, редукцией некоторых словоформ в синтаксических структурах, риторическими фигурами [Яковлева, 2022]. Ритмические средства воздействия на суггеренда — диакопу, эпифору, анафору, анадиплосис — на материале англоязычной рекламы посредством использования компьютерного приложения ProseRhythmDetector выявляет Е. И. Бойчук [Бойчук, 2021]. Е. А. Калиновская и А. С. Кобышева изучают такие приемы суггестии в англоязычных журналах, как связывание, переакцентуация, имплицатура и экспрессивное отрицание [Калиновская и др., 2021]. Об особой семантике словосочетаний, способствующих созданию «прагматического эффекта суггестии» в немецких рекламных текстах горного оборудования, пишут В. Ю. Сухаревская и К. А. Шишигин [Сухаревская и др., 2020, с. 541].

Т. П. Романова обнаруживает суггестивные компоненты у ивентонимов — презентационных собственных имен событий социокультурной направленности, функционирующих в рекламно-информационных контекстах [Романова, 2020].

Если отечественные ученые сконцентрированы в основном на непосредственном наблюдении за языком рекламного сообщения в течение определенного периода, то зарубежные ориентированы на интерпретацию результатов, представляющих данные лабораторных экспериментов и онлайн-исследований социума. Например, А. С. Аль-Субхи полагает, что частота использования языковых и визуальных маркеров метадискурса в рекламе SM оказывает сильное влияние на совершение потенциальным покупателем действия-приобретения товара [Al-Subhi, 2022]; а Х. Виннер и И. Кареклас отмечают высокий положительный эффект от воздействия эмодзи на потребителя при продвижении гедонистических продуктов [Wiener et al., 2019]. Несмотря на разницу в подходах и аспектах анализа, выводы российских и зарубежных исследователей нередко совпадают. Например, С. Джулиан, Дж. Фитриянти и М. Яхья, изучая рекламу в журнале «Forbes», выделяют десять частотных языковых средств вербального воздействия на личность: длинные именные фразы, короткие предложения, избегание негатива, использование императивов, ласкательные слова и повторы, гипербола, разговорная лексика, аллитерация и синтаксический параллелизм [Julian et al., 2021].

Учитывая корпус данных, уже полученных и обнародованных в печати, мы пришли к выводу, что спортивная реклама, включающая рекламу спортивных событий, продуктов, услуг, организаций, брендов, зрелищ, и ее суггестивный потенциал еще не изучены. Поэтому и возникает потребность системного научного описания этого объекта с лингвистических позиций, позволяющих продемонстрировать, через призму каких средств вербального компонента реализуется суггестивная интенция.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — выявить те языковые доминанты, которые реализуют свой суггестивный потенциал в интернет-рекламе ледовых шоу по фигурному катанию.

Эмпирическим материалом исследования выступили медиатексты ледовых шоу по фигурному катанию, размещенные в российской социальной сети «ВКонтакте»: в группах «Фигурное катание LOVE», «Фигурное катание TOP», «Навка Шоу», «Ледовые шоу Ильи Авербуха», «Team Tutberidze», «Лебединое Озеро», «Фигурист ТВ — интернет-канал о фи-

гурном катании». Выбор социальной сети «ВКонтакте» в качестве источника фактического материала объясняется следующими причинами:

1) в отличие от других инструментов продвижения рекламы именно онлайн-платформы обеспечивают выстраивание непрерывной коммуникации адресанта и адресата. Доказано, что пользователи проводят в сети «ВКонтакте» треть времени, затрачиваемого на интернет-коммуникацию, и именно сеть становится для потребителей «главным источником информации» [Морозова, 2019, с. 200];

2) масштабным ростом сети «ВКонтакте»: ежедневное количество российских пользователей в марте 2023 года составило уже 53,6 млн, что свидетельствует об увеличении аудитории социальной сети на 12 % по сравнению с 2022 годом [ВКонтакте установила ..., 2023].

Обращение к рекламе шоу именно по фигурному катанию обусловлено не только популярностью этого вида спорта среди россиян, но и его маркетинговой эффективностью. Ведь фигурное катание выступает инструментом «мягкой силы», способной «через эмоциональную вовлеченность служить элементом, объединяющим болельщиков» [Погорлецкий, 2020, с. 130], создавать виртуальные образы, которые влияют на потребительское поведение не рационально, а иррационально, путем средств, находящихся не в сфере действия экономики, а психологии. Поэтому компании разного уровня (провайдер цифровых услуг и сервисов «Ростелеком», коммерческий банк «Тинькофф», платежная система «Мир», букмекерская компания «Лига ставок» и др.) охотно сотрудничают со спортсменами, тренерскими группами, турнирами, оказывая им спонсорскую поддержку, а проведение ледовых шоу популяризируется и поддерживается грантами на государственном уровне (например, Президентским фондом культурных инициатив [Завершена ..., 2023]).

Всего авторская картотека включает 124 единицы. При отборе фактического материала мы исходили из определения ледового шоу как театрализованного мероприятия развлекательного характера, проводимого на ледовой площадке с участием спортсменов-фигуристов. Изучались медиатексты рекламы ледовых шоу только за 2021—2023 годы, поскольку инструменты и средства рекламного воздействия на адресата демонстрируют быструю обновляемость, что обусловлено каналом их распространения — социальная онлайн-сеть.

Для обработки собранного материала применялись следующие методы: метод контент-анализа, позволивший выполнить анализ содержания медиатекстов; метод дискурсивного анализа, обеспечивший установление взаимосвязи внеязыковой и языковой сторон медиатекста; а также метод коммуникативно-прагматического анализа и описательный метод с приемами наблюдения, систематизации и интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Личные имена собственные спортсменов как средство языковой суггестии в рекламе ледовых шоу по фигурному катанию

Рекламный медиатекст ледовых шоу представляет собой пример креолизованной единицы, сочетающей семиотически гетерогенные компоненты — вербальный (словесный) и невербальный (изображение, гармония и контрастность цветов, элементы синграфемки, супраграфемки, топографемки и т. д.). Словесная часть примерно 83 % анализируемых сообщений отличается языковым минимализмом и упрощением синтаксической структуры, что объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Первая — жанровая специфика рекламного сообщения о проведении ледового шоу. Объявления и афиши, извещающие о конкретном зрелищном мероприятии, размещаются на онлайн-платформе «ВКонтакте» с целью «побудить адресата к нужному, с точки зрения рекламодателя, выбору и поступку» [Миронова, 2008, с. 92]. Вербальная часть таких рекламных сообщений имеет достаточно четкую композицию (время события и место проведения, просмотра трансляции шоу / событие / состав участников / сжатая информация о событии, например, особенности мероприятия) и небольшой объем (3—6 высказываний, включающих в среднем 7—10 знаменательных слов). Именно четкая композиция и небольшой объем словесной части «не дают возможности рассеяться вниманию читателя» [Клушина, 2001, с. 64]. Например: *ДС ЛУЖНИКИ. С 29 декабря по 7 января. Илья Авербух представляет Волшебник страны ОЗ. Новогоднее ледовое шоу. В главных ролях: Роман Костомаров, Евгения Медведева, Оксана Домнина* (https://vk.com/ice_show); *NAVKA.SHOW представляет мюзикл на льду РУСЛАН и ЛЮДМИЛА. 1 июля — 10 сентября 2021. Татьяна Навка, Петр Чернышов, Алина Загитова. Сочи Парк* (<https://work.vk.com/navka.show>).

Вторую причину указанного своеобразия вербальной части видим в ориентации современной рекламы на адресата с измененным когнитивным стилем и механизмом восприятия, который получил в работах зарубежных и отечественных социологов, философов, психологов и культурологов именование «клиповое мышление» [Моль, 2008; Toffler, 1980; Гиренок, 2016]. Его формирование обосновывают технологическим прогрессом в эпоху культурной, политической, экономической интеграции и унификации, высокой скоростью и фрагментарностью информационного потока, распространением нового вида социальных медиа — онлайн-сетей. Все это потребовало наглядности и экономии времени на обдумывание и понимание текстов, что и было в определенной степени обеспечено сокращением словесного компонента и замещением, полным или частичным, невербальным компонентом, позволяющим воспринять образ сразу и

целостно, без акцентуации деталей и установления причинно-следственных связей.

Тяготение вербального компонента значительной части рекламных сообщений о шоу к четкой структурной организации, лаконичности и речевой экономии обуславливает следующие характерные тенденции:

1) субстантивность, выражающуюся в преобладании существительных над другими частями речи, но существительных не нарицательных, как в коммерческой рекламе парфюмерии, одежды, медицинских услуг, товаров для дома и т. п., а собственных, включающих три основных разряда онимов: антропонимы, астионимы и урбанонимы. Например: *17 июня, 19.00. Л/Д «ICE PALACE», г. Краснодар, ул. Пригородная, 24. Михаил Коляда, Елизавета Туктамышева. Ледовое шоу Алексея Мишина ПОКОЛЕНИЕ «М». Евгений Семенов, Матвей Ветлугин, Глеб Лутфуллин, Софья Самодурова и многие другие... Специальные гости: Татьяна Волосожар — Максим Траньков. Ведущая ледового шоу — Ирина Слуцкая* (https://vk.com/figureskating_love);

2) экспансию именительного падежа. Словоформы И. п. преобладают в значительной части рекламных сообщений о ледовых шоу. Располагаясь линейно, цепочечно, или вертикально, в виде маркированных списков, они становятся смысловым ядром вербального компонента. Например: *Русские сезоны. Тур СОЮЗ ЧЕМПИОНОВ. <...> Ледовое шоу с балетом ЕВГЕНИЯ ПЛЮЩЕНКО. Евгений Плющенко, Александра Трусова, Марк Кондратюк, Дмитрий Алиев, Софья Муравьева, Александр Самарин, Макар Игнатов и другие чемпионы* (<https://vk.com/fstop2020>).

Из перечисленных выше семантических разрядов онимов суггестивным потенциалом на лексическом уровне обладают только антропонимы. Круг используемых антропонимов в интернет-рекламе ледовых шоу по сравнению, например, с коммерческой рекламой товаров и услуг, размещенной в печатных и электронных версиях гляцевых изданий [Селеменова, 2019], не отличается разнообразием и включает 4 подгруппы имен:

1) проприальные лексемы, именующие наиболее известных действующих на текущий сезон (2022—2023 годы) фигуристов (58 %): *Евгения Тарасова и Владимир Морозов* (российские фигуристы-парники, двукратные серебряные призеры Олимпийских игр 2018 года и 2022 года, двукратные чемпионы Европы, призеры чемпионатов мира), *Анастасия Мишина — Александр Галлямов* (российские фигуристы-парники, олимпийские чемпионы в командном соревновании 2022 года, чемпионы мира и Европы), *Виктория Синицина и Никита Кацалапов* (российские фигуристы, выступающие в танцах на льду, олимпийские чемпионы в командных соревнованиях 2022 года, серебряные призеры в личном турнире 2022 года, чемпионы мира

и двукратные чемпионы Европы), *Анна Щербакова* (российская фигуристка, выступающая в одиночном катании, олимпийская чемпионка 2022 года, чемпионка мира, двукратный серебряный призер чемпионата Европы), *Александра Трусова* (российская фигуристка, выступающая в одиночном катании, серебряный призер Олимпийских игр 2022 года, призер чемпионата мира и чемпионата Европы), *Камила Валиева* (российская фигуристка, выступающая в одиночном катании, олимпийская чемпионка в командном соревновании 2022 года, чемпионка Европы); *Елизавета Туктамышева* (российская фигуристка-одиночница, чемпионка мира и Европы 2015 года) и др.;

2) имена спортсменов-фигуристов, уже завершивших спортивную карьеру (34 %): *Алина Загитова* (российская фигуристка-одиночница, олимпийская чемпионка 2018 года, чемпионка мира и чемпионка Европы), *Евгения Медведева* (российская фигуристка-одиночница, двукратный призер Олимпийских игр 2018 года, двукратная чемпионка мира и Европы), *Александр Эмберт* и *Наталья Забияко* (фигуристы-парники, призеры Олимпийских игр 2018 года в командных соревнованиях, бронзовые призеры Чемпионата мира и Чемпионата Европы); *Оксана Домнина* (российская фигуристка, выступавшая в танцах на льду с Максимом Шабалиным, бронзовый призер Олимпиады 2010 года, чемпионка мира и двукратная чемпионка Европы); *Татьяна Тотьмянина* и *Максим Маринин* (олимпийские чемпионы 2006 года в парном катании, двукратные чемпионы мира и пятикратные чемпионы Европы), *Алексей Ягудин* (фигурист-одиночник, олимпийский чемпион 2002 года, четырехкратный чемпион мира и трехкратный чемпион Европы) и др.;

3) антропонимы спортсменов-фигуристов, завершивших успешную спортивную карьеру и сейчас занимающихся режиссированием, продюсированием шоу по фигурному катанию и / или тренерской работой (5 %): *Евгений Плющенко* (российский фигурист-одиночник, двукратный олимпийский чемпион 2006 года, 2014 года в командных соревнованиях), трехкратный чемпион мира и семикратный чемпион Европы, генеральный директор «Академии фигурного катания “Ангелы Плющенко”», тренер), *Илья Авербух* (советский и российских фигурист в танцах на льду, призер Олимпийских игр 2002 года, чемпион мира и чемпион Европы, режиссер театрализованных шоу, хореограф, продюсер), *Татьяна Навка* (советская, белорусская и российская фигуристка, выступающая в танцах на льду с Романом Костомаровым, олимпийская чемпионка 2006 года, двукратная чемпионка мира и трехкратная чемпионка Европы, основатель и генеральный продюсер компании Navka Show) и др.;

4) имена собственные известных тренеров (3 %): *Алексей Мишин* (заслуженный тренер России, заслуженный работник физической культуры

России, доктор педагогических наук, профессор), *Нина Мозер* (заслуженный тренер России), *Этери Тутберидзе* (заслуженный тренер России).

Тотальное преобладание имен собственных российских спортсменов над зарубежными в первой и второй подгруппах (94 % и 6 % соответственно) позволяет говорить о реализации в рекламе ледовых шоу по фигурному катанию психологической концепции ингруппового фаворитизма, выражающейся в ориентации на адресата определенной национально-гражданской идентичности. Например: *G-Drive АРЕНА. 2 октября. 17.00. Илья Авербух представляет ЧЕМПИОНЫ. Ледовое шоу звезд мирового фигурного катания. Алексей Ягудин, Евгения Медведева, Марк Кондратюк, Елизавета Туктамышева, Анастасия Мишина — Александр Галлямов, Татьяна Тотьмянина — Максим Маринин, Мария Петрова — Алексей Тихонов, Роман Костомаров, Оксана Домнина — Максим Шабалин, Албена Денкова — Максим Ставиский* (https://vk.com/ice_show); *8 марта мы покажем нашу сказку «Руслан и Людмила» в Воронеже! Очень ждем встречи! В главных ролях: Алина Загитова и Дмитрий Соловьев, Маргарита Дробязко и Повилас Ванас* (<https://work.vk.com/navka.show>). В приведенных примерах только антропонимы *Албена Денкова — Максим Ставиский* и *Маргарита Дробязко — Повилас Ванас* отсылают к референтам, представляющим соответственно болгарских и литовских атлетов, выступающих в танцах на льду и давно закончивших свою профессиональную карьеру.

В пределах одного рекламного текста ледового шоу одновременно могут функционировать антропонимы, принадлежащие разным подгруппам: *26 февраля на ВТБ Арене «Динамо» пройдет гала-вечер фигуристов «Путь к победе», где вас будут ждать выступления учеников одних из лучших в мире школ парного и одиночного фигурного катания — школы Этери Георгиевны Тутберидзе и Нины Михайловны Мозер. Перед зрителями со своими победными программами выступают популярные фигуристы: Татьяна Волосожар и Максим Траньков, Наталья Забияко и Александр Энберт, Александра Трусова, Алена Косторная и Анна Щербакова. Кроме того, вас будут ждать соревнования среди взрослых любителей, открытые мастер-классы от тренеров #MOZERteam и #teamTUTBERIDZE, фото- и автограф-сессии фигуристов. Не пропустите!* (https://vk.com/figurist_tv). В приведенном примере используется антропонимическая лексика сразу четырех подгрупп: собственные имена *Александра Трусова, Алена Косторная* и *Анна Щербакова* отсылают к референтам-фигуристам, которые на данный момент еще не объявили о завершении карьеры (первая подгруппа); антропонимы *Татьяна Волосожар, Наталья Забияко, Александр Энберт* — к спортсменам, закончившим выступать и уже объявившим о завершении карьеры (вторая подгруппа); *Максим Траньков* —

к успешному спортсмену, который в паре с Т. Волосожар стал двукратным олимпийским чемпионом (2014, личные и командные соревнования), а сейчас занимается тренерской деятельностью (третья подгруппа); *Этери Георгиевна Тутберидзе* и *Нина Михайловна Мозер* — к известным российским тренерам по фигурному катанию (четвертая подгруппа). Механизм воздействия антропонимической лексики выделенных подгрупп основан на ассоциациях двух типов — профессионализме референтов имен и их авторитетности. Введение аллюзивных антропонимов, именующих спортсменов и тренеров с высоким статусом в мире фигурного катания, способствует формированию привлекательного перцептивного образа шоу в сознании адресата. Упоминание личных имен рождает узнавание, обуславливает автоматическое реагирование на конкретное имя, имеет задачу убедить потенциального адресата-зрителя прийти на мероприятие или посмотреть его телеверсию.

Суггестивные потенции аллюзивных антропонимов спортсменов и тренеров основаны на способности этих языковых единиц актуализировать ситуативную пресуппозицию, стереотипы персоналий (то есть антропостереотипы — представления об определенном члене социального сообщества), формировать контекстные связи. Например: *Омск, 22 апреля, 18.00. Тинькофф и команда Этери Тутберидзе представляют ледовое шоу ЧЕМПИОНЫ НА ЛЬДУ. Алина Загитова, Анна Щербакова, Камила Валиева, Евгения Тарасова — Владимир Морозов, Софья Акатьева, Аделия Петросян и многие другие <...>* (https://vk.com/teamtutberidze_official). Несмотря на насыщенность данного текста проприальной лексикой, его семантической доминантой становится имя российского тренера *Этери Тутберидзе*, которое и связывает между собой все остальные онимы — собственные имена ее учеников-победителей спортивных турниров разного уровня, как закончивших карьеру (*Алина Загитова*), так и действующих (*Анна Щербакова, Камила Валиева, Евгения Тарасова — Владимир Морозов, Софья Акатьева, Аделия Петросян*), название шоу «Чемпионы на льду», аккумулирующее идею участия только победителей крупных спортивных соревнований, прагматоним *Тинькофф*, называющий бренд, чьим амбассадором заслуженный тренер России стала в 2021 году. Суггестивный потенциал аллюзивному антропониму *Этери Тутберидзе* помогают реализовать, во-первых, «прагматические предусловия текста, основанные на фоновых знаниях аудитории» [Шокина, 2009, с. 190]: один из самых успешных тренеров современности, собравший команду единомышленников и выведший в рекордные сроки на качественно новый уровень женское одиночное катание в России и мире. Во-вторых, суггестивная функция указанного собственного имени выполняется благодаря сформированно-

сти средствами СМИ в сознании болельщиков и поклонников фигурного катания антропостереотипа об Э. Г. Тутберидзе как женщине-загадке, элегантной, бесстрастной и всегда немногословной «Снежной королеве».

Регулярное использование антропонимов (почти 84 % примеров авторской картотеки) в качестве смысловой и структурной доминанты позволяет говорить об ономоцентричности медиатекстов рекламы ледовых шоу по фигурному катанию. Эти имена в концентрированном виде «хранят информацию о качествах, событиях, достижениях и результатах» [Бобырева и др., 2017, с. 103], что и объясняет эффективность их психологического воздействия на адресата.

3.2. Оценочность и эмоциональность вербальной части как способы обеспечения эффективности рекламы ледовых шоу по фигурному катанию

Поскольку вербальный компонент рекламы ледовых шоу по фигурному катанию тяготеет, как мы уже отмечали, к небольшому объему, на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях успешное функционирование «метапрограммы» языковой суггестии обеспечивается очень ограниченным кругом средств. Кроме антропонимов, к таким средствам относим оценочные имена прилагательные со значениями ‘впервые созданный’, ‘высоко оцениваемый’, ‘исключительный’ типа *новый, уникальный, эксклюзивный, единственный, культовый*. Например: *Шоу-сказка на льду ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО. <...> Уникальная сценография шоу действительно позволит зрителям увидеть не только выступления фигуристов на льду, но и артистов балета на паркете.* (<https://vk.com/wall-101987893>); <...> *Шоу Team Tutberidze с выдающимися спортсменами, каждый из которых оставил след в современном фигурном катании. Уникальный состав, культовые программы и множество сюрпризов...* (https://vk.com/figureskating_love); *До 6 января в ЛД «Айсберг» мы показываем нашу сказку «Спящая красавица».* <...> *В постановке задействована уникальная технология BlackTrax, используемая только в двух шоу в мире...* (<https://work.vk.com/navka.show>). В перечисленных выше лексемах аккумулированы такие качества объекта рекламы, как «неповторимое», «неожиданное», «незнакомое адресату», «передовое по использованным технологиям», «масштабное», «ставшее объектом почитания». Их суггестивная функция легко объяснима, так как именно оценка, по мнению Ч. Стивенсона, «предназначена для воздействия на адресата»: «заклученная в ней похвала» имеет целью «вызвать у адресата определенное психологическое состояние» [Новое ..., 1985, с. 153].

Средствами выражения высокой оценки профессионального мастерства отечественных спортсменов и созданных школ фигурного катания становятся имена прилагательные в формах сравнительной и превосход-

ной степени (*лучших, сильнейших, самых титулованных* и др.) благодаря присутствию в значениях семы 'предельная степень признака'. Например: *30 марта в Санкт-Петербурге стартует Тур Союз Чемпионов «Русские сезоны» — ледовое шоу **сильнейших** фигуристов с балетом* (<https://vk.com/fstop2020>); *Три волшебные сказки с участием мировых звезд фигурного катания, входящих в число **самых титулованных и выдающихся** фигуристов планеты* (<https://work.vk.com/navka.show>) и др. Суггестивный потенциал подобных морфологических форм основан на актуализации в тексте тактики сравнения (хотя объект сравнения не указывается, но подразумевается — лучшие из лучших атлетов в мировом фигурнокатательном сообществе) и использовании пресуппозиции 'участники — звезды, призеры и победители соревнований'.

Оценочная лексика отмечена примерно в 42 % сообщений авторской картотеки примеров. Именно она, создавая «повышенную оценочность» рекламных текстов ледовых шоу [Аниськина, 2014, с. 193], формирует у адресата устойчивую положительную оценку зрелищного мероприятия и ценностное отношение к нему еще до просмотра. Оценочные лексемы выступают, на наш взгляд, своеобразными стимульными детерминантами вербальной части, хотя среди таковых традиционно выделяют исключительно невербальные средства — контрастность цветового оформления, пространственно-плоскостное варьирование, направление текста и др.

Поскольку языковая суггестия отлична от словесного убеждения опорой на чувственное, а не рациональное познание, в рекламе зрелищных мероприятий по фигурному катанию на синтаксическом уровне ее действенным инструментом становятся предложения с эмоциональной интенцией (около 37 % примеров выборки): *Шоу «Лебединое озеро» с Евгением Плющенко будет идти все зимние каникулы, с 3 по 8 января, в «Ледовом дворце»!* (https://vk.com/swanlake_pmi); *Звезды фигурного катания в шоу Этери Тутберидзе «Чемпионы на льду»!* (https://vk.com/figureskating_love) и др. Эти бифункциональные синтаксические конструкции повествовательно-восклицательного подтипа, выполняя в медиатексте одновременно коммуникативную и эмотивную функции, задают непринужденную коммуникативную тональность сообщения и задействуют эмоциональную память при его восприятии, опираясь на активизацию положительных эмоций адресата по отношению к объекту рекламы.

В структуре вербального компонента рекламы ледовых шоу, размещенных в социальной сети «ВКонтакте», отмечаем и регулярное присутствие вокативных предложений (примерно 21 %), тех предложений-призывов, которые, привлекая внимание собеседника, осложнены выражением положительных эмоций и нацелены на создание интимной атмосферы,

доверительного диалога с поклонником фигурного катания, болельщиком: ***Дорогие друзья, ценители наших сказок на льду и поклонники фигурного катания! Спешите увидеть и услышать этой зимой три новогодние сказки Татьяны Навки в Москве, Санкт-Петербурге и Сочи!*** (<https://work.vk.com/navka.show>); ***Дорогие друзья! Эмоции от шоу Татьяны Навки «Лебединое Озеро» станут еще ярче, если прийти на шоу всей семьей! У нас появилась новая категория билетов — СЕМЕЙНЫЙ*** (<https://work.vk.com/navka.show>); ***Дорогие поклонники наших сказок и фигурного катания, у нас для вас отличная новость! С 03 по 06 ноября 2023 года в ВТБ Арене в Москве вы сможете еще раз увидеть нашу волшебную сказку «История любви Шахерезады»!*** (<https://vk.com/navka.show>) и др.

Поскольку «на первых этапах восприятия текста понимание основывается исключительно на эмоциональных компонентах смыслового поля» [Логинова, 2010, с. 105], восклицательные структуры оказывают положительное влияние на потребителя. Эмоциональное переживание и сопереживание влияют «на потребностно-мотивационную сферу реципиента», в которой происходит изменение мотивов, переструктурирование программы деятельности, ассоциаций [Там же, с. 105—106].

4. Заключение = Conclusions

Резюмируя, отметим, что в целом вербальный компонент рекламных сообщений о ледовых шоу по фигурному катанию в социальной сети «ВКонтакте» отличается небольшим объемом, определенной композицией, языковым минимализмом, субстантивностью, экспансией именительного падежа. Вследствие этого круг языковых средств суггестии ограничен: аллюзивные антропонимы, именующие известных отечественных и зарубежных спортсменов, действующих или уже объявивших о завершении профессиональной карьеры, а также имена советских и российских тренеров; оценочная лексика; бифункциональные повествовательно-восклицательные предложения; вокативные предложения.

Выделенные лексическо-морфологические и синтаксические средства реализуют свой суггестивный потенциал за счет, во-первых, актуализации ассоциаций двух типов (профессионализм референтов имен и их авторитетность) и аффективного компонента воздействия, определяемого наличием симпатии именно к отечественным фигуристам; во-вторых, действия стереотипов персоналий и наличия фоновых знаний у адресата; в-третьих, замены рационального обоснования эмоциональной аргументацией.

К перспективам исследования относим:

— изучение взаимодействия словесной составляющей рекламы ледовых шоу с несловесной с целью транслирования адресату общего смысла;

— составление «портретов» виртуальных языковых личностей адресантов сообщений о ледовых шоу, поскольку рассматриваемый контент демонстрирует явное усиление эмоциональности в рекламе ледовых шоу Т. Навки и сведение ее практически к минимуму в рекламе шоу Э. Тутберидзе;

— выполнение экспериментально-практической работы с целью выявления латентного вербального влияния на психологические установки суггерендов двух типов: поклонников, болельщиков фигурного катания и людей, не увлекающихся этим видом спорта.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ВКонтakte установила новые рекорды по аудитории и ее активности [Электронный ресурс] // Новости для прессы ВКонтakte. — 21 марта 2023. — Режим доступа : <https://vk.com/press/record-march-2023> (дата обращения: 04.04.2023).
2. Завершена заявочная кампания : ознакомиться с итогами конкурса [Электронный ресурс] // Президентский фонд культурных инициатив. — Режим доступа : <https://фонд-культурныхинициатив.рф> (дата обращения: 4.04.2023).
3. Лебединое Озеро [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/swanlake_pmi (дата обращения: 30.11.2022).
4. Ледовые шоу Ильи Авербуха [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/ice_show (дата обращения: 3.12.2022).
5. Навка Шоу [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/navka.show> (дата обращения: 13.02.2023).
6. Фигурное катание LOVE [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/figureskating_love (дата обращения: 25.11.2022).
7. Фигурное катание TOP [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/fstop2020> (дата обращения: 10.12.2022).
8. Фигурист ТВ — интернет-канал о фигурном катании. — Режим доступа : https://vk.com/figurist_tv (дата обращения: 3.04.2023).
9. Team Tutberidze [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/teamtutberidze_official (дата обращения: 20.03.2023).

Литература

1. Аниськина Н. В. Сравнение как средство воздействия в рекламе / Н. В. Аниськина // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 4. — С. 189—193.
2. Бобырева Н. Н. Ассоциативность имен собственных в специальном контексте (на материале имен известных спортсменов) / Н. Н. Бобырева, О. Г. Палутина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 9 (122). — С. 100—104.
3. Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма рекламного текста / Е. И. Бойчук // Верхневолжский филологический вестник. — 2021. — № 1 (24). — С. 137—144. — DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-137-144.

4. *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание / Е. И. Гиренок. — Москва : Проспект, 2016. — 254 с. — ISBN 978-5-392-19235-9.
5. *Калиновская Е. А.* Прагматика рекламного текста в аспекте его суггестивно-го воздействия / Е. А. Калиновская, А. С. Кобышева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2021. — Т. 25, № 1. — С. 58—67. — DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-58-67.
6. *Клушина Н. И.* Восприятие рекламы / Н. И. Клушина // Русская речь. — 2011. — № 1. — С. 64—66.
7. *Логинова Н. А.* Текстовые факторы языковой суггестии / Н. А. Логинова // Филология и человек. — 2010. — № 1. — С. 105—111.
8. *Миронова А. А.* Формирование жанра объявления в истории русского языка / А. А. Миронова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 26. — С. 91—96.
9. *Моль А.* Социодинамика культуры : пер. с фр. Б. В. Бирюкова / А. Моль. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 416 с. — ISBN 978-5-382-00433-4.
10. *Морозова А. А.* Мультимедийные возможности социальной сети ВКонтакте / А. А. Морозова // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 1 (31). — С. 200—208.
11. *Новое в зарубежной лингвистике* / сост. Н. Д. Арутюнова; под общ. ред. Е. В. Падучевой. — Москва : Прогресс, 1985. — Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — 504 с. — ISBN 9785998928000.
12. *Погорлецкий А. И.* Российское фигурное катание : «мягкая сила» воздействия на зарубежных потребителей и экспортный потенциал / А. И. Погорлецкий // Современные вызовы и перспективы развития международной торговой системы : монография / под ред. А. И. Погорлецкого. — Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2020. — С. 129—137. — ISBN 978-5-98620-484-0.
13. *Романова Т. П.* Ивентоним как рекламно-информативный тип имени собственного / Т. П. Романова // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 220—240. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.025.
14. *Селеменова О. А.* Суггестивный потенциал языковых единиц в рекламных текстах международных женских глянцевого журналов мод / О. А. Селеменова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 72—85. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-72-85.
15. *Сухаревская В. Ю.* Суггестивные словосочетания в немецком промышленном рекламном тексте (на материале рекламы горного оборудования) / В. Ю. Сухаревская, К. А. Шишигин // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — № 22 (2). — С. 541—548. — DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-541-548.
16. *Чумичева Н. В.* Копирайтинг и рекламная суггестия: алгоритмизация творчества : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. В. Чумичева. — Ростов-на-Дону, 2009. — 23 с.
17. *Шокина А. Б.* Языковая компрессия в рекламном тексте / А. Б. Шокина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2009. — № 2. — С. 189—195.
18. *Яковлева Э. Б.* Лингвостилистическое оформление текстов туристической рекламы (на материале немецкоязычных туристических буклетов) / Э. Б. Яковлева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Вып. 5 (860). — С. 112—118. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_112.

19. *Al-Subhi A. S.* Metadiscourse in online advertising : Exploring linguistic and visual metadiscourse in social media advertisements / A. S. Al-Subhi // *Journal of Pragmatics*. — 2022. — Vol. 187. — Pp. 24—40. — DOI: 10.1016/j.pragma.2021.10.027.
20. *Toffler A.* The Third Wave : The Classic Study of Tomorrow / A. Toffler. — New York : Morrow, 1980. — 544 p. — ISBN 0-688-03597-3.
21. *Wiener H.* To emoji or not to emoji? Examining the influence of emoji on consumer reactions to advertising / H. Wiener, I. Kareklas // *Journal of Business Research*. — 2019. — Vol. 96. — Pp. 147—156. — DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.11.007.
22. *Yuliah S.* The Persuasive Language Used in Advertisements in Magazine / S. Yuliah, J. Fitriyandi, M. Yahya // *Jurnal Bahasa Inggris Terapan*. — 2021. — Vol. 7, № 2. — Pp. 119—129. — DOI: 10.35313/jbit.v7i2.3620.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023,
одобрена после рецензирования 11.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

- Figure skating LOVE*. Available at: https://vk.com/figureskating_love (accessed: 11.25.2022). (In Russ.).
- Figure skating TOP*. Available at: <https://vk.com/fstop2020> (accessed: 12.10.2022). (In Russ.).
- Ice shows by Ilya Averbukh*. Available at: https://vk.com/ice_show (accessed: 12.03.2022). (In Russ.).
- Navka Show*. Available at: <https://vk.com/navka.show> (accessed: 02.13.2023). (In Russ.).
- Skater TV is an Internet channel about figure skating*. Available at: https://vk.com/figurist_tv (accessed: 04.03.2023). (In Russ.).
- Swan Lake*. Available at: https://vk.com/swanlake_pmi (accessed: 11.30.2022). (In Russ.).
- Team Tutberidze*. Available at: https://vk.com/teamtutberidze_official (accessed: 03.20.2023).
- The bidding campaign has been completed: get acquainted with the results of the competition. In: *Presidential Fund for Cultural Initiatives*. Available at: <https://fundofculturalinitiatives.rf> (accessed: 04.04.2023). (In Russ.).
- VKontakte set new records for the audience and its activity. In: *News for the VKontakte press. March 21, 2023*. Available at: <https://vk.com/press/record-march-2023> (accessed: 04.04.2023). (In Russ.).

References

- Al-Subhi, A. S. (2022). Metadiscourse in online advertising : Exploring linguistic and visual metadiscourse in social media advertisements. *Journal of Pragmatics*, 187: 24—40. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.10.027.
- Aniskina, N. V. (2014). Comparison as a means of influence in advertising. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4: 189—193. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (ed.). (1985). *New in foreign linguistics, XVI. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress. 504 p. ISBN 9785998928000. (In Russ.).
- Bobyreva, N. N., Palutina, O. G. (2017). Associativity of proper names in a special context (based on the names of famous athletes). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (122): 100—104. (In Russ.).
- Boichuk, E. I. (2021). Automated analysis of advertising text rhythm. *Upper Volga Philological Bulletin*, 1 (24): 137—144. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-137-144. (In Russ.).

- Chumicheva, N. V. *Copywriting and advertising suggestion: algorithmization of creativity*: author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don, 2009. 23 p. (In Russ.).
- Girenok, F. I. (2016). *Clip consciousness*. Moscow: Prospekt. 254 p. ISBN 978-5-392-19235-9. (In Russ.).
- Kalinovskaya, E. A., Kobysheva, A. S. (2021). Pragmatics of the advertising text in terms of its suggestive impact. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, 25(1): 58—67. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-58-67. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2011). Perception of advertising. *Russian speech*, 1: 64—66. (In Russ.).
- Loginova, N. A. (2010). Text factors of linguistic suggestion. *Philology and man*, 1: 105—111. (In Russ.).
- Mironova, A. A. (2008). Formation of the announcement genre in the history of the Russian language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 26: 91—96. (In Russ.).
- Mol, A. (2008). *Sociodynamics of culture: per. from fr. B. V. Biryukova*. Moscow: LKI Publishing House. 416 p. ISBN 978-5-382-00433-4. (In Russ.).
- Morozova, A. A. (2019). Multimedia opportunities of the social network VKontakte. *Sign: problematic field of media education*, 1 (31): 200—208. (In Russ.).
- Pogorletsky, A. I. (2020). Russian figure skating: “soft power” of the impact on foreign consumers and export potential. In: *Modern challenges and prospects for the development of the international trading system: monograph*. St. Petersburg: Scythia-print. S. 129—137. ISBN 978-5-98620-484-0. (In Russ.).
- Romanova, T. P. (2020). Eventonym as an advertising-informative type of proper name. *Problems of onomastics*, 17(2): 220—240. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.025. (In Russ.).
- Selemeneva, O. A. (2019). Suggestive potential of language units in advertising texts of international women's glossy fashion magazines. *Nauchnyi dialog*, 11: 72—85. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-72-85. (In Russ.).
- Shokina, A. B. (2009). Language compression in advertising text. *Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*, 2: 189—195. (In Russ.).
- Sukharevskaya, V. Yu., Shishigin, K. A. (2020). Suggestive phrases in German industrial advertising text (on the material of mining equipment advertising). *Bulletin of the Kemerovo State University*, 22 (2): 541—548. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-541-548. (In Russ.).
- Toffler, A. (1980). *The Third Wave : The Classic Study of Tomorrow*. New York : Morrow. 544 p. ISBN 0-688-03597-3.
- Wiener, H., Kareklas, I. (2019). To emoji or not to emoji? Examining the influence of emoji on consumer reactions to advertising. *Journal of Business Research*, 96: 147—156. DOI: 10.1016/j.jbusres.2018.11.007.
- Yakovleva, E. B. (2022). Linguistic and stylistic design of tourist advertising texts (based on German-language tourist booklets). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*, 5 (860): 112—118. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_112. (In Russ.).
- Yuliah, S., Fitriyandi, J., Yahya, M. (2021). The Persuasive Language Used in Advertisements in Magazine. *Jurnal Bahasa Inggris Terapan*, 7(2): 119—129. DOI: 10.35313/jbit.v7i2.3620.

*The article was submitted 11.04.2023;
approved after reviewing 11.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

Токарев Г. В. Специфика бренда как лингвокультурной единицы (на примере текста тульской культуры) / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 261—278. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278.

Tokarev, G. V. (2023). Specifics of Brand as Linguocultural Unit (Tula Text of Culture). *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 261-278. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278

Специфика бренда как лингвокультурной единицы (на примере текста тульской культуры)

Токарев Григорий Валериевич

orcid.org/0000-0002-2362-0902

доктор филологических наук,

профессор,

заведующий кафедрой

документоведения и стилистики

русского языка

grig72@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет

им. Л. Н. Толстого

(Тула, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-28- 20342 «Симболярий
региональной идентичности»
и Правительства Тульской области
(соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Specifics of Brand as Linguocultural Unit (Tula Text of Culture)

Grigory V. Tokarev

orcid.org/0000-0002-2362-0902

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department of Documentation

and Stylistics of the Russian Language

grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University

(Tula, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from
the Russian Science Foundation,
project № 22-28-20342
“Symbolary of Regional Identity”
and the Government of the Tula Region
(agreement № 6 dated April 19, 2022).

© Токарев Г. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Описаны семантико-прагматические особенности бренда как лингвокультурной единицы. Актуальность исследования заключается в том, что рассмотрение бренда как лингвокультурной единицы пополняет знания о средствах, объективирующих процесс интеракции языка и культуры. Установлено, что присвоение данного статуса языковой единице возможно тогда, когда она включена в систему обыденной культуры и приобрела одну из её функций — самопрезентации. Используются методы лингвокультурологической интерпретации, интервьюирования, концептуального анализа, моделирования. Изучение свойств бренда проведено на материале тульской субкультуры, в которой выявлено около 20 подобных единиц. В ходе исследования бренд дефинирован как лингвокультурный знак, представляющий субкультуру и участвующий в процессе её идентификации. Определены брендинговые стратегии идентификации тульской культуры: апеллирование к специалитетам, оружию, самоварам, а также прецедентным именам. Установлено, что бренд моделирует культуру, влияет на особенности её восприятия. Выявлено, что бренду свойственны такие признаки, как уникальность, исключительность, типичность, которые обеспечивают его ожидаемость и понятность. Доказано, что семантика бренда характеризуется конкретностью, оценочностью, эмотивностью. Сделан вывод, что бренды репрезентируют ценностные доминанты культуры: в тульской культуре к ним отнесены мастерство, защита Отечества, сохранение духовных традиций.

Ключевые слова:

региональная идентификация; символарий; бренд; культурный текст; лингвокультурная легенда.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The semantic and pragmatic features of the brand as a linguocultural unit are described. The relevance of the study lies in the fact that considering the brand as a linguistic and cultural unit replenishes knowledge about the means that objectify the process of interaction between language and culture. It has been established that the assignment of this status to a language unit is possible when it is included in the system of everyday culture and has acquired one of its functions — self-presentation. The study of the properties of the brand was carried out on the material of the Tula subculture, in which about 20 such units were identified. In the course of the study, the brand is defined as a linguocultural sign that represents a subculture and participates in the process of its identification. Branding strategies for identifying the Tula culture are defined: appeal to specialties, samovar weapons, as well as precedent names. It has been established that the brand models culture, influences the peculiarities of its perception. It was revealed that the brand is characterized by such features as uniqueness, exclusivity, typicality, which distinguish it from a number of similar phenomena, ensure its expectation and understandability. It is proved that the semantics of the brand is characterized by concreteness, appraisal, emotiveness. It is concluded that brands represent the value dominants of culture: in Tula culture, they include craftsmanship, protection of the Fatherland, and the preservation of spiritual traditions.

Key words:

regional identification; symbolary; brand; cultural text; linguocultural legend.

УДК 811.161.1'33+659.1:008(470.312)“202”

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Специфика бренда как лингвокультурной единицы (на примере текста тульской культуры)

© Токарев Г. В., 2023

1. Введение = Introduction

Развитие лингвокультурологии, появление новых аспектов её изучения требуют расширения понятийной базы. Так, исследование региональной культуры актуализирует маркетинговый термин *бренд*. Интегративный принцип развития современной науки сформировал условия для трансфера знания из одной исследовательской области в другую. Феномен бренда стал интересен для лингвокультурологии, перед которой стоит задача изучения текстов, симболяриев, тезаурусов культуры и лингвокультурных единиц. Мы придерживаемся точки зрения, что в результате взаимодействия языка и культуры формируется промежуточный, лингвокультурный уровень, единицы которого, обладающие вербальной природой, выполняют функции культурных знаков [Телия, 1996]. Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что бренд представляет собой разновидность лингвокультурных единиц, то есть является языковым элементом, который выполняет функции презентации культуры, используется при моделировании представлений о культурной идентичности, см. об этом подробнее [Токарев, 2022a]. В исследовании мы будем придерживаться данного рабочего определения. Тем самым мы различаем маркетинговое понимание бренда как товарного инструмента и его интерпретацию как лингвокультурной единицы. Лингвокультурный бренд ставится в ряд знаков культуры, имеющих вербальную природу, поэтому его только формально можно соотнести со словом или сочетанием слов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Всё семиотическое пространство, генерированное тульской культурой, мы характеризуем как текст, который, безусловно, имеет неоднородную знаковую природу. Его вербальная ипостась стала материалом исследования. Она выражена обыденными высказываниями о Туле и области, имеющими как письменную (публикации на сайтах, туристические буклеты), так и устную формы. Объект исследования — бренд как лингвокультур-

ный знак. По нашим наблюдениям, данных единиц в тульской культуре на современном этапе её развития насчитывается около двадцати.

Цель исследования состоит в описании семантико-прагматических признаков бренда как лингвокультурной единицы.

Поставленная цель достигается методами интервьюирования, концептуального анализа, лингвокультурологической интерпретации, моделирования.

Бренд основательно изучен в теории маркетинга. В маркетинговых дефинициях он трактуется как торговый знак. Акцент делается на его ментальной природе. Так, К. А. Леденёва и О. Н. Горбунова под брендом понимают «комплекс различных ассоциаций, закрепившихся в сознании покупателей» [Леденёва и др., 2016, с. 252]. Т. С. Спирина определяет бренд как «набор идей и образов, ассоциаций и представлений, которые появляются у потребителя при взаимодействии с продукцией или услугами предприятия» [Спирина, 2018, с. 31]. В этом же ключе размышляет Э. В. Кабышева: «Бренд — это комплекс представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик, мнений о продукте либо услуге в сознании потребителя, которые конструируются его создателями» [Кабышева, 2019, с. 71]. Как видим, бренд дефинируется как ментальная сущность, как совокупность знаний, связанных с объектом потребления.

В маркетинговых исследованиях отмечены интенции бренда: «обратить внимание», «быть ликвидным», «быть узнаваемым», что связано с его изначальной функцией способствовать получению прибыли.

Рассмотрение данного феномена лингвистикой стало возможным при переходе языкознания в антропоцентрическую парадигму, с обоснованием продуктивности экспансионизма новых знаний в сферу науки о языке, интегрированных исследований. Лингвистические изыскания бренда можно представить несколькими направлениями:

Первое рассматривает бренд в семиотическом аспекте. Так, А. Д. Левшиц исследует семиотическую природу этнокультурного бренда, выделяя в ней вербальный, визуальный и символический аспекты: «Этнокультурный бренд представляет собой многослойный конструкт, существующий только в результате систематического взаимодействия цветового, вербального, лингвострановедческого и других семиотических факторов» [Левшиц, 2022, с. 58]. Целью данного направления является изучение знаковой природы бренда.

Второе изучает коммуникативную сущность бренда, особенности бренд-коммуникации [Партусевич, 2022; Кузьмина, 2016; Шадрина и др., 2018 и др.]. Данный подход представлен наибольшим числом лингвистических работ, что объясняется повышенным интересом к прагматике на

современном этапе развития языкознания. Данное направление ставит задачу описания иллокутивного потенциала рассматриваемой единицы.

Третье связано с изучением трансфера брендов, их переводом с одного языка на другой [Лю Лифэнь, 2020 и др.]. В рамках данного направления изучаются особенности восприятия бренда новой знаковой системой.

Рассмотрение бренда в лингвокультурологическом аспекте является новым, что подчёркивает актуальность нашего исследования. Л. Генин и А. Дмитриев рассматривают бренд как культурный феномен: «бренды проникают в культурную сферу, становятся неотъемлемой частью культуры» [Генин и др., 2007, с. 74]. Этой же точки зрения придерживается Т. А. Спирина, рассматривающая бренд как лингвокультурологическую категорию и выделяющая в ней ментальный, функциональный и социальный аспекты.

Далее представлены результаты изучения природы бренда как лингвокультурной единицы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Симболярный брендов современной тульской субкультуры

В современном территориально-административном делении Тульской области чётко просматриваются тенденции к брендированию входящих в неё локаций [Сто тульских ..., 2017]. Если в маркетинговой сфере бренд соотносится с предметом, услугой и т. п., то в рассматриваемом нами лингвокультурологическом аспекте он связан с жизненным укладом, который в наивном сознании соотносится с каким-либо регионом бытования. Так, единицы *Бунин*, *белёвская пастила*, *суворовские конфеты* и подобные в функции лингвокультурного бренда, следуя логике иконического знака обозначать что-либо с опорой на смежность, прежде всего репрезентируют объект, тесно связанный с данной локацией. Они становятся культурной меткой региона. Когнитивную матрицу, которую воплощает бренд, можно представить следующим образом: *знай, что существует некое место, связанное с X*, где X — имя какого-либо прецедентного объекта. Например, *знай, что в Тульской области есть старинный купеческий город, который называют воротами Куликова поля, — Епифань*. В случаях продвижения одних районов этот процесс идёт более успешно, других — менее. Отражим актуализацию ключевых брендов тульских регионов в таблице.

Заметим, что многие из приведённых брендов характеризуются разной степенью известности. Некоторые узнаваемы только представителями тульской культуры: *Узелки*, *Тульская Швейцария*, *Егнышевка* и др. Приведённые единицы иллюстрируют различие в маркетинговом и лингвокультурологическом понимании бренда. Формально имена и первого, и второго вида брендов могут совпадать. Например, *белёвское кружево*, *суворовские*

Таблица 1

Брендирование локаций Тульской области

№	Название района	Имя бренда
1	Алексинский район	Егнышевка
2	Арсеньевский район	Нет
3	Белёвский район	Белёвская пастила, белёвское кружево
4	Богородицкий район	Дворец Бобринских
5	Венёвский район	Венёвка
6	Воловский район	Нет
7	Дубенский район	Дворец Мосоловых
8	Ефремовский район	Тульская Швейцария, Бунин
9	Заокский район	Поленово, усадьба Болотова
10	Каменский район	Нет
11	Кимовский район	Себино, Епифань
12	Киреевский район	Дедиславль
13	Куркинский район	Куликово поле
14	Ленинский район	Нет
15	Новомосковский район	Детская железная дорога, исток Дона
16	Одоевский район	Филимоновская игрушка
17	Плавский район	Нет
18	Суворовский район	Суворовские конфеты, Краинка, Лихвинские воды, Лихвин
19	Тепло-Огаревский район	Нет
20	Узловский район	Узелки
21	Чернский район	Бежин луг
22	Щёкинский район	Ясная Поляна, фестиваль «Толстой», фестиваль Крапивы
23	Ясногорский район	Хомяково

конфеты. Однако в этом случае следует говорить о функциональной омонимии. Маркетинговые бренды выступают товарными знаками производств и продукции, лингвокультурологические — презентантами чего-либо типичного или свойственного исключительно данной локации как части региональной культуры. Значительная часть приведённых единиц не отражает формального совпадения, то есть имена используются как лингвокультурные, а не маркетинговые знаки: *Дворец Бобринских*, *Тульская Швейцария*, *Себино*, *исток Дона*, *Хомяково* и др.

Для определения состава актуальных брендов тульской культуры были проведены два встречных опроса. Первый был направлен на выявление

тульских брендов жителями области, второй — лицами, которые живут в других регионах. В анкетировании приняло участие по сто человек разного возраста и пола из каждой группы. В опросник входило задание перечислить все известные респондентам бренды Тулы. Жители области смогли привести больше единиц, чем лица, проживающие в других локациях. В состав брендов мы включили наименования, упомянутые в ответах одной и другой группы. В ходе опроса выявлены следующие денотативные группы единиц.

Гастрономические бренды: *тульский пряник, суворовские конфеты, белёвская пастила, тульский сахар, яснополянские конфеты, арсенальное пиво.*

Бренды народных промыслов и производств: *белёвское кружево, филимоновская игрушка, тульская гармоника, тульский самовар.*

Бренды мероприятий: *фестивали «Дикая мята», Крапивы, «Толстой».*

Оружейные бренды: *тульская винтовка, тульская свечка, тульский Токарев.*

Брендовые локации: *Ясная Поляна, Куликово Поле.*

Как видим, меньшая часть брендов соотносится с реалиями духовной жизни локации: культурными мероприятиями, музеями. Большинство брендов связано с материальной продукцией (продукты питания, промышленные товары, оружие), произведённой на территории региона, что формирует стереотип о Туле как городе мастеров [Токарев, 2022в].

3.2. Признаки бренда как лингвокультурной единицы

Полагаем, что в лингвокультурологической интерпретации бренд может трактоваться как знак с культурно маркированной семантикой и прагматикой.

Он характеризуется, с одной стороны, уникальностью, исключительностью, с другой — типичностью. Так, бренд *тульский сахар* отражает уникальную рецептуру, качество и вкус продукта и его устойчивую ассоциативную связь с регионом, что подтверждают прецедентные высказывания: *А тут налетели черти и взялись прямо со стола воровать. Тот самый тульский сахар. Экая нечисть, а толк в еде знает* (Н. Гоголь); *Плевать я хотел на ваши ананасы. Горячего чая лучше принесите. С сахаром тульским* (В. Маяковский); *Только враг народа может не любить тульский сахар* (И. Сталин). Первая черта выделяет бренд из ряда подобных явлений, вторая — обеспечивает его ожидаемость, понятность.

Бренд можно определить как нечто специфическое для данного пространства, как элемент, участвующий в идентификации локации. Он формирует ассоциативную связь, основанную на смежности, представляя знак частью региональной культуры. Так, *арсенальное пиво* является визитной карточкой Тулы.

Главной миссией регионального бренда как лингвокультурного знака является выделение локации, актуализация её значимости, обеспечение её узнаваемости. Данное положение подтверждается стремлением региона найти нечто типичное для своей субкультуры и на этой основе сформировать бренд. Так, например, районный город Тульской области Венёв в целях подчёркивания своей самобытности стал развивать бренд венёвского кренделя — *венёвки*. В аспекте изучения региональной культуры бренды следует отличать от смежных единиц: эмблем, символов, эталонов. Отличие данных единиц, главным образом, функциональное. Эмблема — этикетирование явления действительности, формирует некий образ; символ — выражает какую-либо идею и моделирует в соответствии с ней поведение человека; эталон формируется на базе номинации человека, которая получает прецедентный характер и выражает стереотип о качествах личности. Бренд направлен на презентацию локации, её идентификацию и дифференциацию. Лингвокультурным единицам свойственна полифункциональность. Один и тот же факт может выступать в роли разных знаков культуры в зависимости от функций. Так, *тульский пряник* может играть роль символа достатка, гостеприимства, бренда (Тулу узнают по пряникам), эмблемы (Тула — пряничная столица), эталона (жителя Тулы называют тульским пряником).

В когнитивном аспекте бренд можно соотнести с прототипом, лучшим представителем категории [Кубрякова и др., 1996, с. 140—145]. Из многообразия явлений, присущих тульской культуре, сознание выделяет именно эти объекты, считая их типичными для данной локации, что нередко подчёркивается определениями: *тульская винтовка*, *тульский Токарев*.

Семантика бренда характеризуется конкретностью. Значение указывает на какой-либо материальный объект: *самовар*, *сахар*, *конфеты* и др. Однако брендированию могут подлежать и иные сущности: мероприятия, локации и т. п.: *Ясная Поляна*, *фестиваль «Дикая мята»* и др. В этом случае их значение также подвергается конкретизации, объективации.

Важными элементами значения выступают оценочный и эмотивный компоненты: маркируемое брендом явление оценивается положительно и связано с его одобрением. Так, определения объектов в составе брендовых номинаций указывают не только на локальный признак, но и на высокое качество продукции: *тульский пряник*, *белёвская пастила*.

Большая часть тульских брендов связана с продукцией пищевой промышленности (в выделенном составе их 6, они названы 95 % опрошенных). Затем следуют бренды самоваров и оружия (их 4, они названы 60 % опрошенных).

3.3. Функционально-когнитивные особенности бренда

Основным способом существования бренда является сторителлинг, то есть «способ передачи информации через рассказывание историй» [Каминская и др., 2022, с. 58]. На сайте BRANDSTROY.COM.AU, посвящённом вопросам брендинга, отмечается: «Каждый бренд, известный или неизвестный, рассказывает единственную и неповторимую историю» [30 определений ...]. Это подчёркивает природу бренда — его формирование в рамках наивной картины мира, в контексте её категорий. Так, наивное представление тульской гармонии отражено в следующем нарративе, «развёрнутой монологической речи, повествующей о каком-либо событии...» [Радбиль, 2006, с. 17], который составлен по результатам интервьюирования туляков:

Предтечей тульской гармоникой была свистулька, которая представляла собой голосовую планку. Этот потешный предмет изготавливали братья Шкунаевы. Коллективная память хранит знания о появлении первых гармонных мастерских в середине XIX века в Чулковской слободе города Тулы. Наиболее известным мастером был Тимофей Воронцов. Первыми тульскими гармонными мастерами стали оружейники. Благодаря своим техническим умениям оружейник И. Е. Сизов разобрал привезённую с ярмарки немецкую гармонию и по её подобию сделал собственный инструмент. Первая гармонная фабрика организована в 1848 году Т. П. Воронцовым. В 1870 году Н. И. Белобородов предложил мастеру Л. А. Чулкову по собственным эскизам создать двухрядную хроматическую гармонику, которую называли баяном. На рубеже XIX—XX веков крупной гармонной фабрикой владеют братья Киселёвы. В годы Великой Отечественной войны Тульская гармонная фабрика выпускала инструменты для фронта. С 60-х годов XX века производство гармоний в Туле осуществляется под торговой маркой «Мелодия», а с начала 2000-х годов — «Тульская гармония». Продукция тульской гармонной фабрики отмечена на российских и международных выставках. Тульскую гармонию называют тулкой. Распространено мнение, что тульская гармония обладает особым камерным звучанием. Развитие бренда поддерживается музеями Н. И. Белобородова и Гармони Деда Филимона, городской скульптурой «баян». Одна из улиц города названа Гармонной.

Приведём пример ещё одного нарратива — о тульском прянике:

В сознании туляка он связан с представлениями о лакомстве, изысканности, достатке, материальном благополучии, гостеприимстве, уникальности.

Производство пряников начинается с 1685 года. Эта дата запечатлена на памятнике Прянику. Наиболее преуспевающими кондитерами-пря-

ничниками были Роман Гречихин, Василий Сериков, Михаил Белопицкий, Иван Щукин, Николай Чулков. До революции в Туле насчитывалось более двух десятков пряничных фабрик, в настоящее время пряники изготавливают как крупные фабрики, так и небольшие мануфактуры.

Пряники использовались в обряде сватовства: принять пряник означало согласие девушки. Пряники были интересны не только размером, формой, но и надписями. В первой половине XX века это кондитерское изделие в Туле не производилось, возрождение началось в 50-х годах. При изготовлении пряников до сих пор используется ручной труд. Тула — пряничная столица России, что подтверждает поговорка «В Тулу со своим пряником не ездят». В городе существует несколько музеев пряника, проводятся мастер-классы по их изготовлению, организуется фестиваль пряника, утверждён день Пряника, одна из улиц названа Пряничной, одно из средств массовой информации носит имя «Тульские пряники».

Эти истории получены в результате обобщения рассказов представителей региональной культуры и определения в них инвариантной части.

Нарративы, связанные с брендами, распространяются путём сторителлинга, который можно рассматривать как разновидность культурной коммуникации. Говоря о культурных функциях данного процесса, Т. Л. Каминская и Д. А. Торошкова отмечают: «С помощью сторителлинга бренд может построить вокруг себя целое сообщество» [Каминская и др., 2022, с. 59]. Это означает, что, помимо своей основной функции быть средством представления объекта, бренд участвует в процессах культурной идентификации и интеграции: он кристаллизует знания о культуре, унифицирует её семиотическое разнообразие, объединяет своих. Э. В. Кабышева пишет: «Бренды формируют идентичность на основе идеологии, истории, архетипов, активной и эмоциональной рекламы и ярких персонажей, с которыми могут себя идентифицировать потенциальные покупатели» [Кабышева, 2019, с. 71]. Можно утверждать, что бренды участвуют в формировании лингвокультурных сообществ. Взаимосвязь бренда с идентичностью сообщества доказана Н. В. Антоновой и В. Д. Морозовой [Антонова и др., 2015].

Содержание сторителлинга наполняет лингвокультурная легенда, под которой мы понимаем жанр обыденной коммуникации, разновидность народной молвы, характеризуемой А. Б. Оришевым как «устоявшееся общественное мнение» [Оришев, 2018, с. 9].

В маркетинговых теориях бренда для описания его значения используется понятие *миф*. О. Г. Кузьмина отмечает: «Конструирование мифов — один из важнейших вопросов брендинга. Они открывают нам невероятные просторы для манипулирования человеческим сознанием и создания дополнительных ценностей» [Кузьмина, 2016, с. 53]. Полагаем, что при

лингвокультурологическом подходе в целях преодоления двусмысленности для описания семантики бренда более подходит термин лингвокультурная легенда.

Так, в основе лингвокультурной легенды бренда *белёвское кружево* лежит информация о том, что оно зародилось в Белёвском Крестовоздвиженском монастыре. Особенности кружева — рельефность и плотный рисунок.

Сюжетными составляющими лингвокультурной легенды являются нарративные программы: «следование традиции», «производство по уникальным технологиям», «присутствие чего-либо необычного», «наличие только в данной локации», «общественное признание». С брендом *филимоновская игрушка* связан лингвокультурный сюжет о деде Филимоне, который нашёл месторождение глины, стал родоначальником гончарного и игрушечного промыслов. Особенностью игрушки является цветовая палитра: жёлтый, зелёный и малиновый цвета.

Итак, для лингвокультурной легенды характерен ряд признаков.

Прежде всего — отсутствие автора. Легенды возникают стихийно и передаются из уст в уста. Данный признак роднит их с жанрами устного народного творчества. Так, о белёвской пастиле рассказывают, что рецепт изобрёл купец А. П. Прохоров в 1870-е годы, что лакомство изготавливалось из антоновских яблок, выращенных в местных садах, и свежеснесённых яиц; что это натуральный продукт, изготовленный ручным способом; что это сезонный продукт, что это деликатес, который подавался к царскому столу; что пастила получила известность во всем мире.

Лингвокультурные легенды отражают ориентированную на традицию, устойчивую информацию. Упоминание имени бренда актуализирует в сознании члена культурного сообщества сюжеты, которые связаны с лингвокультурной легендой.

Свойство традиционности детерминирует направленность на интеграцию представителей лингвокультурного пространства, каждый из которых готов к передаче и восприятию лингвокультурной легенды.

Лингвокультурные легенды имеют письменную и устную форму, распространяются по различным каналам обыденной коммуникации. В письменной форме данные нарративы можно найти на сайтах, посвящённых региональной тематике, в многообразной беллетристической литературе краеведческого характера. В устной — они распространены в виде разнообразных историй, отражающих наивное постижение действительности.

Для характеристики содержания лингвокультурной легенды актуальна концепция Г. Олпорта и Л. Постмэна [Allport et al., 1947], суть которой заключается в выделении трёх тенденций для передачи и восприятия

обыденной информации: к сглаживанию, заострению и ассимиляции. Объективная информация, включаясь в обыденный дискурс, подвергается переработке: она сокращается за счёт исключения второстепенного, несущественного, неактуального, сложного. Так, в лингвокультурную легенду о тульской всечке попали актуализированные знания о годе и месте её появления: 1712 год, оружейный завод, поскольку эта информация транслируется в повседневном дискурсе. В то же время отдельные детали могут попадать в фокус, конкретизироваться, достраиваться новыми знаниями. Д. С. Горбатов и С. Н. Большаков отмечают, что «акцентирование на каких-либо деталях способствует лучшему пониманию информации, создает впечатление достоверности или усиливает чувства причастности к событиям и их последствиям» [Горбатов и др., 2015, с. 103]. Например, с брендом *яснополянские конфеты* связана легенда, что чёрносмородиновое суфле в них изготовлено по рецепту С. А. Толстой, жены известного писателя. Акцент на данной персоналии придаёт легенде окраску достоверности, хотя эта информация не является подтверждённой.

Бренды дифференцируются с точки зрения актуальности. Так, можно выделить устаревшие бренды: например, тульская водка «Левша», мотороллер «Тула» и др., которые больше не ассоциируются с данной локацией. Мы полагаем, что симболярий брендов меняется с развитием региональной культуры. Так, пряник и пастила вряд ли могли быть брендами Тулы в 30-х — 50-х годах XX века, так как их производство в городе было забыто.

Успешное развитие бренда отражается в его семантической деривации, под которой мы понимаем распространение имени бренда на новые объекты. Одним из наиболее продуктивных брендов является имя *Толстой*. Оно используется для продвижения культурных мероприятий и объектов. Успешный бренд расширяет своё значение, включая в него указание и на смежные явления. Так, бренд *ТТ — Тульский Токарев* стал обозначением не только пистолета, изобретённого Ф. В. Токаревым, но и всего тульского оружия.

3.4. Бренд и тезаурус культуры

Лингвокультурные легенды брендов участвуют в объективации культурного тезауруса, под которым мы, вслед за В. Н. Телия, понимаем «таксонимическое представление концептуального содержания текста» [Телия, 1999, с. 20]. Они репрезентируют ментальные доминанты, определяющие процессы концептуализации и категоризации знаний и включающие представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, эталоны, запреты и др. Так, для тезауруса тульской культуры одной из доминант является характеристика «Мастерство». Она репрезентирована брендами *тульский пряник*, *тульская гармонь*, *тульский Токарев* и др. Названная доминанта уточняется представлениями о Туле как о городе мастеров, сте-

реотипами о том, что им нет равных, тульские умельцы изобретательны и смекалисты; культурными установками, например, о том, что тульская продукция отличается высоким качеством, надёжностью.

Бренды *тульская винтовка, тульская всечка, тульский Токарев, Куликово Поле* воплощают доминанту «Защита Отечества», которая объединяет знания о том, что недалеко от Тулы произошёл судьбоносный для русских бой с монголо-татарами; что город был защищён специальными оборонительными объектами: засеками (непроходимой для конницы полосой леса) и завитаями (насыпями); что Тула в годы Великой Отечественной войны не дала возможности врагу подойти к Москве; что тульские мастера изготавливали оружие для защиты страны.

Бренды *фестивали «Дикая мята», Крапивы, «Толстой»; Ясная Поляна* воплощают доминанту «Духовная жизнь». Они основаны прежде всего на знании личности Льва Толстого, сфер его деятельности, а также на культурных установках: *Тула помнит своих великих земляков; Тула сохраняет народные традиции*, на автостереотипе: *Тула — самобытный культурный центр*.

Как отмечают Вал. А. Луков и Вл. А. Луков, ведущим структурирующим принципом тезауруса является идентифицирующий таксон «своё vs. чужое». «Тезаурус — индивидуальная конфигурация ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро- и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности. Освоение социальности идёт ... по модели разделения “своего” и “чужого”» [Луков и др., 2006, с. 72]. Тем самым знания о мире, включённые в тезаурус, маркируются по указанному принципу.

Вал. А. Луков и Вл. А. Луков справедливо замечают, что тезаурус выступает «средством социального проектирования» [Там же, с. 70]. Это означает, что тезаурус прежде всего объединяет аксиологию той или иной культуры, формирует ориентиры, эталоны, стереотипы, нормы и запреты. Из данного тезиса следует, что бренды наряду с другими лингвокультурными единицами участвуют в конструировании культурного пространства. Рассмотренные лингвокультурные бренды объективируют аксиологию представлений о Туле как городе мастеров пряничного, гармонного, самоварного и оружейного производств, о туляках как хранителях памяти о Льве Толстом.

4. Заключение = Conclusions

Итак, маркетинговый термин *бренд* представляет интерес для лингвокультурологии, рассматривающей региональное мировидение и миропо-

нимание. Бренд в указанной парадигме знания трактуется как лингвокультурная единица, представляющая субкультуру и участвующая в процессе её идентификации. Данная единица воплощает прецедентные феномены, свойственные для данной локации. Бренд моделирует культуру, влияет на особенности её восприятия.

Бренду свойственны такие признаки, как уникальность, исключительность, типичность, которые его выделяют из ряда подобных явлений, обеспечивают его ожидаемость и понятность. Бренд связан с генерировавшей его культурой отношениями смежности: являясь её частью, он формирует представление о культуре в целом. Культурная миссия бренда заключается в выделении локации, её презентации, обеспечении её узнаваемости. Бренд выступает средством идентификации социокультурной группы, инструментом, проектирующим лингвокультурную реальность. В когнитивном аспекте бренд можно соотнести с прототипом, поскольку он репрезентирует типичное и лучшее в своей культуре. Семантика бренда характеризуется конкретностью, доминирующей положительной оценочностью и эмотивностью одобрения.

Основным способом существования бренда является сторителлинг, который представляет собой трансляцию лингвокультурных легенд. Их содержание, по сути, составляет денотативное значение бренда. Информация, заключённая в легенде, отличается лаконичностью, актуализацией одних признаков за счёт сокращения других, что создаёт иллюзию достоверности.

Бренды могут быть охарактеризованы с точки зрения актуальности, что находит отражение в семантической деривации. Каждая культурная парадигма формирует свой символарий брендов. Семантико-прагматическая «броскость» бренда определяет его место в ядерной части субкультуры. Бренды репрезентируют её ценностные доминанты, и выражаемые ими смыслы включены в её тезаурус.

В ходе анализа тульской лингвокультуры было выявлено 20 единиц, которые соотносятся с разными денотативными аспектами: гастрономическим, народными промыслами, производствами, локациями. Главной семантической доминантой, выраженной выявленными брендами, является «Мастерство». Установлено, что тульская культура идентифицирует себя посредством представлений о специалитетах, самоварах и оружии. Анализ данной группы единиц показал, что для бренда как лингвокультурного знака важна связь прежде всего с представлениями о культуре в целом, а не с товаром, услугой или производством.

Рассмотрение бренда как лингвокультурной единицы пополняет знания о средствах, объективирующих процесс интеракции языка и культуры.

Предложенная теория бренда как лингвокультурной единицы нуждается в верификации и обогащении на материале текстов иных региональных культур.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Литература

1. *30 определений* бренда ведущих маркетологов [Электронный ресурс] // Официальный сайт исследовательской консалтинговой компании «Международный альянс по развитию бизнеса». — Режим доступа : <https://www.becoming-researcher.com/30-definitions-of-br%D0%B0nding/> (дата обращения 08.11.2019).
2. Антонова Н. В. Взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности бренду / Н. В. Антонова, В. Д. Морозова // Социальная психология и общество. — 2015. — Т. 6. — № 4. — С. 123—138.
3. Горбатов Д. С. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии : теоретические подходы / Д. С. Горбатов, С. Н. Большаков // Социологические исследования. — 2015. — № 7. — С. 98—107.
4. Кабышева Э. В. Бренд как конструктор гендерной идентичности : феминистские бренды / Э. В. Кабышева // Философия. Политология. — Томск : ТГУ, 2019. — С. 71—72.
5. Каминская Т. Л. Форматы сторителлинга в бренд-коммуникации на примере российских брендов / Т. Л. Каминская, Д. А. Трошкова / Челябинский гуманитарий. — 2022. — № 1 (58). — С. 56—69. — DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10106.
6. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Деиьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1.
7. Кузьмина О. Г. Легенды брендов как элемент бренд-коммуникаций / О. Г. Кузьмина // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. — 2016. — № 1. — С. 52—55.
8. Левшиц А. Д. Методика семиотического анализа этнокультурного бренда (на материале наименований популярных японских брендов) / А. Д. Левшиц // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2022. — Вып. 5 (860). — С. 55—60. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_55.
9. Леденёва К. А. Бренд : понятие бренда, его составляющие, брендинг в современных условиях / К. А. Леденёва, О. Н. Горбунова // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики. Материалы V Международной научно-практической конференции (заочной) : в 2 частях. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. — С. 252—258.
10. Луков В. А. Гуманитарное знание : тезаурусный подход / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Вестник международной академии наук (русская секция). — 2006. — № 1. — С. 69—74.
11. Луков В. А. Европейская культура в тезаурусном освещении / В. А. Луков, Т. Ф. Кузнецова, В. П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 147—163.
12. Лю Лифэнь. О переводе китайских брендов на русский язык (на примере бренда «Баоцзы гобули») / Лю Лифэнь // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2020. — № 3. — С. 36—46.

13. *Оришев А. Б.* Управление сознанием : технология «слухи» / А. Б. Оришев // Бизнес и дизайн ревю. — 2018. — № 2 (10). — С. 8.
14. *Осетрова Е. В.* Слухи в парадигме лингвистической генристики / Е. В. Осетрова // Жанры речи. — 2015. — № 2 (12). — С. 80—89.
15. *Партусевич В. Р.* Бренд-фактор и эффективность бренд-коммуникаций / В. Р. Партусевич // Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. — Москва : РГГУ, 2022. — С. 86—93.
16. *Радбиль Т. Б.* Человеческий фактор в языке : лингвистическая прагматика и теория речевых актов. Основные термины и понятия / Т. Б. Радбиль. — Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет, 2006. — 60 с.
17. *Спирина Т. С.* Бренд как категория лингвокультурологии и бренд-менеджмента / Т. С. Спирина // Гуманитарные исследования. — 2018. — № 3 (67). — С. 29—32.
18. *Сто тульских достопримечательностей.* — Тула : Свамия, 2017. — 175 с. — ISBN 978-5-94298-030-6.
19. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 284 с. — ISBN 5-88766-061-9.
20. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24. — ISBN 5-88766-061-9.
21. *Токарев Г. В.* Вопросы изучения символярия региональной идентичности / Г. В. Токарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2022а. — Т. 21. — № 6. — С. 173—182. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.6.14.
22. *Токарев Г. В.* Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2022в. — Т. 11. — Выпуск 8. — С. 75—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91.
23. *Шадрина Л. Ю.* Бренд-коммуникации с потребителем как эффективный механизм продвижения бренда / Л. Ю. Шадрина, А. В. Мажая // Экономика и современный менеджмент : теория, методология, практика : Сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и просвещение, 2018. — С. 41—43. — ISBN 978-5-907160-86-6.
24. *Allport G. W.* The Psychology of Rumor / G. W. Allport, L. J. Postman. — New York : Holt, Rinehart and Winston, 1947. — 269 p.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023,
одобрена после рецензирования 14.05.2023,
подготовлена к публикации 23.05.2023.

References

- 30 brand definitions of leading marketers. In: *Official website of the research consulting company "International Alliance for Business Development"*. Available at: <https://www.becoming-researcher.com/30-definitions-of-br%D0%B0nding/> (accessed 08.11.2019). (In Russ.).
- Allport, G. W., Postman, L. J. (1947). *The Psychology of Rumor*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 269 p.

- Antonova, N. V., Morozova, W. D. (2015). The relationship of consumer identity and brand identity as a factor of brand commitment. *Social Psychology and Society*, 6 (4): 123—138. (In Russ.).
- Gorbatov, D. S., Bolshakov, S. N. (2015). Rumors in foreign sociology and social psychology: theoretical approaches. *Sociological research*, 7: 98—107. (In Russ.).
- Kabysheva, E. V. (2019). Brand as a constructor of gender identity: feminist brands. In: *Philosophy. Political science*. Tomsk: TSU. 71—72. (In Russ.).
- Kaminskaya, T. L., Troshkova, D. A. (2022). Storytelling formats in brand communication on the example of Russian brands. *Chelyabinsk Humanities*, 1 (58): 56—69. DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10106. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Deiyanov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 245 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Kuzmina, O. G. (2016). Legends of brands as an element of brand communications. *Proceedings of the Rostov State University of Railways*, 1: 52—55. (In Russ.).
- Ledeneva, K. A., Gorbunova, O. N. (2016). Brand: the concept of a brand, its components, branding in modern conditions. In: *Global problems of modernization of the national economy. Materials of the V International Scientific and Practical Conference (correspondence): in 2 parts*. Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin. 252—258. (In Russ.).
- Levshits, A. D. (2022). Methodology of semiotic analysis of an ethnocultural brand (based on the names of popular Japanese brands). *Vestnik MGLU. Humanities*, 5 (860): 55—60. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_55. (In Russ.).
- Liu, L. (2020). On the translation of Chinese brands into Russian (on the example of the brand “Baozi goubuli”). *Bulletin of the Moscow University. Series 22: Theory of Translation*, 3: 36—46. (In Russ.).
- Lukov, V. A., Kuznetsova, T. F., Trykov, V. P. (2017). European culture in thesaurus illumination. *Knowledge. Understanding. Ability*, 1: 147—163. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2006). Humanitarian knowledge: thesaurus approach. *Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian section)*, 1: 69—74. (In Russ.).
- One hundred Tula sights. (2017). Tula: Swamiya. 175 p. ISBN 978-5-94298-030-6. (In Russ.).
- Orishev, A. B. (2018). Mind control: technology “rumors”. *Business and design review*, 2 (10): 8. (In Russ.).
- Osetrova, E. V. (2015). Rumors in the paradigm of linguistic genres. *Genres of speech*, 2 (12): 80—89. (In Russ.).
- Partusevich, V. R. (2022). Brand factor and effectiveness of brand communications. In: *Advertising, PR and design in brand communications. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RSUH. 86—93. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2006). *The human factor in language: linguistic pragmatics and theory of speech acts. Basic terms and concepts*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. 60 p. (In Russ.).
- Shadrina, L. Yu., Mazhaa, A. V. (2018). Brand communication with the consumer as an effective mechanism for brand promotion. In: *Economics and modern management: theory, methodology, practice. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Education. 41—43. ISBN 978-5-907160-86-6. (In Russ.).

- Spirina, T. S. (2018). Brand as a category of linguoculturology and brand management. *Humanitarian studies*, 3 (67): 29—32. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1999). Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian Culture. 13—24. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1999). *Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture. 284 p. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2022a). Questions of studying the symbolary of regional identity. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 21 (6): 173—182. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14>. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2022b). Literary prototypes of linguistic and cultural types of Tulyak. *Nauchnyy dialog*, 11 (8): 75—91. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91. (In Russ.).

*The article was submitted 11.04.2023;
approved after reviewing 14.05.2023;
accepted for publication 23.05.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА **LITERARY STUDIES. FOLKLORE**

.....

Анна Евгеньевна Качоровская, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

Григорий Александрович Кричевский, профессор (Москва)

Наталья Михайловна Ильченко, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Светлана Глебовна Горбовская, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Юлия Анатольевна Маринина, канд. филол. наук (Нижний Новгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Горбовская С. Г. Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери / С. Г. Горбовская // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 280—297. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297.

Gorbovskaia, S. G. (2023). Three Fundamental Principles of Image of Heavenly Rose in “Divine Comedy” by Dante Alighieri. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 280-297. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297

Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери

Горбовская Светлана Глебовна
orcid.org/0000-0003-4077-1769
доктор филологических наук,
доцент кафедры французского языка
vard_05@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00317,
<https://rscf.ru/project/23-28-00317/>

Three Fundamental Principles of Image of Heavenly Rose in “Divine Comedy” by Dante Alighieri

Svetlana G. Gorbovskaia
orcid.org/0000-0003-4077-1769
Doctor of Philology,
Associate Professor, Department of French
vard_05@mail.ru

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 23-28-00317,
<https://rscf.ru/project/23-28-00317/>

© Горбовская С. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается тема первооснов образа небесной розы (*rosa candida*) в поэме Данте Алигьери «Божественная комедия». Актуальность исследования заключается в неугасающем остром интересе литературоведов к вопросам, связанным с самой поэмой, творчеством Данте, а также с изучением символизма розы как литературного, изобразительного и культурного явления. Показано, что в поэме Данте данная тема раскрывается через образ розы в последней части комедии «Рай». Автором статьи прослеживается история становления образа розы в античной и средневековой литературе, архитектуре, иконописи, а также видовом распространении растения розы в средневековой Европе. Выявляются признаки наследования Данте тех семантических черт розы, которые сложились в текстах к XIV веку. Установлено, что Данте вполне мог сопоставлять небесную розу с архитектурной деталью — окном-розой, украшенным витражами с изображением Бога, Иисуса и Богородицы, а также с видом *Rosa Alba* — белой розой, одной из древнейших среди завезенных в Европу. В заключении автор статьи указывает на все импульсы зарождения небесной розы и на характерные черты этих заимствований в тексте Данте.

Ключевые слова:

Данте Алигьери; небесная роза; *rosa candida*; окно-розетка; готика; *Rosa Mystica*; Средневековье; раннее Возрождение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The theme of the image fundamental principles of the heavenly rose (*rosa candida*) in Dante Alighieri's poem "The Divine Comedy" is considered. The relevance of the study lies in the unquenchable acute interest of literary critics in issues related to the poem itself, Dante's work, as well as to the study of the symbolism of the rose as a literary, visual and cultural phenomenon. It is shown that in Dante's poem this theme is revealed through the image of a rose in the last part of the comedy "Paradise". The author of the article traces the history of the formation of a rose image in ancient and medieval literature, architecture, icon painting, as well as the species distribution of the rose plant in medieval Europe. The signs of Dante's inheritance of those semantic features of the rose that had developed in the texts by the 14th century are revealed. It has been established that Dante could well compare the heavenly rose with an architectural detail — a rose window decorated with stained-glass windows depicting God, Jesus and the Virgin, as well as with a view of *Rosa Alba* — a white rose, one of the oldest among those brought to Europe. In conclusion, the author of the article points out all the impulses for the birth of the heavenly rose and the characteristic features of these borrowings in Dante's text.

Key words:

Dante Alighieri; heavenly rose; *rosa candida*; rose window; Gothic; *Rosa Mystica*; Middle Ages; early Renaissance.

Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери

© Горбовская С. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Данте Алигьери (1265—1321) в «Божественной комедии» (1308—1321) отчасти заимствует образ небесной розы из уже сложившейся в западноевропейской литературе средневекового периода многосложной традиции. Это оглядка на образ розы в античной мифологии (истории Афродиты, Гарпократа, Гименея, Хлорис, Венеры и Адониса, Вакха), на розу в текстах отцов церкви («*Rosa Mystica*»), на христианскую поэзию, на фитонимическую символику и атрибутику иконописи и архитектуры, а также и на «Роман о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мена как самую знаменитую поэму о «мистической розе» на тот момент, учитывая знание французского языка поэтом и поездку Данте в Париж, о которой пишет Дж. Боккаччо в «Жизни Данте» (1450 год) (подробно вопрос о параллелях между «Романом о Розе» и произведением Данте изучает И. Дж. Ричардс (E. J. Richards) в монографии «Данте и “Роман о Розе”» («*Dante and the “Roman de la Rose”*», 1981) [Richards, 1981], о топосных заимствованиях из рыцарских романов и религиозно-мистических средневековых текстов в произведении Данте пишут П. Латино в статье «Роза инициации. От Данте и Fedeli d'Amore к Розе Нерваля» [Latino, 2020, p. 277—292] и Р. А. Холланд в статье «Белая Роза Данте в Раю» («*Dante's White Rose of Paradise*») [Holland, 1905, p. 385—400]).

Нельзя сбрасывать со счетов и немецкую сагу «Розовый сад в Вормсе» («*Rosengarten zu Worms*», 1295), где завоевание роз, из которых потом плетутся розовые веночки для монахов, подразумевает культово-христианские коннотации, свойственные эпохе крестовых походов, — поиск и охранение тернового венца Христа. Она также стала культовой (как одно из продолжений «Песни о Нибелунгах») и претерпела множество переводов и интерпретаций. Данте вполне мог знать и об этом тексте. Кроме того, прослеживается явная осведомленность Данте в ботанических особенностях розы на примере вида *Rosa Alba*, одного из древнейших.

Из этого множества отчетливее всего проступают три основные линии первичного импульса:

- древнейший мистический (он же культово-религиозный);
- архитектурный;
- ботанический.

Помимо того, образ розы (исходящий из всех трех импульсов) тесно связан с образом Беатриче — женщины реальной, но представляющей собой в творчестве Данте преобразованный мечтами и фантазией поэта идеальный объект практически сакрального поклонения.

М. И. Никола отмечает, что до XIII века жанр видения, к которому относится «Божественная комедия», был типовым и безликим: «Социальная принадлежность ясновидца, как правило, определена. Это епископ, священник, монах или отшельник, рыцарь или воин» [Никола, 2015, с. 9]. Произведение Данте же «приобрело светское, этико-философское содержание» [Там же]. И главное — связалось с самой реальностью, тесно переплетенной с мистицизмом. И. Н. Голенищев-Кутузов писал: «“Божественная комедия” — поэма о самом Данте, дантеида, и в то же время поэма о человеке, который, нисходя и восходя по ступеням Вселенной, очищается и приобретает совершенное познание...» [Голенищев-Кутузов, 1971, с. 251]. Это свойственно общему духу литературы раннего Возрождения, литературы «сладостного нового стиля» (итал. *Dolce stil nuovo*). Преодоление религиозных догматов, попытка увидеть в объективном, общем нечто личное, свое, в данном случае — возвеличить образ любимой женщины, земной женщины — Беатриче — и поклоняться ей как воплощению Бога. Она — его личная частица возвышенного, святого. В упомянутом выше исследовании Р. А. Холланда «Белая Роза Данте в Раю» ставится вопрос о небесной или белой розе как о символе Бога (одним из воплощений которого является Беатриче), а также как об образе высшей грани достижения философских и теологических истин.

Допустимо предположить, что и у Жана де Мена в «Романе о Розе» предмет достижения тоже ассоциировался с образами земной женщины, но образы эти еще были обобщенными, неконкретными. В средневековой литературе (не только в поздней) делались попытки возвышенно воспеть земную женщину, но речь шла в основном о какой-нибудь даме, покровительствующей бедным монахам, поэтам или летописцам (к примеру, герцогине Радегунде, под покровительством которой жил в Пуату и патетически ее прославлял Венанций Фортунат (VI век), или Марцелле и Пауле, влиятельных римских аристократах (IV век), ученицах Святого Иеронима). В данном же случае речь идет о личной истории любви и о крайне возвышенном чувстве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для работы в теоретической части послужили труды отечественных и зарубежных ученых [Никола, 2015; Голенищев-Кутузов,

1971; Назаров, 2021; Мазур, 2007; Barnes, 1986; Richards, 1981; Holland, 1905; Di Scipio, 1983], посвященные вопросам изучения «Божественной комедии» Данте. Кроме того, источником стали работы, исследующие вопрос истории образа розы в античных и средневековых текстах.

Цель исследования состоит в выявлении первоисточников влияния на создание образа небесной розы. Анализ тематики, сюжетно-композиционных и символообразующих систем поэмы позволяет глубже понять феномен многоуровневого фундамента древнейшего мистико-литературного, архитектурного и ботанического символа. В работе используются культурно-исторический, описательный, сравнительно-исторический и метод целостного анализа литературного произведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мистико-философский и поэтический импульсы возникновения небесной розы

Образ мистической розы уходит в древнейшие тексты: от метаморфоз древнегреческой и древнеримской мифологии, отраженных в поэтических примерах (о превращении богиней Хлорис мертвой девушки в прекрасную розу; о смерти Адониса и произрастании из его крови алых роз; о Вакхе, погнавшемся за нимфой, превратившейся в розу с шипами; о розе в руках Гарпократа, символизирующей молчание или тайну; о Гименее, увенчанном розовым венком) [Золотницкий, 2005; Лебедева, 2020; Марьянова, 2015; Рукавчук, 1997; Шарафадина, 2018], до «Песни Песней» Ветхого Завета, где шла речь о розе Шарона, которая в разных переводах именовалась *лилией Шарона* или *нарциссом Саронским*.

Волшебная или мистическая роза появляется в ранних текстах Древней Греции и Древнего Рима. В поэзии Сапфо роза предстает в качестве символа загробного мира, розы Элизиума («Срок настанет: в земле будешь лежать»). Девушка, собирающая розы Пиерии — небольшой деревни в Македонии, — является одним из самых ранних вариантов образа девы-розы (у Сапфо дева умирает и попадает в Элизиум, где растут загробные розы). Согласно Н. Н. Мазур [Мазур, 2007, с. 346—347], этот тоpos впервые полноценно сложится в сюжет о прекрасной деве, глядящей на розу или цветок, в поэзии древнеримского поэта Катулла, а еще позднее закрепится в творчестве итальянского поэта и драматурга Л. Ариосто. Сама первооснова тописа, на наш взгляд, лежит в центре мифа о мертвой деве и богине Хлорис.

В «Плаче по Адонису» Биона из Смирны (III—II вв. до н. э.) описывается сцена гибели Адониса: Афродита оплакивает юношу и превращает его в цветок, окропив нектаром пролитую кровь, также юношу оплакивают хариты и мойры, из крови Адониса вырастают розы, а из слез Афродиты — анемоны

(ветреницы); в варианте Овидия («Метаморфозы») из крови Адониса вырастают «цветы цвета крови». Д. Д. Фрезер в «Золотой ветви» подробно объясняет связь этого языческого сюжета у ранних христиан с культом Христа (распятием, снятием с креста и воскресением) [Фрезер, 1986, с. 321—327].

В «Золотом осле» Апулея описывается чудесное превращение благодаря втиранию мази из роз влюбленного Луция в осла (и обратное превращение методом съедания розы).

В Древней Греции и Древнем Риме мистицизм розы тесно связан с праздниками розалий, флоралий, ритуалом Адониса (адонии) и другими подобными праздниками, связанными с проводом зимы и приветствием весны, с похоронными традициями и т. д.

Проблема распознавания условного образа розы в «Песне Песней» обнаруживается в самых разнообразных вариантах перевода этого текста при передаче растительного образа, который фигурировал в изначальном еврейском тексте (на библейском иврите). Это «роза Шарона», «цвет полевой», «лилия Шарона», «лилия долины», «нарцисс Саронский», даже «жонкиль» (иерусалимская Библия) и «крокус» (в пересмотренной стандартной версии (RVS)). Русский перевод «Песни Песней», Ветхий Завет, глава 2: «Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами».

Исследователями делалось множество предположений, какой же вид растения имелся в виду [Крол]. Самыми настойчивыми являются версии водных растений: лилии, нарциссы, панкраций морской, лотос, цветок папируса и т. д.; но также безвременник Стевена, или луговой шафран Стевена, анемон, гадючий лук хохлатый. Вероятнее всего, узнать, какой цветок имелся в виду, не представляется возможным. Данный цветок стал своего рода тайной, архетипом, сведения о виде и первоначальном смысле которого затерялись во времени. Таким образом, «роза Шарона» — предполагаемая роза, нематериальная, метафизическая.

В средних веках, когда возникла традиция герменевтического анализа и переводов текста Библии, появилось понятие «мистического цветка», или «мистической розы». Сам термин *Rosa Mystica*, который приписывают Святому Бернару Клервоскому, подразумевал Деву Марию. Отчасти «роза Шарона» тоже имеет отношение к этому явлению. В «Песни Песней» важную роль играет символика хронотопа «закрытого сада», или «заключенного сада». Именно из этого древнего текста символика «закрытого сада», или *hortus conclusus*, с которым связана Суламита (действующее лицо «Песни Песней»), перешла в иконологию Девы Марии в средневековых религиозных текстах и изображениях. Роза на кусте (или Дева Мария с младенцем) расположена в центре сада, окруженного со всех сторон стеной.

В «Песне Песней» «нарцисс Саронский» и «роза Шарона» имеют отношение к иносказательному Богу (то есть к мужскому персонажу), а не к женскому (Суламите, или символически еврейскому народу). В христианской традиции мистическая роза (роза посреди «закрытого сада») имеет отношение к Деве Марии. Есть еще один цветочный древний христианский образ-символ, косвенно связанный с розой. Это «жезл из корня Иессеева». Этот жезл, как известно, расцвел («И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» (Ис. 11:1)), он является аллегорией родословной Иисуса, его генеалогического древа. Таким образом, к Христу роза тоже имеет отношение — он нередко изображен в виде розы на кусте, а куст в средневековых текстах является аллегорией креста (например, Христос как роза, истекающая розовым маслом на кусте словно на кресте, изображен у поэта-ваганта Вальтера Шатильонского в стихотворении «Толкование о золотой розе» (1163), написанном по поводу дарения золотой розы на Пасху папой Адрианом III королю Людовику VII [Гаспаров, 1975, с. 538—539]). Дева Мария на иконах периодически изображается с веточкой с расцветшими розами, эта ветка символизировала жезл Иессея (то есть жезл Иисуса). Хотя эта роза тоже условная. Ее также называют просто словами «цвет», «зеленая веточка», «цветок» (например, на иконе «Неувядаемый Цвет» XVIII век, хранящейся в Третьяковской галерее, изображены именно цветы розы). Итак, роза в «Песне Песней», в христианской интерпретации отцов церкви — это иносказание. Подразумевается цветок как таковой, панегирическая красота Святой Девы, суть, истина.

Французский историк-медиевист М. Пастуро отмечает, что «цветок Марии» (*une fleur mariale*) [Pastoureau, 2004, с. 100—102] — именно как роза — возникает в относительно позднем средневековье, до этого Марию символизирует лилия. Однако, начиная с раннего средневековья, образ «мистической розы» уже появляется в христианской религиозной литературе: к примеру, у римского христианского поэта Целия Седулия (V век) Мария называлась «розой среди шипов» (раннехристианское сопоставление Богородицы с розой без шипов — роза рассматривалась в этой связи отдельно от шипов). В IX веке сопоставление Девы Марии с розовым кустом встречается в энциклопедии «О сути вещей» Рабана Мавра в XIX книге (в разделе «О деревьях»), посвященной деревьям, культурам, цветам, растениям, которые представлены в энциклопедии как христианские символы-атрибуты [Maurus's].

В XII веке Дева Мария сопоставляется с «розой без шипов» («*Marie est Roza ses espina*», «*Dame, rose sans épine*») и пылающим кустом шиповника: «дикая роза, которую Моисей нашел зеленой посреди горящего пламени» («*l'églantier que Moïse trouva verdoyant au milieu des flammes ardentes...*»)

в поэзии аквитанского трубадура XIII века Пьера де Корблака (Pierre de Corblac) («Гимн Богородице», фр. *Hymne à la sainte Vierge*) [Anthologie provençale ...].

Бернард Клервоский (XI—XII века) писал в проповеди о Деве Марии: «Ева была шипом, ранящим, несущим смерть всем; в Марии мы видим розу, успокаивающую все боли, возвращающую всем судьбу спасения» («Eve fut donc une épine et Marie une rose: Eve une épine en blessant, Marie une rose en adoucissant les sentiments de tous les hommes. Eve épine en donnant à tous la mort: Marie rose en rendant à tous le salut» (St Bernard, Sermon sur la Bienheureuse Vierge Marie) [Bernard de Clairvaux, 1870, p. 165—167]. Те же сравнения можно встретить и в других молитвах и проповедях святого Бернарда. Однако стоит отметить, что святой Бернард в своей трактовке «цветка полей» и «лилии долины» из «Песни Песней» не называет этот «мистический цветок» розой. Он цитирует «Песню Песней»: «Я цвет полевой и лилия долины» («Je suis la fleur des champs et le lis des vallées») — и продолжает в дальнейшем называть «цвет полевой» именно словом *fleur* «цветок»: «Цветок можно найти в трех местах: в поле, в саду, в комнате», «тот светлый цветок, на котором почивал Дух Господень» («Une fleur peut se trouver en trois endroits : dans un champ, dans un jardin, dans une chambre», «cette fleur éclatante sur laquelle l'Esprit du Seigneur s'est reposé») и т. д. Он называет его разнообразные иносказательные значения — цветок целомудрия, цветок мученичества, цветы добрых дел: «De trois espèces de fleurs: de la virginité, du martyre et des bonnes œuvres...» [Ibid., p. 165]. То есть он не соединяет эти два растительных образа (безымянный цветок и розу), хотя известно, что в некоторых более поздних вариантах перевода «Песни Песней» на европейские языки встречается вариант «розы Шарона» и «розы долины». Очевидно, что цветок из «Песни Песней» для ранних христиан категория особая и мистическая, связанная с образами Святого Духа, Бога, Христа, Церкви, но это не именно роза (как вид растения). Упоминание «мистической розы» звучит в самой знаменитой католической молитве «Литания Пресвятой Деве Марии» (Litanies de Lorette): «Rose mystique, priez pour nous» («Помолись за нас, Мистическая Роза (то есть Богородица)»).

В светской провансальской куртуазной литературе XII века (например, в поэзии трубадура Бернарта де Вентадорна) роза практически не встречается. В средневековой персидской поэзии [Из персидско-таджикской ..., 1987] того же периода роза используется в текстах, особенно в связи с мотивом любви соловья к розе, прихода весны и цветения розы:

В царство розы и вина — приди!

В эту роцу, в царство сна — приди!

Хафиз (Перевод А. Фета)

*Ты сеть сплела из **роз** ланит, сплела фиалки кос,
Хотела ты, чтоб век грустил о розах красных я.
Хафиз (Перевод В. Звягинцевой)*

*Плачет **роза** под прессом: «Зачем из меня
Соки жмут перегонищники, масло гоня?»
«Годы горя и слез, — соловей отвечает, —
Вот цена одного безмятежного дня!»*

Омар Хаям (Перевод Г. Плисецкого)

Между тем во французской поэзии можно встретить лишь мотив «цветка и соловья» или описание цветения шиповника [Вентадорн, 1979]:

*В час, когда разлив потока
Серебром струи блестит,
И цветет **шиповник скромный**,
И раскаты **соловья***

Вдаль плывут волной широкой

По безлюдью рощи темной,

Пусть мои звучат напевы!

Джауфре Рюдель (Перевод В. Дынник)

*Над **цветком**, в глуши зеленой*

***Соловей** на ветке пел.*

Нежной трелью умиленный,

Сам запел я — не стерпел!

Бернарт де Вентадорн (Перевод В. Дынник)

Однако в немецких миннезангах конца XII века роза уже является метафорой женщины, женской красоты, мужчина сопоставляется с соколом [Кюренберг, 1974, с. 186]:

Когда в одной рубашке, бессонная, стою

И вспоминаю статность благородную твою,

*Зааляюсь, **будто роза**, окропленная росой.*

И сердце томится по тебе, любимый мой.

Кюренберг (Перевод В. Микушевича)

В знаменитом Манесском кодексе 1300 года (Цюрих), включавшем произведения Кюренберга, Рудольфа фон Фениса, Гейнриха фон Фельдеке, Готфрида фон Нейфена, Дитмара фон Айста, Гартмана фон Ауэ и др., роза уже щедро репрезентировалась на иллюстрациях к произведениям немецких лирических поэтов.

В поэзии вагантов (интернациональных школяров и студентов XII века и чуть более раннего периода) — представителей грубой поэзии на латыни — роза выступает как метафора женской красоты. Ваганты ассоциировали розу с древнегреческим и древнеримским наследием, с образами

Афродиты и Венеры, то есть слово имеет эротические коннотации [Поэзия вагантов, 1975]:

Вакха славьте! Вакха дыхание,

***Роз и лилий** благоухание!*

Вакха пойте! Глас мой волью и я:

Аллилуия, аллилуия!

Прение о вине с пивом (Перевод М. Л. Гаспарова).

В прозаических английских романах «Артуровского цикла» (ок. 1230 — «Ланселот-Грааль», Вульгатский цикл, анонимные авторы) прекрасная дама, королева заменяется метонимически образом розы: «И когда после Пасхи наступил май, подошел он [Ланселот] к окну и увидел деревья в цвету. И зеленые растения в саду, от чего сердце его наполнилось радостью. И роза, которая каждое утро расцветала, свежая и прекрасная, напоминала ему его даму королеву и лицо ее, белое и румяное. И когда бы ни смотрел он на розу, напоминала она ему госпожу его королеву» [Вышенская, 2023, с. 335] (Перевод Ю. П. Вышенской) (Из цикла романов о Ланселоте Озерном).

В XIII веке роза появляется в рыцарском романе «Роман о Розе, или Гильом из Доля» (фр. *Le Roman de la Rose, ou Guillaume de Dôle*) трувера Жана Ренара, а немного позднее — в знаменитом «Романе о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мена, а также в упомянутой немецкой саге «Розовый сад». То есть в этот период роза полноценно входит и в светскую европейскую литературу, сохраняя при этом свою глубокую мистическую суть. Стоит учитывать и множественные переводы и интерпретации XIV века «Романа о Розе» и «Розового сада в Вормсе».

Таким образом, мистико-философский багаж розы, подразумевающий не столько видовую принадлежность к определенному цветку, а некое понятие о наивысшей красоте и святости, сложившееся к XIV веку, несомненно, повлиял на создание образа небесной розы в произведении Данте Алигьери, глубоко изучавшего хитросплетения как древнегреческого и древнеримского мифологического пласта, так и дошедшей до Италии западно-европейской литературы рассматриваемого периода. Не стоит отвращаться и от простонародного, приземленного восприятия розы как метафоры любви или метонимии прекрасной женщины (это связь с реальной жизнью, свойственная литературе Возрождения). Таким образом:

— небесная роза у Данте представляет собой нечто мистическое, не имеющее прямого отношения к самому ботаническому виду (*rosa candida*);

— небесная роза приближена к розе античного Элизима, розе Елисейских полей, ибо видит ее поэт в загробном мире;

— небесная роза связана с Богородицей и Господом;

— роза (*rosa candida* — как именно белая роза) соотносится и с Беатриче (реальной женщиной, которую любит поэт), она отделяется от Данте (оставляя его на попечение Барнарда Клервоского) и размещается в розе (словно превращается в розу), в ряду святых, то есть имеет отношение к понятию «дева-цветок» или «дева-роза» (прекрасная и чистая дева, покинувшая в расцвете лет этот мир);

— возможно, какую-то роль в создании образа небесной розы играет связь этого цветка с праздником флоралий и розалий, ибо впервые в 1274 году Данте встретился с Беатриче именно на таком майском празднике (описано в «Новой жизни», 1293).

3.2. Архитектурный импульс небесной розы

Из «Романа о Розе» гипотетически Данте мог взять идею хронотопного движения по розовой чашечке в центр розы или к розе по хронотопу-лабиринту или запутанной дороге. В «Романе о Розе» прослеживается такое движение по уменьшающимся или сужающимся кольцам хронотопов. Как минимум, мы видим десять: реальный мир, сон, сад, лабиринт с препятствиями, Храм, алтарь, куст, чаша розы, лепестки с центром и пробуждение (снова реальный мир). Мы соотносим это движение не столько с формой розы, сколько с культовыми лабиринтами [Фулканелли, 1996, с. 46—47], которые изображались в романских и готических церквях (на полу или стенах), символизируя паломничество к святым местам или путь верующего к очищению. Прихожане становились на нить лабиринта и проходили его до конца, читая молитвы; иногда водили по лабиринту рукой (если он был изображен на стене). Лабиринт визуально напоминает чашу розы с множеством лепестков.

У Данте есть три больших хронотопа: Ад, Чистилище и Рай, внутри каждого — малые хронотопы (круги Ада, круги Чистилища, сферы и уровни неба в Раю), тоже напоминающие хождение героя по лабиринту. В Раю Данте проходит десять уровней, приближаясь к «небесной розе».

Саму «небесную розу» он мог ассоциировать с розами на романских и готических соборах [Назаров, 2021, с. 56—58], в центре которых изображали Деву Марию с младенцем, Иисуса Христа, Бога, Бога и Христа, державших венок над Богородицей.

На связь структуры «Божественной комедии», образа небесной розы с символикой готической или романской церкви, на наш взгляд, могут указывать следующие факторы: «Ад» может ассоциироваться с нижней церковью (темной церковью, символизирующей катакомбы первых христиан), ведь в нижней церкви и на полу уровня алтарной части находятся плиты с захоронениями знаменитых деятелей церкви, миссионеров, богатых вельмож и т. д.; средний уровень — Чистилище, то место, где христиане

отматливают грехи; верх — то есть витражные окна, розы, окулус — говорят о восхождении к небесной розе, восхождении в Рай.

Кроме того, Данте очень любил геометрию, называл ее «белой» («геометрия предельно бела») [Данте, 1968, с. 158], ибо она не омрачена, не очернена неточностями. Романский и готический соборы — ярчайшие примеры материализации геометрии.

В «Божественной комедии» Данте проходит все круги Ада, Чистилище и все сферы Рая. Затем он проникает в самую суть, видит раскрытую чашечку розы, символизирующую Бога, небо, Эмпирей (Десятое небо). В этой чаше (символизирующей небо, космос) он видит святых Ветхого и Нового Заветов [Алигьери, 1992] (этот вопрос — в связи с образом небесной розы — подробно исследован в статье Дж. Ди Сципио «Еврейские женщины в символической Розе Данте», 1983) [Scipio, 1983, p. 111—121]:

*И ниже, от седьмого круга к нам,
Еврейки занимают цепь сидений,
Расчесывая розу пополам.
Согласно с тем, как вера поколений
Взирала ко Христу, они — как вал,
Разъемлющий священные ступени.
Там, где цветок созрел и распластал
Все листья, восседает сонм, который
Пришествия Христова ожидал.
(«Рай». Перевод М. Лозинского)*

Во Франции в католицизме образ Богородицы играл первостепенную роль. Большинство соборов были посвящены Богородице и получили названия Notre-Dame (собор Богородицы). Порталы соборов украшала большая роза (la rose), символизирующая Деву Марию (она вместе с младенцем Иисусом нередко изображались в центре розы на витраже). Этим же термином обозначались украшения в виде розы (окошки, лепнина, розы, вырезанные из дерева на перегородках исповедальни).

В упомянутой выше статье В. Н. Назаров, ссылаясь на «Универсальный словарь» Фуртьера 1690 года, указанный в работе Дж. Бэрнс [Barnes, 1986, p. 25], пишет, что во времена Данте термин *розовое окно* не существовал [Назаров, 2021, с. 53]. Данное утверждение вызывает сомнение. Стоит хотя бы обратиться к этимологическим словарям французского языка, к различным энциклопедиям или словарям архитектурной терминологии, чтобы узнать о том, что термины *роза* и *розетка* относятся к намного более раннему периоду, чем XIV век, а история их уходит корнями в античность, в так называемый «oculus» (круглое отверстие в куполе римского Пантеона).

Ж. Пикош, автор французского этимологического словаря, уточняет, что слова *rose*, *rosa*, *rosette*, *petite rose* в XII—XIII веках обозначали различные архитектурные украшения соборов и церквей (в том числе окна) [Picoche, 1992, p. 437]. О том же (то есть о розе как архитектурной детали начиная с XII века) пишет архитектор Э. Э. Виолле-ле-Дюк в своем Словаре архитектуры («Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle», 1866) [Viollet-le-Duc, 1866, p. 38—68]. Название этой детали в XVI веке на фасадах соборов было заменено на более употребляемый термин *la rosace* (розетка, розетка-трилистник) [Prina et al., 2006, p. 416], ибо в других культурах это понятие соотносилось с другими цветами (анемоном, шиповником, безвременником). Однако эта деталь известна с XIII века [Viollet-le-Duc, 1866, p. 37—38].

В. Н. Назаров также предполагает, что Данте мог вдохновляться витражами роз Собора Парижской Богоматери, если принять в расчет упоминание о путешествии Данте во Францию в книге Дж. Боккаччо. Это вполне вероятно, хотя розы в архитектурных деталях итальянских соборов XIII—XIV веков тоже присутствовали (по-итальянски они называются *Rosone*). На фасаде собора Орвието, на базилике Вознесения Девы Марии (начало строительства — 1290 год), есть роза, в центре которой — скульптурное изображение Господа; романский собор и базилика города Трани (начало строительства — 1099 год) сохранили старинную розу; соборы в Тиверине, Модене, Л'Акуиле и многих других городах украшены этими деталями. Сам автор упоминает розу на соборе в Вероне. Данте не обязательно было ехать во Францию, чтобы их увидеть. К Франции относится, пожалуй, лишь такая деталь, как витражи на розах, где изображались святые Ветхого и Нового заветов, Богородица, Иисус и / или Господь. Их Данте мог видеть действительно только во Франции (Париже, Руане, Шартре, Амьене и многих других городах этой страны).

3.3. Ботанический импульс

В чаше небесной розы Данте видит Беатриче, Деву Марию, а дальше, за всем этим, он способен разглядеть самое мощное излучение, именуемое Богом. Излучение — или Лучезарная Река — сопоставляется Данте с «белой розой с желтой сердцевинкой», возможно, подразумевается древнейший вид *Rosa Alba*, ибо *Rosa candida*, именно так обозначает ее Данте (полное именование *Rosa candida semiplena*), — это один из синонимов древнего сорта шиповника *Rosa Alba Semiplena* [Leen, 2005, p. 111; Haudebourg, 2005, p. 111], еще один синоним (более поздний, 1623 год) — роза «пречистая дева» или «девственница» — *Rose vierge*.

Важным биографическим моментом (Данте пишет об этом в «Новой жизни») является то, что во второй раз Данте увидел Беатриче в белом

платье. Этот образ закрепил первое детское впечатление. Белый цвет розы может быть связан именно с этим событием и цветом ее одежды.

В желть вечной розы, чей цветок раскрыт

.....
Как белой розой, чей венец раскрылся,

Являлась мне святая рать высот.

(Перевод М. Л. Лозинского)

Данте называет это невероятное свечение «любовью, что движет солнце и другие светила» (в переводе М. Л. Лозинского) [Алигьери, 1992, с. 513]. Любовь понимается здесь как колоссальная созидаящая энергия, не имеющая в данном случае прямого отношения к земной любви.

Художник Джованни ди Паоло изобразил розу Данте именно похожей на Rosa Alba (на миниатюре «Данте и Беатриче перед Небесной Розой со Святой Троицей и орденами ангелов среди лепестков», ок. 1450). Это белая роза (у Данте «Пламенеющая Роза») на фоне лазурного неба. Внутри, на месте желтой сердцевины («Лучезарной Реки» у Данте), восседают святые.

Важно отметить, что Rosa Alba — один из наиболее известных на тот момент видов роз, выведенных из диких сортов шиповника. Роза тесно связана с историей Древней Греции, Древнего Рима, а также с крестовыми походами. Именно благодаря завоеваниям Александра Македонского, походам римских императоров в Египет и страны Востока, походам крестоносцев в Иерусалим разные виды окультуренных роз достигли Франции, Германии, Англии, разных земель Италии (там их разводили при монастырях, соборах, замках в декоративных и медицинских целях). Роза как ботанический вид тесно связана с историей христианства. Данте вряд ли мог выбрать для обозначения Десятого неба или Эмпирея какой-то иной вид растения, а также иной вид самой розы. Цветок Rosa Alba действительно напоминает солнечные лучи.

4. Заключение = Conclusions

Итак, образ небесной розы в поэме Данте Алигьери опирается на долгую и сложную традицию.

Ее семантический мистицизм связан с сюжетами древнегреческой и древнеримской литературы, основанной на мифе. Также он уходит корнями в Ветхий Завет и образ условной розы / лилии Шарона. Всецело он связан и с христианским символизмом розы, особенно с феноменом Rosa Mystica (не подразумевающей розу саму по себе). Конструкция произведения и отчасти культовый символизм переплетаются с хронотопными нюансами «Романа о Розе».

С точки зрения связанности «небесной розы» с архитектурной готической (и романской) символикой тоже возможно предложить две версии,

которые находят подтверждение в исторических реалиях. Роза, вероятно, могла ассоциироваться с окнами-розами или розетками в архитектуре той эпохи, особенно с изображениями на витражах роз (Дева Мария, Иисус, Господь). Также вероятны аналогии символического культового лабиринта с чашей розы.

Наконец, ботанический выбор фитонима — *rosa candida* — говорит о знакомстве Данте с нюансами ботаники той эпохи, с увлечением европейцев разведением роз при церковных дворах, при монастырях и замках. *Rosa candida* или *Rosa alba* — белый вид роз — очень точно отражает идею небесной розы и ассоциативно, по устройству лепестков цветка, соотносится с образами солнечных лучей и Лучезарной Реки.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники

1. Алигьери Д. Пир / Д. Алигьери // Данте. Малые произведения / Пер. прозы А. Г. Габричевского, канцон И. Н. Голенищева-Кутузова. — Москва : Наука, 1968. — С. 112—269.
2. Алигьери Д. Божественная комедия / Д. Алигьери. — Москва : Интерпракс, 1992. — 624 с.
3. Вентадорн Б. де. Песни / Б. де Вентадорн ; Под редакцией В. А. Дынник. — Москва : Наука, 1979. — 311 с.
4. Кюренберг. Когда в одной рубашке, бессонная, стою... / Кюренберг // Лирическая поэзия средних веков. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов / сост. Б. И. Пуришев. — Москва : Художественная литература, 1974. — Т. 23.
5. Из персидско-таджикской поэзии. — Москва : Художественная литература, 1987. — 462 с.
6. Поэзия вагантов / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1975. — 606 с.
7. *Anthologie Provençale* ; poésies choisies des troubadours du 10-e au 15-e siècle, avec la traduction littéraire en regard, précédées d'un abrégé de grammaire provençale. Avec une notice sur l'auteur par J. B. Sardou [Electronic resource]. — Access mode : http://www.archive.org/stream/anthologieproven00bayluoft/anthologieproven00bayluoft_djvu.txt (accessed 26.02.2023).
8. *Bernard de Clairvaux Œuvres de Saint Bernard* // Sermons. Sur le Cantiques des Cantiques. Traduction par Armand Ravelet, Nicolas Laffineur (abbé)/ Texte établi par Monseigneur l'Évêque de Versailles, Louis Guérin. — Bar-le-Duc : Monseigneur l'Évêque de Versailles, 1870. — Pp. 165—167.
9. *Maurus's R. De arboribus* [Electronic resource] / R/ Maurus's // De rerum naturis — Access mode : <http://www.mun.ca/rabanus/drn/19.html> (accessed 27.03.2023).

Литература

1. Вышенская Ю. П. Формирование категории “художественный стиль” в средневековом художественном тексте : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.05 / Ю. П. Вышенская. — Санкт-Петербург, 2023. — 405 с.

2. *Гаспаров М. Л.* Поэзия вагантов / М. Л. Гаспаров // Поэзия вагантов. — Москва : Наука, 1975. — С. 421—515.
3. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура / И. Н. Голенищев-Кутузов. — Москва : Наука, 1971. — 552 с.
4. *Золотницкий Н. Ф.* Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. — Москва : Дрофа-Плюс, 2005. — 320 с. — ISBN 5-9555-0794-9.
5. *Крол Ш.* Нарцисс Саронский, лилия долин/Еврейская Библия и мир [Электронный ресурс] / Ш. Крол. — Режим доступа : <http://ja-tora.com/narciss-saronskij-lilija-dolin/> (дата обращения 03.06.2022).
6. *Лебедева В. В.* Мистическая символика «Розы» в истории и иконописи / В. В. Лебедева // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. — 2020. — № 6 (73). — Режим доступа : <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/9782> (дата обращения 20.02.2023).
7. *Мазур Н. Н.* Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») / Н. Н. Мазур // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха : проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. — Тарту : Тартуский университет, 2007. — С. 345—378.
8. *Марьянова Л. М.* Легенды и мифы о растениях. Легенды древнего востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории / Л. М. Марьянова. — Москва : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. — 511 с. — ISBN 978-5-227-04926-1.
9. *Назаров В. Н.* Архитектоника и символика Райской Розы в «Божественной комедии» Данте / В. Н. Назаров // Наука. Искусство. Культура. — 2021. — № 2 (30). — С. 44—58.
10. *Никола М. И.* «Божественная комедия» Данте и жанр средневековых видений / М. И. Никола // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. — 2015. — № 4. — С. 7—14.
11. *Рукавчук Л. Н.* Родословная цветов / Л. Н. Рукавчук // Рукавчук Л. Н. Волшебный мир цветов. — Санкт-Петербург : ИКФ «МиМ-Экспресс», 1997. — С. 7—190. — ISBN 5-7562-0092-4.
12. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь / Д. Д. Фрезер. — Москва : Изд-во политической литературы, 1986. — С. 321—327.
13. *Фулканелли.* Тайна готических соборов / Фулканелли. — Москва : Ваклер, 1996. — 240 с. — ISBN 978-5-94698-034-0.
14. *Шарафадина К. И.* Селам, откройся / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-1451-7.
15. *Barnes John C.* Ut architectura poesis? The Case of Dante's candida rosa / C. Barnes John // The Italianist. — 1986. — Vol. 6. — Pp. 19—33.
16. *Haudebourg M.-Th.* Roses du Jardin / M.-Th. Haudebourg. — Paris : Hachette Pratique, 2009. — 170 p. — ISBN 2010201299.
17. *Holland R. A.* Dante's White Rose of Paradise / R. A. Holland // The Sewanee Review. — Oct., 1905. — Vol. 13. — № 4. — Pp. 385—400.
18. *Latino P.* The Initiatory Rose. From the Rose of Dante and of the Fedeli d'Amore to the Rose of Nerval / P. Latino // Revue Nerval. — 2020. — № 4. — Pp. 277—292.
19. *Leen L.* Resistance Breeding For Powdery Mildew and Black Spot in Roses / L. Leen. — 2005. — 148 p.
20. *Pastoureau M.* Le vegetal / M. Pastoureau // Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. — Paris : Seuil, 2004. — Pp. 317—327. — ISBN 2020136112.

21. Picoche J. Dictionnaire étymologique du français / J. Picoche. — Paris : Dictionnaires le Robert, 1992. — 619 p.
22. Prina F. Petite encyclopédie de l'architecture / F. Prina, E. Demartini. — Paris : Solar, 2006. — 429 p.
23. Richards E. J. Dante and the «Roman de la Rose» / E. J. Richards. — Niemeyer : De Gruyter, 1981. — 116 p.
24. Scipio G. C. Di The Hebrew Women in Dante's Symbolic Rose / G. C. Scipio // Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society. — 1983. — № 101. — Pp. 111—121.
25. Viollet-le-Duc Eu. Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle / Eu. Viollet-le-Duc. — Paris : Maison d'édition A. Morel, 1866. — Vol. 8. — 520 p.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023,
одобрена после рецензирования 15.05.2023,
подготовлена к публикации 23.05.2023.

Material resources

- Alighieri, D. (1968). Pir. In: *Dante. Small works*. Moscow: Nauka. 112—269. (In Russ.).
- Alighieri, D. (1992). *Divine Comedy*. Moscow: Interprax. 624 p. (In Russ.).
- Anthologie Provençale; poésies choisies des troubadours du 10-e au 15-e siècle, avec la traduction littéraire en regard, précédées d'un abrégé de grammaire provençale. Avec une notice sur l'auteur par J. B. Sardou*. Available at: http://www.archive.org/stream/anthologieproven00bayluoft/anthologieproven00bayluoft_djvu.txt (accessed 26.02.2023). (In Frenc.).
- Bernard de Clairvaux Œuvres de Saint Bernard. (1870). *Sermons. Sur le Cantiques des Cantiques. Traduction par Armand Ravelet, Nicolas Laffineur (abbé). Texte établi par Monseigneur l'Évêque de Versailles, Louis Guérin*. Bar-le-Duc: Monseigneur l'Évêque de Versailles. 165—167.
- From Persian-Tajik poetry*. (1987). Moscow: Fiction. 462 p. (In Russ.).
- Kurenberg. (1974). When in one shirt, sleepless, standing.... In: *Lyrical poetry of the Middle Ages. Poetry of the troubadours. Poetry of the Minnesingers. Poetry of vagants*, 23. Moscow: Fiction. (In Russ.).
- Maurus's, R. De arboribus. *De rerum naturis*. Available at: <http://www.mun.ca/rabanus/drn/19.html> (accessed 27.03.2023).
- Poetry of Vagants*. (1975). Moscow: Nauka. 606 p. (In Russ.).
- Ventadorn, B. de. (1979). *Songs*. Moscow: Nauka. 311 p. (In Russ.).

References

- Barnes John, C. (1986). Ut architectura poesis? The Case of Dante's candida rosa. *The Italianist*, 6: 19—33.
- Fraser, D. D. (1986). *Golden branch*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 321—327. (In Russ.).
- Fulcanelli. (1996). *The Mystery of Gothic Cathedrals*. Moscow: Vakler. 240 p. ISBN 978-5-94698-034-0. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1975). Poetry of vagants. In: *Poetry of vagants*. Moscow: Nauka. 421—515. (In Russ.).
- Golenishchev-Kutuzov, I. N. (1971). *Creativity of Dante and world culture*. Moscow: Nauka. 552 p. (In Russ.).

- Haudebourg, M.-Th. (2009). *Roses du Jardin*. Paris: Hachette Pratique. 170 p. ISBN 2010201299. (In Franc.).
- Holland, R. A. (1905). Dante's White Rose of Paradise. *The Sewanee Review*, 13 (4): 385—400.
- Krol, Sh. *Narcissus of Saron, lily of the valleys/The Jewish Bible and the World*. Available at: <http://ja-tora.com/narciss-saronskij-lilija-dolin/> (accessed 03.06.2022). (In Russ.).
- Latino, P. (2020). The Initiatory Rose. From the Rose of Dante and of the Fedeli d'Amore to the Rose of Nerval. *Revue Nerval*, 4: 277—292.
- Lebedeva, V. V. (2020). Mystical symbolism of “Roses” in history and iconography. *Universonum: philology and art criticism: electron. scientific. Journal*, 6 (73). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/9782> (accessed 20.02.2023). (In Russ.).
- Leen, L. (2005). *Resistance Breeding For Powdery Mildew and Black Spot in Roses*. 148 p.
- Marianova, L. M. (2015). *Legends and myths about plants. Legends of the ancient East, pagan myths, ancient legends, biblical stories*. Moscow: ZAO Publishing House Tsentrpoligraf. 511 p. ISBN 978-5-227-04926-1. (In Russ.).
- Mazur, N. N. (2007). Once again about the Virgin Rose (in connection with Baratynsky's poem “Even as a Patriarch I am not ancient ...”). In: *Pushkin readings in Tartu. The Pushkin Epoch: problems of reflection and commentary. Materials of the international conference*. Tartu: University of Tartu. 345—378. (In Russ.).
- Nazarov, V. N. (2021). Architectonics and symbolism of the Paradise Rose in Dante's “Divine Comedy”. *Nauka. Art. Culture*, 2 (30): 44—58. (In Russ.).
- Nikola, M. I. (2015). “The Divine Comedy” of Dante and the genre of medieval visions. *Bulletin of the Gorky Literary Institute*, 4: 7—14. (In Russ.).
- Pastoureau, M. (2004). Le vegetal. In: *Une histoire symbolique du Moyen Age occidental*. Paris: Seuil. 317—327. ISBN 2020136112. (In Franc.).
- Picoche, J. (1992). *Dictionnaire étymologique du français*. Paris: Dictionnaires le Robert. 619 p. (In Franc.).
- Prina, F., Demartini, E. (2006). *Petite encyclopédie de l'architecture*. Paris: Solar. 429 p. (In Franc.).
- Richards, E. J. (1981). *Dante and the «Roman de la Rose»*. Niemeyer: De Gruyter. 116 p.
- Rukavchuk, L. N. (1997). Pedigree of flowers. In: *The magic world of flowers*. St. Petersburg: IKF “MiM-Express”. 7—190. ISBN 5-7562-0092-4. (In Russ.).
- Scipio, G. C. (1983). Di The Hebrew Women in Dante's Symbolic Rose. *Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society*, 101: 111—121.
- Sharafadina, K. I. (2015). *Selam, open up*. St. Petersburg: Nestor-History. 544 p. ISBN 978-5-4469-1451-7. (In Russ.).
- Viollet-le-Duc, Eu. (1866). *Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle*, 8. Paris: Maison d'édition A. Morel. 520 p. (In Franc.).
- Vyshenskaya, Yu. P. (2023). *Formation of the category “artistic style” in a medieval literary text*. Doct. Diss. St. Petersburg. 405 p. (In Russ.).
- Zolotnitsky, N. F. (2005). *Flowers in legends and legends*. Moscow: Bustard-Plus. 320 p. ISBN 5-9555-0794-9. (In Russ.).

*The article was submitted 15.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 23.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Ильченко Н. М. «Влюбленный дьявол» Ж. Казота и «Стихийный дух» Э. Т. А. Гофмана : символическая и психологическая трактовка мотива искушения / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 298—312. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312.

Ilchenko, N. M., Marinina, Yu. A. (2023). “Devil in Love” by J. Cazotte and “Elemental Spirit” by E. T. A. Hoffmann: Symbolic and Psychological Interpretation of Motive of Temptation. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 298-312. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312

**«Влюбленный дьявол»
Ж. Казота и «Стихийный
дух» Э. Т. А. Гофмана:
символическая
и психологическая
трактовка мотива
искушения**

Ильченко Наталья Михайловна

orcid.org/0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной филологии
ilchenko_nm@mininuniver.ru

Маринина Юлия Анатольевна*

orcid.org/0000-0002-5996-8396

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской
и зарубежной филологии

*** корреспондирующий автор**

marinina_ua@mininuniver.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

**“Devil in Love” by J. Cazotte
and “The Elemental Spirit”
by E. T. A. Hoffmann:
Symbolic and Psychological
Interpretation of Motive
of Temptation**

Natalya M. Ilchenko

orcid.org/0000-0003-2541-5061

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
ilchenko_nm@mininuniver.ru

Yulia A. Marinina*

orcid.org/0000-0002-5996-8396

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology

*** Corresponding author**

marinina_ua@mininuniver.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Ильченко Н. М., Маринина Ю. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы повесть французского предромантика Ж. Казота «Влюбленный дьявол» и поздняя новелла немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана «Стихийный дух», в которой, как в «волшебном зеркале», представлены повторяющиеся фантастические события искушения героев нечистой силой. Актуальность исследования связана с проблемой формирования фантастики как исторического понятия. Показано, что герои испытывают любовное чувство к посланницам мира природы. Столкнувшись с чудом, они становятся участниками сверхъестественных событий и переживают «пагубные последствия пламенного воображения». Отмечается, что мечта о плотской любви, ее телесное воплощение, отрезвление представлены через глубокое проникновение в психологию героев. Описывается, как сверхъестественное вводится в повседневную жизнь с помощью символических образов: зеркала, кинжала, сна, матери и др. Подчеркивается, что мотив искушения в соединении с мотивами испытания, грехопадения, страдания, судьбы создают своеобразный «круг». Новизна исследования связана с выделением в системе персонажей образа искушаемого как непосредственного участника (свидетеля) сверхъестественных событий. Такой подход позволил представить историческую перспективу, осложненную и уточненную, функционирования мотива искушения Ж. Казота в романтическую эпоху в творчестве Э. Т. А. Гофмана и в произведениях русских писателей.

Ключевые слова:

образ; мотив; символ; искушение; фантастика; психика; Казот; Гофман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the story of the French pre-romanticist J. Cazotte "The Devil in Love" and the late novella of the German romanticist E. T. A. Hoffmann's "Elemental Spirit", in which, as in a "magic mirror", recurring fantastic events of the temptation of heroes by evil spirits are presented. The relevance of the study is related to the problem of the formation of science fiction as a historical concept. It is shown that the characters have a love feeling for the messengers of the natural world. Faced with a miracle, they become participants in supernatural events and experience the "pernicious consequences of fiery imagination." It is noted that the dream of carnal love, its bodily embodiment, sobering up are presented through a deep penetration into the psychology of the characters. It describes how the supernatural is introduced into everyday life with the help of symbolic images: a mirror, a dagger, a dream, a mother, etc. It is emphasized that the motive of temptation in conjunction with the motives of trial, fall, suffering, fate create a kind of "circle". The novelty of the study is connected with the identification in the system of characters of the tempted person image as a direct participant (witness) of supernatural events. This approach made it possible to present a historical perspective, complicated and refined, of J. Cazotte temptation motif functioning in the romantic era in the work of E. T. A. Hoffmann and in the works of Russian writers.

Key words:

image; motive; symbol; temptation; fantastic; psyche; Jacques Cazotte; E. T. A. Hoffmann.

«Влюбленный дьявол» Ж. Казота и «Стихийный дух» Э. Т. А. Гофмана: символическая и психологическая трактовка мотива искушения

© Ильченко Н. М., Маринина Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Жак Казот (1717—1792) — французский писатель и общественный деятель; его главным произведением справедливо считается «испанская новелла» «Влюбленный дьявол» (*Le diable amoureux*, 1772; 1776), по своей значимости в историко-литературном процессе соперничавшая с «Фаустом» И. В. Гёте. Тема договора с дьяволом получила в причудливом сюжете французского предромантика свое истолкование. Н. Т. Пахсарьян, вслед за Ф. Шюервегеном, подчеркивает, что Казот стал создателем нового варианта «фаустианского мифа», предвестником того психологического отношения к дьявольским соблазнам, которое за ним воплотили Гофман и Метьюрин [Пахсарьян, 2016, с. 32].

Популярности «Влюбленного дьявола» способствовала и трагическая смерть автора, погибшего на гильотине; формирование биографического мифа о нем как монархисте и мистике [Нерваль, 2001, с. 226—280]. Публикация собрания сочинений Ж. Казота в 1816—1817 годах, куда впервые были включены его предсказания 1788 и 1792 годов (споры о подлинности которых ведутся литературоведами и сейчас [Вольперт, 2006, с. 192]), способствовали возрождению интереса к его личности и творчеству [Греч, 1990, с. 51—55].

«Стихийный дух» (*Der Elementargeist*, 1821) — поздняя новелла Э. Т. А. Гофмана (1776—1822). Она не только повторяет многие сюжетные элементы повести Ж. Казота, но и содержит непосредственную отсылку к нему как «волшебному зеркалу, в котором я видел мою собственную участь» [Гофман, 2009, с. 33]. Немецкого романтика так же, как и Ж. Казота, увлекало чудесное и сверхъестественное; при этом они оба достигли высокого уровня проникновения в «бездны» человеческого сознания.

Интерес к фантастическому, к мистическим явлениям в период предромантизма и романтизма связан прежде всего с кризисом рационалистического сознания. Именно это привело Ж. Казота в секту иллюминатов, сделало масоном и поклонником каббалы. Э. Т. А. Гофман, как известно,

увлекался теорией животного магнетизма, психиатрией, медициной, теорией сна. В новелле упоминаются книги, в которых говорится «о вещах, выходящих за пределы нашего горизонта», — «Кардануса, Юстиана Мученика, Лактация, Киприана, Климента Александрийского, Макробия, Трисмегиста, Поллия, Дорнея, Теофраста, Флудда, Вильгельма Постеля, Мирандола», «каббалистов-евреев Иосифа и Филона» [Там же, с. 25]. В конце XVIII века меняется подход к изображению героя: «Интерес к докультурной, дохристианской эпохе позволил назвать героями искусства тех персонажей культурного бессознательного, которые никогда ранее не переступали порог прекрасного» [Бабаева и др., 2021, с. 12].

Мистика находится за гранью человеческого разума, но она вторгается в жизнь героев Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана, и они становятся участниками сверхъестественных приключений. При этом герой «Влюбленного дьявола» сам рассказывает о своих похождениях, а в «Стихийном духе» используется прием рассказ в рассказе, что позволяет увидеть «губительный темный мир» и со стороны. Убедить в существовании необычного в реальном мире помогает способность авторов художественных произведений проникать в глубины чудесного.

Жан-Поль, старший современник Гофмана, в «Приготовительной школе эстетики» (1804) размышляет о таком поэте, который «не разрушает чуда» и не дает разгадки чудесного: «Вообще у внутренних чудес то преимущество, что они живут дольше своей разгадки. Ибо великое несокрушимое чудо — человеческая вера в чудеса» [Жан-Поль, 1981, с. 76—77]. О методе использования чудесного как своеобразной деятельности фантазии говорит Ш. Нодье в статье «О фантастическом в литературе» (1830).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Произведения Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана представлены в исследовательской литературе с позиции изучения особенностей фантастического. С одной стороны, отмечается влияние фаустианского [Пахсарьян, 2016, с. 32; Черепеникова, 2015, с. 77] и книдского [Шульц, 1987, с. 26; Китанина, 2017, с. 177] мифа на сюжеты романа «Влюбленный дьявол» и «Стихийный дух». С другой стороны, в произведениях Казота и Гофмана выделяется переплетение фантастического и реального начала: «Стирая грань между естественным и сверхъестественным, иллюзией и действительностью, Казот делает шаг к новой концепции фантастического: отныне фантастика уже не только художественный прием, теперь фантастическое понимается как особый способ видения мира» [Михайлов, 2012, с. 126].

Воплощением фантастического является стихийный дух, олицетворяющий сверхъестественное начало, реальность же вводится через вклю-

чение в систему персонажей образа искушаемого как непосредственного участника (свидетеля) сверхъестественных событий. Благодаря такому подходу становится возможным определить историческую перспективу событий, уточнить время и место действия. Р. Шульц связывает происхождение сюжета о «влюбленном бесе» с эпохой Просвещения: «В нём описывается борьба двух противоположных сил в душе человека — принципов и страстей. Принципы — удел Бога, а страсти — удел дьявола. Герой романа — человек, за которого, как за Фауста Гёте, в аллегорическом плане ведётся борьба высших сил света и тьмы» [Шульц, 1987, с. 25]. Благодаря изменению подхода к созданию образа героя становится возможным появление этого сюжета.

В данной статье представлено изучение способов создания реалистических и фантастических элементов в произведениях Казота и Гофмана, а также особенностей воплощения мотива искушения в творчестве русских писателей первой половины XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности изображения исторических и топографических реалий

В повести Ж. Казота и новелле Э. Т. А. Гофмана изображается действительность, особенностью представления которой является историческая достоверность. Главный герой Казота — двадцатипятилетний капитан гвардии неаполитанского короля. География повествования четко обозначается: Неаполь, Венеция с площадью Святого Марка, берега Бренцы, путь на родину — в Эстрамадуру. За Неаполем, в окрестностях которого происходят таинственные превращения, закрепилось представление как о таинственном пространстве. В новелле В. Ф. Одоевского «Imbroglion» (1844) необычные превращения связаны с русским путешественником [Одоевский, 1981, с. 81—105], а призрак примадонны Неаполитанского театра разрушает жизнь русского мечтателя в новелле М. Н. Загоскина «Концерт бесов» (1834) [Загоскин, 1988, с. 333—347]. Подтверждением художественного воплощения образа Венеции как пространства любви и смерти является сцена ревности в повести Ж. Казота, которая чуть не оканчивается гибелью Бьондетты: «Убийцы успели скрыться. При свете факела я увидел Бьондетту, бледную, истекающую кровью, умирающую» [Казот, 1992, с. 33]. Именно тогда Альвар поверил в искренность любви женщины, которую мог потерять.

Способом создания исторической достоверности в новелле Э. Т. А. Гофмана стало указание на точную дату начала действия — 20 ноября 1815 года, когда «Альберт фон Б., подполковник прусской службы, находился на дороге из Лютиха в Аахен» [Гофман, 2009, с. 7], упоминает-

ся «первая кампания 1813 года» и «новая кровавая война» после бегства Наполеона с Эльбы [Гофман, 2009, с. 18]. Р. Сафрански, автор биографии немецкого романтика, полагает, что Гофман намеренно указывает на связь между магнетизмом и магнетизером из новеллы «Магнетизер» с Наполеоном [Сафрански, 2005, с. 236—246]. В «Стихийном духе», как и в новелле «Видение», Наполеон появляется как историческая личность, иронично именуемая «покорителем мира», чьи «надежды были уничтожены» [Гофман, 2009, с. 16]. Однако и здесь ассоциативная связь «коронованного Революцией» властителя, антихриста и О’Маллея, ловко манипулирующего сознанием героя и пытающегося его себе подчинить, просматривается.

Воспроизведение топонимических реалий присутствует и в описании места, где происходит встреча с потусторонним миром. В повести Казота — «развалины Портитчи», куда Альвар направляется в сопровождении трех спутников в пятницу; в новелле Гофмана тоже упоминаются «развалины довольно большого здания» в окрестностях Потсдама, но время более определенное — «ночь на осеннее равноденствие» [Там же, с. 29, 27]. Это же время, как самое подходящее для колдовства, выбрала фрау Раурин в новелле «Золотой горшок», чтобы помочь Веронике приворожить Ансельма.

В обоих произведениях атмосфера страха в «проклятых местах» создается с помощью готической атрибутики: *Холодный ветер свистел и выл за стеною, и какой-то страшный шорох и стоны отвечали ему из глубины леса. Встревоженные ночные птицы порхали и кружились вокруг нас, из-под земли слышалось какое-то тихое визжание* [Там же, с. 29]. Разбушевавшаяся буря, страшный голос О’Маллея и, наконец, появление «отвратительного нечто» испугали Виктора, потерявшего сознание. В романе Казота герой сумел «не упасть без чувств при виде этого страшного зрелища и при еще более страшных звуках голоса, раздававшегося в моих ушах», хотя «огромная голова верблюда, страшная и бесформенная, с гигантскими ушами» все же вызывает у донна Альвара трепет [Казот, 1992, с. 8].

Средневековую готическую архитектуру у Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана заменяют развалины, а две другие характеристики, выделенные М. Леви, — «потусторонний мир, особая атмосфера, полная ужаса и тайны» — присутствуют [Levy, 1968, p. 152].

3.2. Особый тип персонажа: проводник в иной мир

Проводниками в иной мир в произведениях Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана являются иностранцы. Собрано — «фламандец родом» [Казот, 1992, с. 4]; О’Маллей — «ирландец по происхождению» [Гофман, 2009, с. 22]. В отличие от искусителя в произведении Ж. Казота, образ которого создается с помощью нескольких деталей (например, курение трубки), а также таких черт, как хладнокровие, спокойствие, равнодушие, Э. Т. А. Гофман дает

подробный портрет: необычная внешность, которая производит странное впечатление; эксцентричные желания, которые дают возможность «сомневаться в нормальности его умственных способностей»; участие в мистификациях, указывающее на его «чудесное», «призрачное существование» [Там же, с. 23, 24]. Виктор фон С. задается вопросом, указывая на близость О'Маллея с героем Ж. Казота: *Не был ли О'Маллей для меня тем самым мистиком-голландцем, Соберано, который соблазнил Альвара с помощью своего искусства?* [Там же, с. 33].

О'Маллей называет книгу Ж. Казота «глупою», поскольку «в ней идет речь о чудовище, выдающему себя противным и бесхарактерным» [Там же, с. 34]. Взаимоотношения искусствителя с Виктором фон С. более доверительные, поскольку он не может воспринимать молодого человека как врага: *я обязан тебе моей жизнью и даже, может быть, большим* [Там же]. Символическое значение в новелле выполняет пространство леса, куда постоянно влечет Виктора. Лес — «место тайн, опасностей, испытаний и посвящений» [Тресиддер, 1999, с. 193]. Здесь он встречается с О'Маллеем, а потом с саламандрой, с ним связан мотив «проклятого места». Здесь, в лесу, Виктор фон С. признается в своем желании и открывает «тайну» «внутреннего существования» [Гофман, 2009, с. 34].

Соберано и О'Маллей являются обладателями «магической силы», которая заставляет молодых людей вступить в связь с духами. Альвар отказывается готовиться к этой встрече в течение двух лет и говорит, что «умрет от нетерпения» [Казот, 1992, с. 6]. Виктор отказывается ждать год и тоже говорит, что «умрет от тоски и нетерпения» [Гофман, 2009, с. 34]. Так Ж. Казот и Э. Т. А. Гофман показывают важное обстоятельство, связанное с волевыми усилиями героев.

Сила психологического воздействия Соберано и О'Маллея объясняется тем, что им известно таинство животного магнетизма. О них идет молва как о заключивших договор с дьяволом: *майор был в связи с нечистой силой* [Там же, с. 24]. Одним из доказательств этой связи становятся их сходные действия. Соберано вызывает таинственного Кальдерона, чтобы он зажег погасшую трубку. О'Маллея одевают невидимые руки Инкубуса, а из кармана он вынимает восемь бутылок венгерского вина, хотя в нем могла уместиться только одна. После сцены в развалинах появляется двойник О'Маллея, один несет капитана, другой — Виктора фон С.

В каждом из анализируемых произведений большое значение придается ситуации спора. В повести Ж. Казота темой спора стала каббала и каббалисты; большинство из присутствующих полагают, что это «источник всякого рода плутней, годный лишь на то, чтобы обманывать легковверных и забавлять детвору» [Казот, 1992, с. 4]. В новелле Э. Т. А. Гофмана спор начина-

ется с упоминания книги «Экскорпорация» и волшебных заклинаний. Вступив в спор с капитаном, двоюродным братом Виктора фон С., насмешливо отозвавшимся о предмете разговора и отвергшим возможность «сношения с неведомым нам миром духов через посредство человеческой природы», О'Маллей убежденно восклицает: *Для сношения с высшими духовными созданиями необходимо иметь особую психическую организацию, и как поэтический талант, так и подобная организация является даром, которым награждает мировой дух своих избранников* [Гофман, 2009, с. 26].

Соберано и О'Маллей выделяют среди присутствующих «жертвы», «избранников», «мечтателей», обладающих «психической силой». Альвар признал существование «собственного духа» и выделил «любопытство» как свою «главную страсть», а также подтвердил желание проникнуть «в некую высшую сферу» [Казот, 1992, с. 4,5]. О'Маллей, считавший себя обязанным Виктору, уговаривает его «вырваться» из прежней жизни.

3.3. «Тайные движения души»: любовь к духу природы

Альвар и Виктор фон С., проникая в инопространство с помощью проводников, переживают любовь к стихийным духам: герой Ж. Казота — к сильфиде, герой Э. Т. А. Гофмана — к саламандре. Общая ситуация — желание познать «тайну чувственной любви» — заставляет героев расстаться с прежней жизнью ради этих «дивных созданий» Свою «мистическую мечтательность» Виктор фон С. осознает под влиянием «волшебного рассказа» Ж. Казота: *Мои пульсы бились, пожирающий пламень пробегал по нервам и жилам при чтении сцен любви, полной опасностей и ужаса, которую изобразил поэт в живых красках. Я видел, слышал, чувствовал только очаровательную Биондетту; я переживал сладостные мучения Алвареца ...* [Гофман, 2009, с. 32].

Альвар в сопровождении «фантастического существа» покидает место службы: *Когда мы выехали из города, она сняла шляпу, закрывавшую лицо. Волосы ее были убраны в пурпуровую сетку, из-под которой выбивались одни лишь кончики — они казались жемчужинами среди кораллов. Никаких других украшений на ней не было, и лицо ее сияло своей собственной прелестью. Кожа была удивительно прозрачной. Нежность, кротость, наивность самым непостижимым образом сочетались с лукавым огоньком, сверкавшим в ее взгляде* [Казот, 1992, с. 21]. Ж. Казот использует сказочный мотив клятвы: *Я свяжу себя с тобой нерасторжимыми узами, я сочту своим долгом дать тебе счастье и слепо принесу тебе в жертву все свои чувства и желания* [Там же, с. 34]. Из рассказа Бьондетты Альвар узнает, что она — дух воздуха — приняла «телесную оболочку ради союза с мудрецом» [Там же, с. 36]. Еще один мотив, который восходит к язычеству и используется в «русалочьих сюжетах» — «потеря естественных

прав сильфиды и поддержки ... подруг» взамен «счастья любить и быть любимой» [Там же]. Об искусительнице Альвара говорится как о женщине, сотканной «из росы, земных испарений и солнечных лучей, из сгустившихся остатков радуги» [Там же, с. 37].

Авторы русских «таинственных» повестей используют сходный сюжет. В повести В. Ф. Одоевского «Сильфида» (1836) посланница ирреального мира показана обворожительно прекрасной. Влечение Михаила Платоновича к духу воздуха, появившемуся из розы, можно сравнить с любовью, которую испытывает герой Ж. Казота. Сильфида Одоевского обещает Михаилу Платоновичу «вечное наслаждение» [Одоевский, 1981, с. 123], тогда как героиня Ж. Казота требует, чтобы Альвар «полностью отдался» ей [Казот, 1992, с. 37]. Бьондетта обещает «служить» ему, «подчинить нашей власти духов всех сфер и царство стихий, покинутое мною ради него» [Там же, с. 36, 59].

Мысль о постижении тайны бытия через любовь к духу природы станет очень популярной в романтическую эпоху. Альвар говорит, что в признаниях возлюбленной «слышит голос самой природы» [Там же, с. 45]. Посланницей сил природы является и Цецилия — героиня повести С. Т. Аксакова «Вальтер Эйзенберг. Жизнь в мечте» (1836). Благодаря ей Вальтер «видит эльфов, порхающих по ветвям деревьев, наяд, плывущих по воде», а «на каждом цветочке сидит сильфида и ловит лучи солнечные и росу вечернюю, умывает и разглядывает свой цветочек» [Аксаков, 1980, с. 503].

Книга Ж. Казота произвела сильное впечатление на А. С. Пушкина, который составил план своего произведения, условно названного «Влюбленный бес» (1821—1823) [Шульц, 1987, с. 7].

Виктор фон С., с одной стороны, пугается «повторить страшное приключение Альварца», но, с другой стороны, признает: *Самое сознание этого ужаса заставляло меня дрожать от неопишуемого сладкого до тех пор незнакомого мне чувства* [Гофман, 2009, с. 33].

Связь потустороннего существа с природными стихиями подчеркнута с помощью символики. Появление стихийного духа Виктора связано с ритуальными действиями, в которых участвует огонь: изображаются угли с *голубоватыми языками пламени, длинный острый огненный язык*, который с них поднялся; звучит приказ О'Маллея смотреть на огонь, в котором возникают различные образы [Там же, с. 35—36]. Описание стихийного духа в новелле Гофмана связано с огненной символикой: *лучистое сияние, волшебный блеск, страстное желание, точно молния*; в ее внешности выделяются *рыжие волосы, переходящие в красные, шелковое огненно-красное платье* [Там же, с. 39, 40]. В повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» (1841) сходным образом дается описание Эльсы-Саламандры «в огненном

море, и две пламенные струи обильно истекали из ее девственных персей» [Одоевский, 1981, с. 205].

В куклу-терафим превратилось металлическое зеркало, на которое О'Маллей капнул кровь Виктора фон С. Символика зеркала восходит к мифологии отражения, с которой связана его способность уводить в мир теней. «Зеркало воспринимается и как граница между миром видимым и потусторонним, указывая на парадоксы иных возможных миров ... Зеркальная симметрия, переворачивание правого и левого и другие оптические свойства зеркала создали ему в христианском мире репутацию демонического предмета» [Альбедиль, 2007, с. 24].

В «Стихийном духе» Виктор фон С. несколько раз ощущает боль под левой грудью. Во время ритуала О'Маллей вонзил туда ланцет, чтобы добыть кровь. Острую боль герой чувствует, когда в огне появляются разнообразными лики; сильная боль пронзает Виктора, когда он видит свою куколку у графини фон Л., а взгляд куколки он сравнивает с «молнией» [Гофман, 2009, с. 39]. Описывая свое состояние при виде «отвратительного нечто», герой говорит: «адский ужас вонзил в мою грудь кинжал, и я потерял сознание» [Там же, с. 31]. Кинжал (ланцет, нож) — «ритуальный инструмент жертвоприношения», «обычно разрушительный символ» [Тресиддер, 1999, с. 239].

Оба героя, замороженные прекраснейшей телесной оболочкой, почти соглашаются отказаться от блаженства загробной жизни ради обладания природными духами. *«Без тебя нет блаженства. От всякого иного я ... отказываюсь»* [Гофман, 2009, с. 41], — восклицает герой Гофмана; *«Мне достаточно одной тебя, ты одна — желание моего сердца»*, — говорит Альвар [Казот, 1992, с. 59].

От «врага рода человеческого» героев спасает религия. Старый слуга Павел Талькебарт сказал тихо, как бы творя про себя молитву: *«Храни Бога в сердце своем; помни о спасении своей души, и тебе удастся противостоять козням сатаны»* [Гофман, 2009, с. 44]. Кроме того, Виктор фон С. не раз вспоминает предостережения набожного лейтенанта. Альвар же случайно заходит в церковь францисканского монастыря. В главной фигуре памятника он видит поразительное сходство со своей матерью, с которой вступил в мысленный диалог и принял решение: *открыть свою душу матери и еще раз искать спасения в любящем сердце* [Казот, 1992, с. 42]. Выход для Альвара найден в браке, а выбор невесты делает матушка.

Искушения Виктора фон С. не заканчиваются с исчезновением господина майора Сатаны и мамзель Вельзевул [Гофман, 2009, с. 45]. Образ саламандры, воплощенный в земной женщине, полковник Виктор фон С. находит в замке, рядом с которым он падает с лошади и получает рану, ударив-

пись головой об острый камень. У баронессы Авроры фон К. то же имя, что и у «таинственной милой» саламандры; странность в ее внешности сразу заметил и друг Виктора: *Ее осанка была так свободна, благородна и внушительна, что Альберт не узнал ее прежней маленькой, упитанной, почти смешной фигуры: ему казалось, что баронесса переродилась совсем в другое существо* [Там же, с. 17]. Взаимоотношения Виктора и баронессы показаны через символический образ нитки, продетой между пальцами полковника во время вязания чулка: *Человек часто позволяет опутывать себя такими петлями, что только смерть способна развязать образованный ими гордиев узел* [Там же, с. 17]. Альберт сравнивает ситуацию, в которой оказался его друг, с сюжетом романа: *Раненого рыцаря приносят в замок; хозяйка замка ухаживает за ним, и рыцарь становится ее обожателем* [Там же, с. 19]. Интересно, что и здесь, как в оценке двойственности внешности баронессы, Альберт дает второе, «поэтическое» истолкование ситуации: *испанский принц, который в одинаковых с тобой условиях попал в замок доньи Менции, где нашел возлюбленную, о которой не подозревал раньше* [Там же]. Полковник оказался в замкнутом пространстве, удаленном от внешнего мира. Его окружают занятая домашним хозяйством Аврора со связкой ключей, ее муж, все время пропадающий на охоте, сам герой принимает участие в вязании огромного чулка. Однако за этой видимостью простоты скрывается тайна. Перед отъездом Виктор спрашивает Аврору об ирландском майоре и произносит заклинание, от которого баронесса теряет сознание.

Виктор фон С. и Альвар переживают отрезвление. Герою Ж. Казота доктор советует «вручить руку» «обладательнице небесной прелести и талантов», чтобы избежать искушения дьявола [Казот, 1992, с. 66]. Герой Гофмана, познавший двойственность мира, остается холостяком, потому что испытанную им «высшую земную радость», когда «держал в объятьях идеал... упоительных грез», повторить нельзя [Гофман, 2009, с. 47].

3.4. «Мистическое приключение», или «Долгий дурной сон»

Важная роль в структуре произведений отводится снам героев. Стихийный дух является героям во сне. Появление саламандры сопровождается блеском и сиянием; по отношению к ней употребляется слово *таинственное*: «таинственное существо», «таинственная милая», «таинственное очарование» [Там же, с. 40, 39]. Встреча во сне сопровождается звуковыми эффектами: *слушал звуки ее голоса, а не слова; шорох или вздох, мелодичная небесная музыка* [Там же, с. 40, 41]. Однако *соблазнительные грезы* рассеивались, и герой *погрузился в глубокий сон*. Именно эпитет *глубокий* повторяется несколько раз [Там же, с. 40, 42]. Последний сон, когда саламандра изгоняется, называется *тяжелым* [Там же, с. 44]. С описанием саламандры соотносятся жесты — *страстно протянутые руки*.

Этот жест обозначает «направление, путь, которым можно следовать» [Пасквинелли, 2008, с. 37]. По потаюти руки и сверкающим глазам Виктор узнает в баронессе саламандру: *В бессонные ночи моей болезни, которой я подвергался здесь, проснулись все любовные сновидения того тревожного и ужасного периода моей жизни* [Гофман, 2009, с. 45].

Одна из загадок повести Ж. Казота — принадлежность невероятных событий, участником которых стал испанский офицер, реальности или просто сну: «*Неужели я грежу?*» — *подумал я.* — «*Неужели это был сон?*» [Казот, 1992, с. 62]. Альвар пытается уснуть в начале путешествия, когда они с Бьондеттой покидают караул: *... я погрузился в дремоту и увидел приятные сны, словно бы созданные для того, чтобы душа моя могла отдохнуть от томивших ее причудливых и пугающих мыслей* [Там же, с. 21]. В вещем сне герой Казота снова переживает свое фантастическое приключение в развалинах Портитчи. Его спасает от гибели мать, именно с ее образом связана символика «защиты, преданности» [Тресиддер, 1999, с. 216].

Гофмановский герой размышляет о «двойственности снов из круга явлений окружающего ... чувственного мира» [Гофман, 2009, с. 37]. Поэтому на место *застенчивой саламандры* он *подставлял других девушек*. Из бессвязной, на первый взгляд, болтовни слуги Виктор слышит о *прехорошенькой девушке с саламандровым выражением глаз* и делает неожиданный вывод: *лучше оставаться холостым* [Там же, с. 43]. Сны / видения позволяют понять принцип двойственности мира и сделать свой выбор. Гофман дважды повторяет, что его герой *очнулся от сна, от тяжелого сна* [Там же, с. 16, 19]. В последнем, *странном, полном призраков сне* Виктор вспомнил забытое слово заклинания и покинул замок [Там же, с. 46]. Он сумел выйти из своего *мистического приключения*, решив, что это *дурной сон* [Там же, с. 47]. Альвар тоже склонен считать *ужасный сон обманом чувств* [Казот, 1992, с. 64].

Сновидения, с одной стороны, раскрывают внутренний мир героев Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана, их состояние, психические мотивы их действий, связанные с подавленным подсознанием, с другой стороны, символические образы сна указывают путь возвращения в реальную жизнь.

4. Заключение = Conclusions

Двоемирие — характерная черта «Влюбленного дьявола» и «Стихийного духа». Фантастическое, проникнувшее в реальную жизнь, показано таким образом, что герой — свидетель контакта с необычным — не разгадывает всех загадок. Особенностью фантастики Казота является то, что «мир сверхъестественных явлений и духов выступает как реально существующий. Готическая проза Казота наполнена элементами фанта-

стики и психологизма, представляя собой лучший образец “жанра ужаса”» [Силина, 2011, с. 235].

В психике героев Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана пересекаются физические и духовные начала. Разрушительная сексуальность подтолкнула Альвара и Виктора фон С. к общению с духами природы, заставила изменить нравственным принципам. Ж. Казот и Э. Т. А. Гофман глубоко проникли в психику героев, показали ее «бездны», имморальные движения души.

Облик сверхъестественных персонажей, представителей иного мира, не поддается разгадке. В новелле Гофмана саламандра оказалась в реальном мире. Образ Авроры, соблазненной нечистой силой, не может быть объяснен с точки зрения обычного. Сюжет «Влюбленного дьявола», таким образом, осложнен в «Стихийном духе». Мотив искушения в варианте Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана в соединении с мотивами судьбы, страдания, испытания, прозрения нашел художественное воплощение в творчестве русских писателей XIX века: А. С. Пушкина, К. С. Аксакова, Н. И. Греча, М. Н. Загоскина, В. Ф. Одоевского.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. Аксаков К. С. Вальтер Эйзенберг / К. С. Аксаков // Русская романтическая повесть ; Составление, вступит. статья и примечания В. И. Сахарова. — Москва : Советская Россия, 1980. — С. 495—516.
2. Гофман Э. Т. А. Стихийный дух / Э. Т. А. Гофман // Собрание сочинений в 8 тт. — Москва : ТЕРРА — Книжный клуб, 2009. — Т. 8. — С. 7—47. — ISBN 978-5-275-02209-4.
3. Греч Н. И. Черная женщина / Н. И. Греч // Три старинных романа в 2 книгах ; Сост., подготовка текста, примечания В. Ю. Троицкого. — Москва : Современник, 1990. — Книга II. — С. 6—318. — ISBN 5-270-00470-4.
4. Загоскин М. Н. Концерт бесов / М. Н. Загоскин // Сочинения в двух томах. — Москва : Художественная литература, 1988. — Т. 2. — С. 333—347. — ISBN 5-280-00871-0
5. Казот Ж. Влюбленный дьявол / Ж. Казот ; Перевод Н. А. Сигал // Влюбленный дьявол. — Смоленск : ИПФ «Смол'ин», 1992. — С. 4—68. — ISBN 5-7880-007-1.
6. Одоевский В. Ф. Сочинения в двух томах / В. Ф. Одоевский. — Москва : Художественная литература, 1981. — Т. 2. — 365 с.

Литература

1. Альбедиль М. Зеркало / М. Абедиль // Символы. Знаки ; Ред. Группа : Т. Каширина, Т. Евсеева и др. — Москва : Мир энциклопедий Аванта +, 2007. — С. 24—25. — ISBN 978-5-98986-376-1.

2. Бабаева А. В. Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени / А. В. Бабаева, Н. В. Шмелева // Вестник Мининского университета. — 2022. — Т. 10. — № 1. — С. 12.
3. Вольперт Л. Тень Кассандры в мифопоэтике переломной эпохи / Л. Вольперт // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X : «Век нынешний и век минувший» : культурная рефлексия прошедшей эпохи : В 2 ч. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. — Ч. 1. — С. 186—202. — ISBN 978-9949-11-519-8.
4. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики / Жан-Поль. — Москва : Искусство, 1981. — 448 с. — ISBN 978-5-7390-0346-6.
5. Китанина Т. А. Щелкунчик и киндский миф (Статуи, куклы и автоматы в литературе эпохи романтизма) / Т. А. Китанина // Литературный факт. — 2016. — № 8. — С. 176—195. — DOI: 10.22455/2541-8297-2018-8-176-195.
6. Михайлов А. Н. Готический роман в культуре предромантизма : фантастика как художественная манифестация кризиса рационалистического сознания / А. Н. Михайлов // Культура. Духовность. Общество. — 2016. — № 25. — С. 121—127.
7. Нерваль Ж. де. Жак Казот / Ж. де Нерваль ; Перевод И. Волевич // Мистические фрагменты / Перевод с фр. Сост. Ю.Н. Стефанов. Вступит. Статья и коммент. С. Н. Зенкина. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2001. — С. 226—280. — ISBN 5-89059-002-2.
8. Пасквинелли Б. Жест и экспрессия / Б. Пасквинелли ; Перевод И. Е. Прусс. — Москва : Омега, 2009. — 368 с. — ISBN 978-5-465-01845-6
9. Пахсарьян Н. Т. Творчество Жака Казота в современном освещении / Н. Т. Пахсарьян // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе. — Москва : МГОУ, 2016. — С. 31—40. — ISBN 978-5-7017-2663-3.
10. Сафрански Р. Гофман / В. Д. Балакина. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 383 с. — ISBN 5-235-02813-9
11. Силина Ю. А. Динамика безбожия во французской литературе XVIII века / Ю. А. Силина // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 229—237.
12. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер ; Перевод С. Палько. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 448 с. — ISBN 5-8183-0049-8.
20. Черепенникова М. С. Фаустианская рецепция во всемирном литературном процессе / М. С. Черепенникова // Вопросы филологии. — 2015. — № 2 (50). — С. 75—83.
21. Шульц Р. Пушкин и Казот / Р. Шульц. — Washington D.C : Ross Press, 1987. — 221 с.
22. Levy M. Le roman “gothique” anglais, 1764—1823 / M. Levy. — Toulouse : Faculté de Lettres de Toulouse, 1968. — 750 p.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023,
одобрена после рецензирования 12.05.2023,
подготовлена к публикации 24.05.2023.

Material resources

- Aksakov, K. S. (1980). Walter Eisenberg. In: *Russian romantic story*. Moscow: Soviet Russia. 495—516. (In Russ.).
- Grech, N. I. (1990). Black woman. In: *Three old novels in 2 books, II*. Moscow: Sovremennik. 6—318. ISBN 5-270-00470-4. (In Russ.).
- Hoffman, E. T. A. (2009). Spontaneous spirit. In: *Collected works in 8 volumes*, 8. Moscow: TERRA Book Club. 7—47. ISBN 978-5-275-02209-4. (In Russ.).

- Kazot, Zh. (1992). The devil in love. In: *The Devil in love*. Smolensk: IPF "Smol'in". 4—68. ISBN 5-7880-007-1. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. (1981). *Essays in two volumes*, 2. V. F. Odoevsky. Moscow: Fiction. 365 p. (In Russ.).
- Zagoskin, M. N. (1988). Concert of demons. In: *Works in two volumes*, 2. Moscow: Fiction. 333—347. ISBN 5-280-00871-0. (In Russ.).

References

- Albedil, M. (2007). Mirror. In: *Symbols. Signs*. Moscow: The World of Avanta + Encyclopedias. 24—25. ISBN 978-5-98986-376-1. (In Russ.).
- Babaeva, A. V., Shmeleva, N. V. (2022). Representations of "human exclusivity" in the cultural stream of Modern Times. *Bulletin of Mininsky University*, 10 (1): S. 12. (In Russ.).
- Cherepennikova, M. S. (2015). Faustian reception in the world literary process. *Questions of philology*, 2 (50): 75—83. (In Russ.).
- Jean-Paul. (1981). *Preparatory School of Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. 448 p. ISBN 978-5-7390-0346-6. (In Russ.).
- Kazot, Zh. (1992). The devil in love. In: *The Devil in love*. Smolensk: IPF "Smol'in". 4—68. ISBN 5-7880-007-1. (In Russ.).
- Kitanina, T. A. (2016). The Nutcracker and the Knid myth (Statues, dolls and automatons in the literature of the Romantic era). *Literary fact*, 8: 176—195. DOI: 10.22455/2541-8297-2018-8-176-195. (In Russ.).
- Levy, M. (1968). *Le roman "gothique" anglais, 1764—1823*. Toulouse: Faculté de Lettres de Toulouse. 750 p. (In Frenc.).
- Mikhailov, A. N. (2016). The Gothic novel in the culture of pre-Romanticism: fiction as an artistic manifestation of the crisis of rationalistic consciousness. *Culture. Spirituality. Society*, 25: 121—127. (In Russ.).
- Nerval, J. de. (2001). Jacques Cazot. In: *Mystical fragments*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 226—280. ISBN 5-89059-002-2. (In Russ.).
- Pakhsaryan, N. T. (2016). The work of Jacques Kazot in modern lighting. In: *Artistic understanding of reality in foreign literature*. Moscow: Moscow State University. 31—40. ISBN 978-5-7017-2663-3. (In Russ.).
- Pasquinelli, B. (2009). *Gesture and expression*. Moscow: Omega. 368 p. ISBN 978-5-465-01845-6. (In Russ.).
- Safransky, R. (2005). *Hoffman*. Moscow: Molodaya gvardiya. 383 p. ISBN 5-235-02813-9. (In Russ.).
- Schultz, R. (1987). *Pushkin and Kazot*. Washington D.C: Ross Press. 221 p. (In Russ.).
- Silina, Yu. A. (2011). Dynamics of godlessness in French literature of the XVIII century. *Political Linguistics*, 2 (36): 229—237. (In Russ.).
- Tresidder, J. (1999). *Dictionary of Symbols*. Moscow: FAIR PRESS. 448 p. ISBN 5-8183-0049-8. (In Russ.).
- Volpert, L. (2006). Cassandra's shadow in the mythopoetics of the turning epoch. In: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: "The present century and the past century": cultural reflection of the past epoch: In 2 hours, 1*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastu. 186—202. ISBN 978-9949-11-519-8. (In Russ.).

*The article was submitted 11.04.2023;
approved after reviewing 12.05.2023;
accepted for publication 24.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Качоровская А. Е. Символика классической цветовой триады в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 313—329. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-313-329.

Kachorovskaya, A. E. (2023). Symbolism of Classical Color Triad in Siegfried Lipiner's Poem "Freed Prometheus". *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 313-329. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-313-329. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-313-329

Символика классической цветовой триады в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей»

Качоровская Анна Евгеньевна

orcid.org/0000-0001-7841-8181

кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого и романских языков
для профессиональной коммуникации
kachorovskaya@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Symbolism of Classical Color Triad in Siegfried Lipiner's Poem "Freed Prometheus"

Anna E. Kachorovskaya

orcid.org/0000-0001-7841-8181

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of German and Romance
Languages for Professional
Communication
kachorovskaya@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Качоровская А. Е., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о взаимосвязи мотивного ряда поэмы австрийского литератора Зигфрида Липинера (1856—1911) «Освобожденный Прометей» (1876) с символикой классической цветовой триады. Новизна исследования видится в том, что анализ символики цвета в лирике Липинера проводится впервые в отечественном литературоведении. Отмечается, что австрийский контекст 1870—1880-х годов соотносится с символикой цвета в мировой литературе. Выполнен избирательный обзор эволюции цвета и мотива от раннего Средневековья до рубежа XIX—XX веков. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу цветовых символов поэмы Липинера с элементами цветовой триады в «Божественной комедии» Данте, а также трактате «Учение о цвете» Гете. Красный и желтый (золотой) тона цветовой триады презентированы в качестве доминантных. Показано, что символика красного цвета в поэме «Освобожденный Прометей» взаимосвязана прежде всего с лейтмотивом прометеевского огня, что обуславливает актуальность исследования: тема прометеевского огня активно изучается в современном западном литературоведении. Доказано, что символика классической цветовой триады оказывает существенное влияние на мотивный ряд лирического произведения Липинера.

Ключевые слова:

цветовая триада; символика; Липинер; огонь; солнце.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the relationship between the motive series of the poem “Freed Prometheus” (1876) by the Austrian writer Siegfried Lipiner (1856—1911) and the symbolism of the classical color triad is considered. The novelty of the study is seen in the fact that the analysis of the symbolism of color in Lipiner’s lyrics is carried out for the first time in Russian literary criticism. It is noted that the Austrian context of the 1870—1880s correlates with the symbolism of color in world literature. A selective review of the evolution of color and motif from the early Middle Ages to the turn of the 19th—20th centuries is made. Particular attention is paid to the comparative analysis of the color symbols of Lipiner’s poem with the elements of the color triad in Dante’s Divine Comedy, as well as the treatise “Theory of Colours” by Goethe. Red and yellow (golden) tones of the color triad are presented as dominant. It is shown that the symbolism of the red color in the poem “Freed Prometheus” is interconnected, first of all, with the leitmotif of the Promethean fire, which determines the relevance of the study: the theme of the Promethean fire is actively studied in modern Western literary criticism. It is proved that the symbolism of the classical color triad has a significant impact on the motifs of Lipiner’s lyrical work.

Key words:

color triad; symbolism; Lipiner; fire; Sun.

Символика классической цветовой триады в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей»

© Качоровская А. Е., 2023

1. Введение = Introduction

Символика цвета как одного из важнейших элементов литературной эстетики находится в тесной связи с мотивами литературного произведения. Функции цвета разнообразны и многогранны. В немецкоязычной литературе краски углубляют символы и устойчиво коррелируют с мотивами голубого цветка («Blaue Blume»), бездны («Abgrund»), огня («Feuer»), тумана («Nebel») и света («Licht»), а также с мотивным рядом плодородия / неплодородия («Fruchtbarkeit / Unfruchtbarkeit») [Daemmrigh, 1995, S. 147]. Ассоциативный ряд, соотносимый с ключевыми контрастами «белого / черного» и «дня / ночи», связанный с «жизнью / смертью» [Ibid.], представлен уже в творчестве отдельных авторов средневековья.

Для настоящего исследования представляет особый интерес то обстоятельство, что в архитектонике множества произведений мировой литературы и живописи вне зависимости от эпохи можно заметить доминанту классической цветовой триады (желтого, красного и синего). Уже в раннегерманской литературе использование красок, относящихся к цветовой триаде, подчинено совершенно определенным целям и демонстрирует приверженность к красному и желтому цветам: «Они усиливают контрасты между светом и тьмой и освещают человеческие страсти («Begierde»), проявляющиеся, прежде всего, в желании владеть красным золотом («rotes Gold»), красным копьём или золотыми украшениями ...» [Ibid.]. Символика красного цвета с древнейших времен связана также и с инициацией таких человеческих качеств, как страсть («Leidenschaft») и агрессия («Agression») [Ibid.].

Гете (J. W. von Goethe, 1749—1832) в своем трактате «Учение о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810) определяет данную триаду и ее оттенки как «элементарное учение о цветах» [Гете, 2019, с. 21]. Согласно исследованию Н. Н. Волкова, гетевскому учению предшествуют наблюдения Леонардо да Винчи (1452—1519) и «цветовая система Ньютона» [Волков, 2014, с. 57], представляющая собой круг, состоящий из всех цветов радуги. Интересно, что в системе масонских воззрений на всемирную религию, опирающуюся на идею «Homo humanus» [Keller, 1911, S. 17] — «человека гуманно-

го», круг является символом Вселенной («All») [Ibid., S. 20]. Символика «Великого Востока» также отчасти соотносима с классической цветовой триадой: синий и красный цвета соответствуют определенным градациям масонской иерархии: «... первые три степени — синие, с 4-й по 18-ю — красные и с 30-й по 33-ю — белые ...» [Нечаев, 2007, с. 12].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В австрийской литературе 1870—1880-х годов приобретают известность такие не чуждые натурфилософским и христианско-гуманистическим идеям литераторы, как М. фон Эбнер-Эшенбах (Marie von Ebner von Eschenbach, 1830—1916), П. Розеггер (Peter Rosegger, 1843—1918) и Ф. фон Заар (Ferdinand von Saar, 1833—1906). В это же время появляется поэма юного австрийского автора Зигфрида Салома Липинера (Siegfried Salomo Lipiner) «Освобожденный Прометей» («Der entfesselte Prometheus»).

Богатая цветовая символика в поэме Липинера отчасти предвещает возникновение австрийского экспрессионизма, относящегося к 1908—1909 годам. Исследователи отмечают, что в литературных произведениях О. Кокошки (Oskar Kokoschka, 1886—1908) и Г. Тракля (Georg Trakl, 1887—1914), А. Кубина (Alfred Kubin, 1877—1959) и А. П. Гютерсло (Albert Paris von Guetersloh, 1887—1973) «...экспрессионизм осознает современность как последнюю апокалипсическую стадию инобытия мира накануне его грядущего преображения» [Жеребин, 2009, с. 23]. В живописи рубежа XIX—XX веков австрийский экспрессионизм представлен полотнами Э. Шиле (Egon Schiele, 1890—1918) и Э. Л. Кирхнера (Ernst Ludwig Kirchner, 1880—1938), чей колорит также тяготеет к цветам триады: насыщенно желтым, красным и сине-зеленым тонам.

В связи с лейтмотивом огня в исследуемом произведении Липинера следует упомянуть и влияние философии Ницше: «Типично австрийский микрокосм поэмы сравним с ницшеанским макрокосмом, постулирующим взаимосвязь прометеевского мифа и огненной символики...» [Качоровская, 2020, с. 226—227]. Интересна и точка зрения исследовательницы Э. Басси (р. 1969—), рассматривающей философию Ницше как источник экспрессионизма в живописи немецких и австрийских художников: «Два наиболее значимых источника этого направления нельзя отнести ни к современному искусству, ни к Европе: это искусство Средневековья и так называемых примитивных народностей. Третий источник имеет мало общего с визуальным искусством — это философия Фридриха Ницше» [Басси, 2007, с. 7].

Благодаря своей универсальности поэма Липинера выходит за рамки австрийского контекста 1870—1880-х годов и может быть рассмотрена в качестве аутентичного произведения, вобравшего в себя опыт предыду-

щих эпох и апеллирующего (в том числе в отношении цветовой символики) к мировым шедеврам. Например, исследователь и переводчик поэмы Н. А. Холодковский (1858—1921) называет лирическое произведение Липинера в ряду множества «мировых поэм» [Холодковский, 1908, с. 2], к которым он относит прежде всего «Фауста» Гете.

Предпринятая в данном исследовании попытка построения логической цепочки «Данте — Гете — Липинер» в ракурсе рецептивного подхода к цветовой символике не является случайной: поэма Липинера, оставаясь самобытным и оригинальным произведением, изобилует непроясненными цветовыми символами, варьирующими систему средневековых представлений о цвете (Данте) и идеи трактата «Учение о цвете» (Гете). Сравнительно-исторический метод исследования способствует детальному изучению материала, непосредственно связанного с темой классической цветовой триады. Материал выстроен в хронологической последовательности, от средневековья до рубежа XIX—XX веков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Цвет в Средневековье

Мир Средневековья вновь и вновь отображается в неисчислимых произведениях литературы и искусства в качестве эпохи, стремящейся постичь суть вертикали, способной излучать божественную благодать на несовершенного человека. У. Эко (1932—2016) в своем труде «Эволюция средневековой эстетики» (1958) определяет средневековую Вселенную как «неутомимо извергающийся поток прекрасного» [Эко, 2004, с. 43].

Обращение к цветовой символике в средневековой литературе невозможно без упоминания имени Данте Алигьери (1265—1321), создателя великой «книги о Вселенной» [Лозинский, 2022, с. 40] — «Божественной Комедии» (1308—1321), в которой, по мнению переводчика поэмы М. Л. Лозинского (1886—1955), «вмещено все знание, доступное западному Средневековью» [Там же, с. 36]. Интересно, что рассуждения самого Лозинского о поэме Данте включают тему трех основных цветов в живописи (синего, красного и желтого): «Когда мы перелистываем его книгу, она, как его таинственный Грифон, предстает перед нами “то вдруг в одном, то вдруг в другом обличье” (Чистилище XXXI, с. 123). Так, ограненный алмаз, если его вращать, загорается то синим, то алым, то желтым огнем» [Там же, с. 40].

Детальное изучение текста «Божественной комедии» позволяет выделить доминирующие красный и желтый цвета, а также реже встречающийся цвет триады — синий — во всех трех частях поэмы: «Ад», «Чистилище» и «Рай», хотя естественно, что в зависимости от части произведения один

и тот же цвет наделяется совершенно разными символическими значениями, а также соотносится с разными мотивами.

«Ад» Данте изобилует огненными символами, различные оттенки красного тона (преимущественно багрового) служат созданию определенной эмоциональной окраски текста, призванного вселять в читателя страх и ужас перед мастерски созданной материалистичностью наказаний грешников. «Пламень красный» [Данте, 2022, с. 53] озаряет глаза Харона — перевозчика грешных душ через сумрачную реку; в круге первом вспыхивает «багровым блеском» великая «Пустыня скорби» [Там же, с. 54]; в круге третьем обитает демон Цербер с «багровыми глазами» [Там же, с. 63]; призрачные мечети города Дита открываются взору Данте, «багровея, как будто на огне раскалены» [Там же, с. 71]. Это далеко не полный ряд перечислений багровых оттенков красного, которые символизируют и визуализируют для читателя (вероятно, как средневекового, так и современного) три основных греха человечества:

Гордыня, зависть, алчность — вот в сердцах

Три жгучих искры, что вовек не дремлют [Там же, с. 65].

Багровый цвет как символ кровавого Ада переплетается с мотивом желтого золота, в данном случае — извечного символа алчности и наживы. В Аду Данте оказываются грешники из разных слоев общества, причем правители и священники не являются исключением: «Здесь не один тиран, который жаждал золота и крови» [Там же, с. 83]. Данте и Вергилию встречаются как великие герои античной мифологии («Ясон, руна стяжатель золотого» [Там же, с. 109]), так и современники поэта из Болоньи, облаченные в свинцово-желтые одежды [Там же, с. 129]. Духовная жажда в грешных душах героев Данте подменена жаждой обогащения: «Сребро и злато — ныне бог для вас» [Там же, с. 114]. Мотив золота, понятый в качестве инструментария для дидактического нравоучения, превращается в символ дьявольского обмана, поскольку, по мысли Данте: «Все золото, что блещет под луной» [Там же, с. 67] не в состоянии успокоить и осчастливить ни одной грешной души.

Та же красно-золотая цветовая гамма в «Чистилище» и «Рае» приобретает совсем иное значение. Символическое очищение душ сопровождается появлением более чистых, пронизанных божественным блеском и светом оттенков красного и золотого. Среди разнообразнейшей цветовой палитры вновь появляется багровый оттенок красного: «В час, перед утром Марс горит багрово» [Там же, с. 179], но, в отличие от мрачной символики Ада, багровый здесь сопутствует рассвету, предвещает новое, связан с мотивом надежды на Божественное прощение. Появляется «колесница света» [Там же, с. 183] — схожая с античным образом метафора для передачи ощущения

движения солнца по небосводу. Багровый тон подчеркивает тепло и красоту солнечного восхода: «Свет солнца, багровевшего за мной» [Там же, с. 183]. Реже в «Аду» Данте встречается синий цвет, соотносимый с мотивом ледяного холода и смерти: «Синели души грешных из льда» [Там же, с. 163].

Совсем иное значение приобретает синий в «Чистилище»: «Отрадный цвет восточного сапфира» [Там же, с. 175] символизирует, вероятно, вслед за гуманистическо-христианской традицией «небо, небесную истину, вечность, веру и верность» [Cooper, 1986, S. 50]. Символика синего сапфира также традиционно связана с «божественными добродетелями» («goettliche Tugenden») [Ibid., S. 40]. В сценах «Чистилища», так или иначе отображающих почти весь цветовой спектр, чаще всего встречаются оттенки красного и желтого, символизирующие духовное очищение и просветление: упоминается «рдяный Зодиак» [Данте, 2022, с. 188], возникает орел, «одетый в золотистый цвет» [Там же, с. 207]; описываются врата с тремя ступенями разного цвета: «мрамор белый», «пурпур почернелый» и «огнисто-алый, как кровавый ток» [Там же, с. 209]; являются «серебряный и золотой» [Там же, с. 209] ключи от врат. Желтый (золотой) и красный цвета передают в том числе и приближение нового, невиданного состояния духа: «Начальный век, как золото, светил» [Там же, с. 263]. Здесь впервые появляется Беатриче «в платье огнеалом» [Там же, с. 293]. Чистота горящего алого цвета, способствуя ощущению безгрешности образа, напоминает локальные цвета полотен Джотто (1266—1337).

В «Раю» Данте также доминируют чистые оттенки огненно-алого, представляющего в качестве традиционного раннехристианского символа прежде всего «Огонь» («Feuer») [Cooper, 1986, с. 51], «Солнце» («Sonne») [Ibid.], всеобъемлющую «божественную Любовь» («Liebe») [Ibid.]:

*...То жажда в нас должна **вспылать огнем***

Увидеть Сущность, где непостижимо

Природа наша слита с Божеством [Данте, 2022, с. 315].

Данте познает радость, сверкающую «как лал, в который солнце луч вонзило» [Там же, с. 344]. Звучит мотив сияющего солнца, означающий торжество духа, в котором уже нет примеси низменных и греховных человеческих устремлений. «Лучи того, кто движет мирозданье» [Там же, с. 310] озаряют поэта, он говорит только о своей возлюбленной. Образ Беатриче для Данте — это и есть само Солнце: «То Солнце, что зажгло мне грудь любовью» [Там же, с. 318]. Неописуемый «Божественный свет» [Там же, с. 363] неразрывно связан с символикой красного тона. Этот свет «словно уголь, пышущий огнем», «пламень», «блеск» или подобен «горизонту пред рассветом» [Там же].

Цвет имеет первостепенное значение также и для средневековой философии. Алхимическое сочинение «Aureus Tractatus» (XVI век н. э.), извест-

ное как «Золотой трактат Гермеса Трисмегиста» [Морозов, 2006, с. 291], изобилует цветовой символикой. Древняя версия философии герметизма, представленная в этом трактате, провозглашает цвет основой эволюционирующей материи. Только проходя «все стадии цвета» [Гермес, 2006, с. 296], материя может совершенствоваться. На этом же фундаменте зиждется так называемое «учение о тинктуре» [Там же, с. 308] — особой сущности, постижимой только через цвет.

Aureus Tractatus, собственно, представляющий собой подробную инструкцию для изготовления золота из ртути, преимущественно опирается на таинственное взаимодействие красного и желтого (золотого) цветов. Соответственно, преобразование материи из красной в золотую является важнейшим составляющим элементом сочинения. К красному и золотому цветам применяются поэтические эпитеты, которые должны быть понятны только посвященным. Так, например, подчеркивается, что необходимо для алхимических опытов золотаварения: «Южная краснота, что является душою золота» [Там же], причем имеется в виду «красный сульфид ртути» [Там же]. Само золото метафорически отождествляется с творческой первопричиной бытия, поскольку уподоблено солнцу: «Оно как солнце среди звёзд, более великолепное в Свете, и как силой Господа каждый овоц и все фрукты на земле великолепны, так и золото посредством этой же силы поддерживает всё» [Там же, с. 306]. Множество «золотых» эпитетов и у философского камня — сути духовных средневековых устремлений. Это — идеальное «золото без пятен, монотонное, что ни огонь, ни воздух, ни вода, ни земля не способна повредить» [Там же].

3.2. Цвет в эпоху Барокко и эпоху Просвещения

Использование цвета в эпоху развития немецкой барочной поэзии (Barockdichtung, XVII—XVIII) подчиняется изображению «персональных свойств и чувств» [Daemrich, 1995, S. 148] литературных протагонистов. Так, например, один из представителей немецкоязычной лирики стиля барокко, Мартин Опиц (Martin Opitz, 1597—1639) в своем сонете «Значение цветов» («Bedeutung der Farben», 1624) называет красный цвет символом «сокровенного любовного пыла» («innigliche Liebesbrunst») [Moritz, 2005, S. 55], желтый — «концом и исходом всех благ» («End und Ausgang aller Gunst»), а небесно-синий («Himmelblo») — цветом высоких смыслов («hohe Sinnen») [Ibid.].

Эпоха Просвещения, напротив, отчасти возвращаясь к средневековой символике, использует цветовую палитру как средство «живописать красивые нюансы настроения человека в его взаимоотношениях с природой» [Daemrich, 1995, S. 148]. Данная тенденция находит свое выражение в поэзии К. Брентано (K. Brentano, 1778—1842), Гете и Новалиса (Novalis, 1772—1801). Склонность к красочному изображению природы часто проявляется

в использовании золотого и серебряного цветов как метафоры природных явлений и различных качеств литературных персонажей. Последнее обстоятельство важно для европейской литературы, поскольку «Взаимосвязь символа и свойств определенной фигуры является общим пространством западной топологии и теории метафор...» [Schlaffer, 1999, S. 79]. В эту эпоху в западной литературе входят в моду такие словосочетания, как «золотые глаза» («goldene Augen»), «золотые тона» («goldene Farbe»), «сверкающие лучи» («glaenzende Strahlen») [Daemmrigh, 1995, S. 148].

В связи с темой цветовой символики в литературе эпохи Просвещения, а также с философией пантеизма представляется важным подробнее остановиться на своеобразном толковании цвета в одном из прозаических трудов Гете — трактате «Учение о цвете». Согласно данному трактату, именно цвета могут разъяснить человеку не только саму природу света, их порождающую, но также и всё мироустройство в целом. Гете создает собственную теорию, в отличие от ньютоновской, состоящую из трех основных цветов — желтого, красного и синего, а также их сочетаний. Как и в теории Ньютона, цветовая триада Гете заключается в круг: «Однако самый яркий и чистый красный цвет можно, преимущественно в физических случаях, получить, соединив оба конца желто-красного и сине-красного. Вот живое воззрение на явление и возникновение цветов. Но можно также рядом со специфически законченным синим и желтым цветом принять законченный красный и получить регрессивно, путем смещения то, чего мы достигли прогрессивно, путем интенсификации. С этими тремя или шестью цветами, которые легко включить в один круг, единственно и имеет дело элементарное учение о цветах. Все остальные до бесконечности меняющиеся оттенки относятся больше к прикладной области» [Гете, 2019, с. 21].

Желтый тон в «Учении о цвете» наделяется чувственными характеристиками: это и «высшая чистота» [Там же, с. 60], и «всегда светлая природа» [Там же], обладающая «ясностью, веселостью, нежной прелестью» [Там же]. Особое значение придается золоту как лучшему во всех отношениях оттенку желтого цвета: «Золото в совершенно несмешанном состоянии дает нам, особенно когда присоединяется еще и блеск, новое и высокое понятие об этом цвете» [Там же].

Если интерес Гете к золотому оттенку желтого и к солнцу с его божественными свойствами во многом созвучен живописной и поэтической традиции средневековья, то свойства, которые он видит в различных оттенках красного цвета, например, в красно-синем пурпуре, отображая оттенки настроения человека, соотносим и с пантеистическим мировоззрением эпохи Просвещения: «Действие этого цвета так же естественно, как его природа. Он дает впечатление как серьезности и достоинства, так и прелести и гра-

ции» [Там же, с. 65]. Пурпурный тон у Гете может иметь также и совсем иную трактовку, близкую видениям «Ада» Данте: «Через пурпурное стекло хорошо освещенный ландшафт рисуется в страшном свете. Такой тон должен бы расстилаться по земле и небу в день страшного суда» [Там же, с. 66].

Лирике Гете, по отношению к которой существует возможность самых разнообразных прочтений, от вклада в «ренессанс античной культуры» [Boeschstein, 1999, S. 86] до интерпретаций восточных учений в «Западно-восточном диване» (с 1814 по 1819), также не чужды золотые и красные тона. Так, например, образ Зулейки в соответствии с восточной традицией, одет «гирляндами роз» и «написан по золоту» [Гете, 1988, с. 95]. Интересно также и то обстоятельство, что исследовательница творчества Гете И. Н. Лагутина, связывая символ солнца с теориями герметизма, уделяет особое внимание гетевскому «солнцепоклонству» [Лагутина, 2000, с. 14].

Цвет в немецкоязычной литературе и искусстве XIX столетия, а также на рубеже XIX—XX веков не только тесно переплетается с доминантными мотивами «Духа времени» («Zeitgeist») [Daemmrch, 1995, S. 148], но и нередко сопутствует раскрытию самобытности произведений того или иного литератора. Желто-золотой тон играет существенную роль в живописи австрийского символизма, прежде всего в творчестве Г. Климта (Gustav Klimt, 1862—1918) золотого периода. Например, золотая гамма картины «Юдифь» (1901) подчеркивает божественную сущность библейского персонажа: «Не случайно на картине так много золота — цвета не просто сакрального, а еще и выражающего собой реальность внутрибожественной жизни» [Сапронов, 2014, с. 450]. Библейский сюжет «Юдифи» Климта, по мнению исследователя П. А. Сапронова, взаимосвязан с символической визуализацией мотива «Эроса и Танатоса» [Там же].

В немецкоязычной прозе XX века выделяются произведения Г. и Т. Маннов (Heinrich Mann, 1871—1950; Thomas Mann, 1875—1955), где также часто фигурируют желтые и красные тона [Daemmrch, 1995, S. 148].

3.3. Символика цвета в поэме Липинера

Пять красочно декорированных песен поэмы «Освобожденный Прометей», объединенные лейтмотивом прометеевского огня, демонстрируют приверженность к той же красно-желтой цветовой гамме, что и шедевр Данте. Реже в тексте Липинера встречается и синий цвет — третий из классической цветовой триады. Символика цвета, рассмотренная на уровне литературных мотивов, содержит аллюзии и на различные произведения Гете, в том числе на трактат «Учение о цвете».

Поэму Липинера предваряет вводная часть: «Посвящение. К сынам Прометея». Уже само посвящение «прометидам», наследникам прометеевского огня, сразу обнаруживает тенденцию к желто-золотым тонам:

Вам, горсть бойцов, порука, что взойдет

Младой посев и жатва золотая... [Липинер, 1908, с. 21].

Словосочетание «жатва золотая» [Там же], вероятно, восходит к высоко-развитой цветовой метафорике эпохи Просвещения, а также к средневековому герметизму. Появление золотого тона, связанного, как и красный тон, с символом «солнца» («Sonne») [Cooper, 1908, S. 65], может означать «просветление» («Erleuchtung») [Ibid.], «стойкость» («Bestaendigkeit») [Ibid.], представлять собой «свойство святости» («Eigenschaft der Heiligkeit») [Ibid.]. Символ золота, собственно, состоит из тех качеств, которые в идеале должны быть сохранены и приумножены «Сынами Прометея». «Посвящение» повествует и о просветительской функции образа титана по отношению к последователям: «Он вам сиял, как светоч золотой» [Липинер, 1908, с. 22].

Доминирующая красно-золотая гамма поэмы может быть определена в качестве некоего обертона, усиливающего мотивный ряд восторженного воспевания природы и светлого природного Духа. С другой стороны, красный цвет, символизируя огонь, связан с мотивом крови — символа бунта и свободы. Встречаются и красно-черные тона, интерпретирующие настроение «Ада» Данте.

Песнь первая («Освобождение») изображает пробуждение Прометея. Прометей и поэт-повествователь спускаются с гор в цветущую долину, которая «Позлащена сиянием лучей» [Там же, с. 48]. Если в известном стихотворении Гете «Прометей» («Prometheus») (1789) титан вспоминает, что еще ребенком в заблуждении обращался к солнцу как истинному источнику добра и света («Kehrt ich mein verirrtes Auge zur Sonne» [Goethe, 2005, S. 180]), то титану, созданному Липинером, суждено увидеть в долине новое солнце и новое человечество, далекое от завещанных им идеалов. На тревожном фоне развития мотивов бунта и свободы, удручающих Прометея, «блещет солнца диск кровавый...» [Липинер, 1908, с. 30], поют свои мрачные песни чернокрылые парки — богини Судьбы, а новое человечество призывает огненного Духа Свободы:

Свободы древо все в цветах,

А древо рабства пало в прах,

Иссохла жизнь в его ветвях, —

В огонь его и в дым!» [Там же, с. 38].

Мотив бунтующего огня объединяется с темой грядущих кровавых со-бытий:

В крови свободный дух рожден

И кровью был воспитан он,

И кто мечом не побежден, —

Под топором падет! [Там же].

С размышлениями Прометея о будущем человечества появляется тема кровавого ручья:

... Ты ль, — сказать

Мне страшно, — **кровью потечешь, ручей,**

Ты, мир полей, исчезнешь ли опять? [Там же, с. 48].

Мотив кровавого ручья вновь отсылает к видениям «Ада» Данте. Так, в «Божественной комедии» Вергилий и Данте сходят «с кручи горной» [Данте, 2022, с. 69], вблизи «багрово-черного» [Там же] ручья, и видят те грешные души, которые были побеждены гневом.

В песне второй — «Без Богов», — представляющей в том числе пейзажи, имплицитно содержащие некоторые признаки барочной поэзии, также превалируют золотые и пурпурные тона. В этой связи необходимо вспомнить и приведенные выше рассуждения Гете о пурпурном тоне в трактате «Учение о цвете»: «...этот цвет, частью актуально, частью потенциально, содержит в себе все остальные цвета» [Гете, 2019, с. 65].

Пурпурно-золотые пейзажи в поэме Липинера не только декоративны, но и полны особого, не лишённого экспрессии очарования:

День догорает ...

Пурпурных туч гряды

Окутали вершины гор

И льют оттуда,

Подобно золотым потокам,

Свое сиянье [Липинер, 1908, с. 50].

Появляется мотив золотой арфы, отчасти коррелирующий с мотивом золотой арфы в начале «Фауста» (1808) Гете, в «Посвящении» («Zu-eignung»). Но в отличие от гетевской «золотой арфы» («Aelosharfe») [Goethe, 1982, S. 5], где арфе уподобляется сама «шепчущая песнь» поэта («Mein lispelnd Lied») [Ibid.], золотая арфа Липинера — еще и символ нисходящего с неба божественного света, вызывающего ассоциации со средневековой вертикалью:

Венцом блестящим

Сквозь тучи прорываются лучи

И простираются с небес

На грудь земли,

Как струны арфы золотые.

О золотая арфа!... [Липинер, 1908, с. 51].

Символика золотой арфы дополняет огненную прометеевскую тему, являющуюся лейтмотивом произведения Липинера. С этой точки зрения интересно значение символа арфы, которое взаимосвязано с «атрибутом Дагны» («Attribut von Dagna») [Cooper, 1986, S. 74] — кельтского бога

огня. С арфой связывают также и мотив «Смерти» («Tod») [Ibid.], что позволяет вспомнить мотив Эроса и Танатоса в австрийской живописи рубежа XIX—XX веков, о котором шла речь выше.

Многokrатно встречающийся золотой цвет в поэме Липинера может быть также и символом мудрости, науки, поисков философского камня. Но «блуждающий огонь» [Липинер, 1908, с. 68] псевдоучения, обещающий «светоч золотой» мудрости [Там же], — мотив, восходящий к ранней философии герметизма («Золотой трактат»), а также к гетевскому «Фаусту», — не приводит к свободе и счастью:

*Брось лживую затею эту, мудрость,
Что светоч золотой нам обещает,
Блуждающим огнем все вдаль влечет
И оставляет вдруг в глубоком мраке!* [Там же].

Менее заметное появление синего тона в третьей песне поэмы Липинера («Без цепей»), являясь частью ночного пейзажа, варьирует мотив очищающего прометеевского огня: ночной огонь «всего на свете прекраснее» [Там же, с. 86] своим мерцанием «из темной синевы небес» [Там же]. С другой стороны, третья песнь поэмы, изображающая бунт против богов в долине людей, изобилует агрессивной огненной символикой:

*Дворцам блестящим **огненная смерть!**
Вам, **золотые алтари**, погибель!* [Там же, с. 97].

В кровавой сцене пира бунтарей обыгрывается метафора «огненной реки»: «Так огненной рекой текло вино» [Там же, с. 102]. Мотив огня связан также и с христианской символикой: из «пламенного моря» [Там же, с. 120] является мистический Дух, наделенный чертами Христа. Согласно его воле Прометей должен искупить новые грехи человечества, чтобы вновь гармонизировать приближающуюся к апокалипсису реальность сообразно с «космическим принципом искупительной “любви”» [Lengauer, 1989, S. 1246].

Четвертая песнь поэмы Липинера — «Сестры судьбы» — повествует о поисках истинного мировоззрения. Здесь, напоминая игру светотени в живописи, неверие спорит с рождающейся пантеистической верой, а христианский мотив вечной жизни вступает в борьбу с бездной, в которой царит призрачный «вечный мир» [Липинер, 1908, с. 142]. Цветовые сочетания возникают в описаниях бунтующей природы, призванной усиливать ощущение сомнений мятущегося Духа: «Кровавых молний вокруг зигзаги блещут» [Там же, с. 141]. «В красноватом отблеске огня» [Там же] вновь являются зловещие парки — сестры судьбы, возвещающие приход вечной ночи и зовущие за собой, в бездну, поскольку окончился «жизни сон» [Там же, с. 143]. Но Прометей не следует за парками, он пробужден от сна «вечной смерти» [Там же, с. 144] к новой «жизни бодрой» [Там же].

Последняя, пятая, песнь («Искупленье») представляет собой экспрессивный гимн природному Духу. Здесь превалируют характерные для эпохи Просвещения словосочетания, которые, в терминологии А. Ф. Лосева (1893—1988), носят название «иконических знаков» [Лосев, 1982 с. 86]: «день златой» [Липинер, 1908, с. 149], «золотистые крыла» [Там же, с. 148] и т. д. «Искупленье» содержит также и явные реминисценции на образы и символику «Рая» Данте. Если в «сияющем эфире» [Там же] Липинера возникает не одно, а целое множество солнц («Над небесами солнце к солнцу льнет...») [Там же], то в тексте «Рая» Данте присутствует метафора второго солнца как невыразимого божественного света:

*И вдруг сиянье дня усугубилось,
Как если бы второе солнце нам
Велением Могущего явилось* [Данте, 2022, с. 311].

Освобожденный Дух в поэме Липинера парит «в высшей сфере» [Липинер, 1908, с. 147], где все вокруг пронизано божественным светом. «Рай» Данте состоит из множества сфер:

*Чего не может в этих сферах быть
Раз пребывать в любви для нас necesse ...* [Данте, 2022, с. 320].

Варьируя тему идеального пространства дантевского «Рая», песнь «Искупленье» Липинера тяготеет к утопии. Мир земной природы, отраженный в духе пантеистических воззрений Гете, обновляется в низших и высших сферах и трудится «над ковром цветущим жизни ...» [Липинер, 1908, с. 149]. Поэма заканчивается обращением духа Прометея к людям «не с золотого трона» [Там же, с. 157], а «из глубины измученного сердца» [Там же], поскольку истинный поэт, подобно Прометею, призван вновь и вновь творить, зажигая своей лирикой «огонь нетленный» [Там же, с. 168].

4. Заключение = Conclusions

Поэма Липинера «Освобожденный Прометей» коррелирует с классической цветовой триадой, которая, являясь частью языкового инструментария в литературе, представляет собой ключ к декодированию символов и способствует изучению мотивов произведения. В ракурсе цветовой триады представлена логическая цепочка «Данте — Гете — Липинер», позволяющая исследовать символику цвета поэмы Липинера с точки зрения ее включенности в мировую литературу. Изучена взаимосвязь желто-золотых и красных тонов с символами Солнца и Божественного света, берущих свое начало в литературе Средневековья и варьирующих свою символику под влиянием различных направлений в литературе и живописи последующих эпох, от культуры барокко до рубежа XIX—XX веков. С помощью сравнительного анализа символики цвета в поэме Липинера с цветовыми доминантами и

основным мотивным рядом «Божественной комедии» Данте, а также трактатом Гете «Учение о цвете» прослежены вариации двух превалирующих в тексте поэмы Липинера цветов, относящихся к цветовой триаде: красного и желтого (золотого). Рассмотрена также и символика реже встречающегося в тексте третьего цвета классической триады (синий). Лейтмотив прометеевского огня сопоставлен с различными символическими градациями цвета.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Гермес Трисмегист*. Aureus Tractatus / Пер. В. Н. Морозов.. — Санкт-Петербург : Studia Culturae, 2006. — Выпуск 9. — С. 291—314.
2. *Гете И. В.* Западно-восточный диван / И. В. Гете ; изд. И. С. Брагинского, А. В. Михайлова. — Москва : Наука, 1988. — 895 с. — ISBN 5-02-0.12704-3.
3. *Гете И. В.* Учение о цвете / И. В. Гете ; пер. с нем. В. Лихтенштадта. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 256 с. — ISBN 978-5-17-13330-0.
4. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. Новая жизнь / Данте Алигьери ; перевод с итальянского М. Лозинского, А. Эфроса. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 768 с. — ISBN 978-5-389-06131-6.
5. *Липинер З.* Освобожденный Прометей / З. Липинер ; пер. и введение Н. А. Холодовского. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — 174 с.
6. *Cooper J. C.* Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole / J. C. Cooper. — Leipzig : Drei Lilien Verlag, 1986. — 240 S. — ISBN 3-928 127-27-6.
7. *Goethe J. W.* Faust. Eine Tragoedie. Erster Teil / J. W. Goethe. — Leipzig : Verlag Philipp Reclam, 1982. — 158 S. — ISBN 3-379-00048-5.
8. *Goethe J. W.* Prometheus / J. W. Goethe // Deutsche Gedichte. — Koeln : Anaconda-Verlag GMBH, 2005. — 648 S. — ISBN 3-938-484-47-0.
9. *Moritz L.* Deutsche Gedichte / L. Moritz. — Koeln : Anaconda-Verlag GMBH, 2005. — 648 S. — ISBN 3-938-484-47-0.

Литература

1. *Басси Э.* Экспрессионизм : о творчестве немецких и австрийских художников. — Москва : Бертельсманн, 2007. — 288с. — ISBN 5-88353-273-X.
2. *Волков Н. Н.* Цвет в живописи / Н. Н. Волков. — Москва : Издательство В. Шевчук, 2014. — 360 с. — ISBN 978-5-94232-098-0.
3. *Жеребин А. И.* На рубеже веков / А. И. Жеребин // История австрийской литературы XX века. Конец XIX — середина XX века. — Москва : ИМЛИ РАН, 2009. — Т. 1. — 630с. — ISBN 978-5-9208-0330-6.
4. *Качоровская А. Е.* К вопросу о рецепции мифа о Прометее в австрийской литературе XIX—XX веков / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 221—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235.
5. *Лагутина И. Н.* Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы / И. Н. Лагутина. — Москва : Наследие, 2000. — 277 с. — ISBN 5-9208-0054-2.
6. *Лозинский М. Л.* Вступительная статья к «Божественной комедии» / М. Л. Лозинский // Данте Алигьери. Божественная комедия. Новая жизнь/Данте Алигьери : пер. с ит.

М. Лозинского, А. Эфроса. — Москва : Издательство Иностранка ; Азбука-Аттикус, 2022. — 768 с. — ISBN 978-5-389-06131-6.

7. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. — Москва : Издательство московского университета, 1982. — 480 с.

8. Морозов В. Н. Золотой трактат Гермеса / В. Н. Морозов // *Studia Culturae*. Гермес Трисмегист. *Aureus Tractatus*. — 2006. — Выпуск 9. — С. 291—295.

9. Нечаев С. Ю. Масоны и «Великий Восток» / С. Ю. Нечаев. — Москва : Издательский дом «Вече», 2007. — 320 с. — ISBN 978-5-9533-2147-1.

10. Сапронов П. А. Человек и Бог в западноевропейской живописи XIV—XX вв. / П. А. Сапронов. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2014. — 576 с. — ISBN 978-5-93762-109-2.

11. Холодковский Н. А. Введение к поэме З. Липинера «Освобожденный Прометей» / Н. А. Холодковский. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — 174 с.

12. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / У. Эко ; Перевод с ит. Ю. Ильина ; перевод с лат. А. Струковой. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 288 с. — ISBN 5-352-00601-8.

13. Boeschstein R. Poetische Sprache als psychologisches Dokument. Zu Goethes Dramefragment Prometheus / R. Boeschstein // *Prometheus : Mythos der Kultur*. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

14. Daemmrich H. u. I. Themen und Motive in der Literatur / H. u. I. Daemmrich. — Tuebingen, Basel : Francke Verlag, 1995. — 410 S. — ISBN 3-7720-1734-7.

15. Keller L. Die geistigen Grundlagen der Freimaurerei und das öffentliche Leben / L. Keller. — Jena : Diderichs, VII, 1911. — 170 S.

16. Lengauer H. Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus / H. Lengauer // *Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart*. — Leipzig : Reclam, 1989. — S. 1227—1246. — ISBN-10 379309734X.

17. Schlaffer H. Odds and Ends. Zur Theorie der Metapher / H. Schlaffer // *Prometheus : Mythos der Kultur*. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023,
одобрена после рецензирования 15.05.2023,
подготовлена к публикации 24.05.2023.

Material resources

Cooper, J. C. (1986). *Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole*. Leipzig: Drei Lilien Verlag. 240 S. ISBN 3-928 127-27-6. (In Germ.).

Dante Alighieri. (2022). *The divine comedy. New Life*. Moscow: The foreigner, ABC-Atticus. 768 p. ISBN 978-5-389-06131-6. (In Russ.).

Goethe, I. B. (2019). *The Doctrine of Color*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 256 p. ISBN 978-5-17-13330-0. (In Russ.).

Goethe, I. V. (1988). *West-East Sofa*. Moscow: Nauka. 895 p. ISBN 5-02-0.12704-3. (In Russ.).

Goethe, J. W. (1982). *Faust. Eine Tragödie. Erster Teil*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam. 158 S. ISBN 3-379-00048-5. (In Germ.).

Goethe, J. W. (2005). Prometheus. In: *Deutsche Gedichte*. Koeln: Anaconda-Verlag GMBH. 648 S. ISBN 3-938-484-47-0. (In Germ.).

Hermes Trismegistus. (2006). *Aureus Tractatus*, 9. St. Petersburg: Studia Culturae. 291—314. (In Russ.).

- Lipiner, Z. (1908). *The Liberated Prometheus*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 174 p. (In Russ.).
- Moritz, L. (2005). *Deutsche Gedichte*. Koeln: Anaconda-Verlag GMBH. 648 S. ISBN 3-938-484-47-0. (In Germ.).

References

- Bassi, E. (2007). *Expressionism: about the work of German and Austrian artists*. Moscow: Bertelsmann. 288 p. ISBN 5-88353-273-X. (In Russ.).
- Boeschstein, R. (1999). Poetische Sprache als psychologisches Dokument. Zu Goethes Dramefragment Prometheus. In: *Prometheus: Mythos der Kultur*. Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).
- Daemmrich, H. u. I. (1995). *Themen und Motive in der Literatur. Tuebingen*. Basel: Francke Verlag. 410 S. ISBN 3-7720-1734-7. (In Germ.).
- Eco, U. (2004). *Evolution of Medieval Aesthetics*. St. Petersburg: ABC Classics. 288 p. ISBN 5-352-00601-8. (In Russ.).
- Kachorovskaya, A. E. (2020). On the Reception of the Myth of Prometheus in Austrian Literature of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 3: 221—235. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235. (In Russ.).
- Keller, L. (1911). *Die geistigen Grundlagen der Freimaurerei und das öffentliche Leben*. Jena: Diderichs, VII. 170 S. (In Germ.).
- Kholodkovsky, N. A. (1908). *Introduction to Z. Lipiner's poem "The Liberated Prometheus"*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 174 p. (In Russ.).
- Lagutina, I. N. (2000). *Goethe's Symbolic Reality. Poetics of fiction*. Moscow: Heritage. 277 p. ISBN 5-9208-0054-2. (In Russ.).
- Lengauer, H. (1989)ю Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus In: *Die Oesterreichische Literatur: Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart*. Leipzig: Reclam. 1227—1246. ISBN-10 379309734X. (In Germ.).
- Losev, A. F. (1982). *Sign. Symbol. Myth*. Moscow: Moscow University Press. 480 p. (In Russ.).
- Lozinsky, M. L. (2022). Introductory article to the "Divine Comedy". In: *Dante Alighieri. The divine comedy. A new life/Dante Alighieri*. Moscow: Publishing house Inostranka; ABC-Atticus. 768 p. ISBN 978-5-389-06131-6. (In Russ.).
- Morozov, V. N. (2006). The Golden Treatise of Hermes. *Studia Culturae. Hermes Trismegistus. Aureus Tractatus*, 9. 291—295. (In Russ.).
- Nechaev, S. Yu. (2007). *Masons and the "Great East"*. Moscow: Veche Publishing House. 320 p. ISBN 978-5-9533-2147-1. (In Russ.).
- Sapronov, P. A. (2014). *Man and God in Western European painting of the XIV—XX centuries*. Saint Petersburg: Humanities Academy. 576 p. ISBN 978-5-93762-109-2. (In Russ.).
- Schlaffer, H. (1999). Odds and Ends. Zur Theorie der Metapher. In: *Prometheus: Mythos der Kultur*. Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).
- Volkov, N. N. (2014). *Color in painting*. Moscow: V. Shevchuk Publishing House. 360 p. ISBN 978-5-94232-098-0. (In Russ.).
- Zherebin, A. I. (2009). At the turn of the century. In: *History of Austrian literature of the XX century. Late XIX — mid XX century, I*. Moscow: IMLI RAS. 630 p. ISBN 978-5-9208-0330-6. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 24.05.2023.*

Кричевский Г. А. Эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года : демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, или стилизация приключений в духе Анри де Ренья / Г. А. Кричевский // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 330—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-330-350.

Krichevsky, G. A. (2023). Epistolary Short Story by M. A. Kuzmina 1907: Demonological Narrative, Libertine Transgression, or Stylization of Adventures in Spirit of Henri de Regnier. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 330-350. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-330-350. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-330-350

**Эпистолярная новелла
М. А. Кузмина 1907 года:
демонологический
нарратив,
либертинская трансгрессия,
или стилизация
приключений
в духе Анри де Ренья**

**Кричевский Григорий
Александрович^{1,2}**

orcid.org/0000-0001-7808-2200

¹ профессор

Школы коммуникаций;

² научный сотрудник

кафедры истории журналистики

и литературы

gkrichevsky@hse.ru

¹ Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

² Московский университет
им. А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

**Epistolary Short Story
by M. A. Kuzmina 1907:
Demonological Narrative,
Libertine Transgression,
or Stylization of Adventures
in Spirit of Henri de Regnier**

Grigory A. Krichevsky^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7808-2200

¹ Professor,

School of Communications;

² research scientist,

Department of History

of Journalism and Literature

gkrichevsky@hse.ru

¹ National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

² A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер». Изучаются «слои» жанров и традиций в тексте новеллы, с тем чтобы установить сочетаемость эпистолярного жанра с нарративными стратегиями стилизации и пародии. Выясняется, что под повествованием о связи сверхъестественного существа с человеком скрывается обычная история манипуляции и обмана молодой простодушной девушки. Тем не менее эпистолярная форма помогает точнее сконструировать женский образ. Отмечается, что комический эффект возникает в результате сомнений, которые появляются по поводу версии событий, изложенных в письмах героини. Показано, что дополнительное внимание к стихотворной автоцитате в эпистолярной новелле М. А. Кузмина открывает возможность для уточнения источника, который мог быть избран для стилизации и пародирования. Кроме этого, становится понятно, что, вопреки жанровому эпистолярному канону, который выводит на первый план внутренний мир персонажей, новелла М. А. Кузмина содержит элементы жанра авантюрного романа. Высказывается также предположение, что стратегия стилизации М. А. Кузмина может сравниваться с имитационным повествованием А. де Ренья, которым восхищались русские символисты.

Ключевые слова:

эпистолярная новелла; М. А. Кузмин; А. де Ренья; нарративная стратегия; стилизация; пародия; авантюрный роман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The epistolary short story by M. A. Kuzmin 1907 "From the letters of the maiden Clara Valmont to Rosalia Tutel Mayer". The "layers" of genres and traditions in the text of the novel are studied in order to establish the compatibility of the epistolary genre with narrative strategies of stylization and parody. It turns out that under the narration about the connection of a supernatural being with a person lies the usual story of manipulation and deception of a young ingenuous girl. Nevertheless, the epistolary form helps to more accurately construct the female image. It is noted that the comic effect arises as a result of doubts that appear about the version of events set forth in the letters of the heroine. It is shown that additional attention to poetic autoquotation in the epistolary short story by M. A. Kuzmin opens up the possibility of clarifying the source, which could be chosen for stylization and parody. In addition, it becomes clear that, contrary to the genre epistolary canon, which brings to the fore the inner world of the characters, the novel M. A. Kuzmin contains elements of the adventure novel genre. It is also suggested that the stylization strategy of M. A. Kuzmin can be compared with the imitative narrative of A. de Regnier, which was admired by Russian symbolists.

Key words:

epistolary novella; M. A. Kuzmin; A. de Rénier; narrative strategy; stylization; parody; adventure romance.

Эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года: демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, или стилизация приключений в духе Анри де Ренье

© Кричевский Г. А., 2023

1. Введение = Introduction

Эпистолярная новелла М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» (1907) — торжество идеи интертекстуальности, а в сущности, «констатация того факта, что любой текст пребывает в окружении множества предшествующих ему произведений и что, стало быть, избавиться от литературы невозможно» [Пьеге-Гро, 2008, с. 6], или, как это сформулировал М. Кундера в «Искусстве романа», «произведение каждого романиста неявно предполагает взгляд на историю романа и на то, что такое роман» [Kundera, 1986, с. 7]. Читателю несложно обнаружить следы разнообразных литературных источников, с которыми ведет диалог М. А. Кузмин: популярное у русских символистов повествование о связи демона и человека; либертинская трансгрессия, воплощенная в эпистолярной прозе; гофмановские темы запрещенной любви и искушения, его же мотив превращения; фантастическая литература XVIII века или традиции «романа воображения / le roman d'imagination», прежде всего «Влюбленного дьявола» (1772) Жака Казота; литературная или народная сказка; авантюрный роман Нового времени, наконец, жанр назидательной новеллы в духе М. Сервантеса. Комбинация стилизованных и пародируемых жанровых разновидностей позволяет увидеть «множественность Текста, <...> многолинейность означающих, из которых он соткан; этимологически “текст” и значит “ткань”» [Барт, 1989, с. 417]. Между тем отнюдь «не множество истин / l'effeuillement des vérités» [Barthes, 1973, с. 23], которые восходят к различным жанрам и периодам прозы Нового времени, интересуют исследователя в новелле М. А. Кузмина, а феномен «слоистости означивания / le feuilleté de la signification» [Ibid.], если вновь воспользоваться терминологией Р. Барта. Иными словами, академический интерес здесь фокусируется на том, как именно многообразные прозаические «слои» производят смысловой эффект в эпистолярной новелле М. А. Кузмина.

Тогда требуется, во-первых, определить основные «слои» жанров и традиций, содержащиеся в тексте М. А. Кузмина; во-вторых, установить,

как именно внутри новеллы эти жанры и традиции взаимодействуют; в-третьих, выяснить, какой эффект возникает от соединения этих жанров и традиций с эпистолярной формой, в целом маргинальной для символистской поэтики. Актуальность исследования можно обосновать тем, что в статье подробно рассмотрен эффект, возникающий от сочетания эпистолярной формы и художественной стратегии стилизации. Стихотворная автоцитата определена как ключ для поиска источников, которые пародирует М. А. Кузмин. Ранее не проводилась параллель между прозой М. А. Кузмина и А. Де Ренье, который был весьма популярен у русских модернистов.

Прозу М. А. Кузмина можно считать в целом изученной. Выделим несколько наиболее заметных работ, релевантных для нашего исследования. Ранней прозе М. А. Кузмина посвящена диссертация И. В. Антипиной [Антипина, 2003], первый сборник рассказов анализирует С. В. Сомова [Сомова, 2019, с. 50—56], В. Б. Зусева-Озкан писала о том, как сконструирован женский образ у М. А. Кузмина [Зусева-Озкан, 2023, с. 90—97], интересными представляются компаративистская статья Е. О. Козюры, разбирающего женские образы и мотив метаморфозы у М. А. Кузмина и Э. Т. А. Гофмана [Козюра, 2013, с. 293—315], а также статья А. А. Кобринского, проводящего параллели между пушкинской прозой и новеллами М. А. Кузмина [Кобринский, 2013, с. 209—217]. Первым, кто еще в начале 80-х годов XX века предложил сравнение эпистолярной новеллы М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» с пушкинским незавершенным фрагментом «Марья Шонинг», оказался американский славист Н. Грануэн [Granoien, 1981, с. 323]. Выделим монографический анализ Л. Г. Пановой [Панова, 2017, с. 79—149], которая, среди прочего, поставила вопрос о значении сюжета-ребуса в рассказах М. А. Кузмина и предложила, как, впрочем, и упомянутый А. А. Кобринский, оригинальную методику для рассмотрения модернистского текста с учетом стратегии пародирования. В парадигме эпистолярного жанра новеллу «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» подробно и всесторонне изучили Н. В. Логунова [Логунова, 2009, с. 194—198], выделившая новеллистический пуант, и, в особенности, Дж. А. Барнстед [Barnstead, 1989, с. 7—16], — выводы последнего остаются актуальными, несмотря на то, что опубликованы в 1989 году. Дж. А. Барнстед, в частности, привлек внимание к хронологическим несоответствиям в эпистолярной новелле М. А. Кузмина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Общая характеристика новеллы

Новелла М. А. Кузмина включает шесть писем простодушной девушки, отправленные из небольшого французского города Ляшэз Дье (La

Chaise-Dieu) в провинции Овернь (l'Auvergne) и датированные 20-ми годами XVIII века (последние годы Регентства Филиппа Орлеанского, либо начало правления Людовика XV). Отправительницу зовут Клара Вальмон — в ее имени и фамилии легко угадывается намек и на «Клариссу» (1748) С. Ричардсона, и на главного мужского персонажа из «Опасных связей» (1782) П. А. Ф. Шодерло де Лакло, виконта де Вальмона. Адресат — тетка Клары Вальмон, которая, возможно, живет в Верхнем Пфальце, в Священной Римской империи, поскольку в третьем письме упоминаются события юности Розалии Тютель Майер, которую она провела в Регенсбурге, и нет никаких указаний на то, что этот имперский город она покинула. При этом полноценным жанровым Briefwechsel считать новеллу нельзя, потому что ответы Розалии Тютель Майер на корреспонденцию Клары Вальмон отсутствуют. Тем не менее в каждом из шести писем содержатся реквизиты, обращение, формулы приветствия, прощания, указания на даты.

Эпистолярный канон воспроизводится также и за счет очевидного присутствия издателя и / или редактора переписки, к которому письма должны были каким-то образом попасть после окончания описанных событий. О появлении редактора можно судить по тому, что, во-первых, новелла озаглавлена не «Письма девицы Клары Вальмон», а «Из писем девицы Клары Вальмон», что подтверждает факт сокращения корреспонденции, пусть эта редакторская правка и является художественной условностью. Во-вторых, в новеллу включены только письма отправителя, а ответы адресата, как мы и сказали, изъятые, но, судя по реакции отправителя, корреспонденция все же направлялась в Ляшэз Дье и была доставлена Кларе Вальмон. По крайней мере, Клара Вальмон получила посылку от своей тетушки. В своем втором письме Клара Вальмон благодарит Розалию Тютель Майер за шубу, хотя одежда из меха пришлась явно не по сезону: *Право, Вы слишком предусмотрительны, приславши Ваш милый подарок теперь, когда мы все гуляем еще в одних платьях* [Кузмин, 1990, с. 361]. Наконец, в-третьих, пятое письмо содержит две строчки многоточий, которые подтверждают редактирование оригинала или выражают с помощью синтаксической лакуны точку зрения рассказчика.

Фабульная основа новеллы М. А. Кузмина довольно стандартная для эпистолярного жанра: отношения двух влюбленных. Вместе с тем переписки между любовниками нет; Клара Вальмон пишет тетке как наперснице или подруге, обсуждая с ней разные бытовые мелочи и нюансы эмоциональной жизни. Перед читателем возникают не вариации на тему переписки Сен-Прё и Юлии, а эпистолярный нарратив, напоминающий письма от Сесиль де Воланж к маркизе де Мертёй или к Софи Карне, — тот вариант «почтовой прозы» [Пушкин, 1995, с. 63], моду на который сформировал пушкинский

«Роман в письмах» (написан в 1829, опубликован в 1857), то есть нарратив, граничащий с пародией, нарратив стилизованный и весьма ироничный.

В своих письмах — в полном соответствии с жанровыми ожиданиями — Клара Вальмон рассказывает о том, что полюбила «очень веселого молодого человека» [Кузмин, 1990, с. 361] Жака Мобера, которого нанял ее отец. Затем, после череды нежных признаний, выясняется, что Клара Вальмон забеременела от Жака Мобера и отец ее будущего ребенка исчез. Какое-то время Клара Вальмон скрывала от родителей беременность (платье XVIII века, вероятно, способствовало сохранению тайны), но когда заметили ее талию, девушка столкнулась с «горем матушки и гневом папашки» [Там же, с. 362]. Дальше — больше. Клара Вальмон рождает мальчика, но ребенок оказался необычным: *весь в шерсти, без глаз и с ясными рожками на голове* [Там же]. Во время крещения младенца произошло неожиданное: *вода, приготовленная для поливания, вдруг задымилась, поднялся страшный смрад, и, когда служащие могли открыть глаза после едкого пара, они увидели в купели вместо младенца большую черную редьку* [Там же, с. 363]. После этих событий священник отец Виталий провел для Клары Вальмон обряд очищения, а жители Ляшез Дье стали избавляться от вещей, сделанных отцом необычного младенца, тем самым Жаком Мобером, которого после ритуала Клара Вальмон называет не иначе, как «чертом Вельзевулом» [Там же].

В последнем, шестом, письме Клара Вальмон рассказывает, как на площади у аббатства (скандал с рождением ребенка в шерсти и с рожками усугубляется еще и тем, что центром богобоязненного Ляшез Дье являлась известная бенедиктинская обитель) сжигают всю обувь, сапоги, туфли, ботфорты, которых касалась рука Жака Мобера. Жители Ляшез Дье принялись изгонять нечестивого: *искоренять у себя остатки следов злого духа. <...> Лишь старый часовщик Лимозиус отказался дать свои сапоги, говоря, что ему важнее прочные сапоги, чем глупое суеверие. Но, конечно, он был еврей и безбожник, не заботящийся о спасении бессмертной души* [Там же].

Обратим внимание на откровенно мракоборческую позицию часовщика Лимозиуса. *Прочные сапоги важнее, чем глупое суеверие* — таков девиз рационального мастера часовых дел Лимозиуса. Любопытно, что имя часовщика этимологически отсылает к латинскому *limosus*, которое взято из словаря произведений римских поэта Вергилия и писателя Плиния Старшего и которое переводится как ‘мутный, грязный, болотистый, суглинистый’ [Gaffiot, 1934, с. 912], то есть пригодный для посадки виноградной лозы, иначе говоря, имеющий отношение к земле, к плодородной почве, на которой крепко стоит человек и которую он своим трудом возделывает. Сапоги, которые отказался сжигать Лимозиус, могли бы символизировать мотив пути, дороги,

тогда как указание на его ремесло выводит на первый план темпоральный мотив, который обозначает того, кто контролирует и исправляет, чинит время в этой новелле, и тот особенный факт, что под контролем Лимозиуса время протекает по земным законам, которым противоречит картина мира Клары Вальмон, где есть бог и дьявол. Функция Лимозиуса в конце новеллы состоит в том, чтобы ввести тотальное сомнение по поводу рассказа о рождении сатанинского отродья и его последующем превращении в редьку.

Слова Лимозиуса в конце новеллы контрастируют с тональностью рассуждений Клары Вальмон и воспроизводят интонацию неприкрытой иронии Вольтера в его философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759). Кажется, что наивный перформатив Клары Вальмон «козни сатаны нас да не коснутся» [Кузмин, 1990, с. 363] по смыслу напоминает восклицание-рефрен главного персонажа: ... *mais il faut cultiver notre jardin / но надо все-таки возделывать наш сад* [Voltaire, 1759, с. 245].

2.2. Эпистолярная хронология в новелле

Датировка писем выявляет следующую хронологию:

27 июля 172... года — первое, которое содержит упоминание о Жаке Мобере;

15 сентября — второе, которое представляет более подробную характеристику молодого человека, в частности, читатель узнает следующее: *он не ходит в церковь и не любит благочестивых разговоров, <...> юноша в общем очень скромный: не гуляка, не игрок, не пьяница* [Кузмин, 1990, с. 361];

2 октября — третье письмо, где Клара Вальмон делится своими впечатлениями от близкого общения с Жаком Мобером и описывает своеобразный тактильный контакт с ним: *Я особенно люблю его глаза, которые так огромны во время поцелуев, и потом у него есть манера тереться бровями о мои щеки, что очаровательно приятно* [Там же, с. 362]; тут же, в третьем письме, выясняется: *Жак совсем не здешний и в Лашез-Дье никто его не знает* [Там же]. Мы полагаем, что упоминание о тактильном общении с Жаком Робером в третьем письме от 2 октября указывает на возможность сексуального контакта между Klarой Вальмон и Жаком Мобером, либо даже на то, что такой контакт уже состоялся;

6 декабря — в четвертом письме Клара Вальмон неожиданно сообщает о своей беременности и о том, как этой новостью были шокированы ее родители. Кроме того, становится ясно, что Жак Мобер покинул Лашез-Дье и о нем ничего больше не известно;

2 июня следующего года — пятое письмо Клары Вальмон содержит точную дату, когда она родила. Это произошло 22 мая, и здесь — событийный пуант: согласно Н. В. Логуновой, новеллистическим пуантом следует считать момент рождения странного inferнального существа, «посред-

ством чего раскрывается истинная сущность избранника Клары Вальмон» [Логунова, 2009, с. 197]. Клара Вальмон пишет своей тетке, что у нее родился младенец с шерстью и рожками, а затем происходит обряд крещения, в ходе которого младенец трансформировался в черную редьку; в этом же, пятом, письме от 2 июня — описание процесса очищения “от злого семени” [Кузмин, 1990, с. 363].

15 июня следующего года — шестое, последнее из опубликованных писем, в котором Клар Вальмон рассказывает, как жители Лашез Дье, за исключением часовщика Лимозиуса, искореняют «остатки следов злого духа» [Там же], сжигая все, чего касался Жак Мобер.

На основе подробной хронологии мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, все описанные Klarой Вальмон события распределены между 27 июля одного года и 15 июня следующего года, то есть сюжет переписки влез в 323 дня.

Во-вторых, если Клара Вальмон родила inferнального младенца 22 мая, то зачатие произошло, скорее всего, в первой половине — середине августа предыдущего года, тогда как первое сообщение о беременности Клара Вальмон помещает в четвертое письмо от 6 декабря. Мы понимаем, что в этот момент она уже не в состоянии скрывать от родителей свое положение.

В-третьих, до четвертого письма от 6 декабря Клара Вальмон о беременности прямо не упоминает, если не принять допущение о том, что описанный ей в третьем письме от 2 октября тактильный контакт с Жаком Мобером является хрупким, граничащим со спекуляцией подтверждением состоявшейся интимной связи. Вместе с тем в этом же третьем по счету письме от 2 октября Клара Вальмон пишет, что «не устояла против очарования любви» [Кузмин, 1990, с. 362], — косвенное свидетельство того, что Клара Вальмон в начале октября все же предполагает, что беременна.

В-пятых, Клара Вальмон, таким образом, должна была забеременеть уже через две недели после первого письма от 27 июля, примерно к середине августа.

Наш подсчет совпадает с хронологией Дж. А. Барнстед, который удивительно точно определяет начало беременности Клары Вальмон: на следующий день после праздника Успения, который католики отмечают по григорианскому календарю 15 августа. По мнению Дж. А. Барнстеда, дата 16 августа имела для М. А. Кузмина мистические ассоциации, поскольку этот же день приобретает дополнительную смысловую нагрузку в романе 1915 года «Плавающие-путешествующие» [Barnstead, 1989, p. 10—11]. Как мы понимаем рассуждения Дж. А. Барнстед, указание на дату начала беременности Клары Вальмон мотивировано исключительно литературными причинами, естественные причины уходят на второй план.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Смысловые центры новеллы

Между тем основным событием в новелле является не момент беременности и даже не рождение у Клары Вальмон странного ребенка. Главное и исключительное внимание привлекает трансформация младенца в черную редьку во время крещения. Описание ритуала крещения и последовавший затем акт освобождения от дьявольского семени весьма любопытны. Отметим прежде всего, что упомянутые выше две строчки многоточия в предпоследнем, пятом, письме, где описан процесс очищения, вполне могут означать, что рассказчик не захотел описывать детали процедуры изгнания дьявольских следов то ли потому, что не считал это важным, то ли потому, что таким образом демонстрировал свое ироничное отношение. Предполагаем, что многоточие замещает смех, который охватил условного издателя или редактора, когда он читал это место из писем Клары Вальмон.

Кроме этого, обряд крещения по природе своей театрален; его неповторимая драматургия основана на превращении и коррелирует с рекуррентным, в частности гофмановским, мотивом метаморфозы. Однако трансформация ребенка в съедобный корень растения семейства капустных представляется уникальной. Младенец как большая черная редька — демонстративная насмешка над примером эталонной овидической трансформации Нарцисса в цветок.

Более того, такой непредсказуемый сюжетный трюк выглядит комбинацией имитационного крещения и пародии на него. Функция этого сюжетного поворота состоит предположительно в том, чтобы вызвать сомнения в словах Клары Вальмон. Визуальный образ, который предложил М. А. Кузмин, кажется симуляцией, подобием миракля как жанровой разновидности. Уточним, что «миракль — жанр западноевропейской средневековой религиозной драматургии, возникший во Франции в XIII веке. В отличие от мистерии, инсценировавшей Библию, в миракле сюжет, часто основывавшийся на житиях и примерах, строился на чудесном вмешательстве какого-либо святого в земные дела, способствующем благополучному разрешению конфликта. М. (миракли. — Г. К.) носили назидательный характер (святой часто помогал исправиться заблудшему герою)» [Абрамова, 2001].

О миракле как жанре в связи с различием стилизации и пародии писала О. М. Фрейденберг: «Я напомним старинный английский миракль, где дается симуляция рождения: женщина стонет в постели притворно, молодой ягненок завернут в пеленки и бляньем имитирует новорожденное дитя, муж обманно качает его и успокаивает, — и вся эта сцена, с полным соблюдением бытовых форм и с сознательной нарочитостью обмана, связы-

вается с рождением Христовым и появлением рождественских пастухов» [Фрейденберг, 1973, с. 491]. Вполне вероятно, что у М. А. Кузмина обряд крещения, когда ребенок сатаны превращается в черную редьку, за своей назидательностью скрывает обман и имитацию назидания, а не избавление от якобы демонической сущности.

3.2. Жанры и традиции в эпистолярной новелле М. А. Кузмина

3.2.1. Первое. Демонологический нарратив

Напомним, что эпистолярная новелла М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» победила в номинации «рассказ» на конкурсе, который журнал «Золотое руно» объявил в 1906 году под общей темой «Дьявол». Вместе с М. А. Кузминым первое место разделил святочный рассказ А. М. Ремизова «Чертик» [Ремизов, 2015, с. 87—116]. В том же 1907 году, как и новелла М. А. Кузмина, опубликован роман В. Я. Брюсова «Огненный ангел», также затрагивающий важную для символизма тему демонологии. Как заметили авторы путеводителя по роману «Мастер и Маргарита», «интерес к “дьявольской” теме наряду с оккультными науками, потусторонностью, демонологией в русской культуре был присущ прежде всего символизму. <...> В 1913 году был издан сборник “Сатанизм”. В этот ряд добавляется вышедшая в свет в 1904 году книга М. А. Орлова “История сношений человека с дьяволом”» [Белобровцева, 2012, с. 61].

Брюсовский «Огненный ангел» и являлся такой демонологической стилизацией, воспроизводящей миф о Фаусте, Мефистофеле и оккультисте Агриппе Неттесгеймским. Заметим, что В. Марков считал В. Я. Брюсова «больше стилизатором, чем Кузмина» [Марков, 1984, с. 15].

Однако вопрос о присутствии художественной стратегии стилизации на материале «Бог — дьявол» применительно к новелле «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» отнюдь не праздный. Ведь в своем эпистолярном произведении М. А. Кузмин точно воспроизводит нарратив о совокуплении с обычной девушкой демона в мужском облики, которого в европейской традиции называли инкубом.

История, описанная Klarой Вальмон, о ее связи с Жаком Мобером, рождении ребенка от дьявола и его последующем превращении недвусмысленно отсылает к Главе VII Второй книги знаменитого трактата «О демономании колдунов» (1580) французского философа Жана Бодена. Трактат Ж. Бодена использовали и А. В. Амфитеатров при создании исторического труда «Дьявол в быту, легенде и литературе Средних веков» (1911), и уже упоминавшийся М. А. Орлов, который написал в 1904 году «Историю сношений человека с дьяволом», оказавшую серьезное влияние на символистов. Так, согласно Ж. Бодену, «такое совокупление (между девушкой и дьяволом. — Г. К.) возможно, как возможно и зачатие, <...> происходящий

от такого союза обладает другой природой, нежели тот, кто был зачат естественным образом. <...> ... демоны или суккубы принимают мужское семя и используют его при совокуплениях с женщинами уже как инкубы, что, как говорил Фома Аквинский, кажется невероятным» [Боден, 2021, с. 224].

Заметим тем не менее, что, несмотря на кажущуюся аутентичность демонологического нарратива в эпистолярной новелле, исследователи не нашли оснований, чтобы подозревать М. А. Кузмина, в отличие от других авторов русского модернизма, в присутствии особого интереса к темам демонологии. По крайней мере, самые влиятельные его биографы, Н. А. Богомолов и Дж. Малмстад, не увидели этому подтверждений: «Сколько мы можем судить по опубликованным и не опубликованным при жизни текстам Кузмина, он довольно скептически относился ко всякого рода теософическим, оккультистским, масонским и тому подобным концепциям» [Богомолов, 2007, с. 218].

3.2.2. Второе. Либертинская трансгрессия

Влюбленность Клары Вальмон в Жака Мобера нарушает правила и нормы эпохи, в которую Клару Вальмон помещает М. А. Кузмин. Клара Вальмон вступает, во-первых, в запрещенные сексуальные отношения до брака, во-вторых, у нее появляется ребенок, который будет признан католическим сообществом незаконнорожденным, в-третьих, она испытывает глубокую привязанность к сверхъестественному, отвергаемому существу. Но если отбросить inferнальное происхождение Жака Мобера, то он предстает как молодой человек, приучающий девушку к либертинской трансгрессии, воспитывающий ее в духе отрицания моральных традиций, что позволяет иметь близкие сексуальные отношения до вступления в брак. В рамках романа воспитания девушки в либертинской трансгрессии участвуют не только аристократы, но и простолюдины [Callens, 2008, р. 21]. Клара Вальмон в этот разряд попадает; она — дочь ремесленника, производящего обувь во французской провинции, более чем в 500 километрах от Парижа.

Сам факт откровенного изложения в письмах нюансов отношений, попирающих этический уклад, подчеркивает следование Клары Вальмон другим правилам. Как и маркиза де Мертёй у П. А. Ф. Шодерло де Лакло, оставаясь незамужней женщиной, но превращаясь, если мерить религиозными критериями, в распутницу, Клара Вальмон нарушает и еще одну негласную установку: никогда не упоминать в письмах свои чувства и не детализировать отношения с мужчиной [Gerard, 2010, р. 33].

Обратим внимание на значимые последствия. Либертинская парадигма и нарушение эпистолярного пакта XVIII века невольно делают женскую чувствительность доминирующим образом новеллы М. А. Кузмина. Ведь переписка для века Просвещения — занятие преимущественно женское, а

Жак Мобер, исчезнувший из жизни Клары Вальмон, становится обычным авантюристом, этаким пикаро, который живет, как умеет, и с тем, кого очаровывают его слова и поступки. Кларе Вальмон остается лишь рассказ о событиях, от которых она «сделалась как безумная» [Кузмин, 1990, с. 363].

Мотив безумия — повторяющийся в русской эпистолярной прозе; его происхождение мы ведем от незаконченного пушкинского фрагмента «Марья Шонинг» (1835). Впервые сравнивать новеллу М. А. Кузмина и пушкинскую «Марью Шонинг» предложил Н. Грануэн, который в попытке дать рациональное объяснение любовной истории Клары Вальмон и рождению inferнального младенца выдвинул предположение, что рассказ о сатанинском происхождении ребенка целиком был выдуман, чтобы скрыть от города и церкви запрещенную связь с Жаком Мобером, позор и даже последующее детоубийство [Granoien, 1981, p. 323]. Младенец и получился таким странным, потому что был зачат в союзе с богоборческими, то есть запрещенными силами. Безумие является в таком случае следствием тайного убийства младенца, а также причиной возникновения версии о его исчезновении во время крещения путем трансформации в черную редьку. Позицию Н. Грануэн оспаривал Дж. А. Барнстед, который доказывал, что у Клары Вальмон существовала настоящая прочная связь со сверхъестественным [Barnstead, 1989, p. 9—10].

Нам кажется важным уточнить это противоречие, зафиксированное в академической дискуссии. Дело здесь не в конкуренции толкований — сверхъестественное или реалистическое, а в их сочетании. «Ребус» М. А. Кузмина, если воспользоваться выражением Б. М. Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1987, с. 350], состоит в том, что под поверхностным слоем подчеркнуто литературного демонологического нарратива замаскирована фундаментальная либертинская трансгрессия, имеющая отношение к поведенческим моделям и к распределению ролей в переписке.

3.3. Происхождение стихотворной автоцитаты

Особого внимания заслуживает рассмотрение стихотворной цитаты, которую в своем четвертом письме от 6 декабря приводит Клара Вальмон:

Любви утехы длятся миг единый,

Любви страданья длятся долгий век [Кузмин, 1990, с. 362].

В действительности это — автоцитата М. А. Кузмина, взятая из его стихотворения ноября 1906 года «Любви утехы», включенного в третий раздел «Разные стихотворения» Первой книги стихов под общим названием «Сети» [Кузмин, 1990, с. 34]. Стихотворение «Любви утехы» написано для стилизованного под нарратив о Великой французской революции рассказа С. А. Ауслендера «Вечер у господина де Севераж» (1907); действие происходит во времена Конвента (1792—1795), а стихотворение в тексте С. А. Аус-

лендера читает утонченный поэт на закрытой вечеринке аристократов, испытывающих ностальгию по Ancien Régime [Ауслендера, 1908, с. 12—28].

Кроме того, «Любви утехи» можно рассматривать в качестве перевода знаменитого любовного романа 1784 года «Plaisir d'amour» (тем более начало романа взято в качестве эпиграфа к стихотворению М. А. Кузмина), музыку для которого написал французский композитор немецкого происхождения Йоган Пауль Эгидиус Шварцендорф (1741—1816). Этот автор сочинял под именем Жан-Поль Эжид Мартини или Джованни Паоло Мартини; его привычный псевдоним во Франции — Martini il Tedesco / Мартини-немец. Несмотря на то, что Шварцендорф / Мартини получил после реставрации Бурбонов высокую должность придворного композитора, его песня «Plaisir d'amour» остается, пожалуй, единственным значительным произведением в его художественном наследии, чему во многом способствовало появление аранжировки для оркестра, которую в 1858 году создал Гектор Берлиоз. Романс Шварцендорфа / Мартини нашел продолжение в одном из популярных произведений массовой культуры XX века — в песне Элвиса Пресли «Can't Help Falling in Love» (1961).

По поводу романа «Plaisir d'amour» существует известное рассуждение Дж. А. Барнстеда, который считал неслучайным появление анахронической цитаты из песни 1784 года в письме Клары Вальмон, написанном в 20-е годы XVIII века, то есть как минимум за 60 лет до создания оригинального романа. По естественным причинам, полагает Дж. А. Барнстед, Клара Вальмон не могла знать эту песню: «Нельзя предполагать, что анахронизм был просто оговоркой Кузмина: он слишком хорошо знал и музыку, и литературу того времени, а прием искажения времени за счет поэтических вставок или другими способами слишком распространен в его творчестве. Скорее, использование романа ставит под сомнение хронологию истории в целом, предполагая, что Клара, возможно, знала о Жаке Мобере больше, чем она готова была сказать своей тетке, то есть то, что она сама являлась слугой дьявола» [Barnstead, 1989, p. 11].

Мы считаем демонологическую интерпретацию Дж. А. Барнстеда по поводу «Любви утехи» существенной. Вместе с тем если смотреть на новеллу под углом стратегии пародирования, то Клара Вальмон как персонаж выражает, скорее, идею мракобесия и эмоциональности, чем реального и последовательного служения inferнальным инстанциям.

Рассматривая первые строчки стихотворения 1906 года, инкорпорируемые в новеллу, мы принимаем во внимание исходные установки М. А. Кузмина на «литературность», метароманность и стилизацию. В связи с этим мы предложили бы, считая при этом комментарий Дж. А. Барнстеда важным, оценивать стихотворную автоцитату М. А. Кузмина как

незаурядную, но рационально мотивированную интонационную и мелодическую вставку в эпистолярный текст, как особый стилистический эксперимент «по-настоящему свободного поэта, который как никто в русской литературе объединял детскость души и изощренность ума и вкуса. Этим он напоминает Моцарта» [Марков, 1961, с. 228]. Цитируя собственное стихотворение, М. А. Кузмин, по сути, высказывается по поводу любовной интриги и эмоционального напряжения, в котором находится его героиня Клара Вальмон. «Любви утехы длятся лишь мгновение» — простые, но удивительно точные слова, которые произносит женщина, разочаровавшаяся в своем любовнике и испытывающая грусть по поводу драматического разрыва. В момент произнесения стихотворных строчек образ Клары Вальмон примеряет сам М. А. Кузмин, и стихотворная вставка оказывается элегическим обобщением о любви во всех ее проявлениях и формах.

Помимо этого, автоцитата в эпистолярной новелле отсылает — через рассказ-стилизацию С. А. Ауслендера, через французскую песню 1784 года — к жанру авантюрного романа, который был так дорог М. А. Кузмину. Об Апулее, А.-Р. Лессаже, А.-Ф. Прево, об итальянских и испанских новеллистах М. А. Кузмин упоминает в манифесте «О прекрасной ясности» [Кузмин, 1910, с. 7]. Автоцитата обретает также новый смысл в общем контексте рассказов М. А. Кузмина, написанных в жанре авантюрного романа: «Приключения Эме Лебефа» (1907), «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» (1910), «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1916). Напомним также, что В. Марков называл М. А. Кузмина «петербургский Ватто с мечтой о Золотом веке» [Марков, 1961, с. 232], автором, который способен показать картину жизни и приключений на стыке традиций барокко и рококо.

На фоне кузминского авантюрного повествования как такового Клара Вальмон могла бы повторить богатую испытаниями судьбу Манон Леско, но по прихоти М. А. Кузмина ей пришлось иметь дело с комичным, хоть и inferнальным соблазнителем, подмастерьем обувщика Жаком Мобером, а не благородным, наделенным эмпатией кавалером Де Грие.

3.4. Стихотворная автоцитата и пародируемый источник эпистолярной новеллы М. А. Кузмина

Указывая на связь М. А. Кузмина с романной традицией XVIII века, комментаторы его прозы не уточняли, что же является конкретным источником. Так, В. Я. Брюсов говорил об «отрывках старофранцузского романа середины XVIII века» [Брюсов, 1990, с. 241—242]. В. Марков считал, что «тот “средний” французский роман восемнадцатого века <...> еще не найден ...» [Марков, 1984, с. 12].

Мы полагаем, что этот роман не так сложно обнаружить. Вспомним, что слова к упомянутому романсу «Plaisir d'amour», который, безусловно, перекликается со стихотворением М. А. Кузмина «Любви утечи», написаны Жан-Пьером Клари де Флорианом (1755—1794), переводчиком «Дон Кихота» на французский и подражателем М. Сервантеса. Впервые текст, послуживший основой для романса, появился, как и у М. А. Кузмина, в качестве отдельной вставки — в сборнике «Шесть новелл» Ж.-П. К. де Флориана в 1784 году и был включен на 123 странице в новеллу, названную испанской, под заголовком «Селестина» [Claris de Florian, 1784, p. 107—146]. В «Селестине» описаны невероятные испытания влюбленных, которые, встретившись в Гренаде, из-за ошибок, путаницы, ложных писем надолго расстанутся, но в итоге все заканчивается благополучно. В новелле есть и переодевание женщины в мужское платье, и путешествие через Атлантику, и возвращение в Испанию, и нападения алжирских пиратов, словом, все, что делает привлекательным авантюрный жанр — испанские приключения раннего Нового времени, увиденные французским писателем эпохи Просвещения, объединенные с жанром классического плутовского романа и назидательной новеллы М. Сервантеса.

Но эпистолярную новеллу М. А. Кузмина плутовской не назовешь, если только события не будут описаны самим Жаком Мобером, соблазняющим Клару Вальмон, а затем исчезающим, чтобы продолжить свои похождения. А вот предположение, что перед читателем пародия на назидательную новеллу, допустимо. Ведь в таком случае дидактический смысл истории Клары Вальмон, по аналогии с «Селестиной» Ж.-П. К. де Флориана, заключается в тонкой иронии по поводу того, что эмоциональное счастье девушки в католическом городе XVIII века возможно только тогда, когда она сохранит невинность до брака и верность своему избраннику в любых испытаниях.

Вместе с тем такой прямолинейный сюжет вряд ли мог устраивать любителя ребусов М. А. Кузмина, поэтому, как и было сказано, эпистолярную либертинскую трансгрессию он замаскировал под демонологический нарратив, поместив свое произведение в жанровую канву авантюрного романа. При этом жанровые «слои» и традиции, которые обнаруживаются в кузминской новелле, сконструированы в соответствии с главным принципом прозы М. А. Кузмина, который сформулировал В. Марков: «... в конце происходит не то и не так; или, наоборот, ничего не происходит, хотя что-то ожидалось; или же происходит и “то” и “так”, но не “потому”. Отсюда — не только роль ошибки в рассказах, но и их ироничность, причем ирония может быть двойная, а то и тройная» [Марков, 1984, с. 14]. Здесь В. Марков говорит об анекдотической непредсказуемости сюжетов

М. А. Кузмина, о том, как М. А. Кузмин обращается с необычными деталями, намекая на литературную силу легкомысленного анекдота, связывающего кузминскую прозу, как мы помним по комментариям Н. С. Гумилева, с анекдотами из «Повестей Белкина» [Гумилев, 2006, с. 45].

3.5. Стилизация под возможным влиянием А. де Ренье

Наконец, стоит добавить, что стихотворная вставка, помимо указания на жанровые источники, добавляет уникальное стилистическое изящество эпистолярной новелле М. А. Кузмина и позволяет сравнивать ее с эпистолярной вставкой из второй части сборника 1897 года «Яшмовая трость» А. де Ренье. О том, что стиль М. А. Кузмина напоминает А. де Ренье, писали и Н. С. Гумилев [Там же], и М. А. Волошин [Волошин, 1910, с. 25], и Б. М. Эйхенбаум [Эйхенбаум, 1987, с. 348]. Сам М. А. Кузмин был в восхищении от прозы А. де Ренье [Кузмин, 1910, с. 7]. «Задумчивая гармония, молчаливость и безукоризненная светскость» [Волошин, 1910, с. 18] — вот чем, в формулировке М. А. Волошина, мог привлечь М. А. Кузмина стиль А. де Ренье.

В этом случае эпистолярное повествование о Кларе Вальмон превращается в неореалистический анекдот, такой же, как письмо господина де Симандра из рассказов о маркизе Полидоре Д'Амеркёре, которые включены в «Яшмовую трость» [Regnier, 1908, p. 25—30]. Новеллистический пуант в эпистолярном тексте М. А. Кузмина удивительным образом похож на финал письма господина де Симандра у А. де Ренье, в первую очередь, непредсказуемостью и трансгрессией: «Достигли гостиных. Двери закрыты. Их взломали. Все толпились, чтобы взглянуть. Мы вошли. Никого. Но в большом будуаре, устроенном ротондой, где все зеркала были разбиты их гневом, нашли одних, с распущенными волосами, склоненными или лежащими совершенно нагими, девять красивейших дам города, из которых каждая, без сомнения, туда проникла тайно, и они оказались там соединенными по удивительному капризу их единственного, многоликого и менявшего их Любовника» [Regnier, 1908, p. 29—30].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, мы можем определить, в каких характеристиках проявляется сходство стратегии стилизации у А. де Ренье в «Маркизе Д'Амеркёр» и М. А. Кузмина в «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер»: во-первых, анекдот с непредсказуемым финалом; во-вторых, время и место действия — Европа XVIII века; в-третьих — изображение персонажей как героев приключенческого романа; в-четвертых — репрезентация чувств и чувственных проявлений во всей их полноте. Важное различие: у М. А. Кузмина в центре повествования находится эмоциональный мир девушки и те испытания, с которыми она сталкивается.

Можем говорить о том, что кузминская Клара Вальмон, по сути, выступает в эпистолярной новелле под маской героя А. де Ренье Полидора Д'Амеркёра. И это еще одно указание на то, что либертинская трансгрессия у М. А. Кузмина упрятана в востребованный русским модернизмом демонологический нарратив и представлена читателю на фоне усредненного французского авантюрного романа XVIII века. Вся эта конструкция литературных «слоев» и традиций погружена в пластичное пространство эпистолярного повествования, где наравне с психологией женщины-протагониста описаны приключения. Таким образом, сюжетная интенсивность и пародийная насыщенность в новелле М. А. Кузмина — новое в эпистолярном жанровом каноне, который Ю. Н. Тынянов относил к «слабо сюжетным построениям» [Тынянов, 1985, с. 427].

В заключение стоило бы отметить, что «слои» жанров и традиций, содержащиеся в тексте М. А. Кузмина (волшебная сказка, гофмановская метаморфоза, демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, французский авантюрный роман XVIII века, увиденный и рассказанный как будто бы в стилистике А. де Ренье), составляют единое целое, функцией которого оказывается многоуровневая пародия. При соединении этих жанров и традиций с эпистолярной формой возникает эффект укрепления эпистолярного канона с одним нововведением: теперь в литературе русского модернизма эпистолярный жанр, обычно ориентированный на внутренний мир героя, ассоциируется не только с рассуждениями о литературе и метанарративом, но и сочетается с жанром приключений, помещая в центр сюжетной интриги женскую судьбу.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники

1. Кузмин М. А. Глиняные голубки. Третья книга стихов (1908—1910) / М. А. Кузмин // Стихотворения. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — С. 231—304.
2. Кузмин М. А. Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер / М. А. Кузмин // Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 360—363.
3. Кузмин М. А. Любви утеша / М. А. Кузмин // Избранные произведения. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 34.
4. Кузмин М. А. О прекрасной ясности. Заметки о прозе / М. А. Кузмин // Аполлон. — Санкт-Петербург : Якорь, 1910. — № 4. — С. 5—10.
5. Кузмин М. А. Осенние озера. Вторая книга стихов / М. А. Кузмин // Стихотворения. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — С. 137—226.
6. Кузмин М. А. Приключение Эме Лебеф / М. Кузмин // Избранные произведения. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 576.

7. Кузмин М. А. Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам / М. Кузмин // Избранные произведения. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — 576 с.

8. Кузмин М. А. Решение Анны Мейер / М. А. Кузмин // Проза в 12 т. / ред. В. Марков и др. — Berkeley, CA, USA : Berkeley Slavic Specialties, 1984. — С. 133—158.

9. Кузмин М. А. Условности. Статьи об искусстве / М. А. Кузмин. — Петроград : Полярная звезда, 1923. — 192 с.

Литература

1. Абрамова М. А. Мираклъ / М. А. Абрамова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — Москва : НППК “Интелвак”, 2001. — Стб. 550 (или 1600 стб.). — ISBN 5-93264-026-X.

2. Амфитеатров А. В. Классическая демонология / А. В. Амфитеатров. — Москва : Т8, 2017. — 68 с. — ISBN 978-5-517-08128-5.

3. Ауслендера С. А. Вечер у господина де Севираж / С. А. Ауслендер // Золотые яблоки. Рассказы. — Москва : Гриф, 1908. — С. 12—28.

4. Барт Р. От произведения к тексту. Пер. С. Н. Zenкин / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 413—423.

5. Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 462—518.

6. Белобровцева И. З. Путеводитель по роману М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. Учебное пособие / И. З. Белобровцева, С. К. Кулюс. — Москва : Издательство Московского университета, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-211-05366-3.

7. Богомолов Н. А. Михаил Кузмин : Искусство, жизнь, эпоха / Н. А. Богомолов, Дж. Малмстад. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2007. — 560 с. — ISBN 5-86793-009-2.

8. Боден Ж. О демономании колдунов / Ж. Боден ; пер.ср.-фр. и лат. И. Сахарчука. — Санкт-Петербург : CHAOSS/PRESS, 2021. — 413 с. — ISBN 978-5-6045497-4-2.

9. Брюсов В. Я. Огненный ангел. Повесть XVI века в двух частях / В. Я. Брюсов. — Москва : Скорпион, 1908. — 382 с.

10. Брюсов В. Я. М. Кузмин. Приключения Эме Лебефа ; М. Кузмин. Три пьесы. СПб., 1907. Ц. 50 к. / В. Я. Брюсов // Среди стихов: 1894—1924 : Манифесты, статьи, рецензии. — Москва : Советский писатель, 1990. — С. 240—242.

11. Волошин М. А. Анри де Реньё / М. А. Волошин // Аполлон. — Санкт-Петербург : Якорь, 1910. — № 4. — С. 18—34

12. Волошин М. А. Маркиз Д’Амеркёр / М. А. Волошин // Собрание сочинений. Переводы / сост. А. В. Лаврова ; подготовка текста и коммент. П. Р. Заборова, М. Ю. Кореньевой, Д. В. Токарева. — Москва : Эллис Лак, 2006. — Т. 4. — 992 с. — ISBN 5-902152-34-8.

13. Гумилев Н. С. М. Кузмин. Первая книга рассказов. К-во Скорпион. Москва 1910. Цена 1 руб. 50 коп. / Н. С. Гумилев // Полное собрание сочинений. В 10 т. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. — Москва : Воскресенье, 2006. — Т. 7. — С. 45—46.

14. Логунова Н. В. Жанры малой эпистолярной прозы начала XX века : особенности жанровой стратегии / Н. В. Логунова // Известия Волгоградского государственного

педагогического университета. Актуальные проблемы литературоведения. — 2009. — Выпуск 7. — С. 194—198.

15. *Марков В.* Беседа о прозе М. А. Кузмина / М. А. Кузмин // Проза в 12 т. / ред. В. Марков и др. // Berkeley. CA, USA: Berkeley Slavic Specialties, 1984. — Т. 1. — С. 12—18.

16. *Марков В.* О свободе в поэзии / В. Марков // Воздушные пути. Альманах-II. — Нью-Йорк : Редактор-издатель Р. Н. Гринберг, 1961. — С. 215—239.

17. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений. В 17 т. — Москва : Воскресенье, 1995. — Т. 6. — С. 5—206.

18. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 240 с. — ISBN 978-5-9710-2020-2.

19. *Ремизов А. М.* Чертик / А. М. Ремизов // Зга. Собрание сочинений. — Санкт-Петербург : Росток, 2015. — Т. 11. — С. 87—116.

20. *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (К теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Архаисты и новаторы. — Прибой, 1929. — Ardis reprint. — Ann Arbor, Michigan, USA : Ardis Publishers Heatherway, 1985. — С. 412—455.

21. *Фрейденберг О. М.* Происхождение пародии / О. М. Фрейденбург // Труды по знаковым системам. — Тарту, ЭССР : Издательство Тартуского государственного университета, 1973. — Т. VI. — С. 490—497.

22. *Эйхенбаум Б. М.* О прозе М. Кузмина / Б. М. Эйхенбаум // О литературе. Работы разных лет. — Москва : Советский писатель, 1987. — С. 348—351.

23. *Barnstead J. A.* Stylization as Renewal : The Function of Chronological Discrepancies in two Stories by Mixail Kuzmin / J. A. Barnstead // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin Edited by John E. Malmstad. — Wien : Wiener Slawistischer Almanach, 1989. — Pp. 7—16.

24. *Barthes R.* Le plaisir du texte / R. Barthes. — Paris : Éditions du Seuil, 1973. — 110 p.

25. *Callens S.* Libertinage et apprentissage dans le roman du XVIII siècle / S. Callens. — Gent, Belgique : Universiteit Gent. Faculteit Letteren en Wijsbegeerte, 2008. — 109 p.

26. *Claris de Florian J.-P.* Celestine. Nouvelle espagnole / J.-P. Claris de Florian // Les six Nouvelles. — Paris : Imprimerie de Didot L'Aine, 1784. — Pp. 107—146.

27. *Gaffiot F.* Dictionnaire Illustré Latin-Français / F. Gaffiot. — Paris : Hachette, 1934. — 1702 p.

28. *Gerard M. C.* Les Liaisons Dangereuses de Laclos, roman de la transgression / M. C. Gerard. — Montréal, Québec, Canada : Université McGill. Département de langue et littérature françaises, 2010. — 93 p.

29. *Granoien N.* Mixail Kuzmin : An Aesthete's Prose. A PhD Dissertation / N. Granoien. — Los Angeles. CA, USA : UCLA. Slavic Languages and Literatures, 1981. — 774 p.

30. *Kundera M.* L'art du roman / M. Kundera. — Paris : Gallimard, 1986. — 228 p.

31. *Regnier H. de.* La canne de jaspe / H. de. Regnier. — Paris : Société du Mercure de France, 1908. — 173 p.

32. *Voltaire.* Candide, ou L'optimisme. Traduit de l'allemand de Mr. le Docteur Ralph / Voltaire. — Paris : Éditions de La Sirène, 1759. — 261 p.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023,
одобрена после рецензирования 03.05.2023,
подготовлена к публикации 24.05.2023.

Material resources

- Kuzmin, M. A. (1910). About beautiful clarity. Notes on prose. *Apollo*, 4. St. Petersburg: Anchor. 5—10. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1923). *Conventions. Articles about art*. Petrograd: Polar Star. 192 p. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1984). Anna Meyer's decision. In: *Prose in 12 volumes*. Berkeley. CA. USA: Berkeley Slavic Specialties. 133—158. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). From the letters of the girl Clara Valmont to Rosalia Tyutel Mayer. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. 360—363. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). Lyubov solace. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. P. 34. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). The Adventure of Aime Leboeuf. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. 576 p. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). The journey of Sir John Fairfax in Turkey and other notable countries. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. 576 p. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1996). Autumn lakes. The second book of poems. In: *Poems*. St. Petersburg: Academic Project. 137—226. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1996). Clay pigeons. The third book of poems (1908—1910). In: *Poems*. St. Petersburg: Academic Project. 231—304. (In Russ.).

References

- Abramova, M. A. (2001). Mirakl. In: *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intelyak. Stb. 550 (or 1600 stb.). ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Amfiteatrov, A. V. (2017). *Classical Demonology*. Moscow: T8. 68 p. ISBN 978-5-517-08128-5. (In Russ.).
- Auslender, S. A. (1908). Evening at Mr. de Seviraj. In: *Golden Apples. Stories*. Moscow: Vulture. 12—28. (In Russ.).
- Barnstead, J. A. (1989). Stylization as Renewal: The Function of Chronological Discrepancies in two Stories by Mixail Kuzmin. In: *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. 7—16.
- Bart, R. (1989). From the work to the text. S. N. Zenkin. In: *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. 413—423. (In Russ.).
- Bart, R. (1989). Pleasure from the text. In: *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. 462—518. (In Russ.).
- Barthes, R. (1973). *Le plaisir du texte*. Paris: Éditions du Seuil. 110 p. (In Frenc.).
- Belobrovtsseva, I. Z., Kulyus, S. K. (2012). *Guide to the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita"*. Textbook. Moscow: Moscow University Press. 208 p. ISBN 978-5-211-05366-3. (In Russ.).
- Boden, Zh. (2021). *On the demonomania of sorcerers*. Saint Petersburg: CHAOSS/PRESS. 413 p. ISBN 978-5-6045497-4-2. (In Russ.).
- Bogomolov, N. A., Malmstad, J. (2007). *Mikhail Kuzmin: Art, Life, Epoch*. St. Petersburg: Vita Nova. 560 p. ISBN 5-86793-009-2. (In Russ.).
- Bryusov V. Ya. (1990). M. Kuzmin. The Adventures of Aimé Leboeuf; M. Kuzmin. Three plays. St. Petersburg, 1907. Ts. 50 K. In: *Among the poems: 1894—1924: Manifestos, articles, reviews*. Moscow: Soviet Writer. 240—242. (In Russ.).
- Bryusov, V. Ya. (1908). *The fiery angel. A tale of the XVI century in two parts*. Moscow: Scorpion. 382 p. (In Russ.).
- Callens, S. (2008). *Libertinage et apprentissage dans le roman du XVIII siècle*. Gent, Belgie: Universiteit Gent. Faculteit Letteren en Wijsbegeerte. 109 p. (In Frenc.).

- Claris de Florian, J.-P. (1787). Celestine. Nouvelle espagnole. In: *Les six Nouvelles*. Paris: Imprimerie de Didot L'Aine. 107—146. (In Franc.).
- Eichenbaum, B. M. (1987). About the prose of M. Kuzmin. In: *About literature. Works of different years*. Moscow: Soviet Writer. 348—351. (In Russ.).
- Freudenberg, O. M. (1973). The origin of parody. In: *Proceedings on sign systems, VI*. Tartu, ESR: Publishing House of the Tartu State University. 490—497. (In Russ.).
- Gaffiot, F. (1934). *Dictionnaire Illustré Latin-Français*. Paris: Hachette. 1702 p. (In Franc.).
- Gerard, M. C. (2010). *Les Liaisons Dangereuses de Laclos, roman de la transgression*. Montréal, Québec, Canada: Université McGill. Département de langue et littérature françaises. 93 p. (In Franc.).
- Granoien, N. (1981). *Mikhail Kuzmin: An Aesthete's Prose. A PhD Dissertation*. Los Angeles, CA, USA: UCLA. Slavic Languages and Literatures. 774 p.
- Gumilev, N. S. (2006). M. Kuzmin. The first book of short stories. K-in Scorpio. Moscow 1910. Price 1 rub. 50 kopecks. In: *Complete works. In 10 t. Articles about literature and art. Reviews. Reviews, 7*. Moscow: Sunday. 45—46. (In Russ.).
- Kundera, M. (1986). *L'art du roman*. Paris: Gallimard. 228 p. (In Franc.).
- Logunova, N. V. (2009). Genres of small epistolary prose of the early twentieth century: features of genre strategy. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Actual problems of literary criticism, 7*: 194—198. (In Russ.).
- Markov, V. (1961). About freedom in poetry. In: *Airways. Almanac-II*. New York: Editor-publisher R. N. Grinberg. 215—239. (In Russ.).
- Markov, V. (1984). Conversation about the prose of M. A. Kuzmin. In: *Prose in 12 volumes, 1*. Berkeley, CA, USA: Berkeley Slavic Specialties. 12—18. (In Russ.).
- Piege-Gro, N. (2008). *Introduction to the theory of intertextuality*. Moscow: LKI Publishing House. 240 p. ISBN 978-5-9710-2020-2. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1995). "Eugene Onegin". In: *Complete works. In 17 vols, 6*. Moscow: Sunday. 5—206. (In Russ.).
- Regnier, H. de. (1908). *La canne de jaspe*. Paris: Société du Mercure de France. 173 p. (In Franc.).
- Remizov, A. M. (2015). Chertik. In: *Zga. Collected works, 11*. St. Petersburg: Rostock Publishing House. 87—116. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1985). Dostoevsky and Gogol (To the theory of parody). In: *Archaisms and innovators. Surf, 1929. Ardis reprint. Ann Arbor*. Michigan, USA: Ardis Publishers Heatherway. 412—455. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. (1910). Henri de Rainier. In: *Apollo, 4*. St. Petersburg: Anchor. 18—34. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. (2006). Marquis D'amercker. In: *Collected works. Translations, 4*. Moscow: Ellis Lac. 992 p. ISBN 5-902152-34-8. (In Russ.).
- Voltaire. (1759). *Candide, ou L'optimisme. Traduit de l'allemand de Mr. le Docteur Ralph*. Paris: Éditions de La Sirène. 261 p. (In Franc.).

*The article was submitted 28.03.2023;
approved after reviewing 03.05.2023;
accepted for publication 24.05.2023.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Алексей Хасанович Абазов, д-р истор. наук (Нальчик)
Алексей Юрьевич Вязинкин, канд. филос. наук (Тамбов)
Валерий Валентинович Цысь, д-р истор. наук (Нижевартовск)
Валерия Александровна Аксенова, исследователь (Тюмень)
Владислав Сергеевич Ившин, ассистент (Екатеринбург)
Денис Александрович Ляпин, д-р истор. наук (Елец)
Ильдар Рашидович Хамзин, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Ирина Владимировна Лиджиева, д-р истор. наук (Элиста)
Ксения Андреевна Беспалова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Кузьма Александрович Якимов, канд. истор. наук (Тамбов)
Людмила Николаевна Суслова, канд. истор. наук (Тюмень)
Марина Хасанбиевна Бербекова, аспирант (Нальчик)
Мурат Владимирович Дышеков, канд. истор. наук (Нальчик)
Николай Анатольевич Жиров, канд. истор. наук (Елец)
Олег Викторович Анисимов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Петровна Цысь, канд. истор. наук (Нижевартовск)
Рустам Талгатович Ганиев, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Рустэм Расфарович Тухватуллин, канд. истор. наук (Уфа)
Усман Набиуллович Кудашев, аспирант (Уфа)

Абазов А. Х. Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX веков / А. Х. Абазов, М. Х. Бербекова, М. В. Дышеков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 352—365. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-352-365.

Abazov, Kh. A., Berbekova, M. Kh., Dyshekov, M. V. (2023). Rural Public Cash Desks in System of Financial Relations of Nalchik District in Last Third of 19th — Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 352-365. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-352-365. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-352-365

Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX веков

Абазов Алексей Хасанович * ¹

orcid.org/0000-0003-4004-7009

WoS ResearcherID: B-9507-2018

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

* *корреспондирующий автор*

alex_abazov@list.ru

Бербекова Марина Хасанбиевна ²

orcid.org/0000-0002-3981-623X

аспирант

yucatan_line@mail.ru

Дышеков Мурат Владимирович ³

orcid.org/0009-0008-4659-5704

кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой
dugur1@mail.ru

¹ Институт гуманитарных исследований —
филиал

Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

² Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

³ Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Rural Public Cash Desks in System of Financial Relations of Nalchik District in Last Third of 19th — Early 20th Century

Alexey Kh. Abazov * ¹

orcid.org/0000-0003-4004-7009

WoS ResearcherID: B-9507-2018

Doctor of History, Leading Researcher

* *Corresponding author*

alex_abazov@list.ru

Marina Kh. Berbekova ²

orcid.org/0000-0002-3981-623X

Graduate Student

yucatan_line@mail.ru

Murat V. Dyshekov ³

orcid.org/0009-0008-4659-5704

PhD in History, Head of the Department
dugur1@mail.ru

¹ Institute for Humanitarian Research — branch
of the Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

² Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

³ Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekova
(Nalchik, Russia)

© Абазов А. Х., Бербекова М. Х., Дышеков М. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе документальных материалов рассмотрены особенности функционирования сельских (аульных) общественных касс (сумм) в Нальчикском округе Терской области в последней трети XIX — начале XX века. Охарактеризованы объем полномочий и правовой статус сельских казначеев, ответственных за ведение деятельности по общественным суммам. Выявлены каналы пополнения и расходования их средств и проанализирован порядок учета денежных средств. Для этого изучены ежегодные статистические отчеты о состоянии Нальчикского округа, ведомости учета прихода и расхода средств общественных касс, положения и инструкции по деятельности сельских казначеев и других должностных лиц сельских, участковых и окружных правлений. Определен средний возраст сельских казначеев и кандидатов на их должность. Охарактеризована территориальная организация функционирования общественных касс в Нальчикском округе. Установлено, что в одном населенном пункте создавалась и функционировала одна общественная касса. Рассмотрены исключения из этого правила. Сделан вывод, что сельские общественные кассы представляли собой важнейший институт финансово-экономической системы Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX веков, аккумулировавший движение денежных средств на локальном уровне.

Ключевые слова:

Нальчикский округ; кабардинцы; балкарцы; общественный капитал; общественная касса; казначей.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of documentary materials, the features of the functioning of rural (aul) public cash desks (sums) in the Nalchik district of the Terek region in the last third of the 19th — early 20th centuries are considered. The volume of powers and the legal status of rural treasurers responsible for conducting activities on public funds are characterized. The channels of replenishment and expenditure of their funds are identified and the procedure for accounting for funds is analyzed. For this, annual statistical reports on the state of the Nalchik District, statements of receipt and expenditure of funds from public funds, regulations and instructions for the activities of rural treasurers and other officials of rural, district and district governments were studied. The verage age of rural treasurers and candidates for their position is determined. The territorial organization of the functioning of public cash desks in the Nalchik district is characterized. It was established that one public cash desk was created and operated in one settlement. Exceptions to this rule are considered. It is concluded that rural public cash desks were the most important institution of the financial and economic system of the Nalchik District in the last third of the 19th — early 20th centuries, accumulating cash flow at the local level.

Key words:

Nalchik district; Kabardians; Balkars; social capital; public cash desk; treasurer.

Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX веков

© Абазов А. Х., Бербекова М. Х., Дышеков М. В., 2023

1. Введение = Introduction

В дореволюционный период формирование и накопление общественно-го капитала представляло собой один из важных элементов самоуправления кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа Терской области. После окончательного введения в регионе военно-народного управления в конце 50-х — 60-х годов XIX века были предприняты попытки институционализировать общественные суммы на окружном (региональном) и местном (локальном) уровнях, вводились должности казначеев в окружном и сельских правлениях, принимались нормативно-правовые акты, регламентировавшие порядок расходования денежных средств, и т. п.

Кроме того, в последней трети XIX — начале XX веков деятельность сельских (аульных) администраций Нальчикского округа по созданию общественных касс (сумм) и управлению ими являлась одним из важных каналов инкорпорации кабардинцев и балкарцев в финансовую систему Российской империи. Появление общественных сумм на локальном уровне административной иерархии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века было новаторством для региона и ранее не практиковалось в деятельности сельских правлений. Внедрение несвойственных экономической культуре коренного населения институтов качественно изменило характер хозяйственных отношений в регионе. Кроме того, учреждение в сельских правлениях должностей казначеев (сборщиков податей), которым вменялось в обязанности и заведование общественными суммами, открывало новые социальные лифты для местных жителей. Управление общественными суммами и деятельность сельских казначеев регламентировались нормативными актами разного уровня: постановлениями, правилами, инструкциями и т. п. Поэтому изучение особенностей функционирования сельских общественных сумм в системе экономических отношений народов Центрального Кавказа в последней трети XIX — начале XX веков является актуальной научной задачей, открывает новые перспективы для понимания особенностей инкорпорации народов региона в экономическое простран-

ство России и изучения истории создания и функционирования локальных институтов финансовой системы государства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Функционирование общественных касс и накопление народного капитала на локальном уровне у представителей кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа как системные явления еще не становились предметом комплексного исследования, тогда как некоторые аспекты истории становления и развития экономических институтов в регионе затрагивались в трудах С. Воробьева и Д. Сарахана [Воробьев и др., 1937], И. Ф. Мужева [Мужев, 1952, с. 77—113], В. П. Крикунова [Крикунов, 1953, с. 19—47], Т. Х. Кумыкова [Кумыков, 1962; Кумыков, 1965], Г. Х. Мамбетова [Мамбетов, 1961, с. 110—149], А. И. Щеголева [Щеголев, 1962], Х. М. Думанова [Думанов, 1976, с. 34—47], Ж. А. Калмыкова [Калмыков, 1995], Д. Н. Прасолова [Прасолов, 2019; Прасолов, 2020, с. 69—94], Т. А. Дзуганова [Дзуганов, 2021, с. 82—110], И. С. Пазова [Пазов, 2018, с. 42—64], Ф. А. Кяровой [Кярова, 2022] и др. В контексте исследования истории функционирования сельских общественных касс научные труды этих авторов представляют определенный интерес, так как в них отражены особенности той финансово-хозяйственной системы округа, на фоне которой складывались и работали сельские кассы, охарактеризованы основные этапы установления российской администрации в регионе и вовлечения проживавших здесь народов во всероссийский рынок, определен уровень экономического развития округа в рассматриваемый период, описана роль Съездов доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев, выявлены особенности проникновения капиталистических отношений в экономику региона, исследованы предпринимательские практики и истоки становления системы налоговых отношений по российскому образцу и т. п.

Источниковую базу статьи составили нормативные и делопроизводственные документы. В числе нормативных источников были проанализированы положения и инструкции, регламентировавшие основные аспекты работы должностных лиц по управлению общественными суммами и проведению ревизий деятельности сельских казначеев. В Положении «О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей» (1870) [Положение ..., 2015, с. 104—120] был определен правовой статус и порядок деятельности сельских казначеев. Инструкции представляли собой акты вышестоящего начальства (в основном Терского областного правления), в которых содержались правила составления до-

кументов по деятельности сельских казначеев, ревизии их работы представителями участковых и окружных администраций и т. п.

К числу делопроизводственных относились хранящиеся в фондах И-6 «Управление Нальчикского округа» и И-22 «Нальчикский горский словесный суд» Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики [УЦГА АС КБР] сметы общественных сумм, ведомости, годовые статистические отчеты, переписка должностных лиц по вопросам управления сельскими кассами, приговоры сельских сходов по утверждению смет общественных касс, результатов выборов казначеев и т. п. Эти источники дают возможность установить особенности избрания и утверждения в должностях сельских казначеев, выявить и охарактеризовать каналы пополнения и расходования средств общественных касс, порядок составления учетно-отчетной документации и т. п.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сельские общественные кассы: общая характеристика и особенности территориальной организации

В последней трети XIX — начале XX веков формирование и накопление совокупного общественного капитала в Нальчикском округе протекали как минимум на двух невязанных уровнях: региональном и локальном. На региональном это была Кабардинская общественная сумма — финансовый институт нальчикского окружного правления и съезда доверенных сельских обществ, представлявший собой своеобразный общественный фонд, из средств которого выдавались займы населению и финансировались некоторые общественно значимые проекты (строительство зданий реального училища в Нальчике и сельских школ, возведение мостов через реки и строительство дорог, обеспечение стипендиями студентов, обучавшихся за пределами родного округа, и т. п.). Локальный уровень был представлен общественными кассами: финансовыми инструментами сельских (аульных) правлений, находившихся в сфере ответственности сельских казначеев и пополнявшихся за счет сбора мирских податей и некоторых других источников местного значения. Их главной функцией было финансирование основных направлений деятельности самих же сельских обществ (ремонт и постройка общественных и религиозных зданий, содержание сельских табунов, выплата жалования почтальонам, стражам порядка, медицинским работникам и т. п.).

Анализ документов показывает, что сельские кассы аккумулировали достаточно большие суммы. В годовом отчете Нальчикского окружного правления за 1900 год отмечалось, что совокупная сумма дохода в сельские кассы составляла 124 220 руб. [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 514,

л. 16], в то время как к концу отчетного 1900 года совокупный капитал сельских касс в округе составлял 153 594 руб. [Там же, л. 16 об.].

Примечательно, что одним из показателей, характеризующих функционирование общественных касс в населенных пунктах Нальчикского округа, был расчет общей суммы на душу населения мужского пола. Этот показатель являлся одним из основных для окружного правления с целью характеристики состояния и деятельности общественных касс при составлении ежегодных статистических отчетов. Как правило, эти сведения подавались в начале XX века как дополнительный материал к годовым статистическим отчетам о состоянии Нальчикского округа.

Как правило, в одном населенном пункте создавалась и функционировала одна общественная касса. Однако в некоторых случаях одна касса могла быть объединенной для нескольких населенных пунктов, находившихся друг от друга в административной зависимости. Так, на основании предписания терского областного правления начальнику Нальчикского округа от 11 сентября 1895 года поселок Хабаз в административно-полицейском отношении был причислен к с. Кармово Нальчикского округа [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 519, л. 5—6]. На основании специального распоряжения начальника Терской области жители п. Хабаз были обязаны участвовать «с обществом селения Кармово в несении денежных расходов пропорционально населению» [Там же]. При этом раскладка по взиманию мирских податей могла быть дифференцирована в зависимости от степени включенности жителей таких населенных пунктов в административные и хозяйственные процессы. Например, в рассматриваемом случае жители п. Хабас освобождались от сбора средств в объединенную общественную кассу на содержание милиционера, рассыльного и муллы из с. Кармово [Там же]. Соответственно, общая сумма сбора для них была ниже, чем для жителей с. Кармово, несмотря на то что она подлежала внесению в одну и ту же кассу.

3.2. Правовой статус и объем полномочий сельских казначеев

Должностным лицом, ответственным за функционирование общественных касс в отдельном населенном пункте (группе населённых пунктов), был сельский (аульный) казначей. Правовой статус сельских казначеев определялся Положением «О сельских (аульных) обществах...» [Положение ..., 2015, с. 104—120]. Сельские казначеи совмещали должности сборщиков податей и избирались на должности на сельских сходах сроком на 1 год. Избрание оформлялось общественным приговором, который подписывали все участвовавшие в нем лица. Приговор направлялся начальнику Нальчикского округа на утверждение. На таких же сходах избирались и кандидаты в сельские казначеи. При этом было важно, чтобы избранные «были поведения хорошего, под судом и следствием не были...» [УЦГА

АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 32, т. 1, л. 40]. После одобрения кандидатуры казначея в окружном правлении избранникам предлагалось дать клятвенное обещание о принятии на себя обязательств и заверении начальства в том, что служба на этой должности будет проходить «безупречно, по чистой совести, без пристрастия и корысти» [Там же, оп. 2, д. 8, л. 4] и т. п. В последней четверти XIX — начале XX веков избранников к присяге приводили представители мусульманского духовенства в населенных пунктах округа. Такие присяги оформлялись в письменном виде (клятвенные обещания), подписывались эфенди и заверялись сельскими старшинами [Там же].

Случалось, что на должность сельского казначея избирались представители мусульманского духовенства. Иногда, по мнению самих служащих, совмещать духовную и финансовую деятельность было невозможно. Так, например, 5 февраля 1911 года житель с. Куденетово I подал прошение на имя начальника Нальчикского округа, в котором отмечал, что состоял квартальным эфенди своего населенного пункта, где в примечетской школе (медресе) обучал детей арабской грамоте и основам мусульманской религии, а также работал «вероучителем магометанской религии» в сельской одноклассной школе [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 3813, л. 41—41 об.], и просил освободить его от обязанностей сельского казначея.

Анализ общественных приговоров, принятых на сельских сходах, показывает, что возраст сельских казначеев (сборщиков податей) варьировался от 29 до 64 лет [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 2, д. 9, т. 2; УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 32, т. 1, л. 42—78], кандидатов к ним — от 26 лет до 71 года [Там же, л. 78—84]. Работа в должности сельских казначеев открывала для представителей местного населения новые возможности для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице.

3.3. Каналы пополнения и расходования средств общественных сумм

Анализ делопроизводственной документации сельских казначеев дает возможность выявить и охарактеризовать каналы пополнения и расходования средств общественных касс. Основные средства поступали от сборов по общественным раскладкам и тратились в основном на содержание аппарата сельского правления. Также сельские кассы пополнялись за счет средств, поступающих от наймов общественных зданий, аренды общественных земель [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 514, л. 60 об. — 61], от торговли на базарах (в сл. Нальчик, с. Кучсмазукино, Докшоково), от выдачи разрешений на питейную торговлю в русских селениях, а также взымавшихся за пастьбу скота на общественных землях, и за счет раскладки пошлин и прочих приходных статей [Там же, л. 16]. Капиталы общественных касс также могли пополняться и за счет поступления денежных штрафов за

невыполнение решений медиаторских (посреднических) судов. Например, как показывает анализ дела о разбирательстве между жителями с. Коново Нальчикского округа, решенного в 1893 году, представители конфликтующих сторон принимали обязательство при встрече на улице уступать друг другу дорогу. В отношении нарушителя предусматривался денежный штраф в размере 300 руб., 100 руб. из которых должно было поступить в доход общественной суммы населенного пункта нарушителя [УЦГА АС КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 3388, л. 6].

Перечень расходных статей по общественным суммам был достаточно разнообразным и мог отличаться в разных населенных пунктах. Расходные статьи принимались на общественных сходах и непосредственно зависели от потребностей жителей в школах, медицинских работников, сторожах, объектах инфраструктуры и т. п. Так, например, в с. Ашабово 1 участка Нальчикского округа в 1900 году в структуре общественной суммы предусматривались средства, собранные на постройку или ремонт мечети, и так называемый продовольственный капитал (на устройство школ, образование общественного табуна и т. п.) и «общая мирская сумма» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 520, л. 1 об. — 2].

Определенный интерес при исследовании каналов пополнения и расходования средств общественных касс занимают годовые статистические отчеты, в которых содержались отдельные ведомости о состоянии сельских капиталов. Так, в отчете за 1904 год отложились данные о состоянии касс в населенных пунктах Малой Кабарды, входившей в то время в состав 1 участка Сунженского отдела Терской области. Иногда в таких ведомостях учитывались и средства, которые поступали в кассу от сборов по земским раскладкам. Например, по состоянию на 1 января 1904 года остаток средств общественной суммы с. Бороковского составлял 27 руб. В течение года в доход суммы поступило 1100 руб. от аренды общественных земель, 178 руб. — сбор на содержание земских троек, 102 руб. — от рыбного откупа, 3350 руб. — собрано с жителей в доход селения по раскладкам, 460 руб. — погашение долгов и недоимок, 475 руб. составили прочие поступления. Всего годовая сумма прихода составила 5665 руб. В примечании к документу оговаривалось, что в числе других поступлений 475 руб. было получено от отчислений жителей селения за распахку общественной земли, пастьбу скота и лошадей [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 649, т. 2, л. 16 об.]. Расходную часть составляли 1226 руб. — жалование должностных лиц сельского правления, 174 руб. — канцелярские расходы, 111 руб. — постройка, содержание и ремонт общественных зданий, 528 руб. — на школу (в том числе, 430 руб. — на жалование учителя и законоучителя, 98 руб. — на постройку и содержание школ, приобрете-

ние учебных принадлежностей и хозяйственных товаров), 79 руб. — на медицинскую и ветеринарную части, 178 руб. — на содержание земских троек, 3220 руб. — прочие расходы. Всего за 1904 год было израсходовано 5136 руб. [Там же, л. 17]. При этом 3220 руб., указанные в графе «другие расходы», были направлены на оплату работы ночных караульщиков селения и на жалование лицам, состоявшим в страже [Там же]. Остаток капитала на 1 января 1905 года составлял 176 руб. 20 коп. [Там же].

В целом анализ отчетов показывает, что основной доходной статьей сельских общественных касс были средства от сборов с населения по налоговым и податным раскладкам. Эти же средства направлялись по подведомственности в соответствующие финансовые организации.

3.4. Порядок учета денежных средств в сельских общественных кассах

Некоторые принципы расходования средств общественных касс и принятия по ним коллективных решений на сельских сходах регламентировались Положением «О сельских (аульных) обществах...» (1869) [Положение ..., 2015, с. 104—120]. Непосредственный учет прихода и расхода денежных средств вменялся в обязанности сельским казначеям, составлявшим сметы, в которых указывалось наименование капитала (по сути, отмечалась статья расходов, подлежащая финансированию за счет общественной суммы). Сметы утверждались сельскими старшинами, доверенными сельских обществ и казначеем [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 520, л. 1 об. — 2]. При этом в административной практике по организации и ведению сельских общественных сумм встречались случаи, когда составленные сельскими казначеями сметы прихода и расхода денежных сумм подлежали утверждению на сельских сходах [Там же, д. 719, л. 59]. По итогам такого согласования составлялся соответствующий общественный приговор [Там же, д. 860, л. 6—6 об.]. В приговорах указывалось общее количество домов в населенном пункте, количество участников схода с правом голоса, общая планируемая сумма сбора (дохода) на предстоящий период, конкретная сумма с одного домовладения, статьи и размеры расходования [Там же, д. 519, л. 11]. Случалось, что на сельских сходах принимались решения об изменении сметы расходов [Там же, д. 719, л. 86]. В ч. 3 п. 15 Положения «О сельских (аульных) обществах...» устанавливалось, что для принятия решения о расходовании средств требовалось, чтобы на общественном сходе было получено не менее 2/3 голосов от всех принимавших в нем участие и имевших право голоса жителей населенного пункта [Положение ..., 2015, с. 108].

Кроме того, это Положение регламентировало и ряд других условий расходования и учета средств сельских общественных сумм. Например, п. 27 Положения устанавливал, что сельский старшина при приеме от

сборщика податей и расходовании общественных денег был обязан приглашать для подтверждения достоверности этих действий не менее 2 свидетелей [Там же, с. 110]. Свидетелями могли быть жители как своего аула, так и соседних селений.

В административной практике сельских правлений встречались сметы об ожидаемых доходах на предстоящий год (например, в с. Ашабово на 1900 год [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 520, л. 3—3 об.]). Отдельно велся учет должностных лиц, которым предназначались выплаты жалований из общественных сумм [Там же, л. 6], а также составлялись поименные раскладные списки жителей населенного пункта — потенциальных плательщиков податей, воинского налога и других мирских податей.

Наиболее информативными для исследования структуры доходов и расходов общественных сумм являются отчетные ведомости, составлявшиеся в конкретных населенных пунктах округа и предоставлявшиеся на рассмотрение начальника Нальчикского округа. Ведомости о состоянии сельских общественных капиталов подготавливались по установленной форме, подписывались сельским старшиной и писарем (иногда скреплялись печатью сельского правления [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 649, т. 2, л. 117]) и направлялись участковому начальнику для передачи в окружное правление. Примечательно, что в начале XX века они велись уже на отпечатанных типографским способом бланках. Сведения в отчетные ведомости заносятся на основе данных, зафиксированных сельским казначеем и утвержденных сельским старшиной в приходно-расходных денежных книгах [Там же, д. 789, л. 20]. Каждая ведомость подавалась в окружное правление в сопровождении рапорта сельского старшины. В некоторых случаях отчетные ведомости перед отправлением на рассмотрение окружного начальства утверждались на сельских сходах, на основании чего составлялся соответствующий протокол [Там же, д. 789, л. 16—16 об.].

В начале XX века сметы общественных касс составлялись по предложенным областным начальством формам. Формы смет закреплялись в соответствующих инструкциях. Например, такой порядок регламентировался инструкцией Терского областного правления от 14 июля 1907 года [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 876, л. 4 об.]. В ней устанавливались правила о том, какие и в каком порядке должны вестись учетные книги в сельских правлениях; кем, когда и как они должны проверяться и т. п. [Там же]. Точно так же регламентировался порядок составления отчетов о доходах и расходах общественных касс [Там же]. Смежные с этим вопросы также содержались и в инструкции начальникам участков Терской области, утвержденной 16 февраля 1891 года временно командующим войсками Кавказского военного округа. На ее основании на участковых начальников была возложена

обязанность осуществлять надзор за деятельностью сельских правлений, вести наблюдение за делопроизводством и за деятельностью должностных лиц в них, проводить плановые проверки финансовой отчетности и других документов, вести наблюдение за своевременным и надлежащим поступлением денежных средств по казенным и общественным сборам [Там же].

Инструкции по упорядочиванию функционирования общественных касс принимались и после определенных преобразований в системе органов власти и управления в регионе. Например, с учреждением в Терской области должностей помощников начальников участков и с возложением на них обязанностей преимущественного заведования канцеляриями своих правлений на основании Инструкции, утвержденной временно исполняющим должность главнокомандующего войсками Кавказского военного округа от 17 августа 1913 года, начальники участков и их помощники получили возможность «наблюдать за правильностью расходования сельскими должностными лицами трудовой копейки населения» [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 876, л. 5].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, сельские (аульные) кассы (суммы) представляли собой важный инструмент органов местного самоуправления в системе финансово-хозяйственных отношений Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX веков. Кассы аккумулировали средства, поступавшие от сборов с населения мирских денежных повинностей, арендной платы за пользование общественными зданиями и землями, взносов с торговцев на базарах, уплаты денежных штрафов по решениям медиаторских (посреднических) судов. Средства расходовались на финансирование общественных потребностей по установленным раскладам (содержание сельских правлений, оплата труда милиционеров, рассыльных, представителей мусульманского духовенства и т. п.).

В это время оформилась и развивалась нормативно-правовая основа функционирования общественных касс, которая была представлена преимущественно положениями о сельских обществах и инструкциями высшего начальства в регионе. С течением времени нормативные документы совершенствовались по мере необходимости определения и уточнения правового статуса заведующих кассами сельских казначеев, регулирования порядка принятия коллективных решений на уровне сельских сходов, учета пополнения и расходования их средств, ревизии их деятельности и т. п.

Появление общественных касс в финансово-хозяйственной практике сельских (аульных) правлений Нальчикского округа открывало дополнительные социальные лифты для представителей местного населения.

Служба в сельском правлении в должности казначея (сборщика податей) считалась среди населения престижной, кандидаты избирались на народных собраниях, утверждались на должностях начальством округа, получали жалование за эту деятельность и т. п. Работа сельского казначея открывала дополнительные возможности для перехода на более высокие административные должности.

Несмотря на общественный характер, функционирование общественных касс находилось под постоянным контролем со стороны институтов местного самоуправления и властных структур. Это выражалось в том, что в некоторых случаях сметы касс утверждались в установленном порядке на сельских сходах. Должностным лицам участковых и окружного правлений вменялось в обязанность проводить регулярные проверки учетно-отчетной документации сельских казначеев, в которых они фиксировали информацию о приходе и расходовании общественных сумм. В целом сельские (аульные) кассы (суммы) являлись одним из основных каналов инкорпорации кабардинцев и балкарцев в экономическую систему Российской империи в дореволюционный период.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Положение «О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей» (1870) // Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII — начало XXI в.). — Нальчик : Кабардино-Балкарский государственный университет, 2015. — 268 с.*
2. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик). Ф. И-6.

Литература

1. *Воробьев С.* Кабарда и Балкария / С. Воробьев, Д. Сарахан. — Ростов-на-Дону : Партиздат, 1937. — 80 с.
2. *Дзуганов Т. А.* Предпринимательские практики в слободе Нальчик (вторая половина XIX — начало XX в.) / Т. А. Дзуганов // Электронный журнал «Кавказология». — 2021. — № 3. — С. 82—110. — DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110.
3. *Думанов Х. М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX — начало XX века) / Х. М. Думанов. — Нальчик : Эльбрус, 1976. — 139 с.
4. *Калмыков Ж. А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII — начало XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эльбрус, 1995. — 123 с. — ISBN 5-7680-0956-6.

5. *Крикунов В. П.* К истории социально-экономического развития Кабарды в период первой мировой империалистической войны / В. П. Крикунов // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. — Нальчик : Кабардинское книжное издательство, 1953. — Т. VIII. — С. 19—47.

6. *Кумыков Т. Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. — Нальчик : Кабардино-Балкарской книжное издательство, 1962. — 200 с.

7. *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. — 418 с.

8. *Кярова Ф. А.* Общественные мирские подати сельского населения Нальчикского округа в последней трети XIX — начале XX в. : механизм назначения, порядок взимания и учета / Ф. А. Кярова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2022. — № 5 (109). — С. 188—195. — DOI: 10.35330/1991-6639-2022-5-109-188-195.

9. *Мамбетов Г. Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX веков / Г. Х. Мамбетов // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. — Выпуск IX. — С. 110—149.

10. *Мужев И. Ф.* Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868—1900 гг.) / И. Ф. Мужев // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. — Нальчик : Кабардинское книжное издательство, 1952. — Т. VII. — С. 77—113.

11. *Пазов И. С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905—1917 гг.) / И. С. Пазов // Электронный журнал «Кавказология». — 2018. — № 4. — С. 42—64. — DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64.

12. *Прасолов Д. Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. / Д. Н. Прасолов. — Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. — 208 с. — ISBN 978-5-91766-169-8.

13. *Прасолов Д. Н.* Земский вопрос в общественно-государственном взаимодействии на Кавказе в конце XIX — начале XX в. / Д. Н. Прасолов // Электронный журнал «Кавказология». — 2020. — № 4. — С. 69—94. — DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-69-94.

14. *Щеголев А. И.* Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы Столыпинской реакции и нового революционного подъема / А. И. Щеголев. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. — 140 с.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2023,
одобрена после рецензирования 02.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.*

Material resources

Regulation “On rural (Aul) societies, their public Administration and state and public duties in the mountain population of the Tersk and Kuban regions”, 1870. (2015). In: *Anthology on the history of state and law of the Kabardino-Balkarian Republic (the last third of the XVIII — the beginning of the XXI century)*. (2015). Nalchik: Kabardino-Balkarian State University. 268 p. (In Russ.).

UTSGAAS KBR — *Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkar Republic (Nalchik)*. F. I-6 (In Russ.).

References

- Dumanov, H. M. (1976). *Ordinary property law of Kabardians (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)*. Nalchik: Elbrus. 139 p. (In Russ.).
- Dzuganov, T. A. (2021). Entrepreneurial practices in Nalchik settlement (the second half of the XIX — the beginning of the XX century). *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 3: 82—110. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. (In Russ.).
- Kalmykov, J. A. (1995). *Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII — early XX century)*. Nalchik: Elbrus. 123 p. ISBN 5-7680-0956-6. (In Russ.).
- Krikunov, V. P. (1953). On the history of the socio-economic development of Kabarda during the First World Imperialist War. In: *Scientific Notes of the Kabardian Research Institute, VIII*. Nalchik: Kabardian Book Publishing House. 19—47. (In Russ.).
- Kumykov, T. H. (1965). *Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 418 p. (In Russ.).
- Kumykov, T. H. (1962). *Involvement of the North Caucasus in the All-Russian market in the XIX century*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 200 p. (In Russ.).
- Kyarova, F. A. (2022). Social worldly taxes of the rural population of Nalchik district in the last third of the XIX — early XX century: the mechanism of appointment, the procedure of collection and accounting. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 5 (109): 188—195. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-5-109-188-195. (In Russ.).
- Mambetov, G. X. (1961). On the question of the penetration of capitalist relations into the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the XIX — early XX centuries. In: *Collection of articles on the history of Kabardino-Balkaria, IX*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 110—149. (In Russ.).
- Muzhev, I. F. (1952). Socio-economic development of Kabarda in the second half of the XIX century (1868—1900). In: *Scientific notes of the Kabardian Research Institute, VII*. Nalchik: Kabardian Book Publishing House. 77—113. (In Russ.).
- Pazov, I. S. (2018). Finance and economics of the Nalchik district at the beginning of the XX century (1905—1917). *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 4: 42—64. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-42-64. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2019). *Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX — early XX century*. Nalchik: Publishing Department of IGI KBNTS RAS. 208 p. ISBN 978-5-91766-169-8. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2020). Zemsky question in public-state interaction in the Caucasus at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 4: 69—94. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-69-94. (In Russ.).
- Shchegolev, A. I. (1962). *The peasant movement in Kabarda and Balkaria in the years of the Stolypin reaction and the new revolutionary upsurge*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 140 p. (In Russ.).
- Vorobyov, S., Sarakhan, D. (1937). *Kabarda and Balkaria*. Rostov-on-Don: Partizdat. 80 p. (In Russ.).

*The article was submitted 16.04.2023;
approved after reviewing 02.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Анисимов О. В. Генералы против карбонариев : взгляд графа Константина Бенкендорфа на революцию в Неаполе 1820 года / О. В. Анисимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 366—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-366-380.

Anisimov O. V. (2023). Generals against Carbonari: Count Konstantin Benckendorff's View of 1820 Naples Revolution. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 366-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-366-380. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-366-380

Генералы против карбонариев: взгляд графа Константина Бенкендорфа на революцию в Неаполе 1820 года

Анисимов Олег Викторович
orcid.org/0000-0002-6198-9858
кандидат исторических наук,
заведующий сектором отраслевого
отдела Научной библиотеки
ovanisimov@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 21-78-10052
«От Кадисской конституции
к Петербургскому восстанию:
трансфер дискурсов, идей, эмоций
в эпоху бiederмайера»

Generals against Carbonari: Count Konstantin Benckendorff's View of 1820 Naples Revolution

Oleg V. Anisimov
orcid.org/0000-0002-6198-9858
PhD in History,
Head of the Sector of the Industry
Department of the Scientific Library
ovanisimov@yandex.ru

St. Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-78-10052
“From the Constitution
Of Cadiz to the St. Petersburg uprising:
The transfer of discourses, ideas, emotions
in the era of Biedermeier”

© Анисимов О. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется не публиковавшийся ранее документ из Российского государственного военно-исторического архива — записка графа Константина Христофоровича Бенкендорфа, брата начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Бенкендорфа, посвященная восстанию общества карбонариев в Неаполе в июле 1820 года. Показано, что поднятые в ней вопросы относились к формированию позиции России по отношению к конституционному режиму в королевстве Обеих Сицилий перед конгрессом в Троппау. Автором впервые проведена контекстуализация этого документа: выявлены параллели с другими дипломатическими донесениями этого периода; проанализированы взгляды К. Х. Бенкендорфа на новейшую неаполитанскую историю с конца XVIII века до конституционной революции 1820—1821 годов; показано его отношение к обществу карбонариев и неаполитанскому генералитету. Подчеркивается, что его небольшая по размеру записка имела не только описательный характер. Отмечается, что в ней содержалось предложение не прибегать к интервенции Священного союза, а способствовать победе во внутренней борьбе генералов над карбонариями. Уделено внимание особенностям архивной атрибуции 1950-х годов, когда эта записка была переименована.

Ключевые слова:

Королевство Обеих Сицилий; Неаполь; карбонарии; генералитет; Священный союз.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A previously unpublished document from the Russian State Military Historical Archive — a note by Count Konstantin Khristoforovich Benckendorf, brother of Alexander Benckendorf, head of the III department of the Imperial Chancellery, dedicated to the uprising of the Carbonari society in Naples in July 1820 is analyzed in the article. It is shown that the issues raised in it related to the formation of Russia's position in regard to the constitutional regime in the Kingdom of the Two Sicilies before the congress in Troppau. The author for the first time carried out the contextualization of this document: parallels with other diplomatic reports of this period were revealed; the views of K. H. Benckendorff on the latest Neapolitan history from the end of the 18th century to the constitutional revolution of 1820—1821 were analyzed; his attitude to the Carbonari society and the Neapolitan generals was shown. It is emphasized that his small note was not only descriptive. It is noted that it contained a proposal not to resort to the intervention of the Holy Alliance, but to contribute to the victory in the internal struggle of the generals over the Carbonari. Attention is paid to the peculiarities of archival attribution of the 1950s, when this note was renamed.

Key words:

Kingdom of the Two Sicilies; Naples; carbonari; generals; Holy Union.

Генералы против карбонариев: взгляд графа Константина Бенкендорфа на революцию в Неаполе 1820 года

© Анисимов О. В., 2023

1. Введение = Introduction

В июле 1820 года в королевстве Обеих Сицилий произошла революция: восставшие войска и присоединившиеся к ним члены тайного общества карбонариев на волне народного энтузиазма без боя заняли столицу страны Неаполь и принудили короля Фердинанда I согласиться на введение конституции и сформировать правительство из сторонников конституционного режима. Неаполитанские события явились продолжением конституционных революций в Южной Европе, начало которым было положено в январе 1820 года в Испании, в августе того же года новый режим был установлен в Португалии, а в марте 1821 года новое восстание произошло в Сардинском королевстве. Геополитическое равновесие, установленное Священным союзом тронов и алтарей, оказалось в кризисе.

Граф Константин Христофорович Бенкендорф (1785—1828) — военный деятель Александровского и начала Николаевского царствования, младший брат Александра Бенкендорфа, создателя политической полиции в виде III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. К. Х. Бенкендорф находился на дипломатической службе: около двух лет он провел в Неаполе в период французского господства и воочию наблюдал те социальные перемены, которые впоследствии отразились на состоянии общества в начале 1820-х годов, когда новости о революционных событиях в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте и Греции дали повод говорить о «всеевропейском заговоре». Осенью 1820 года он подал записку на французском языке на имя графа Иоанна Каподистрии «Размышления о революции в Неаполе...». В ней он обращает внимание одного из руководящих лиц в сфере российской внешней политики на значение неаполитанского генералитета, который гипотетически мог развернуть внутриполитическую ситуацию от анархии, устроенной обществом карбонариев, в сторону законного конституционного порядка. Этот весьма интересный взгляд графа К. Х. Бенкендорфа должен быть учтен при рассмотрении конкуренции научных гипотез, описывающих революции в Южной Европе первой трети XIX века как

результат военного заговора [Тарле, 1958] или конституционного движения [Stites, 2014]. В своей записке на имя Каподистрии Бенкендорф попытался дать краткий социально-политический анализ ситуации в королевстве Обеих Сицилий. Он не гипертрофировал роль общества карбонариев, видя в нем скорее симптом общественного кризиса, чем его причину. Цель записки Бенкендорфа видится в попытке отсрочить вторжение войск Священного союза и дать возможность неаполитанским генералам усилить правительство для того, чтобы оно смогло самостоятельно справиться с пагубными последствиями карбонарского мятежа.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Документ, обнаруженный в фондах РГВИА, ранее не привлекал внимания исследователей, которые занимались проблематикой итальянского Рисорджименто и внешней политики Александра I [Берти, 1959; Ковальская, 1971]. Любопытно само его наименование в описи: «Записка о причинах и ходе народно-освободительного восстания карбонариев в Неаполе» (1820) авторства К. Х. Бенкендорфа; в путеводителе по РГВИА записка ошибочно приписана А. Х. Бенкендорфу [Российский государственный ..., 2006, с. 100]. Документ входит в фонд «Коллекция Военно-учетного архива: Италия» [Там же, ф. 437, оп. 1, ед. хр. 10], его объем составляет 6 листов.

Советский архивист, отказавшись переводить название буквально, дал название этому документу исходя из его содержания, однако придание восстанию карбонариев характеристики «народно-освободительное» выглядит некоторым курьезом. Карбонарии были тайным обществом с широкой сетью контактов во многих регионах Италии; они пользовались поддержкой среди офицеров, ремесленников, коммерсантов, городской интеллигенции. Вопрос о том, подтолкнули ли они военных к восстанию 2 июля 1820 года или же присоединились к нему, еще сохраняет свою дискуссионность. В те дни карбонарии наводнили столицу своими сторонниками и сочувствующими, и под давлением такой массы король согласился на введение в Неаполе Кадисской конституции, реанимированной в Испании в марте 1820 года. Трудно назвать это восстание народным точно так же, как и освободительным, так как внешнее управление над Обеими Сицилиями не осуществлялось; если только архивист не имел в виду освобождение от абсолютизма в государстве, где сохранили свое действие многие нововведения наполеоновской эпохи, а офицеры Наполеона и Мюрата составляли большинство офицерского корпуса. Время составления описи — 1952 год — наталкивает на мысль о влиянии атмосферы позднего сталинизма на архивную атрибуцию и — шире — о механизмах взаимодействия политического дискурса середины XX века и культуры, в которой причудливым образом сплетаются

классовое и национальное, традиционное и модернизационное [Добренко, 2022, с. 112]. В данном случае можно увидеть ошибку архивиста, ведь в советской академической науке вскоре после составления этой архивной описи устоялось восприятие событий 1820-х годов в Южной Европе как типичных буржуазных революций [Всемирная история, 1959, с. 131]. Как представляется, подобный курьез атрибуции появился в результате невольной советизации карбонариев в атмосфере борьбы с «безродным космополитизмом». Патриотизм и милитаризм, активно эксплуатируемые советским дискурсом [Тихонов, 2014, с. 122], таким образом, распространились и на историю восстания карбонариев в 1820 году.

Оригинальное название документа — «Размышления о революции в Неаполе и средствах придать ему характер, способствующий укреплению достоинства трона». Едва различимое пояснение в самом верху документа говорит о том, что его содержание было сообщено в сентябре 1820 года графу И. Каподистрии в Варшаве, где в это время находился император Александр I. Именно в это время царь участвовал в заседаниях сейма Царства Польского, где его увлечение региональным конституционализмом проходило трудное испытание. Собранный по милости русского императора польский парламент отказался беспрекословно вотировать декреты Александра. «Дух зла», паривший над частью Европы в виде революций в Южной Европе, должен был, по мысли царя, убедить депутатов отказаться от «суетных умствований». Он провозглашал, что свобода есть друг порядка [Болтунова, 2021, с. 70]. Этот взгляд полностью могли разделить Бенкендорф и Каподистрия, которые сочувствовали конституционному режиму, если он дарован монархом, а не исторгнут силой.

Сведения о биографии К. Х. Бенкендорфа кратко изложены в таких популярных энциклопедических изданиях, как Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Российский биографический словарь и Военная энциклопедия. К. Х. Бенкендорф получил образование в Коллегии иностранных дел, проходил службу в российских представительствах в Берлине и других германских государствах. В 1810 году он занял пост секретаря посольства в Неаполе, в 1811—1812 годах там же служил поверенным в делах. Незадолго до него в российском представительстве служил Александр Булгаков, сын екатерининского дипломата и будущий московский почт-директор и сенатор [Поплавская, 2022]. Как отмечала М. И. Ковальская, в донесениях Бенкендорфа в Министерство иностранных дел содержалась критика бесчинств французских оккупационных войск во время борьбы с крестьянскими волнениями, вызванными крайней бедностью населения [Ковальская, 1971, с. 18]. Согласно распространенной в то время практике Бенкендорф называл их бандитами, но в советской историографии ис-

пользовали этот термин именно в заковыченном виде, стремясь оправдать волнения в сельских коммунах и организованные нападения крестьянских отрядов, а также чтобы подчеркнуть сложное социально-экономическое происхождение этого явления.

Участник Отечественной войны и Заграничного похода, К. Х. Бенкендорф был произведен в генерал-лейтенанты. С 1816 по 1819 годы по болезни он находился за границей, и, опираясь на текст «Размышлений...», мы можем выдвинуть гипотезу, что часть этого времени была проведена им в Италии. В 1820 году К. Х. Бенкендорф возвратился на дипломатическую службу, шесть лет состоял посланником при Баденском и Вюртембергском дворах. Его последней кампанией стала русско-персидская война 1826—1828 годов. Он был женат на представительнице финского рода Алопеусов, которые состояли на русской дипломатической службе. Его супруга Наталья Максимовна Бенкендорф (Алопеус) приходилась племянницей посланника при прусском короле Давида Максимовича Алопеуса. В своей карьере Д. М. Алопеус также имел назначение в Неаполь, к Мюрату, но вследствие русско-французских разногласий до места службы не добрался.

В опубликованных воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа много места уделено боевому пути его младшего брата и совсем немного — его дипломатической службе. В них не нашлось подробных сведений как о его пребывании в Италии, так и о политических взглядах [Бенкендорф, 2012].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Положение в Неаполе

Автор записки предлагает проанализировать три составляющих Неаполитанской революции: первопричины; случайности, которые ей способствовали, и способ ее осуществления. Он констатирует, что уже 25 лет Неаполь живет в состоянии перманентного кризиса и вследствие этого политические режимы являются непрочными, так как навязаны стране извне. Неаполь последовательно испытал на себе французское, русское, английское, австрийское влияние и был лишен возможности самостоятельно избрать образ правления. В научной литературе эти факты легли в основу гипотезы о «пассивной революции», происхождение которой восходит к рефлексии современников о природе Неаполитанской революции 1799 и ее неудачах — например, в трудах историка и сотрудника правительства Мюрата Винченцо Куоко «Saggio storico sulla rivoluzione napoletana» (1801 и второе издание 1806 года) [Куоко, 2006, с. 16; Рутебург, 1980, с. 144]. Бенкендорф, без сомнения, был знаком с этой работой, в которой среди прочих идей обосновывалась идея культурного отчуждения немногочисленной элиты от основной массы народа, и это размежевание было вызвано за-

имствованием иностранных моделей социально-политического поведения [Barsotti, 2021, p. 23].

По мнению Бенкендорфа, навязанные извне Неаполю административные формы «поставили все классы населения в совершенно неправильные отношения друг с другом» [РГВИА, ф. 437, оп. 1, д. 10, л. 1 об.]. Республиканский режим, установленный при помощи французской армии после захвата города в январе 1799 года и продлившийся полгода, по мнению Бенкендорфа, ослабил аристократию и духовенство и не привел к улучшению материального положения народа. Масштабный передел имущества в Неаполе оживил «наиболее гнусное простонародье». «Ограбление верхних слоев привело лишь к тому, что пришлось кормить Францию и ее оккупационную армию» [Ibid., л. 2]. В данном случае Бенкендорф подразумевает крестьянские волнения против «благородных», которые стремились стать основными бенефициарами республиканского режима за счет передела и захвата общинных земель [История Италии, 1970, с. 53].

Бенкендорф ставит в упрек королю Фердинанду IV его поспешное бегство из Неаполя, ибо тем самым были разорваны «узы уважения между тронem и нацией». Положение короля после его возвращения на протяжении 1800—1805 годов не было прочным. Внутренней слабостью Неаполя воспользовалась Франция, и ее ставленник, Мюрат (Бенкендорф тут опускает период правления Жозефа Бонапарта), сделал всё, чтобы «умиротворить аристократию», то есть класс, «наиболее оппозиционно настроенный к старому режиму» [РГВИА, ф. 437, оп. 1, д. 10, л. 2]. Мюрат вернул достоинство неаполитанской аристократии, предоставив ей прибыльные и почетные должности. Но его ошибка, как указывает Бенкендорф, состояла в его чрезмерном стремлении строить военное государство. Именно ему Бенкендорф приписывает основную «заслугу» в том, что военные в Неаполитанском королевстве стали «управляющей силой государства» [Ibid.].

В современной историографии значение правления Мюрата для Неаполя раскрывается на примерах законодательных и социальных реформ, попыток ослабить негативные явления в экономике, вызванные континентальной блокадой, в целом — стремления ослабить диктат французского императора над южной окраиной его империи, которая из политических соображений еще сохраняла название королевства. Как солдат и маршал Империи, Мюрат, естественно, интересовался и военными вопросами; он реорганизовал гвардию, оставшуюся ему в наследство от Жозефа; призвал в нее — впрочем, безуспешно — аристократов и создал провинциальные легионы, состоящие из средних слоев населения [Тюлар, 1993, с. 233—238].

Возвращение Бурбонов в 1815 году, как следует из записки Бенкендорфа, привело к некоторому снижению значения военных в социально-поли-

тическом организме Неаполя. По отношению к тем, кто еще недавно воевал против него, король Фердинанд вел себя умеренно и даже великодушно. Этой ненормальной ситуацией и воспользовалась секта карбонариев, привлекая на свою сторону единственную дееспособную, по мнению автора записки, силу в королевстве. Революция в Испании (январь 1820 года) убедила их в легкости победы подобного рода заговора. Бенкендорф решительно отвергает мысль, что солдаты и большая часть народа желали революции. Он убежден в другом: что карбонарии склоняли на свою сторону офицеров, которые были обделены по службе правительством и «распространяли агитацию свободолюбия» всего лишь в нескольких эскадронах. Единственным генералом, кто оказался вовлечен в их действия, был Гульермо Пепе. Они убедили его в схожести ситуации в Испании и Неаполе, где «правящая фамилия закрывает глаза на окружающие ее опасности». На верность армии королю нечего было и рассчитывать. «Впрочем, в военных революциях, как замечает Бенкендорф, это первый решающий толчок, поскольку дух и интересы солдат почти всегда совпадают» [РГВИА, ф. 437, оп. 1, д. 10, л. 2 об. — 3]. И достаточно примера какого-нибудь простого полковника, который, как в случае с возвращением Наполеона, увлечет за собой солдат, что приведет к массовой измене присяге и краху правительства.

Бенкендорф утверждал, что армия, будучи той единственной силой, которая решила ход перемен в Неаполе, все еще распоряжается судьбой королевства. Он считал, что рано или поздно в ее среде распространится осознание того, что эти перемены совершаются не в ее интересах. «Согласие между солдатом и карбонарием, имевшее место ранее, ныне исчезло по многим вопросам» [Ibid., л. 3 об.]. Без армии карбонарии уже не являются внушительной силой. Поэтому, как пишет Бенкендорф, чтобы заменить устроенную ими систему, надо заручиться поддержкой генералов.

3.2. Неаполитанский генералитет

К. Х. Бенкендорф указывает кандидатов среди генералитета королевства, на кого могли бы опереться антикарбонарские силы. Это, прежде всего, генералы Караскоза и Филанджери, которые не только связаны между собой узами дружбы, но и популярны в народе и часто находятся в оппозиции к Г. Пепе. К числу лояльных оппозиции военачальников он относил также генералов д'Амброзио, Колетту и Кампану. О последнем из них мало что можно сказать, кроме как о его участии в восстании карбонариев. Другие же упомянутые Бенкендорфом военные деятели заслуживают более пристального внимания.

Микеле Караскоза (1774—1853), сторонник Республики 1799 года, затем верный мюратист, военный министр в правительстве неаполитанских конституционалистов, заявлял о себе в своих мемуарах как о стороннике

конституции английского образца. В июле 1820 года он предлагал королю решительно действовать против мятежников; поначалу он отказался от поста военного министра в конституционном правительстве, но королю удалось убедить его принять назначение [Cartascosa, 1823, p. 77, 88—89]. Поражение Пепе от австрийцев в марте 1821 года обрекло революцию на неудачу, сам Караскоза спасся бегством, был заочно приговорен к смертной казни. Прошло более четверти века, прежде чем он смог вернуться в Неаполь в 1848 году уже при Фердинанде II — внуке Фердинанда I (IV), который пережил революции 1799 и 1820 годов; был возведен в пары королевства. В своих мемуарах, написанных вскоре после поражения восстания, он среди прочего утверждал, что для Неаполя спасением был или последовательный конституционализм, или же суровые репрессии; именно недопустимые полумеры привели к революционному взрыву [Ibid., p. 93].

Карло Филанджери (1784—1867), князь Сатриано, дожил до преклонных годов и увидел реализацию главной политической задачи Рисорджименто — объединение Италии, что привело к гибели его отечество — королевство Обеих Сицилий. Он служил во французской армии времен Консульства; участник Аустерлицкого сражения и войны в Испании, адъютант Мюрата. В период Реставрации и конституционной революции оставался на службе, в марте 1821 года оказывал сопротивление австрийским войскам. После 10 лет в не милости — у королей Фердинанда I и Франциска I, затем снова призван королем Фердинандом II. В 1848 году он подавил волнения на Сицилии, был назначен губернатором острова. Чуть больше полугода Филанджери был главой кабинета министров в последний год существования королевства Обеих Сицилий. Он отказался возглавить сопротивление «Тысяче» Дж. Гарибальди в 1860 году и удалился в частную жизнь, занимаясь составлением аналитических записок для военного министерства уже объединенной Италии.

Анджело д'Амброзио (1774—1822) — амнистированный сторонник Неаполитанской республики 1799 года, был послан на Испанскую войну, за свои отличия получил генеральский чин и был возведен в достоинство барона. Поддержал Мюрата во время его разрыва с Наполеоном, являлся губернатором Марке, участвовал в переговорах в Вене по вопросу о гарантиях Мюрату на неаполитанский трон. При Бурбонах входил в состав Высшего военного совета. Накануне интервенции Австрии д'Амброзио опубликовал мемуар, посвященный стратегии защиты королевства от неприятеля. В нем он назвал военный деспотизм одним из пагубных последствий, которых предстоит избежать при обороне [Memoria, 1820, p. 22]. Он командовал войсками конституционалистов и оборонял крепость Волтурно, которую пришлось сдать австрийцам. После восстановления Бурбонов

он был лишен всех должностей и провел недолгий остаток своей жизни на положении частного лица.

Биография и карьера Пьетро Колетты (1775—1831) не представляет больших отличий от вышеупомянутых военных деятелей Неаполя. Участник революции 1799 года, при Мюрате дослужился до генерального директора корпуса дорог и мостов. Он был оставлен на службе при Бурбонах, затем поддержал конституционную революцию, был назначен военным министром за два месяца до ее поражения. Бурбоны отправили его в ссылку в Австрийскую империю, но он смог поселиться во Флоренции, где занимался историческими и литературными трудами.

Таким образом, К. Х. Бенкендорф предлагал сделать ставку на военных, бывших видных мюратистов. Он прямо не говорит о возможности переворота, подобного 18 брюмера, но такая перспектива угадывается. По мнению Бенкендорфа, эта задача не представляла трудностей, потому что генералы, вовлеченные в события лета 1820 года против своей воли, убедились в гибельности разгула анархии; они видели, что «навязанная силой конституция никогда не сможет обеспечить народное счастье» и что они призваны сыграть роль баланса между интересами трона и народа. Бенкендорф приписывает генералитету способность «вырвать солдат из-под влияния секты, не ведающей ничего святого, и, объединив их подле трона, вернуть суверену право даровать либеральную и законную конституцию» [РГВИА, ф. 437, оп. 1, д. 10, л. 4 об.]. В свое время мюратисты так и не добились конституции и созыва парламента от Мюрата; они приняли руководство конституционным движением из рук карбонариев, которые силой добились у короля Фердинанда принятия Испанской конституции. Этот феномен — отход на второй план карбонариев и выдвижение мюратистов в 1820 году — известный итальянский историк Дж. Канделоро называл весьма знаменательным явлением [Канделоро, 1961, с. 98].

3.3. Вопросы внешней политики

Как пишет Бенкендорф, совещание великих держав в Троппау могло бы способствовать сближению короля и генералов, «чистосердечному объяснению при священных заверениях об уважении национальной независимости и территориальной целостности» [РГВИА, ф. 437, оп. 1, д. 10, л. 4 об.]. Он разделяет мнение, выраженное другими представителями России в Италии, что интервенция Священного союза может привести к большой национальной войне с непредсказуемым результатом. В таком духе писал из Флоренции поверенный в делах А. В. Сверчков [АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 3679, л. 123]. Из Неаполя посланник Г. О. Штапельберг доносил, что карбонарии, как праздника, ждут войны с Австрией [Там же, д. 8317, л. 357]. Бенкендорф исходил из необходимости скрывать интервенционистские настроения

Священного союза, так как полагал их несправедливыми. Но в то же время он указывал, что «предоставить Неаполь самому себе значит обречь трон и нацию на власть самой преступной и разрушительной из всех секты нынешнего мира» [РГВИА, ф. 437, оп. 1, д. 10, л. 6]. С ним явно не согласился бы А. Я. Италинский, посланник России в Риме. В одном из полуофициальных писем в Петербург, адресованном, скорее всего, А. С. Стурдзе или Д. П. Северину, он недвусмысленно пишет о том, что нужно оставить Неаполь его собственной судьбе [АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 10007, л. 669 об.].

В нашем распоряжении пока нет документов о том, как была встречена при дворе записка графа К. Х. Бенкендорфа и была ли она показана кому-либо еще за пределами кабинета графа Каподистрии. Но, вступая в должность посланника при дворах Вюртемберга и Бадена, ранней зимой 1820 года он получил от графа К. В. Нессельроде подробные инструкции, содержание которых в некоторой степени перекликается с теми вопросами, которые ставил Бенкендорф. В инструкциях посланнику предписывалась сугубо наблюдательная и лишенная активного начала миссия; он должен был следить за конституционными, законодательными и административными мероприятиями правительств и дворов, при которых он аккредитован, уделяя особое внимание университетам Гейдельберга и Тюбингена как потенциальным центрам распространения опасных политических доктрин. Его дипломатическая активность должна была заключаться лишь в том, чтобы демонстрировать единство держав Священного союза; любая самостоятельность ограничивалась повелениями «не предвосхищать каких-либо объяснений», «не развивать никаких концепций», «не оставлять сомнений» [Инструкция..., 1820, с. 643]. В заключении Нессельроде посвящает посланника в начинавшую набирать силу мифологему «всеевропейского заговора», говоря о том, что «существуют тайные связи и общая ассоциация врагов порядка и мира во всех европейских странах» [Там же, с. 644]. В этом убеждении российская дипломатия укрепилась под влиянием как К. фон Меттерниха в Троппау, так и «Семеновской истории» в Санкт-Петербурге.

Из записки Бенкендорфа следует, что он являлся сторонником умеренных конституционных преобразований. В этом с ним согласен даже Нессельроде, транслирующий волю Александра I. Управляющий Министерством иностранных дел отстаивает убеждение, что Акт о создании Священного союза 1815 года уже несет в себе «зародыш всех желаемых благ»: перемены конституционного свойства должны быть строго легитимны, умеренны и никоим образом не ставить под сомнения права и авторитет правящих монархов [Там же, с. 643]. Таким образом, был четко проведен водораздел между добровольными уступками со стороны власти и «ужасами революции». Страны, столкнувшиеся с политическим кризи-

сом подобно Неаполитанскому, теперь, после Троппау, могут ясно видеть перспективу: или примирить происходящие реформы с безопасностью соседних стран, или дожидаться интервенции Священного союза. В инструкции Бекендорфу [Инструкция..., 1820] эта мысль изложена очень четко.

4. Заключение = Conclusions

Записка генерала и дипломата графа Константина Бенкендорфа «Размышления о революции в Неаполе и средствах придать ему характер, способствующий укреплению достоинства трона» является интересным историческим источником, который непосредственным образом отражает события Неаполитанской конституционной революции, ставшей большим международным кризисом периода Реставрации. В своих рассуждениях он опирался на свой, пусть и непродолжительный, опыт непосредственного наблюдения за неаполитанской политической жизнью в период господства французов (1810—1812), а также, возможно, и заграничного пребывания в отставке (1816—1819). Бенкендорф указывал на логику происходящего: на желание неаполитанцев сбросить более чем 20-летнее бремя иностранного влияния, вырвать власть из рук политических радикалов («якобинцев»), оградить страну от бед иноземного вторжения и направить внутреннюю политику по пути умеренных реформ. Безусловно, он являлся сторонником конституционного режима английского или французского типа. Учитывая, какую роль сыграл его брат Александр в николаевское время, этот вывод показывает серьезное размежевание в политических воззрениях между братьями. Надежды Бенкендорфа на спасение Неаполя из того кризиса, куда завели страну ложные, по его мнению, посулы карбонариев, он видел в передаче власти военным. Те, в свою очередь, смогли бы обеспечить законную имплементацию конституции от имени монархии. Именно такую тактику он предлагал, правда, совершенно без какой-либо конкретики. Скорее всего, он рассчитывал, что его соображения будут приняты в расчет в Министерстве иностранных дел и в конечном счете самим царем. Предлагая повременить с применением силы со стороны Священного союза, К. Х. Бенкендорф, таким образом, показал себя умеренным сторонником Неаполитанского конституционного движения и противником австрийской гегемонии в Италии. В его записке нет ответа на вопрос, каким путем стоило бы достичь победы генералитета над тайным обществом, а также обойдены вниманием вопросы о происхождении общества карбонариев, о сицилийском сепаратизме и объединении Италии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Источники

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской Империи МИД РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 10007. Italinsky, de Rome, 22 sépt. (4 oct.) 1820. Л. 669 ; Д. 8317. Stackelberg à Capo d'Istria, 26 sépt. (8 oct.) 1820. Л. 357 ; Д. 3679. Svertchkoff à Nesselrode, 2 (14) nov. 1820. Л. 123.
2. *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802—1837 / А. Х. Бенкендорф ; публ. М. В. Сидоровой и А. М. Литвина. — Москва : Российский фонд культуры, ТРИТЭ, Росархив, 2012. — 760 с. — ISBN 978-5-85302-521-9.
3. *Инструкция* статс-секретаря К. В. Нессельроде генерал-майору К. Х. Бенкендорфу. Тропау, 26 ноября (8 декабря) 1820 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века : Документы Российского министерства иностранных дел. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий и др. — Москва : Наука, 1979. — Т. 3 (11) : Май 1819 — февраль 1821 г. — С. 635—644.
4. *Куоко В.* Опыт истории неаполитанской революции 1799 года / В. Куоко. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. — 350 с.
5. *Российский* государственный военно-исторический архив : путеводитель : в 4-х томах. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006—2009. — Т. 1. — 512 с. — ISBN 5-8243-0708-3.
6. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 437. Оп. 1. Д. 10. Considérations sur la révolution de Naples et les moyens de lui imprimer un caractère qui puisse relever la dignité du throne. 1820. Лл. 1—6.
7. *Ambrosio A. d'.* Memoria sulla difesa del Regno delle Due Sicilie / A. d'. Ambrosio. — Napoli : dalla Reale Tipografia della Guerra, 1820. — 23 p.
8. *Carrascosa M.* Mémoires historiques, politiques et militaires : sur la révolution du royaume de Naples, en 1820 et 1821, et sur les causes qui l'ont amenée / M. Carrascosa. — Londres : Treuttel, Würtz, Treuttel fils, et Richter, 1823. — 564 p.

Литература

1. *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто / Дж. Берти. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1959. — 746 с.
2. *Болтунова Е. М.* «Я произнес перед вами слово истины» : речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском / Е. М. Болтунова // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 5 (171). — С. 61—79.
3. *Всемирная история.* В 10 тт. / Под ред. Н. А. Смирнова и др. — Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. — Глава VI. Дворянско-монархическая реакция в Западной Европе и буржуазно-революционное движение 20-х годов XIX в. — С. 131—161.
4. *Добренко Е.* Сталинская культура как исследовательское поле / Е. Добренко // Новое литературное обозрение. — 2022. — № 6 (178). — С. 104—124. — DOI: 10.5395/3/08696365_2022_178_6_104.
5. *История Италии.* В 3 томах. — Москва : Наука, 1970—1971. — Т. 2. — 602 с.
6. *Канделоро Дж.* История современной Италии. В 7 тт. От Реставрации до Национальной революции / Дж. Канделоро. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1961. — Т. 2. — 568 с.
7. *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. 1808—1821 гг. / М. И. Ковальская. — Москва : Наука, 1971. — 267 с.
8. *Рутенбург В. И.* Истоки Рисорджименто. Италия в XVII—XVIII веках / В. И. Рутенбург. — Ленинград : Наука, 1980. — 303 с.

9. Поплавская И. А. Неаполитанское королевство и Россия в начале XIX в.: на материале переписки братьев Булгаковых / И. А. Поплавская // Имагология и компаративистика. — 2022. — № 17. — С. 170—191. — DOI: 10.17223/24099554/17/9.
10. Тарле Е. В. Военная революция на западе Европы и декабристы / Е. В. Тарле // Собрание сочинений в 12 т. — Москва: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. — Т. 5. — С. 7—20.
11. Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки / В. В. Тихонов. — Москва: Ин-т российской истории РАН, 2014. — 218 с. — ISBN 978-5-8055-0267-6.
12. Тюлар Ж. Мюрат или Пробуждение нации / Ж. Тюлар. — Москва: Терра, 1993. — 382 с.
13. Barsotti E. M. At the Roots of Italian Identity. «Race» and «Nation» in the Italian Risorgimento, 1796—1870 / E. M. Barsotti. — London, New York: Routledge, 2021. — 253 p. — ISBN 9780367524609.
14. Stites R. The Four Horsemen. Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe / R. Stites. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 439 p. — ISBN 9780199978083.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023,
одобрена после рецензирования 02.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

- Ambrosio, A. d'. (1820). *Memoria sulla difesa del Regno delle Due Sicilie*. Napoli: dalla Reale Tipografia della Guerra. 23 p. (In Ital.).
- AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. F. 133. Op. 468. D. 10007. Italinsky, de Rome, 22 sept. (4 oct.) 1820. L. 669; D. 8317. Stackelberg à Capo d'Istria, 26 sept. (8 oct.) 1820. L. 357; D. 3679. Svertchkoff à Nesselrode, 2 (14) nov. 1820, L. 123. (In Fren.).
- Benkendorf, A. H. (2012). *Memoirs. 1802—1837*. Moscow: Russian Cultural Foundation, TRITE, Rosarchiv. 760 p. ISBN 978-5-85302-521-9. (In Russ.).
- Carrascosa, M. (1823). *Mémoires historiques, politiques et militaires: sur la révolution du royaume de Naples, en 1820 et 1821, et sur les causes qui l'ont amenée*. Londre: Treuttel, Würtz, Treuttel fils, et Richter. 564 p. (In Fren.).
- Cuoco, V. (2006). *The experience of the history of the Neapolitan Revolution of 1799*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 350 p. (In Russ.).
- Instructions of State Secretary K. V. Nesselrode to Major General K. H. Benkendorf. Trop-pau, November 26 (December 8), 1820. In: *Foreign Policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs*, 3 (11): May 1819 — February 1821. Moscow: Nauka. 635—644. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. F. 437. Op. 1. D. 10. Considérations sur la révolution de Naples et les moyens de lui imprimer un caractère qui puisse relever la dignité du throne. 1820. Ll. 1—6. (In Fren.).
- Russian State Military Historical Archive. Guidebook: in 4 tt., 1. (2006—2009), 1.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 512 p. ISBN 5-8243-0708-3. (In Russ.).

References

- Barsotti, E. M. (2021). *At the Roots of Italian Identity. «Race» and «Nation» in the Italian Risorgimento, 1796—1870*. London, New York: Routledge. 253 p. ISBN 9780367524609.

- Bertie, J. (1959). *Russia and the Italian States in the Risorgimento Period*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 746 p. (In Russ.).
- Boltunova, E. M. (2021). "I pronounced the word of truth before you": speeches of Alexander I in the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland. *New Literary Review*, 5 (171): 61—79. (In Russ.).
- Candeloro, J. (1961). *The history of modern Italy. At 7 tt. From Restoration to National Revolution*, 2. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 568 p. (In Russ.).
- Dobrenko, E. (2022). Stalin's culture as a research field. *New Literary Review*, 6 (178): 104—124. DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_104. (In Russ.).
- History of Italy. In 3 vols.*, 2. (1970—1971). Moscow: Nauka. 602 p. (In Russ.).
- Kovalskaya, M. I. (1971). *Movement of carbonari in Italy. 1808—1821*. Moscow: Nauka. 267 p. (In Russ.).
- Poplavskaya, I. A. (2022). The Kingdom of Naples and Russia at the beginning of the XIX century: based on the correspondence of the Bulgakov brothers. *Imagology and comparative studies*, 17: 170—191. DOI: 10.17223/24099554/17/9. (In Russ.).
- Rutenburg, V. I. (1980). *The origins of the Risorgimento. Italy in the XVII—XVIII centuries*. Leningrad: Nauka. 303 p. (In Russ.).
- Stites, R. (2014). *The Four Horsemen. Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe*. Oxford: Oxford University Press. 439 p. ISBN 9780199978083.
- Tarle, E. V. (1958). The Military revolution in the West of Europe and the Decembrists. In: *Collected works in 12 volumes*, 5. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 7—20. (In Russ.).
- Tikhonov, V. V. (2014). *Historians, ideology, power in Russia of the XX century. Essays*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 218 p. ISBN 978-5-8055-0267-6. (In Russ.).
- Tulare, J. (1993). *Murat or the Awakening of the Nation*. Moscow: Terra. 382 p. (In Russ.).
- World history. In 10 tt.*, VI. *The noble-monarchical reaction in Western Europe and the bourgeois revolutionary movement of the 20s of the XIX century*. (1959). Moscow: Publishing House of Socio-economic Literature. 131—161. (In Russ.).

*The article was submitted 24.03.2023;
approved after reviewing 02.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

Беспалова К. А. Между дипломатией и интригами : неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах / К. А. Беспалова, В. С. Ившин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 381—401. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-381-401.

Bespalova, K. A., Ivshin, V. S. (2023). Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in 1870s—1880s. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 381-401. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-381-401. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-381-401

Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах

Беспалова Ксения Андреевна*

orcid.org/0000-0001-8391-8017

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник,
лаборатория эдиционной археографии,

*** корреспондирующий автор**

ksenia.bespalova@urfu.ru

Ившин Владислав Сергеевич

orcid.org/0000-0002-4693-1922

ассистент кафедры истории России
v.s.ivshin96@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 20-78-10014 «От Согласия
к Пакту: франко-русские /
франко-советские отношения
в период 1890—1930-х гг.»)

Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in 1870s—1880s

Ksenia A. Bespalova *

orcid.org/0000-0001-8391-8017

PhD in History, Junior Researcher,
Laboratory of Edition Archaeography,

*** Corresponding author**

ksenia.bespalova@urfu.ru

Vladislav S. Ivshin

orcid.org/0000-0002-4693-1922

Assistant, Department of History of Russia
v.s.ivshin96@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The research is sponsored by a grant
of the Russian Science Foundation,
Grant 20-78-10014 “From Entente to Pact:
French-Russian/French-Soviet relations
during the period of 1890—1930s”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются неформальные аспекты подготовки франко-русского сближения в 1870—1880-х годах, вылившегося впоследствии в заключенный в 1894 году военный союз между Францией и Россией. Авторы рассматривают процесс становления и укрепления множества неформальных сетей, которые поспособствовали появлению благоприятной основы для заключения союза между странами. Особое внимание в статье уделено специфике деятельности салонов Е. Э. Трубецкой и Жюльет Адам, ставших площадкой для установления личных контактов между персонами, поддерживающими союзничество Франции и России. Авторы останавливаются на подробном анализе сформировавшихся связей между французскими и русскими интеллектуалами, точкой соприкосновения которых стало становление «культурного панславизма». Особо в этой связи выделена активность редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. Определены те обширные сети и политическое влияние, которые ему удалось установить. Авторы приходят к выводу, что франко-русское сближение в 1870—1880-х годах активно развивалось на волне идеи реваншизма во Франции и популярности панславизма, а также через контакты и инициативы частных лиц, связанных сетью неформальных связей с правительственными кругами обоих государств.

Ключевые слова:

франко-русский союз; берлинское свидание; парижские салоны; Жюльет Адам; Н. К. Гирс; М. Н. Катков; Московские ведомости; Е. Э. Трубецкая.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the informal aspects of the preparation of the Franco-Russian rapprochement in the 1870s—1880s, which later resulted in the military alliance concluded in 1894 between France and Russia. The authors consider the process of formation and strengthening of many informal networks that contributed to the emergence of a favorable basis for concluding an alliance between countries. Particular attention in the article is paid to the specifics of the activities of the salons of E. E. Trubetskoy and J. Adam, which became a platform for establishing personal contacts between persons aimed at the alliance of France and Russia. The authors dwell on a detailed analysis of the formed ties between French and Russian intellectuals, the point of contact of which was the formation of “cultural pan-Slavism”. In this regard, the activity of the editor of “Moskovskie Vedomosti” M. N. Katkov is highlighted and those vast networks and political influence that he managed to establish is identified. The authors come to the conclusion that the Franco-Russian rapprochement in the 1870s—1880s actively developed on the wave of the idea of revanchism in France and the popularity of pan-Slavism, as well as through the contacts and initiatives of individuals connected by a network of informal ties with the government circles of both states.

Key words:

Franco-Russian alliance; Berlin date; Parisian salons; J. Adam; N. K. Gears; M. N. Katkov; Moskovskie Vedomosti; E. E. Trubetskaya.

Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870—1880-х годах

© Беспалова К. А., Ившин В. С., 2023

1. Введение = Introduction

Франко-русское сближение, обозначившееся во внешней политике двух государств в начале 1890-х годов, было одним из самых обсуждаемых событий среди современников. Их интерес вызывали как звучавшая в присутствии Александра III «Марсельеза» во время визита французской эскадры в Кронштадт, так и сам факт сближения, казалось бы, абсолютных политических противоположностей: Третьей Французской Республики и монархической Российской империи.

Тематика франко-русского сближения и союза 1894 года нередко привлекала внимание ученых. Ряд исследований по данной теме посвящен истории дипломатических контактов узкого круга государственных служащих [Манфред, 1952; Рыбачёнок, 1993; Kennan, 1981]. С определенной корректировкой этот нарратив используется в современной историографии, см.: [Айрапетов, 2006]. Наряду с ними существует множество работ, посвященных рефлексии франко-русского сближения и союза в общественно-политической мысли последней трети XIX — начала XX веков, подробнее см.: [Иванов, 2023; Медоваров, 2020; Сильванов, 2017]. Их тематика различна, но все они встраивают историю дипломатических контактов в пласт общественно-политических кампаний в российской периодической печати. Такие исследования преимущественно концентрируются вокруг одного или нескольких наиболее влиятельных участников. Однако франко-русское сближение 1870—1880-х годов было результатом множества исторических акторов, объединенных, на первый взгляд, общим направлением, но использовавших различные стратегии их достижения и преследуя совершенно разные цели. Они были включены в сеть всевозможных неформальных связей, включавших широкий круг частных и государственных лиц. Настоящее исследование синтезирует множество неформальных связей, стратегий и целей по франко-русскому сближению 1870—1880-х годов, благодаря которым оказалось возможным заключение франко-русского союза в 1894 году.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Идея сближения возникла на парижской салонной сцене 1870-х годов на волне популярности панславизма в России и Франции, а также реваншистских настроений французского общества. Именно эта разрозненная идейная площадка создала возможность для выстраивания диалога по сближению России и Франции. В 1870—1880-е годы вокруг парижских салонов формировались обширные социальные сети, в которых организаторы и участники салонов через личные связи лоббировали высокопоставленных политиков. Один из популярных парижских салонов принадлежал панславянской активистке Е. Э. Трубецкой (1832—1907). Тонкая мастерица политических игр и интриг, по мнению советского исследователя А. З. Манфреда, создала политический салон, сыгравший значительную роль в вопросах международной политики. Ее салону принадлежала важная роль: в нем можно было получить (не каждому, а только допущенным) наиболее верную и точную информацию по вопросам международной и внутренней политики Франции [Манфред, 1952, с. 93—94]. На волне французских реваншистских настроений и «Циркулярной ноты» министра иностранных дел России А. М. Горчакова Трубецкая пыталась убедить правительство Французской Республики в необходимости дружеских отношений с Россией, которые в перспективе могли бы защитить обе стороны от немецкой агрессии [Hillis, 2017].

Период наивысшей политической активности ее салона пришелся на президентство А. Тьера (1797—1877), с которым Трубецкая установила личные контакты, убедив его в возможности франко-русского сближения для защиты от потенциальной немецкой агрессии [Radziwill]. О характере и близости их контактов остается только догадываться, но по приезду в Париж в 1872 году А. Тьер встречал Трубецкую лично и по всем правилам делового этикета. Помимо Тьера, Трубецкая поддерживала связи с А. М. Горчаковым, выполняя его различные дипломатические поручения, а также выступая посредником между Горчаковым и Тьером. Накануне «берлинского свидания» 1872 года Тьер писал Трубецкой, что был бы счастлив дать возможность русскому канцлеру видеть Францию сильной, умиротворенной и наслаждающейся покоем. Конечным адресатом письма, как указывал А. З. Манфред, был Горчаков, поддержавший идею сильной Франции ответным письмом [Манфред, 1952, с. 93—96]. Однако в 1870-е годы, после создания Германской империи, Горчаков переориентировал внешнюю политику России в русло «Союза трех императоров».

Нужно отметить, что в общеевропейской системе международных отношений в конце 1870-х — начале 1880-х годов произошел ряд существенных изменений, связанных с разрешением «восточного кризиса» в 1875—1878 годах. Берлинский конгресс значительно подорвал международное

русское влияние на Балканском полуострове, показав, что в случае дальнейших конфликтов Петербург будет не способен защитить политические интересы славянских стран полуострова, см.: [Лошаков, 2016]. Однако российский внешнеполитический курс 1870-х годов — «Союз трех императоров» — был сохранен и продлен в 1881 году на три года в связи с вступлением на престол Александра III. Министерство иностранных дел, возглавляемое с марта 1882 года Н. К. Гирсом, поддерживало прогерманскую ориентацию русской дипломатии. Его ближайший советник, а в будущем преемник на посту министра иностранных дел В. Н. Ламздорф, подводя внешнеполитические итоги царствования Александра III в «Обзоре внешней политики за время царствования Александра III», указывал, что переговоры о сохранении «Союза трех императоров» начались еще в 1879 году [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 4об]. Их начало он связывал с опасениями России из-за недавно созданного Двойственного союза Германии и Австро-Венгрии, к которым могли бы примкнуть англичане. Таким образом, согласно Ламздорфу, целью переговоров было «ограждение России от коалиции, во главе которой стала бы, наверное, Англия» [Там же, л. 4 об]. Такую же тревогу русского МИДа вызывало вмешательство англичан в «восточный вопрос», в котором «английские интриги» были «средством ослабить Россию, втянуть ее в разные распри или даже вооруженную борьбу» [Там же, л. 6]. Внутри «Союза трех императоров» также были сильны противоречия России с Австро-Венгрией по Балканскому полуострову. Внешняя политика последней, со слов Ламздорфа, вызывала «весьма вызывающий экспансионный характер», доказывая «полную несовместимость интересов» на Балканах, что «делало для России дальнейшее участие в союзе с нею [Австро-Венгрией] крайне затруднительным» [Там же, л. 3]. Несмотря на имеющиеся противоречия внутри «Союза трех императоров», прогерманский курс русского МИДа сохранялся в 1880-е годы.

«Восточный кризис» также имел существенные последствия для идей панславизма. В 1870-е годы популярной была «воинствующая» риторика в решении славянского вопроса — эта риторика отлично уживалась с французским антигерманизмом салона Трубецкой. После Берлинского конгресса «воинствующая» риторика сменилась стратегией «культурного панславизма» — укрепления культурных связей между славянскими народами мирным путем. Примечательно в этом ключе, что с 1883 года на регулярной (хотя ограниченной) основе начали издаваться «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» под редакцией славянофила Н. Н. Страхова, ставившие своей целью познакомить отечественных и зарубежных читателей с историей и современной жизнью славянских народов [Славянское обозрение, 1883].

«Культурный панславизм» начала 1880-х годов стал универсальной платформой для выстраивания диалогов по франко-русскому сближению на уровне неформальных связей между российскими и французскими интеллектуалами. Площадкой для создания этих связей вновь выступали парижские салоны, которые к этому времени обзавелись широкой сетью неформальных контактов в России и Франции. К 1880-м годам одним из ведущих салонов на политической сцене Франции стал салон во главе с Жюльет Адам (1836—1936). Благодаря влиянию мужа, префекта парижской полиции и сенатора Э. Адама (1816—1877), ее салон быстро стал площадкой для французских политических и интеллектуальных элит, в который входили: А. Тьер, сенатор Э. де Марсер, Ш. де Фрейсине и многие другие. Покровительство Э. Адама обеспечивало приватность и свободу разговоров, что сделало салон идеальным местом для создания и укрепления неформальных союзов [D'Agostini, 2012]. К 1880-м годам политического веса салону Ж. Адам добавило участие в нем республиканского политика Л. Гамбетты (1838—1882), ставшего в 1881—1882 годах премьер-министром и министром иностранных дел Франции. Благодаря ему салон Ж. Адам получил репутацию главного политического салона Парижа [Hillis, 2017; Sowerwine, 2006]. Республиканская и антимонархическая ориентация салона, ставшего *locus communis* для его участников, к концу 1870-х годов дополнилась антигерманской и реваншистской риторикой, а также идеей франко-русского сближения. Последнему способствовали примкнувшие к салону российские подданные: бывшая российская фрейлина Ю. Д. Глинка, корреспондентка «Московских ведомостей» в Лондоне О. А. Новикова, физиолог и также корреспондент «Московских ведомостей» И. Ф. Цион и др. [Hillis, 2017].

3. Результаты и обсуждение = Result and Discussion

Главным инструментом лоббирования и продвижения идей франко-русского сближения для Ж. Адам была французская пресса. С 1879 года она выпускала ежемесячный журнал «*La Nouvelle Revue*», посвященный критике Бисмарка, французскому реваншизму и идее союза с Россией против Германии [Hillis, 2017]. Популяризации журнала способствовало знакомство Ж. Адам с влиятельным французским редактором Э. де Жирарденом [D'Agostini, 2012]. Кроме того, в 1879—1881 годах в круг салона Ж. Адам входил близкий к ее идеям глава парижской префектуры и главный редактор популярных ежедневных парижских газет «*Le Petit Parisien*» Л. Андре. Находясь во главе парижской префектуры, он также систематически докладывал и выдавал аналогичным российским структурам имена укрывавшихся в Париже русских революционеров, пытаясь подтвердить свою благонадежность перед российским правительством [Hillis, 2017].

3.1. На пути к союзу

При содействии «русской партии» салона (к ней принадлежали Ю. Д. Глинка, О. А. Новикова и И. Ф. Цион) в начале 1882 года хозяйка салона прибыла в качестве эмиссара республиканцев в Российскую империю, где встретила с главным редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катковым, обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, давним приверженцем славянофильства «белым генералом» М. Д. Скобелевым и другими панславистами [Манфред, 1952, с. 393; Hillis, 2017]. В феврале 1882 года Адам пригласила Скобелева в Париж, чтобы он выступил перед группой сербских студентов с речью о франко-русском сближении. Впоследствии Скобелев в своей речи разразился резкой критикой Германии, объявив ее главным врагом всего славянства, призывав к немедленному созданию франко-русского союза [Лукоянов, 2018, с. 232—233; Белый генерал, 1991, с. 236—238]. Помимо этого, в феврале 1882 года он также обсуждал франко-русское сближение с недавно оставившим кресло премьер-министра Л. Гамбеттой [Белый генерал, 1991, с. 230—231]. Обстоятельства и содержание их встречи остаются дискуссионной темой в историографии. Так, современный исследователь И. В. Лукоянов считает Скобелева «одним из инструментов» в руках министра внутренних дел Российской империи в 1881—1882 годах Н. П. Игнатьева [Лукоянов, 2018, с. 232], исходя из выводов Н. Н. Кнорринга, что Скобелев был «скорее пассивным лицом, нежели активным политиком» [Белый генерал, 1991, с. 239]. Можно предположить, что влияние на Скобелева также оказала Ж. Адам, прибывшая в Россию именно как официальный представитель (эмиссар) Французской Республики. «Белый генерал» вполне мог воспринять ее приглашение как официальную линию Республики на союз с Россией. Эта линия на союз действительно была, исходя из восстановленной Н. Н. Кноррингом беседы между Гамбеттой и Скобелевым [Там же, с. 236—238]. Впрочем, оба на тот момент были в статусе частных лиц. Характер и юридический статус приглашения Скобелева со стороны Адам остается неизвестным. Ее мемуары воспроизводят лишь обстоятельства их встречи и содержание беседы со Скобелевым [Адам, 1886, с. 27—38].

Генеральский «демарш», попавший на первые полосы французской прессы и шедший вразрез с прогерманской российской внешней политикой, вызвал международный скандал, потребовавший прямого вмешательства Александра III и Вильгельма I в его деэскалацию [Лукоянов, 2018, с. 233]. Впрочем, политическому салону Ж. Адам удалось наладить тесные контакты с единомышленниками по франко-русскому сближению. После ее знакомства с кругом Каткова-Победоносцева, к которому тесно призывали И. Ф. Цион и О. Новикова, перепечатанные статьи за авторством

Каткова и Циона из «Московских ведомостей» стали появляться на страницах журнала салона «La Nouvelle Revue» [Манфред, 1952, с. 393]. При содействии «русской партии» в салоне Ж. Адам в начале 1880-х годов была запущена целая кампания публикации провокационных депеш от имени вымышленного русского дипломата Павла Васильева, содержавших «реваншистскую программу Адам и резкую критику Бисмарка» [Hillis, 2017].

Наиболее тесные связи к 1880-м годам установились между салоном Ж. Адам и российским физиологом И. Ф. Ционом, длительное время находившимся в Париже [Шевелев, 1993]. Благодаря участию в салоне Цион имел обширные связи с французской прессой. В сентябре 1881 года он получил контроль над французской монархистской ежедневной газетой «Le Gaulois», а с 1886 года — над главным печатным органом салона — «La Nouvelle Revue», где тематика франко-русского сближения «стала едва ли не центральной темой» [Данилова, 2004, с. 111; Hillis, 2017]. Идеальная близость играла не последнюю роль, но главной причиной для передачи журнала Циону были его обширные связи, при посредничестве Каткова, с российскими интеллектуальными элитами. И. В. Лукоянов датирует возникновение связи между Катковым и Ционом концом 1870-х годов на почве его сотрудничества с катковскими журналами [Лукоянов, 2018, с. 240]. В действительности Катков знал Циона как минимум с конца 1874 года, когда в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга из-за преподавательской деятельности Циона начались студенческие беспорядки. Циона спасло от официального обвинения лишь заступничество Каткова в «Московских ведомостях» [Kennan, 1986, р. 458—459]. Характер их отношений по-прежнему остается неясным. Исследователи изображают их связь не то дружбой, не то патрон-клиентскими отношениями, где Циону отводилась лишь роль исполнителя воли «громовержца» [Лукоянов, 2018, с. 239—240; Котов, 2022, с. 231—234]. Так или иначе, их внешнеполитические и общественно-политические взгляды, базировавшиеся в общих чертах на панславизме, оказались близки друг другу к 1880-м годам.

3.2. Ведущий игрок — М. Н. Катков и его политическое влияние

Не менее дискуссионной проблемой является идентификация взглядов Каткова. Исследователь А. Э. Котов называет его представителем «идеологии бюрократического национализма» — доктрины исключительного участия государства во внешней и внутренней политике, основанного не на религиозной и этнической почве в духе славянофильства, а на «выдаваемом чиновниками документе о подданстве», см.: [Котов, 2016]. Национализм занимал ключевое место во взглядах Каткова, что отразилось в его восхищении французским национализмом, неизменным вне зависимости от формы правления [Котов, 2022, с. 228—229]. Часть исследова-

телей относят «громовержца» к лагерю «имперского славянофильства» («имперского панславизма») или характеризуют его взгляды, как близкие славянофильству [Павленко, 2016, с. 10—14; Мамонов, 2018, с. 170—172]. Последнее подтверждается сотрудничеством Каткова с одним из главных идеологов этого течения — Н. Я. Данилевским, см.: [Перевалова, 2020]. Впрочем, идеологическая близость между М. Н. Катковым и Ционом играла не первую роль. На протяжении всей карьеры Катков был тесно связан с правящей бюрократией (К. П. Победоносцевым, Д. А. Толстым и др.), а в 1860—1880-х годах на регулярной основе имел возможность личной аудиенции российских монархов, формально находясь вне правительственных структур [Мамонов, 2018, с. 173]¹.

Подробные детали связей и включенность «громовержца» в дела правительственной российской элиты раскрываются в современных исследованиях. Катков был активнейшим участником борьбы внутриправительственных группировок, а к 1880-м годам его политическое влияние и связи с ведущими правительственными кругами достигли своего максимума [Кругликова, 2018; Мамонов, 2018, с. 175]. Таким образом, к началу активной деятельности салона Ж. Адам по франко-русскому сближению в начале 1880-х годов Катков предстал перед ними одной из влиятельнейших фигур Российской империи с постоянными связями с высокопоставленными чиновниками, к тому же близкой к панславистской платформе салона.

Исследователи прослеживают начало влияния М. Н. Каткова на российскую внешнюю политику только с началом царствования Александра III, когда «громовержец» обсуждал «восточный вопрос» со Скобелевым, а уже после его демарша в Париже «[Катков] Скобелеву открыто симпатизировал и идею сближения с Францией, похоже, усвоил» [Лукоянов, 2018, с. 232—233; Котов, 2022, с. 224—225]. Впрочем, попытки участвовать в российской внешней политике предпринимались Катковым и ранее. Как доказывает Е. В. Перевалова, Катков в 1860-е годы сотрудничал в «Московских ведомостях» с дипломатом К. Г. Катакази (1826—1890), служившим помощником А. М. Горчакова. Катакази регулярно отправлял Каткову «эксклюзивные материалы», написанные «под контролем Горчакова...» [Перевалова, 2022а, с. 111]. Горчаков также различными способами покровительствовал Каткову, стремясь превратить «Московские ведомости» в официальный орган российского МИДа [Там же, с. 111—113]. Их взгляды разошлись по вопросам российской внешней политики в 1860-х годах из-за отказа Каткова публиковать статьи Катакази и Горчакова в поддержку союза России и Пруссии и из-за того, что он считал необходимым

1 С 1869 года Катков все же состоял на государственной службе, как основатель Московского Императорского лицея (в 1875—1887 годах был директором этого же лицея).

улучшить отношения с Францией на фоне ее конфронтации с Пруссией в конце 1860-х годов [Там же, с. 112—113]. Переписка между Катакази и Горчаковым прервалась в 1869 году из-за назначения Катакази послом в США (в 1869—1872 годах Катакази был чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в США). Напомним, что в 1872 году именно Горчаков через посредничество парижского салона Трубецкой попытался заверить президента Республики А. Тьера в поддержке России и ее нежелании способствовать агрессии Германии против Франции. Иными словами, Катков еще в 1860-е годы пытался противостоять официальной линии российской внешней политики.

Последующие попытки Каткова повлиять на российскую внешнюю политику связаны с разрешением «болгарского кризиса» 1885 года, ставшего поводом для его конфликта с российским МИДом (Н. К. Гирсом и В. Н. Ламздорфом), см.: [Лукоянов, 2018, с. 234; Лошаков, 2016, с. 117]. После этого конфликта с июля 1886 года Катков начал энергичную кампанию за франко-русское сближение и союз на страницах своих журналов [Котов, 2022, с. 228—231; Лошаков, 2016, с. 93—94]. В этом ключе обращает на себя внимание письмо Катакази Каткову от 27 октября 1882 года. Катакази, находясь в начале 1880-х годов в Париже как частное лицо, предложил Каткову возобновить свое сотрудничество в «Московских ведомостях» по вопросам внешней политики, аргументируя, что он «...глубоко убежден, что республиканская форма правления во Франции в высшей степени вредна и опасна как для внешних, так и для внутренних интересов России», а Франция дает убежище многим российским «нигилистам». Катакази изложил в письме критические суждения относительно действий российского МИДа, отводившего России, по его мнению, «незавидную роль международного скопца» [ГА РФ, ф. 1718, оп. 1, д. 5, л. 1—2]. Катков предложение Катакази о сотрудничестве проигнорировал [Перевалова, 2022а, с. 144]. Но пассаж Катакази, в котором упоминалась именно Франция и присутствовала критика российского МИДа, наводит на мысль, что он еще осенью 1882 года либо знал, либо догадывался о планах Каткова поддержать кампанию за франко-русское сближение и союз. На это ему могли указать встреча Каткова с Ж. Адам в начале 1882 года, а также многочисленные французские публикации «демарша» Скобелева и слухи о его связях с Катковым.

Начало кампании по франко-русскому сближению вкупе с сотрудничеством Каткова и Циона пришлось на середину 1880-х годов. Исследователь Ф. Хиллис связывает ее активизацию с благоприятной политической обстановкой, сложившейся во Франции: послом России во Франции был назначен бывший однокашник Каткова и сторонник франко-русского сближения А. Моренгейм [Hillis, 2017]. Исследователь проигнорировал характер их

отношений и в целом почему-то не усомнился в их существовании. Исходя из содержания писем Циона Каткову, где нередко упоминался «презираемый» и «ненавидимый» во французских кругах Моренгейм, становится понятно, что Цион и Катков не имели выхода на посла, сетуя «громовержцу»: «...если бы я [Цион] [мог] дать какие-нибудь связи с Моренгеймом, то мог бы многое еще сдвигать в том же направлении [франко-русского сближения] ...» [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 23, л. 31об; № 25, л. 28об]. Иными словами, Моренгейм хотя и был сторонником франко-русского сближения и союза, но находился вне связей с Ционом и Катковым, действуя по линии российского МИДа. Ф. Хиллис не ошибается в другом — что в 1886 году французский МИД возглавил Э. Флуранс (1841—1920), близкий салону Жюльет Адам и Циону, в дальнейшем сыгравший определенную роль в организации франко-русского сближения [Hillis, 2017].

Так или иначе, но к 1886 году Цион активно действовал по франко-русскому сближению во Франции, а Катков с января 1886 года начал регулярно критиковать, по его мнению, «пассивную» внешнюю политику российского МИДа на Балканах. Уже к лету 1886 года его критика обрушилась на союз России и Германии в целом [Лукоянов, 2018, с. 234—235]. Осенью 1886 года Катков попытался напрямую включить в орбиту своего влияния Александра III. Император и российский МИД к тому времени допускали возможное обострение отношений, но не прямую конфронтацию с Австро-Венгрией по Балканскому вопросу [Лошаков, 2016, с. 93—94; Лукоянов, 2018, с. 233—234]. Зная эту позицию императора, М. Н. Катков с октября 1886 года действовал за спиной российского МИДа, предлагал монарху свой вариант решения «болгарского кризиса» через государственный переворот пророссийских болгарских офицеров. Император предложил Каткову обсудить этот вопрос с военным министром П. С. Ванновским, но монарха отговорили представители российского МИДа, опасавшиеся конфронтации с Германией [Лошаков, 2016, с. 117]. Катков воспринял это одним из проявлений их «пассивной политики». Со слов Ламздорфа: «Катков ужасно сердит на министра [Гирса] за то, что тот ничего не сделал для бежавших болгарских офицеров...» [Ламздорф, 1926, с. 10].

В конце года Катков вновь подал записку Александру III, перейдя от обсуждения «болгарского вопроса» к взаимоотношениям Германии и России при Н. К. Гирсе, он заявил об отсутствии необходимости союза России с Францией, но призвал монарха к улучшению отношений с Францией [М. Н. Катков ..., 1933, с. 71]. Эта позиция против «покамест совершенно невозможного» союза фигурировала в переписке Циона с Катковым летом 1886 года наряду с идеей по установлению дружеских отношений России с Францией [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 23, л. 28]. Катков, впрочем, подчерки-

вал монарху преимущества такого сближения, называя общим врагом России и Франции Англию [М. Н. Катков ..., 1933, с. 73—74]. Идеи, изложенные в записке, поддержал министр внутренних дел Д. А. Толстой [Там же, с. 74—75].

Взаимоотношения Толстого и Каткова в 1880-е годы остаются неясными. Считалось, что их пути окончательно разошлись на фоне разногласий относительно реформы университетского устава в 1870-е годы [Мамонов, 2018, с. 175]. Впрочем, за публичным дистанцированием, как отмечает Е. В. Перевалова, их сотрудничество продолжалось и было взаимонеобходимым в 1880-е годы, см.: [Перевалова, 2022б]. Хотя Е. В. Перевалова не приводит указанный выше и известный в историографии факт открытой поддержки Каткова Толстым, все же он дополняет ее выводы об их сотрудничестве в 1880-е годы.

Давление со стороны Каткова и Толстого оказало действие на монарха. Уже в начале января 1887 года Александр III начал высказываться против Тройственного союза и «даже против союза с Германией», утверждая, что «возможным и единственным союзником для России в настоящий момент была бы Турция» [Ламздорф, 1926, с. 34—35]. Тогда же послу Франции в России А. Лабулэ, по утверждению Ламздорфа, император «высказывал прямые намеки на свои симпатии к Франции и на поддержку, которую она, в случае надобности, найдет в нем против Германии» [Там же, с. 41]. В эти же даты Гирсу была направлена депеша Моренгейма, сообщавшая, что в личной беседе Э. Флуранс спрашивал о возможности российской моральной поддержки Франции в случае агрессии против нее Германией. Ламздорф ошибочно подозревал, что просьба Флуранса была «измышлениями» Моренгейма, поддерживающего «сношения» с Катковым, а «новичок Флуранс, вероятно, поддался влиянию нашего посла» [Там же, с. 43, 45]. Как доказано выше, никаких «сношений» между Катковым и Моренгеймом не было. Ламздорф был близок к истине, предполагая, что Флуранс прощупывал почву «после новогодних поощрений Лабулэ со стороны самого государя [Александра III]» [Там же, с. 45]. Однако он ошибся в одном: поводом были не только донесения Лабулэ, а то, что сам Флуранс был вхож в салон Ж. Адам. К тому же 8 января 1887 года, за два дня до депеши Моренгейма, Катков направил очередную записку Александру III, заявляя, что «единственно выгодный активный союз для нас может быть только с Францией» [М. Н. Катков ..., 1933, с. 78]. Более того, в начале января посол в Берлине П. А. Шувалов обсуждал новый договор с Германией, подготовленный на фоне периода «военной тревоги» между Францией и Германией [Лошаков, 2016, с. 94—95]. Нет сомнений, что информация, попадавшая Каткову от его агентурной сети, шла на опережение происходящих событий или в унисон им. Это вызывало особое раздражение в россий-

ском МИДе. Ламздорф, делая вырезки из статей Каткова в «Московских ведомостях», был поражен упоминаемыми фактами и задавался вопросом: «Откуда?», — подразумевая вызывающую изумление осведомленность редактора в дипломатических тайнах [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 1—3об]. В деталях Ламздорф докладывал о них и обсуждал эти статьи Каткова с Гирсом [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 9—10об]. В январе 1887 года между Катковым и российским МИДом началась борьба за влияние на императора по вопросам российской внешней политики, где последний выступал в роли верховного арбитра. Ламздорф делает запись в дневнике, в которой отмечает «двойную игру самодержца»: «Министр <...> замечает в характере государя черту двуличности: с одной стороны, он удостоивает г. Гирса своего рода личной дружбой <...> и наедине выражает ему полное одобрение; с другой стороны, он опасается общественного мнения, мало благоприятного для моего дорогого начальника, и не осмеливается ни жаловать ему обычные отличия <...> ни открыто поддерживать против его врагов» [Ламздорф, 1934, с. 59—60].

Итак, хронологические совпадения между просьбой Флуранса и запиской Каткова отнюдь не были случайны, а являлись частью одной общей кампании по франко-русскому сближению, за которым стояли сеть салона Ж. Адам и Циона во Франции, а в России — Катков. Их попытки в начале января 1887 года имели успех, Александр III в ответ на депешу Моренгейма заявил о готовности оказать «моральную поддержку» Франции в случае агрессии Германии [Ламздорф, 1926, с. 45].¹

Главные действия этого конфликта пришлись на март 1887 года. Катков, публично призывая к союзу с Францией, раскрыл детали тайного соглашения о взаимных гарантиях по Тройственному союзу 1881 года, что вызвало гнев императора. Благодаря заступничеству Е. М. Феоктистова и К. П. Победоносцева император лишь наказал Каткову примириться с Гирсом в личной беседе, которая в итоге так и не состоялась [Там же, с. 232—233]. Уже в конце марта 1887 года Катков подал новую записку императору, отчитываясь, что Гирс не идет с ним на контакт [М. Н. Катков ..., 1933, с. 79]. Под этим предлогом, вновь критикуя российский МИД, он сделал акцент на существующем «распространенном мнении, что Россия имеет две политики, идущие порознь, одну царскую, другую министерскую...» [Там же,

1 Наряду с вышеперечисленным, Катков на рубеже 1886–1887 годов был замешан в отправке во Францию своего корреспондента — генерала Е. В. Богдановича, который вел переговоры по сближению с французскими политиками (президентом республики Ж. Гриви и французским военным министром, идеологом реваншизма Ж. Буланже). Действия генерала вызвали внутрисоветский скандал, косвенно указывавший на причастность Каткова к действиям Богдановича, но обвинений против него выдвинуто не было [Котов, 2022, с. 231—233].

с. 80]. Выбранная им коммуникативная стратегия должна была подчеркнуть «существующую» в России всеобщую поддержку решений императора по франко-русскому сближению: «Всем стало известно, что ваше величество не имеет намерения возобновлять так называемый трехимператорский договор» [Там же, с. 82]. О всенародной поддержке персоны российского монарха во Франции через несколько месяцев, в мае 1887 года, сообщал Каткову Цион, заверяя во «всеобщей признательности» и популярности российского государя и призывая к скорейшему союзу [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 51, л. 65—65об]. Однако в заключении записки Катков вновь обратился к опубликованным им в «Московских ведомостях» деталям о тайном соглашении 1881 года, приведя новые факты и адресуя вопросы об этом соглашении лично императору [М. Н. Катков ..., 1933, с. 84]. Александр III, не ожидавший осведомленности от Каткова в дипломатических тайнах, передал его записку на рассмотрение лично Гирсу. Черновой вариант выписок из катковской записки для Гирса подготовил Ламздорф, вновь риторически вопрошавший напротив каждого приведенного Катковым факта. Особенно недоумение и удивление Ламздорфа вызвал абзац о необнародованном протоколе между Горчаковым и Андраши, заставивший Ламздорфа в очередной раз задаваться вопросом: «Откуда он это знает?» [ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 54, л. 29об]. Ответ Александру III, подготовленный Ламздорфом от лица Гирса, был крайне сдержан и заключал, что министр принял к сведению содержание документа [М. Н. Катков ..., 1933, с. 85].

Впрочем, уже в мае-июне 1887 года против Каткова была начата ответная интрига по линии российского МИДа. Отвергнутый Катковым Катакази подделал от его лица письмо, заверявшее французскую прессу, что внешнюю политику России определяет Катков, а не российский МИД и император. Содержание и последствия этой подделки подробно исследованы И. В. Лукояновым [Лукоянов, 2018, с. 238—239]. Отметим лишь, что расследование обстоятельств появления подделки вел все тот же Цион, указавший в письме Каткову на авторство Катакази. Последний к этому времени занимал пост советника посольства в Париже под протекцией Моренгейма. Цион, впрочем, ничего не писал о причинах появления подделки, указывая лишь на связь Катакази с немецким послом в Париже Мюнстером и его участие в подделке [ОР РГБ, ф. 120, кн. 40, № 7, л. 10—11]. Иными словами, Цион пытался представить все происками немецкой дипломатии против франко-русского сближения [Лукоянов, 2018, с. 239]. Вполне возможно, что за подделкой Катакази мог стоять Моренгейм, также выступавший за франко-русское сближение через установление во Франции власти «твердой руки» (роялистов), которые могли бы поставить во главе государства того, «с кем бы можно было говорить, имея в виду союз» [Ламздорф, 1926,

с. 71]. Моренгейм и Катакази по меньшей мере содействовали возвышению Ж. Ферри и популярности Ж. Буланже [Там же, с. 71, 75, 100—101].

Моренгейм также был замешан в продолжении этой интриги. В июне 1887 года он направил Александру III депешу «с сообщением, что президента Гриви уверяли от имени публициста, что назначение Флокэ главой правительства вместо отставленного Ш. Фрейсинэ будет “хорошо принято в России”» [Лукоянов, 2018, с. 239]. Как утверждалось в депеше, это было передано Гриви через Циона. Последний, в свою очередь, поспешил заявить Каткову о своей полной непричастности («не видел все время ни Фрейсину, ни Флокэ, никого другого», не желая «сделать из Флокэ врага России») [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 22, л. 26—26об]. Как доказал И. В. Лукоянов, контакты между Ционом и Флокэ были [Лукоянов, 2018, с. 240—241]. Цион, впрочем, косвенно указывал на причастность самого Моренгейма: «...официальные представители то и делали, что на каждом шагу оскорбляли здесь национальные чувства» [ОР РГБ, ф. 120, кн. 39, № 22, л. 26об—27]. Уже после смерти Каткова Цион отмечал, что за интригой стоял «молодой» А. Н. Гирс (сын Н. К. Гирса), также служивший при русском посольстве в Париже [Лукоянов, 2018, с. 238]. Однозначно известно, что обе интриги убедили Александра III в ненадежности Каткова, даже несмотря на заступничество его «правительственной партии». На фоне развернувшихся интриг восстановили свое влияние на Александра III Гирс и Ламздорф, пролоббировав в июне 1887 года тайный «договор перестраховки» между Россией и Германией [Ламздорф, 1926, с. 161]. Катков же вскоре после серии интриг и окончательной потери влияния на Александра III скоропостижно скончался (1 августа 1887 года).

Уже после смерти Каткова, как известно, линия на франко-русское сближение, начатая им, восторжествует. Цели и стратегии, использовавшиеся другими участниками франко-русского сближения 1870—1880-х годов, вполне очевидны. Парижский круг Ж. Адам действовал через манипуляции французским (европейским) общественно-политическим мнением в пользу реваншизма под формальной эгидой панславизма. Их действия зачастую приводили к «симфонии» печати и политики, они подчиняли своему влиянию видных французских политических деятелей. Моренгейм, сотрудник российского МИДа, вел внутриведомственные интриги, используя идею франко-русского сближения и разворачивавшийся на его глазах конфликт Каткова с российским МИДом (Н. К. Гирсом и Ламздорфом) как средство для продвижения по карьерной лестнице. На фоне вполне очевидных целей и стратегий, описанных выше, по-прежнему остаются неясными цели и стратегии, которые использовал Катков. В советской историографии его участие во франко-русском сближении объяснялось личной

финансовой заинтересованностью, проявлявшейся в «интересах <...> новой промышленной буржуазии» [М. Н. Катков ..., 1933, с. 59]¹. В современной историографии Каткова реабилитировали, все чаще указывают на идейную сторону его участия во франко-русском сближении, представляют его не то франкофилом, не то главным адептом патриотических идей «национальной политики», опиравшейся на широкое общественное мнение [Котов, 2022, с. 224—232; Лукоянов, 2018, с. 242]. Эту идеальную картину размывают слова Ламздорфа о Каткове: «преисполненный тщеславием и опьяненный влиянием, которое ему предоставлено» [Ламздорф, 1926, с. 51]. Иными словами, за внешней оболочкой слов о необходимости «национальной внешней политики» вполне могли скрываться решительные попытки Каткова усилить свое влияние в российских правительственных кругах. Упоминаемые франкофильство и слова о «национальной политике» в таком виде предстают лишь одним из средств Каткова к проведению серии российских внутриправительственных интриг, целью которых в 1880-е годы стал недавно назначенный на пост министра иностранных дел Н. К. Гирс². Катков попытался задействовать всю полноту доступного ему влияния и воспользоваться доверием Александра III. Император сам способствовал этой борьбе, маневрируя между различными правительственными группировками, выступая своего рода верховным арбитром. Впрочем, плоды этой борьбы, окутанной пафосом слов о франко-русском сближении, пожинались уже на рубеже 1886/1887 годов. После продолжительной критики министр финансов Н. Х. Бунге был заменен И. А. Вышнеградским, близким к кругу Каткова и Победоносцева. Постепенно под давлением ответных интриг со стороны Моренгейма и Катакази Катков утратил доверие государя, оказавшись заложником своего положения. Правда, и организаторы интриг против Каткова не приобрели влияния на государя и его доверия.

4. Заключение = Conclusions

Итак, франко-русское сближение 1870—1880-х годов активно развивалось через контакты и инициативы частных лиц, связанных сетью неформальных связей с правительственными кругами обоих государств. Зародившаяся на парижской салонной сцене идея франко-русского сбли-

- 1 В современной историографии И. В. Лукоянов убедительно доказал, что финансы были частью самостоятельных предприятий Циона, а не Каткова, подробнее см.: [Лукоянов, 2018, с. 240—242].
- 2 Исследователь А. Э. Котов отмечает, что в 1887 году в группировке Каткова-Победоносцева обсуждалась идея вернуть министерский портфель бывшему министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву, предполагая, что речь могла идти о портфеле министра иностранных дел, подробнее см.: [Котов, 2022, с. 233—234].

жения на волне идеи реваншизма во Франции и популярности панславизма (в какой-то степени олицетворявшего идеи антигерманизма в России) способствовала выработке, на первый взгляд, общей программы действий по организации франко-русского сближения и союза. Однако каждый участник сближения преследовал собственные цели и использовал согласно своим интересам определенные стратегии их достижения. Удивляет, что ни один из них (за исключением, наверное, Маннергейма) уже не имел того же влияния в 1890-е годы, когда франко-русский союз принял законченный вид, но уже predetermined инициативами по линии министерств иностранных дел, исходивших из контекста существовавшей дипломатической обстановки.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Адам Ж. Генерал Скобелев. Воспоминания госпожи Адам (Жульеты Ламбер) / Ж. Адам. — Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1886. — 55 с.
2. ГА РФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. 1718 (Катков Михаил Никифорович). Оп. 1. Д. 5 (Письма К. Г. Катакази Каткову 27 октября 1882 г.) ; Ф. 568 (Ламздорф Владимир Николаевич). Оп. 1. Д. 53 (Ламздорф, В. Н. Обзор внешней политики России за время царствования Александра III (черновик)) ; Ф. 568. Оп. 1. Д. 54 (Ламздорф, В. Н. Газетные статьи и выписки из записок Каткова с критикой внешней политики России с замечаниями Александра III, Гирса и Ламздорфа).
3. *Действия* Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества и других подобных обществ русских и иноземных // Славянское обозрение. — 1883. — № 1. — С. 1—2.
4. *Ламздорф В. Н.* Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890) / В. Н. Ламздорф ; под ред. Ф. А. Ротштейна. — Москва : Гос. Изд-во., 1926. — 407 с.
5. *Ламздорф В. Н.* Дневник В. Н. Ламздорфа (1891—1892) / В. Н. Ламздорф ; под ред. Ф. А. Ротштейна. — Москва : ACADEMIA, 1934. — 430 с.
6. М. Н. Катков и Александр III в 1886—1887 гг. // Красный архив. — 1933. — Т. 3 (58). — С. 58—86.
7. ОР РГБ — *Отдел рукописей* Российской государственной библиотеки. Ф. 120 (Катков Михаил Никифорович). Кн. 40. № 7 (Письмо Циона Каткову от 18/30 июня 1887 г.) ; Ф. 120. Кн. 39. № 22, 23, 25, 51.

Литература

1. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи : 1801—1914 / О. Р. Айрапетов. — Москва : Европа, 2006. — 668 с. — ISBN 5-9739-0064-9.
2. *Белый генерал* / предисл. В. В. Дробышева. — Москва : Патриот, 1991. — 539 с. — ISBN 5-7030-0534-5.

3. Данилова О. С. У истоков французской славистики — между полонофильством и русофильством — альтернатива XIX в / О. С. Данилова // Славянский альманах 2003. — Москва : Индрик, 2004. — С. 104—120. — ISBN 5-85759-257-7.

4. Иванов И. А. Союз России с Францией в оценке русских правых начала XX века / И. А. Иванов // Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки. — 2023. — С. 27—43.

5. Котов А. Э. «Птенцы гнезда Каткова» в конце 1880-х гг. : националисты в империи / А. Э. Котов // Русский сборник : исследования по истории России: 300 лет Российской империи. — Москва : Колеров, 2022. — С. 224—245.

6. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова : Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х годов / А. Э. Котов. — Москва : Владимир Даль, 2016. — 487 с. — ISBN 978-5-93615-176-7.

7. Кругликова О. Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1863—1887 годы) : к вопросу об истоках и характере политического влияния / О. Кругликова // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 3. — С. 71—88. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-71-88.

8. Лошако А. Ю. Граф В. Н. Ламздорф — государственный деятель и дипломат : дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Ю. Лошако. — Москва, 2016. — 323 л.

9. Лукоянов И. В. М. Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) / И. В. Лукоянов // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 3. — С. 232—244. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244.

10. Мамонов А. В. Бюрократия и Катков / А. В. Мамонов // Российская история. — 2018. — № 5. — С. 170—176. — DOI: 10.31857/S086956870001570-5.

11. Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов / А. З. Манфред ; Академия наук СССР, Институт истории. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — 591 с.

12. Медоваров М. В. Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов / М. В. Медоваров // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 3. — С. 85—98. — DOI: 10.24030/24092517-2020-03-8598.

13. Павленко О. В. Панславизм и его модели / О. В. Павленко // Новая и новейшая история. — 2016. — № 5. — С. 3—15.

14. Первалова Е. В. Дипломат Константин Катакази — корреспондент газеты «Московские ведомости» (по материалам ОР РГБ) / Е. В. Первалова // Румянцевские чтения — 2022 : материалы Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Москва (19—21 апреля 2022). — Москва : Пашков дом, 2022а. — Т. 2. — С. 109—115.

15. Первалова Е. В. Министр и журналист: взаимоотношения Д. А. Толстого и М. Н. Каткова / Е. В. Первалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022б. — № 76. — С. 339—342. — DOI: 10.17223/19986645/76/15.

16. Первалова Е. В. Участие Н. Я. Данилевского в изданиях М. Н. Каткова в 1880-х годах / Е. В. Первалова // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 3. — С. 135—148. — DOI: 10.24030/24092517-2020-0-3-135-148.

17. Рыбачёнок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века / И. С. Рыбачёнок. — Москва : АН СССР, 1993. — 351 с. — ISBN 5-201-00676-0.

18. Сильянов М. В. Российско-французское сближение конца XIX века в зеркале общественного мнения: историографические оценки / М. В. Сильянов // Вестник КГУ. — 2017. — Т. 23, № 4. — С. 41—45.

19. Шевелев А. С. Две жизни Ильи Циюна / А. С. Шевелев // Природа. — 1993. — № 9. — С. 108—111.

20. D'Agostini A. L'agency de Juliette Adam (1836—1936) des lieux, des rôles et des combats pour agir en politique / A. D'Agostini // Rives Méditerranéennes. — 2012. — № 41. — P. 101—115.

21. Hillis F. The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France / F. Hillis // *The Journal of Modern History*. — 2017. — № 89. — P. 39—78. — Access mode: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/690124#> (accessed 15.04.2023).
22. Kennan G. F. The curious monsieur Cyon / G. F. Kennan // *The American Scholar*. — 1986. — Vol. 55, № 4. — P. 449—475.
23. Kennan G. F. The decline of Bismarck's European order : Franco-Russian relations 1875—1890 / G. F. Kennan. — Princeton : Princeton University Press, 1981. — 451 p.
24. Radziwill C. Behind the veil at the Russian court / C. Radziwill. — London, New York, Toronto and Melbourne : Cassell and Company, 1913. — Assess mode: <https://www.gutenberg.org/files/61886/61886-h/61886-h.htm> (accessed 13.04.2023).
25. Sowerwine Ch. La politique, «cet élément dans lequel j'aurais voulu vivre»: l'exclusion des femmes est-elle inhérente au républicanisme de la Troisième République? / Ch. Sowerwine // *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. — 2006 (2). — № 24. — P. 171—194.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2023,
одобрена после рецензирования 26.04.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.*

Material resources

- Actions of the St. Petersburg Slavic Charitable Society and other similar societies of Russian and foreign. (1883). *Slavic Review*, 1: 1—2. (In Russ.).
- Adam, J. (1886). *General Skobelev. Memoirs of Mrs. Adam (Juliette Lamber)*. St. Petersburg: Printing house V. S. Balasheva. 55 p. (In Russ.).
- GA RF — State Archive of the Russian Federation (Katkov Mikhail Nikiforovich). (Letters to K. G. Katakazi Katkov October 27, 1882). (Lamzdorf Vladimir Nikolaevich). (In Russ.).
- Lamzdorf, V. N. (1926). *Diary of V. N. Lamzdorf (1886—1890)*. Moscow: State publishing house. 407 p. (In Russ.).
- Lamzdorf, V. N. (1934). *Diary of V. N. Lamzdorf (1891—1892)*. Moscow: ACADEMIA. 430 p. (In Russ.).
- M. N. Katkov and Aleksandr III in 1886—1887. (1933). *Krasnyy Archive*, 3 (58): 58—86. (In Russ.).
- OR RGB — *Department of Manuscripts of the Russian State Library*. (Katkov Mikhail Nikiforovich). (In Russ.).

References

- D'Agostini, A. (2012). L'agency de Juliette Adam (1836—1936) des lieux, des rôles et des combats pour agir en politique. *Rives Méditerranéennes*, 41: 101—115.
- Ayrapetov, O. R. (2006). *Foreign policy of the Russian Empire: 1801—1914*. Moscow: Evropa. 668 p. ISBN 5-9739-0064-9. (In Russ.).
- Danilova, O. S. (2004). At the origins of French Slavic studies — between Polonophilism and Russophilism — an alternative to the 19th century. In: *Slavonic Almanac 2003*. Moscow: Indrik. 104—120. ISBN 5-85759-257-7. (In Russ.).
- Drobysheva, V. V. (ed.). (1991). *White General*. Moscow: Patriot. 539 p. ISBN 5-7030-0534-5. (In Russ.).
- Hillis, F. (2017). The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France. *The Journal of Modern History*, 89:

- 39—78. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/690124#> (accessed 15.04.2023)
- Ivanov, I. A. (2023). Union of Russia with France in the assessment of the Russian right beginnings of the twentieth century. In: *MCU journal of historical studies*. 27—43. (In Russ.).
- Kennan, G. F. (1981). *The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations 1875—1890*. Princeton: Princeton University Press. 451 p.
- Kennan, G. F. (1986). The curious monsieur Cyon. *The American Scholar*. 55 (4): 449—475.
- Kotov, A. E. (2016). "The Tsar's Way" by Mikhail Katkov: *The Ideology of Bureaucratic Nationalism in the Political Journalism of the 1860s—1890s*. Moscow: Vladimir Dal. 487 p. ISBN 978-5-93615-176-7. (In Russ.).
- Kotov, A. E. (2022). "Chicks of Katkov's Nest" in the late 1880s.: nationalists in the empire. In: *Russian collection: research on the history of Russia: 300 years of the Russian Empire*. Moscow: Kolerov. 224—245. (In Russ.).
- Kruglikova, O. (2018). M. N. Katkov's newspaper "Moskovskye vedomosti" (1863—1887) — the origins and the gist of political influence. *Essays on conservatism*, 3: 71—88. DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-71-88. (In Russ.).
- Loshako, A. Yu. (2016). *Count V. N. Lamzdorf — statesman and diplomat: PhD Diss*. Moscow. 323 p. (In Russ.).
- Lukoyanov, I. V. (2018). M. N. Katkov and Russian empire foreign policy in the reign of Alexander III (1880-ies). *Essays on conservatism*, 3: 232—244. DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244. (In Russ.).
- Mamonov, A. V. (2018). Bureaucracy and Katkov. *Russian history*, 5: 170—176. DOI: 10.31857/S086956870001570-5. (In Russ.).
- Manfred, A. Z. (1952). *French Foreign Policy 1871—1891*. Moscow: Publishing house Acad. sciences of the USSR. 591 p. (In Russ.).
- Medovarov, M. V. (2020). Geopolitical concepts of Russian conservatives in the 1890s (Based on the publications of "Russkoe obozrenie" journal and its opponents). *Essays on conservatism*, 3: 85—98. DOI: 10.24030/24092517-2020-03-8598. (In Russ.).
- Pavlenko, O. V. (2016). Pan-Slavism and its models. *New and recent history*, 5: 3—15. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2020). N. Ya. Danilevsky's participation in M. N. Katkov's periodicals in 1880s. *Tetrad po konservatizmu*, 3: 135—148. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-3-135-148. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2022a). Diplomat Konstantin Katakazi — correspondent of the newspaper "Moskovskie Vedomosti" (based on the materials of the OR RSL). In: *Rumyantsev Readings — 2022: materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow (April 19—21, 2022)*. Moscow: Pashkov dom. 2: 109—115. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2022b). A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov. *Tomsk State university journal of philology*. 76: 339—342. DOI 10.17223/19986645/76/15. (In Russ.).
- Radziwill, C. (1913). *Behind the veil at the Russian court*. London, New York, Toronto and Melbourne: Cassell and Company. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/61886/61886-h/61886-h.htm> (accessed 13.04.2023).
- Rybachenok, I. S. (1993). *Union with France in Russia's foreign policy at the end of the 20th century*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 351 p. ISBN 5-201-00676-0. (In Russ.).

- Silyanov, M. V. (2017). Russian-French harmonisation of the late 19th century in the light of public opinion: historiographical evaluations. *Vestnik of Kostroma state university*, 23 (4): 41—45. (In Russ.).
- Shevelev, A. S. (1993). Two Lives of Elijah Zion. *Nature*, 9: 108—111. (In Russ.).
- Sowerwine, Ch. (2006). La politique, «cet élément dans lequel j'aurais voulu vivre»: l'exclusion des femmes est-elle inhérente au républicanisme de la Troisième République? *Clio: Histoire, femmes et sociétés*, 24: 171—194.

*The article was submitted 14.03.2023;
approved after reviewing 26.04.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Вязинкин А. Ю. Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 402—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417.

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Peasants in Revolutionary Events of Early 20th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 402-417. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417

Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев

Вязинкин Алексей Юрьевич

orcid.org/0000-0003-3821-6168

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
vyazinkin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович *

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,

* *корреспондирующий автор*

kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда

№ 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Peasants in Revolutionary Events of Early 20th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles

Alexey Yu. Vyazinkin

orcid.org/0000-0003-3821-6168

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher
vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov *

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,
Senior Researcher,

* *Corresponding author*

kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by the Russian
Science Foundation, grant

№ 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализировано участие поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды в политической жизни Российской империи начала XX века. Актуальность выбранной темы связана с востребованностью в отечественной исторической науке крестьяноведческих и поколенческих исследований. На основе материалов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и вспомогательных архивных источников определяются характерные особенности заданной проблемы в социально-историческом аспекте. Исследование базируется на методологическом сценарии: квантификация — систематизация — интерпретация. Материалы исторических источников обобщены в таблицах. Систематизированные материалы были проанализированы, а результаты интерпретированы в контексте социально-исторического содержания модернизационных процессов конца XIX — начала XX веков и их влияния на жизнь сельского социума в Российской империи. Отмечается несомненное доминирование среди представителей революционного движения изучаемого поколения мужчин, что связывается с сильным влиянием габитуса патриархального сельского мира. Установлено, что они имели невысокий уровень образования, отразившийся на мотивировке участия в политических объединениях, допустимости сочетания участия в двух объединениях или легкого перехода из одной партии в другую, поверхностности политического сознания.

Ключевые слова:

крестьянство; поколение «революционного перелома»; Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев; революционное движение; социальная история.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The participation of the “revolutionary turning point” generation of people from the peasant environment in the political life of the Russian Empire at the beginning of the 20th century is considered. The relevance of the chosen topic is connected with the demand for peasant studies and generational studies in the domestic historical science. Based on the materials of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles and auxiliary archival sources, the characteristic features of the given problem in the socio-historical aspect are determined. The study is based on a methodological scenario: quantification — systematization — interpretation. Materials of historical sources are summarized in tables according to certain criteria developed in accordance with research tasks. The systematized materials were analyzed, and the results were interpreted in the context of the socio-historical content of the modernization processes of the late 19th and early 20th centuries. and their influence on the life of rural society in the Russian Empire. There is an undoubted dominance among the representatives of the revolutionary movement of the studied generation of men, which is associated with the strong influence of the habitus of the patriarchal rural world. It was established that they had a low level of education, which was reflected in the motivation for participation in political associations, the admissibility of a combination of participation in two associations or an easy transition from one party to another, and the superficiality of political consciousness.

Key words:

peasantry; generation of “revolutionary turning point”; All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers; revolutionary movement; social history.

Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2023

1. Введение = Introduction

Изучение истории российского крестьянства посредством обращения к уникальному периоду трансформации жизненного уклада деревни и ее традиционных институтов является актуальной проблемой крестьяноведения. Социально-исторический анализ при осуществлении междисциплинарного подхода в исследовании позволяет рассмотреть факторы и особенности формирования революционных настроений и революционного авангарда из числа выходцев из крестьянской среды — представителей поколения «революционного перелома».

В ряде современных исследований изучены некоторые социально-демографические аспекты обозначенной проблемы [Безгин и др., 2022; Якимов, 2021]. Исследователи пришли к важному выводу о том, что «апогей революционных выступлений молодежи пришелся на период первой русской революции 1905—1907 годов» [Безгин и др., 2022, с. 1243]. Однако ряд аспектов обозначенной нами проблемы на сегодняшний день не исследован.

Цель исследования заключается в комплексном социально-историческом анализе проблемы политического участия поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды — в революционных событиях начала XX века. Достижение цели предполагает изучение следующих аспектов проблемы: гендерного фактора, уровня образования, национальной принадлежности, динамики революционной активности, политических убеждений и партийной принадлежности участников революционных событий.

Для отбора релевантных материалов, полученных из исторических источников, важно сформировать «представление о границах одного поколения» [Дубин, 2005, с. 63], которое будет не только определено хронологически, но и станет своеобразной фиксацией общего для этого поколения значимого социокультурного опыта, который включает не только унаследованные традиции, но и индивидуально и совместно пережитые события, определенным образом оформленные в единой культурно-символической среде.

Т. Шанин отмечал, что ученые любят ориентироваться на точные границы, пренебрегая фактурой, поскольку она изменчива [Шанин, 2005, с. 10]. Наш же специфический исследовательский случай требует учета и конкретных рамок, и фактуры. В фокусе нашего анализа находится то, что Б. В. Дубин назвал «именным поколением», то есть поколением ««свидетелей» крупномасштабного перелома, общего срыва большинства рутинных механизмов социального порядка, систем его поддержания и воспроизводства» [Дубин, 2005, с. 68]. Разумеется, социология часто имеет дело с поколенческими исследованиями. Однако и в исторических исследованиях такой подход встречается. Существуют зарубежные исследования, в фокусе которых находится так называемые «именные поколения» [Spitzer, 1987; Wohl, 1979].

Наше исследование базируется на комплексе понятий. В первую очередь, это понятие «поколение революционного перелома», к которому сам автор концепта, отечественный социолог Ю. А. Левада относит поколение родившихся «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34]. Причем сам период «революционного перелома» имеет нижнюю границу — 1905 год и верхнюю — 1930 год. Мы, как и ряд других современных исследователей [Ипполитов, 2023; Сафонов, 2023; Слезин, 2022; Shitova et al., 2022; Slezin, 2023], полагаем, что при таком не вполне четком определении, которое является, скорее, фактурным достоинством концепта, нежели его недостатком, следует трактовать поколение «революционного перелома» расширительно. Специфика нашего исследовательского кейса, которая связана прежде всего с источниковыми материалами и особенной выборкой (члены Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев), предполагает это расширение в направлении нижней границы определения даты рождения представителей «поколения». Мы предлагаем трактовать поколение «революционного перелома» в контексте указанной научной проблемы как людей, родившихся в период с 1881 по 1896 годы. Смещение границ и 16-летний поколенческий цикл обусловлены спецификой социально-исторической проблемы и статистическими данными, полученными при обработке материалов, извлеченных из источников.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Решение заявленной проблемы предполагает использование подходов поколенческой истории, которые связаны с демографическими статистическими данными и методами исторической социологии. Т. Шанин утверждал, что поколенческий подход в изучении истории позволяет увидеть «более богатую точную картину» истории: «При таком подходе один из способов понять, как и куда движется история, — это установить и правильно вычленить главные события, которые сформировали мышление слоя людей, играющего

ныне решающую роль. Поэтому можно говорить о поколении определенной войны, поколении определенного кризиса и т. д., если данные события обусловили их видение и мышление» [Шанин, 2005, с. 8].

Уместно использование поколенческого подхода к изучению нашей конкретно-исторической проблемы в связи со спецификой исследуемого исторического периода, который насыщен событиями, захватившими подавляющее большинство населения страны либо отразившимися на нем. В таких исторических условиях и обстоятельствах вырабатывается то, что Т. Шанин называл «духом поколения», объединяющим «всех, кто прошел через одни и те же события, и о поколенческих единствах» [Там же, с. 17]. Нельзя не согласиться с его мнением: «Русскую революцию не объяснить без поколенческого анализа русского общества в этот период» [Там же, с. 20].

Социально-исторический анализ проблемы, как отмечалось выше, подразумевает освещение разнообразных аспектов трансформации жизненного уклада деревни в годы «революционного перелома», а также влияния этой трансформации на формирование сознания выходцев из крестьянской среды. И в этом отношении методологически мы опираемся на определенную последовательность обработки данных, полученных из исторических источников и представляющих собой эпистемологическую схему интегрированной «исторической социальной науки»: квантификация — систематизация — интерпретация. Такой подход базируется на теоретических разработках австрийского историка Р. Зидера, ориентирующегося в социально-историческом анализе на плюрализм возможных перспектив [Зидер, 1993, с. 178].

Основным источником для настоящего исследования послужил биографический справочник «Политическая каторга и ссылка», составленный в 1934 году на основании индивидуальных анкет и содержащий ценные сведения об участниках революционного движения, прошедших через каторгу и ссылку в конце XIX — начале XX веков [Политическая каторга ..., 1934, с. 15—886]. Данные справочника послужили основой для проведения социально-демографического исследования с выборкой поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды — в качестве отдельного объекта исследования.

При составлении таблицы базы данных нами был выработан формуляр в формате Excel, охватывающий ключевые социально-биографические характеристики выходцев из крестьянского сословия, родившихся в период с 1881 по 1896 годы. Несмотря на разнообразие содержащейся в биографическом справочнике информации о политкаторжанах, первоочередное внимание при построении формуляра отводилось количественному анализу наиболее полно представленных персональных характеристик революционеров (национальность, пол, дата рождения, уровень образования,

политическая принадлежность, а также годы начала революционной деятельности и ареста). На основании полученных результатов были построены диаграммы, отражающие основные результаты просопографического исследования.

Вместе с тем следует отметить, что рассматриваемая нами выборка имеет свою специфику в силу некоторых особенностей вступления политкаторжан в состав Общества. Во-первых, его членами могли стать только представители леворадикального крыла революционного движения, поэтому среди них нет ни кадетов, ни трудовиков, ни октябристов. Во-вторых, изначально членом Общества могли быть лишь те, кто имел стаж революционной деятельности не менее 25 лет и в течение 4 лет подвергался репрессиям со стороны царской власти. И только после решения IV съезда Общества, принятого в 1931 году, был упрощен порядок вступления. Отныне его членом мог стать любой участник революционного движения, подвергшийся аресту, тюремному заключению, каторге или ссылке. Исключение касалось лишь тех, кто, будучи в местах отбывания наказания, обращался к дореволюционной власти с прошением о помиловании. При этом анкеты политкаторжан, заполняемые ими при вступлении в Общество, проверялись на предмет достоверности, о чем свидетельствует весьма длинный список исключенных за искажение или сокрытие личных данных о своем революционном прошлом.

В то же время полезным оказалось обращение к материалам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в фондах которого сохранились личные дела членов Общества. Автобиографии рассматриваемых политкаторжан позволили глубже понять источники революционной активности выходцев из крестьянского сословия, а также уточнить и конкретизировать полученные результаты количественного анализа воспоминаниями участников революционного движения. Не менее значимым источником стал историко-революционный журнал «Каторга и ссылка», содержащий ценные сведения о революционном прошлом политкаторжан.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Гендерный аспект

На момент составления биографического справочника всего насчитывалось 2980 членов Общества. Крестьян, родившихся в период с 1881 по 1896 годы, среди них было 651 человек. Данный показатель отражает весьма существенную долю крестьян поколения «революционного перелома» в общем составе Общества (21,8 %). Следует отметить, что при составлении таблицы базы данных нами учитывались те, кто был выходцем из крестьянских семей, в то время как их революционный путь не всегда

был связан с деревней. Тем не менее мы учитываем мощное влияние габитуса патриархального сельского социума на характерные особенности социально-психологического поведения и, как следствие, социально-исторического развития.

Гендерный состав рассматриваемой когорты отличался заметным преобладанием мужчин — 622 человека (90,5 %). Столь незначительная доля крестьянских девушек (9,5 %) среди революционно настроенной части российской деревни периода поздней империи в первую очередь объясняется традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Как справедливо заметил В. Б. Безгин, ключевая цель семейного воспитания деревенских девушек заключалась в подготовке ее основного предназначения — быть матерью и женой [Безгин, 2017, с. 11]. Соответственно, и процесс социализации девушек имел иные направления. В частности, на селе господствовали представления о том, что обучение девочек грамоте и тем более получение образования в специализированных учебных заведениях являются необязательными и даже вредными, тогда как гимназии и университеты нередко становились тем местом, где молодые люди знакомились с революционными идеями.

3.2. Уровень образования

Рис. 1. Уровень образования крестьян в (%)

Сравнительно невысоким был уровень образования революционно настроенной части крестьянства (рис. 1), что объясняется объективными факторами развития образовательной системы в Российской империи. При этом низкий уровень доступности образования для выходцев из крестьянской среды был одним из важнейших социальных факторов радикализации их поведения в условиях революционной политической атмосферы.

Тем не менее из общего числа представителей рассматриваемого поколения только 8 человек (1,2 %), характеризую себя, выбрали ответ «малограмотные». Более половины сельчан (51,6 %) в графе «образование» указали низшее, что фактически предполагало прохождение обучения в начальной школе. В то же время существенная часть крестьян отметила наличие домашнего образования (17,1 %), распространенность которого во многом объясняется возросшим к концу XIX века количеством земских школ домашнего обучения, более адаптированных к укладу жизни сельских обывателей. Среднее образование (23,5 %), как правило, было у тех, кто окончил гимназию или духовную семинарию, где многие из крестьян и знакомились с революционными идеями. К примеру, уроженец с. Копорье Санкт-Петербургской губернии Ф. С. Петров познакомился с революционной пропагандой большевиков через кронштадтских гимназистов [Каторга и ссылка ..., 1934, с. 130]. Были и те, кто оказался исключен из средних (4,7 %) и высших (1,9 %) учебных заведений в силу своей революционной деятельности, ареста или возникших финансовых трудностей. В частности, И. М. Кухалишвили был исключен из духовной семинарии после участия в октябрьских событиях 1905 года, а причиной для исключения из училища Е. Х. Румбы послужило распространение революционной литературы [Политическая каторга ..., 1934, с. 341, 553].

3.3. Национальный аспект

Рис. 2. Национальный состав в (%)

Не меньший интерес представляет национальный состав рассматриваемой выборки (рис. 2). На основании имеющихся данных мы видим вполне закономерное преобладание наиболее многочисленных народов, населявших Российскую империю в конце XIX — начале XX веков. Среди них было 345 русских (52,9 %), 102 украинца (15,6 %) и 24 белоруса

(3,2 %). Значительна доля латышей — 89 человек (13,6 %) — в национальном составе революционно настроенной части российского крестьянства. Причины их революционной активности во многом были обусловлены недовольством засильем немецких помещиков, а также административным гнетом и политикой русификации царского правительства [Блейере, 2005, с. 59—60]. По всей видимости, их радикальные мотивы имели существенный националистический оттенок. Схожие мотивы стимулировали участие грузинского (5,3 %) и польского (3,9 %) крестьянства в революционном движении начала XX века в Российской империи. Весьма незначительной оказалась доля евреев (1,2 %) среди крестьян поколения «революционного перелома», тогда как в общем составе Общества они составляли около 20 % [Якимов, 2021, с. 170]. Это обстоятельство объясняется тем, что евреи в большинстве случаев проживали либо в городах черты оседлости, либо в мелких неземледельческих поселениях, где преобладала торгово-ремесленная часть населения.

В социально-историческом смысле для выявления как статических, так и динамических показателей важной составляющей биографий политикаторжан был год начала революционной деятельности, позволяющий нам рассчитать возраст политической инициации членов Общества и проследить динамику развития революционного движения в Российской империи в начале XX века. Как показывают результаты проведенного исследования, абсолютное большинство крестьян поколения «революционного перелома» примкнуло к революционному движению в возрасте от 16 до 24 лет (92,2 %). При этом 43,4 % из них стали оказывать содействие революционному делу в возрасте от 18 до 20 лет. Как правило, в юношеском возрасте крестьяне освобождались от чрезмерной опеки со стороны старших родственников и при этом в большинстве случаев оставались свободными от семейных уз и соответствующих обязательств, что делало их более предрасположенными к восприятию революционной агитации. Именно в этом возрасте, для которого в целом свойственен юношеский максимализм и сравнительно низкий порог внушаемости, молодые крестьяне покидали привычную социокультурную среду, уезжая в города и поступая в учебные заведения, где многие из них и знакомились с революционными идеями. Вместе с тем были и те, кто начал оказывать содействие революционному делу в возрасте от 13 до 15 лет (4,6 %). К примеру, М. В. Горячева еще 12-ти летним подростком родители привезли из деревни в Санкт-Петербург, где через пару лет на заводе «Вулкан» он и попал под революционное влияние [Каторга и ссылка ..., 1932, с. 187]. Самой немногочисленной возрастной группой среди крестьян рассматриваемого поколения оказались лица от 25 до 28 лет (3,2 %).

3.4. Динамика революционной активности

Рис. 3. Динамика развития революционного движения

Год вступления в партию как один из критериев социально-исторического анализа позволяет нам проанализировать динамику политической активности радикальных представителей поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды. Абсолютное большинство крестьян примкнуло к революционному движению в период первой российской революции — 53,6 %, при этом пик революционной активности пришелся на 1905 год — 36, 2% (рис. 3). Например, крестьянин И. С. Иочков-Вакуленко указал в своей автобиографии, что познакомился с революционными идеями в 1905 году через меньшевиков во время забастовки торговых служащих [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 775, л. 3]. Уроженец Смоленской губернии Д. А. Бобков во время прохождения военной службы под впечатлением от событий «Кровавого воскресенья» занялся активной антиправительственной пропагандой [Каторга и ссылка ..., 1935, с. 131]. Стихийность возникновения революционных настроений в 1905 году в своей автобиографии отмечала Н. Ф. Казанская-Фомина [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 1888, л. 3]. Значительная часть крестьян (37,3 %) стала оказывать содействие революционному делу в 1902—1904 годах. Главная причина роста революционной активности крестьян в указанный период — тяжелое материальное положение их хозяйств в связи с обострившейся к началу XX века проблемой малоземелья. Как отмечали В. В. Кондрашин и И. Н. Слепнёв, рост протестных настроений на селе в предреволюционные годы во многом был обусловлен кризисом в стране и голодом, охватившим основные зерновые районы Российской империи, а также отразившимися на политической стабильности и национальном самосознании военными неудачами империи в ходе русско-японской войны [Кондрашин, 2021, с. 49].

Период непрерывной революционной деятельности (от момента вступления в политическую организацию до первого ареста) у крестьян в боль-

шинстве случаев был продолжительностью от 1 года до 3 лет (66,7 %). В то же время было немало тех, кто оказывал содействие революционному делу всего несколько месяцев (14,6 %). И лишь немногим (18,7 %) удавалось успешно избегать репрессий более трех лет. В большинстве случаев причиной для их ареста могло послужить хранение оружия, участие в демонстрациях и забастовках, а также распространение «революционной» литературы. Однако в некоторых случаях оппозиционность крестьян проявляла себя и в более агрессивных формах. Так, К. С. Семерин в апреле 1907 года совершил убийство чиновника особых поручений, Н. Е. Елкин был осужден в декабре 1907 года за вооруженное нападение на интендантского фельдфебеля, И. М. Панферов участвовал в поджогах помещичьих усадеб и подготовке покушения на командира войск Казанского округа Саднецкого [Политическая каторга ..., 1934, с. 576—577, 210, 475].

Из тех, чьи судьбы нам известны, 213 человек (32,7 %) были арестованы два и более раз. Многие из них имели действительно впечатляющий послужной список арестов, а потому неудивительно, что впоследствии они оказались на каторге или в ссылке. В частности, уроженец Владимирской губернии К. А. Киселев за период с 1905 по 1916 годы подвергался аресту 4 раза, а украинец И. Т. Криворученко с 1905 по 1911 годы был арестован 6 раз [Там же, 1934, с. 281, 324]. Повторные аресты нередко применялись к тем, кто смог бежать из мест отбывания наказания. На основании проанализированных данных всего было зафиксировано 86 случаев побега, что составляет 13,2 % от общего количества побегов крестьян рассматриваемого поколения. Некоторые политкаторжане впоследствии скрывались от преследований за границей.

3.5. Политическая принадлежность

Рис. 4 Политическая принадлежность

Анализ политической принадлежности политкаторжан свидетельствует о том, что в начале XX века среди крестьян поколения «революционного перелома» были представители всех основных леворадикальных политических течений (рис. 4). По всей видимости, распространенность и привлекательность неонароднической идеологии в сельской местности (в первую очередь в отношении решения земельного вопроса) обусловили преобладание среди радикально настроенной части крестьянства социалистов-революционеров (40,8 %). Весьма многочисленной оказалась доля крестьян среди членов РСДРП (38,8 %), при этом всего 17 человек (3 %) указали на свою принадлежность к фракции большевиков. Можно предположить, что немалая часть из них примкнула к меньшевикам, однако на момент вступления в Общество безопаснее было ограничиться указанием на свою принадлежность к социал-демократам. Пестрый национальный состав рассматриваемой когорты обусловил членство крестьян в различных леворадикальных национальных организациях (16,4 %). Кроме того, среди оппозиционно настроенных крестьян были представители анархо-коммунизма (3,6 %) и анархо-синдикализма (0,4 %).

При этом нередким явлением были переходы из одной леворадикальной организации в другую. Всего 56 человек (8,6 %) в течение своей революционной деятельности числились в двух и более революционных организациях или кружках. В большинстве случаев подобные переходы были стихийными и, как правило, возникали после ареста, побега или смены места проживания. К примеру, уроженец Таврической губернии И. С. Иочков-Вакуленко начал свой революционный путь как меньшевик, в 1907 году примкнул к эсерам, а накануне своего ареста оказывал содействие анархо-коммунистам. В своей автобиографии, объясняя изменчивость политических предпочтений, он отмечал, что попросту был революционером с социалистическими взглядами, воодушевленным подвигами «героев-террористов» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 775, л. 3].

Приведенные данные свидетельствуют о существенном преобладании практического интереса к участию в революционном движении над потребностью теоретического осмысления политической ситуации, сложившейся в империи в начале прошлого столетия. Это определяется и маргинализацией социального статуса выходцев из крестьянской среды, переехавших в город в поисках заработка. Разрыв с традиционным укладом патриархальной крестьянской жизни, с многовековым образом жизни отцов стал предпосылкой готовности к радикальному действию в условиях низкого уровня жизни городских низов и идейно-социальной атмосферы политической смуты, спровоцированной опасным разломом между традицией и модерном в конце XIX — начале XX веков.

4. Заключение = Conclusions

Социально-историческое исследование участия поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды в революционном движении начала XX века, осуществленное на основе анализа исторических источников, количественных данных и их интерпретации, позволило решить поставленные перед исследователями задачи.

Статистические данные в аналитических интерпретациях по таким разным проблемам, как национальная и половая принадлежность, год начала революционной деятельности (политической активности) и членство в различных политических партиях и объединениях, дают довольно полную социально-историческую картину, отражающую проблему участия поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды в политической жизни Российской империи начала XX века. Следует отметить, что, несмотря на характерное для леворадикальных сил требование гендерного равенства и эмансипации женщин, а также на народолюбческую традицию активного участия женщин в революционно-освободительном движении, в действительности процент их в составе политически активных радикальных организаций был крайне невысок, что связано в первую очередь с характерным габитусом деревни, где патриархальные устои имели значительную силу.

Наибольшая политическая активность выходцев из крестьянской среды поколения «революционного перелома» пришлась на период 1902—1905 годов, что связано с общим ускорением революционных процессов в стране. В целом для представителей рассматриваемого поколения характерен юный возраст начала революционной деятельности, который нередко приходился на период обучения в гимназиях или университетах. Как правило, период их непрерывной революционной активности не превышал трех лет. Низкая политическая грамотность предопределяла и постоянные переходы из одной партии в другую, совмещение членства в разных леворадикальных организациях, чьи политические программы во многом противоречили друг другу. Тем не менее можно однозначно говорить о популярности социалистических сил, тогда как анархические политические организации не смогли привлечь на свою сторону сколько бы то ни было значимый процент.

Следует сделать вывод о том, что, хотя интенсивный характер модернизационных процессов в Российской империи действительно привел к сильнейшему разрыву с традицией и породил деструктивные формы гражданской социальной и политической коммуникации, ставшие прологом будущей гражданской войны, тем не менее некоторые элементы патриархального уклада русской деревни и его воздействия на те или иные

аспекты развития личности и социума (малограмотность, политическая поверхностность, преимущественно мужское участие в политическом процессе и т. п.) сохранили влияние на выходцев из крестьянской среды поколения «революционного перелома».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации Ф. 533. Оп. 2. Д. 75. Л. 3, Ф. 533. Оп. 2. Д. 1888. Л. 3.
2. *Каторга* и ссылка. — 1932. — № 5 (90). — 192 с.
3. *Каторга* и ссылка. — 1934. — № 4 (113). — 173 с.
4. *Каторга* и ссылка. — 1935. — № 1 (116). — 159 с.
5. *Политическая каторга и ссылка*. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. — 1934. — 886 с.

Литература

1. *Безгин В. Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. — Москва : Ломоносов, 2017. — 248 с. — ISBN 978-5-91678-357-5.
2. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» начала XX века / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // Вестник архивиста. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247.
3. *Блейере Д.* История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. — Рига : Jumava, 2005. — 475 с. — ISBN 9984-05-866-2.
4. *Дубин Б. В.* Поколение : смысл и границы понятия / Б. В. Дубин // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 61—79. — ISBN 5-86793-370-9.
5. *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» / Р. Зидер // THESIS. — 1993. — Т. 1. — Выпуск 1. — С. 163—181.
6. *Ипполитов В. А.* Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 336—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362.
7. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в конце XIX — начале XX в. / В. В. Кондрашин, И. Н. Слепнев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2021. — № 4 (60). — С. 14—24. — DOI: 10.21685/2072-3024-2021-4-5.
8. *Левада Ю. А.* Ищем человека : Социологические очерки, 2000—2005 / Ю. А. Левада. — Москва : Новое издательство, 2006. — 384 с. — ISBN 5-98379-070-6.
9. *Сафонов Д. А.* Источники личного происхождения «поколения революции» : проблемы и задачи изучения / Д. А. Сафонов // Историческая наука и архивы в XXI веке : материалы Второй Всероссийской с международным участием научной конференции историков и архивистов. — Самара : ООО «САМАРАМА», 2023. — С. 346—354.

10. Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32.

11. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Общество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

12. Якимов К. А. Социально-демографический облик евреев-революционеров (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) / К. А. Якимов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 26. — № 193. — С. 169—179. — DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179.

13. Shitova A. A. The evolution of rural culture in the North Caucasus region in the 1920s: the role of the Komsomol / A. A. Shitova, A. A. Slezin // Voprosy Istorii. — 2022. — № 8—1. — Pp. 79—94. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi23.

14. Slezin A. A. Opposition of Peasants and Komsomol Members in the Spiritual Sphere of the Russian Village in the Early 1920-S / A. A. Slezin // Agrarian History. — 2023. — № 13. — Pp. 22—42. — DOI: 10.52270/27132447_2023_13_22.

15. Spitzer A. B. The French Generation of 1820 / A. B. Spitzer. — Princeton : Princeton University Press. — 1987. — 354 p.

16. Wohl R. The Generation of 1914 / R. Wohl. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. — 1979. — 307 p.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023,
одобрена после рецензирования 13.05.2023,
подготовлена к публикации 25.05.2023.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation F. 533. Op. 2. d. 75. L. 3, F. 533. Op. 2. D. 1888. L. 3.* (In Russ.).

Hard labor and exile, 5 (90). (1932). 192 S. (In Russ.).

Hard labor and exile, 4 (113). (1934). 173 S. (In Russ.).

Hard labor and exile, 1 (116). (1935). 159 S. (In Russ.).

Political hard labor and exile. (1934). Moscow: Publishing House of the All—Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers. 886 p. (In Russ.).

References

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point” of the beginning of the XX century. *Bulletin of the Archivist*, 4: 1235—1247. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2017). *The everyday world of the Russian peasant woman of the Late Empire period.* Moscow: Lomonosov. 248 p. ISBN 978-5-91678-357-5. (In Russ.).

Bleyer, D., Butulis, I., Zunda, A., Stranga, A., Feldmanis, I. (2005). *History of Latvia. XX century.* Riga: Jumava. 475 p. ISBN 9984-05-866-2. (In Russ.).

Dubin, B. V. (2005). Generation: the meaning and boundaries of the concept. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia.* Moscow: New Literary Review. 61—79. ISBN 5-86793-370-9. (In Russ.).

Ippolitov, V. A. (2023). Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 336—362. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362> (In Russ.).

- Kondrashin, V. V., Slepnev, I. N. (2021). Peasant movement in Russia at the end XIX — the beginning of the XX century. *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 4 (60): 14—24. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-4-5. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2006). *Looking for a man: Sociological essays, 2000—2005*. Moscow: New Publishing House. 384 p. ISBN 5-98379-070-6. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2023). Sources of personal origin of the “generation of revolution”: problems and tasks of study. In: *Historical science and archives in the XXI century: materials of the Second All-Russian Scientific Conference of Historians and Archivists with international participation*. Samara: SAMARAMA LLC. 346—354. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Society. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Shitova, A. A., Slezin, A. A. (2022). The evolution of rural culture in the North Caucasus region in the 1920s: the role of the Komsomol. *Voprosy Istorii*, 8—1: 79—94. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi23.
- Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of history*, 8—2: 106—128. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). Opposition of Peasants and Komsomol Members in the Spiritual Sphere of the Russian Village in the Early 1920-S. *Agrarian History*, 13: 22—42. DOI: 10.52270/27132447_2023_13_22.
- Spitzer, A. B. (1987). *The French Generation of 1820*. Princeton: Princeton University Press. 354 p.
- Wohl, R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 307 p.
- Yakimov, K. A. (2021). Socio-demographic appearance of Jewish revolutionaries (based on the materials of the All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 26 (193): 169—179. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179. (In Russ.).
- Zider, R. (1993). What is social history? Gaps and continuity in the development of the “social”. *THESIS*, 1 (1): 163—181. (In Russ.).

*The article was submitted 08.04.2023;
approved after reviewing 13.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Ганиев Р. Т. Тюрко-китайские отношения в Центральной и Восточной Азии в VI—VIII веках / Р. Т. Ганиев, И. Р. Хамзин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 418—431. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-418-431.

Ganiev, R. T., Khamzin, I. R. (2023). Turkic-Chinese Relations in East and Central Asia in VI—VIII Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 418-431. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-418-431. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-418-431

Тюрко-китайские отношения в Центральной и Восточной Азии в VI—VIII веках

Ганиев Рустам Талгатович *

orcid.org/0000-0003-4568-7179

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,

* *корреспондирующий автор*
rusthist@yandex.ru

Хамзин Ильдар Рашидович

orcid.org/0000-0002-4967-0705

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
лаборатории

естественнонаучных методов
в гуманитарных исследованиях
ildar.hamzin1991@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда,
проект № 23-27-00158,
<https://rscf.ru/project/23-27-00158/>

Turkic-Chinese Relations in East and Central Asia in VI—VIII Centuries

Rustam T. Ganiev *

orcid.org/0000-0003-4568-7179

PhD of History, Associate Professor,
Department of Russian History,

* *Corresponding author*
rusthist@yandex.ru

Ildar R. Khamzin

orcid.org/0000-0002-4967-0705

PhD of History, Junior Researcher,
Laboratory of Natural Science
Methods in the Humanities
ildar.hamzin1991@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from
the Russian Science Foundation,
project № 23-27-00158,
<https://rscf.ru/project/23-27-00158/>

© Ганиев Р. Т., Хамзин И. Р., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема торговых отношений Тюркских каганатов и Китая в VI—VIII веках. В это время зона соприкосновения степной Монголии и северных китайских рубежей стала местом активного торгового обмена, в котором участвовали кочевники, китайцы и согдийцы. Цель статьи — провести анализ торговых отношений вдоль территории соприкосновения Китая и Тюркских каганатов в VI—VIII веках и выявить экономическое значение тюрко-китайского фронта для международного торгового взаимодействия в регионе. Установлено, что усиление влияния тюрков и Китая в Центральной Азии способствовало налаживанию стабильной системы торговли в данном регионе. На основе анализа китайских источников рассмотрена структура и механизмы торговли, дана подробная характеристика мест реализации торговли, задействованных товаров, агентов торговых отношений. Отмечается, что торговля вдоль фронтальной зоны стимулировала всю систему торговых отношений в Центральной Азии. Подчеркивается, что потребность Китая в лошадях кочевников привела к огромным отправкам шелковых тканей в степь. Авторы приходят к выводу, что за счет торговли создавался симбиоз Китая и кочевой степи, активизировались международные отношения вдоль Шелкового пути. Центром перечисленных процессов стала зона тюрко-китайского фронта.

Ключевые слова:

древние тюрки; Китай; фронт; торговля; Шелковый путь; торговля лошадьми; согдийцы; Центральная Азия; кочевники, империя Тан.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problem of trade relations between the Turkic Qaghanates and China in the VI—VIII centuries. At that time, the zone of contact between steppe Mongolia and the northern Chinese borders became a place of active trade exchange, in which nomads, Chinese, and Sogdians participated. The purpose of the article is to analyze trade relations along the territory of contact between China and the Turkic Qaghanate in the VI—VIII centuries and to identify the economic significance of the Turkic-Chinese frontier for international trade relations in the Central Asian region. As a result of the analysis, it was shown that the strengthening of the influence of the Turks and China in Central Asia contributed to the establishment of stable trade along the Silk Road. Based on the analysis of Chinese sources, it was revealed that Chinese silk and Turkic horses have become the main goods involved in the exchange in the frontier zone. As a result, the authors conclude that trade along the frontier zone stimulated the entire system of trade relations in Central Asia. China's need for nomadic horses led to huge shipments of silk fabrics to the steppe. The Turkic qaghans sold the accumulated silk to the Sogdians, who distributed it in the markets of the Central Asian region, sent it to Iran and Byzantium. Thus, due to trade, a symbiosis of China and the steppe region was created, international contacts intensified.

Key words:

Ancient Turks; China; frontier; trade; Silk Road; horse trade; Sogdians; Central Asia; nomads; Tang Empire.

Тюрко-китайские отношения в Центральной и Восточной Азии в VI—VIII веках

© Ганиев Р. Т., Хамзин И. Р., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время вопросы взаимоотношений России, Центральной Азии и Китая, а также формирования новой системы внешнеполитических связей в регионе стали привлекать внимание современных исследователей [Дмитриева, 2021]. «Поворот на восток» во внешней политике России, а также позиции ее восточных соседей в Центральной и Юго-восточной Азии актуализируют поиск, анализ и изучение исторических основ и положительного опыта этого взаимодействия в прошлом.

Цель настоящей статьи — проанализировать особенности торговых отношений вдоль территории соприкосновения Китая и Тюркского каганата в VI—VIII веках и выявить экономическое значение тюрко-китайского фронта для международных торговых отношений в регионе.

Изучаемый период представляет особый интерес, так как в VI—VIII веках на пространстве Центральной Азии и северного Китая сформировались устойчивые политические объединения древних тюрков и северных китайцев. Синтез их политических и торговых интересов и последующая кооперация способствовали стабилизации военно-политической ситуации в регионе, повышению безопасности и развитию торговых отношений вдоль Великого Шелкового пути, испытавшего в это время небывалый экономический и культурный расцвет. Взаимный торговый интерес между тюрками и Китаем стал важным условием для формирования новой архитектуры международных отношений в регионе, для появления экономической связки «Тюрки — Китай — согдийцы», оказавшей мощное влияние на региональные отношения и торговлю в середине VI века и прекратившей свое существование во второй половине VIII века, когда основные участники этого процесса ушли с исторической арены.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История отношений древних тюрков и государств Китая является одной из классических тем фронтальных исследований. Работа О. Латти-

мора, посвященная северному фронтиру Китая, стала настольной книгой для исследователей не только тюрко-китайских отношений, но и проблем пограничных цивилизационных связей в целом [Lattimore, 1940]. Другой работой, изучающей вопросы отношений древних тюрков и Китая через призму фронта, стало исследование Т. Барфилда, который считал, что политическое единство кочевников возникало в периоды, когда Китай объединялся в единое государство [Барфилд, 2009]. Таким образом реализовывался своего рода культурно-политический трансфер через «опасную границу» между Китаем и степной территорией. Названные авторы акцентировали внимание на процессах политогенеза и сопутствующих ему дипломатии и войнах, тогда как вопросы торговли уходили на второй план и в основном трактовались как форма даннических отношений.

К роли торгового фактора в тюрко-китайском взаимодействии обращался в своих работах Л. Н. Гумилев, который считал, что главной политической программой тюркских каганов было установление контроля над системой международного обмена в Центральной Азии — Шелковым путем [Гумилев, 2002].

В работе другого ученого Дж. Скаффа проведено более углубленное исследование отдельных аспектов торговли древних тюрков и Китая, но многие из выводов данного автора, на наш взгляд, требуют дополнений либо пересмотра [Skaff, 2012].

Хронологические рамки исследования обусловлены временем существования Тюркского каганата с середины VI века до середины VIII века. В основу методологии положена концепция тюрко-китайского фронта как зоны столкновения двух разных экономических моделей — кочевой и оседлой, — что определило специфику торговых отношений. Под территорией фронта мы понимаем обширный и протяженный регион, включающий в себя южные рубежи Монголии и северные рубежи Китая. Наибольшая активность тюрко-китайского обмена приходилась на регион Ордоса (излучина р. Хуэнхэ). Трансграничная торговля затрагивала также г. Чанъань (во времена династий Суй и Тан данный город был столицей государства), где располагался крупный рынок тюрко-китайской торговли.

Источниковая база исследования основана на китайских династийных историях (正史, чжэнши) [Liu Mau-Tsai, 1958; Бичурин, 1950; Кюнер, 1961; Цзю Тан шу; Синь Тан шу]. Эти данные дополняет неопубликованный перевод И. Бичурина «Цзы чжи тунцзянь» («Историческое зеркало государственного управления», 資治通鑑) — исторического сочинения Сыма Гуана (1019—1086), составленного в империи Сун (960—1279), перевод хранится в архиве востоковедения ИВР РАН [Архив ...].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Политическая история тюрко-китайского фронта

История торгово-экономических отношений древних тюрков и Китая напрямую связана с политической историей вдоль линии фронта. В 545 году империя Западная Вэй отправила посланника к тюркам с целью заключения союзного договора, а чуть позже между тюрками и китайцами был заключен династийный брачный союз. В регионе появился новый центр силы, успешно противостоявший Жужаньскому каганату, империи Северная Ци (бывш. Восточная Вэй) и другим региональным объединениям. В 50—70-е годы VI века Тюркский каганат смог установить свой контроль над территориями от Маньчжурии на востоке до Кавказа на западе, от Южной Сибири и Южного Урала на севере до северных границы Ирана на юге. При этом тюрки активно поддерживали торговые связи со всеми государствами на территории современного Северного Китая: Северной Вэй (386—535), Западной (535—556) и Восточной Вэй (534—550), Северной Ци (550—577) и Северной Чжоу (557—581). Граница стала местом контакта степного мира и китайской цивилизации. Здесь возникали военные конфликты и подписывались мирные договоры, через пограничную линию проходили армии, проезжали посланники с целью заключения военных союзов и династических браков [Гумилев, 2002; Барфилд, 2009; Кычанов, 2010; Di Cosmo, 2018].

В 581 году на карте Северного Китая появилась новая империя Суй (581—617), которая бросила вызов доминированию Тюркского каганата. Военный конфликт между тюрками и империей Суй длился два года (582—583), но в результате природно-климатических аномалий, внутренней борьбы за власть в каганате, вмешательства империи Суй во внутренние дела тюрков и начавшегося конфликта между западными и восточными тюрками Тюркский каганат ослабел, и тюрки вынуждены были заключить вассальный договор с империей Суй, действующий в 584—609 годах. В этот период тюрки и империя Суй контролировали все торговые маршруты, ведущие из Китая на запад, торговый оборот увеличивался и, по сведениям источников, «жители с западного края ездили один за другим ко двору» [Бичурин, 1950, с. 5].

Очередной конфликт в начале VII века между тюрками и империей Суй произошел в эру Дае (605—617) императора Ян Гуана (посмертное имя — Ян-ди) из-за усиления тюрков и неудачных попыток со стороны Китая их ослабить. В 618 году в результате гражданской войны в империи Суй появилась новая империя Тан (618—907), основателя которой Ли Юаня (храмовое имя Гао цзу), выступившего против империи Суй, активно поддерживали тюрки. Позже в результате ослабления Восточно-тюркского каганата

в 626—630 годах танский Ли Шиминь (храмовое имя Тай-цзун, 627—649) получил от тюрков титул «Небесный каган» [Попова, 1999, с. 175]. В последующие годы, опираясь на конницу Восточно-тюркского каганата, империя Тан смогла установить свою власть на большей части Центральной Азии: в 640-е годы были подчинены города-государства Западного края (ныне в составе провинции Синьцзян, а также Таджикистана, Кыргызстана и Афганистана), в 656 году разбит Западный тюркский каганат. Тюрки и империя Тан в этот период действовали как единое целое, они контролировали торговые маршруты вплоть до Согда, способствуя активному развитию торговли на Великом Шелковом пути и увеличению торгового оборота.

Однако в 670-е годы симбиоз степи и Китая стал рушиться, поэтому в 679 году кочевники начали борьбу за независимость, которая продолжалась до 745 года. Основной целью выдвигаемой тюрками империи Тан был их равный и независимый статус по отношению к Китаю, а также соблюдение торговых интересов в обменной торговле. На паритетных началах тюрки предлагали объединить усилия с империей Тан и снова взять под контроль региональную торговлю, но империя Тан выступала за сохранение статус-кво, чтобы оставаться главной доминирующей силой в регионе. Ситуация здесь стремительно менялась, и в одиночку империя Тан уже не справлялась. На западных рубежах ее влияние ослабевало из-за усиления Тибета (670, 679), а позже Тибет заключил военный союз с арабами (714), направленный против Китая. На востоке государство Силла сумело объединить Корею и дать отпор танским войскам (676). За помощью против арабских захватчиков к империи Тан также обратились и согдийцы (719), но и тогда танский двор не поддержал их. Таким образом, в результате китаеццентричной внешней политики, отсутствия договоренности и слаженных совместных военных действий в проигрыше оказались все: тюрки, согдийцы и империя Тан. После смерти основных руководителей Восточно-тюркского каганата (731, 734) конфликты продолжились, и тюркское государство пало (745) в результате внутренних междоусобиц и восстания уйгурских племен, поддержанного империей Тан [Кляшторный и др., 2009, с. 122—129].

В своей работе К. Бэквиз показал, что появление крупной политической силы в Центральной Азии создавало условия для стабильных и безопасных торговых коммуникаций [Beckwith, 2009]. В период VI—VIII веков эта стабильность была создана благодаря расцвету политического влияния Тюркского каганата в VI веке, сменившегося гегемонией империи Тан в VII — начале VIII веков, но при этом основанного на союзе с тюрками. Таким образом, политическая история тюрко-китайского фронта напрямую влияла на активность торговли вдоль Шелкового пути. Это обстоятельство было обусловлено не только политическими процессами, но

главным образом экономической характеристикой тюрко-китайской фронтальной торговли.

3.2. Структура тюрко-китайской фронтальной торговли

Структура торговых отношений древних тюрков и Китая включала в себя несколько основных элементов, анализ которых поможет восстановить объемную картину системы торговых отношений.

Рынки. Крупнейшими рынками, где реализовывался торговый обмен, стали пограничные и внутренние территории Ордоса и столица империй Суй и Тан — г. Чанъань (совр. Сиань). Внешние по отношению к Китаю территории и китайские опорные пункты (за пределами Великой Китайской стены) также являлись местом торговли с кочевниками, как было в случае укрепления Сишоусян [Skaff, 2012, p. 268]. Имеются также тексты «Законов Великой империи Тан», которые регулировали в том числе и пограничные торговые отношения: «Если чужаки занимаются торговлей с жителями границы, то надлежащее ведомство должно вести наблюдение. Вокруг рынка необходимо сделать насыпи и поставить изгородь. Ворота должны охраняться. Торговля начинается после 7 утра. Сначала сановники и чужаки устанавливают цены. После этого начинается торговля» [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 455] (здесь и далее перевод наш. — *Р. Т., II. Р.*). В соответствии с правилами каждые десять дней базарные надсмотрщики (китайские чиновники) проверяли торговые лавки и регистрировали три цены всех продающихся товаров — низкую, среднюю, высокую. Каждый путешественник подавал заявку на получение путевого пропуска, в котором указывался конечный пункт назначения, несколько транзитных пунктов, а также перечислялись товары, люди и животные, сопровождавшие торговца. Китайские чиновники выдавали свидетельство о праве собственности покупателям домашнего скота и рабов, обязанным его предъявлять всякий раз при пересечении границы. За торговые отношения с иностранцами в этот период отвечали хушицзянь (互市監, торговый контролер) и их заместители цзянь (監, надсмотрщик) и чэн (丞, помощник) [Хансен, 2014, с. 179; Рыбаков, 2009, с. 344; Цзю Тан шу].

Крупнейшим конным рынком являлся Ордос, здесь же располагались государственные конюшни. Кроме того, с кочевниками велась торговля в округах Хэдун (Шаньси) и Лунъю (Ганьсу) [Зуев, 1960; Кляшторный, 1964, с. 96—97]. Вместе с тем пограничные регионы являлись транзитными территориями для торговых отношений на главном рынке Китая — г. Чанъань. Об организации торговли на столичном рынке династийная история «Синь Тан шу» сообщает: «Если посланник тюрков открывает рынок для торговли в столице, сановник отдела по гостям министерства культуры регистрирует товары и сообщает об этом императору. Чтобы

контролировать вес и количество товара, назначается чэн (丞, помощник) тайфусы (太府寺, приказа великих припасов) на этом рынке. При торговле с чужеземцами выделяется 50 солдат гарнизона, чтобы регулировать споры двух сторон» [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 455; Синь Тан шу]. Исходя из данного сообщения, можно предположить, что объемы торговых отношений между тюрками и китайцами в Чанъане были достаточно велики и регулярны, поскольку требовали специальных правил и присутствия государственных сил для решения возможных конфликтов.

ТОВАР. Шелк и лошади являлись главными товарами в тюрко-китайской торговле, но не единственными. С территории Монголии в Китай активно поставлялись отары овец, крупный рогатый скот, продукты животноводства. Тюрки также выступали в качестве поставщиков в Китай ферганских аргамаков — «лошадей с кровавым потом», особенно ценимых китайской элитой [Шефер, 1981, с. 102]. Из Китая в степь, помимо шелка, отправлялись монеты, зеркала, украшения, сельскохозяйственная утварь и другие продукты ремесла и земледелия, о чем свидетельствуют археологические данные [Баринова, 2014; Серегин и др., 2020].

Источником продукции в тюрко-китайской торговле были внутренние территории Монголии и Китая. Кочевые племена, подчиненные тюркским каганам, в качестве налога или дани отправляли лошадей и скот к северным границам Китая [Scaff, 2012, p. 267]. В свою очередь, китайские власти также получали товары для обмена с тюрками с населения своего государства: шелк в качестве промысловой подати являлся одной из ключевых форм налогообложения в империи Суй и Тан [Попова, 1999, с. 159—169; Хансен, 2014, с. 140]. Таким образом, Ордос и степные приграничные территории Китая аккумулировали продукцию степного скотоводческого хозяйства, тогда как Чанъань выполнял аналогичную функцию для продуктов ремесленного и сельского хозяйства внутренних китайских провинций. В результате сопряжения этих двух параллельных процессов реализовывался торговый обмен вдоль тюрко-китайского фронта.

ОБМЕН. Процесс меновой торговли предполагает соотношение ценности товаров, участвующих в обмене, для реализации взаимовыгодной сделки. В случае тюрко-китайской торговли речь шла о применении данной практики для обмена определенного количества лошадей на определенное количество шелка. Рассмотреть эту ситуацию можно на примере письма, отправленного в 735 году (22 год эры Кайюань) танским императором Ли Лунцзи (храмовое имя Сюань-цзун, 712—756) к тюркскому кагану Ижаню (734—740). «Раньше, когда каган (Бильгэ каган) был жив, — писал Ли Лунцзи, он ежегодно отправлял не больше, чем 3000 или 4000 лошадей. Так как лошадей (было) немного, то легко раздобыть шелк для обмена. Но

на этот раз они доставили мне постепенно 14 000 лошадей, но я не отправил их назад и оставил всех у себя» [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 380].

Из текста источника становится ясно, что ежегодные поставки лошадей в количестве 3—4 тыс. голов были наиболее приемлемы для торговли Китая, поскольку позволяли подобрать необходимое количество шелка без перенапряжения экономики страны. Ли Лунцзи неспроста указывает в письме: «Наши издержки чрезвычайно высоки и ограничиваются не только меновой торговлей. Из-за этого доставка шелка немного запоздала» [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 380]. Тем не менее сделка состоялась. Разделив 500 000 рулонов шелка, которые китайцы отдали за 14 000 лошадей, мы получаем соотношение 35,8 рулонов за 1 лошадь.

Оценка стоимости товаров в меновой торговле между Китаем и кочевниками никогда не была стабильной и находилась в сильной зависимости от политической ситуации [Jagchid, 1989, p. 180]. В периоды усиления степных государств стоимость лошадей возрастала, что можно увидеть на примере торговли империи Тан со сменившим гегемонию тюрков в степи Уйгурским каганатом. В стихотворении великого танского поэта Бо Цзюйи (772—846) приводятся данные об особенностях торгового обмена между кочевниками и китайцами: «При обмене с уйгурами за одну лошадь давали 50 рулонов шелка» [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 453]. В 809 году лошадь, доставленная из Монголии в Китай, оценивалась в 38,46 рулонов шелка. Таким образом, стоимость 35,8 рулонов за 1 лошадь в 735 году была средней оценочной стоимостью товаров в тюрко-китайской торговле, продиктованной в большей степени интересами и возможностями Китая.

Агенты. Главными посредниками в тюрко-китайской торговле этого периода были согдийцы — уроженцы области Согдиана (историческая область в восточной части междуречья Амударьи и Сырдарьи), самые известные предприниматели на территории Шелкового пути этого времени. Согдийцы оказались под властью тюрков еще в VI веке и исполняли для кочевников роль дипломатов и купцов как на западном, так и на восточном направлении политики [Vaissière, 2002; Камалов, 2017; Нурулла-Ходжаева, 2017]. Китайские документы, описывая тюрков, упоминают, что «они простодушны и между ними можно сеять раздор; к несчастью, среди них есть много ху (胡, варвары, согдийцы), которые коварные, злые и хитрые, которые их учат и управляют ими!» [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 87]. В это же время согдийские общины распространяются на территории северного Китая, где они были известны как «ху девяти фамилий» [Камалов, 2017, с. 320]. Можно выделить два основных фактора, способствующих росту влияния согдийцев в зоне тюрко-китайского фронта. Во-первых, знание языка тюрков и китайцев помогло согдийцам стать связующим звеном в тюрко-

китайских торговых отношениях. Во-вторых, опыт в торговых делах, накопленный согдийцами за свою историю, позволил им практически полностью контролировать коммерческие операции между степью и Китаем: вопросы подбора лошадей, поставок их к китайским границам, организации конюшен и торговых сделок в Ордосе и др. [Pulleyblank, 1952; Vaissière, 2002, p. 210; Skaff, 2012, p. 263]. Все это позволяет считать выходцев из Согда связующим звеном в тюрко-китайской фронтальной торговле.

4. Заключение = Conclusions

В VI—VIII веках тюрко-китайский фронт стал местом, соединившим потоки товаров из оседлого-ремесленного Китая и скотоводческой степи. Фронт стал местом схождения ключевых политических и экономических акторов Центральноазиатского региона своего времени. Китай и тюрки периодически устанавливали гегемонию в регионе, что способствовало стабильности коммуникации вдоль всей ойкумены. В середине VII века мирное сосуществование двух государств вдоль пограничной линии обеспечило максимальный рост культурных, политических и экономических взаимосвязей. Фронт стал также местом притяжения согдийцев, главных торговых агентов Центральной Азии, что только подчеркивает значение данной территории для международных контактов. Но главная роль изучаемого фронта заключалась в его экономической функции. Китай являлся производителем самого главного товара, фигурировавшего в обмене, — шелка. При этом китайские государства исторически зависели от поставок из степи лошадей, которые были необходимы для снабжения армии и организации транспортной инфраструктуры. В VI—VIII веках тюрки стали главными поставщиками лошадей в Китай, в обмен получая тысячи рулонов шелковых тканей. Избыточное количество шелка, его высокая стоимость и ликвидность подталкивали тюрков сбывать китайский шелк на рынки оседлой части Центральной Азии при посредничестве согдийцев. Взамен тюркские каганы получали различные земледельческие и ремесленные продукты, а также элитных лошадей из Ферганы, которых снова обменивали на тюрко-китайской границе. Таким образом, реализовывалась своего рода «торговля из Китая в Китай».

Резкопротные операции тюркских каганов, частная торговля согдийцев в совокупности с поставками шелка в Центральную Азию самим Китаем (в города государства Турфана и Таримского бассейна) обеспечили развитие торговли вдоль Шелкового пути. В итоге обмен, реализуемый вдоль тюрко-китайского фронта, стимулировал торговые отношения в Центральной Азии в целом, что позволяет определить его как центральную зону системы международной торговли данного региона в VI—VIII веках. По-

сле падения Тюркского каганата в 745 году система международной торговли в Центральной Азии стала постепенно приходить в упадок. Торговля во фронтальной зоне между Китаем и степью продолжала функционировать и во времена Уйгурского каганата (745—840), но общее ослабление империи Тан после восстания Ань Лушаня (755—763), усиление влияния Тибета на территории Таримского бассейна и Турфана и включение западной части Центральной Азии в сферу арабского влияния привели к падению значимости торговых путей на северных границах Китая.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Архив востоковедов ИВР РАН*. Ф. 7. Ед. хр. 7–8. Тетр. 30–43. Иакинф (Бичурин Н. Я.). Летопись китайской империи, называемая Юй-пхы цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую / пер. с кит. И. Бичурина.
2. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 1. — 382 с.
3. *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н. В. Кюннер. — Москва : Восточная литература, 1961. — 392 с.
4. Синь Тан шу — *Новая история династии Тан* [Электронный ресурс] (新唐書). — Режим доступа : <http://www.weilishi.org/ershisishi/xintangshu> (дата обращения 20.04.2023).
5. Цзю Тан шу — *Старая история династии Тан* [Электронный ресурс] (舊唐書). — Режим доступа : <http://www.weilishi.org/ershisishi/jiutangshu> (дата обращения 20.04.2023).
6. *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). Text / Liu Mau-Tsai. — Wiesbaden : Otto Harrasowitz Verlag, 1958. — Buch 1. — 484 s.

Литература

1. *Баранова Е. Б.* Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье / Е. Б. Баранова. — Москва : ИЭА РАН, 2013. — 419 с. — ISBN 978-5-4211-0083-6.
2. *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница : кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Т. Дж. Барфилд. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. — 488 с.
3. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. — Москва : Рольф, 2002. — 555 с. — ISBN 5-7836-0491-7.
4. *Дмитриева Д. А.* Интересы России и Китая в Центральной Азии / Д. А. Дмитриева // Россия в глобальном мире. — 2021. — № 20 (43). — С. 20—28. — DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146.
5. *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII—X вв. Танхуйю). Новые материалы по древней и средневековой исто-

рии Казахстана / Ю. А. Зуев. — Алматы : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. — С. 93—140.

6. Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи / А. К. Камалов. — Алматы : Мир, 2017. — 384 с. — ISBN 978-601-80714-8-5.

7. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии / С. Г. Кляшторный. — Москва : Наука, 1964. — 215 с.

8. Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей : от древности к Новому времени / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. — 432 с. — ISBN 5-85803-255-9.

9. Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / Е. И. Кычанов. — Санкт-Петербург : Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 363 с. — ISBN 978-5-4318-0005-4.

10. Нурулла-Ходжаева Н. Т. «Танцующие» купцы вне империй на Шёлковом пути / Н. Т. Нурулла-Ходжаева // Вестник МГИМО Университета. — 2017. — № 1. — С. 119—139. — DOI: 10.24833/2071-8160-2017-1-52-119-139.

11. Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая / И. Ф. Попова. — Москва : Восточная литература, 1999. — 279 с.

12. Рыбаков В. М. Танская бюрократия : в 2 ч : Генезис и структура / В. М. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. — Ч. 1. — 512 с.

13. Серегин Н. Н. Китайский импорт из памятников тюрков Центральной Азии (VI—XI в. н. э.) : динамика распространения, историко-культурный контекст / Н. Н. Серегин, Чен А // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 6. — С. 181—189. — DOI: 10.17223/19988613/66/22.

14. Хансен В. Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию, Китай — Согдиана — Персия — Левант / В. Хансен. — Москва : Центрполиграф, 2014. — 475 с. — ISBN 978-5-227-05620-7.

15. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Э. Шефер. — Москва : Наука, 1981. — 608 с.

16. Beckwith C. I. Empires of the Silk Road : A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present / C. I. Beckwith. — Princeton : Princeton Univ. Press, 2009. — 472 p. — ISBN 9780691135892.

17. Di Cosmo N. Ancient China and Its Enemies : The Rise of Nomadic Power in East Asian History / N. Di Cosmo. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. — 378 p.

18. Jagchid S. Peace, War, and Trade along the Great Wall : Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia / S. Jagchid. — Bloomington : Indiana Univ. Press., 1989. — 266 p.

19. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China / O. Lattimore. — New York : American Geographical Society, 1940. — 585 p.

20. Pulleyblank E. G. A. Sogdian Colony in Inner Mongolia / E. G. Pulleyblank // T'oung Pao. — 1952. — Vol. 41. — Iss. 4/5. — Pp. 317—356.

21. Skaff J. K. Sui-Tang China and its Turko-Mongol Neighbours : Culture, Power, and Connections, 580—800 / J. K. Skaff. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2012. — 384 p.

22. Vaissière de la E. Histoire des marchands sogdiens / E. Vaissière de la. — Paris : Collège de France : Institut des hautes études chinoise, 2002. — 413 p.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023,
одобрена после рецензирования 15.05.2023,
подготовлена к публикации 25.05.2023.

Material resources

- A New History of the Tang Dynasty*. Available at: <http://www.weilishi.org/ershisishi/xin-tangshu> (accessed 20.04.2023). (In Chin.).
- Archive of Orientalists of the Hebrew Academy of Sciences*. F. 7. Ed. chr. 7-8. Tetr. 30—43. Iakinf (Bichurin, N. Ya.). The chronicle of the Chinese Empire, called Yu-pihi tzu zhi tong-jian gang-mu. Divided into three parts, the chronicle of ancient, middle and modern (In Russ.).
- Bichurin, N. Ya. (1950). *Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times, I*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 382 p. (In Russ.).
- Kuner, N. V. (1961). *Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East*. Moscow: Oriental Literature. 392 p. (In Russ.).
- Liu Mau-Tsai. (1958). *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). Text, I*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag. 484 s. (In Germ.).
- The Old History of the Tang Dynasty*. Available at: <http://www.weilishi.org/ershisishi/jiu-tangshu> (accessed 20.04.2023). (In Chin.).

References

- Barfield, T. J. (2009). *Dangerous Border: Nomadic Empires and China (221 BC — 1757 AD)*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 488 p. (In Russ.).
- Barinova, E. B. (2013). *Ethnocultural contacts of China with the peoples of Central Asia in antiquity and the Middle Ages*. Moscow: IEA RAS. 419 p. ISBN 978-5-4211-0083-6. (In Russ.).
- Beckwith, C. I. (2009). *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton: Princeton Univ. Press. 472 p. ISBN 9780691135892.
- Di Cosmo, N. (2002). *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 378 p.
- Dmitrieva, D. A. (2021). Interests of Russia and China in Central Asia. *Russia in the global world*, 20 (43): 20—28. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146. (In Russ.).
- Gumilev, L. N. (2002). *Ancient Turks*. Moscow: Rolf. 555 p. ISBN 5-7836-0491-7. (In Russ.).
- Hansen, V. (2014). *The Great Silk Road. Port routes through Central Asia, China — Sogdiana — Persia — Levant*. Moscow: Tsentrpoligraf. 475 p. ISBN 978-5-227-05620-7. (In Russ.).
- Jagchid, S. (1989). *Peace, War, and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia*. Bloomington: Indiana Univ. Press. 266 p.
- Kamalov, A. K. (2017). *Turks and Iranians in the Tang Empire*. Almaty: Mir. 384 p. ISBN 978-601-80714-8-5. (In Russ.).
- Klyashtorny, S. G. (1964). *Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia*. Moscow: Nauka. 215 p. (In Russ.).
- Klyashtorny, S. G., Sultanov, T. I. (2009). *States and peoples of the Eurasian steppes: from antiquity to Modern times*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 432 p. ISBN 5-85803-255-9. (In Russ.).
- Kychanov, E. I. (2010). *History of ancient and medieval states bordering China (from the Huns to the Manchus)*. St. Petersburg: St. Petersburg Linguistic Society. 363 p. ISBN 978-5-4318-0005-4. (In Russ.).
- Lattimore, O. (1940). *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society. 585 p.

- Nurulla-Khodjaeva, N. T. (2017). “Dancing” merchants outside empires on the Silk Road. *Bulletin of MGIMO University, 1*: 119—139. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-1-52-119-139. (In Russ).
- Popova, I. F. (1999). *Political practice and ideology of Early Christian China*. Moscow: Oriental Literature. 279 p. (In Russ).
- Pulleyblank, E. G. (1952). A. Sogdian Colony in Inner Mongolia. *T'oung Pao, 41* (4/5): 317—356.
- Rybakov, V. M. (2009). *Tan bureaucracy: in 2 hours: Genesis and structure, 1*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 512 p. (In Russ).
- Schaefer, E. (1981). *Golden peaches of Samarkand. A book about foreign curiosities in the Tang Empire*. Moscow: Nauka. 608 p. (In Russ).
- Seregin, N. N., A. Chen (2020). Chinese import from the monuments of the Turks of Central Asia (VI—XI century AD): dynamics of distribution, historical and cultural context. *Bulletin of Tomsk State University. History, 6*: 181—189. DOI: 10.17223/19988613/66/22. (In Russ).
- Skaff, J. K. (2012). *Sui-Tang China and its Turko-Mongol Neighbours: Culture, Power, and Connections, 580—800*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press. 384 p.
- Vaissière de la, E. (2002). *Histoire des marchands sogdiens*. Paris: Collège de France: Institut des hautes études chinoise. 413 p. (In Franc.).
- Zuev, Yu. A. (1960). *Tamgi of horses from vassal principalities (Translated from a Chinese work of the VIII—X centuries. Tanhuiyao). New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan*. Almaty: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 93—140. (In Russ).

*The article was submitted 02.04.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Жиров Н. А. Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках / Н. А. Жиров, Д. А. Ляпин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 432—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450.

Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. (2023). Evolution of Social Behavior of Rural Society of Central Chernozem Region in XVII—XVIII Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 432-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450. (In Russ.).

Журнал включен
в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450

Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках

Жиров Николай Анатольевич*
orcid.org./0000-0001-8460-9865
кандидат исторических наук, доцент
кафедры юриспруденции
им. В. Г. Ермакова,
* *корреспондирующий автор*
zhirov-nikolai@mail.ru

Ляпин Денис Александрович
orcid.org./0000-0002-2078-2404
доктор исторических наук, доцент
кафедры истории
и историко-культурного наследия
lyapin-denis@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00400
на базе ФГБОУ ВО
«Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина»

Evolution of Social Behavior of Rural Society of Central Chernozem Region in XVII—XVIII Centuries

Nikolai A. Zhirov*
orcid.org./0000-0001-8460-9865
PhD in History, Associate Professor,
Department of Jurisprudence
named after V. G. Ermakov,
* *Corresponding author*
zhirov-nikolai@mail.ru

Denis A. Lyapin
orcid.org./0000-0002-2078-2404
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History and Historical
and Cultural Heritage
lyapin-denis@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
project № 23-28-00400
on the basis of FSBEI HE
“Bunin Yelets State University”

© Жиров Н. А., Ляпин Д. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос эволюции поведенческой модели сельского социума на примере трех территорий, центрами которых являлись крупные сельские поселения Орловской (с. Навесное), Липецкой (с. Паниковец) и Воронежской (с. Данково) областей. Хронологические рамки работы совпадают с первым этапом развития этих населенных пунктов от их возникновения до образования православных приходов с развитой поселенческой округой, которая исторически имела тесную связь с центральным поселком. В качестве основного источника была выбрана массовая хозяйственная и иная документация XVII—XVIII веков. Методика исследования связана с применением проблемно-хронологического метода в локальных границах трех сельских поселений, историко-системного метода и современных подходов, в том числе микродемографического. Социальная организация сельского населения изученных авторами локальных территорий отличалась динамичностью, особенно в XVII веке, когда существенную роль в истории региона играл военный фактор. Отмечается, что в течение XVIII века одноворцы постепенно теряют хозяйственную инициативу. К концу столетия важную роль в освоении территорий стали играть помещики и их владельческие крестьяне. Показано, что одноворческий коллективизм продолжил свое существование и в более позднее время, фактически дожив до начала XX века.

Ключевые слова:

колонизация; заселение; одноворцы; локальная история; сельский социум.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the evolution of the behavioral model of a rural society is raised on the example of three territories, the centers of which were large rural settlements of the Oryol (Navesnoye village), Lipetsk (Panikovets village) and Voronezh (Dankovo village) regions. The chronological framework of the work coincides with the first stage in the development of these settlements from their origin to the formation of Orthodox parishes with a developed settlement district, which historically had a close connection with the central settlement. Mass economic and other documentation of the 17th—18th centuries was chosen as the main source. The research methodology is associated with the use of the problem-chronological method within the local boundaries of three rural settlements, the historical-system method and modern approaches, including microdemographic ones. The social organization of the rural population of the local territories studied by the authors was dynamic, especially in the 17th century, when the military factor played a significant role in the history of the region. It is noted that during the 18th century the *odnodvortsy* gradually lose their economic initiative, and by the end of the century, landowners and their owning peasants began to play an important role in the development of territories. It is shown that single-dvor collectivism continued to exist at a later time, actually surviving until the beginning of the 20th century.

Key words:

colonization; settlement; *odnodvortsy*; local history; rural society.

Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках

© Жиров Н. А., Ляпин Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

В центре нашего внимания находятся три крупных сельских поселения Центрального Черноземья: Данково, Навесное и Паниковец, которые в настоящее время входят в состав Воронежской, Орловской и Липецкой областей. Они появились в местах интенсивного хозяйственного освоения диких земель южного пограничья, сформировавшихся на территории основных притоков Дона. Увеличение населения края в XVII веке было обеспечено общинными началами в сфере землепользования, основанного на совместной работе служилого населения [Lyapin et al., 2017, с. 13—20]. С эпохи петровских преобразований начала XVIII века хозяйственное развитие этих территорий (Ливенский, Елецкий и Коротоякский уезды) приобрело новый импульс, а эпоха Екатерины II ознаменовалась началом распродажи земель крупным землевладельцам, обладавшим большим количеством крепостных крестьян. Таким образом, население региона существенно увеличилось, а его внутренняя структура стала сложнее.

Под эволюцией поведенческих механизмов в сельском социуме в данной статье понимается комплекс мер, формирующих особенности внутренней организации локального сообщества в процессе освоения новых территорий. Эти меры стали необходимыми в условиях колонизации новых земель, поскольку от этого зависела результативность коллективной деятельности [Ляпин, 2019, с. 599—612].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть некоторые особенности социальной структуры и эволюции поведенческих механизмов сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках в контексте хозяйственного освоения региона и демографических процессов.

Социальная организация сельского населения России нередко попадала в центр внимания отечественных ученых. Тематика изучения русского крестьянства, особенно в рамках истории крепостного права, пользовалась неизменным вниманием научного сообщества с середины XIX века. Для нашей работы важны только те исследования, которые затрагивали формы организации сельских жителей XVII—XVIII веков: семью, род, общину.

Фундаментальными трудами в этом направлении остаются исследования Л. В. Милова по истории русского крестьянства [Милов, 1998; Милов, 2006]. Историк указывал также на климат и техническую специфику орудий труда русского землепашца как факторы, определяющие особенности социальной организации и поведенческой структуры деревни. Повседневная жизнь крестьян русского севера была в центре внимания Е. Н. Швейковской [Швейковская, 2012]. В результате проведенной работы автору удалось собрать много фактического материала, проанализировать бытовую реальность жизни крестьянина, показать ценностные ориентиры и миропонимание сельских жителей. Важнейшим исследованием однодворческого населения России является книга В. М. Важинского. Автор показал реалии сельской жизни и общинное начало, соединявшее мелких помещиков [Важинский, 1974]. Американский историк Б. Девис считал, что сельские жители Юга России в XVII веке были вынуждены жить из-за постоянной опасности со стороны степняков так называемыми «деревенскими коммунами», которые, помимо того, были необходимы в коллективной обработке пространств «дикого поля» [Davies, 2004]. Одной из наиболее свежих работ в области исторической демографии, антропологии и социальных процессов является книга Джона Бушнелла [Бушнелл, 2020]. Труд Бушнелла — классический научный трактат-исследование, основанный по большей части на статистическом методе, но при этом опирающийся на опыт изучения локальной истории.

Таким образом, в настоящее время уже накоплен опыт в изучении социальной организации сельского населения. Формы поведения объясняются менталитетом, природным или военным факторами. Не возражая против этих объяснений, мы постараемся указать на еще одну немаловажную деталь — связь социальной организации с демографическими колебаниями (как большими, так и малыми), которые испытывал конкретный локальный участок. Для этого обратимся к социальной истории трех выбранных для исследования поселений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методика, которая лежит в основе исследования, связана с применением проблемно-хронологического метода в локальных границах трех сельских поселений. С таких позиций мы сможем точнее представить, как социальная структура сельского общества изменялась в хронологической последовательности. Кроме того, представляется актуальным использование историко-системного метода, с помощью которого возможно определить изучаемую историческую реальность выбранных локальных объектов как частей целой системы, в данном случае Российского государства в XVII—XVIII веках. Ав-

торами применялся статистический метод, позволивший систематизировать количественные данные о населении. Микроисторический подход позволил выявить ключевые факторы, определяющие особенности локальной идентичности жителей сельских поселений, а также анализ изменения форм поведения сельского населения в отдельные исторические периоды.

В основе данной статьи — результаты анализа массовых источников, связанных с историей трех территорий, центрами которых являлись крупные сельские поселения Орловской (с. Навесное), Липецкой (с. Паниковец) и Воронежской (с. Данково) областей. Основными источниками исследования послужили писцовые описания 1615, 1628, 1646 и 1678 годов, переписные книги 1710 и 1716/18 годов, экономические примечания к картам генерального межевания конца XVIII века и иные массовые источники из фондов 1209, 350 и 1355 Российского архива древних актов (РГАДА).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало освоения региона Верхнего Дона в XVII веке

История села Паниковец Елецкого уезда тесно связана с освоением пространства правобережья Дона. С древности это место привлекало земледельцев, но только после строительства города-крепости Елец в 1593 году началось полноценное хозяйственное освоение этих пространств. Новый город стал важным опорным пунктом России на южных рубежах, где проходило постоянное военное противостояние с Крымским ханством, считавшим эти земли своей территорией. Елец был построен в 52 км от интересующего нас места на Быстрой Сосне — правом притоке Дона. Чтобы ускорить процесс освоения окрестностей новой крепости, в 1598 году начинаются массовые раздачи земель новым переселенцам — выходцам с региона Средней Оки. Первые колонизаторы выбирали наиболее удобные места для ведения хозяйственной деятельности и были, как правило, родственниками или соседями по прежнему месту проживания [Ляпин, 2020, с. 53—62]. Первые раздачи в районе будущего села проводились в 1598—1600 годах [РГАДА, ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 59 об., 78]. Затем на окраине большого Яковлевского леса, тянувшегося вдоль берега Дона, первые переселенцы основали село, дав ему название по небольшой речке Паниковец. Наличие здесь крупного лесного массива позволяло не только использовать его для хозяйственных и строительных нужд, но и в качестве укрытия во время нападений крымских татар. Со временем местными жителями была построена церковь Богоявления, давшая селу второе название — Богоявленское.

Первые жители села были в основном выходцами из Мценского уезда. В 1600 году сюда приехали две семьи — Васильевых и Урюпиных. В 1615 году в селе проживали уже девять семей [РГАДА, ф. 1209, оп. 1,

д. 131, л. 207 об. — 214]. Тогда же окрестных земель из-за леса и большого оврага стало не хватать, и помещики стали распахивать участки западнее села, огибая обширную балку, по ровному дну которого текла речка Каменка. На другой стороне этого оврага к 1615 году была основана деревня Яблонова. Некоторые семьи владели землями сразу в двух поселениях, что указывает на родственные связи жителей обоих поселений. Лесом и лугами по Каменке и Паниковцу изначально пользовались коллективно. К тому же две семьи помещиков Щукиных образовали около 1615 года починок Мценский за соседним Сновским лесом, где владели землями, но дворов не имели. Починок появился в 15 км к югу от села за изгибом Дона.

В 1620-е годы к северу от села получили землю в вотчинное владение несколько донских казаков и есаулов. Они заселили свои земли крестьянами и бобылями и принялись распахивать земли вверх по Дону вдоль Яковлевского леса. Данные писцового описания 1628 года подводят итоги первых 30 лет хозяйственной деятельности первопоселенцев Паниковца: здесь проживала 21 семья, в том числе есаулы и казаки. В Яблоново дворы имели всего несколько семей.

Перепись 1646 года зафиксировала резкое сокращение количества крестьян. Причиной этого была большая татарская война 1631—1634 годов [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 132, л. 847, 854, 858—859 об.]. Пользуясь тем, что русская армия находилась под Смоленском, обрушившиеся на русские границы крымские татары разорили сотни поселений, увели в плен или убили тысячи человек. В результате был нанесен существенный урон населению правобережья Дона, особенно Ливенскому, Елецкому и Воронежскому уездам. Большинство семей поселенцев 1600—1615 годов навсегда исчезают из документов. Зато появляются новые помещики, две семьи которых (Болотовы и Выставкины) имели крестьянские дворы на своих землях [Там же, д. 135, л. 78—80 об.]. Остальные помещики обрабатывали землю своими силами, примерно в тех же пределах, которые были намечены еще в начале века.

В этом же году начинается интенсивное строительство Белгородской черты, и жизнь в окрестностях с. Паниковец меняется. Происходит массовое переселение служилых людей в Елецкий уезд, основываются новые села и деревни, однако численность населения Паниковца и Яблонова выросла незначительно. Это связано с тем, что елецкие власти, выделяя земли новой волне колонизаторов, исходили из военно-стратегической надобности, стараясь расселять прибывших на путях татарских дорог, загораживая направления ударов на крепость. В этом отношении Паниковец не имел большого стратегического значения, так как находился в стороне от татарских дорог. Но именно этим он привлекал землевладельцев, стремящих-

ся приобрести хороший земельный участок в спокойном месте. Поэтому в 1678 году здесь значились сразу несколько купленных вотчин с крестьянами [Там же, д. 8830, л. 103—104]. По данным на этот год, в Паниковце проживало около 50 семей, что в среднем составляло численность более 150 человек. Самыми заметными были семьи Дмитриевых (потомков есаула, получившего здесь земли в 1622 году) и Перцевых (старый и богатый елецкий дворянский род). Интересно отметить, что рядом с помещиком Денисом Потаповичем Пересветовым, имевшим 13 крестьян на своих землях, проживала в вотчине В. И. Володимерова большая крестьянская семья Пересветовых во главе с Василием Денисовичем. Родство между этими семьями очень вероятно, так как Пересветовы — дворянская фамилия.

К концу XVII века в Паниковце преобладали фамилии Дмитриевых и Перцевых. Среди фамилий первопоселенцев 1600—1615 годов значились только Клюевы. Причем показательно, что Яков Дементьевич Клюев, чьи предки приехали сюда еще в начале XVII века, приобрел поместье в результате обмена. Вотчинные земли в селе больше не упоминаются, а самым крупным землевладельцем является помещик Иван Федотович Перцев [Там же, д. 138, л. 114, 122, 122 об., 125 об.—128 об., 134, 134 об.]. Он имел земли сразу в четырех поселениях, в том числе в близлежащем починке Чюрсин, одним из основателей которого являлся.

Таким образом, видим, что первые колонизаторы этой территории в большинстве своем не удержались на своих землях. Общее колебание численности населения села в XVII веке можно наглядно представить в виде диаграммы (рис. 1).

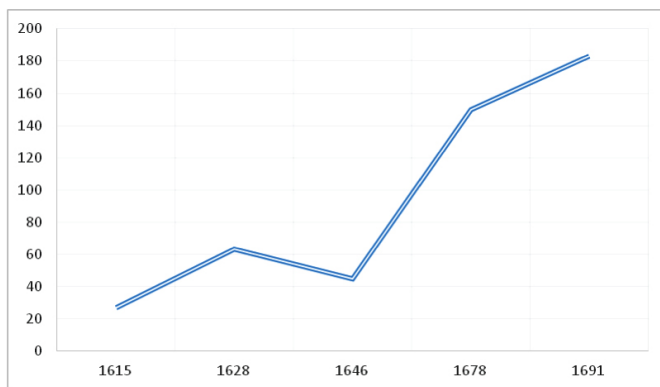

Рис. 1. Рост населения с. Паниковец в XVII веке.

Составлено по: [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 131, л. 207 об.—214; д. 132, л. 847—859 об.; д. 135, л. 78—80 об.; д. 138, л. 128—134 об.; д. 8830, л. 103—104].

В 1586 году в устье двух рек Ливен была построена крепость Ливны на берегу Быстрой Сосны. Из-за удобного географического расположения заселение уезда осуществлялось с левобережной стороны р. Быстрой Сосны. Правобережная часть уезда имела мало лесных массивов, в том числе вследствие регулярных поджогов степи русскими служилыми людьми. Кроме того, постоянная татарская угроза делала правобережье уезда очень опасным местом и малокомфортным для жизни, хотя попытки освоения этого пространства предпринимались в течение всей первой половины XVII века. Несколько раз Ливны подвергались осадам и разорялись, а его окрестности опустошались, особенно Мокрецкий стан, располагавшийся в правобережной части уезда.

Первое упоминание местности, на которой во второй половине XVII века появится с. Богоявленское (Навесное), относится к 1615 году. В Приправочной книге 1615 года по г. Ливнам и Ливенскому уезду есть сведения, что помещикам Серболова стана в районе лесов Навесного и Круглого выдавались пустоши для дальнейшего расселения русских служилых людей за рекой Сосной. В источнике несколько раз упоминается о наделении в этой местности пустошами Дикого поля помещиков Ортемова, Пчелникова, Окульшина и Сотникова из деревни Чернянской, что располагалась под Богдановым лесом «верх Хмелевого колодезя». Сама д. Чернянская находилась в левобережной части Серболова стана. В писцовой книге Ливенского уезда 1627—1629 годов также есть упоминание о существовании пустоши Дикого поля под лесом Навесным и Каменным, но постоянного населенного пункта пока еще не было [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 234]. Всего на территории Серболова стана в 24 поселениях проживали 341 человек мужского пола, при этом крестьян было всего 43 человека [Мацук, 2001, с. 13—37].

В 1630-е годы, когда на эти земли начинаются татарские набеги, правительство стало принимать меры по их защите и в этой связи массово заселять Серболов стан, хотя, по данным переписи 1646 года, количество населенных пунктов по сравнению с 1615 годом немного сократилось (7 сел и 15 деревень). В итоге между Ливенским и соседним Елецким уездами возник новый Чернавский уезд. Эта мера в сочетании с эффектом от строительства Белгородской черты способствовала сельскохозяйственному развитию региона, формированию здесь первых полноценных сельских поселений.

В 1659 году начались раздачи земель Чернавского уезда на правом берегу Быстрой Сосны [Астафьев, 2019, с. 4—7]. Новый, масштабный этап заселения правобережья Быстрой Сосны пришелся на 60-е годы XVII века. Большую роль в этом процессе сыграло основание города Землянска в 1661 году и формирование нового Землянского уезда, защитившего эти земли с юга.

В таких условиях на территории Серболова стана Ливенского уезда было основано село Навесное, получившее по местной церкви второе название Богоявленского. В 1678 году в стане было зафиксировано около 740 человек мужского пола, из них 56 крестьян и бобылей [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 14258, л. 53—98]. Село Навесное с входящими в его приход д. Круглой и д. Кунацкой (Жерино) были единственными населенными пунктами в правобережной части Серболова стана. Возможно, поэтому данный приход был самым многочисленным в стане и одним из крупнейших в уезде. В с. Навесном насчитывалось 45 дворов, в которых проживали 52 помещика, а также 2 дворовых человека и 1 «гуляющий на время». Крестьян и бобылей не зарегистрировано, однако ранее крестьяне в селе проживали. В частности, помещик Трофим Савельевич Даньшин заявил переписчикам, что когда-то за его отцом в селе было пять крестьянских дворов, но в прошлые годы крестьяне померли, а «иные от разорения разошлись» [Там же, л. 53 об.]. Это указание само по себе интересно. Последнее крупное разорение Серболова стана произошло в 1659 году. Тогда в ходе татарского набега в 21 уезде было убито и взято в плен 27 тысяч человек и сожжено 10 тысяч дворов [Важинский, 1974, с. 46]. По всей видимости, Навесное возникло до этого, на волне массовых переселений в годы активной фазы возведения Белгородской черты, то есть в 1646—1652 годах. Изначально на этих землях селились помещики и крестьяне, но татарские набеги разорили служилых людей, превратив их в однодворцев.

Как видим, основание Навесного имело долгую военно-политическую предысторию, хотя первые земли в этом регионе начали осваиваться еще в первой половине XVII века. Переписная книга 1678 года наглядно фиксирует социальную структуру местного общества, возникшую под воздействием войны и реалий освоения диких земель. В с. Навесном, как и в Ливенском уезде в целом, преобладали однодворцы, их количество составляло около 90 % от числа всех помещиков. Перепись 1678 года отделяет их от помещиков с крестьянами и крупных вотчинников, более того, и самих однодворцев перепись иногда разделяет на группы. Вероятно, однодворцы жили группами даже в пределах одного села.

Согласно сведениям 1684 года, в селе Навесном проживало 106 помещиков, то есть население увеличилось в два раза менее чем за 10 лет [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 237, л. 32 об—36 об.]. Во многом это стало следствием миграционной волны переселенцев с левобережной части Серболова стана, о чем свидетельствует появление ряда новых фамилий, в частности, Евсевия Абрамова Ртищева, по переписи 1678 года зарегистрированного в с. Егорьевском, что находилось под Богдановым лесом [Там же, д. 14258, л. 74]. Кроме того, в селе отмечался и бурный естественный прирост, о чем

косвенно свидетельствовало наличие больших семей, состоящих из нескольких братьев, а также появление отдельных дворов у повзрослевших сыновей помещиков 1678 года.

История следующего локального участка тесно связана с попытками русского населения освоить плодородную долину по р. Хворостань, левого притока Дона. Эти территории находились к югу от Воронежа, построенного так же, как и Ливны, в 1586 году. Заселение окрестностей города-крепости проходило первое время к северу по рекам Воронеж и Дон [Глазьев, 2013, с. 278—283]. Татарские набеги не позволяли населению селиться южнее, однако воронежцы использовали эти плодородные земли под промысловую деятельность, арендуя большие участки степи — «ухожай». К 1615 году на р. Хворостань появился «Хворостанский ухажай», а недалеко от него — хорошо укрепленный Борщевский монастырь [Воронежский край ..., 1976, с. 51—52].

Воронежские служилые люди, рискуя жизнями, выезжали в эти места для рыболовства, бортничества, ловли бобров. К 1646 году русское население уже постоянно проживало здесь, основав южнее укрепленное сельцо Избыльское. Одновременно с этим Борщевский монастырь активно заселял эти земли крестьянами и бобылями, жившими в огороженных тыном слободах и деревнях. Местные жители вне зависимости от социального статуса были вооружены и постоянно заботились о собственной безопасности.

В 1646 году начинается активная фаза строительства Белгородской черты. В этой связи на Дону, южнее Хворостани, была построена крепость Коротояк. С этого года начались массовые переселения в окрестности новой крепости и раздачи окрестных земель в поместья. Переселенцы, являвшиеся однодворцами, скоро получили земли за Доном, тянувшиеся в сторону сельца Избыльского и монастырских владений по Хворостани. Левый берег Дона в этих местах был сильно залесен и являлся естественной защитой от татар. Среди наиболее активных колонизаторов был Антон Гололобов, который в 1660—1662 годах вместе с сослуживцами инициировал раздел Хворостанских ухажав под поместья. Коротоякский воевода Данила Фуников разрешил это свободное разделение земель, хотя никаких бумаг на свои приобретения переселенцы не получали, так как для этого нужно было провести отдельную перепись и межевание. Таким образом, коротоякские однодворцы взяли себе обширные плодородные земли к востоку от Дона. Военная защита этих мест была обеспечена построенной к тому времени Белгородской чертой, проходившей севернее, через Борщевский монастырь к Воронежу.

В 1662 году между коротоякскими помещиками и монастырскими крестьянами вспыхнул неизбежный конфликт за земли. Служилые люди пытались выгнать монастырских бобылей с этих мест, но те держали оборо-

ну, и противостояние было окончено только в 1666 году, когда новая волна переселенцев принесла в Коротояк «моровое поветрие», быстро достигшее Хворостанских ухажав [ГАВО, ф. И-182, оп. 3, д. 151]. На двадцать лет плодородные земли запустели. В 1683 году в документах встречаем сведения о новом конфликте за территорию по Хворостани — между вернувшимися сюда коротояжскими помещиками и воронежским Покровским женским монастырем, успевшим приобрести часть земель в свое пользование [Там же, оп. 5, д. 105]. Коротояжцы были потомками колонизаторов «первой волны» и полагали эти владения своими «исконно», по наследственному праву перво-поселенцев (не имея юридических бумаг), а монастырь ссылался на грамоты, по которым купил несколько лет назад у Борщевского монастыря эти опустившие угодья. Конфликт был улажен после долгих споров: в октябре 1683 года Хворостанские земли впервые были размежёваны [Там же, л. 3].

Таким образом, в XVII веке, в эпоху колонизации опасного степного пограничья, формировалась специфическая социально-поведенческая структура населения. Для этого этапа существования местного общества характерно ярко выраженное стремление к объединению, принимающему различные варианты: семья-род, община, сельское поселение, локальная группа поселений. Все эти явления сельской жизни дополняли друг друга, образуя единую структуру повседневного существования человека. Социальная история изученных участков тесно связана с демографическими колебаниями. Слабая заселенность вынуждала население вести более сплоченный образ жизни. Писцовое описание Паниковца фиксирует наличие трудовой общины, проявлявшейся в распашке через десятину «в обще» [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 843 об.]. Слаженно организуя структуру повседневной жизни, население активно задействовало все имеющиеся ресурсы.

Обработка неосвоенных пространств «дикого поля» в условиях постоянной татарской опасности была невозможна при индивидуальном подходе в хозяйственной деятельности поселенцев. Коллективизм в организации сельскохозяйственной деятельности в первую очередь был обусловлен нехваткой крестьян и подавляющего большинства местных помещиков — будущих однодворцев — на протяжении всего XVII века. Кроме того, сами переселенцы могли привезти с собой традиции коллективной работы из мест своего прежнего жительства. Например, для черносошных крестьян Новгородчины была свойственна коллективная обработка земли. Сочетание этих факторов толкало семьи объединяться в семейно-родовые и соседские группы, превращаясь со временем в сельские общины — более крупные формы социальной организации населения [Жиров, 2019, с. 147—156]. К концу XVII века численность этих помещиков без крестьян в южных уездах составляла абсолютное большинство от общей массы населения — 82,9 %.

Сельское поселение, представленное разными типами населенных пунктов, как правило, являлось более крупным способом организации населения окраины, чем трудовая община [Камараули, 2018, с. 101—102]. Сельское поселение обычно представляло собой коллектив семейно-родовых групп, общность которого поддерживалась совместной хозяйственной деятельностью. Примером этому могут быть также коротоякские однодворцы, расширявшие свои земли в сторону Хворостани. Они представляли собой активное сплоченное сообщество, стремящееся расширить пространство своих владений в возможных пределах.

Итак, в XVII веке сельское поселение представляло собой динамичную социальную организацию, состоящую из семейно-родовых групп, большинство которых было объединено в неформальную трудовую общину. Отметим также, что часто село являлось частью другого объединения — локальной группы сельских поселений. Особенно хорошо видно это обстоятельство на примере с. Паниковец, которое с самого начала было окружено д. Яблоновой и почином Мценским, а затем здесь появился еще и починок Юрьев. Противоположный пример — с. Навесное, которое, не считая входящих в приход д. Круглой и д. Кунацкой, фактически развивалось как единичное поселение, так как ближайшие населенные пункты располагались в удалении на 20 и более верст. Это было связано с географическим расположением поселков в непосредственной близости от важных оборонительных участков [Ляпин и др., 2018, с. 89—97]. Навесное и Круглая располагались в 3 верстах от основных татарских перелазов через р. Олым, а Кунацкая находилась в месте одного из бродов р. Быстрая Сосна.

Для Паниковца, возникшего в начале XVII века, несмотря на относительно удачное расположение страдавшего от татарских набегов, наличие Яблонова было жизненно важным фактором, тогда как для Яблонова таким фактором являлся починок Мценский. В случае с Навесным ситуация была иной, поскольку оно возникло в то время, когда военно-оборонительная линия уже защищала русские рубежи и татарские набеги не носили регулярный характер.

3.2. Изменения социального поведения и структуры сельского общества исследуемого региона в XVIII веке

В XVIII веке сельское общество окончательно замыкается, и в его границах формируются устойчивые социальные группы однодворцев и владельческих крестьян. Очень специфической и самой малочисленной категорией населения являлись однодворческие крестьяне, которые были зафиксированы в Навесном и Паниковце. Петровская эпоха мобилизовала основную массу населения, отделив однодворцев от благородного дворянства записанного теперь отдельно в «шляхетство» [Захаров и др., 2021,

с. 83—98]. Собственно однодворцы стали основной массой населения для всех рассматриваемых нами локальных территорий.

По данным переписи 1716 года, в Паниковце проживали около 100 однодворцев обоих полов, записанных в рейтары и копейщики, а также 9 священнослужителей и вдова. В соседней д. Яблонуво однодворцы были записаны в рейтарскую и городовую службы, а их число составило 56 человек, включая женщин. В конце XVII века между этими двумя населенными пунктами появилась д. Каменка. Интересно, что новое поселение было достаточно крупным: здесь проживали рейтары, солдаты и городовые числом в 31 человек, а также работные люди — 32 человека и 10 священнослужителей. Перепись 1716 года фиксирует потери населения: в сравнении с 1710 годом они составили более 30 %, но зато численность лиц детского и подросткового возраста превышала 50 %, что свидетельствует о неминуемом в будущем демографическом росте [РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 113, л. 929—936, 944 об.—967]. В 1763 году в Паниковце насчитывалось 57 дворов однодворцев, в которых числилось 267 человек, а по ревизии 1795 года проживали уже 414 однодворцев и 120 владельческих крестьян [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 972, л. 27 об.].

К сожалению, сведений о населении и его составе по с. Навесному петровской эпохи у нас нет, но, исходя из материалов второй половины XVIII века, можно смело предположить бурный рост числа жителей, который привел к образованию сразу нескольких поселков в границах единой дачи села.

Согласно ревизии 1763 года, в с. Навесное проживало 577 однодворцев мужского пола и 562 женского, а вот в ревизии 1782 года их численность снизилась до 596 человек обоего пола, то есть в два раза [ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 291, л. 328]. Причиной этого стало массовое выселение однодворцев в новые поселения, а именно д. Гатище, д. Пикалово и д. Казинку. Факт и время переселения указывает и другой источник «в деревне Гатище, населенной около 1765 года выходцами из села Навесного, к которому жители её и были приходом, между 1779—1783 годами построена собственная деревянная церковь во имя Казанской Божьей Матери» [История Орловской епархии ..., 1899, с. 479]. В страховых документах на церковное имущество по 1-му округу Ливенского уезда Орловской епархии 1910 года приводится информация о более раннем строительстве Казанской церкви с. Гатища, а именно в 1770 году, а Апостольская церковь с. Казинки была возведена в 1795 году [РГИА, ф. 799, оп. 33, д. 1243, л. 28—39]. Несмотря на то что время появления новых поселков и строительство в них храмов немного спорно, фактически до конца XVIII века они составляли единый приход, а сам факт историко-генетической связи поселков не подвергается сомнению.

В «Экономических примечаниях к плану Генерального межевания» по Ливенскому уезду в даче с. Навесное числились села: Казинка, Гатище; деревни: Гатище, Пониковец, Юрская, Марьина, Николаевка, Пикалово; сельцы: Топское (Давыдовка), Никитинка (Белая Гора), Юрское (Хитрово), Григорьевское (Юрьевское), Федоровское (Костромитинова) [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 994, л. 35 об.—38]. Общее количество дворов по ревизии 1795 года составляло 385, а жителей мужского 1625, женского пола — 1645. В самом селе Навесном числилось 87 однодворческих дворов с 323 жителями мужского пола и 319 женского, а также 3 однодворческих крестьянина. Кроме того, у генерал-поручика И. К. Давыдова числилось в сельце Топском более 200 крепостных и дворовых людей обоего пола. Таким образом, к концу XVIII века население прихода стало смешанным, с существенной долей лично зависимых жителей.

Уже в начале XVIII века в Хворостанских землях однодворцы теряют хозяйственную инициативу. Петровское время заставляет часть из них отправиться на фронт Северной войны, другие были записаны в полки ландмилиции Азовской губернии. Вероятно, в конце XVII века в устье р. Хворостань возникает село с таким же названием, записанное в Воронежском уезде. Земли в низовьях реки переходят во владения местных жителей. Описание 1716 года зафиксировало здесь 42 однодворца мужского пола и три священнослужителя, тогда как в 1710 году в селе значилось 67 однодворцев [РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 94, ч. 2, л. 1118—1133]. Крупнейшим населённым пунктом было село Борщево, значившееся в вотчинах Похония митрополита Воронежского и Елецкого. В 1710 году здесь проживали 350 человек, а в 1716 году 161 человек.

Значительный демографический провал очевиден и был связан с переводом части местного населения на новое место жительства, резкой смертностью и мобилизацией на войну. Верховья Хворостани с 1683 года принадлежали воронежскому Покровскому девичьему монастырю. Однако в 1764 году в ходе екатерининской секуляризации церковных земель монастырь теряет свои земли и крестьян. В 1769 году на бывших монастырских владениях возникло с. Данково, основанное переселенцами из г. Данкова. Монастырские крестьяне, по всей видимости, были переданы в казенный фонд, а затем розданы частным владельцам. С этого момента Данково становится главным центром Хворостанского края.

4. Заключение = Conclusions

Социальная организация сельского населения изученных нами локальных территорий отличалась динамичностью. Особенно это касается XVII столетия, когда существенную роль в истории региона играл воен-

ный фактор. Тогда же был выработан общинный способ организации хозяйственной деятельности, как наиболее эффективный в условиях освоения новых земель и военной угрозы. Однако он был важен в те моменты, когда население еще не было значительным, а свободного земельного фонда было достаточно. Военные удары татарской конницы и обилие пустых территорий сохраняли общину, так как она была необходимым средством эффективного развития. В частности, помещики Навесного и коротоякские колонизаторы Хворостани объединялись в группы для того, чтобы ускорить распашку лежащего вокруг земельного фонда.

В XVIII веке граница отошла на юг, военная опасность перестала определять повседневное существование человека, позволив ему полностью сконцентрироваться на освоении близлежащих ресурсов. Однако резкий демографический скачок произошел не сразу. Для примера мы можем представить наглядно данные по с. Паниковец с 1615 по 1795 годы (рис. 2).

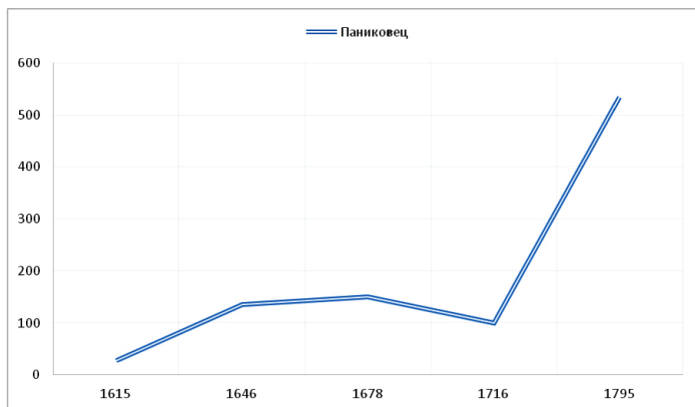

Диаграмма 2. Рост численности населения с. Паниковец в XVII—XVIII веках.

Составлено по: РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 131, л. 207 об.—214; д. 135, л. 78—80 об.; д. 8830, л. 103—104; ф. 350, оп. 1, д. 113, л. 944 об.—967; ф. 1355, оп. 1, д. 972, л. 27 об.].

К концу XVIII века общинная организация однодворческого хозяйства стала ослабевать, поскольку не имела больше значительного смысла. Демографический прилив, начавшийся в 1730-е годы, увеличил численный состав семей и их хозяйственные возможности. Однодворческие семьи жили своим хозяйством, но все еще продолжали вести совместную распашку земли, выпас скота и многие другие виды хозяйственной деятельности. Несмотря на то, что нужда в совместном землепользовании отпала, совместная распашка оставалась, поскольку по-прежнему земли не были размежеваны на индивидуальные участки. В социальном плане однодвор-

цы оставались сплочённым сообществом и часто отстаивали свои общие интересы коллективно, как и их прадеды в XVII веке [Белявский, 1984]. Эта свойственная им форма поведения была настолько устойчивой, что дожила до начала XX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Воронежский край с древнейших до конца XVII века* : Документы и материалы по истории края / Сост. и авт. пояснит. текста проф. В. П. Загоровский. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1976. — 192 с.
2. ГАВО — *Государственный архив Воронежской области*. Ф. И–182 (Воронежская приказная изба). Оп. 3. Д. 151 ; Оп. 5. Д. 105.
3. ГАОО — *Государственный архив Орловской области*. Ф. 760 (Коллекция ревисских сказок Орловской губернии). Оп. 1. Д. 291.
4. *История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей*. — Орел : типография губернского правления, 1899. — 742 с.
5. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 4. Д. 86 ; Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки (коллекция)). Оп. 1. Д. 94. Ч. 2 ; Д. 113 ; Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 131, 132, 133, 135, 138, 234, 237, 8830, 14258 ; Ф. 1355 (Экономические примечания к планам дач генерального межевания, 1765—1843 гг. (коллекция)). Оп. 1. Д. 972, 994.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 799 (Хозяйственное управление при Синоде). Оп. 33. Д. 1243.

Литература

1. Астафьев Д. А. Чернавские служилые люди Астафьевы в XVII в. : историко-генеалогическое исследование / Д. А. Астафьев // История : факты и символы. — 2019. — № 2. — С. 4—7. — DOI: 10.24888/2410-4205-2019-19-2-7-15.
2. Белявский М. Т. Олдоворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.) / М. Т. Белявский. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 269 с.
3. Бушнелл Дж. Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок с. Спасовки в XVIII—XIX веках / Дж. Бушнелл. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 416 с. — ISBN 978-5-4448-1207-5.
4. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины оодворцев в XVII веке : (По материалам юж. уездов России) / В. М. Важинский. — Воронеж : Воронеж. пед. ин-т, 1974. — 237 с.
5. Глазьев В. Н. Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI — начале XVII вв. / В. Н. Глазьев // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. — 2013. — № 3. — С. 278—283.
6. Жиров Н. А. Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. / Н. А. Жиров // Вопросы истории. — 2019. — № 8. — С. 147—156. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18.

7. Захаров А. В. Служилые люди и помещики Азовской губернии при Петре I : к вопросу о социальной идентичности по массовым источникам 1710—1723 гг. / А. В. Захаров, Д. А. Ляпин // История: факты и символы. — 2021. — № 4 (29). — С. 83—98. — DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-83-98.

8. Камараули Е. В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // История : факты и символы. — 2018. — № 3 (16). — С. 10—102. — DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105.

9. Ляпин Д. А. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) / Д. А. Ляпин, К. Ю. Гайтерова // Вестник Брянского государственного университета. — 2018. — № 2 (11). — С. 89—97. — DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-89-97.

10. Ляпин Д. А. На окраине царства : повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. / Д. А. Ляпин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2020. — 413 с. — ISBN 978-5-86007-939-7.

11. Ляпин Д. А. Социальная организация сельского населения юга России в XVII в. / Д. А. Ляпин // Quaestio Rossica. — 2019. — № 2. — С. 599—612. — DOI: 10.15826/qv.2019.2.396.

12. Мацук М. А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. В 3-х частях. / М. А. Мацук. — Сыктывкар : [б.и], 2001. — Ч. 1. — 123 с.

13. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // По следам ушедших эпох: статьи и заметки. — Москва : Наука, 2006. — С. 670—688. — ISBN 5-02-035129-6.

14. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. — Москва : Росспэн, 1998. — 572 с. — ISBN 5-86004-131-4.

15. Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире : северная деревня конца XVI — начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. — Москва : Индрик, 2012. — 366 с. — ISBN 978-5-91674-172-8.

16. Davies L. B. State power and community in early modern Russia : the case of Kozlov, 1635—1649 / B. L. Davies. — Basingstoke, Hants. ; New York : Palgrave Macmillan, 2004. — 308 p. — ISBN 1-4039-3213-1.

17. Lyapin D. A. The peculiarities of social organization of the serving population of the south of Russia in the first third of the XVII centuries (on materials guarantee records of Voronezh) / D. A. Lyapin, N. A. Zhironov // Past years. Russian Historical Journal. — 2017. — № 43 (1). — Pp. 13—20. — DOI:10.13187/bg.2017.1.13.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023,
одобрена после рецензирования 11.05.2023,
подготовлена к публикации 25.05.2023.

Material resources

GAOO — State Archive of the Oryol region. f. 760 (Collection of re-viz fairy tales of the Oryol province). Op. 1. d. 291. (In Russ.).

GAVO — State Archive of the Voronezh region. F. I–182 (Voronezh command hut). Op. 3. d. 151; Op. 5. D. 105. (In Russ.).

History of the Orel diocese and description of churches, parishes and monasteries. (1899). Orel: Printing house of the provincial government. 742 p. (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 210 (Discharge order). Op. 4. d. 86; F. 350 (Landrat books and Revision tales (collection)). Op. 1. d. 94. Part 2; D. 113; F. 1209 (Local order). Op. 1. D. 131, 132, 133, 135, 138, 234, 237, 8830, 14258; F. 1355 (Economic notes to the plans of the dachas of the general surveying, 1765—1843 (collection)). Op. 1. d. 972, 994. (In Russ.).*

RGIA — *The Russian State Historical Archive. F. 799 (The Administration of the Synod). Op. 33. d. 1243. (In Russ.).*

Voronezh Region from the earliest to the end of the XVII century: Documents and materials on the history of the region. (1976). Voronezh: Voronezh University Press. 192 p. (In Russ.).

References

- Astafyev, D. A. (2019). Chernavsky serving people of Astafyev in the XVII century: historical and genealogical research. *History: facts and symbols*, 2: 4—7. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-19-2-7-15. (In Russ.).
- Belyavsky, M. T. (1984). *Odnovorets of the Chernozem region (according to their instructions in the Laid Commission of 1767—1768)*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 269 p. (In Russ.).
- Bushnell, J. (2020). *The epidemic of celibacy among Russian peasant women. Spasovki in the XVIII—XIX centuries*. Moscow: New Literary Review. 416 p. ISBN 978-5-4448-1207-5. (In Russ.).
- Davies, L. B. (2004). *State power and community in early modern Russia: the case of Kozlov, 1635—1649*. Basingstoke, Hants: New York: Palgrave Mac-millan. 308 p. ISBN 1-4039-3213-1.
- Glazyev, V. N. (2013). The settlement of cities and the formation of counties of the Central Black-Earth region at the end of the XVI — beginning of the XVII centuries. *Rus, Russia, the Middle Ages and Modern Times*, 3: 278—283. (In Russ.).
- Kamarauli, E. V. (2018). Formation of settlement structure in the southern counties of Russia in the first half of the XVII century. (on the example of Voronezh county). *History: facts and symbols*, 3 (16): 10—102. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105. (In Russ.).
- Lyapin, D. A. (2019). Social organization of the rural population of the South of Russia in the XVII century. *Quaestio Rossica*, 2: 599—612. DOI: 10.15826/qr.2019.2.396. (In Russ.).
- Lyapin, D. A. (2020). *On the outskirts of the kingdom: the daily life of the population in the South of Russia in the XVII century*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 413 p. ISBN 978-5-86007-939-7. (In Russ.).
- Lyapin, D. A., Gaiterova, K. Yu. (2018). The influence of the military factor on the economic development of the South of Russia in the XVII century. (based on the materials of the Yelets district). *Bulletin of the Bryansk State University*, 2 (11): 89—97. DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-89-97. (In Russ.).
- Lyapin, D. A., Zhirov, N. A. (2017). The peculiarities of social organization of the serving population of the south of Russia in the first third of the XVII centuries (on materials guarantee records of Voronezh). *Past years. Russian Historical Journal*, 43 (1): 13—20. DOI:10.13187/bg.2017.1.13.
- Matsuk, M. A. (2001). *The city of Livny and the Livenessky district in 1615/16. In 3 parts, 1*. Syktyvkar: [b. i]. 123 p. (In Russ.).

- Milov, L. V. (1998). *The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process*. Moscow: Rosspen. 572 p. ISBN 5-86004-131-4. (In Russ.).
- Milov, L. V. (2006). The natural-climatic factor and the mentality of Russian peasantry. In: *In the footsteps of bygone eras: articles and notes*. Moscow: Nauka. 670—688. ISBN 5-02-035129-6. (In Russ.).
- Shveykovskaya, E. N. (2012). *The Russian peasant in the house and the world: the northern village of the late XVI — early XVIII century*. Moscow: Indrik. 366 p. ISBN 978-5-91674-172-8. (In Russ.).
- Vazhinsky, V. M. (1974). *Land ownership and the formation of a community of odnodvoretz in the XVII century: (Based on the materials of the South. counties of Russia)*. Voronezh: Voronezh. pedagogical Institute. 237 p. (In Russ.).
- Zakharov, A. V., Lyapin, D. A. (2021). Serving people and landowners of the Azov province under Peter I: on the question of social identity according to mass sources of 1710—1723. *History: facts and symbols*, 4 (29): 83—98. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-83-98. (In Russ.).
- Zhirov, N. A. (2019). Rural “world” and economic development of the territory of the Upper Don region at the beginning of the XVII century. *Questions of History*, 8: 147—156. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18. (In Russ.).

*The article was submitted 31.03.2023;
approved after reviewing 11.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Лиджиева И. В. Учреждения мелкого кредита в обществах кочевников Ставропольской губернии XIX — начала XX веков / И. В. Лиджиева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 451—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-451-466.

Lidzhieva, I. V. (2023). Small Credit Institutions in Nomadic Societies of Stavropol Governorate in 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 451-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-451-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-451-466

Учреждения мелкого кредита в обществах кочевников Ставропольской губернии XIX — начала XX веков

Лиджиева Ирина Владимировна
orcid.org/0000-0002-5699-1021
доктор исторических наук,
приглашенный исследователь
irina-lg@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00313 «Трансформация
кочевых
обществ Юга России в контексте
природно-климатических факторов
(XIX — середина XX веков)»

Small Credit Institutions in Nomadic Societies of Stavropol Governorate in 19th — Early 20th Centuries

Irina V. Lidzhieva
orcid.org/0000-0002-5699-1021
Doctor of History,
Visiting Researcher
irina-lg@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00313
“Transformation of nomadic societies
in the South of Russia in the context
of natural and climatic factors
(XIX — mid-XX centuries)”

© Лиджиева И. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются вопросы организации и функционирования учреждений мелкого кредита в кочевых обществах Ставропольской губернии XIX — начала XX веков. Основой источниковой базы послужили впервые выявленные в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия законодательные акты, приговоры общественных сходов и делопроизводственная переписка, раскрывающие процесс организации и деятельности вспомогательных и ссудо-сберегательных касс. Анализ документов путем применения системного метода научного исследования позволил раскрыть внутренние механизмы функционирования учреждений мелкого кредита в обществах ногайцев, туркмен и калмыков. Выявлено с помощью ретроспективного метода влияние деятельности вспомогательных и ссудо-сберегательных касс на изменение их хозяйственной направленности, а историко-сравнительный метод способствовал выявлению общих и особенных признаков в ходе их организации и работы. Автор акцентирует внимание на значении мелкого кредитования в условиях экстенсивного способа ведения кочевого хозяйства, зависящего от природно-климатических факторов. В заключении сделаны выводы о роли мелкого кредитования в переходе кочевников к оседлому образу жизни. Подчеркивается социальный эффект в сплочении членов кочевого общества, в развитии духа предпринимательства.

Ключевые слова:

кочевые народы; калмыки; ногайцы; туркмены; вспомогательные кассы; ссудо-сберегательные кассы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of organization and functioning of small credit institutions in the nomadic societies of the Stavropol province of the 19th — early 20th centuries are studied. The basis of the source base was the legislative acts, verdicts of public gatherings and clerical correspondence, revealed for the first time in the funds of the Russian State Historical Archives, the State Archives of the Stavropol Territory and the National Archives of the Republic of Kalmykia, unveiling the process of organization and activities of auxiliary and loan and savings banks. The analysis of documents by applying a systematic method of scientific research made it possible to reveal the internal mechanisms of the functioning of small credit institutions in the societies of Nogais, Turkmens and Kalmyks. Using the retrospective method, the influence of the activities of auxiliary and loan and savings banks on the change in their economic orientation, and the historical-comparative method contributed to the identification of common and special features in the course of their organization and work was revealed. The author focuses on the importance of small-scale lending in the conditions of an extensive way of running a nomadic economy, which depends on natural and climatic factors. Conclusions are drawn about the role of small-scale lending in the transition of nomads to a settled way of life. The social effect in rallying the members of a nomadic society, in the development of the spirit of entrepreneurship is emphasized.

Key words:

nomadic peoples; Kalmyks; Nogais; Turkmens; auxiliary cash desks; savings and loan banks.

Учреждения мелкого кредита в обществах кочевников Ставропольской губернии XIX — начала XX веков

© Лиджиева И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Кочевое инородческое население Ставропольской губернии: ногайцы и туркмены, — в соответствии с Уставом для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области, утвержденным 6 февраля 1827 года, состояло под управлением Главного пристава [2ПСЗ, т. 2, № 878, с. 145]. На основании высочайшего указа от 13 марта 1860 года Большедербетовский улус был переведен в ведомство ставропольского губернатора, и, соответственно, его население — калмыки — подчинялось Главному приставу. Инородческая администрация, управляя кочевыми народами, основой хозяйства которых являлось пастбищное скотоводство, должна была обеспечить их переход к оседлому образу жизни, то есть способствовать формированию у них желания заниматься земледельческим трудом. Кроме того, скотоводческое направление требовало внедрения интенсивных методов хозяйствования от строительства загонов и заготовки сена до ветеринарного обслуживания и проведения селекционных работ. Подобные мероприятия являлись долгосрочной перспективой. Непосредственная зависимость хозяйства кочевника от погодных факторов обусловила создание имперскими властями финансового инструмента — общественного капитала, средства которого могли быть направлены на оказание помощи в экстремальных условиях. Между тем поступательное интегративное развитие кочевых инородческих обществ предусматривало и развитие товарного хозяйства, которое нуждалось в дополнительных финансовых средствах для поддержания и развития хозяйства. Вспомогательные и ссудо-сберегательные кассы стали тем самым финансовым инструментом, удовлетворяющим хозяйственные потребности кочевое население.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является исследование процесса организации и развития учреждений мелкого кредита в кочевых обществах Ставропольской губернии XIX — начала XX веков на примере ногайцев, туркмен и калмыков. Рассматриваемая тематика, к сожалению, не нашла отражения

в отечественной историографии. Отдельные ее аспекты затрагиваются в контексте эволюции методов статистического учета в Калмыкии в работе Н. А. Эльдяевой, которая связывает появление кредитной системы в калмыцком обществе «с неустойчивым характером кочевого хозяйства и сильной зависимостью основной скотоводческой отрасли от природно-климатических условий» [Эльдяева, 2005, с. 120].

Безусловно, деятельность касс мелкого кредита в целом в Российской империи привлекает внимание исследователей. Так, на примерах различных регионов Российской империи функционирование вспомогательных касс, ссудо-сберегательных и т. п. рассматривается рядом авторов [Бурнашева, 2019; Васильев, 2017, 2021; Горбик, 2019; Ерохина, 2018; Кевбрина и др., 2018; Кобзева, 2014; Саетгараев, 2013].

Основой источниковой базы предпринятого исследования послужили законодательные акты, приговоры общественных сходов и делопроизводственная переписка, впервые выявленные в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия. Анализ документов путем применения системного метода научного исследования позволил раскрыть внутренние механизмы функционирования учреждений мелкого кредита в обществах кочевников Ставропольской губернии. Влияние работы вспомогательных и ссудо-сберегательных касс на изменение хозяйственной деятельности ногайцев, туркмен и калмыков было выявлено с помощью ретроспективного метода, тогда как историко-сравнительный способствовал определению общих и особенных признаков в ходе их организации и работы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вспомогательные кассы

Финансовые институты, призванные оказывать помощь инородческому населению, стали появляться в России со второй половины XIX века, как, например, ссудная касса, созданная с целью вспомоществования «исключительно якутам и преимущественно тем из них, которые будут нуждаться в оных для продовольствия» [Устав ..., 1899, с. 1]. Основанием выдачи займа или безвозвратного пособия выступали «случаи физических бедствий, для поддержания и развития их домашнего хозяйства и промышленности, а также для выдачи беднейшим из них безвозвратных пособий» [Там же]. По утверждению одного из Главных приставов кочующих народов П. З. Ланко, рассматривавшего возможность учреждения в Большебербетовском улусе вспомогательной кассы, «денежное пособие должно составлять одно из главнейших средств к развитию возможности перехода калмыков от кочевой к оседлой жизни» [Ланко, 1868, с. 79].

7 ноября 1860 года проект «Положения о вспомогательных кассах для обитающих в Ставропольской губернии магометанских народов» (далее — Положение) получил утверждение наместника на Кавказе генерал-фельдмаршала, князя А. И. Барятинского [РГИА, ф. 1268, оп. 10, 1860 г., д. 261, лл. 7—32]. Документ состоял из пяти глав, каждая из которых содержала тематический блок положений: формирование основного капитала, его назначение, механизм управления и отчетность по вспомогательным кассам, процедура выдачи займов и их обеспечение. К Положению прилагались образцы оформления документации: форма расходной книги для записи сумм, выданных конкретному человеку, определенного общества с указанием даты; форма приходной книги для записи сумм, поступавших в уплату займов; алфавитный список недобросовестных плательщиков и удостоверение поручителей и аульных старшин.

Согласно данному Положению, основной капитал вспомогательных касс учреждался из средств общественного магометанского капитала и составлял 100 тыс. руб. серебром, он направлялся в соответствии с § 1 на «удовлетворение разных хозяйственных нужд», а также на развитие промышленности региона [Там же, л. 7 об.]. Одновременно указывалось, что средства вспомогательных касс, с разрешения наместника на Кавказе, могут быть направлены на выдачу денежных пособий в случае голода, падежа скота и т. п., а также на «улучшение быта, как-то в устройстве народных школ, учреждении лечебниц и прочее» [Там же]. В этом случае отчисление оборотных средств производилось на иных условиях, нежели указано в Положении.

Местное управление каждой вспомогательной кассы составляли Частный пристав (в случае его отсутствия или болезни его помощник) и кассир. Должность кассира являлась выборной и имела привилегию в виде освобождения от исправления народных повинностей. Выборы кассира производились через три года на народных собраниях. Избранная кандидатура утверждалась Главным приставом. Писарь назначался частным приставом под его ответственность. Кассир и писарь получали жалованье за счет доходной части вспомогательных касс, размер которого определялся по приговору общества, утверждаемого губернатором. Расходы на приобретение канцелярских принадлежностей также возлагались на доходную часть вспомогательных касс. Обязанности по обеспечению безопасности средств вспомогательных касс, своевременном удовлетворении просьб магометан по выдаче займа, контроль за своевременным возвращением ссудных средств и процентов по ним, обеспечение мер по их возврату в случае неплатежа, а также контроль за ведением документации возлагались на частных приставов.

Процедура выдачи займа начиналась с подачи объявления, в котором указывалась запрашиваемая сумма, срок и количество скота, выступаю-

щего в его обеспечение. Объявление подписывалось просимым лицом, а в случае его неграмотности — тем, кому он доверяет, и заверено аульным старшиной, который своей подписью свидетельствовал о наличии хозяйства у заемщика, а в случае его неграмотности — приложением печати. Служащим вспомогательных касс запрещалось подписывать документы вместо заемщика или его поручителей. Режим работы вспомогательных касс предполагал ежедневный, без исключения, прием заявок, которые заносились в шнуровую книгу по прилагаемой форме. В день приема объявления пристав и кассир рассматривают все обстоятельства, указывающие на платежеспособность кандидата в заемщики. В случае положительного решения пристав уведомлял просителя; после выдачи размер суммы вносился в расходную книгу, о чем в подтверждении ставилась подпись заемщика. Пример заполнения показан в нижеследующей таблице (табл. 1). Одновременно заемщику, получившему ссуду, словесно объявлялось, в какой срок должна быть произведена уплата основного долга и процентов.

Таблица 1

Образец записи в расходной книге

Ногайцу такого-то рода, такого-то общества и аула, такому-то (имя, отчество и прозвание) Расчет По займу из вспомогательной кассы такого-то народа двадцать рублей серебром, сроком на один год, с 1 января 1860 года по 1 января 1861 года									
Когда следует внести в кассу долг			Сколько следует платить					Время и количество уплаты в вспомогательную кассу капитала и процентов	
			Капиталы		Проценты		Итого		
Год	Число	Месяц							1861 года января 1 дня заемщиком таким-то капитала уплачено столько-то и проценты столько-то Подпись Частного Пристава и Кассира
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Подпись Частного Пристава и Кассира Примечание. На другой половине сего листа пишется перевод росписям на татарском языке									

Источник: [РГИА, ф. 1268, оп. 10, 1860 г., д. 261, л. 27 об.].

Письмо наместника Кавказа А. И. Барятинского, направленное 14 ноября 1860 года А. И. Чернышеву, председателю Кавказского Комитета, созданным

го в 1840 году для разрешения вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи, было посвящено вопросу целесообразности введения в действие вспомогательных касс для магометанских народов Ставропольской губернии. Проведя детальный анализ использования средств общественного капитала, формируемого за счет доходов, получаемых за перевозку провианта для войск кавказской армии и сдачу земель в аренду, А. И. Барятинский пришел к выводу о том, что капитал «не служит орудием к увеличению их благосостояния и нисколько не устраняет даже самых насущных их нужд» [РГИА, ф. 1268, оп. 10, 1860 г., д. 261, л. 1]. При этом подчеркивалась «значительность его сумм», которая составляла 115 тыс. руб. серебром, из них 110 292 руб. хранились в Ставропольском Приказе Общественного призрения, принося по 2 % с 1 рубля ежегодно, и 4 707 руб. 35 ½ коп. серебром находились в прямом распоряжении Управления кочевыми народами. Учреждение вспомогательных касс, по мнению столичного чиновника, во-первых, никак не отягощало бы кочевников, во-вторых, способствовало бы «улучшению их быта во всех отношениях» [Там же, л. 3]. Средства вспомогательных касс, по мнению инициатора проекта, прежде всего должны были облегчить положение беднейшего населения, которое вынуждено было пользоваться займами, предоставляемыми состоятельными соплеменниками, а также кизлярскими или моздокскими армянами. Сделки, особенно с последними, заключались на разорительных условиях. В письме рассмотрен конкретный случай на примере покупки ногайцами чая, составляющего ежедневную пищу ногайцев. Так, ввиду отсутствия денег инородцы вынуждены были прибегать к услугам торговцев-армян, дающих в долг. Условия предоставления товаров в долг обговаривались заранее. Выплата осуществлялась или деньгами «с платежом огромных процентов, нередко сто на сто, или же трудом, при наступлении работ, в виноградниках армянских садоводов у которых куплен чай, но труд этот наперед стеснен условно самой низкой заработной платой» [Там же, лл. 4—4об.]. Принимаемые властями меры полицейского характера, такие как «преследование лихвенных процентов или понижение продажных цен», не приводили к улучшению ситуации. К действенным способам решения проблемы закабаления беднейшего населения А. И. Барятинский отнес учреждение вспомогательных касс, которые должны были привести «к свободе труда и справедливости его вознаграждения, не говоря уже о том, что легкость получения из касс денежных займов поднимет их благосостояние, увеличивая при том собственный их капитал» [Там же, л. 5 об.]. Ставропольский губернатор В. А. фон Ден в приложении к всеподданнейшему отчету за 1881 год, анализируя деятельность вспомогательных касс, приводит следующие данные: «Выделенный в 1861 году из общественных сумм трех приставств для образования ссудных касс капитал

67 тыс. руб. в течение 20 лет увеличился до 154 083 руб. 31 коп. или на 129 %, принося в то же время кочевникам огромную пользу, избавляя от окончательного разорения» [Обзор ..., 1882, с. 67].

На практике деятельность данных финансовых учреждений не всегда имела положительный социально-экономический эффект. Экстенсивный способ хозяйствования кочевников и их зависимость от природно-климатических условий не обеспечивали постоянного уровня благосостояния. Указанные факторы напрямую влияли на степень возврата займа, что и обусловило использование административного ресурса. В целях своевременного поступления заемных средств пристав трухмянского народа ввел практику издания об этом ежемесячного распоряжения для родовых старшин, прилагая актуальный список заемщиков с указанием необходимой суммы, процентов и даты платежа. Таким образом, докладывал он Главному приставу кочующих народов, «мною с кочевых трухмен большею частью взыскана просроченная ссуда, а осталось до настоящего числа невзысканною с самых несостоятельных лиц, за которыми также имеется настоятельное наблюдение ...» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 888, лл. 61—61 об.]. При этом пристав, отмечая уклонение старшин от принудительного взыскания недоимки, сообщает, что им также было сделано предупреждение о привлечении «к законной ответственности» [Там же, л. 62]. Выборные должностные лица, выполнявшие коммуникативные функции между своими соплеменниками и местной администрацией, именно в деятельности кредитных институтов несли финансовую ответственность своим имуществом. Так, ногаец Курманали Магометов, взявший заем из вспомогательной кассы в размере 261 руб. сроком на три года под залог 25 голов рогатого скота и семи лошадей, 20 октября 1864 года умер, оставив малолетнюю дочь и жену. Срок займа истек 14 сентября 1865 года. В обеспечении займа осталась только одна лошадь, дом и имущество, в том числе домашняя утварь, повозка и сено общей стоимостью 144 руб. 25 коп. Следовательно, несмотря на детальную регламентацию процедуры выдачи займа, факты фиктивного поручительства имели место. Ачикулак-джембуловский и едишкульский пристав в рапорте от 30 ноября 1864 года на имя главного пристава кочующих народов Я. А. Тимофеева, охарактеризовав ситуацию, спрашивал: «Если по продаже скота, долг этот не будет исполнен, с кого взыскивать недостающую сумму?» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2501, л. 4 об.]. Запросы по всем инстанциям дошли до губернатора К. Л. Пашенко, который 11 марта 1865 года отписался, что «недостающая сумма должна упасть на того старшину, который удостоверял о количестве скота при подаче Магометовым объявления о выдаче ссуды» [Там же, л. 5—5 об.]. Делопроизводственная переписка по этому делу завершилась 23 июля, когда пристав докладывал П. З. Ланко, что долг закрыт путем продажи с торгов движимо-

го и недвижимого имущества умершего Курманали Магометова на сумму 261 руб. с процентами 306 руб. [Там же, л. 14].

3.2. Ссудо-сберегательные кассы

Констатируя положительный эффект деятельности вспомогательных касс по результатам 1881 года, ставропольский губернатор фон Ден заявлял: «Ввиду приносимой ими народу пользы, я намерен ходатайствовать об учреждении такой же кассы и для калмыков Большедербетовского улуса, в котором общественный капитал позволяет выделить для того необходимый фонд» [Обзор ..., 1882, с. 67]. Ранее, следуя примеру ногайских и туркменских обществ Ставропольской губернии, калмыки Большедербетовского улуса возбуждали вопрос об учреждении вспомогательных касс. Попечитель Большедербетовского улуса, коллежский советник М. А. Волховский в рапорте от 4 сентября 1867 года Главному приставу кочующих народов П. З. Ланко, поделившись своим убеждением о необходимости учреждения вспомогательной кассы при улусном управлении, предложил проект создания и функционирования касс в обществе калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 332, л. 1]. Так, предлагалось, во-первых, необходимую сумму в размере 10 000 руб. для формирования основного капитала запросить из средств общественного калмыцкого капитала; механизм выдачи займов использовать тот, который содержится в правилах вспомогательных касс, утвержденных 7 ноября 1860 года бывшим наместником на Кавказе, князем А. И. Барятинским; выдачу займов производить под залог личного хозяйства, или его обеспечением может служить поручительство двух лиц, являющихся собственниками скота. Причем если собственник, изъявивший готовность выступить в роли гаранта, одновременно являлся созаемщиком, то количество его скота должно было соответствовать сумме двух займов: личного и лица, за которого он поручился. Нарушение графика выплат основного долга и процентов со стороны как заемщика, так и поручителя лишало их возможности воспользоваться услугами вспомогательных касс в будущем, до погашения полной задолженности по просроченному займу. Своевременного поступления всех выплат предполагалось достичь путем использования административного ресурса с привлечением местного начальства к взысканию залогового имущества.

Для ведения учета и контроля поступления выплат от заемщиков необходимо было организовать бухгалтерский учет. Предлагалось введение дополнительной штатной единицы с жалованьем в размере 350 руб. серебром из средств общественного калмыцкого капитала. Следовало завести книги учета: книгу заявок — для записи объявлений желающих делать займы; приходо-расходную и алфавитную книгу, состоящую из двух частей, где в первой записывались имена заемщиков, а во второй — имена поручи-

чителей, с отметкой в каждой из них суммы займа, срока внесения взноса, процентной ставки. Опекун улуса, улусный попечитель или его помощник обязывались с определенной периодичностью проводить ревизию книг.

В дополнение к указанному рапорту М. А. Волховский 22 сентября, будучи уверенным в поддержке выдвинутого им предложения, направляет следующий рапорт, в котором просит ходатайства П. З. Ланко о введении трехпроцентной ставки по займу вспомогательной кассы [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 232, л. 3]. Однако мнение губернского начальства не совпадало с мнением рядовых чиновников инородческого управления. Уже являясь бывшим Главным приставом кочующих народов, П. З. Ланко писал: «Это столь благотворное и полезное в экономическом быту учреждение обошло калмыков, у них не введено общественно вспомогательной кассы» [Ланко, 1868, с. 79]. По оценке П. З. Ланко, с момента учреждения вспомогательных касс в обществах кочевников-магометан их капитал достиг у караногайцев 20 тыс. руб., у ачикулак-джембулаковцев — 22 тыс. руб., у тухмен — до 25 тыс. руб. [Там же].

22 декабря 1867 года канцелярия ставропольского губернатора, действительного статского советника К. Л. Пашенко направила Главному приставу кочующих народов П. З. Ланко документ, содержащий мнение губернатора относительно возможности организации вспомогательных касс в Большедербетовском улусе. Во-первых, он посчитал, что выделение на первоначальном этапе 10 000 руб. нецелесообразно. Во-вторых, предлагалось действие Положения о вспомогательных кассах для обитающих в Ставропольской губернии магометанских народов распространить и на калмыков. При этом третьим его доводом, послужившим одновременно условием, стало погашение числящихся за калмыками недоимок. Высказанные главным губернским чиновником размышления ставили под сомнение решение схода калмыков Большедербетовского улуса о приобретении сельскохозяйственного инвентаря. Пашенко привел пример приобретения туркменами по ходатайству Главного пристава, подполковника В. П. Мевеса сельскохозяйственных орудий: поскольку они не приносили «никакой пользы» и «в настоящем году проданы с аукциона», то «едва ли могут принести также пользу для калмыков» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 232, л. 7]. На довод, приведенный губернатором против покупки сельхозорудий, попечитель в рапорте от 28 января 1868 года выдвинул возражения: «Для тухменского народа были приобретены земледельческие орудия с которыми здешний русский народ незнаком <...> неудивительно, что те орудия не принесли пользу тухменам. Приобретение же простых обыкновенных наших плугов и борон с принадлежностями, при способности калмыков ко всевозможным работам, при ознакомлении их с русскими рабочими с применением к делу сказанных орудий как я полагаю, могло бы принести для них большую пользу. Конечно же, все вдруг не примутся за рас-

пашку, но хорошо будет, если начало сделают два человека в каждом аймаке и то будет великий шаг» [Там же, л. 7 об.]. Аргументы, приведенные попечителем М. А. Волховским, фактически выступали основными установками интеграционной политики государства в отношении инородческого населения. Однако этот вопрос остался нерешенным до начала XX века, когда 12 августа 1908 года на улусном сходе Большедербетовского улуса была поднята проблема «о необходимости учреждения какого-либо кредитного установления, из которого мы могли бы пользоваться денежными ссудами, так как часто нуждаясь в деньгах, приходится занимать их у частных ли на весьма невыгодных условиях или отдавать вперед в аренду земли» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1880, л. 1]. Средства калмыцкого общественного капитала, несмотря на свое целевое предназначение, в связи со сложной процедурой одобрения на выдачу были практически недоступны для населения. Так, например, в декабре 1886 года «по случаю полного неурожая хлебов и трав, падения цен на скот» последовало высочайшее повеление на отчисление 12 090 руб. для выдачи нуждающимся калмыкам с рассрочкой уплаты в течение пяти лет [НАРК, ф. И-21, оп. 1, д. 98, л. 8 об.]. Это было мерой финансовой поддержки с целью предотвратить разорение населения в тяжелых условиях. Население нуждалось в средствах для развития хозяйства.

Решение общественного схода инициировало делопроизводственную переписку между улусным попечителем, главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии и ставропольским губернатором, которая завершилась только в мае 1910 года учреждением в улусе ссудо-сберегательной кассы. При этом ставропольский губернский Комитет по делам мелкого кредита санкционировал открытие кассы при определенном условии — «получении приговора, подтверждающего круговую ответственность» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1880, л. 22]. Действия кассы распространялись на 12 родов: 1-го Икитуктунова, Абганерова, Багабурулова, Бюдермис-Кюбетова, Цоросова-Шеретова-Тарачинерова, 2-го Икитуктунова, Абганер-Гаханкинова, Икичоносова, Хаджинкинова, 1 и 2-го Багатуктунова и Будульчинерова. Правление Большедербетовской улусной ссудо-сберегательной кассы находилось на урочище Башанта. Основной капитал составлял 15 000 руб. и образовывался путем заимообразных отчислений из родовых капиталов вышеперечисленных калмыцких родов, пропорционально числу кибиток. Предельный размер ссуды одному заемщику определялся в 300 руб.

В марте 1913 года губернатор Б. М. Янушевич и главный пристав кочующих народов А. А. Польский, докладывая в Земский отдел Министерства внутренних дел о том, что ссудо-сберегательная касса, учрежденная калмыцкими родовыми обществами, «оказала несомненные услуги населению, освободив его от власти разного рода ростовщиков», ходатайство-

вали об открытии склада земледельческих машин и орудий [Там же, л. 98]. В подтверждение эффективности кредитного учреждения чиновники привели статистические данные по приходно-расходной смете за 1913 год, где доходы превышали расходы на 77 150 руб. 21 коп. Актуализируя необходимость расширения финансово-кредитных услуг в улусе, чиновники отмечают, что «при современном экономическом положении калмыков наибольшая нужда в кредите ощущается в деле хозяйственного обзаведения: приобретение инвентаря и сооружение построек, а потому денежная ссуда достигла бы дальнейшей цели, если бы тут же на месте реализовывалось в форме необходимого в хозяйстве предмета» [Там же, л. 98 об.].

Рис. 1. Губернатор Б. М. Янушевич в Ачикулакском приставстве, 1906
[СГМ, ф. 54, ед. хр. 24].

Ссудо-сберегательная касса в Турхменском приставстве с основным капиталом в 100 000 руб., в том числе специальным капиталом на ведение посреднических операций в размере 30 000 руб., открылась 16 июня 1913 года по решению общественного схода. Губернатор Б. М. Янушевич, направляя в главное Управление землеустройства и земледелия ходатайство об открытии ссудо-сберегательной кассы в Турхменском приставстве, акцентировал внимание на роли властей в интеграции кочевников в общеимперское социально-экономическое пространство, обозначив, что «в ряду рода мероприятий, направленных на улучшение экономического положе-

ния инородцев-магометан, особенно важное значение должно иметь учреждение мелкого кредита» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2274, л. 108 об.].

Главный пристав кочующих народов А. А. Польский в рапорте губернатору от 1 декабря 1914 года, отмечая, что «касса не только оперирует выдачею денежных ссуд, но и ведет обширное посредническое дело по снабжению населения земледельческими машинами и орудиями, перевозочными и строительными материалами», называет ее деятельность «плодотворной и полезной» [Там же, л. 2]. В июне 1914 года туркменский пристав А. Я. Добрыня докладывал в Главное управление кочевых народов об активности подведомственного ему населения в деле перехода к оседлому образу жизни и приобщения их к земледельческому труду, что в немалой степени связано с деятельностью учреждений мелкого кредита. Так, сообщалось, что правление только учрежденной ссудо-сберегательной кассы в лице ее председателя Эреджепа Ниязикеева, способствующей распространению сельскохозяйственных орудий среди туркмен, уже планировала приобретение молотилки с нефтяным двигателем для сдачи ее в аренду за установленную плату туркменам. Техническая мощность молотилки составляла 1 000 пудов вымолоченного зерна за 12 часов, и по приблизительным подсчетам она могла окупить понесенные затраты на ее приобретение за $2\frac{1}{2}$ — 3 года.

Практика показала, что из указанных 30 000 руб. за год на приобретение сельскохозяйственных орудий было использовано только 20 000 руб., при этом население испытывало острую нужду в товарах первой необходимости. Соответственно, открытие потребительской лавки в приставстве имело большое значение. Состоявшийся 5 сентября 1914 года сход выборных от туркменского народа составил общественный приговор об открытии в приставстве потребительской лавки. Проблема обеспечения кочевого населения товарами первой необходимости все острее ощущалась с втягиванием их в общероссийское экономическое пространство. Если еще в начале второй половины XIX века их хозяйственные потребности удовлетворялись ярмарочной торговлей [Лиджиева, 2022], то уже в последней трети этого же столетия наблюдается стремление к организации стационарных торговых лавок. Инородческая администрация и ставропольский губернатор поддерживали решение схода об открытии лавки с отчислением 3 000 руб. из средств специального капитала. И уже 22 декабря 1914 года об этом было сообщено частному приставу [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2274, лл. 1, 4].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, первоначально вспомогательные кассы как учреждения вспомоществования были созданы в обществах ногайцев и туркмен Ставропольской губернии во второй половине XIX века. Несмотря на

предпринятые попечителем усилия, ссудо-сберегательная касса в Большедербетовском улусе, входившем в административное устройство этой же губернии, открылась только в начале XX века.

Деятельность учреждений мелкого кредита в инородческих обществах Ставропольской губернии, состоящих в ведомстве палаты государственных имуществ, избавляла население, непосредственно не занимающееся торгово-промышленной деятельностью, от кабальных условий ростовщиков, позволяя избежать разорения. Немаловажную роль они сыграли и в переходе кочевников к оседлому типу хозяйствования: путем займов из вспомогательных и ссудо-сберегательных касс общества могли закупить необходимые сельскохозяйственные машины, провести геологическую разведку водоносных горизонтов и устроить артезианские колодцы и т. п. Кроме того, их деятельность имела и социальный эффект, сплачивая членов кочевого общества единым мотивом и развивая в них предпринимательский дух. Однако и негативные моменты имели место. Любые займы требуют их обеспечения и своевременного возврата. Экстенсивное хозяйство кочевников, напрямую зависящее от милостей природы, не могло выступать полноценной гарантией возврата. И в этом случае, как и при сборе податей, государство наряду с административным ресурсом использовало механизм круговой поруки и взаимной ответственности, тем самым обеспечивая полную возвратность займов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — *Государственный архив* Ставропольского края. Ф. 249. (Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии).
2. НАРК — *Национальный архив* Республики Калмыкия. Ф. И-21. (Большедербетовское улусное управление).
3. ПСЗ РИ — *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание первое. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. — Т. 1—45.
4. ПСЗ РИ — *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830—1884. — Т. 1—55.
5. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1268. (Кавказский Комитет).
6. *Устав о ссудной кассе якутов Якутской области*. — Якутск : Тип. Якутского областного правления, 1899. — 8 с.

Литература

1. *Бурнашева Н. И.* Становление учреждений мелкого кредита в Якутии в русле правительственных мероприятий по организации агрономической помощи населению

(1911—1914 гг.) / Н. И. Булышева // Манускрипт. — 2019. — Т. 12. — № 11. — С. 26—29. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.11.4.

2. Васильев Я. А. Дореформенные сельские сословные учреждения мелкого кредита Новгородской губернии / Я. А. Васильев // Новгородский исторический вестник. — 2017. — № 17 (27). — С. 129—146.

3. Васильев Я. А. Эволюция региональных кредитных учреждений (на примере Новгородской губернии XIX—XX века) / Я. А. Васильев // Экономическая история : ежегодник. — 2021. — Т. 2020. — С. 207—248.

4. Горбик К. А. Развитие донских учреждений мелкого кредита во второй половине XIX — начале XX века / К. А. Горбик // Актуальные проблемы и перспективы развития транспорта, промышленности и экономики России (ТРАНСПРОМЭК — 2019). Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения, 2019. — Т. 2. — С. 224—227. — ISBN 978-5-88814-995-9.

5. Ерохина О. В. Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе Юга России. 1868—1934 гг. / О. В. Ерохина. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2018. — 332 с. — ISBN 978-5-4263-0713-1.

6. Кевбрина О. Б. К вопросу о зарождении и становлении кредитно кооперации (вторая половина XIX — начало XX века) / О. Б. Кевбрина, А. А. Тарасов // Вестник Российского университета кооперации. — 2017. — № 2 (28). — С. 33—38.

7. Кобзева Т. А. Земские кассы мелкого кредита в контексте развития рыночных отношений в губерниях Среднего Поволжья в начале XX века / Т. А. Кобзева // Власть. — 2014. — Т. 22. — № 12. — С. 173—178.

8. Ланко П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса / П. З. Ланко // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н. Н. Черногоярского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1. — 80 с.

9. Лиджиева И. В. Ярмарочная торговля в кочевом обществе (на примере Калмыцкой степи второй половины XIX — начала XX веков) / И. В. Лиджиева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 429—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-429-444.

10. Саетгараев И. И. Низовое звено кредитно-финансовой системы Казанской губернии / И. И. Саетгараев // Вестник Башкирского университета. — 2013. — № 2. — С. 572—574.

11. Эльдяева Н. А. Эволюция методов регионального статистического наблюдения / Н. А. Эльдяева. — Элиста : АПП Джангар, 2005. — 256 с. — ISBN 5-94587-105-9.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023,
одобрена после рецензирования 02.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

Charter of the Yakut loan fund of the Yakut region. (1899). Yakutsk: Type. Yakut regional Board. 8 p. (In Russ.).

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory.* F. 249. (*Office of the chief bailiff of the nomadic peoples of the Stavropol province*). (In Russ.).

NARC — *National Archive of the Republic of Kalmykia.* F. 1-21. (*Bolshederbetovsky ulus management*). (In Russ.).

- PSZ RI — *The complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting, 1—45.* (1830). St. Petersburg: Printing House Of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russ.).
- PSZ RI — *The complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting, 1—55.* (1830—1884). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1268. (Caucasian Committee).* (In Russ.).

References

- Burnasheva, N. I. (2019). The formation of small—scale credit institutions in Yakutia in line with government measures to organize agronomic assistance to the population (1911—1914). *Manuscript*, 12 (11): 26—29. DOI: 10.30853/manuscript.2019.11.4. (In Russ.).
- Eldyaeva, N. A. (2005). *Evolution of methods of regional statistical observation*. Elista: JSC “APP Dzhangar”. 256 p. ISBN 5-94587-105-9. (In Russ.).
- Erokhina, O. V. (2018). *German entrepreneurship in the economic complex of the South of Russia. 1868—1934*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. 332 p. ISBN 978-5-4263-0713-1. (In Russ.).
- Gorbik, K. A. (2019). Development of Don institutions of small credit in the second half of the XIX — early XX century. In: *Actual problems and prospects of development of transport, industry and economy of Russia (TRANSPROMEK — 2019). Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference*, 2. Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Transport. 224—227. ISBN 978-5-88814-995-9. (In Russ.).
- Kevbrina, O. B., Tarasov, A. A. (2017). On the question of the origin and formation of credit cooperation (the second half of the XIX — beginning of the XX century). *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2 (28): 33—38. (In Russ.).
- Kobzeva, T. A. (2014). Zemstvo cash registers of small credit in the context of the development of market relations in the provinces of the Middle Volga region at the beginning of the XX century. *Power*, 22 (12): 173—178. (In Russ.).
- Lanko, P. Z. (1868). Excerpts from notes about Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus. In: *Collection of statistical information about Stavropol province, 1*. Stavropol: Type. Of the Provincial Government. 80 p. (In Russ.).
- Lidzhieva, I. V. (2022). Fair Trade in a Nomadic Society (in Kalmyk Steppe in Second Half of 19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 429—444. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-429-444. (In Russ.).
- Saetgaraev, I. I. (2013). Grassroots link of the credit and financial system of the Kazan province. *Bulletin of the Bashkir University*, 2: 572—574. (In Russ.).
- Vasiliev, Ya. A. (2017). Pre-reform rural estate institutions of small credit of the Novgorod province. *Novgorod Historical Bulletin*, 17 (27): 129—146. (In Russ.).
- Vasiliev, Ya. A. (2021). Evolution of regional credit institutions (on the example of the Novgorod province of the XIX—XX century). *Economic History: Yearbook*, 2020: 207—248. (In Russ.).

*The article was submitted 09.03.2023;
approved after reviewing 02.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Суслова Л. Н. Тобольск и Ирбитская ярмарка в XVIII веке / Л. Н. Суслова, В. А. Аксенова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 467—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-467-487.

Suslova, L. N., Aksenova, V. A. (2023). Tobolsk and Irbit Fair in 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 467-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-467-487. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-467-487

Тобольск и Ирбитская ярмарка в XVIII веке

Суслова Людмила Николаевна *

orcid.org/0000-0002-2426-2967

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания,

*** корреспондирующий автор**

lnsuslova@yandex.ru

Аксенова Валерия Александровна

orcid.org/0009-0002-5354-3343

исследователь

leraxenova@gmail.com

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Тюменской области
в рамках научного проекта
№ 20-49-720013

Tobolsk and Irbit Fair in 18th Century

Lyudmila N. Suslova *

orcid.org/0000-0002-2426-2967

PhD in History, Associate Professor,
Department of History, Law,
Social and Economic Disciplines
and Teaching Methods,

*** Corresponding author**

lnsuslova@yandex.ru

Valeria A. Aksenova

orcid.org/0009-0002-5354-3343

Researcher

leraxenova@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with
the financial support
of the Russian Foundation
for Basic Research and the Tyumen Region
as part of a scientific project
№ 20-49-720013

© Суслова Л. Н., Аксенова В. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается процесс складывания экономических отношений между Ирбитом и Тобольском в XVIII веке. Авторы приходят к выводу, что системообразующую роль в процессе складывания и укрепления административно-социальных связей между этими населенными пунктами играли взаимные торговые интересы, реализуемые на Ирбитской ярмарке. Проанализировано формирование торговых связей. Главное его содержание составил длительный путь от конкуренции до взаимовыгодного сотрудничества между городами. Анализ указов Тобольской Духовной консистории XVIII века, а также обобщение и систематизация результатов исследования в области развития ярмарочного торгового центра на территории Ирбитской слободы и Тобольской губернии в середине XVII—XVIII веков позволили определить влияние уральского торгового центра на экономику древней столицы Сибири. Выявлены наиболее распространенные товары сибирского купечества, реализуемые на Ирбитской ярмарке в XVIII веке. В ходе изучения отчетно-финансовой документации и делопроизводственных материалов сделан вывод, что особым спросом пользовались церковные товары и красное вино, которое в дальнейшем приобреталось для Тобольского духовенства в больших количествах на основании коллективного заказа из разных населенных пунктов Тобольской губернии. Отмечено, что в рассматриваемый период Ирбитской слободе со стороны Тобольской губернии оказывалась административная помощь в вопросах обеспечения «мира» на ярмарке. Показано, что важным результатом тесного взаимовыгодного сотрудничества между Ирбитской слободой и Тобольской губернией стало развитие экономических связей как внутри Российской империи, так и за ее пределами.

Ключевые слова:

торговля; купечество; Ирбит; Тобольская губерния; Ирбитская ярмарка; Сибирь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of developing economic relations between Irbit and Tobolsk in the 18th century is discussed in the article. The authors come to the conclusion that the mutual trade interests realized at the Irbit Fair played a system-forming role in the process of folding and strengthening the administrative and social ties between these settlements. The process of formation of trade relations has been studied in detail. Its main content was a long way from competition to mutually beneficial cooperation between cities. An analysis of the decrees of the Tobolsk Ecclesiastical Consistory of the 18th century, as well as the generalization and systematization of the results of a study in the field of the fair trading development on the territory of the Irbit settlement and the Tobolsk province in the middle of the 17th — 18th centuries, made it possible to determine the influence of the Ural shopping center on the economy of the ancient capital of Siberia. The most common goods of the Siberian merchants sold at the Irbit Fair in the 18th century have been identified. In the course of studying the reporting and financial documentation and office materials, it was concluded that church goods and red wine were in special demand, which were later purchased for the Tobolsk clergy in large quantities on the basis of a collective order from different settlements of the Tobolsk province. It is noted that during the period under review, the Tobolsk province provided administrative assistance to the Irbitskaya Sloboda in matters of ensuring “peace” at the fair. The authors of the article show that an important result of the close mutually beneficial cooperation between the Irbitskaya Sloboda and the Tobolsk province was the development of economic ties both within the Russian Empire and beyond its borders.

Key words:

trade; merchants; Irbit; Tobolsk province; Irbit fair; Siberia.

Тобольск и Ирбитская ярмарка в XVIII веке

© Суслowa Л. Н., Аксенова В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Истоки ярмарочной торговли в России исследователи относят к X—XII векам. Однако только в начале XVI века благодаря немецкому дипломату Зигмунду фон Герберштейну данная форма торговли получит название «ярмарка» (от нем. *jahr-markt* — ежегодный рынок) [Захаренко, 2006, с. 118]. В XVIII веке ярмарочная торговля вступила в период активного развития в связи с возникновением мануфактурного производства. Особое влияние ярмарок на экономику Российской империи сформировалось главным образом из-за территориальных и демографических особенностей государства, а также ввиду медленного совершенствования дорожно-транспортной инфраструктуры и развития путей сообщения. Несмотря на длительный путь становления и развития данной формы торговли в России, в исторической науке утвердилось мнение о том, что история ярмарок изучена недостаточно. Крупный специалист в области исторической географии и демографии России Я. Е. Водарский утверждал, что «вопросы размещения, организации, работы российских ярмарок практически еще даже не поставлены. Не выяснена и роль ярмарок в народном хозяйстве страны и ее отдельных регионов» [Водарский, 2006]. Я. Е. Водарский обратил внимание на то, что научные работы по этой теме составляют небольшой список в тридцать наименований и в основном хронологически охватывают историю ярмарочной деятельности в России XIX—XX веков.

Научной и методологической ценностью для изучения выбранной темы обладают результаты исследования Б. Н. Миронова, по мнению которого вся сеть ярмарок XVIII века представляет собой «слаженный механизм», который в достаточно сложных условиях обеспечивает товарообмен между разными частями государства [Миронов, 1981, с. 150]. О высоком уровне организации данного «механизма» свидетельствуют сложившиеся и функционирующие на территории страны ярмарочные круги, или цепи. Это явление представляет собой смену открытия ярмарок в определенной последовательности в течение года. Б. Н. Миронов в своем исследовании обращает внимание на две торговые цепи. Первая ярмарочно-торговая цепь проходила через следующие населенные пункты: «Ирбит — Тобольск — Томск — Енисейск — Иркутск, откуда товары поступали в Якутск и в Кяхту» [Там же,

с. 218]. Вторая ярмарочная цепь проходила через эти же города, но в обратной последовательности. В обоих случаях мы наблюдаем важное взаимодействие между городами Ирбит и Тобольск, которые в XVIII—XIX веках осуществляли экономическую связь между Сибирью, Центральной Россией и европейскими государствами. В статье рассматривается ход реализации данных связей, а также процесс формирования сотрудничества между Ирбитской ярмаркой и Тобольской губернией.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Предметом исследования определен процесс развития торгово-экономических отношений и формирования взаимовыгодных связей между Ирбитом и Тобольском. В ходе работы были использованы неопубликованные источники, находящиеся на хранении в ГБУТО ГАТО и ГБУТО ГА в г. Тобольске. К ним относятся указы Тобольской духовной консистории, связанные с закупкой вина, церковных и домовых товаров на Ирбитской ярмарке, делопроизводственные материалы, финансово-отчетная документация Ишимской нижней расправы и Тарского духовного правления.

Принципы объективности и историзма являлись основополагающими в процессе исследования и позволили определить особенности становления выгодного сотрудничества, которое пришло на смену конкуренции, в данный исторический период. Причинно-следственный анализ и сравнительно-исторический метод позволили представить подробную и ясную картину товарообмена в XVIII веке и объяснили связь экономических изменений в Сибири с появлением и приобретением торгово-экономического авторитета Ирбитской ярмарки. С помощью исследовательских приемов историографического и источникововедческого анализа были изучены архивные материалы и научная литература, посвященные избранной теме.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История основания и рост торгового оборота Ирбитской ярмарки

Торговые связи Ирбита и Тобольска можно проследить с XVII века. Основой для этих отношений послужил процесс складывания и функционирования торговых путей из Европейской части России в Сибирь. Первый путь назывался *народным*. Он проходил из Чердыни по реке Вишлене до Лозвинска, из реки Лозвы — в Тавду и Тобол, поднимался по Тоболу и Туре до Тюмени. Эта дорога, несмотря на свое древнейшее происхождение, была неудобна для промышленников и купцов ввиду огромного расстояния (4000 верст) и естественных причин. Вскоре важную услугу для государства оказал Артемий Софонович Бабинов. Именно он в 1595 году открыл прямой

путь из Соликамска на реку Туру. Маршрут был таков: Соликамск, д. Верх-Усолка, с. Верх-Яйвинское, д. Чикман, Косва и от реки Кырьи на Туру. Бабиновская дорога сокращала путь из Соликамска до Тюмени на 1050 верст и поэтому имела большое значение для всех торговцев и промышленников.

Именно эта дорога занимала главенствующее положение среди иных путей, связывающих европейскую часть России и Сибирь. На долю Верхотурской дороги приходилось от 33,6 до 56,5 % всего торгово-промышленного движения в оба конца, зарегистрированного в тобольской таможне за достаточно продолжительный период — с 1639 до 1671 года [Вилков, 1990, с. 43]. Впоследствии дорога немного изменила свое направление на участке Верхотурье — Тюмень. Дополнительное «уклонение» от Туринска на юг было обусловлено функционированием Ирбитской ярмарки, которая на тот момент приобретала особое торгово-экономическое значение.

В 1721 году В. Н. Татищев писал президенту берг-коллегии гр. Брюсу о том, что проезд по Соликамско-Верхотурской дороге в Ирбит был неудобен купцам, что вело к увеличению стоимости товаров на 40 %. Неизвестно, существовал ли этот недостаток, который был замечен В. Н. Татищевым, на самом деле. Возможно, за действиями управляющего казенными заводами на Урале В. Н. Татищева скрывалось стремление найти повод для перевода Ирбитской ярмарки в Уктусский завод (г. Екатеринбург).

Важная роль Ирбитской ярмарки в европейско-сибирской торговле обусловлена выгодным географическим расположением Ирбитской слободы на первом сибирском торговом пути, в центре близлежащих слобод: Невьянская, Белослудская, Краснослободская и др. Данная территория находится на границе двух природных зон — тайги и лесостепи. Густые леса, окружавшие все поселения, отличались богатством животного и растительного мира.

Ирбитская слобода была основана в XVII веке на судоходной реке Нице, по которой отправлялись в Сибирь необходимые товары, в том числе хлеб. Потребности в хлебе у Тобольской губернии возрастали ввиду интенсивного продвижения русских на новые сибирские территории и усиления потока переселенцев [Балюк, 1997, с. 103]. В соседней с Ирбитской Рудновской слободе был построен первый уральский железодельный завод. Его продукция также через Ирбит направлялась в Сибирь. Из расположенных по реке Нице слобод в Тобольск поступали сельскохозяйственные товары (рожь, ржаная мука, ржаной солод «роща», молотый солод, овес, овсяная крупа, толокно, ячмень, ячневая крупа, пшеница, пшеничная мука, горох, коровье масло, свиное мясо), а также лошади и крупный рогатый скот, сырые кожи, воск, хмель, изделия крестьянской домашней промышленности слободские холсты, сермяжное сукно и пенька [Вилков, 1990, с. 53].

Таким образом, положение Ирбитской слободы было не только географически, но и экономически выгодно. Благодаря сухопутным и водным дорогам, которые проходили через эти территории, Ирбит превратился в важный торговый центр, осуществляющий связь между европейской Россией и Сибирью.

Удачное географическое положение слободы, безопасность, а также предоставленная до 1689 года возможность вести беспошлинную торговлю, поскольку правительство смотрело на ярмарку как на небольшой торжок, — эти географические, экономические и административные условия способствовали возникновению и интенсивному развитию Ирбитской ярмарки.

Ирбитская ярмарка учреждена указом Михаила Федоровича в 1643 году. Поводом к проведению Ирбитской ярмарки послужил праздник Богоявления 6 января, затем время ее проведения сдвинулось на 18—26 января [Ламин, 2009, с. 644].

А. Веселовский в исследовании, посвящённом ярмаркам русского севера, пришел к следующему выводу: «Местоположение ярмарок, при наличии плохих и крайне неудобных путей сообщения на Руси в то время, зависело от ряда местных условий и обстоятельств. При небезопасности самого передвижения, торговые люди естественно старались перевозить свои товары в места, наиболее охранявшиеся и наименее обремененные торговыми налогами и пошлинами» [Веселовский, 1923, с. 89]. Пример становления Ирбитской ярмарки на территории Пермской губернии подтверждает мнение А. Веселовского.

В 1740-е годы Ирбитская ярмарка начиналась 27 января, а закрывалась с началом Масленицы (в 10-х числах февраля) [Ламин, 2009, с. 644]. За первые пятьдесят лет своего существования Ирбитской ярмарке удалось если не вытеснить, то составить существенную конкуренцию наиболее значимым торговым центрам Сибири — Верхотурью и Тобольску. Если сравнивать общую стоимость всех товаров, поступивших на Ирбитскую ярмарку в 1699 году — 13 542 руб., в 1706 году — 25 943 руб. и на Тобольский рынок в 1694—1695 годах — 33 762 руб., в 1703 году — 25 252 руб., то можно сделать вывод, что если в конце XVII века торговый оборот Тобольска в два раза превышал оборот Ирбитской ярмарки, то спустя 10—15 лет стоимость проданной продукции этих центров сравнялась.

Рост торговли в Ирбите повлиял на движение калмыцких и бухарских караванов по территории Западной Сибири. В 1624—1632 годы эти торговцы шли с товарами в Тюмень, а через нее на Ирбитскую ярмарку, минуя Тобольск. Тобольские воеводы приняли административные меры, пытаясь решить ситуацию в выгодном для себя направлении. По распоряжению 1647 года не велено было принимать калмыцких послов в Тюмени. Необходимо было отправлять их из Тюмени с провожатым в Тобольск. Так, в июне

1647 года тюменский воевода Иван Тургенев, выполняя данное распоряжение, не пустил «с Пышмы на Тюмень 32 чел. калмыцких послов, торговых бухарцев и кашеваров, идущих на Тюмень по Ордынской дороге» [Вилков, 1990, с. 106]. Тем не менее частыми были случаи невыполнения данного распоряжения, поскольку оно нарушало интересы тюменских воевод, которые теряли выгодные статьи доходов. Поэтому караваны продолжали свой путь на Ирбитскую ярмарку, игнорируя Тобольск, тем самым подрывая экономическое значение древнего торгового центра Сибири. Несмотря на вышеперечисленные трудности, город смог не только выдержать конкуренцию в торговом отношении, но и наладить выгодное сотрудничество с Ирбитом.

Представители тобольской администрации подчеркивали важную роль Ирбитской ярмарки в российско-сибирской торговле. Так, президент тобольского магистрата Яков Маслов в доношении, поданном в 1734 году на имя управляющего казенными заводами на Урале В. Н. Татищева, отметил: «...из давних лет в Сибири для пользы купечеству, размножения торгу и пошлинного в казну сбора учреждена была Ирбитская ярмонка, которою чрез долгое время как сибирское, так и российское купечество довольствовались» [Хитров, 1872, с. 28].

3.2. Участие жителей Тобольской губернии в ярмарочных ирбитских торгах

Тобольск в конце XVII — начале XVIII веков являлся крупным центром, где сосредоточивалась основная промышленность и торговля Сибирской губернии. С 1698 по 1720 годы число жителей, занимающихся ремесленным делом, увеличилось с 98 до 655 человек [Копылов и др., 1969, с. 39]. По данным ремесленной переписи 1720 года, на территории современной Тюменской области из 709 ремесленников 563 проживало в Тобольске [Кружинов, 1994, с. 109]. Интенсивное развитие данного вида производства можно объяснить наличием богатых природных ресурсов на территории Сибири. Ремесла по переработке животного, минерального и растительного сырья являются наиболее распространенными в Тобольской губернии. Так, в 1720 году в городе находилось 18 кожевен. Самая крупная кожевенная мастерская тобольского купца С. М. Третьякова выделывала 1500—2000 кож за 3—4 месяца, в остальное время работа прекращалась [Сафронов, 2007, с. 109]. Кожевенное производство было распространено и в Тюмени. Тюменский купец Г. П. Первалов реализовывал свой товар на Ирбитской и Макарьевской ярмарках. Всего за 1720 год на территории Западной Сибири было выделано 20 тысяч кож из которых половина приходится на Тобольск и Тюмень [Сафронов, 2007, с. 110].

Помимо мелкого производства, в сибирском регионе возникают предприятия крупного мануфактурного типа. Тобольский оружейный завод,

основанный в 1700 году, является примером казенной мануфактуры с пооперационным разделением труда. В середине XVIII века на территории Тобольской губернии крупные мануфактуры открывают купцы, дворяне, монастыри: стекольная и бумажная фабрики, медный и винокуренный завод, казенная лесопильня и пильная мельница [Копылов и др., 1969, с. 41—42]. Развитие промышленности в этом регионе ведет к сбыту изготавливаемой продукции и, как следствие, к развитию торговли.

С XVII века Тобольск — это центр русско-бухарской торговли. С 1640-х по 1670-е годы город посетили 38 караванов, количественный состав которых варьировался от 3 до 82 человек [Вилков, 1990, с. 179]. В XVIII веке город сохраняет свой торговый статус. В 1703—1706 годах по указу Петра Великого был построен Гостиный двор. Из указа 1702 года следует: «В пристойном месте сделать двор гостиный, для поклажи великого государя казны и торговых людей товаров анбары, а около того двора стены высокие каменные» [Кочедамов, 1963, с. 61].

В 1750 году через таможенную Тобольска прошло 208 купцов из 33 городов [Копылов и др., 1969, с. 44]. Торговля в городе проходила ежедневно, а тобольские купцы участвовали в налаживании торговых связей между Европейской Россией, Сибирью и странами Востока.

Тобольское купечество специализировалось на торговле пушниной, рыбой, китайскими и киргизскими товарами, а также на мелочной торговле. «Из далекой Сибири идут товары мягкой рухляди, состоящие как-то: куницы, соболи, горностаи, белки, песцы, волки, лисицы, выдры, росوماхи, бобры, оленины и лосины» [Хитров, 1872, с. 38]. Они составляли особую ценность и охотно раскупались на Ирбитской ярмарке. Именно на пушнине тобольское купечество получало достойную прибыль. Так, по данным Тюменского Государственного архива в 1788 году М. Бекашев заработал на этом товаре 4692 руб. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 328. оп. 2. д. 43. л. 249; Задорожная, 2014, с. 25]. На Ирбитской ярмарке мягкая рухлядь скупалась российскими торговцами и отправлялась на торги в центральную Россию и европейские страны.

В начале XVIII века из Европейской части России благодаря Ирбитскому торгу в Сибирь поступает бумага. Бумагу на Ирбитской ярмарке приобретали тобольские купцы Г. Каменщиков, А. Мальцев, И. Налабардин, Н. Рябовский, затем поставлявшие ее губернским учреждениям [Жиров, 1999, с. 143]. Стоимость одной стопы бумаги (480 листов) приравнивалась примерно к стоимости 50 пудов ржи (за эту цену можно было купить двух коров) [Сафронов, 2007, с. 118]. Только в 1744 году в Тобольской губернии благодаря купцам Евсевию, Антону и Ивану Медведевым появилась первая бумажная мануфактура, которая впоследствии была продана купцу первой гильдии Василию Яковлевичу Корнильеву.

В середине XVIII века на Ирбитской ярмарке реализовывали свой товар Корнильевы, принадлежащие к числу самых богатых и влиятельных купцов города Тобольска, родоначальником которых является Яков Григорьевич Корнильев (1679—1736). Он активно занимался торговлей как на территории Сибири, так и за ее пределами. Сыновья Якова Григорьевича получили в наследство солидный капитал и смогли продолжить дело отца. Михаил Яковлевич занимался винокурением, брал на откуп продажу вина, торговал пушниной в Тобольске, Москве, на Макарьевской и Ирбитской ярмарках [Ламин, 2009, с. 147]. Предпринимательские успехи купцов Корнильевых в дальнейшем повлияют на экономическое развитие не только Тобольска, но и всей Западной Сибири. Им принадлежит открытие стекольной фабрики, расположенной в 25 верстах от Тобольска, а также первой в Сибири частной типографии. В 1761—1762 годах стекольная фабрика выпускала хрустальные бокалы, рюмки, уксусники, стаканы, посуду из зеленого и белого стекла [Жучкова, 2002, с. 96]. Неизвестно, отправлялась ли выпускаемая продукция на Ирбитскую ярмарку в XVIII веке. Однако если один из братьев имел торговые связи на этой ярмарке, то можно предположить, что в определенном количестве продукция Корнильевской фабрики поступала на Ирбитский торг.

Еще одним востребованным товаром, реализуемым на Ирбитской ярмарке, были железные и металлические товары. В 1706 году трое тоболяков привезли на Ирбитскую ярмарку более 170 пудов железа. Также на ярмарку отправляли серебряные и медные изделия: кресты, серьги, кольца [Вилков, 1990, с. 105].

Частыми «гостями» и важными участниками ярмарочных торгов были бухарские торговцы, приезжающие на Ирбитскую ярмарку из Тобольской губернии. На ярмарке в 1737 году их количество составило 16 человек, в 1740 году — уже 60 человек, а в 1745 году — 170. Таким образом, число бухарских торговцев за 12 лет увеличилось в 10 раз. Такой существенный рост говорит о значимости Ирбитского центра в российско-бухарской торговле и о высоком спросе на их товары. На ярмарку они привозили разные типы ткани: зендени, кумачи, занавеси, хлопчатую бумагу, каракуль. Немецкий этнограф, путешественник, исследователь И. Г. Гмелин в 1734 году упоминал также о драгоценных металлах: «Главнейшие товары бухарцев состояли из золота и серебра, которые они продавали пудами» [Хитров, 1872, с. 36].

Активным участником торговли в Ирбите являлось Тобольское духовенство. Так, например, оно закупало на Ирбитской ярмарке колокола для церквей епархии. В 1760 году строитель Туринского Николаевского монастыря иеромонах Вениамин во время «Ирбицкой ярмарки купил колокол в коем никакой нужды не зависело и одного монастыря закупленной коло-

кол долгу требуетца девяносто рублей» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 1, д. 2878, л. 1]. В ответе Преосвященному Павлу, митрополиту тобольскому и сибирскому, иеромонах Вениамин сообщил вес колокола («двадцать пуд в тридцать семь фунтов»), а также пояснил, что в Туринском Николаевском монастыре уже имеется четыре колокола, но «малые: к тому ж по согласию от приходящих в монастырь боголюбцев за неимением от общего и за оное купленной мне колокол дано денег сто девяносто рублей пятьдесят копеек» [Там же, л. 4]. Несмотря на согласованную с прихожанами, со слов строителя, покупку, долг в размере девяноста рублей тяжело сказывался на финансовом положении монастыря: «и рослого и прочего хлеба за неимением монастырской казны купить также и за крестьян подушные деньги платить нечем» [Там же, л. 1].

Можно предположить, что колокол, который приобрел иеромонах для Туринского Николаевского монастыря на Ирбитской ярмарке, был изготовлен на колокольном заводе в городе Екатеринбурге. Мастерам Иоганну Дейхману и Мирону Афанасьеву предписывалось: «Если потребуется иногда колокола за деньги, впредь лить по требованию с хорошей выгодой...», а также «...можно посылать и на Ирбитскую ярмарку» [Историческая справка ...].

Тобольское духовенство отправляло своих представителей в Ирбит для покупки различных церковных товаров. В 1765 году по указу тобольской духовной консистории на Ирбитскую ярмарку был отправлен иеродиакон «митрополитского дома» Маркиан для покупки церковных и домовых товаров. Какие именно товары должен был приобрести иеродиакон, неизвестно, но Туринское духовное управление сообщает точную сумму, которая была собрана: «денег восемь рублей шестьдесят четыре копейки з деньгою и оные деньги по указу канцелярии тобольской духовной консистории зданы в Ирбитской ярмонге обретающемуся за покупкою нужнейших надобностей дому митрополитанского всепречтному отцу иеродиакону Маркиану всем и росписка имеется о чем оное духовное правление покорнейше репортует марта 10 дня 1765 года» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 2, д. 1095, л. 4].

Делопроизводственные документы приходских церквей Тобольской епархии содержат и упоминания о приобретении на ярмарке некачественного товара. В 1764 году староста Спасской церкви села Пышминского Илья Суворов приобрел на Ирбитской ярмарке «церковного вина четверть ведра». Вино оказалось «искислое» и для божественной литургии непригодное [Там же, д. 928, л. 1].

Возможно, с этой поездкой и покупкой некачественного товара был связан последовавший 18 января 1765 года указ Тобольской духовной кон-

систерии, которым предписывалось «велеть от каждой церкви старостам церковным или кому поручено будет покупать вино церковное во время случающейся Ирбицкой ярмонги с ведома и апробации на точно определенной повсегодно на ту Ирбицкую ярмонгу от дому сего преосвященства которая для того на оной ярмонге имеет быть — всегда находится» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 2, д. 928, л. 7]. Указ предписывал содержать приобретенные «вина в имеющихся погребах». Данное епархиальное распоряжение было разослано по тридцати селениям Тобольской губернии: Туринское, Ялуторовское, Сургутское, Тюменское и др. Старосты всех селений отправлялись в Пермскую губернию на Ирбитскую ярмарку, где приобретали необходимый товар.

В документах канцелярии Тобольской духовной консистории Тобольского архива сохранился образец отчетно-финансовой ведомости о закупке вина для церковных нужд, в котором в виде формуляра отражены дата и место совершения покупки, наименование приобретаемого товара, единица измерения и его количественное выражение, стоимость за единицу товара и итоговая сумма (табл. 1).

Таблица 1

Справка о вине красном

В 765 году куплено было в Ирбитской ярмонге вина	Бочек	Денег дано за каждую	По рублю	Итого рубля
	2		60	120

Источник: [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 2, д. 928, л. 33].

Интерес представляет подробный отчет о выдаче закупаемого красного вина церквям города Тобольска и Абалацкого села Тобольской губернии (табл. 2). В таблице приведена информация: точная дата выдачи товара, название церкви, которой отпускается товар, единица измерения, его количественное выражение и стоимость товара в зависимости от его количества.

Анализ представленных данных отчетно-финансовой документации позволяет сделать вывод, что вино, закупаемое на Ирбитской ярмарке, отпускалось церквям на протяжении всего года. Наибольший спрос приходится на январь, март и сентябрь. Крестовоздвиженская, Знаменская и Архангельская церкви являются самыми частыми заказчиками красного вина. В результате количество отпускаемого вина составило 13,5 ведер и одну осьмину на сумму 81 рубль 75 копеек. Возможно, объем закупаемого вина зависел от количества прихожан во время божественной литургии. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в начале XVIII века была установлена строгая подготовка к Святому Причащению. Согласно «Учи-

Таблица 2

Отчет о выдаче закупаемого красного вина церквям
города Тобольска и Абалацкого села Тобольской губернии

№	Дата	Название Тобольских церквей	Объем закупаемого вина	«Во взятые деньги»	
				рубли	коп.
1	15.01	Воскресенская	1 четверть	1	50
2	21.01	Архангельская	1 четверть	1	50
3	24.01	Крестовоздвиженская	1 четверть	1	50
4	31.01	Сретенская	1 четверть	1	50
5	31.01	Преображенская И Ишимского заказа Абацкой сло- боды	1 осьмина		75
6	3.03	Петропавловская	1 четверть	3	
7	5.03	Крестовоздвиженская	1 четверть	1	50
8	7.03	Богоявленская	1 четверть	1	50
9	17.03	Вагайского села Богословская	1 ведро	3	
10	22.03	Благовещенская	1 четверть	1	50
11	24.03	Знаменская	1 ведро	3	
12	8.04	Архангельская	1 ведро	3	
13	23.05	Крестовоздвиженская	1 четверть	1	50
14	17.06	Знаменская	1 ведро	3	
15	10.07	Крестовоздвиженская	1 четверть	1	50
16	13.08	Архангельская	1 ведро	3	
17	25.08	Крестовоздвиженская	1 четверть	1	50
18	12.09	Тавдинской слободы Троицкая	1 ведро	3	
19	21.09	Абалацкого села Знаменская	1 ведро	3	
20	25.09	Архангельская	1 четверть	1	50
21	30.09	Крестовоздвиженская	1 четверть	1	50
22	8.10	Кождецы Рождественского девича монастыря	1 четверть	1	50
23	21.10	Архангельская	1 ведро	3	
24	24.10	Сретенская	1 четверть	1	50
25	19.12	Архангельская	1 ведро	3	
26	2.08	Да в том же 765 году отпущено тарского заказа к церквям	5 ведер	30	
		Итого		81	75

Источник: [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 2, д. 928, л. 33—33 об].

тельному известию» Служебника 1699 года в четыре многодневных поста причащаться могут все желающие, а вне постов следует поститься семь дней. В результате многие христиане отказывались от этого таинства для более достойной подготовки. Чтобы исправить это положение, Духовный регламент установил норму об обязательном причащении всех христиан Российской империи хотя бы раз в год.

После издания указа 1765 года тобольское духовенство закупало красное вино на Ирбитской ярмарке, формируя коллективный заказ. Так, в феврале 1766 года был составлен и совершен заказ (табл. 3). Ведомость содержит следующие данные: дату заказа, его наименование, название села и церкви, откуда поступил заказ, имя церковного старосты, единицу измерения заказанного товара и его количественное выражение. «Сколько и какие заказы и которые месте к каким церквам кем куплено в Ирбитской ярмонге вина церковного и с ведома и апробации ишимского заказчика протопопа Гавриила Кирбинова с данными билетами отпущена о том явствует нижеследующее» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 2, д. 928 л. 40].

Таким образом, только за февраль 1766 года был сделан заказ на тридцать семь ведер и одну четверть красного вина от двадцати церквей разных городов и селений Тобольской губернии: Тюмени, Ялуторовска, Туринска, Аромашево, Рафайлово и т. д. Самый крупный заказ поступил из Троицка на 18 ведер, что составляет половину общего расписания.

Архивные документы Ишимской нижней расправы свидетельствуют, что на Ирбитской ярмарке можно было приобрести разнообразные товары. Так, в 1788 году крестьянин Яков Калмыков из Гагарьевской волости д. Грачевой «наслушась сего хотя не умея грамоте купил в Ирбит-

Таблица 3

Коллективный заказ красного вина Тобольского духовенства

Наименование заказа	Название села (слободы) и церкви	Имя церковного старосты	Объем заказного вина
Рафайловский	Богоявленская Церковь	Осип Товескин	2 ведра
	Богоявленское село Покровская церковь	Алексей Неларев	1 ведро
	Спасское село Преображенская церковь	Стефану Ядрышникову	3 четверти
	По требованию сообщением из Троицкой градской канцелярии для состоящих по указках в крепостях церквях святых	Иван Князев	18 ведер

Окончание табл. 3

Наименование заказа	Название села (слободы) и церкви	Имя церковного старосты	Объем заказного вина
	Троицкая церковь	Борис Ухалев	1 ведро 1 четверть
	Аромашевская слобода от городских церквях	Иван Доронин	1 ведро 1 осьмина
	Красноярская слобода Петропавловская церковь	Иван Мякишев	1 ведро
Туринский	Усеньяновское село Ильинская церковь	Иван Белобородов	1 ведро
	Благовещенская слобода Благовещенская церковь	Иван Батехов	3 четверти
	Туковское село Христорождественская церковь	Стефан Первущин	2 четверти
Воскресенский	Воскресенское село Воскресенская церковь	Егор Усынин	2 ведра 1 четверть
	деревня Линенская церковь всех святых	Иван Двогнин	2 четверти
	Таловская слобода Николаевская церковь	Филип Качусов	3 четверти 1 осьмина
	Таловская слобода Веденская церковь	Василий Чувашев	1 ведро
Краснослободский	Туринская слобода Архангельская церковь	Михаил Вялый	1 ведро
Нижнетагильский	Глинская слобода Николаевская церковь	Василий Сокарев	2 четверти
Тюменский	Тугулымское село Христорождественская церковь	Андрей Марков	3 четверти
	Градская Вознесенская церковь	Иван Проскуряков	1 ведро
	Градская церковь	Иван Пискулин	3 четверти
Ялutorовский	Уковский завод Николаевская церковь	дворянин Леонтий Салмаков	1 ведро
	Пухова слобода Николаевская церковь	Василий Вохтомин	1 ведро
Того по сему расписанию в отпуске вина церковного тридцать семь ведер и одна четверть			37 ведер 1 четверть

Источник: [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 2, д. 928, л. 40].

ской ярмонге книгу называемую Кирилла Иерусалимского которую ему кто получится из проезжающих грамотных людей читали» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И341, оп. 1, д. 60, л. 3]. Крестьянин приобрел псалтырь дониконовской печати за тридцать рублей, который впоследствии был у него изъят. Покупка крестьянином книги Кирилла Иерусалимского, которая вследствие Никоновской реформы утратила свое значение в Русской Православной церкви, дает основание предположить, что Ирбит посещали раскольники, а также купцы-старообрядцы, в том числе и с целью приобрести богослужебную литературу дониконовской печати, иконы и другие богослужебные принадлежности.

По данным делопроизводственных материалов мы наблюдаем частое посещение представителями Тобольского духовенства Ирбитской ярмарки. Основная цель — это покупка церковного вина в достаточно больших объемах. Коллективный заказ, где перечислены названия селений и церквей (около 20), а также указ от 18.01.1765 Тобольской духовной консистории позволяют утверждать, что Ирбитская ярмарка являлась если не единственным, то главным поставщиком товаров для нужд богослужения и строительства церквей Тобольской епархии. Подобный ассортимент в зависимости от цели покупки приобретали иеродиаконы, церковные старосты, иеромонахи, а также крестьяне.

Помимо церковных товаров, большой спрос у тоболяков имели ткани из Средней Азии и Ирана. В конце XVII века происходит сокращение торгового движения по дорогам, связывающим между собой Тобольск, Среднюю Азию, Китай. По тобольским таможенным книгам удалось проследить эти изменения. В 1655—1658 годах число иностранных купцов составило 51 человек, а в 1690—1691 — 5, в 1703 году — всего 3 человека [Вилков, 1990, с. 100]. Одной из причин данного сокращения являлось перенесение русской, калмыцкой и бухарской торговли из Тобольска на Ямышевскую и Ирбитскую ярмарки. В начале XVIII века в Тобольск из Ирбита привозились пестрядь, кисея, бурмечь, кумач, киндяк, выбойки, кутня, бязь. Пользовались спросом восточные сладости, разные товары мелочной торговли. Активно скупали бухарцы чай, который появился в Ирбите в 1727 году, и продавали уже на территории Тобольской губернии.

Русский писатель, секретарь 5-го департамента Правительствующего Сената М. Д. Чулков в 1780 году на основе своего многотомного труда «Историческое описание российской коммерции», где использовались официальные сведения, собранные в ходе административно-территориальной реформы 1775—1785 годов, издает «Словарь учреждённых в России ярмарок». Он описывает Ирбитский торг следующим образом: «Здесь всякий год в половине января месяца бывает великая ярмарка, которая две

и три недели продолжается. Сего дня сделан большой четвероугольный гостиный двор, в котором девяносто одна, да еще в середине два ряда пятьдесят восемь лавок, и в оном происходит во время ярмарки настоящий торг. А сверх того и еще кроме одного гостиного двора во многих шалашах сделанных из досок, в то время съестными припасами и разными мелочами торгуют, на которую приезжал и Воевода с таможенными служителями для сбора пошлин и наблюдения порядка в торговле» [Чулков, 1789, с. 43]. М. Д. Чулков обращает внимание на то, что сибирским купцам удается осуществлять торг на территории города Тобольска в течение трех месяцев за счет товаров, приобретённых на Ирбитской ярмарке. Из описания Тобольской ярмарки следует: «Купцы приезде еще имеют с товарами из Ирбитской ярмарки и торг содержат марта с 20 мая по 25 число в том числе приезжают и Греки» [Чулков, 1789, с. 194].

Рассмотрение и разрешение конфликтов и споров между сторонами торгов возлагались в том числе и на тобольскую администрацию. В описании гостиного двора Ирбитской ярмарки 1760 года академика И. И. Лепехина упоминается о светлице, которая предназначалась для магистратских и ратушских членов из Тобольска. По указу 1754 года «О суде и о хранении купцов от обид на ярмарках» в городах учреждались словесные суды между купцами, где и состояли вышеупомянутые члены. В этом же году из Тобольска в Ирбит направляется нарочный полицмейстер и команда солдат «для содержания во всем порядка» [Хитров, 1872, с. 39]. Это говорит о том, что губернские власти Тобольска оказывали содействие в организационных вопросах регулирования торговой ярмарочной деятельности, обеспечения «мира» на Ирбитской ярмарке.

Согласно журналу Тюменской воеводской канцелярии, 29 января 1774 года по предложению сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина, а также с согласия членов Тобольского губернского магистрата и знатного купечества было принято решение «вместо Ирбитской слободы купеческую ярмарку нынешнева году иметь в Тоболске» [Копылов, 1987, с. 46]. Перевод ярмарки объяснялся следующим образом: «... сие учреждение сделано от хищнических рук злодеев к спасению их самих и имения их, обнадеживая всех и каждого, будущее в Тоболске при производстве торгу купечество и мелочников, что не толко от всяких обид и притеснения защищены пребудут, но и принимает их под свое попечение» [Там же]. Помощь тобольских ратушских членов в обеспечении порядка на Ирбитской ярмарке в 1760 году, которая, скорее всего, осуществлялась неоднократно, не привела к должному результату. Тобольскую администрацию не устраивала организация ярмарочной деятельности в Ирбите ввиду частых «обид и притеснения» тобольских купцов.

Из доношения 1797 года Тобольского городского магистрата Тобольскому городничему об экономическом состоянии города следует: «Торговля производится в московских, немецких, а частию китайских товарах. Московские и немецкие товары получают в Москве, Ирбицкой ярмонке» [Копылов, 1987, с. 49]. Это говорит о том, что, несмотря на проблемы в организационной сфере, Ирбитская ярмарка по-прежнему остается наиболее значимым торговым пунктом для тобольского купечества в конце XVIII века и имеет большое значение для развития и поддержки экономической сферы сибирской столицы.

В 1790 году в Ирбите случился большой пожар. Информация об этом содержится в документах Свердловского архива. Из сообщения Ирбитской городской думы городскому правлению следует: «По случившемся апреле в 24 числа сего года пожаре в казенном гостином дворе и все общественные вне гостиного двора лавки сгорели» [ГАСО, ф. 644, оп. 1, д. 7, л. 50]. Существование ярмарки оказалось под угрозой: близлежащие крупные города — Тюмень и Екатеринбург — воспользовались тяжелым положением уральского ярмарочного центра.

Еще в 1787 году тюменцы, исходя из предложения Тобольского наместнического правления, «составили определение» об учреждении ярмарки [Хитров, 1872, с. 52]. Срок проведения ярмарки был установлен на месяц раньше Ирбитской, с 1 января по 1 февраля. В это время через Тюмень в Ирбит из заграницы и сибирских городов проезжало значительное количество купцов, которые получали возможность реализовать свой товар в городе Тобольской губернии.

Жители Екатеринбурга после пожара 1790 года обратились к генерал-губернатору Пермского и Тобольского наместничеств Алексею Волкову с просьбой учредить в своем городе ярмарку в одни сроки с Ирбитской, объясняя это тем, что нужное количество лавок и амбаров построить за летний период ирбитчанам не удастся [Там же]. Несмотря на серьезную конкуренцию с соседними городами, ярмарка продолжила свое существование. Жители города на запрос Алексея Волкова обязались к 5 февраля 1791 года отстроить новые торговые ряды. Таким образом, стремление купеческих кругов Тюмени и Екатеринбурга ослабить экономическое влияние и значимость Ирбитской ярмарки является подтверждением важной роли ее в системе общероссийского торгового товарооборота того времени.

4. Заключение = Conclusions

Анализ делопроизводственных источников светской и духовной администрации позволяет сделать вывод о существовании тесных взаимовыгодных торгово-экономических связей между Ирбитской слободой и сибирскими

городами с центром в Тобольске. Начало этого процесса относится ко второй половине XVII века, когда из Ирбитской слободы в Сибирь по водным и сухопутным путям отправлялись различные товары Европейской России. С возникновением ярмарки связи между городами крепнут. В финансовых отчетах Тарского духовного правления, доношениях Ишимской нижней расправы, а также указах Тобольской духовной консистории XVIII века сохраняются свидетельства заинтересованности Тобольской администрации, духовенства церквей и монастырей Сибирской Епархии, а также представителей купеческого и крестьянского сословий в регулярном участии в торгах Ирбитской ярмарки. Наиболее распространенными товарами, реализуемыми купцами Тобольска, Тюмени и других сибирских городов на Ирбитской ярмарке, были пушнина, рыба, продукция кожевенного и железоделательного производства. Духовенство Тобольской епархии в больших количествах закупало на ярмарке церковные товары и красное вино. Важным аспектом взаимоотношений в рассматриваемый период являлась организационная помощь тобольских губернских властей в вопросах обеспечения «мира» на ярмарке. Участие в ярмарочной ирбитской торговле значительного количества сибирских купцов, бухарских торговцев, приезжавших в Ирбит через территорию Тобольской губернии, значительные объемы их торгового оборота способствуют укреплению роли Ирбитской ярмарки как важного транзитного пункта внутренней общероссийской торговли.

Если в период возникновения и формирования Ирбитской ярмарки Тобольск ведет конкурентную «борьбу» с ней, чтобы отстоять свое многолетнее первенство (распоряжение 1647 года), то с течением времени он видит перспективы сотрудничества с Ирбитом и уступает место новому центру торговли, помогая городу в административной сфере. С начала XVIII и до конца XIX веков Ирбитская ярмарка — это не только выгодный и удобный пункт купли-продажи различных товаров и обмена ими, но и важнейший посредник между Европейской Россией, Сибирью и Средней Азией в экономических отношениях.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. — Ф. И156. Тобольская духовная консистория, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 2878. Указ Тобольской духовной

консистории строителю Туринского Николаевского монастыря иеромонаху Вениамину ; Оп. 2. Д. 1095. Указ Тобольской духовной консистории от 03.02.1765 г. об отправке на Ирбитскую ярмарку иеродьякона митрополитского дома Маркиана ; Оп. 2. Д. 928. Указ Тобольской духовной консистории о закупке вина церковного на Ирбитской ярмарке с ведома определенной духовной персоны. — Ф. Из341. — Тобольское наместническое правление, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 60. Доношение Ишимской нижней Расправы. — Ф. 328. Оп. 2. Д. 43.

2. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 644, Оп. 1, Д. 7. Л. 50.

3. Ламин В. А. Историческая энциклопедия Сибири / В. А. Ламин. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. 1. — 716 с.

4. Ламин В. А. Историческая энциклопедия Сибири / В. А. Ламин. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. 2. — 808 с.

5. *Обучаении* верных в Евхаристии [Электронный ресурс] // Журнал Форма. — Режим доступа : <https://foma.ru/ob-uchastii-vernyih-v-evharistii.html?ysclid=lfedmfuvtx788563911> (дата обращения 14.03.23).

6. Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов / М. Д. Чулков ; Изданный для обращающихся в торговле. — Москва : В типографии Понамарева, 1788. — 226 с.

Литература

1. Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI—XIX вв. / Н. А. Балюк. — Тобольск : Штрих, 1997. — 224 с.

2. Веселовский А. Старинные русские ярмарки (XVI и XVII вв.). К истории русских ярмарок на Севере. (Краткая историко-экономическая заметка) / А. Веселовский // Кооперация Севера. — 1923. — № 4. — С. 89—90.

3. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. / О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. — 368 с. — ISBN 5-02-029381.

4. Водарский Я. Е. Исследования по истории русского города : (факты, обобщения, аспекты) / Я. Е. Водарский ; Российская акад. наук, Ин-т рос. истории. — Москва : ИРИ РАН, 2006. — 415 с.

5. Жиров А. А. Писчебумажное производство в Сибири / А. А. Жиров // Известия Омского Государственного историко-краеведческого музея. — 1999. — № 7. — С. 143—158.

6. Жучкова Л. Штоф из Аремзян / Л. Жучкова // Первая столица Сибири. Альманах «Памятники Отечества». — 2002. — № 56. — С. 166.

7. Захаренко Г. П. Выставка : техника и технология успеха / Г. П. Захаренко. — Москва : Вершина, 2006. — 230 с. — ISBN 5-9626-0262-5.

8. Задорожная О. А. Специализация городского купечества Западной Сибири (1775—1825 гг.) / О. А. Задорожная // Вестник Сургутского государственного университета. — 2014. — № 3 (5). — С. 20—30.

9. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. / Х. З. Зияев. — Ташкент : Фан, 1983. — 167 с.

10. Ирбитская ярмарка [Электронный ресурс] // Ирбитский краеведческий портал. — Режим доступа : <https://kraeved.biblio-irbit.ru> (дата обращения 07.01.2023).

11. Ирбитская ярмарка [Электронный ресурс] // История ярмарки, купечества. — Режим доступа : IRBEYA.RU (дата обращения 22.12.2022).

12. *Историческая справка* [Электронный ресурс] // Пятков и Ко. — Режим доступа : <https://www.pyatkov.ru> (дата обращения 18.02.2023).
13. *Копылов Д. И.* Тобольск / Д. И. Копылов, Ю. П. Прибыльский. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. — 264 с.
14. *Копылов Д. И.* 400 лет Тобольску : Сборник документов и материалов / Д. И. Копылов. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. — 256 с.
15. *Кочедамов В. И.* Тобольск : (Как рос и строился город) / В. И. Кочедамов. — Тюмень : Кн. изд-во, 1963. — 156 с.
16. *Кружинов В. М.* Очерки истории Тюменской области / В. М. Кружинов. — Тюмень : Комитет по печати и массовой информации администрации Тюменской области, 1994. — 415 с.
17. *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. / Б. Н. Миронов ; Академия наук СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1981. — 259 с.
18. *Сафронов В. Ю.* Культурное наследие Западной Сибири / В. Ю. Сафронов. — Екатеринбург : УрГУ, 2007. — 160 с.
19. *Хитров А. Г.* К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки / А. Г. Хитров. — Ирбит : Типография А. А. Дробинина, 1872. — 84 с.

*Статья поступила в редакцию 30.03.2023,
одобрена после рецензирования 01.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.*

Material resources

- Chulkov, M. D. (1788). *Dictionary of fairs and trades established in Russia*. Moscow: In the printing house of Ponamarev. 226 p. (In Russ.).
- GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region*. F. 644, Op. 1, D. 7. L. 50. (In Russ.).
- GBUTO GA in Tobolsk — *State budgetary institution of the Tyumen region State Archive in Tobolsk*. F. 1156. (In Russ.).
- Lamin, V. A. (2009). *Historical Encyclopedia of Siberia, 1*. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 716 p. (In Russ.).
- Lamin, V. A. (2009). *Historical Encyclopedia of Siberia, 2*. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 808 p. (In Russ.).
- On the participation of the faithful in the Eucharist. *Form Magazine*. Available at: <https://foma.ru/ob-uchastii-vernyih-v-evharistii.html?ysclid=Ifedmfuvtx788563911> (accessed 14.03.23). (In Russ.).

References

- Balyuk, N. A. (1997). *Tobolsk village at the end of the XVI—XIX centuries*. Tobolsk: Shtrik. 224 p. (In Russ.).
- Historical reference. In: *Pyatkov and Co*. Available at: <https://www.pyatkov.ru> (accessed 18.02.2023). (In Russ.).
- Irbbit Fair. In: *History of the fair, merchants*. Available at: IRBEYA.RU (accessed 22.12.2022). (In Russ.).
- Irbbit Fair. In: *Irbbit local history portal*. Available at: <https://kraeved.biblio-irbit.ru> (accessed 07.01.2023). (In Russ.).
- Khitrov, A. G. (1872). *On the history of the city of Irbit and the Irbit Fair*. Irbit: A. A. Drobinin's printing house. 84 p. (In Russ.).

- Kochedamov, V. I. (1963). *Tobolsk: (How the city grew and was built)*. Tyumen: Publishing House. 156 p. (In Russ.).
- Kopylov, D. I. (1987). *400 years of Tobolsk: Collection of documents and materials*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. publishing house. 256 p. (In Russ.).
- Kopylov, D. I., Profitable, Yu. P. (1969). *Tobolsk*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. publishing house. 264 p. (In Russ.).
- Kruzhinov, V. M. (1994). *Essays on the history of the Tyumen region*. Tyumen: Committee on Press and Mass Media of the administration of the Tyumen region. 415 p. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (1981). *The internal market of Russia in the second half of the XVIII — first half of the XIX century*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 259 p. (In Russ.).
- Safronov, V. Yu. (2007). *Cultural heritage of Western Siberia*. Yekaterinburg: USU. 160 p. (In Russ.).
- Veselovsky, A. (1923). Ancient Russian fairs (XVI and XVII centuries). To the history of Russian fairs in the North. (Brief historical and economic note). *Cooperation of the North*, 4: 89—90. (In Russ.).
- Vilkov, O. N. (1990). *Essays on the socio-economic development of Siberia at the end of the XVI — beginning of the XVIII century*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch. 368 p. ISBN 5-02-029381. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E. (2006). *Research on the history of the Russian city: (facts, generalizations, aspects)*. Moscow: IRI RAS. 415 p. (In Russ.).
- Zadorozhnaya, O. A. (2014). Specialization of the urban merchants of Western Siberia (1775—1825). *Bulletin of Surgut State University*, 3 (5): 20—30. (In Russ.).
- Zakharenko, G. P. (2006). *Exhibition: technique and technology of success*. Moscow: Ver-shina. 230 p. ISBN 5-9626-0262-5. (In Russ.).
- Zhirov, A. A. (1999). Stationery production in Siberia. *Bulletin Omsk State Museum of Local Lore*, 7: 143—158. (In Russ.).
- Zhuchkova, L. (2002). Shtof from Aremzyan. The first capital of Siberia. *Almanac "Monuments of the Fatherland"*, 56: 166. (In Russ.).
- Ziyaev, H. Z. (1983). *Economic relations of Central Asia with Siberia in the XVI—XIX centuries*. Tashkent: Fan. 167 p. (In Russ.).

*The article was submitted 30.03.2023;
approved after reviewing 01.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Тухватуллин Р. Р. Эфиопско-сомалийский конфликт 1977—1978 годов : по данным Центрального разведывательного управления США / Р. Р. Тухватуллин, У. Н. Кудашев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 488—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-488-508.

Tukhvatullin, R. R., Kudashev, U. N. (2023). Ethiopian-Somali Conflict 1977—1978: According to US Central Intelligence Agency. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 488-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-488-508. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-488-508

Эфиопско-сомалийский Конфликт 1977—1978 годов: по данным Центрального разведывательного управления США

Тухватуллин Рустэм Расфарович *
orcid.org/0009-0003-9196-7291

кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежной истории
Института истории

и государственного управления

* *корреспондирующий автор*
rtuhvatullin21@mail.ru

Кудашев Усман Набиуллович
orcid.org/0009-0002-4468-1103

аспирант

кафедры зарубежной истории
Института истории

и государственного управления
usman-kudashev@yandex.ru

Уфимский университет науки
и технологий
(Уфа, Россия)

Ethiopian-Somali Conflict 1977—1978: According to US Central Intelligence Agency

Rustem R. Tukhvatullin *
orcid.org/0009-0003-9196-7291

PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign History,
Institute of History

and Public Administration

* *Corresponding author*
rtuhvatullin21@mail.ru

Usman N. Kudashev
orcid.org/0009-0002-4468-1103

Graduate Student,

Department of Foreign History,
Institute of History

and State Management
usman-kudashev@yandex.ru

Ufa University
of Science and Technology
(Ufa, Russia)

© Тухватуллин Р. Р., Кудашев У. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования является анализ Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) США военных и политических аспектов войны в Огадене (1977—1978). На основе рассекреченных и опубликованных на сайте Управления документов выявляются основные вопросы, связанные с сомалийско-эфиопским конфликтом, волновавшие ЦРУ. Устанавливается степень осведомленности Управления о тех или иных событиях, связанных с войной в Огадене, а также определяется, насколько удачными были прогнозы, выдвинутые в ходе конфликта. С привлечением отечественной, американской, эфиопской и сомалийской историографии показано, что ЦРУ, несмотря на недостаток информации, достаточно точно устанавливало отдельные факты, но регулярно ошибалось в своих суждениях о дальнейших событиях. Освещаются прогнозы Управления в отношении возможного конфликта между Эфиопией и Сомали в январе — июле 1977 года, оказавшиеся верными только в мелочах либо в очевидных фактах. Показывается, что ЦРУ верно оценило конфликтный потенциал в регионе, но не определило, где именно начнется война. Относительно роли ЦРУ в освещении боевых действий в Огадене в июле 1977 — марте 1978 годов отмечается, что Управление удачно выявляло краткосрочные тенденции, но не устанавливало долгосрочные.

Ключевые слова:

США; Сомали; Центральное разведывательное управление; ЦРУ; Джими Картер; Сиад Барре.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis by the US Central Intelligence Agency of the military and political aspects of the Ogaden War (1977—1978) is considered. On the basis of declassified and published documents, the main issues related to the Somali-Ethiopian conflict that worried the CIA are revealed. It establishes the degree of awareness of the Office about certain events related to the war in the Ogaden, and also determines how successful the forecasts made during the conflict were. With the involvement of domestic, American, Ethiopian and Somali historiography, it is shown that the CIA, despite the lack of information, established certain facts quite accurately, but regularly made mistakes in their judgments about further events. The forecasts of the Office regarding a possible conflict between Ethiopia and Somalia in January — July 1977, which turned out to be correct only in small things or in obvious facts, are highlighted. It is shown that the CIA correctly identified the conflict potential in the region, but did not determine exactly where the war would begin. Regarding the role of the CIA in covering the fighting in the Ogaden in July 1977 — March 1978 it is noted that the Office was successful in identifying short-term trends, but did not establish long-term ones.

Key words:

USA; Somalia; Central Intelligence Agency; CIA; Jimmy Carter; Siad Barre.

УДК 94:355.40(73)“1977/1978”+94(677)“1977/1978”

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Эфиопско-сомалийский конфликт 1977—1978 годов: по данным Центрального разведывательного управления США

© Тухватуллин Р. Р., Кудашев У. Н., 2023

1. Введение = Introduction

В период холодной войны оба противоборствующих лагеря — коммунистический и капиталистический — вели ожесточенную борьбу за влияние в странах Африки, Азии и Латинской Америки, что требовало в том числе и постоянного проведения разведывательных операций в различных странах мира. Информация о происходивших в странах Третьего мира процессах была крайне важна для формирования политики как СССР, так и США. При этом особый интерес разведслужб привлекали «горячие точки», которые потенциально могли изменять баланс сил и выбор пути развития тех или иных государств. Одним из подобных регионов стал Африканский рог, где американские разведслужбы, и в частности Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США, отслеживали те или иные события. Война между Эфиопией и Сомали за спорный регион Огаден в 1977—1978 годы стала своеобразной проверкой для ЦРУ, так как у США на тот момент почти отсутствовала агентура в обеих этих странах и во многом им приходилось полагаться на аналитические структуры разведслужб.

Беспристрастное исследование различных аспектов деятельности ЦРУ во время войны в Огадене остается весьма актуальным в связи с современной международной обстановкой, где разведывательные службы США остаются достаточно серьезным актором. Поиск сильных и слабых мест в действиях ЦРУ на конкретных примерах имеет большое значение на фоне активизации деятельности США в странах Азии и Африки, в определенной степени основывающейся на паттернах холодной войны.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствуют труды, посвященные роли ЦРУ во время войны за Огаден. Работы, описывающие деятельность ЦРУ, как правило, не затрагивают проблемы, связанные с Африканским рогом. К примеру, изданная сравнительно недавно работа А. М. Хазанова и А. Ю. Олимпиева в принципе не содержит информации о действиях ЦРУ в районе Африканского рога [Хазанов и др., 2018]. В насто-

ящий момент в открытом доступе имеется только одна работа, посвященная, хоть и частично, разведывательным операциям во время войны за Огаден, — статья П. А. Голицына «Третья моя война ...» [Голицын, 1994, с. 54—60], однако в ней деятельность ЦРУ не рассматривается. В то же время сама по себе историография сомалийско-эфиопской войны 1977—1978 годов более обширна. Наиболее полно в находящейся в открытом доступе литературе боевые действия со стороны Эфиопии описаны в монографиях В. И. Мураховского [Мураховский, 2016], эфиопских авторов Фантахуна Айеле [Ayele, 2014] и Гебру Тареке [Tareke, 2009]. Сомалийская точка зрения представлена в работе Абди Хирея, представляющей собой смесь автобиографии, исторического исследования и сборника документов [Xiirey, 2000]. Кроме того, необходимо отметить монографию Мохамеда Ингрииса, рассматривавшего войну в Огадене с позиции академического исследователя [Ingiriis, 2016].

Из американской историографии использовался классический труд Джеффи Лефевбра «Оружие для Африканского рога: политика безопасности США в Эфиопии и Сомали, 1953—1991 гг.» [Lefebvre, 1991], а также сравнительно новые монографии Луизы Вудруф «Погребенные в песках Огадена: Соединенные Штаты, Африканский Рог и закат разрядки» [Woodroffe, 2013] и Нэнси Митчелл «Джимми Картер в Африке: раса и холодная война» [Mitchell, 2016]. Британская историография представлена монографией Донны Джексон «Джимми Картер и Африканский Рог: политика холодной войны в Эфиопии и Сомали» [Jackson, 2007]. Интерес представляет также труд болгарского историка Р. А. Йорданова «Советский Союз и Африканский Рог в годы холодной войны: между идеологией и прагматизмом» [Yordanov, 2016].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявить степень осведомленности ЦРУ о событиях, происходивших в ходе эфиопско-сомалийской войны 1977—1978 годов, и определить степень адекватности прогнозов Управления о конфликте.

Основной источниковой базой исследования являются рассекреченные документы ЦРУ США, опубликованные на сайте Управления. Как правило, часть информации в них удалена, но, по крайней мере, можно считать, что они не поддельные. Если разделить использованные документы на группы, то первыми можно назвать аналитические меморандумы. Характерным примером такого типа документов можно назвать подготовленный к 16 июня 1977 года документ «Эфиопия: оценка ключевых вопросов» [CIA ORPA]. Затем следует переписка сотрудников ЦРУ, в частности, директора национальной разведки с иными американскими должностными лицами и организациями, например, с Збигневом Бжезинским [The DCI Memo for Z. Brzez-

inski] или с Национальным советом по внешней разведке [The DCI Memo for NFIB 11 Aug 77]. Часть из документов была подготовлена совместно ЦРУ, разведывательными органами Государственного департамента США, РУМО и другими разведывательными организациями США, хоть и издавались они директором национальной разведки (то есть главой ЦРУ). К ним относятся некоторые меморандумы, например «Эфиопская революция и её последствия» [NIAM]), ежедневные телеграммы Национальной разведки, к примеру от 22 января 1977 года [NIDC 77-017C]. Выявить степень участия непосредственно ЦРУ в создании данных документов в настоящее время проблематично. Однако в связи с тем, что аналитики Управления принимали участие в их подготовке, логично предположить, что ЦРУ как минимум было известно о том материале, который использовался при их написании специалистами иных американских разведывательных ведомств, а также очевидно, что ЦРУ не возражало против приведенных в них выводов.

Ещё одним важным источником по теме исследования, пусть и опосредованным, являются сборники «Публичные документы президентов Соединенных Штатов», посвященные речам президента Картера. К рассматриваемому периоду относятся три тома: январь — июнь 1977 года [Public Papers, 1977, Book I], июнь — декабрь 1977 года [Public Papers, 1977, Book II] и январь — июнь 1978 года [Public Papers, 1978, Book I]. Данные материалы неплохо характеризуют внешнюю сторону американской политики и в сочетании с документами ЦРУ дают более полную картину влияния развединформации на действия Белого дома.

Необходимо отметить, что некоторые вопросы в статье не рассматриваются. В частности, не затрагиваются поставки оружия в Сомали в 1977—1978 годы, вероятно, организованные ЦРУ. Несмотря на то, что в западной литературе упоминается об этом ещё с начала 1980-х годов [Halliday, 1981], небольшое количество информации не позволяет взвешенно рассмотреть данный вопрос. Более современная историография либо обходит этот вопрос (в качестве примера можно привести исследование Джона Прадоса о секретных войнах ЦРУ [Prados, 2009]), либо утверждает, что данные поставки проводились частными лицами [Burton-Rose et al., 2000, p. 74].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. ЦРУ и напряженность вокруг Огадена в январе — июне 1977 года

К началу президентства Джимми Картера США имели в Африке неоднозначную репутацию из-за мнимой или действительной поддержки непопулярных режимов или неоколониалистских устремлений. К тому моменту Вашингтон на юге Африки имел сложные отношения с ЮАР и Родезией и был втянут в затяжной конфликт в Анголе, где США после-

довательно сделали ставку на оппозиционные движения ФНЛА и УНИТА. На востоке Африки произошла революция в Эфиопии, ранее ключевом союзнике США в регионе, ныне — стремительно сближавшемся с СССР. Кроме того, в первой половине 1970-х годов на просоветские позиции перешел ряд африканских стран (Дагомея, Конго-Браззавиль, Замбия, Мадагаскар и т. д.). Все эти проблемы не имели решения в краткосрочной перспективе, но новая президентская администрация в Вашингтоне приняла решение кардинально улучшить имидж США в Африке. Одним из направлений стало улучшение отношений со странами Африканского рога, чтобы уменьшить в данном регионе влияние СССР.

В этих условиях сомалийский лидер Мухаммад Сиад Барре начал сближение с США в противовес своей старой политике ориентации на СССР. Одной из причин этого было его желание заручиться поддержкой Вашингтона в планируемой войне с Эфиопией за спорный регион Огаден — в 1977 году, как казалось сомалийцам, возникла ситуация, позволявшая аннексировать Огаден. Эфиопия на тот момент находилась в хаосе из-за многочисленных повстанческих движений.

Силаду Барре пришлось более активно показывать, что он ищет союза с США, и через американских дипломатов доносить эту мысль до Вашингтона [Woodroofe, 2013]. Администрация Картера, видя желание Сомали сбиться с США, пошла навстречу желаниям Могадишо. Для Вашингтона интерес Сомали к дружеским отношениям с США означал появление нового дружественного государства, причем ранее входившего в лагерь противника, то есть как минимум одна из негативных тенденций — появление новых советских союзников в Африке — могла быть если не устранена, то остановлена. Как отмечает Луиза Вудруф в своем исследовании, проблема Африканского рога и Сомали в первой половине 1977 года интересовала администрацию Картера, во-первых, с точки зрения глобального противостояния США — СССР: предполагалось, что Сомали становится американским союзником. Во-вторых, дружеские отношения США и Сомали хорошо воспринимались государствами Аравийского полуострова, в частности Саудовской Аравией [Woodroofe, 2013]. На этом фоне проблемы сомалийского ирредентизма Белым домом рассматривались как второстепенные.

ЦРУ США в первой половине 1977 года в целом следовало политике Белого дома и не очень обращало внимание на тревожные сигналы из Огадена. Причин, по которым ЦРУ не замечало ухудшения отношений Сомали и Эфиопии, которые вели к войне, было несколько. Не последнее место занимал тот факт, что между двумя этими странами регулярно случались приграничные столкновения, рисковавшие перерасти в крупную войну, но всякий раз они затихали, и, вполне возможно, этим объяснялся то, что очередное

обострение ситуации не было воспринято всерьез. Внимание США и ЦРУ в регионе на тот момент было приковано к Джибути, которое должно было получить независимость летом 1977 года и могло быть аннексировано Сомали или Эфиопией, так что активность партизан в Огадене была на втором или на третьем (после эритрейского вопроса) месте на повестке дня.

На начало президентства Картера, если рассматривать нестабильность на Африканском роге, ЦРУ концентрировалось в основном на эритрейских повстанцах и других внутренних проблемах Эфиопии. Характерным примером может быть сводка от 22 января: о проблемах в Огадене и поддерживаемых Сомали повстанцах упомянуто в контексте военных проблем Аддис-Абебы в Эритрее [NIDC 77-017C]. Ещё одним примером был подготовленный 11 февраля 1977 года еженедельный отчет ЦРУ. В части, посвященной нестабильности в Эфиопии, отчет также концентрировался в основном на повстанцах в Эритрее. Касаясь участия Сомали, ЦРУ сообщало, что Могадишо давно вынашивает планы аннексировать Огаден и на данный момент проводит обучение повстанцев-сомалийцев, проживающих в Эфиопии, иногда направляя свои войска им на помощь. Сомалийские повстанцы, по данным ЦРУ, наиболее активно действуют в провинции Бале, где их позиции сильны в сельской местности, а также спорадически устраивают рейды на правительственные объекты в провинциях Харэрге и Сидамо [CIA CG WS 77-006]. Данная информация в целом соответствовала действительности, но, хоть в отчете и было сказано о «крупной активности повстанцев» в Огадене, какого-то акцента на активности Сомали сделано не было.

В принципе, в докладе о деятельности ЦРУ, подготовленном в марте 1977 года, указывалось, что разведслужба доводила до сведения американских политиков свою обеспокоенность открытым конфликтом между Эфиопией и Сомали [1977 DCI/IC]. Однако Вашингтон на тот момент прилагал значительные усилия, чтобы установить дружеские отношения с Сомали, и предпочитал не замечать тревожных сообщений.

В аналитическом меморандуме «Эфиопская революция и её последствия», подготовленном в марте 1977 года в ответ на запрос Государственного департамента и с учетом новой политики Вашингтона по отношению к Африканскому рогу, в котором аналитики ЦРУ рассматривали возможные варианты развития событий, связанных с Эфиопией на ближайшие пару лет, угроза войны с Сомали не рассматривалась как первоочередная. Предполагалось, что СССР будет стараться удерживать Могадишо от активных действий, хоть и сообщалось, что реальных рычагов у Советского Союза для этого мало. Достаточно большое внимание уделялось проблеме Французской территории афаров и исса: весной 1977 года в Вашингтоне преобладало представление, что возможный кризис в сомалийско-эфиоп-

ских отношениях может начаться из-за неё. Проблеме Огадена в документе уделен всего один параграф из около сотни. Ничего не известного Белому дому аналитики не сообщали: Сомали претендует на эту территорию, и если Эфиопия попытается захватить Французскую территорию афаров и исса, то Могадишо, в свою очередь, может занять часть Огадена [NIAM].

10 апреля директор Центральной разведки адмирал Тёрнер направил советнику президента США по национальной безопасности З. Бжезинскому одну из копий вышеупомянутого аналитического меморандума. Несмотря на то, что формально меморандум был посвящен Эфиопии, которая к тому моменту становилась для Вашингтона неактуальной по целому ряду причин (в первую очередь из-за её постепенной переориентации на СССР), ЦРУ явно не хотело работать впустую, и Тёрнер достаточно тактично предположил, что документ всё же может быть полезен при проработке политики по отношению к Сомали [The DCI Memo for Z. Brzezinski].

Нельзя сказать, что ЦРУ не было известно о некоторых опасениях Белого дома из-за возможного конфликта из-за Огадена [Memo for DCI 11 Apr 77], но всё же Управление, несмотря на изменения в политике Вашингтона, оставалось при своем мнении: война между Эфиопией и Сомали может начаться скорее из-за Французской территории афаров и исса, а Огаден был на втором месте [CIA CG WS 77-015].

Однако уже в мае-июне угроза войны между Эфиопией и Сомали начала рассматриваться ЦРУ более пристально, в том числе и из-за того, что высшие американские чиновники, например З. Бжезинский, начали уделять этой теме больше внимания. Агентство было обеспокоено, что Сомали может перейти от поддержки партизан к прямому военному участию в Огадене [Memo for DCI 17 Jun 77].

Написанный в конце мая — начале июня 1977 года меморандум уже был полностью посвящен возможным проблемам, связанным с Огаденом. Аналитики управления предполагали, что активизация сомалийской анти-эфиопской пропаганды, усиление повстанческого движения в Огадене и особенно подрыв мостов на железной дороге Аддис-Абеба-Джибути означают, что Сомали может попытаться решить проблему Огадена в свою пользу. Предполагаемый конфликт, если бы он действительно начался, по мнению аналитиков ЦРУ, продолжился бы максимум несколько недель из-за не очень больших запасов ГСМ и боеприпасов. Обращает на себя внимание то, что практически все положения меморандума сопровождалось словами «возможно», «если» и т. д., то есть аналитики Управления не были полностью уверены в своих выводах [Somalia-Ethiopia]. В подготовленном Управлением регионального и политического анализа ЦРУ при участии Управления стратегических исследований и Управления экономических исследований

к середине июня 1977 года меморандуме, посвященном проблемам, с которыми столкнулась Эфиопия, предполагалось, что Сиад Барре не хочет вводить в Огаден крупный воинский контингент, но возможные поставки оружия из СССР и последующее усиление эфиопской армии может заставить Сомали действовать, пока эфиопская армия ослаблена боями в Эритрее. В то же время предполагалось, что конфликт будет недолгим. Отмечалось, что имеются разногласия, какую сторону займет СССР при возможном конфликте, и в целом аналитики, специализировавшиеся на Советском Союзе, предполагали, что Москва будет продолжать поддерживать Сомали, а специализирующиеся на Африке — что СССР выберет Эфиопию. Одним из самых больших просчетов, допущенных в этом документе, была предполагаемая роль Кубы: аналитики ЦРУ считали, что она слишком сильно завязла в Анголе и не сможет послать значительный контингент на Африканский рог [CIA ORPA]. К концу июня ЦРУ считало что, несмотря на всё это, Сомали стремится в ближайшее время избежать конфликта, и введет войска только в том случае, если сомалийские партизаны в Огадене потерпят серьезное поражение [NIDC 77-144C]. Подобная оценка ЦРУ в отношении эфиопско-сомалийского конфликта, вероятно, воздействовала и на Вашингтон в целом. Например, Джими Картер 10 июня 1977 года сказал, что США в первую очередь заинтересованы в улучшении отношений с Сомали и в понимании внутриэфиопского конфликта, никак не затронув возможную войну между Аддис-Абебой и Могадишо [Public Papers, 1977, Book I, p. 1091].

Что касалось соотношения сил сторон, то, по данным ЦРУ на март 1977 года, эфиопская армия превосходила сомалийскую по численности, но у Сомалийской национальной армии имелось больше бронетехники. У Эфиопии и Сомали наблюдался паритет по численности самолетов. Если же смотреть Огаден, то эфиопские войска в регионе были представлены Третьей дивизией. По данным ЦРУ, она была ослаблена, так как часть подразделений была направлена в Эритрею для борьбы с повстанцами. Общая численность эфиопских войск в Огадене, по американским данным, насчитывала около 10 тысяч человек (что, в принципе, было недалеко от правды [Ayele, 2014, p. 105]), которые рассредоточены по региону [NIAM]. В середине июня Эфиопия попыталась усилить войска в Огадене, перебросив туда примерно два батальона. Также она намеревалась перебросить недавно поставленные из Югославии американские танки M-47 Patton в Джибугу, но дивизия всё ещё оставалась некомплектной [NIDC 77-144C].

3.2. Война в Огадене в разведывательных сводках ЦРУ (июнь 1977 года — март 1978 годов)

Начало войны за Огаден США и ЦРУ фактически не заметили. К тому моменту, когда Вашингтон принял принципиальное решение о поставке

оружия в Сомали (15 июля 1977 года) [Lefebvre, 1991, p. 176], Сомалийская национальная армия уже несколько дней вела полномасштабные боевые действия на территории Эфиопии. Боевые действия с участием регулярной сомалийской армии, по сомалийским данным, начались 7 июня [Xiirey, 2000, p. 108]. Эфиопские данные указывают на 12 июня [Ayele, 2014, p. 105]. Уже 23 июня сомалийская армия вела бои за приграничный город Кебри-Дахар с применением тяжелой техники. Таким образом, Могадишо поставил Вашингтон в предельно неловкое положение: США, сами того не желая, становились спонсором агрессии. Это во многом предопределило политику Вашингтона по отношению к начавшейся войне, заключавшуюся в её скорейшем завершении любой ценой.

ЦРУ совместно с другими разведывательными агентствами США по запросу Государственного департамента подготовило меморандум о боевых действиях, основывающийся на имеющейся информации. Перечень вопросов был определен 5 августа, хотя сами работы начались раньше, и включал в себя 12 пунктов: шесть связанных непосредственно с боевыми действиями в Огадене (общая обстановка, цели сомалийцев, возможности Эфиопии для проведения контратаки, перспективы для мирных переговоров и т. д.) и столько же связанных с советской позицией по данной войне, в основном по тому, какую сторону выберет СССР. Сам предварительный текст был готов уже 6 августа, а окончательный вариант, со всеми исправлениями был утвержден 10 августа 1977 года [The DCI Memo for NFIB 8 Aug 77].

Документ из 20 пунктов начинался с признания того, что Сомали удалось превзойти ожидания США. Сомалийская национальная армия, действуя совместно с партизанами Фронта освобождения западного Сомали, к моменту публикации окончательной редакции документа заняла почти весь Огаден, за исключением города Джиджиги.

По мнению авторов меморандума, сомалийцы были намерены продолжать боевые действия до тех пор, пока не получат все основные политические цели, а именно — пока не захватят города Джиджиги, Харэр и Дыре-Дауа. Кроме того, потеря этих трех городов делала бы маловероятным контрнаступление эфиопской стороны. Однако эти города были уже более сложными целями, чем эфиопские гарнизоны на остальной территории Огадена. О проблемах с боеприпасами и топливом авторы могли судить только косвенно — и они считали, что у сомалийцев нет в них недостатка, хотя Могадишо и заботится о долгосрочном их пополнении.

В то же время авторы были пессимистично настроены насчет эфиопских войск: по имеющейся информации, большие проблемы в командовании, моральном духе и логистике не позволяли бы Эфиопии провести кон-

трнаступление до конца года. Авторы даже допускали потерю Джиджиги, Харэра и Дыре-Дауы.

Касаясь долгосрочных целей сторон, авторы предполагали, что Сомали попытается официально присоединить Огаден до конца года. Эфиопия, как предполагалось, будет пытаться удержать как можно больше территории, чтобы выиграть время, пока не удастся восстановить военный потенциал. Из двух сторон на данный момент только Эфиопии были выгодны переговоры — Сомали прибегла бы к ним только после серьезного поражения.

Касаясь советского взгляда на конфликт, аналитики предполагали, что СССР хоть и попытается сохранить хорошие отношения с обеими странами, но всё же согласится с захватом Огадена Сомали. Предполагалось, что Сомали не будет разрывать отношения с СССР, а Эфиопия вновь обратит свой взор на США [The DCI Memo for NFIB 11 Aug 77].

В целом этот меморандум, как показала практика, неплохо оценивал краткосрочные перспективы: до начала сентября события в основном шли именно так, но уже к концу осени предположения аналитиков, высказанные в документе, сбываться перестали.

В конце августа 1977 года президент Сомали Сиада Барре прибыл в Москву. ЦРУ оценивало визит Сиада Барре как часть усилий СССР по мирному разрешению конфликта и предполагало, что в долгосрочной перспективе Москва может надеяться, что призывы к международной солидарности все же возьмут верх над эфиопским и сомалийским национализмом [NIDC 77-202C].

К 18 октября был подготовлен ещё один межведомственный документ, посвященный войне в Огадене, где уже были высказаны иные предположения. К тому моменту уже пала Джиджига, и аналитики предполагали, что сомалийцы будут продолжать наступление на Харэр и Дыре-Дауа (наступление на которые к тому моменту захлебнулось [Xiigey, 2000, p. 122]). Одной из проблем аналитики считали то, что у Сомали нет надежных источников для пополнения военной техники и боеприпасов, которые могли бы заменить поставки из СССР.

У авторов доклада не было надежной информации о потерях Сомалийской национальной армии, так же как и о её логистике и резервах, и они были вынуждены строить предположения, основываясь на недостоверных данных. Однако они всё же предполагали, что Сомали при нынешнем положении дел вполне может удержать занятые территории, но если Эфиопия будет продолжать получать поддержку, то сомалийцам уже будет сложнее удерживать свои позиции.

Касаясь Эфиопии, авторы отмечали, что она получила достаточно советского вооружения и полна решимости начать контрнаступление, но обуче-

ние специалистов займет как минимум полгода. Из проблем, которые могли бы помешать контратаке, по мнению аналитиков, были низкий моральный дух мобилизованных, плохая освоенность новой техники, уязвимость линий снабжения и внутренние проблемы армии. По пессимистичным оценкам, контрнаступление должно было прийти на начало 1978 года.

В целом авторы считали, что Сомали продолжит наступление в районе Харэр-Дыре-Дауа и только после падения этих городов займет оборонительную позицию [The DCI Memo for NFIB 18 Oct 77].

Доклад неплохо описывал текущую ситуацию, например, потери Сомали, эфиопское господство в воздухе, советские поставки, но при этом прогнозы из доклада сбылись в варианте намного хуже августовского меморандума. Абсолютно не была учтена роль Кубы и Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ) (даже в предположениях), сделаны неверные выводы о дальнейшей стратегии Сомали. По большей части сбылись только предположения, связанные с какими-то частными вопросами, и оказалась верно указанной дата эфиопского контрнаступления.

Надо отметить, что ЦРУ добилося больших успехов хотя бы в том, что смогло сделать выводы о некоторых событиях постфактум. У США почти не имелось агентуры в Сомали, и американское посольство в Могадишо получало информацию о боевых действиях из официальной сомалийской прессы и от египетского военного атташе. Эфиопская агентура ЦРУ была разгромлена в ходе революционного террора. Как отмечала исследовательница Нэнси Митчелл, «война с таким же успехом могла идти на Луне — настолько мало знал о ней мир» [Mitchell, 2016, p. 283]. Администрация Картера заняла нейтральную позицию и в целом выступала за мирное урегулирование конфликта, о чем он сам неоднократно заявлял, например во время встречи с шахом Ирана в конце декабря 1977 года [Public Papers, 1977, Book II, p. 2221].

В начале ноября 1977 года Национальный центр внешней оценки ЦРУ подготовил анализ советской тактики на Африканском роге. Отмечалось, что предпринимаемые ранее попытки балансировать между Сомали и Эфиопией прекратились и СССР встал на сторону Аддис-Абебы. Предполагалось, что Эфиопия не сможет провести крупное контрнаступление в Огадене по крайней мере до следующего года, а на освоение недавно поставленной советской техники у эфиопских армии и ВВС уйдет несколько месяцев. Опасения, что эфиопская сторона постарается захватить порт Бербера, где ранее находился пункт материально-технического обеспечения советского флота, ЦРУ считала беспочвенными [CIA NFAC RP ASU].

21 декабря 1977 года в ходе очередной встречи Специального координационного комитета Совета национальной безопасности США, на которой

присутствовали представители Государственного департамента и ЦРУ, в том числе госсекретарь Вэнс и Бжезинский, делегаты от ЦРУ в течение первых 25 минут обобщили имеющиеся у них разведданные о советском авиамоете в Эфиопию, ситуации в Огадене и о военном потенциале Эфиопии и Сомали. После выступления представителей Управления Бжезинский поручил разведывательному сообществу уделить первоочередное внимание сбору информации по всем этим вопросам и её анализу. Встреча, по сути, не была конструктивной, хотя и проходила в рамках американской политики по отношению к конфликту в Огадене: по её итогам для противодействия увеличению влияния СССР в регионе предполагалось делать ставку на переговоры [NSC], на которые не была настроена ни одна из сторон.

В январе 1978 года ЦРУ начало отмечать, что в войне в Огадене могут принять участие кубинские войска. Примечательно, что Сомали сигнализировало об этом ещё с августа 1977 года, но Вашингтон не воспринял эту информацию всерьёз. 19 января ЦРУ предостерегало США от любого участия в сомалийско-эфиопской войне, так как, по мнению Управления, Фидель Кастро мог использовать это как оправдания для возможных потерь кубинских войск [CIA Мемо]. 26 января сообщалось, что по информации, полученной с Кубы от католических священников, там идет мобилизация для службы в Эфиопии. ЦРУ считало, основываясь на предположениях, что кубинские войска неминуемо понесут потери в борьбе с сомалийцами, что это подорвет народную поддержку коммунистического правительства в Гаване [NIDC 78/021C].

Информацию об изменениях ситуации на фронте, когда в феврале 1978 года кубинские и эфиопские войска начали контрнаступление на позиции сомалийских войск в Огадене, аналитики ЦРУ на 6 февраля посчитали преувеличенной, тем более что она исходила от сомалийцев. У Управления на тот момент имелись «серьезные доказательства» предположения, что в ближайшие несколько недель Эфиопия не начнет решительных действий [NIDC 78/030C]. При этом в действительности кубинско-эфиопское наступление велось уже с 22 января [Мураховский, 2016, с. 43]. Объявление Могадишо чрезвычайного положения буквально чрез несколько дней никак прокомментировано не было [NIDC 78/036C].

Наступление эфиопско-кубинских войск и разгром Сомалийской национальной армии к началу марта были уже очевидны, и ЦРУ к тому моменту, в основном, оценивало то, что произойдет после того, как Эфиопия отвоюет Огаден обратно. В частности, в меморандуме от 6 марта предполагалось, что Сиад Барре не будет добровольно отдавать приказ о выводе войск, так как это неприемлемо по внутривнутриполитическим причинам [CIA NFAC Мемо]. Данное предположение подтвердилось: приказ был отдан

15 марта, уже после полного разгрома сомалийской группировки в Огадене и выхода войск Кубы, Эфиопии и НДРЙ на сомалийско-эфиопскую границу. Белый дом, впрочем, приветствовал любой вариант завершения конфликта [Public Papers, 1978, Book I, p. 490]. На этом сомалийско-эфиопская война 1977—1978 годов закончилась.

Несмотря на окончание войны, ЦРУ ещё не раз обращалось к теме сомалийско-эфиопского противостояния и после марта 1978 года. В апреле 1980 года совместно ЦРУ, РУМО и разведывательные службы Госдепартамента подготовили меморандум, посвященный текущей ситуации в Огадене — и в нем примерно треть страниц была посвящена сомалийско-эфиопской войне 1977—1978 годов [The Ogaden Situation]. В целом влияние войны за Огаден на обстановку на Африканском роге в 1980-х годах отмечалось всеми разведслужбами США, в том числе и ЦРУ.

4. Заключение = Conclusions

Полностью оценить роль ЦРУ в освещении войны в Огадене сложно из-за того, что рассекречены далеко не все документы, связанные с данным вопросом, однако на основе имеющейся информации можно сделать определенные выводы. Первый и, пожалуй, самый главный заключается в том, что ЦРУ практически всегда ошибалось в своих прогнозах. Были упущены ключевые моменты эфиопско-сомалийской войны — её начало, роль Кубы в конфликте, продолжительность. Только некоторые из предположений, которые отмечались как маловероятные или были слишком общими, сбывались, и эта тенденция сохранялась с самого начала войны до её окончания. То, что начало войны было не замечено ЦРУ, можно списать на общую политику Вашингтона в отношении Африканского Рога на тот момент, хотя и это достаточно слабое оправдание, но вина за неудачную интерпретацию фактов во время самой войны полностью лежала на ЦРУ, притом что у него имелись достаточно неплохие сведения. ЦРУ видело конфликтный потенциал в регионе, но не смогло предугадать, где именно начнутся активные боевые действия.

Второй момент связан с событиями, которые уже произошли, ЦРУ имело весьма точную информацию и делало выводы, которые позднее подтвердились, притом что в целом у Управления было не так уж и много информаторов, поэтому часть выводов базировалась на очень шатких основаниях. Не совсем ясно, насколько Белый дом доверял выводам ЦРУ, так как политика США в отношении данного конфликта в целом была нейтралистской и в основном сводилась к поддержке мирных инициатив Организации африканского единства. Некоторые рекомендации, например указание ни в коем случае не ввязываться в сомалийско-эфиопскую войну, фактически

были реализованы Вашингтоном. Но, вероятно, качество информации, предоставляемой ЦРУ, не могло не сказываться на принятых решениях. Играла свою роль и политическая конъюнктура, которая заставляла аналитиков менять свое мнение на более выгодное Белому дому. В целом то, что ЦРУ считало наиболее вероятным затягивание конфликта, скорее всего, сыграло некоторую роль в выборе политики мирного урегулирования конфликта в Огадене как наиболее выгодной в условиях предполагаемой затяжной сомалийско-эфиопской войны.

Заявленный вклад авторов: Тухватуллин Р. Р. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; корректировка итоговых выводов. Кудашев У. Н. — участие в разработке концепции исследования; участие в разработке методологии, написание текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Tukhvatullin R. R. — scientific management; research concept; development of methodology; follow-on revision of the text; correction of final conclusions. Kudashev U. N. — participation in the development of the research concept; participation in the development of methodology; writing the draft; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. 1977 DCI/IC — 1977 *Director of Central Intelligence Report on the Intelligence Community*. DCI/IC 77-4657. March 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP82M00311R000200030001-7.pdf> (accessed 24.07.2022).
2. CIA CG WS 77-006 — *Central Intelligence Agency*. Current Reporting Group. CG WS 77-006. Weekly Summary. February 11, 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A011500060001-0.pdf> (accessed 3.07.2022).
3. CIA CG WS 77-015 — *Central Intelligence Agency*. Current Reporting Group. CG WS 77-015. Weekly Summary. April 15, 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A011500150001-0.pdf> (accessed 2.07.2022).
4. CIA Memo — *Central Intelligence Agency*. Memorandum. Subject : Domestic Aspects of Cuba's Commitments in Africa. 19 January 1978 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01554R003400010010-7.pdf> (accessed 2.07.2022).
5. CIA NFAC Memo — *Central Intelligence Agency*. National Foreign Assessment Center. Memorandum. Subject : Somalia: Implications for President Siad of a Somali Withdrawal. 6 March 1978 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000276558.pdf (accessed 4.07.2022).
6. CIA NFAC RP ASU — *Central Intelligence Agency*. National Foreign Assessment Center. RP ASU 77-032C. USSR Weekly Review. Supplement. 2 November 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00912A000100010050-3.pdf> (accessed 2.07.2022).
7. CIA ORPA — *Central Intelligence Agency*. Office of Regional and Political Analysis. Ethiopia : Assessment of Key Issues. 16 June 1977 [Electronic resource]. — Access mode :

<https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R00603A002700020003-1.pdf> (accessed 5.07.2022).

8. Memo for DCI 11 Apr 77 — *Memorandum* for : Director of Central Intelligence. From : Robert R. Bowie, Deputy to the DCI for National Intelligence. Subject : Presidential Priorities. NIO 875-77. 11 April 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83B00100R000100120025-6.pdf> (accessed 12.07.2022).

9. Memo for DCI 17 Jun 77 — *Memorandum* for: Director of Central Intelligence. Via : Deputy to the Director for National Intelligence. From : William Parmenter, National Intelligence Officer for Africa. Subject: Ethiopia : Agency Assessment in response to Questions Posed by Mr. Brzezinski. 17 June 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170014-6.pdf> (accessed 11.07.2022).

10. NIAM — *National Intelligence Analytical Memorandum*. NIAM 76.1-1-77. The Ethiopian Revolution and Its Implications. 28 March 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170015-5.pdf> (accessed 1.07.2022).

11. NIDC 77-017C — *National Intelligence Daily Cable*. CG NIDC 77-017C. Saturday January 22, 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A029700010035-4.pdf> (accessed 8.07.2022).

12. NIDC 77-144C — *National Intelligence Daily Cable*. CG NIDC 77-144C. Wednesday June 22, 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A030200010037-5.pdf> (accessed 21.07.2022).

13. NIDC 77-202C — *National Intelligence Daily Cable*. CG NIDC 77-202C. Tuesday August 30, 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A030300010034-7.pdf> (accessed 21.07.2022).

14. NIDC 78/021C — *National Intelligence Daily Cable*. CG NIDC 78/021C. Thursday 26 January 1978 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A030500010042-6.pdf> (accessed 21.07.2022).

15. NIDC 78/030C — *National Intelligence Daily Cable*. CG NIDC 78/030C. Monday 6 February 1978 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A030500010059-8.pdf> (accessed 21.07.2022).

16. NIDC 78/036C — *National Intelligence Daily Cable*. CG NIDC 78/036C. Monday 13 February 1978 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A030500010070-5.pdf> (accessed 21.07.2022).

17. NSC — *National Security Council. Memorandum for the Record*. Subject : Summary of Conclusions, SCC(I) Meeting, 21 December 1977, 3:30-4:45 p.m., White House Situation Room. 21 December 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80M00165A002100010044-3.pdf> (accessed 11.07.2022).

18. Public Papers 1977 Book I — *Public Papers of the Presidents of the United States*. Jimmy Carter. 1977 (In Two Books). Book I — January 20 to June 24, 1977. — Washington : United States Government Printing Office, 1977. — 1164 p.

19. Public Papers 1977 Book II — *Public Papers of the Presidents of the United States*. Jimmy Carter. 1977 (In Two Books). Book II — June 25 to December 31, 1977. — Washington : United States Government Printing Office, 1977. — 2223 p.

20. Public Papers 1978 Book I — *Public Papers of the Presidents of the United States*. Jimmy Carter. 1978 (In Two Books). Book I — January 1 to June 30, 1978. — Washington : United States Government Printing Office, 1978. — 1224 p.

21. Somalia-Ethiopia — *Somalia-Ethiopia: Troubles in Ogaden* // *Memorandum for the Record*. Subject: Action Items from Discussion on 10 June 1977. 10 Jun 1977

[Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01554R003300080021-9.pdf> (accessed 1.07.2022).

22. The DCI Memo for NFIB 8 Aug 77 — *The Director* of Central Intelligence. Memorandum for : Representatives of the National Foreign Intelligence Board. Subject : Interagency Assessment of the Ethiopian-Somali Situation. 8 August 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R00603A002900090005-0.pdf> (accessed 12.07.2022).

23. The DCI Memo for NFIB 11 Aug 77 — *The Director* of Central Intelligence. Memorandum for : The National Foreign Intelligence Board. Subject : Interagency Assessment — Developments in the Ethiopian-Somali Situation. 11 August 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170002-9.pdf> (accessed 11.07.2022).

24. The DCI Memo for NFIB 18 Oct 77 — *The Director* of Central Intelligence. Memorandum for : The National Foreign Intelligence Board. Subject : Interagency Assessment : Somali Military Posture in Ogaden. 18 October 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170008-3.pdf> (accessed 12.07.2022).

25. The DCI Memo for Z. Brzezinski — *The Director* of Central Intelligence. Memorandum for : The Honorable Zbigniew Brzezinski, Assistant to the President for National Security Affairs. Subject : NIAM 76.1-1-77 : The Ethiopian Revolution and Its Implications. 14 April 1977 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80M00165A002200050008-8.pdf> (accessed 12.07.2022).

26. The Ogaden Situation — *The Ogaden Situation* : Interagency Intelligence Memorandum. NI IIM-80-10007. 7 April 1980 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100190006-3.pdf> (accessed 8.07.2022).

Литература

1. Голицын П. А. Третья моя война ... (О роли советских военных в Эфиопии в отражении сомалийской агрессии) / П. А. Голицын // Военно-исторический журнал. — 1994. — № 3. — С. 54—60.

2. Мураховский В. И. Война между Эфиопией и Сомали / В. И. Мураховский. — Москва : Центр стратегической конъюнктуры, 2016. — 88 с. — ISBN 978-5-9907792-1-1.

3. Хазанов А. М. Секретные войны ЦРУ на Ближнем Востоке и в Африке до начала «Арабской весны» / А. М. Хазанов, А. Ю. Олимпиев. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — 183 с. — ISBN 978-5-238-03133-0.

4. Ayele F. The Ethiopian Army : From Victory to Collapse, 1977—1991 / F. Ayele. — Evanston : Northwestern University Press, 2014. — 328 p. — ISBN 978-0-8101-3011-1.

5. Burton-Rose D. Private Warriors / D. Burton-Rose, K. Silverstein. — New York, London : Verso, 2000. — 268 p. — ISBN 1-85984-756-0.

6. Halliday F. Soviet Policy in the Arc of Crisis / F. Halliday. — Washington : Institute for Policy Studies, 1981. — 143 p. — ISBN 978-0897580281.

7. Ingiriis M. H. The Suicidal State in Somalia : The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969—1991 / M. H. Ingiriis. — Lanham : University Press of America, 2016. — 363 p. — ISBN 978-0-7618-6719-7.

8. Jackson D. R. Jimmy Carter and the Horn of Africa : Cold War Policy in Ethiopia and Somalia / D. R. Jackson. — Jefferson : McFarland & Company, Inc., 2007. — 230 p. — ISBN 978-0-7864-2987-5.

9. *Lefebvre J. A. Arms for the Horn : U.S. Security Policy in Ethiopia and Somalia, 1953—1991 / J. A. Lefebvre. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1991. — 351 p. — ISBN 978-0-8229-8533-4.*
10. *Mitchell N. Jimmy Carter in Africa : Race and the Cold War / N. Mitchell. — Chicago : Stanford University Press, 2016. — 883 p. — ISBN 978-0-8047-9358-8.*
11. *Prados J. Safe for Democracy : The Secret Wars of the CIA / J. Prados. — Chicago : Ivan R. Dee, 2009. — 736 p. — ISBN 978-1-56663-823-4.*
12. *Tareke G. The Ethiopian Revolution : War in the Horn of Africa / G. Tareke. — New Heaven : Yale University Press, 2009. — 464 p. — ISBN 978-0-300-14163-4.*
13. *Woodroffe L. Buried in the Sands of Ogaden : The United States, the Horn of Africa, and the Demise of Détente / L. Woodroffe. — Kent : The Kent University Press, 2013. — 168 p. — ISBN 978-1-60635-184-0.*
14. *Xiirey C. C. Hanfidii abaaraha & hanqadhkii madaafiicda. Gurmadii abaartii dabadheer & dagaalkii 77 / C. C. Xiirey. — London : Golaha Xuquuqul Insaanka Geeska Afrika, 2000. — 279 b.*
15. *Yordanov R. A. The Soviet Union and the Horn of Africa during the Cold War : Between Ideology and Pragmatism / R. A. Yordanov. — London : Lexington Books, 2016. — 310 p. — ISBN 978-1498529112.*

*Статья поступила в редакцию 07.04.2023,
одобрена после рецензирования 12.05.2023,
подготовлена к публикации 25.05.2023.*

Material resources

- 1977 DCI/IC — *1977 Director of Central Intelligence Report on the Intelligence Community. DCI/IC 77-4657. March 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP82M00311R000200030001-7.pdf> (accessed 24.07.2022).
- CIA CG WS 77-006 — *Central Intelligence Agency. Current Reporting Group. CG WS 77-006. Weekly Summary. February 11, 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A011500060001-0.pdf> (accessed 3.07.2022).
- CIA CG WS 77-015 — *Central Intelligence Agency. Current Reporting Group. CG WS 77-015. Weekly Summary. April 15, 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A011500150001-0.pdf> (accessed 2.07.2022).
- CIA Memo — *Central Intelligence Agency. Memorandum. Subject: Domestic Aspects of Cuba's Commitments in Africa. 19 January 1978.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01554R003400010010-7.pdf> (accessed 2.07.2022).
- CIA NFAC Memo — *Central Intelligence Agency. National Foreign Assessment Center. Memorandum. Subject: Somalia: Implications for President Siad of a Somali Withdrawal. 6 March 1978.* Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000276558.pdf (accessed 4.07.2022).
- CIA NFAC RP ASU — *Central Intelligence Agency. National Foreign Assessment Center. RP ASU 77-032C. USSR Weekly Review. Supplement. 2 November 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00912A000100010050-3.pdf> (accessed 2.07.2022).
- CIA ORPA — *Central Intelligence Agency. Office of Regional and Political Analysis. Ethiopia: Assessment of Key Issues. 16 June 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R00603A002700020003-1.pdf> (accessed 5.07.2022).

- Memo for DCI 11 Apr 77 — *Memorandum for: Director of Central Intelligence. From: Robert R. Bowie, Deputy to the DCI for National Intelligence. Subject: Presidential Priorities. NIO 875-77. 11 April 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83B00100R000100120025-6.pdf> (accessed 12.07.2022).
- Memo for DCI 17 Jun 77 — *Memorandum for: Director of Central Intelligence. Via: Deputy to the Director for National Intelligence. From: William Parmenter, National Intelligence Officer for Africa. Subject: Ethiopia: Agency Assessment in response to Questions Posed by Mr. Brzezinski. 17 June 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170014-6.pdf> (accessed 11.07.2022).
- NIAM — *National Intelligence Analytical Memorandum. NIAM 76.1-1-77. The Ethiopian Revolution and Its Implications. 28 March 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170015-5.pdf> (accessed 1.07.2022).
- NIDC 77-017C — *National Intelligence Daily Cable. CG NIDC 77-017C. Saturday January 22, 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-79T00975A029700010035-4.pdf> (accessed 8.07.2022).
- NIDC 77-144C — *National Intelligence Daily Cable. CG NIDC 77-144C. Wednesday June 22, 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-79T00975A030200010037-5.pdf> (accessed 21.07.2022).
- NIDC 77-202C — *National Intelligence Daily Cable. CG NIDC 77-202C. Tuesday August 30, 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-79T00975A030300010034-7.pdf> (accessed 21.07.2022).
- NIDC 78/021C — *National Intelligence Daily Cable. CG NIDC 78/021C. Thursday 26 January 1978.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-79T00975A030500010042-6.pdf> (accessed 21.07.2022).
- NIDC 78/030C — *National Intelligence Daily Cable. CG NIDC 78/030C. Monday 6 February 1978.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-79T00975A030500010059-8.pdf> (accessed 21.07.2022).
- NIDC 78/036C — *National Intelligence Daily Cable. CG NIDC 78/036C. Monday 13 February 1978.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-79T00975A030500010070-5.pdf> (accessed 21.07.2022).
- NSC — *National Security Council. Memorandum for the Record. Subject: Summary of Conclusions, SCC(I) Meeting, 21 December 1977, 3:30-4:45 p.m., White House Situation Room. 21 December 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80M00165A002100010044-3.pdf> (accessed 11.07.2022).
- Public Papers 1977 Book I — *Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter: 1977 (In Two Books). Book I — January 20 to June 24, 1977. (1977).* Washington: United States Government Printing Office. 1164 p.
- Public Papers 1977 Book II — *Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter: 1977 (In Two Books). Book II — June 25 to December 31, 1977. (1977).* Washington: United States Government Printing Office. 2223 p.
- Public Papers 1978 Book I — *Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter: 1978 (In Two Books). Book I — January 1 to June 30, 1978. (1978).* Washington: United States Government Printing Office. 1224 p.
- Somalia-Ethiopia — *Somalia-Ethiopia: Troubles in Ogaden. Memorandum for the Record. Subject: Action Items from Discussion on 10 June 1977. 10 Jun 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01554R003300080021-9.pdf> (accessed 1.07.2022).

- The DCI Memo for NFIB 8 Aug 77 — *The Director of Central Intelligence. Memorandum for: Representatives of the National Foreign Intelligence Board. Subject: Interagency Assessment of the Ethiopian-Somali Situation. 8 August 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R00603A002900090005-0.pdf> (accessed 12.07.2022).
- The DCI Memo for NFIB 11 Aug 77 — *The Director of Central Intelligence. Memorandum for: The National Foreign Intelligence Board. Subject: Interagency Assessment — Developments in the Ethiopian-Somali Situation. 11 August 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170002-9.pdf> (accessed 11.07.2022).
- The DCI Memo for NFIB 18 Oct 77 — *The Director of Central Intelligence. Memorandum for: The National Foreign Intelligence Board. Subject: Interagency Assessment: Somali Military Posture in Ogaden. 18 October 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100170008-3.pdf> (accessed 12.07.2022).
- The DCI Memo for Z. Brzezinski — *The Director of Central Intelligence. Memorandum for: The Honorable Zbigniew Brzezinski, Assistant to the President for National Security Affairs. Subject: NIAM 76.1-1-77: The Ethiopian Revolution and Its Implications. 14 April 1977.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP-80M00165A002200050008-8.pdf> (accessed 12.07.2022).
- The Ogaden Situation — *The Ogaden Situation: Interagency Intelligence Memorandum. NI IIM-80-10007. 7 April 1980.* Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP97S00289R000100190006-3.pdf> (accessed 8.07.2022).

References

- Ayele, F. (2014). *The Ethiopian Army: From Victory to Collapse, 1977—1991*. Evanson: Northwestern University Press. 328 p. ISBN 978-0-8101-3011-1.
- Burton-Rose, D., Silverstein, K. (2000). *Private Warriors*. New York, London: Verso. 268 p. ISBN 1-85984-756-0.
- Golitsyn, P. A. (1994). My Third War ... (About the role of the Soviet military in Ethiopia in repelling Somali aggression. *Military-Historical Journal*, 3: 54—60. (In Russ.).
- Halliday, F. (1981). *Soviet Policy in the Arc of Crisis*. Washington: Institute for Policy Studies. 143 p. ISBN 978-0897580281.
- Ingiriis, M. H. (2016). *The Suicidal State in Somalia: The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969—1991*. Lanham: University Press of America. 363 p. ISBN 978-0-7618-6719-7.
- Jackson, D. R. (2007). *Jimmy Carter and the Horn of Africa: Cold War Policy in Ethiopia and Somalia*. Jefferson: McFarland & Company, Inc. 230 p. ISBN 978-0-7864-2987-5.
- Khazanov, A. M., Olymiev, A. Y. (2018). *Secret CIA wars in the Middle East and Africa before the “Arab Spring”*. Moscow: UNITY-DANA. 183 p. ISBN 978-5-238-03133-0. (In Russ.).
- Lefebvre, J. A. (1991). *Arms for the Horn: U.S. Security Policy in Ethiopia and Somalia, 1953—1991*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 351 p. ISBN 978-0-8229-8533-4.
- Mitchell, N. (2016). *Jimmy Carter in Africa: Race and the Cold War*. Chicago: Stanford University Press. 883 p. ISBN 978-0-8047-9358-8.
- Murakhovsky, V. I. (2016). *The war between Ethiopia and Somalia*. Moscow: Center for Strategic Conjecture. 88 p. ISBN 978-5-9907792-1-1. (In Russ.).

- Prados, J. (2009). *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. Chicago: Ivan R. Dee. 736 p. ISBN 978-1-56663-823-4.
- Tareke, G. (2009). *The Ethiopian Revolution: War in the Horn of Africa*. New Heaven: Yale University Press. 464 p. ISBN 978-0-300-14163-4.
- Woodroffe, L. (2013). *Buried in the Sands of Ogaden: The United States, the Horn of Africa, and the Demise of Détente*. Kent: The Kent University Press. 168 p. ISBN 978-1-60635-184-0.
- Xiirey, C. C. (2000). *Hanfidii abaaraha & hanqadhkii madaaficda. Gurmalkii abaartii dabadheer & dagaalkii* 77. London: Golaha Xuquuqul Insaanka Geeska Afrika. 279 b.
- Yordanov, R. A. (2016). *The Soviet Union and the Horn of Africa during the Cold War: Between Ideology and Pragmatism*. London: Lexington Books. 310 p. ISBN 978-1498529112.

*The article was submitted 07.04.2023;
approved after reviewing 12.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(4), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Цысь В. В. Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX—XX веков / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 509—526. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-509-526.

Tsys, V. V., Tsys, O. P. (2023). Palestinian Readings as a Form of Educational Work of Imperial Orthodox Palestinian Society at Turn of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 509-526. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-509-526. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-509-526

Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX—XX веков

Цысь Валерий Валентинович

orcid.org/0000-0002-9695-3900

WoS ResearcherID O-2448-2015

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
и документоведения
roshist@mail.ru

Цысь Ольга Петровна

orcid.org/0000-0002-6351-8259

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
и документоведения
roshist@mail.ru

Нижегородский
государственный университет
(Нижегород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ (РЦНИ) в рамках
научного проекта № 21-09-41001

Palestinian Readings as a Form of Educational Work of Imperial Orthodox Palestinian Society at Turn of 19th—20th Centuries

Valeriy V. Tsys

orcid.org/0000-0002-9695-3900

WoS ResearcherID O-2448-2015

Doctor of History, professor,
Department of Russian History
and Documentation
roshist@mail.ru

Olga P. Tsys

orcid.org/0000-0002-6351-8259

PhD in History, associate professor,
Department of Russian History
and Documentation
roshist@mail.ru

Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Foundation
for Basic Research (RFBR, Russian
Center for Scientific Information),
project number 21-09-41001

© Цысь В. В., Цысь О. П., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются вопросы становления Палестинских чтений как основной формы культурно-просветительской работы епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества — старейшей в России общественной религиозной организации. Отмечено, что, хотя первые епархиальные отделы были созданы в 1893 году, их целью являлось лишь увеличение сбора пожертвований на нужды русских паломников и учреждений в Святой Земле. Только несколько лет спустя пришло осознание того, что основным и наиболее важным направлением работы должно быть религиозно-нравственное просвещение, распространение точных и верных сведений о Святой Земле через специально проводимые Палестинские чтения. Эта эволюция также прослеживается в материалах, представлявшихся на высочайшее имя и председателю организации великому князю Сергею Александровичу. Организационный этап в целом продолжался недолго: до 1895—1896 отчетного года (начинался с 1 марта) включительно, хотя в некоторых епархиях он мог затянуться на более длительный срок. В результате из средства компенсировать падение поступлений от Вербного сбора Палестинские чтения становятся средством христианского просвещения православных русских людей.

Ключевые слова:

Императорское Православное Палестинское общество; Палестинские чтения; Русская православная церковь; епархиальные отделы; Святая Земля; духовенство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the formation of the Palestinian Readings as the main form of cultural and educational work of the diocesan departments of the Imperial Orthodox Palestinian Society, the oldest public religious organization in Russia. It is noted that, although the first diocesan departments were created in 1893, their goal was only to increase the collection of donations for the needs of Russian pilgrims and institutions in the Holy Land. Only a few years later it was realized that the main and most important area of work should be religious and moral education, the dissemination of accurate and correct information about the Holy Land through specially held Palestinian readings. This evolution can also be traced in the materials submitted to the highest name and the chairman of the organization, Grand Duke Sergei Alexandrovich. The organizational stage as a whole did not last long: until the reporting year 1895—1896 (beginning on March 1), inclusive, although in some dioceses it could drag on for a longer period. As a result, from a means to compensate for the fall in revenues from the Faithful collection, the Palestinian readings become a means of Christian enlightenment of Orthodox Russian people.

Key words:

Imperial Orthodox Palestinian Society; Palestinian Readings; Russian Orthodox Church; diocesan departments; Holy Land; clergy.

Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX—XX веков

© Цысь В. В., Цысь О. П., 2023

1. Введение = Introduction

Императорское Православное Палестинское общество (далее — ИППО) — старейшая в России религиозная общественная организация, основанная в 1882 году. Одним из важнейших направлений ее работы было согласно Уставу «а) собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока» [Устав]. Реализация указанной цели возлагалась преимущественно на созданные в течение второй половины 1890-х годов региональные отделы (к началу XX века их число превысило 40, а к 1917 году — 50). Именно они взяли на себя организацию и проведение Палестинских чтений — популярных лекций о Святой Земле и русском паломничестве.

Нужно отметить, что публичные лекции, собеседования, вечера с конца XIX века становятся одними из важнейших внешних проявлений возрастающей общественной активности, методом и свидетельством распространения просвещения в различных слоях населения, способом популяризации знаний и идей.

Когда и где именно в епархиальных отделах ИППО были проведены первые Палестинские чтения? Ответ на этот вопрос важен не только для выявления приоритетов и восстановления хронологической последовательности истории появления данной формы культурно-просветительской деятельности. На первых чтениях шла апробация форм взаимодействия лекторов и слушателей, оценивалась реакция на излагаемую информацию, то есть закладывались основы всей дальнейшей работы в этом направлении.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная тема до настоящего времени находила преимущественно фрагментарное отражение в трудах, посвященных истории некоторых епархиальных отделов [Цысь, 2014; Тихон, 2017; Шушканова, 2019; Цысь, 2022] или же Палестинскому обществу в целом [Лисовой, 2006; Дмитриевский, 2008; Нечаева, 2014; Грушевой, 2018; Воображая ..., 2021; Shkvarya, 2022]. Специальные исследования по заявленной проблематике построены на

материалах Олонекской, Оренбургской и Харьковской епархий [Потехина, 2022а; Потехина, 2022б; Суслова, 2022].

Однако авторы, как правило, говорят о Палестинских чтениях как о целостном феномене, не обращая внимания на то, что на протяжении более чем двадцатилетней истории они претерпели определенную эволюцию по форме, содержанию, масштабам, составу лекторов и слушателей, методам подачи информации. Менялось и отношение к чтениям со стороны руководства ИППО.

История Палестинских чтений также затрагивалась в работах, посвященных публикации результатов исследований прошлого Святой Земли, характеристике материалов «Сообщений Императорского Православного Палестинского общества», где в лучшем случае приводятся названия используемых в ходе публичных лекций сочинений и кратко описывается их содержание [Чернышова, 2002; Пумпян, 2009; Апанасенок, 2020], применению на народных чтениях различных приемов и технических средств [Котомина, 2016; Валитов, 2020].

Проблемы возникновения Палестинских чтений, этапов в их развитии не нашли пока отражения в отечественной историографии. Поэтому цель настоящей статьи — осветить особенности становления Палестинских чтений как основной формы культурно-просветительской деятельности епархиальных отделов ИППО.

Исследование выполнено на основе ежегодных отчетов более 40 епархиальных отделов за период с середины 1890-х до начала 1900-х годов (всего изучено 186 отчетов с 1894—1895 по 1903—1904 отчетные годы включительно); отчетов о деятельности ИППО в целом; материалов епархиальных периодических изданий, где публиковались тексты выступлений на собраниях отделов, различного рода информационные сообщения по заявленной тематике; а также впервые вводимых в научный оборот ежегодных Всеподданнейших докладов, характеризующих работу данной организации, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи [АВПРИ, ф. 337/2].

Дополнительно следует указать, что хронологическим рубежом отчетных периодов в ИППО до 1913 года являлось 1 марта.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Хронология, особенности проведения первых чтений в епархиальных отделах Императорского Православного Палестинского общества

Как известно, первым по времени создания являлся Якутский отдел ИППО. Однако в объявлении о его открытии о чтениях не упоминалось. Основной акцент делался на сбор пожертвований: «На основании Высочайше утвержденного 2-го марта 1885 года дополнения к Уставу Императорско-

го Православного Палестинского Общества в Якутске в 1894 году открыт Отдел сего Общества, в котором принимаются денежные и вещественные пожертвования, предназначенные жертвователями к отправлению во все места св. земли, на Синай и в Афонские монастыри: Пантелеймоновский, Андреевский и Ильинский. В другие места и малоизвестные обители и келии, по большей части не заслуживающие доверия, пожертвования не принимаются» [Якутские ..., 1894, с. 308]. Несколькими месяцами ранее, в августе 1893 года в одном из номеров «Якутских епархиальных ведомостей» было опубликовано отношение обер-прокурора К. П. Победоносцева, где сообщалось о сборе недозволенных пожертвований «мнимыми иноками» якобы на нужды Афона и святых мест Востока и священникам предлагалось разъяснять прихожанам неблаговидность подобных сборов [Якутские ..., 1893, с. 225—226]. Соответственно, именно эта цель могла восприниматься как приоритетная. Палестинские чтения стали организовываться здесь лишь с 1898 года в Якутской духовной семинарии, лектором являлся ее ректор Ф. А. Стуков, состав слушателей ограничивался учащимися [Якутский Отдел ..., 1899, с. 4]. Поэтому первый региональный отдел ИППО не являлся пионером в организации данной формы культурно-просветительской работы.

Одной из разновидностей Палестинских чтений можно с некоторой долей условности признать выступления на организационных собраниях отделов, где специально приглашенным лицам рассказывалось об ИППО. Подобные сообщения затем могли повторяться ежегодно. Однако назвать их в полной мере Палестинскими чтениями вряд ли возможно, так как это была часть официального мероприятия с участием членов епархиального отдела.

Если же говорить о собственно Палестинских чтениях для широкой публики, то изучение отчетов епархиальных отделов показывает, что впервые они были проведены в Черниговском отделе 27 марта 1894 года в зале дворянского собрания епархиального центра на темы: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь» и «Впечатление паломника в храме Св. Воскресения и на Голгофе» [Отчет о деятельности Черниговского Отдела ..., 1895, с. 2]. Однако этот единичный опыт получил в городе Чернигове продолжение лишь через два года.

Попытки вести более системную работу предпринимались в Томском отделе, где в течение весны 1894 года преосвященный Макарий (Невский) в ходе инспекционной поездки по епархии лично вел в сельских церквях беседы на палестинскую тематику. Кроме того, семь чтений были проведены делопроизводителем отдела А. И. Левочским [Деятельность ..., 1895, с. 164—165]. В следующем отчетном году ситуация повторилась: летом 1895 года епископ Макарий, объезжая епархию, беседовал о Святой Земле

и ИППО с причтами и прихожанами, а А. И. Левочский провел восемь чтений в читальном зале при архиерейской домово́й церкви [Деятельность ..., 1896, с. 20—21]. Но в целом в первые годы существования Томского отдела Палестинские чтения не выходили за пределы епархиального центра.

В Одесском отделе первые чтения прошли 26 февраля 1895 года в одном из залов местной духовной семинарии. Было решено пригласить в качестве лектора соборного священника С. В. Петровского, выступившего с темой «Св. Земля и деятельность в ней Общества». Им же 12 марта чтение было продолжено, а 19 марта лекцию произнес Уполномоченный ИППО в Одессе М. И. Осипов. Последние два чтения посетил преосвященный Иустин (Охотин). Вход был бесплатный, но слушателям предлагалось опускать «доброхотные» пожертвования в кружку, раздавались воззвания и объявления ИППО [Отчет Одесского Отдела ..., 1904, с. 42—43]. 22 февраля 1897 года тот же М. И. Осипов провел первые чтения в городе Кишиневе [Там же, с. 48]. Он же положил начало чтениям в марте 1901 года в городе Елисаветграде.

В Волынском отделе ведение чтений в марте 1895 года принял на себя кафедральный протоиерей города Житомира Н. Н. Трипольский [Отчет о деятельности Волынского Отдела ..., 1895, с. 295]. В Вятском отделе чтения были открыты опять же в продолжение Великого поста 1895 года в приходских церквях епархиального центра, в зале для чтений губернского земства, а также в женском училище Кукарской слободы [Отчет Вятского Отдела ..., 1895, с. 11—12]. В Пензенском отделе чтения прошли в воскресенье на 3-й неделе Великого поста (то есть 5 марта 1895 года) в уездном училище и в Петропавловской школе города Пензы. В Калужском отделе чтения организовывались «в конце отчетного года» (вероятно, в марте 1895 года) в зале Дворянского собрания преподавателем духовной семинарии Преображенским. Рассказ велся об одной из святынь Иерусалима — «страстном пути», о деятельности ИППО и стоимости проезда из Калуги в Святую Землю [Отчет Калужского Отдела ..., 1895, с. 4]. В Оренбургском отделе чтения открылись в Вербное воскресенье 25 марта 1895 года во всех церквях Оренбурга и здании городской думы «беседами» о Св. Земле и деятельности ИППО [Деятельность ..., 1895, с. 159]. В Екатеринбурге чтения проводились 12 и 19 марта 1895 года протоиереями И. Знаменским, И. Соколовым, Г. Младовым и др. [Там же, с. 167—168].

Сведения о первых чтениях были иногда достаточно лаконичны: «В текущем Великом посте сего 1895 г. Ярославский Отдел, согласно своему журнальному постановлению от 2-го марта 1895 г. чрез своих Членов оо. Благочинных Ярославских градских церквей и оо. Настоятелей-Благочинных Соборных церквей епархии, устраивал в оных... многолюдные беседы и чтения о Св. Земле» [Отчет Ярославского Отдела ..., 1895, с. 4].

В Рязанском отделе чтения начались со второго, 1895—1896 отчетного года и велись самым его председателем преосвященным Иустином (Полянским) в форме бесед в Крестовой церкви [Отчет о состоянии и деятельности Рязанского Отдела ..., 1896, с. 4]; в Тверском — с февраля 1896 года в здании городского собрания губернского центра; во Владимирском — с ноября 1895 года (в самом Владимире, а также Шуе, Иваново-Вознесенске) [Отчет о деятельности Владимирского Отдела ..., 1896, с. 116]; в Смоленском — 28 января 1896 года в здании духовной семинарии [Деятельность ..., 1896, с. 35—36]; в Ставропольском — в конце 1895 года в здании городской Думы и «убежище» Братства св. Владимира [Там же, с. 37—38]; примерно в это же время — в Псковском отделе; в Казанском — 25 февраля 1896 года в зале 1-й мужской гимназии в форме «литературно-исторического вечера» для учащихся [Там же, с. 34].

Таким образом, в 1894 году чтения прошли лишь в двух епархиальных отделах, а в Великий пост следующего 1895 года — уже не менее чем в 9 отделах из 12, а еще через год — в 17 из 19 (в открытом 24 сентября 1895 года Донском отделе они стали организовываться спустя год, а в Якутском, как уже отмечалось, с 1898 года).

В качестве источника информации лекторами на первых чтениях использовались оказавшиеся доступными изданные ранее различными организациями и лицами материалы. Так, в Пензенском отделе это были брошюры «Русские богомольцы в святой Земле» Комиссии по устройству народных чтений, изданные в 1885 году [Чтения ..., 1895, с. 336]. Привлекались также статьи из журнала «Русский паломник». С самого начала могли демонстрироваться и туманные картины, например, в Вятском отделе — о Священной истории, «близко стоящие к чтениям». Нередко исполнялись духовные песнопения в начале, в конце чтений, а также и в перерывах. Быстрому развертыванию чтений в некоторых местах способствовало их включение в уже проводившиеся лекции и собеседования духовно-нравственного и религиозного содержания.

3.2. Эволюция представлений руководства Императорского Православного Палестинского общества о задачах епархиальных отделов и Палестинских чтений

Первоочередной задачей не только Якутского, но и других отделов изначально называлось «собираение пожертвований». (В отчете Черниговского отдела за 1895—1896 отчетный год она являлась «главной» и по сути единственной [Отчет о деятельности Черниговского Отдела ..., 1896, с. 3], а глубокое впечатление, производимое на слушателей, действительно позволило произвести значительные денежные сборы — 253 руб. 58 коп. после первого чтения в городе Чернигове). В первом годовом отчете Волынского

отдела указывалось, что главное внимание уделялось приготовлению прихажан к Вербному сбору [Отчет о деятельности Волынского Отдела ..., 1895, с. 294], в Вятском отделе — приглашению сотрудников («уполномоченных») для организации сбора пожертвований [Отчет Вятского Отдела ..., 1895, с. 9]. Но и в следующем отчете Вятского отдела (за 1895—1896 год) заявлялось, что чтения более удобны для городов, для сельской же местности полезнее заниматься распространением в народе книг о Св. Земле, особенно небольших брошюр [Отчет Вятского Отдела ..., 1896, с. 6]. В Калужском отделе приоритетом считалось «Ознакомление населения ... с целями и нуждами Палестинского общества и привлечение в состав Членов Общества новых лиц, сочувствующих целям его» [Отчет Калужского Отдела ..., 1895, с. 4] (сходные задачи назывались в Рязанском и в Одесском отделах). В Ярославском отделе в первый год его существования принимались меры «к увеличению материальных средств Общества, к распространению сведений о целях Православного Палестинского Общества и привлечению возможно большего числа членов» [Отчет Ярославского Отдела ..., 1895, с. 4]. В Пензенском отделе в момент открытия 13 мая 1894 года было заявлено о следующих его основных задачах: «1) распространять сведения о целях православного Палестинского Общества; 2) привлекать новых членов Общества; 3) принимать все дозволенные уставом Общества меры к увеличению материальных средств Общества» [По поводу ..., 1894, с. 606]. Через год в Пензенском отделе говорилось о необходимости знакомства «местного общества» со Святой Землею, но в рамках уже существующих религиозно-нравственных чтений в учебных заведениях края [Чтения ..., 1895, с. 336]. В первом отчете Тверского отдела за 1895—1896 год информация о чтениях была включена в раздел «Принятие всех дозволенных уставом общества мер к увеличению материальных средств общества» [Отчет о деятельности Тверского отдела ..., 1896, с. 111—112]. В Казанском отделе основная деятельность в первый год существования «состояла в распространении сведений об обществе путем рассылки и раздачи извещений о деятельности оного, воззваний и приглашений к пожертвованиям и к содействию новооткрытому отделу ...» [Деятельность ..., 1896, с. 33]. В первом отчете Донского отдела речь опять же шла опять исключительно о финансовых поступлениях [Отчет Донского Отдела ..., 1897, с. 198—200].

Следует отметить, что в рескриптах в. к. Сергея Александровича с предложениями об открытии епархиальных отделов не всегда обозначались предполагаемые направления их деятельности. Говорилось, например, лишь о работе над «укреплением и распространением состоящего под моим председательством Императорского Православного Палестинского Общества» (Астрахань, рескрипт от 21 декабря 1894 года) [Отчет Астраханского Отде-

ла ..., 1897, с. 1] и о том, что открытие отдела стало бы «самою существенною мерою к распространению сведений об Обществе» (Пенза, рескрипт от 8 декабря 1893 года) [Отчет о деятельности Пензенского Отдела ..., 1895, с. 111]. В пересказе «Томских епархиальных ведомостей» в. к. Сергей Александрович рескриптом на имя преосвященного от 10 ноября 1893 года, «заботясь об увеличении денежных средств Общества... выразил желание об открытии особого Отдела Общества в г. Томске» [Михайловский, 1894, с. 20].

Не прозвучало слово «чтения» или какой-либо его синоним и на общем собрании ИППО 19 декабря 1893 года. Здесь сообщалось о создании первых епархиальных отделов, говорилось о желательности роста числа членов за счет провинции «для распространения сведений о целях и деятельности нашего общества», выражена надежда, что их количество будет увеличиваться, «вселяя новую силу и бодрость в нас» [Общее собрание ..., 1894, с. 5, 7]. Почти полтора года спустя на общем собрании 30 апреля 1895 года уже указывалось, что отделы будут приносить несомненную пользу, «знакомя посредством бесед, чтений и продажи наших изданий местное население с целями и деятельностью общества», а также демонстрировать нравственную поддержку православной Руси трудам ИППО [Годовое общее, 1895, с. 132—133]. В начале 1897 года отмечалось, что «главное внимание отделов должно быть обращено не столько на привлечение новых членов и собирание денежных средств, сколько на распространение точных и верных сведений о Святой Земле» через народные чтения [Годовое общее собрание ..., 1897, с. 15].

Интересно также сравнить выступления на собраниях при открытии отделов и по итогам первого года работы. Так, в речи преосвященного Митрофана (Невского) при организации Астраханского отдела 27 марта 1896 года говорилось в основном о развитии паломничества в Св. Землю как основной задаче ИППО, заботе об «облегчении и улучшении и путешествий во Св. Землю, и участи тамошних православных, и о расширении вообще знаний о Св. Земле и живого общения с нею», местные же отделы учреждаются «для более удобного и более широкого распространения знаний о Св. Земле и ее святынях, о задачах, целях и средствах Палестинского Общества» [Речь ..., 1896, с. 347—348]. Год спустя, 6 апреля 1897 года на собрании Астраханского отдела уже отмечается, что цель ИППО — «укреплять и оживлять православно-церковную жизнь и благочестивую настроенность народа русского» через следующие средства: «распространением здравых, научных и популярных сведений о святой земле, поощрением и возможным облегчением паломничества ко святым местам Палестины, духовным и материальным воспособлением православным жителям Св. Земли...» [Отчет Астраханского Отдела ..., 1897, с. 17].

Поэтому можно сказать, что важность Палестинских чтений как основной формы культурно-просветительской работы не сразу была осознана как в региональных отделах, так и руководством ИППО. В отчете о деятельности Общества за 1902—1903 год подчеркивается, что отделы отыскивали способ распространения сведений о Св. Земле «через живое слово» к 1895 году [Деятельность ..., 1904, с. 17—18]. Наверное, это все-таки относится лишь к некоторым отделам, а в целом является преувеличением. Здесь сыграла роль и необходимость организационного этапа, когда подбирался круг сотрудников, рассылалась информация в благочиния и приходы. Следует указать и на принятие в 1895 году «Руководящих правил для действия Отделов и Уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества», и на рассылку осенью того же года Советом ИППО «отношений» с рекомендацией отделам «устраивать соответствующие беседы и чтения» [Отчет о деятельности Владимирского Отдела ..., 1896, с. 115].

В дальнейшем при открытии новых отделов вопрос о важности Палестинских чтений ставился практически сразу же. Например, уже на первом организационном заседании Архангельского отдела 28 мая 1898 года была поднята проблема организации чтений и создана для этой цели специальная комиссия. Тобольским отделом в день открытия 6 апреля 1897 года было проведено в кафедральном соборе два чтения: о значении палестинских святынь для христианина и о целях ИППО; о современном состоянии Палестины в экономическом, этнографическом и религиозном отношении, а также намечено проведение в последующий период еще 12 чтений [Городков, 1897, с. 157—158]. Подольский отдел 12 ноября 1898 года на первом же после создания заседании постановил «открыть публичные чтения о Св. Земле одновременно в 15 пунктах епархии» [Отчет о деятельности Подольского Отдела ..., 1899, с. 4]. В письме помощника председателя М. П. Степанова на имя епископа Полтавского Илариона (Юшенова) от 25 октября 1899 года с предложением об открытии отдела прямо пояснялось, что главнейшее внимание должно быть обращено на организацию Палестинских чтений, для чего сделано распоряжение об отправке в Полтаву книг, брошюр и листов соответствующего содержания [Отчет о деятельности Полтавского Отдела ..., 1900, с. 213—214]. Таврический отдел 2 апреля 1900 года, уже в день открытия, направил в Совет ИППО просьбу выслать волшебный фонарь, туманные картины и брошюры для чтений [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 7, д. 29, л. 46].

В разделе отчетов «Деятельность отдела» чтения стали выноситься на первое место. На отчете ИППО за 1897—1898 год «Против результатов, производимых Отделами публичных чтений о Св. Земле», в. к. Сергей Александрович начертал: «Надо бы такие чтения всячески поощрять» [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 3, д. 6, л. 141—141 об.]; см. также: [Отчет Черниговского Отдела ..., 1899, с. 1].

Краткая информация об основных, наиболее важных направлениях и результатах работы ИППО приводится в ежегодных всеподданнейших докладах на имя императора. О епархиальных отделах в первый раз упоминается в докладе от 31 января 1898 года, но опять же в контексте роста доходов благодаря распространению сведений о целях и задачах Общества [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 3, д. 41, л. 73]. Относительно подробная информация о Палестинских чтениях приводится впервые лишь в докладе от 8 февраля 1901 года [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 3, д. 42, л. 48]. Примечательна и резолюция Николая II на документе: «Прочел с удовольствием» [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 3, д. 42, л. 47]. Как следствие, в докладе Совета ИППО его председателю о работе в 1902—1903 отчетном году ознакомление населения с прошедшим и настоящим Св. Земли называется наиболее важной, заслуживающей особого внимания и поощрения стороной деятельности епархиальных отделов [Россия ..., 2020, с. 269], а целью в отчете за тот же год указывается «оторвать человека от житейской суеты, возбудить и укрепить его религиозное чувство» [Деятельность ..., 1904, с. 28]. Данные тезисы в том или ином виде повторялись и позднее в годовых отчетах ИППО, см., например: [Общее годовое собрание ..., 1914, с. 226]. В последний раз о деятельности епархиальных отделов сообщается императору во всеподданнейшем докладе от 21 декабря 1916 года (прочитан Николаем II 28 декабря 1916 года, наложена резолюция «Всем сердцем уповаю» напротив строк, где выражалась надежда на скорое возобновление полноценной деятельности ИППО после «полного успеха в бранном ... тяжелом подвиге, защиты родной земли») [АВПРИ, ф. 337/2, оп. 3, д. 46, л. 61].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, осознание значения Палестинских чтений, необходимости их широкого и повсеместного распространения пришло далеко не сразу. Зачастую первые опыты организации чтений на палестинскую тематику носили единичный характер и проводились без системы. Но рано или поздно возникала необходимость шире распространить этот опыт, охватить им не только губернские и уездные центры, но и сельскую местность.

Соответственно, можно выделить первый организационный этап, когда происходило осознание значимости Палестинских чтений как основной формы работы епархиальных отделов, где культурно-просветительская функция выходила на первый план. Этот этап в целом продолжался недолго: от момента создания первых отделов в 1893 году до 1895—1896 отчетного года включительно, хотя в некоторых епархиях он мог затянуться на более длительный срок. Приходило понимание того, что работа ИППО не только имеет огромное значение для укрепления позиций России и

православия в Святой Земле, но важна и для решения задач так называемой «внутренней миссии». В итоге из средства компенсировать падение поступлений от Вербного сбора Палестинские чтения становятся средством христианского просвещения православных русских людей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 337/2. Оп. 3. Д. 6, 41, 42, 46; Оп. 7. Д. 29.
2. *Годовое* общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 30 апреля 1895 года / Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (далее — Сообщения ИППО). — 1895. — Т. 6. Апрель. — С. 129—154.
3. *Годовое* общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 19 января 1897 г. // Сообщения ИППО. — 1897. — Т. 8. Февраль. — С. 1—22.
4. *Городков Н.* Открытие Тобольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества / Н. Городков // Тобольские епархиальные ведомости. — 1897. — № 8. Отдел. неофиц. — С. 153—165.
5. *Деятельность* отделов Императорского Православного Палестинского Общества за 1894—95 год // Сообщения ИППО. — 1895. — Т. 6. Апрель. — С. 154—171.
6. *Деятельность* отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1895/6 году. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киришбаума, 1896. — 49 с.
7. *Деятельность* отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1902/3 году. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киришбаума, 1904. — 104 с.
8. *Михайловский М.* Предполагаемое открытие Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества / М. Михайловский // Томские епархиальные ведомости. — 1894. — № 7. Отдел неофиц. — С. 16—22.
9. *Общее* годовое собрание Императорского Православного Палестинского Общества 20 апреля 1914 года // Сообщения ИППО. — 1914. — Т. 25, Вып. 2. — С. 209—228.
10. *Общее* собрание Императорского Православного Палестинского Общества 19 декабря 1893 г. // Сообщения ИППО. — 1894. — Т. 5. Февраль. — С. 1—29.
11. *Отчет* Астраханского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1896—97 г. (первый год его существования). — Астрахань : Тип. Н. Л. Рослякова, 1897. — 20 с.
12. *Отчет* Вятского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1894—1895 год. — Вятка : типография Маишеева, 1895. — 30 с.
13. *Отчет* Вятского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1895—1896 год. — Вятка : Тип. Маишеева, быв. Куклина и Красовского, 1896. — 28 с.
14. *Отчет* Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1896 год // Донские епархиальные ведомости. — 1897. — № 8—9. Отдел офиц. — С. 198—200.

15. *Отчет* Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 10 апреля 1894 г. по 1 апреля 1895 г. — Калуга : Тип. Калужского Губ. Правления, 1895. — 14 с.

16. *Отчет* о деятельности Владимирского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования // Владимирские епархиальные ведомости. — 1896. — № 7. Часть офиц. — С. 114—121.

17. *Отчет* о деятельности Волынского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за время с 2 января 1894 года по 1 марта 1895 года // Волынские епархиальные ведомости. — 1895. — № 14. Часть офиц. — С. 291—298.

18. *Отчет* о деятельности Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый отчетный 1894—95 г. его существования с 13 мая 1894 г. по 1 марта 1895 г. // Пензенские епархиальные ведомости. — 1895. — № 11. Отдел офиц. — С. 111—123.

19. *Отчет* о деятельности Подольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898—9 год. — Каменец-Подольск : Тип. С. П. Киржацкого, 1899. — 8 с.

20. *Отчет* о деятельности Полтавского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования с 16-го мая 1899 года по 1-е марта 1900 года // Полтавские епархиальные ведомости. — 1900. — № 14. Часть офиц. — С. 210—222.

21. *Отчет* о деятельности Тверского отдела Императорского православного Палестинского общества за первый год его существования (1894/5) // Тверские епархиальные ведомости. — 1896. — № 9. Часть офиц. — С. 105—115.

22. *Отчет* о деятельности Черниговского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования с марта месяца 1894 г. по март месяц 1895 год. — Чернигов : Тип. Губ. правления, 1895. — 7 с.

23. *Отчет* о деятельности Черниговского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за второй год его существования с марта месяца 1895 г. по март 1896 г. — Чернигов : тип. Губ. Правления, 1896. — 5 с.

24. *Отчет* о состоянии и деятельности Рязанского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1895—6-й отчетный год. — Рязань : Тип. Братства Св. Василия, 1896. — 12 с.

25. *Отчет* Одесского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1903 года по 1-е марта 1904 года. — Одесса : Славянская типография Е. Хрисогелос, 1904. — 58 с.

26. *Отчет* Черниговского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898—9 отчетный год. — Чернигов : тип. Губ. Правления, 1899. — 10 с.

27. *Отчет* Ярославского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1894-й г. (Первый год его существования). — Ярославль : Типо-литография Губ. Земской Управы, 1895. — 14 с.

28. *По поводу открытия* Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Пензенские епархиальные ведомости. — 1894. — № 13. Отдел неофиц. — С. 598—607.

29. *Речь*, сказанная Его Преосвященством, Преосвященнейшим Митрофаном, Епископом Астраханским и Енотаевским пред молебствием по случаю открытия в Астрахани местного Отдела Императорского, Православного Палестинского Общества, 27 Марта 1896 г. // Астраханские епархиальные ведомости. — 1896. — № 8. Отдел неофиц. — С. 343—348.

30. *Россия в Святой Земле: документы и материалы* : в 3 т. — Москва : Индрик, 2020. — Т. 3, Ч. 1. — 744 с.

31. *Устав Императорского Православного Палестинского общества* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://jerusalem-ippo.org/arhiv/dok/ustav/> (дата обращения: 12.12.2022).

32. *Чтения в г. Пензе о Св. Земле и о Палестинском Обществе* // Пензенские епархиальные ведомости. — 1895. — № 9. Часть неофиц. — С. 335—339.

33. *Якутские епархиальные ведомости*. — Якутск, 1893. — № 15. Отдел офиц. — С. 225—240.

34. *Якутские епархиальные ведомости*. — Якутск, 1894. — № 20. Отдел офиц. — С. 305—320.

35. *Якутский отдел (первый по времени открытия) Императорского Православного Палестинского Общества*. — Якутск : б. и., 1899. — 14 с.

Литература

1. *Апанасенок А. В.* Палестинские чтения в духовной жизни российской деревни начала XX века / А. В. Апанасенок // Вестник государственного и муниципального управления. — 2020. — Т. 9, № 4. — С. 94—102. — DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-4-94-102.

2. *Валитов А. А.* Визуализации Святой Земли на палестинских чтениях в конце XIX — начале XX века / А. А. Валитов // Визуальные образы современной культуры: идеалы и идеологии (к 25-летию теологического образования в г. Омске) : сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции, (Омск, 27 сентября — 9 октября 2019 г.). — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. — С. 77—80.

3. *Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в.* : коллективная монография. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 776 с. — ISBN: 978-5-4469-1876-8.

4. *Грушевой А.* Императорское Православное Палестинское Общество в кризисные годы : 1905—1910 / А. Грушевой // Иерусалимский православный семинар. — Москва : Индрик, 2018. — Вып. 8 — С. 108—122.

5. *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907 гг.) / А. А. Дмитриевский. — Москва : Императорское Православное Палестинское общество; Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2008. — 448 с. — ISBN: 978-5-903525-27-0.

6. *Котомина А. А.* Археология интермедальности: публичные народные чтения с «Волшебным фонарем» в России в 1872—1915 гг. / А. А. Котомина // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2016. — Т. 1, № 4. — С. 16—36.

7. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. / Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2006. — 512 с.

8. *Нечаева М. Ю.* Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции / М. Ю. Нечаева, В. П. Микитюк. — Москва : Индрик, 2014. — 384 с. — ISBN 978-5-91674-314-2.

9. *Потехина Д. К.* Организация Оренбургским отделом Палестинского общества массовых духовно-нравственных чтений в середине 1890-х — 1917 гг. / Д. К. Потехина // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартского государственного университета, Нижневартовск, НВГУ, 5—6 апреля 2022 г. — Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2022. — С. 230—236.

10. Потехина Д. К. Проведение Палестинских чтений в Харьковской епархии в 1904—1917 гг. / Д. К. Потехина // Россия и мир: история и современность: X Всероссийская (с международным участием) конференция студентов и молодых ученых, (Сургут, 22 апреля 2022 г.). — Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2022. — С. 22—24.
11. Пумпян Г. З. Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского Общества (1881—2007) / Г. З. Пумпян // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества, 1881—2007. — Санкт-Петербург : Альфарет, 2009. — С. 360—438. — ISBN 978-5-90-28-82-59-6.
12. Сулова Е. Д. Палестинские чтения на северо-западной полиэтнической окраине Российской империи в политике государства и церкви в конце 1890 — начале 1910-х гг. / Е. Д. Сулова // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 499—510. — DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-499-510.
13. Тихон (Затекин), архим. История создания и деятельности Нижегородского отдела Императорского Православного Палестинского общества / Тихон (Затекин), архим // Нижегородская старина. — 2017. — Вып. 51—52. — С. 118—143.
14. Цысь В. В. Культурно-просветительская работа сибирских и дальневосточных отделов Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX — начале XX вв. / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Христианское чтение. — 2022. — № 2. — С. 227—245. — DOI: 10.47132/1814-5574_2022_2_227.
15. Цысь В. В. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности / В. В. Цысь, О. П. Цысь. — Нижневартовск : изд-во НВГУ, 2014. — 247 с.
16. Чернышова Н. К. Императорское Православное Палестинское общество : издательская и культурно-просветительская деятельность сибирских отделов / Н. К. Чернышова // Традиции и современность. — 2002. — № 1. — С. 77—85.
17. Шушканова Е. А. История Императорского Православного Палестинского Общества в Енисейской губернии (1898—1917 гг.) / Е. А. Шушканова // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков : материалы XVIII Международной научной конференции. — Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2019. — С. 190—195.
18. *To the Issue of the Establishment and Activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Some Cultural, Organizational and Geopolitical Aspects* / L. V. Shkvarya., I. A. Aidrus, R. R. Asmyatullin, S. G. Glavina // *Bylye Gody*. — 2022. — 17 (2). — P. 695—702. — DOI: 10.13187/bg.2022.2.695.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023,
одобрена после рецензирования 10.05.2023,
подготовлена к публикации 24.05.2023.

Material resources

- Activity of departments of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1894—95. (1895). *Communications of the IOPS*, 6. April: 154—171. (In Russ.).
- Activity of departments of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1895/6. (1896). St. Petersburg: Type. V. Kirshbaum. 49 p. (In Russ.).
- Activity of departments of the Imperial Orthodox Palestinian Society in 1902/3. (1904). St. Petersburg: Type. V. Kirshbaum. 104 p. (In Russ.).
- Annual general meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on April 30, 1895. (1895). *Communications of the Imperial Orthodox Palestine Society*, 6. April: 129—154. (In Russ.).

- Annual general meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on January 19, 1897. (1897). *Communications of the IOPS, 8. February*: 1—22. (In Russ.).
- AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. (In Russ.).
- Charter of the Imperial Orthodox Palestinian Society*. Available at: <http://jerusalem-ippo.org/arhiv/dok/ustav/> (accessed 12.12.2022). (In Russ.).
- General annual meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on April 20, 1914. (1914). *Communications of the IOPS, 25(2)*: 209—228. (In Russ.).
- General meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on December 19, 1893. (1894). *Communications of the IOPS, 5. February*: 1—29. (In Russ.).
- Gorodkov, N. (1897). Opening of the Tobolsk Department of the Imperial Orthodox Palestine Society. *Tobolsk Diocesan Gazette, 8. Department. Unofficial*: 153—165. (In Russ.).
- Mikhailovsky, M. (1894). Proposed opening of the Tomsk Department of the Imperial Orthodox Palestine Society. *Tomsk Diocesan Gazette, 7. Department of unofficial*: 16—22. (In Russ.).
- Readings in Penza about the Holy Land and the Palestinian Society. (1895). *Penza Diocesan Gazette, 9. Part of the unofficial*: 335—339. (In Russ.).
- Regarding the opening of the Penza Department of the Imperial Orthodox Palestine Society. (1894). *Penza Diocesan Gazette, 13. Department of unofficial*: 598—607. (In Russ.).
- Report of the Astrakhan Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1896/97* (1897). Astrakhan: Type. N. L. Roslyakova. 20 p. (In Russ.).
- Report of the Chernigov Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the 1898/9 accounting year*. (1899). Chernihiv: type. lips. Board. 10 p. (In Russ.).
- Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1896*. (1897). *Don Diocesan Gazette, 8—9. Office department*: 198—200. (In Russ.).
- Report of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society from April 10, 1894 to April 1, 1895*. (1895). Kaluga: Type. Kaluga Lip. Board. 14 p. (In Russ.).
- Report of the Odessa Department of the Imperial Orthodox Palestine Society from March 1, 1903 to March 1, 1904*. (1904). Odessa: Slavic printing house E. Chrysogelos. 58 p. (In Russ.).
- Report of the Vyatka Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1894—1895*. (1895). Vyatka: printing house of Maishev. 30 p. (In Russ.).
- Report of the Vyatka Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1895—1896*. (1896). Vyatka: Type. Maisheeva, former Kuklin and Krasovsky. 28 p. (In Russ.).
- Report of the Yaroslavl Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1894*. (1895). Yaroslavl: Typo-lithography of the Lips. Zemstvo Administration. 14 p. (In Russ.).
- Report on the activities of the Chernigov Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the first year of its existence from March 1894 to March 1895*. (1895). Chernigov: Type. lips. Board. 7 p. (In Russ.).
- Report on the activities of the Chernigov Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the second year of its existence from March 1895 to March 1896*. (1896). Chernigov: type. lips. Board. 5 p. (In Russ.).
- Report on the activities of the Penza Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the first reporting year 1894/95 of its existence from May 13, 1894 to March 1, 1895*. (1895). *Penza Diocesan Gazette, 11. Department of official*: 111—123. (In Russ.).
- Report on the activities of the Podolsk Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1898/9*. (1899). Kamenetz-Podolsk: Type. S. P. Kirzhatsky. 8 p. (In Russ.).
- Report on the activities of the Poltava Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the first year of its existence from May 16, 1899 to March 1, 1900*. (1900). *Pol-tava Diocesan Gazette, 14. Part of the official*: 210—222. (In Russ.).

- Report on the activities of the Tver Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the first year of its existence (1894/5). (1896). *Tver Eparchial Gazette*, 9. Part of the official: 105—115. (In Russ.).
- Report on the activities of the Vladimir Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the first year of its existence. (1896). *Vladimir Diocesan Gazette*, 7. Part of the official: 114—121. (In Russ.).
- Report on the activities of the Volyn Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the period from January 2, 1894 to March 1, 1895. (1895). *Volyn Diocesan Gazette*, 14. Part of the official: 291—298. (In Russ.).
- Report on the status and activities of the Ryazan Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the 1895/6th reporting year. (1896). Ryazan: Type. Brotherhood of St. Basil. 12 p. (In Russ.).
- Russia in the Holy Land: documents and materials*, 3 (1). (2020). Moscow: Indrik 744 p. (In Russ.).
- Speech delivered by His Eminence, His Grace Mitrofan, Bishop of Astrakhan and Enotaevsky before the prayer service on the occasion of the opening in Astrakhan of the local Department of the Imperial, Orthodox Palestine Society, March 27, 1896. (1896). *Astrakhan Diocesan Gazette*, 8. Department of unofficial: 343—348. (In Russ.).
- The Yakut department (the first in terms of opening time) of the Imperial Orthodox Palestine Society*. (1899). Yakutsk. 14 p. (In Russ.).
- Yakut Diocesan Gazette*, 15. Department of official. (1893). Yakutsk. 225—240. (In Russ.).
- Yakut Diocesan Gazette*, 20. Department of official. (1894). Yakutsk. 305—320. (In Russ.).

References

- Apanasenok, A. V. (2020). Palestinian readings in the spiritual life of the Russian village at the beginning of the 20th century. *Bulletin of State and Municipal Administration*, 9 (4): 94—102. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-4-94-102. (In Russ.).
- Chernyshova, N. K. (2002). The Imperial Orthodox Palestinian Society: publishing and cultural and educational activities of the Siberian departments. *Traditions and Modernity*, 1: 77—85. (In Russ.).
- Dmitrievsky, A. A. (2008). *The Imperial Orthodox Palestinian Society and its activities over the past quarter of a century (1882—1907)*. Moscow: Imperial Orthodox Palestinian Society; St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. 448 p. ISBN: 978-5-903525-27-0. (In Russ.).
- Grusheva, A. (2018). The Imperial Orthodox Palestinian Society in the Crisis Years: 1905—1910 / A. Grusheva. In: *Jerusalem Orthodox Seminar*, 8. Moscow: Indrik. 108—122. (In Russ.).
- Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th — Early 21st Centuries: collective monograph*. (2021). St. Petersburg: Nestor-History. 776 p. ISBN: 978-5-4469-1876-8. (In Russ.).
- Kotomina, A. A. (2016). Archeology of Intermediality: Public Readings with the Magic Lantern in Russia in 1872—1915. *Practices and interpretations: a journal of philological, educational and cultural studies*, 1 (4): 16—36. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2006.). *Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th — early 20th centuries*. Moscow: Indrik. 512 p. (In Russ.).
- Nechaeva, M. Yu., Mikityuk, V. P. (2014). *The Imperial Orthodox Palestinian Society in the cultural environment of the Russian province*. Moscow: Indrik. 384 p. ISBN 978-5-91674-314-2. (In Russ.).

- Potekhina, D. K. (2022). Conducting Palestinian readings in the Kharkiv diocese in 1904—1917. In: *Russia and the world: history and modernity: X All-Russian (with international participation) conference of students and young scientists, (Surgut, April 22, 2022)*. Surgut: Surgut State Pedagogical University. 22—24. (In Russ.).
- Potekhina, D. K. (2022). Organization of Mass Spiritual and Moral Readings by the Orenburg Department of the Palestinian Society in the Mid-1890s — 1917. In: *XXIV All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, NVGU, April 5—6, 2022*. Nizhnevartovsk: Publishing House of NVGU. 230—236. (In Russ.).
- Pumpyan, G. Z. (2009). Publishing activities and publications of the Imperial Orthodox Palestinian Society (1881—2007). In: *Index of the works of the Imperial Orthodox Palestinian Society, 1881—2007*. St. Petersburg: Alfaret. 360—438. ISBN 978-5-90-28-82-59-6. (In Russ.).
- Shkvarya, L. V., Aidrus, I. A., Asmyatullin, R. R., Glavina, S. G. (2022). To the Issue of the Establishment and Activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Some Cultural, Organizational and Geopolitical Aspects. *Bylye Gody*, 17 (2): 695—702. DOI: 10.13187/bg.2022.2.695.
- Shushkanova, E. A. (2019). History of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the Yenisei province (1898—1917). In: *State, society, church in the history of Russia in the XX—XXI centuries: materials of the XVIII International Scientific Conference*. Ivanovo: Ivanovo state. un-t. 190—195. (In Russ.).
- Suslova, E. D. (2022). Palestine readings in the northwestern polyethnic outskirts of the Russian Empire in the policy of the state and the church in the late 1890s — early 1910s. *Yearbook of Finno-Ugric studies*, 16 (3): 499—510. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-499-510. (In Russ.).
- Tikhon (Zatekin), archim. (2017). The history of the creation and activities of the Nizhny Novgorod Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society. *Nizhny Novgorod antiquity*, 51—52: 118—143. (In Russ.).
- Tsys, V. V., Tsys, O. P. (2014). *Departments of the Imperial Orthodox Palestinian Society in Western Siberia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries: main directions, content and results of activity*. Nizhnevartovsk: publishing house of NVGU. 247 p. (In Russ.).
- Tsys, V. V., Tsys, O. P. (2022). Cultural and educational work of the Siberian and Far Eastern departments of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the late XIX — early XX centuries. *Christian reading*, 2: 227—245. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_2_227. (In Russ.).
- Valitov, A. A. (2020). Visualizations of the Holy Land at Palestinian readings in the late 19th — early 20th century. In: *Visual images of modern culture: ideals and ideologies: collection of scientific articles Based on the materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, (Omsk, September 27 — October 9, 2019)*. Omsk: Om Publishing House. state un-ta. 77—80. (In Russ.).

*The article was submitted 30.03.2023;
approved after reviewing 10.05.2023;
accepted for publication 24.05.2023.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, л. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Bespalova, D. S., Gribacheva, N. V., Surovtseva, S. I.</i> Cognitive Operations in Process of Secondary Text Production in Fanfiction Genre	9
<i>Volkova, Y. A., Korzin, A. S., Uryupina, A. D.</i> Translation of Modal Verbs in Media Texts : Corpus-Based Approach.....	27
<i>Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Prirodina, U. P.</i> Semantic and Pragmatic Characteristics of Pharmacy Ergonyms in Sweden and Great Britain.....	49
<i>Ezaova, M. Yu., Shugusheva, Ju. Kh., Ashkhotova, F. M.</i> Colour Name ‘Shkhue’ in Adyge Linguistic Culture: Etymology, Internal Form, Semantics.....	66
<i>Kozhemyakina, V. A.</i> Peculiarities of Linguistic Situation of Multinational Guiana	85
<i>Kolomiets, S. V., Shot, Yu. S.</i> Valid Toolkit for Assessing Cognitive Functions and Speech Status of Children with Various Pathologies	106
<i>Kondrashkina, E. A.</i> Formation of Ethnic Identity of Mari People in Absence of Single Mari Literary Language.....	130
<i>Magomedova, P. A.</i> Experience of Semantic-Cognitive Modeling of Religious Worldview in Languages of Different Structure (HARAM Concept).....	150
<i>Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Timofeeva, Yu. A.</i> Sounds of Nature and Sound of Speech in Associative Mechanisms of Phrase Formation	183

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Boltuts, O. A.</i> Media Communication Potential of Guidebooks in Black Sea Province.....	203
<i>Gavrikova, E. O., Kaiser-Danilova, N. V.</i> Cultural Stereotypes and Their Reflection in Transnational Advertising.....	221
<i>Selemeneva, O. A.</i> Language Suggestion in Online Advertising of Figure Skating Ice Shows	244
<i>Tokarev, G. V.</i> Specifics of Brand as Linguocultural Unit (Tula Text of Culture).	261

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Gorbovskeya, S. G.</i> Three Fundamental Principles of Image of Heavenly Rose in “Divine Comedy” by Dante Alighieri.....	280
<i>Ilchenko, N. M., Marinina, Yu. A.</i> “Devil in Love” by J. Cazotte and “Elemental Spirit” by E. T. A. Hoffmann: Symbolic and Psychological Interpretation of Motive of Temptation	298
<i>Kachorovskaya, A. E.</i> Symbolism of Classical Color Triad in Siegfried Lipiner’s Poem “Freed Prometheus”.....	313

Krichevsky, G. A. Epistolary Short Story by M. A. Kuzmina 1907: Demonological Narrative, Libertine Transgression, or Stylization of Adventures in Spirit of Henri de Regnier ..330

HISTORY

Abazov, Kh. A., Berbekova, M. Kh., Dyshekov, M. V. Rural Public Cash Desks in System of Financial Relations of Nalchik District in Last Third of 19th — Early 20th Century	352
Anisimov O. V. Generals against Carbonari: Count Konstantin Benckendorff's View of 1820 Naples Revolution	366
Bespalova, K. A., Ivshin, V. S. Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in 1870s—1880s	381
Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. Peasants in Revolutionary Events of Early 20 th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles	402
Ganiev, R. T., Khamzin, I. R. Turkic-Chinese Relations in East and Central Asia in VI—VIII Centuries	418
Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. Evolution of Social Behavior of Rural Society of Central Chernozem Region in XVII—XVIII Centuries	432
Lidzhieva, I. V. Small Credit Institutions in Nomadic Societies of Stavropol Governorate in 19 th — Early 20 th Centuries	451
Suslova, L. N., Aksenova, V. A. Tobolsk and Irbit Fair in 18 th Century	467
Tukhvatullin, R. R., Kudashev, U. N. Ethiopian-Somali Conflict 1977—1978: According to US Central Intelligence Agency	488
Tsys, V. V., Tsys, O. P. Palestinian Readings as a Form of Educational Work of Imperial Orthodox Palestinian Society at Turn of 19 th —20 th Centuries	509
TO AUTHORS	527

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Научный диалог

Том 12, выпуск 4, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 4, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 26.05.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,26. Тираж 500 экз. Заказ 26/05-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена

